Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук

На правах рукописи

Дмитриев Андрей Петрович

Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА 1850—1880-х ГОДОВ

Специальность 10.01.01 русская литература

Диссертация
на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Том 1

Санкт-Петербург
2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

Том 1

Введение……7

Часть I. Жизнь и служение Н. П. Гилярова-Платонова. Очерк научной биографии……..……36

1.1. Школа религиозного самовоспитания (1824—1844)……36

1.2. Обучение и педагогическая деятельность у Троицы в Академии (1844—1855)……..……46

1.3. Н. П. Гиляров-Платонов и святитель Филарет: мировоззренческие и психологические корни конфликта (1855)……..58

1.4. Автор и цензор журнала «Русская Беседа» (1856—1860)……..78

1.5. Цензорская и общественная деятельность на рубеже 1850—1860-х гг. ……..90

1.6. Цензор и автор газеты И. С. Аксакова «День» (1861—1865)……110

1.7. Управляющий Московской Синодальной типографией (1863—1868)……147

1.8. Издатель-редактор ежедневной газеты «Современные Известия» (1867—1887)……157

1.9. Последние замыслы. Проект православной энциклопедии. Н. П. Гиляров-Платонов как лингвист и историк Русской церкви…....186

1.10. План аренды «Московских Ведомостей». Кончина и погребение (август — октябрь 1887 г.)……200

Глава II. Н. П. Гиляров-Платонов как публицист и русская журналистика его времени…….....211

2.1. Н. П. Гиляров-Платонов и М. Н. Катков: публицисты-антиподы в полосе взаимного тяготения……..211

2.2. Н. П. Гиляров-Платонов versus И.-К. Блюнчли: «русская идея» в воззрениях на общество в оценке «либерального консерватора» (1859—1862)……228

2.3. Н. П. Гиляров-Платонов, И. С. Аксаков и М. Н. Катков: 50-летие служения святителя Филарета, его кончина и 100-летний юбилей в оценках «триумвирата» московских консерваторов (1867—1882)…248
2.4. Н. П. Гиляров-Платонов, И. С. Аксаков, Н. С. Лесков и др.: преодоление «вероисповедной ксенофобии» по отношению к старообрядчеству (1860—1880-е)…….270
2.5. Пастырское богословие в публицистике Н. П. Гилярова-Платонова (1860—1880-е)……284
2.6. Н. П. Гиляров-Платонов о проблеме цензуры и свободы слова (1860—1880-е)……293
2.7. Н. П. Гиляров-Платонов о судьбах кирилло-мефодиевского наследия и всеславянского единства. Полемика с Вл. С. Соловьевым (1885)… 299
2.8. Н. П. Гиляров-Платонов и К. П. Победоносцев: церковно-общественные вопросы в газетной и эпистолярной полемике (1860—1880-е гг.)……..……..314
2.9. Н. П. Гиляров-Платонов и Т. И. Филиппов: нравственно-практические мотивировки журналистских убеждений (1872, 1882—1887)……334
ГЛАВА III. Н. П. Гиляров-Платонов как мемуарист и литературный критик. Творческие диалоги с современниками……..350
3.1. Ранняя беллетристика, семинарские опыты и дневниковая проза: становление речевой личности христианина (1830—1840-е)……..350
3.2. «Автобиографические воспоминания» «Из пережитого» (1884—1887): жанр, композиция, творческая история, прижизненная критика……...376
3.3. Н. П. Гиляров-Платонов и С. Т. Аксаков: к истории знакомства и взаимоотношений (1852—1859)……...432
3.4. Н. П. Гиляров-Платонов и спиритизм. Из истории трактата К. С. Аксакова «О так называемом чудесном, или сверхъестественном» и его Всеподданнейшей записки «О внутреннем состоянии России» (1853—1856, 1884)……452

3.5. Н. П. Гиляров и И. С. Аксаков: сотрудничество на фоне психологической дисгармонии (1853—1886)……476
3.6. И. С. Аксаков в литературная критике и мемуарной прозе Н. П. Гилярова-Платонова (1877, 1886)……..484
3.7. Н. П. Гиляров-Платонов и А. С. Хомяков: случаи разногласия в общении единомышленников (1853—1860)…….....504
3.8. Н. П. Гиляров-Платонов и Ю. Ф. Самарин в работе над изданием богословского наследия А. С. Хомякова (1860—1867)…….518
3.9. Н. П. Гиляров-Платонов — критик педагогических идей Л. Н. Толстого (1862, 1884)……..……531
3.10. Н. П. Гиляров-Платонов об А. Н. Островском и русском театре как «пособнике христианской нравственности» (1867—1886)……...552
3.11. Н. П. Гиляров-Платонов и Н. С. Лесков: полемическое противостояние и моменты единомыслия в церковно-общественных вопросах (1869—1885)……...…559
3.12. Н. П. Гиляров-Платонов и И. С. Аксаков о Ф. М. Достоевском: расхождения, несогласия, совпадения (1880—1886)……568
3.13. Н. П. Гиляров-Платонов и И. Ф. Романов-Рцы: история переписки с учеником и ее публикации (1884—1904)…….……579
3.14. К. П. Победоносцев и князь Н. В. Шаховской в работе над изданием сочинений Н. П. Гилярова-Платонова (1887—1906)……...602
ЗАКЛЮЧЕНИЕ…….....613
Список сокращений……..625
Список литературы……629

ТОМ 2: ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЯ……4
Приложение 1. Переписка Н. П. Гилярова-Платонова с князем Н. В. Шаховским (1885—1887)……...4

Приложение 2. Записная книжка князя Н. В. Шаховского «Матерьялы для биографии Н. П. Гилярова-Платонова. 1893 год»……70

Приложение 3. Судьба наследия Н. П. Гилярова-Платонова в неизданной переписке его учеников и почитателей (1885—1906)……...140

3.1. Переписка А. М. Гальперсон и князя Н. В. Шаховского (1885—1902)……..……..140

3.2. Письма С. К. Эфрона к А. М. Гальперсон (1887—1889)…….……226

3.3. Переписка Д. Н. Шубинского с супругами А. М. и С. И. Гальперсон (1887—1888)……241

3.4. Переписка супругов А. М. и С. И. Гальперсон с А. И. Елишевым и его братом (1887)……..…….248

3.5. Письма Рцы (И. Ф. Романова) к П. И. Бартеневу (1887)……252

3.6. Из переписки А. М. Гальперсон с Рцы (И. Ф. Романовым), С. Ф. Шараповым, Е. Л. Кочетовым и В. Г. Сенатовым (1888—1889)…….…….265

3.7. Из переписки И. В. Павлова и П. И. Бартенева с князем Н. В. Шаховским (1893)……284

3.8. Из переписки протоиерея Ф. И. Варницкого с князем Н. В. Шаховским (1893)……301

3.9. Переписка князя Н. В. Шаховского с П. А. Кулишом (1893—1894)…….307

3.10. Переписка князя Н. В. Шаховского с П. А. Бессоновым и П. А. Кулишом (1893—1894)…….321

3.11. Из переписки князя Н. В. Шаховского с И. Н. Корсунским (1893—1894)……..337

3.12. Из переписки князя Н. В. Шаховского с Л. Н. Майковым, митрополитом Михаилом (Йовановичем), А. Ф. Морокиным, Н. И. Позняковым, Рцы (И. Ф. Романовым), Д. Ф. Самариным, М. С. Сковронской, Н. И. Стороженко, А. А. Чумиковым и князем Л. В. Шаховским (1893—1896)……345

3.13. Из переписки князя Н. В. Шаховского с О. Г. Аксаковой (1893—1898)……..363
3.14. Переписка князя Н. В. Шаховского с братьями А. А., Н. Н. и А. Н. Гиляровыми (1893—1897)…….366
3.15. Переписка князя Н. В. Шаховского с К. П. Победоносцевым (1893—1906)…….....388
3.16. Письма Ф. А. Гилярова к князю Н. В. Шаховскому (1893—1894)…….465
3.17. Письмо Н. А. Сергиевского к К. П. Победоносцеву (1893)…….492
3.18. Из переписки А. М. Гальперсон с В. А. Гиляровой- Платоновой, К. П. Победоносцевым и С. Ф. Шараповым (1896—1898)…….493
3.19. Письмо С И. Гальперсона к А. Н. Гилярову (1897)……501
3.20. Письма В. З. Завитневича к князю Н. В. Шаховскому (1898)……502

Введение

Важной задачей филологической науки является восстановление адекватной картины литературной жизни, в том числе XIX столетия, — полномасштабной и во всех ее составляющих — и, в частности, изучение фигур, по разным причинам забытых или затененных их знаменитыми современниками, однако вместе с классиками образующих массив живого литературного процесса. К числу таких деятелей, заметных в русской литературе и общественной жизни 1850—1880-х гг., в период мощных интеллектуальных сдвигов в нашей культуре, относится Никита Петрович Гиляров-Платонов[*] (1824—1887) — фигура выдающаяся и вместе с тем полузабытая. Его творчеству был присущ необычайно широкий охват, в его щедро одаренной натуре видится нечто, — не побоимся этого сравнения, — возрожденческое: он литератор и мемуарист, чьи произведения своей художественно-образной выразительностью и стилистическими достоинствами не уступают подчас творениям писателей первого ряда; журналист, автор многочисленных статей по политическим, общественно-церковным, педагогическим и юридическим вопросам; историк философии и литературный критик, филолог-языковед и богослов (причем весьма разносторонний — и исследователь старообрядчества, и экзегет, и церковный историк, и специалист по литургике, пастырскому и сравнительному богословию, и религиозный публицист), и, наконец, экономист и социолог. В. В. Розанов писал о нем в 1899 г.: «…глубокий мыслитель, которого Россия не умела заметить у себя <…> философ и вместе поэт, аналитик и вместе синтетик русского духа, русской стихии».[1] Один из учеников Гилярова, публицист и прозаик И. Ф. Романов-Рцы, называл его «гением-энциклопедистом».[2]

---

[*] В дальнейшем фамилия Гилярова-Платонова будет указываться усеченно — так, как было принято в XIX в. вне официальных рамок, — без второй, «почетной», части «Платонов», которой писатель удостоился в 1846 г., обучаясь в Московской духовной академии, как стипендиат митрополита Платона (Левшина).

[1] *Розанов В. В.* Полн. собр. соч.: В 35 т. — СПб.: Росток, 2014. — Т. 1. — С. 562.

[2] *Рцы.* Памяти Н. П. Гилярова-Платонова // *РД*. 1887. 7 нояб. № 15. С. 3.

Вместе с тем Гиляров явился и незаурядным деятелем культуры и ее хранителем на разных своих жизненных поприщах: как один из самых ярких преподавателей Московской духовной академии (1848—1855), как активный участник литературно-общественного процесса второй половины 1850-х — 1880-х гг., как либеральный цензор в начале царствования Александра II, входивший в тесный кружок московских славянофилов, и — затем — управляющий Московской Синодальной типографией (1863—1868), наконец, как автор славянофильских изданий и бессменный в течение двадцати лет редактор ежедневной московской газеты «Современные известия» (1867—1887), ориентированной на широкие разночинные слои, в пореформенный период пробуждавшиеся к общественной жизни, земской деятельности, к участию в городском самоуправлении. Литератор и историк П. А. Кулиш, в 1856—1857 гг. предпринявший 6-томное издание «Сочинений и писем Н. В. Гоголя», проходившее цензуру у Гилярова, писал ему: «Прежде всего скажу, что Вы удивительный человек и что <...> такие люди существуют только у *Плутарха* <...>».[1]

И наряду с этим все хорошо знавшие Гилярова с горечью говорили о его разбросанности, недовоплощенности его творческих замыслов, об отсутствии воли к реализации богатого потенциала. Так, И. С. Аксаков, ближайший из единомышленников Гилярова, говорил (в беседе с Н. П. Аксаковым) о своеобразии его натуры: «Это — человек в высшей степени замечательный <…>. Мы все всегда высоко ценили и глубоко уважали его. Это — своего рода машина, в которой стоит только нажать соответствующий винтик, чтобы вдруг посыпалась, как фейерверк, целая масса смелых, свежих, новых, характерных и глубоко продуманных мыслей. <…> Но он сам не знает, где именно нажать самого себя. Он зачастую недостаточно ценит и уважает самого себя и уже, конечно, не приносит и сотой доли той пользы, которую мог бы приносить».[2] М. П. Погодин в свое вре-

[1] Цит. по: *Шаховской Н.* Памяти П. А. Кулиша // *РО.* 1897. Т. 44, март. С. 195. Имеется в виду деятельное участие Г.-П. в текстологической подготовке неизданных гоголевских сочинений и в их научном редактировании, предпринятое им по собственному почину.

[2] *Аксаков Н.* Воспоминание о Н. П. Гилярове-Платонове // Русский Курьер. 1887. 19 окт. № 288. С. 1. В источнике: «…пожать самого себя…»

мя (в недатированной записке) по этому поводу писал Гилярову: «Не пять, не десять талантов дал Вам Бог, а двадцать, тридцать и даже более. Вы не знаете себе цены, что и хорошо, только в некотором смысле, а не вообще».[1]

Однако ни заслуги писателя перед отечественной культурой, ни высокие оценки его личности современниками — от М. П. Погодина и А. С. Хомякова до В. В. Розанова — не спасли Гилярова от полного забвения в советское время. Его труды не переиздавались, упоминания о нем и ссылки на его сочинения носили случайный характер.

Несмотря на общепризнанную ценность трудов Гилярова, они в течение последнего столетия практически не переиздавались, упоминания о нем и ссылки на его сочинения обычно носили случайный характер, и то, как правило, исключительно в связи с изучением славянофильства.

И действительно, важный период в творческом развитии Гилярова, ознаменовавшийся девятью программными работами по эстетике, методологии истории, литературной критике, философии, был связан со славянофильской «Русской Беседой». Авторитет Гилярова как богослова и, кроме того, основательного знатока Гегеля был непререкаем в славянофильском кругу. Он позже вспоминал: «...Хомяков, Константин Аксаков подвергали моей предварительной критике свои сочинения <...>».[2] Однако он же и вполне сознавал свою особость, несовпадение своих взглядов по многим вопросам — как религиозно-философским, так и общественно-практическим — с представлениями славянофилов. «Я один, я не человек кружка. Вот мое несчастие»,[3] — признавался он Романову-Рцы в том же письме от 2 ноября 1886 г. И днем позже: «Начну с того опять, что я не ***славяно****фил*. Подчеркиваю первые три слога двойною чертой. Не славянофил в том смысле, как писал Вам, что *лингвистической* народности не признаю. <...> Говоря “Славянская держава”, как бы предполагают нечто высшее и, во всяком случае, более обширное и общее, нежели Русская держава; как будто Русь

---

[1] Материалы для биографии Н. П. Гилярова-Платонова // *РО*. 1896. Т. 42, дек. С. 994—995.

[2] *Письма к Рцы*. С. 256 (письмо к И. Ф. Романову-Рцы от 3 ноября 1886 г.).

[3] Там же. С. 248.

(народ) и Россия (государство) суть часть какого-то более обширного и более высокого целого. Ведь это вздор <...>: Русская держава и русский народ суть русские и не более того; им принадлежат мировое значение и мировое будущее, не славянам, хотя они и порываются кичиться чем-то».[1] Причем это мировое значение и будущее Гиляров связывал с православием, очищенным, правда, от недолжных исторических напластований и влияний.

Все это подтверждается его многочисленными передовыми статьями на темы дипломатии и внешней политики. О том же писал цензор С. И. Уманец, мальчиком с 1874 г. живший с братом в доме Гилярова, своего опекуна, и постоянно слышавший его беседы и споры с гостями: «В славянофильстве Н<икита> П<етрович> стоял, как мне казалось, несколько особняком, не относясь с тем безусловным отрицанием к западной культуре, как это замечалось в воззрениях завзятых славянофилов формации А. С. Хомякова, Константина Аксакова и Киреевского. Н<икита> П<етрович> был слишком умен, чтобы быть фанатически узким патриотом, *не желающим* видеть ровно ничего хорошего, полезного и симпатичного на “гнилом” Западе: он смотрел на “национальную идею” гораздо шире и не ставил себе идеалом упорное удаление от европейской жизни, чтобы забиться в свою скорлупу, возведя между Россией и остальным миром, если не действительно, то нравственно, китайскую стену».[2]

К тому же Гиляров — при всей его любви к Москве — пожалуй, самый *петербургский* писатель из славянофильского кружка, — если иметь в виду его изысканный литературный слог и утонченную умственную культуру. Хотя он и жил в основном в Москве, но, как и все выдающиеся русские писатели XIX столетия, тысячью нитей был связан с городом на Неве: неоднократно в нем бывал, здесь жили его близкие друзья, видные государственные и общественно-церковные деятели граф Д. Н. Блудов и его дочь Антонина Дмитриевна, К. П. Победоносцев, Т. И. Филиппов и др., с которыми он состоял в переписке. Гилярову было суждено умереть в Петербурге — в гостинице, находившейся

[1] Там же. С. 257.

[2] *Уманец С.* Кое-что из воспоминаний о Никите Петровиче Гилярове-Платонове // *РО.* 1897. Т. 47, окт. С. 856.

близ арки Главного штаба. Ныне практически весь его обширный архив находится в Петербурге — в фонде князя Н. В. Шаховского (№ 847) в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки и в фонде Н. П. Гилярова-Платонова (№ 71) в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук.

Для славянофилов он оказался совершенно необходимым деятелем, обеспечивавшим реальную связь, с одной стороны, с малознакомым для них миром духовного сословия, теснейшим образом соприкасавшегося с внутренней народной жизнью и ею руководившего, и с другой — с областью научно-богословского знания. Об этом хорошо сказал при отпевании Гилярова архимандрит Сергий (Соколов): «Первые славянофилы, после долгого искания истины в области немецкой философии, устремились в недра Православной Церкви и богословской науки и, заимствуя от нее *свет, просвещающий всякого человека, грядущего в мир*, сами привнесли в нее поток свежей, глубокой мысли и чувства. Навстречу этому течению вышел он с свежею и обильною струею мысли, цельной, возвышенной, глубокой и прочувствованной и, заимствуясь многим от них, сам немало привнес к ним, предохраняя их от философии по *стихиям мира сего, а не по Христе* (Кол. II, 3) (от увлечения Гегелевой философиею)».[1]

Как и все его друзья-славянофилы, он был горячим сторонником скорейшей отмены крепостного права. Трудно переоценить заслуги Гилярова-цензора в период обсуждения в обществе вопроса об освобождении крестьян. Он единственный из цензоров, несмотря на риск увольнения со службы, отважился под свою ответственность разрешать к печати многие статьи по этой животрепещущей в тот период проблеме, не посылая их доверенным чиновникам в разные министерства, как того вполне определенно требовали инструкции.[2] Благодаря этому, в частности, получили возможность помещать актуальные материалы по

---

[1] Отпевание Н. П. Гилярова-Платонова // Церковный Вестник. 1887. Ч. неоф. № 43. 24 окт. С. 738.

[2] Его объяснение министру народного просвещения по этому вопросу от 9 марта 1859 г. см.: *Любимов Н. А*. Докладная записка Н. П. Гилярова-Платонова // *РВ*. 1888. Т. 195, март. С. 423—426.

отмене крепостного права и такие журналы, как «Русский Вестник» и «Русская Беседа», и, особенно, специально посвященные крестьянскому вопросу консервативные издания «Сельское Благоустройство» А. И. Кошелева и «Журнал Землевладельцев» А. Д. Желтухина. Впоследствии, в 1859 г., именно Гилярову граф Я. И. Ростовцев поручил создание фундаментального «Свода печатных мнений по крестьянскому вопросу» для Редакционных комиссий.

С высоты нашего времени вполне очевидно, что годы творческой зрелости Гилярова приходятся на период острейшего духовного кризиса, берущего свое начало в середине 1850-х гг. и затянувшегося на несколько последующих десятилетий. Не удивительно, что в центре внимания этого выдающегося русского мыслителя всегда были религиозные вопросы, причем и в аспекте общефилософском — вера как основа самоопределения личности, ее мировоззрения, — и в аспекте общественно-нравственном — как духовное состояние соотечественника в переломную для России эпоху.

Трибуну для ежедневного проповедования своих взглядов, казалось бы, глубоко оригинальных, но всегда защищающих традиционные ценности и противостоящих общественной агрессии, нигилизму и эгоизму, Гиляров получил на столбцах редактируемой им газеты «Современные Известия». Ее значение состояло прежде всего в наведении мостов между терявшей нравственные ориентиры секулярной культурой и подлинной — по слову Гилярова, «оптинской» [1]— церковностью, отвергающей мертвенный формализм и одухотворяющей народно-бытовую жизнь во всех ее проявлениях.

Обладавшему сложным характером, порой испытывавшему приступы меланхолии или малопонятной для окружающих, но, впрочем, не обидной никому раздражительности, Гилярову подчас непросто было выстраивать повседневные взаимоотношения с людьми. Он обычно предпочитал вести замкнутый образ жизни, о чем свидетельствуют современники: «Н. П. Гиляров-Платонов — ученый, <он> был неведом для публики, ибо никогда не выходил из своего кабинета

[1] См. письмо Гилярова к А. В. Горскому от 4 октября 1856 г. // *РО*. 1896. Т. 42, дек. С. 997.

<...>».[1] Однако, появляясь в публичных собраниях (на заседаниях Славянского комитета или Общества любителей российской словесности, на хомяковских вторниках, аксаковских субботах и др.) или на своих «воскресеньях», собиравших у него дома друзей и знакомых из Москвы и Петербурга, которые «иногда <…> отличались многолюдством и оживлением»,[2] Гиляров производил иное впечатление. Автор его некролога в «С.-Петербургских Ведомостях» (по-видимому, их издатель, известный литератор и критик В. Г. Авсеенко) писал: «Как человек покойный производил обаятельное впечатление на всех, знавших его, своим благодушием и ясностью своего душевного склада, спокойным юмором недюжинного ума и фундаментальностью познаний».[3] А по справедливому замечанию сотрудника «Современных Известий», публициста и прозаика С. К. Эфрона, Гиляров «по своим симпатиям и по своему мировоззрению был склонен к демократизму, но к демократизму не на западный лад, а к демократизму чисто русскому, исторически и оригинально выработанному русским народным гением».[4] Поэтому, между прочим, его газета бескомпромиссно проводила в жизнь принцип христианского гуманизма. Она последовательно отстаивала интересы «малых сих», в ней постоянно печатались острокритические материалы, затрагивавшие интересы власть имущих и обличавшие бездуховность буржуазной толпы. Друг Гилярова, адвокат и театральный критик Г. Г. Урусов, писал о нем: «Безнравственно веселящееся невежественное общество ему напоминало всегда пир во время чумы. Нравственности без Христова света он не признавал».[5]

Утвердившееся в нашей науке представление (правда, не имеющее под собой никакого исследовательского основания) о том, что «Современные Изве-

---

[1] *Гиляровский В. А.* Москва газетная // *Гиляровский В. А.* Избранное: В 3 т. <М.>: Моск. рабочий, 1961. Т. 2. С. 15.

[2] См. об этом: *Уманец С.* Кое-что из воспоминаний о Никите Петровиче Гилярове-Платонове. С. 856.

[3] <*Авсеенко В. Г.?*>. Н. П. Гиляров-Платонов // *СПбВед*. 1887. 15 окт. № 284. С. 2.

[4] *Эфрон (Литвин) С.* Миссионеры и начетчики. М., <1908>. С. 21.

[5] *СИ.* 1887. 20 окт. № 287. С. 2.

стия» были газетой маловлиятельной,[1] как бы «одной из многих», легко опровергается событием смерти ее редактора-издателя. По воспоминаниям того же С. К. Эфрона, похороны Гилярова были сопоставимы по размаху и масштабу проявления всеобщей скорби с прощанием разве что с таким народным любимцем, как генерал Скобелев: «...встреча тела Н<икиты> П<етровича> на Николаевском вокзале и похороны его на кладбище Новодевичьего монастыря были из ряду вон выходящие. Таких толп народа на улицах Москва не видела со дня похорон М. Д. Скобелева. Совсем иной колорит носили похороны И. С. Аксакова. Последнего хоронила интеллигентная и купеческая Москва; Гилярова же хоронила вся Москва: интеллигентная, купеческая, духовная и простонародная... Если вспомнить при этом, что похороны М. Н. Каткова отличались исключительно официальным характером и малолюдством, то станет ясно, что популярность Гилярова среди москвичей превосходила популярность Аксакова и Каткова, хотя при жизни этого выдающегося триумвирата имя Гилярова произносилось последним».[2] В. В. Розанов свидетельствовал о необыкновенной авторитетности гиляровского слова: «…в середине 80-х годов скончался Н. П. Гиляров-Платонов, которого справедливо называли москвичи и друзья его — “сам”. “Сам Никита Петрович” сказал, написал, хощет или не хощет…»[3]

Соотносительной оценке Гилярова и этих двух знаменитых московских редакторов-консерваторов,[4] безусловно, способствовало стечение обстоятельств: все они ушли из жизни один за другим в течение менее чем двух лет. Но уже автор первого такого развернутого посмертного соизмерения их вклада в русскую культуру, экономист, журналист и издатель С. Ф. Шарапов, также воспротивился тому, чтобы отводить в этом «триумвирате» Гилярову «какое-то, как бы младшее место». Он пояснял свою мысль: «Если Аксаков был велик как бескорыстный и доблестный гражданин, как художник и как выразитель великого куль-

---

[1] См., например: *Цимбаев Н. И.* И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. <М.>: Изд-во Моск. ун-та, 1978. С. 139.

[2] Там же. С. 20—21.

[3] *Розанов В. В.* Когда начальство ушло… М.: Республика, 1997. С. 494. (Собр. соч.; <Т. 8>).

[4] См. об этом подробнее разделы 2.1 и 2.3.

турного начала, если Катков был велик как политический и государственный деятель, могучий и смелый борец за русскую государственную идею, то Никита Петрович Гиляров велик как глубокий и оригинальный, скажем смело над его могилой, — как гениальный русский мыслитель».[1]

Самый близкий Гилярову человек в последние пять лет его жизни, заведующая редакцией «Современных Известий», журналист, критик и переводчик А. М. Гальперсон, вообще считала, что сопоставление его с Катковым, И. Аксаковым или Хомяковым звучит неубедительно. Она писала в одной из своих поминальных статей о Гилярове: «Со всеми ними у него, конечно, были общие черты, но более всего сравнению помогает современность их. Если с каким образом из русской истории почти совпадает образ почившего, то, да позволено будет нам это сказать, он совпадает с образом Ломоносова. Оба вышли из народной среды; оба собственными силами обязаны развитием вложенного в них Божьего дара; и оба навеки останутся памятны народу своими трудами на пользу родного языка и родной науки. Но только Ломоносов сошел в могилу всеми признанный, а оценка Никиты Петровича принадлежит потомству».[2]

Однако ни заслуги писателя перед отечественной культурой, ни высокие оценки его личности современниками — от М. П. Погодина и А. С. Хомякова до В. В. Розанова — не спасли Гилярова от полного забвения в советское время. Его труды не переиздавались, упоминания о нем и ссылки на его сочинения носили случайный характер. Это обстоятельство вынуждает заново осмыслить роль Гилярова в русской культуре, кропотливо исследовав его творческое наследие и жизненный путь, обобщив имеющиеся сведения о нем, значительная часть которых все еще не введена в научный оборот.

---

[1] <*Шарапов С. Ф.*>. Москва, 24 октября // *РД.* 1887. 17—24 окт. № 12/13. С. 1.

[2] <*Гальперсон А. М.*>. Москва, 20 октября // *СИ.* 1887. 21 окт. № 288. С. 2. (Разумеется, несколько преувеличенный пафос этой и предыдущей характеристики объясняется, с одной стороны, некроложным жанром, а с другой — тем, что их авторы — ученики Гилярова.)

Актуальность исследования. Гиляров — славянофил, для биографий которых характерна «довольно низкая документированность».[1] Потому так и насущны: публикация новых архивных материалов, проливающих свет на мало исследованные обстоятельства жизни представителей этого идейного движения, особенно же Гилярова — наименее изученного из славянофилов; осмысление и обобщение этих материалов; создание на их основе монографических исследований, посвященных жизненному пути и творческому наследию этих писателей; наконец, подготовка добротных собраний сочинений и писем, в идеале — полных, академического типа.

Изучение творчества Гилярова и его вклада в русскую культуру способствует и другой важной для филологической науки задаче — более объемному и детализированному видению литературного движения XIX столетия, представляя его объективную, многоуровневую и многоаспектную картину.

Кроме того, творческому сознанию Гилярова, выходца из духовного сословия, воспитанника семинарии и духовной академии, был присущ отчетливо сакральный уровень мироотношения. Он был убежден в возможности и насущной потребности соединения евангельского идеала с повседневной жизнью русского народа. Поэтому в центре внимания Гилярова всегда были религиозные вопросы, причем и в аспекте общефилософском — вера как основа самоопределения личности, ее мировоззрения, — и в аспекте общественно-нравственном — как духовное состояние соотечественника в переломную для России эпоху. Значение же его литературного творчества прежде всего состояло в наведении мостов между терявшей нравственные ориентиры секулярной культурой и подлинной — по слову Гилярова, «оптинской» [2]— церковностью, отвергающей мертвенный формализм и одухотворяющей народно-бытовую жизнь во всех ее проявлениях.

---

[1] См., например: *Мазур Н. Н.* К ранней биографии А. С. Хомякова (1810—1820) // Лотмановский сборник. — М.: ОГИ; РГГУ, 1997. — [Вып.] 2. — С. 195.

[2] См. письмо Гилярова к А. В. Горскому от 4 октября 1856 г. // Русское обозрение. — 1896. — Т. 42, дек. — С. 997.

Таким образом, настоящее исследование приобретает дополнительную актуальность, поскольку представленные в нем новые материалы и итоги проведенного анализа позволяют внести вклад в разработку проблемы соотношения литературы с религиозно-философской традицией, в последние годы ставшей особо значимой для гуманитарной науки, что отразилось в трудах Е. И. Анненковой, Ю. В. Балакшиной, П. Е. Бухаркина, В. Е. Ветловской, Е. Г. Водолазкина, В. А. Воропаева, М. М. Дунаева, Б. Ф. Егорова, И. Е. Есаулова, В. Н. Захарова, Е. В. Ивановой, А. Л. Казина, В. В. Кашириной, В. А. Котельникова, Л. Ф. Луцевич, А. М. Любомудрова, М. А. Можаровой, А. В. Моторина, Н. В. Понырко, Т. Р. Руди, С. А. Семячко, Л. В. Соколовой, Б. Н. Тихомирова, О. Л. Фетисенко, М. И. Щербаковой и других ученых.

Степень научной разработанности проблемы. Посмертно усилиями его младших друзей и единомышленников (прежде всего А. М. Гальперсон и князя Н. В. Шаховского) были опубликованы некоторые из этих незаконченных сочинений («Основные начала экономии»,[1] «Онтология Гегеля»[2]), а также ряд служебных (цензорских) документов и эпистолярных материалов,[3] напечатан ряд мемуарных очерков о нем,[4] начато составление пространного жизнеописания Гилярова — оно было предпринято его биографом и другом князем Н. В. Шаховским и составило в общей сложности 17 очерков-глав, опубликованных

---

[1] *ВФиП*. 1891. Кн. 8. Отд. I. С. 1—27; Кн. 10. С. 19—40; 1892. Кн. 11. С. 24—45.

[2] Основные начала экономии: Посмерт. труд Н. П. Гилярова-Платонова / С предисл. проф. И. Т. Тарасова. М.: Изд. А. М. Гальперсон, 1889. [2], XII, 142 с.

[3] Из бумаг Н. П. Гилярова / <Публ. А. М. Гальперсон> // *РА*. 1889. Кн. III, вып. 10. С. 263—269; Материалы для биографии Н. П. Гилярова-Платонова / Сообщ. кн. Н. В. Шаховской // *РО*. 1896. Т. 42, нояб. С. 454—470; Дек. С. 988—1014; Письмо Н. П. Гилярова-Платонова митрополиту Сербскому Михаилу / Сообщ. А. Г<альперсон> // Русский Труд. 1898. 3 янв. № 1. С. 5—7; Письма к Бартеневу Никиты Петровича Гилярова-Платонова // *РА*. 1912. Кн. II, вып. 6. С. 312—320, и др.

[4] *Аксаков Н. П.* Воспоминания о Н. П. Гилярове-Платонове // Русский Курьер. 1887. 19 окт. № 288. С. 1; *Ф. П. Е. <Еленев Ф. П.>*. Черта из жизни Гилярова-Платонова // *РА*. Кн. III, вып. 12. С. 571—575; *Добронравов Н. Н.* Н. П. Гиляров-Платонов: Из воспоминаний сотрудника // Родная Речь. 1897. № 4. 1 марта. С. 3—10; *<Сбруев П. А.>*. Воспоминания Берендея // Русское Слово. 1897. 13 окт. № 274. С. 2; *Сковронская М. С.* За четверть века: (Из воспоминаний) // Наблюдатель. 1897. Янв. С. 201—227; Февр. С. 221—239; *С. У. <Уманец С. И.>*. Кое-что из воспоминаний о Никите Петровиче Гилярове-Платонове // *РО*. 1897. Т. 47, окт. С. 854—859; *Эфрон С. К. Воспоминания сотрудника газеты // Русский Листок. 1902. 13 окт. № 281. С. 1, и др.*

в 1893—1898 гг. в журнале «Русское Обозрение» и охватывающих только небольшой период жизни Гилярова — с 1855 по 1859 г.,[1] а также четыре статьи общего характера.[2]

Многочисленные же его журнальные статьи и газетные заметки по религиозно-практическим, общественно-философским, педагогическим и эстетическим вопросам оказались востребованными на рубеже веков и, особенно, в годы первой русской революции, когда началось зримое разрушение миропорядка прежней жизни. Тогда князь Н. В. Шаховской на средства, выделенные синодальным обер-прокурором К. П. Победоносцевым, подготовил два двухтомника: «Сборник сочинений» (М., 1899—1900) и «Вопросы веры и церкви» (М., 1905—1906), книги «Университетский вопрос» (СПб., 1903), «Экскурсии в русскую грамматику», «Откуда нигилизм?» (обе — М., 1904) и «Еврейский вопрос в России» (СПб., 1906). Последняя книга издана анонимно, однако ее авторский текст представляет собой переработанную статью князя Шаховского «Н. П. Гиляров-Платонов о евреях»[3] с включением передовиц Гилярова разных лет и их фрагментов по еврейскому вопросу.

---

[1] *Шаховской Н. В., кн.*: 1) Обстоятельства оставления Н. П. Гиляровым-Платоновым службы в Московской духовной академии // 1895. Т. 34, авг. С. 542—561 (подпись: *Кн. Н. В. Ш.*); 2) *Шаховской Н. В., кн.* Определение Н. П. Гилярова-Платонова на светскую службу // 1895. Т. 35, сент. С. 110—116 (подпись: *Кн. Н. В. Ш.*); 3) Н. П. Гиляров-Платонов и А. С. Хомяков: (По сочинениям и письмам Гилярова) // 1895. Т. 36, нояб. С. 14—32 (подпись: *Кн. Н. В. Ш.*); 4) Н. П. Гиляров-Платонов и К. С. Аксаков: (По статьям и письмам Гилярова) // 1895. Т. 36, дек. С. 509—545; 5) Н. П. Гиляров-Платонов как инициатор церковно-приходской школы // 1896. Т. 37, февр. С. 572—589; 2) Н. П. Гиляров-Платонов о евреях // 1897. Т. 43, янв. С. 148—185; 3) Памяти П. А. Кулиша // 1897. Т. 44, март. С. 192—227 (о Гилярове — с. 192, 194—201, 203); 8) Н. П. Гиляров-Платонов об «Истории русской церкви» преосв. Макария // 1897. Т. 44, апр. С. 591—619; 9—17) Годы службы Н. П. Гилярова-Платонова в Московском цензурном комитете // 1897. Т. 46, июль. С. 131—172; Авг. С. 712—771; Т. 47, окт. С. 716—783; Т. 48, нояб. С. 99—133; Дек. С. 497—529; 1898. Т. 49, янв. С. 98—132; Февр. С. 644—657; Т. 50, март. С. 52—69; Апр. С. 526—539.

[2] *Шаховской Н. В., кн.* 1) Из приготовительных работ по биографии Гилярова // *РА*. 1893. Кн. II, вып. 7. С. 427—430 (перепеч.: Вестник Литературный, Политический, Научный и Художественный, с Афишами. 1893. 22 сент. № 2005. С. 1—2); 2) Никита Петрович Гиляров-Платонов о Прибалтийском вопросе: («Соврем. Изв.» 1885—1887 гг.). Ревель, 1893. 18 с.; 3) Никита Петрович Гиляров-Платонов: Крат. публицист. очерк. Ревель, 1893. 84 с.; 4) Никита Петрович Гиляров-Платонов // *Сб. соч.* Т. I. С. III—LX; отд. отт. с подзагол.: Предисловие к первому тому Сборника его сочинений, издания К. П. Победоносцева. М.: Синод. тип., 1899. LX с.

[3] *РО*. 1897. Т. 43, янв. С. 148—185.

Все эти издания были встречены критикой весьма доброжелательно, на что указывают сами заголовки рецензий: «Жертва судьбы», «Несовременный ум о современных вопросах» (А. И. Введенский),[1] «Философ духа жизни» (Б. В. Никольский)[2] — и составленного С. Ф. Шараповым сборника критико-биографических материалов: «Неопознанный гений» (М., 1903). Объективно, без всяких эмоциональных перехлестов, высказался о нем публицист консервативного направления Ю. П. Бартенев: «Гиляров был самобытный и глубокий мыслитель, в котором гармонически соединялась способность к тончайшей диалектике с основательным знанием народного быта, широкое всестороннее образование с ясным здравым смыслом, умственная утонченность с необычайною простотой изложения».[3] О том же этот автор сообщал в частном письме (к В. Я. Брюсову от 3 июня 1900 г.): «Зачитываюсь Гиляровым-Платоновым: соединение тончайшего диалекта с глубоким знатоком народной жизни на цементе обширного образования».[4] Следует отметить четыре статьи о Гилярове, опубликованные в 1907—1908 гг. Л. П. Лобовым, как бы принявшим эстафету у князя Н. В. Шаховского.[5]

С особым пиететом к Гилярову относился В. В. Розанов, постоянно ссылавшийся на его суждения, в 1895 г. сетовавший: «...мало понятый, мало оцененный у нас Н. П. Гиляров-Платонов»,[6] а в 1899 г. писавший о нем: «Открывался чрезвычайный ум, показывался глубокий мыслитель, которого Россия не умела заметить у себя, погруженная во всяческие “измы” <...>».[7] В сохранившемся в

---

[1] *МВед.* 1899. 19 июня. № 166. С. 3—4; 26 июня. № 173. С. 3.

[2] *НВр.* 1900. 25 июля. № 8767. С. 2—3.

[3] *Ю. Б.* <*Бартенев Ю. П.*>. <Рец. на кн.: *Сб. соч.* Т. II> // *РА.* 1900. Кн. II, вып. 6. С. 2 обл.

[4] РГБ. Ф. 386. Карт. 76. Ед. хр. 17. Благодарю А. В. Лаврова, ознакомившего нас с этой цитатой.

[5] *Лобов Л. П.*: 1) Гиляров-Платонов. Публицистическая деятельность // Славянские Известия. 1907. № 1. С. 3—11; № 3. С. 167—173; 2) Гиляров-Платонов. Славянский вопрос // Там же. 1907. № 6/7 (Окт./нояб.). С. 516—522; 3) Гиляров-Платонов. Вера и церковь: <Рец.> // Там же. 1908. № 1/3. С. 3—11; 4) Гиляров-Платонов. Школа и просвещение: <Рец.> // Там же. 1908. № 6. С. 286—292; отд. отт.: СПб., [1908]. 8 с.

[6] *Розанов В. В.* Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. М., 1996. С. 251. (Собр. соч.; <Т. 7>).

[7] *Розанов В. В*. Полн. собр. соч.: В 35 т. СПб.: Росток, 2014. Т. 1. С. 562.

архиве (РГАЛИ) наброске «Эмбрионы (Мысли о славянофильстве)», датируемом нами 1900 годом, Розанов, определяя место Гилярова в кругу его единомышленников в пореформенный период, счел именно его наиболее верным и надежным наследником ранних славянофилов. Приведем пространную цитату: «Ив. Аксаков, “кимвал бряцающий славяно<фильства”,> не столько неуклонно верен его принципам, сколько пылок в требо<ваниях> по существу либерально-утилитарных; у А. Кошелева эти требования уже сливаются совершенно с либерализмом, оставляя для себя лишь внешний словесный покров славянофильства; и в Юрьеве, основателе “Русской Мысли”, без всякого труда замещается радикальным ядром, почти без славянофильских оговорок. Здесь к нему примыкают “беллетристы-народники” и вообще радикально-народные теории, с которыми слился и мессианизм славянофильства (Достоевский), а равно это течение завязывает связи и с церковным эклектизмом Вл. Соловьева, в той части его, которая отрицает православие, и с умолчанием и тайным пренебрежением — к той, которая утверждает католицизм. Более верен славянофильству остается непризнанный “единорог” Москвы,[1] Гиляров-Платонов, не без зависти и некоторого умственного пренебрежения смотрящий на преуспевающих товарищей своих по перу, внутренно разрушающих славянофильство при внешнем распространении его. Но и он остается в пределах внешних возгласов, ему лично принадлежащих вкусов, традиций среды своей и своего воспитания церковного, и лишь в силу этого колорита церковности — славянофильского».[2]

Впрочем, сходные оценки высказываются и современными авторами. Например, историк и публицист В. М. Острецов категорически утверждает: «...крупнейшим мыслителем второй половины XIX века был, на мой взгляд,

[1] Самоназвание Гилярова в его письме к князю Н. В. Шаховскому от 2 февраля 1886 г.: «…приезжий иностранец смотрит в Москве Царь-пушку и Царь-колокол и ищет случая видеть Каткова и Аксакова. Но в том же Кремле есть пушка Единорог: об ней не говорят и гиды ее не упоминают» (*Из пережитого*. Т. 2. С. 488).

[2] РГАЛИ. Оп. 1. Ед. хр. 419. Л. 67 об.; ср.: *Розанов В. В.* Полн. собр. соч.: В 35 т. СПб.: Росток, 2017. Т. 6. С. 375.

не компилятивный Владимир Соловьев, а Никита Петрович Гиляров-Платонов, своеобразнейший русский историк и публицист».[1]

В наши дни наследие Гилярова-Платонова ввел в активный научный оборот Б. Ф. Егоров — в своем исследовании «Очерки по истории русской культуры XIX века»[2] и статье «Н. П. Гиляров-Платонов как эстетик и литературный критик», впервые опубликованной в сокращенном виде на английском языке (в переводе Питера Роллберга) в сборнике в честь 60-летия профессора Вашингтонского университета им. Дж. Вашингтона Чарльза Мозера;[3] по-русски в расширенном виде в сборнике «Теоремы культуры»,[4] а также в ряде других работ.[5] Гиляров предстает в его работах выдающимся религиозным мыслителем, теснимым официальной Церковью и правительственными кругами, но в своем творчестве предвозвестившим обновление русской культуры на путях нравственного детерминизма и религиозной толерантности. Наконец, ученый выступил как инициатор и ответственный редактор переиздания знаменитых мемуаров писателя в академической серии «Литературные памятники», увидевшего свет в 2009 г.[6]

Появились серьезные работы, посвященные его религиозно-этическим, философским и эстетическим воззрениям,[7] взаимоотношениям с писателями —

---

[1] *Острецов В.* Самодержавие и народ // Слово. 1994. № 1/6. С. 6.

[2] *Егоров Б. Ф.* Из истории русской культуры. М.: Языки рус. культуры, 1996. Т. V (XIX век). С. 128–130, 137, 196–198.

[3] And Meaning for a Life Entire: Festschrift for Charles A. Moser on the occasion of his sixtieth birthday. Columbus (Ohio): Slavica Publishers, 1997. P. 259—267.

[4] Теоремы культуры. М.: Независ. акад. эстетики и свобод. искусств, 2003. С. 286–296. (Академические тетради; Вып. 9). Перепеч.: *Гиляров: ИМБР*. С. 36—46.

[5] См., например: *Егоров Б. Ф.*: 1) Православные мыслители и литературные критики XIX в. о Пушкине // «Пока в России Пушкин длится, Метелям не задуть свечу»: Тр. семинара «Творчество А. С. Пушкина в ист.-культ. контексте» (Смоленск, 10—12 февр. 1998 г.). Смоленск, 1998. С. 73—79 (то же: *Егоров Б. Ф.* От Хомякова до Лотмана. М.: Языки слав. культуры, 2003. С. 149—155); 2) Пушкин в оценке религиозных мыслителей 1870—1880-х годов: (Н. П. Гиляров-Платонов и Ф. М. Достоевский) // Болдинские чтения. Н. Новгород, 1998. С. 86—97; 3) Гиляров-Платонов Никита Петрович (1824—1887) // Идеи в России = Idee w Rosji = Ideas in Russia. Łódź, 1999. Т. 2. С. 78—79 (подпись: *Б. Е.*).

[6] *Из пережитого*. Т. 1—2.

[7] См., например: *Водолазко В. Н.* Н. П. Гиляров-Платонов о пореформенном старообрядчестве // Старообрядчество: история, культура, современность: Материалы V науч.-практ. конф., г. Москва, 20—21 нояб. 2000 г. М., 2000. С. 39—45; *Межуев Б. В.* Вл. Соловьев, Н. П.

его современниками.[1] Историком М. А. Федотовой была защищена первая и единственная на сегодня диссертация о мыслителе, где были впервые обобщены кропотливо собранные многочисленные печатные и архивные материалы и исследования о нем (большинству из последних, правда, по справедливому заключению диссертантки, «свойственна большая фрагментарность и избирательность» [2] ввиду малоизученности темы), сделана попытка «определить историческую роль Н. П. Гилярова-Платонова как общественного и государственного деятеля», правда, на наш взгляд, больше не самого по себе, а как представителя «русской интеллектуальной элиты».[3]

Печатаются статьи и главы в книгах, в том числе краеведческого характера, популяризирующие творчество Гилярова,[4] а также статьи в энциклопедиях и

Гиляров-Платонов и «разложение славянофильства» // История философии. М., 2000. № 6. С. 33—61.

[1] *Панфилов М. М.* «Книжное знание» для «народа»: (Полемич. диалог К. С. Аксакова и Н. П. Гилярова-Платонова) // Информационная культура личности: прошлое, настоящее, будущее. Краснодар, 1996. С. 359—364; *Панаэтов О. Г.* Н. П. Гиляров-Платонов и К. Н. Леонтьев: Споры о Толстом. Краснодар: КубГУ, 2002. 75 с.; *Дмитриев А. П.* К. П. Победоносцев — приятель, оппонент, издатель Н. П. Гилярова-Платонова // Константин Петрович Победоносцев: мыслитель, ученый, человек: Материалы Междунар. юбил. науч. конф., посвящ. 180-летию со дня рождения К. П. Победоносцева, Санкт-Петербург, 1—3 июня 2007 года. СПб., 2007. С. 127—136; *Викторович В. А*. Перепутья русского консерватизма: (Ф. М. Достоевский и Н. П. Гиляров-Платонов) // *Гиляров: ИМБР*. С. 47—95, и др.

[2] *Федотова М. А.* Общественно-политические взгляды и деятельность Н. П. Гилярова-Платонова (1824—1887): Автореф. дисс. на соиск. ученой степ. канд. ист. наук / МГОПУ. М., 2004. С. 18.

[3] Там же. С. 4.

[4] См.: *Климаков Ю. В*.: 1) «...Светить дорогу обществу»: О публицисте и издателе Н. П. Гилярове-Платонове // Книгочей. 2001. Вып. 7. С. 28—35; 2) Безупречная искренность // Встреча: (Культурно-просветительная работа). 2001. № 11. С. 36—38; 3) Судьба русского публициста // Молодая гвардия. 2002. № 11/12. С. 121—134 (то же: Коломенский альманах: Лит. ежегодник. Коломна, 2004. Вып. 8. С. 319—328); *Маевский И. В.* Никита Петрович Гиляров-Платонов // Край родной, Коломенский: Краеведч. альм. Коломна, 2002. Вып. 1. С. 99—104; *Вострышев М. И.* Неопознанный гений: Издатель и публицист Никита Петрович Гиляров-Платонов (1824—1887) // Московские обыватели. М., 2003. С. 225—232; *Троицкая М. Г.* Гиляров-Платонов Никита Петрович: философ, публицист, издатель, писатель // Политика. Власть. Право: <Межвуз. сб. науч. ст.> / Коломен. гос. пед. ин-т, С.-Петерб. юрид. ин-т. СПб., 2005. Вып. 9. С. 129—142.

справочниках (в советский период о Гилярове, как правило,[1] в них не упоминалось).[2]

Начиная с июня 2004 г. в Коломне, на родине мыслителя, по инициативе известного литературоведа В. А. Викторовича, профессора Коломенского пединститута (с 2010 г. — Московский государственный областной социально гуманитарный институт), проводятся научные конференции, посвященные изучению жизни и творчества Гилярова. Изданный по итогам первых таких симпозиумов «сборник статей и материалов», названный «Возвращение Н. П. Гиляров-Платонова» (Коломна, 2007), объединил работы 19 исследователей (в том числе таких известных, как В. А. Викторович, В. А. Кошелев, Г. В. Краснов[3]) из Санкт-Петербурга, самой Коломны, Новгорода и Краснодара. Здесь, между прочим, было положено начало публикации газетных и архивных материалов — передовых статей и писем Гилярова к М. П. Погодину и И. Ф. Романову-Рцы.[4] Ряд эпистолярных комплексов, в том числе довольно значительных по объему (к И. С. Аксакову, А. М. Гальперсон, К. П. Победоносцеву, Т. И. Филиппову, кн. Н. В.

---

[1] См., однако: *<Без подписи>*. Гиляров-Платонов Н. П. // Философская энциклопедия / Гл. ред. Ф. В. Константинов. М., 1960. Т. 1. С. 370.

[2] *Осьмакова Н. И.* Гиляров-Платонов Н. П. // Русские писатели, 1800—1917: Биогр. словарь. М., 1989. Т. 1. С. 561—563; *Платонов А. А.* Гиляров-Платонов Н. П. // Отечественная история: История России с древнейших времен до 1917 г.: Энциклопедия. М., 1994. Т. 1. С. 554; *Межуев Б. В.* Гиляров-Платонов Н. П. // Русская философия: Словарь / Под общ. ред. М. А. Маслина. М., 1995. С. 115; *Шохин В. К.* Гиляров-Платонов Н. П. // Русская философия: Малый энцикл. словарь. М., 1995. С. 127—129; *Межуев Б. В.* Гиляров-Платонов Н. П. // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М., 2000. Т. 1. С. 527. *Лебедев С. В.* Гиляров-Платонов Н. П. // Святая Русь: Большая энциклопедия русского народа: Русский патриотизм. М., 2003. С. 182—183; *Фатеев В. А.*: 1) Гиляров-Платонов Н. П. // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. XI. С. 479—480; 2) Гиляров-Платонов Н. П. // Розановская энциклопедия / Сост. и гл. ред. А. Н. Николюкин. М., 2008. Стб. 236—239; *<Без подписи>*. Гиляров-Платонов Н. П. // Большая Российская энциклопедия / Отв. ред. С. Л. Кравец. М., 2007. Т. 7. С. 131; *Быков В. Н.* Гласные Московской городской думы (1863—1917): Священники и выпускники духовных академий: Н. П. Гиляров-Платонов // Московский журнал. 2008. № 10. С. 7; *Котов А. Э.* Гиляров-Платонов Н. П. // Русский консерватизм середины XVIII — начала XX в.: Энциклопедия. М., 2010. С. 112—114; *Дмитриев А. П.* Гиляров-Платонов Н. П. // А. Н. Островский: **Энциклопедия / Гл. ред. и сост. И. А. Овчинина.** *Кострома; Шуя, 2012. С. 105—106.*

[3] *Викторович В. А*. Блаженны отставшие // *Возвращение*. С. 16—30; *Кошелев В. А*. «Любовь это действительно первое и последнее слово…»: Н. П. Гиляров о Хомякове // Там же. С. 83—94; *Краснов Г. В*. В полемике с Л. Н. Толстым // Там же. С. 95—97.

[4] Там же. С. 179—364 (публикации, соответственно, Д. Ю. Балашова, Т. Ю. Соколовой и А. П. Дмитриева).

Шаховскому), в 2009—2018 гг. был опубликован мною.[1] В 2008 г. в Москве вышел облегченно откомментированный сборник избранных произведений Гиляро-ва,[2] в 2009 г. в Петербурге, помимо упомянутого переиздания воспоминаний в серии «Литературные памятники», — еще сборник ранних произведений,[3] в 2017 г. в Коломне — вновь уточненный текст первого тома «Из пережитого» с обновленным комментарием.[4]

Наконец, к 125-й годовщине со дня кончины мыслителя в академической серии «Славянофильский архив» (ИРЛИ РАН) под нашей редакцией был издан историко-литературный сборник «Никита Петрович Гиляров-Платонов: Исследования. Материалы. Библиография. Рецензии» (СПб.: Росток, 2013. 944 с. увелич. формата), среди авторов — ученые из Петербурга, Москвы, Коломны, Уфы, Владивостока (А. А. Аксенов, Е. И. Анненкова, Д. А. Бадалян, В. А. Викторович, Л. Ю. Гусман, А. П. Дмитриев, Б. Ф. Егоров, В. А. Котельников, С. В. Мотин, Т. Ф. Пирожкова, Г. С. Прохоров, Р. В. Славацкий (Гацко), И. А. Сурнина, А. А. Тесля, О. Л. Фетисенко, Л. О. Цандер, М. И. Щербакова, А. Г. Юшко и др. Первую часть книги (с. 9—196) составили статьи о разных аспектах мировоззрения и деятельности писателя (как историософа и мемуариста, эстетика и литературного критика, цензора и журналиста) и о взаимосвязях его наследия с творчеством Ф. М. Достоевского, К. Н. Леонтьева, Б. А. Пильняка. В раздел «Материалы» (с. 197—706) вошли многочисленные публикации архивных документов, освещающих все этапы творческого пути Гилярова. Это мемуары, сочинения по

---

[1] См.: *Переписка с Филипповым*; «Да, много Вы моей души занимаете»: Письма Н. П. Гилярова-Платонова к А. М. Гальперсон / Публ. А. П. Дмитриева // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007—2008 годы. СПб., 2010. С. 171—251; Письма Н. П. Гиляро-ва-Платонова к С. Т. Аксакову / Публ. и коммент. А. П. Дмитриева // Русская литература. 2010. № 4. С. 204—210; *Разумевающие верой*; *Переписка с Шаховским*.

[2] *Гиляров-Платонов Н. П.* «Жизнь есть подвиг, а не наслаждение…» / Сост. и коммент. Ю. В. Климакова; Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2008. 720 с.

[3] *Гиляров-Платонов Н. П.* Последние дни Помпеи: Семинарские опыты в стихах и прозе (1837—1843) / РАН. ИРЛИ; Вступ. ст., сост., подгот. текстов, коммент. А. П. Дмитриева; Отв. ред. Б. Ф. Егоров. СПб.: Пушкинский Дом, 2009. 528 с.

[4] *Гиляров-Платонов Н. П.* Из пережитого: Автобиографические воспоминания <коломенские главы> / Вступ. ст. В. Викторовича, подгот. текста А. Дмитриева, коммент. А. Дмитриева, В. Викторовича, Е. Ломако. Коломна: Лига, 2016. 528 с. (Сер. «Коломенский текст»).

эстетике и экзегетике, дневники, письма, цензорские отзывы, судебные протоколы, редакционные инструкции, служебные аттестаты, а также не переиздававшиеся газетные статьи об И. С. Тургеневе, Л. Н. Толстом, Вл. С. Соловьеве, И. С. Аксакове, М. Г. Черняеве, А. М. Бутлерове и др. Завершает книгу раздел «Библиография. Рецензии» (с. 707—893): выборочная постатейная роспись гиляровской газеты «Современные Известия» в период «диктатуры сердца» М. Т. Лорис-Меликова (1880—1881) и рецензии на издания славянофильского наследия.

В последние годы работа над изучением наследия Гилярова продолжается, публикуются статьи по различным частным аспектам его жизни и творчества, причем разного уровня и достоинства; в этот процесс вовлекаются все новые и новые научные силы.[1]

---

[1] См.: *Алексеев А. А.*: 1) Русское богатырство в понимании Н. П. Гилярова-Платонова // Славянский мир: общность и многообразие: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. Коломна, 2007. С. 26—31; 2) Экзистенциальные ценности в автобиографических воспоминаниях Н. П. Гилярова-Платонова // Дискурс: философские размышления: Сб. науч. ст. преподавателей кафедры философии, истории, политологии и права. Коломна, 2011. С. 173—185; *Викторович В. А.* Начало коломенского текста: <И. И. Лажечников, Н. П. Гиляров-Платонов, Б. Пильняк — основоположники коломенского текста> // Коломенский альманах: Лит. ежегодник. М., 2010. Вып. 14. С. 11—28; *Каплин А. Д.* Никита Петрович Гиляров-Платонов (1824—1887) и славянофилы // *Каплин А. Д.* Славянофилы, их сподвижники и последователи. М., 2011. С. 378—385; *Котов А. Э.*: 1) Русская консервативная журналистика 1870—1890-х годов: Опыт ведения обществ. дискуссии: Монография. СПб., 2011. С. 84—90; 2) «Царский путь» Михаила Каткова: Идеология бюрократич. национализма в политич. публицистике 1860—1890-х гг. СПб.: Владимир Даль, 2016 (ук.); *Рудакова В. А.* Трансформация библейских фразеологизмов в публицистике Н. П. Гилярова-Платонова // Вестник Вятского гос. гуманитарного ун-та. 2011. № 3-2. С. 18—23; *Антонова Е.* Воспоминания Н. Гилярова-Платонова: дополнения к комментариям // Текстологический временник: Русская литература XX века: Вопросы текстологии источниковедения. М.: ИМЛИ РАН, 2012. Кн. 2. С. 540—546; *Гришин Е. В.* Принципы создания психологического портрета в прозе Ж.-Ж. Руссо и Н. П. Гилярова-Платонова: опыт сравнения // Вестник Московского гос. областного социально-гуманитарного ин-та. 2012. Т. 1, № 12. С. 178—182; *Фетисенко О. Л.* Из московских встреч: Леонтьев и Н. П. Гиляров-Платонов // *Фетисенко О. Л.* «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики: (Идеи рус. консерватизма в лит.-худож. и публиц. практиках второй половины XIX — первой четверти XX в.). СПб.: Пушкинский Дом, 2012. С. 186—197; *Кругликова О. С.*: 1) Газета Н. П. Гилярова-Платонова «Современные Известия» в системе печати консервативного направления // Средства массовой информации в современном мире. Петербургские чтения: Материалы 52-й Междунар. науч.-практ. конф. СПб.: СПбГУ, 2013. С. 23—26; 2) Публицистика Н. П. Гилярова-Платонова: антинигилистический дискурс // Русская публицистика в духовно-нравственной жизни общества: идеалы и ценности / Под ред. Л. П. Громовой. СПб.: СПбГУП, 2014. С. 53—68; 3) Н. П. Гиляров-Платонов как журналист и издатель // Ученые записки Казанского ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2016. Т. 158, кн. 4. С. 1015—1030; *Егоров О. Г.* Духовная школа в России 1820—40-х гг. в трудах Н. П. Гилярова-Платонова // Педагогика. 2014. № 8. С. 83—92; *Дмитриев А. П.*: 1) Автор Предисловия к пер-

Но очевидно, что прошло еще слишком мало времени с начала сосредоточения усилий научного сообщества над освоением трудов Гилярова и пока исследовательская мысль находится только на подступах к адекватному постижению богатого идейно-образного мира этого выдающегося русского писателя и ученого. К тому же, как уже неоднократно отмечалось, для биографий первых славянофилов характерна «довольно низкая документированность».[1] Потому так и насущны: публикация новых архивных материалов, проливающих свет на мало исследованные обстоятельства жизни представителей этого идейного движения, особенно же Гилярова — наименее изученного из славянофилов; осмысление и обобщение этих материалов; создание на их основе монографических исследований, посвященных жизненному пути и творческому наследию этих мыслителей, значение деятельности которых для русской культуры трудно переоценить; наконец, подготовка добротных собраний сочинений и писем, в идеале — полных, академического типа.

И поскольку до сих пор связанное с Гиляровым и его вкладом в русскую культуру, — это большое белое пятно в нашей исследовательской литературе, необходимостью его ликвидировать и определяется актуальность настоящего исследования.

Вместе с тем назрела необходимость создания обобщающей научной работы, дающей цельное представление о жизни и творчестве Гилярова в связи с литературным движением его времени, — этим, а также недостаточной изученностью темы определен выбор **объекта** исследования, в центре которого — фено-

---

вому тому — Н. П. Гиляров-Платонов: (О работе А. Ф. Аксаковой над Собранием сочинений мужа) // *Аксаков И. С.* Собр. соч.: В 12 т. / ИРЛИ РАН; Изд. подгот.: А. П. Дмитриев и Д. А. Федоров. СПб., 2015. Т. 1: Славянский вопрос; кн. 2. С. 672—679; 2) Неизвестные проекты писем К. С. Аксакова к Александру II в связи с потерей Севастополя (по переписке Н. П. Гилярова-Платонова, В. С. Аксаковой и М. Г. Карташевской) // *Аксаковские чтения: (Материалы XV Аксаковских чтений. Уфа, 24–26 сентября 2015 г.) / Отв. ред. В. В. Борисова. Уфа, 2015.* С. 81—96; 3) *Столоверчение в усадьбе Абрамцево (по неопубликованной переписке В. С. Аксаковой с М. Г. Карташевской и К. С. Аксакова с Н. П. Гиляровым-Платоновым) // Абрамцево. Материалы и исследования: Сб. докл. науч. конф. 15—16 октября 2015. Абрамцево (Моск. обл.), 2017. С. 40—51.*

[1] См., например: *Мазур Н. Н.* К ранней биографии А. С. Хомякова (1810—1820) // Лотмановский сборник. М., 1997. Т. 2. С. 195.

мен Гилярова — ученого, публициста и художника слова, т. е. писателя в широком смысле слова, в контексте историко-литературного процесса — от 1830-х гг., когда на излете Пушкинской эпохи появляются беллетристические опыты Гилярова и до 1887 г., а после кончины — до начала XX века, когда в литературе активно действовали ученики и почитатели Гилярова и были переизданы важнейшие его сочинения.

Предмет исследования составляет мемуарное, дневниковое, художественное, литературно-критическое, публицистическое, богословско-философское и эпистолярное (по большей части не опубликованное) наследие Гилярова, а также цензурные, служебные и иные делопроизводственные материалы, имеющие отношение к теме диссертации.

Основной **целью** работы является всестороннее исследование литературного наследия Гилярова и его жизненного пути в контексте развития гуманитарной науки, журналистики и литературного движения эпохи 1850—1880-х гг., учитывающее все грани его творческого облика и взаимообогащающее влияние диалогов с писателями-современниками.

В соответствии с поставленной целью в **задачи** настоящего исследования входило:

- составление очерка научной биографии Гилярова на основе комплексного анализа и сопоставления обширного круга источников, главным образом малоизвестных газетных и не введенных в научный оборот архивных материалов;
- изучение педагогической, административной службы и журналистской деятельности Гилярова и в связи с этим исследование имеющих к нему отношение сюжетов из истории Московских духовных семинарии и академии, Цензурного комитета и Синодальной типографии, а также редакционной жизни славянофильских изданий «Русская беседа, «День», «Москва», «Современные известия», «Русь» и др.;

- описание вклада Гилярова в области гуманитарной науки (эстетики, языкознания, богословия, церковной истории, политэкономии, социологии, философии);
- определение своеобразия его творческой манеры как публициста, литературного критика, мемуариста;
- осмысление того, какое освещение и истолкование получали в творчестве Гилярова-публициста как автора статей политической, церковно-исторической, педагогической и др. тематики некоторые ключевые проблемы и события политической и литературно-общественной жизни (главным образом те, которые до сих пор не рассматривались в критической и исследовательской литературе);
- выявление специфики позиции Гилярова-журналиста в сопоставлении прежде всего с выдающимися его современниками-публицистами (К. С. и И. С. Аксаковыми, Ю. Ф. Самариным, М. Н. Катковым, К. П. Победоносцевым, Т. И. Филипповым, К. Н. Леонтьевым, Вл. С. Соловьевым и др.) и художниками слова (С. Т. Аксаковым, А. С. Хомяковым, Ф. М. Достоевским, Л. Н. Толстым, А. Н. Островским, Н. С. Лесковым и др.);
- рассмотрение раннего беллетристического творчества и дневниковой прозы Гилярова, предполагающее установление генезиса его эстетических взглядов;
- исследование жанровой природы автобиографических воспоминаний «Из пережитого», изучение их творческой истории и прижизненной критики;
- научная публикация объемного корпуса эпистолярных текстов Гилярова и его современников, характеризующих судьбу наследия писателя и позволяющих проследить историю собирания и публикации наследия Гилярова в 1880—1910-е гг.;
- комментированное издание записной книжки князя Н. В. Шаховского 1893 г., представляющей собой материалы для научной биографии Гилярова: собранные им мемуарные свидетельства родственников и знакомых,

а также выписки из различных печатных источников и копии архивных документов; их датировка и атрибуция;

- выявление неизвестных рецензий и других откликов на сочинения Гиляров и воспоминаний о нем.

Научная новизна работы заключается прежде всего в том, что в ней впервые представлена научная биография Гилярова на основе обширного корпуса, как правило, ранее неизвестных документальных материалов. В ходе исследования удалось установить датировки многих архивных документов, раскрыть ряд не учтенных библиографами псевдонимов, исправить фактические ошибки, допущенные в справочных изданиях и научных работах. Помимо обширного круга источников, впервые вводимых в научный оборот, и малоизвестных газетных и журнальных материалов, новизна исследования обусловлена тем, что в нем предпринята попытка обосновать значение Гилярова как одного из творцов русской идеологии и, таким образом, поспособствовать процессу возвращения имени писателя из незаслуженного забвения.

Теоретическая значимость работы определяется, во-первых, тем, что она дает выверенную методологию научного биографирования, базирующуюся не только на традиционном анализе исторических событий, участником которых был писатель, и осмысления этих событий в его творчестве, но и на реконструкции его диалогов с литераторами-современниками. Во-вторых, диссертационное исследование позволяет расширить представления о развитии отечественной журналистики середины и второй половины XIX в. и, в частности, о формировании в ней комплекса мировоззренческих представлений, впоследствии получивших образное наименование «русская идея». В-третьих, важен междисциплинарный акцент настоящего филологического исследования, рассматривающего проблемы, актуальные и для философии, социологии, языковедения, церковной истории.

Практическая ценность работы заключается в том, что ее содержание и выводы могут быть использованы преподавателями истории русской литерату-

ры, журналистики, литературной критики и эстетики — в вузовских лекционных курсах и на практических занятиях. Результаты исследования также дают материал для критического издания текстов Гилярова, а также для комментирования произведений писателей, которые входили в круг его общения — его единомышленников и оппонентов.

Методологическая база исследования

Работа основана на принципах научного историзма. Ее теоретико-методологическую основу составляет сочетание приемов биографического, сравнительно-исторического, культурно-типологического, историко-функционального, текстологического и источниковедческого анализа. Поскольку творческое наследие Гилярова характеризуется многоохватностью, граничащей с энциклопедизмом, и базируется на христианской антропологии, в работе используются также инструментарий и понятийный аппарат религиозной философии, богословия, социологии. К исследуемым явлениям применяются синхронический и диахронический подходы.

Источниковедческая база исследования

Существует три личных фонда Гилярова, все они ранее мало привлекали внимание исследователей. Два из них особенно объемны; после кончины писателя они находились в собственности ближайших учеников писателя — князя Н. В. Шаховского (ныне фонд № 847 Отдела рукописей Российской национальной библиотеки) и А. М. Гальперсон **(**фонд № 71 Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН; фонд в настоящее время прошел лишь предварительную разборку и пока не имеет полного научного описания, номера единиц хранения, указываемые при ссылках на документы из этого фонда, не могут считаться окончательными и впоследствии будут скорректированы**).** Еще один, сравнительно небольшой, личный фонд писателя находится в Отделе рукописных фондов Государственного литературного музея (фонд № 23). В других фондах названных архивохранилищ (ОР РНБ, РО ИРЛИ и ОРФ ГЛМ) также содержатся ценные документы, имеющие отношение к Гилярову. Кроме того,

нами были обследованы следующие 11 архивохранилищ: Государственный архив Российской Федерации, Отдел письменных источников Государственного исторического музея, Российский государственный архив литературы и искусства, Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, Российский государственный исторический архив, Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, Центральные исторические архивы Москвы и Санкт-Петербурга, Архив Санкт-Петербургского института истории РАН, Отделы рукописей Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН и Института литературы им. Т. Г. Шевченко НАН Украины. Во всех этих хранилищах были выявлены материалы, позволившие и более надежно документировать исследование, и открыть ранее неизвестные биографические детали, и внести уточнения в творческую историю произведений Гилярова. В общей сложности были изучены (и частично опубликованы) более 2,6 тыс. единиц хранения по теме диссертации.

В источниковедческую базу исследования вошли также многочисленные мемуары и дневники писателей, политических и общественно-церковных деятелей и материалы таких повременных изданий, как «Русская беседа», «Современные известия», «День», «Москва» («Москвич»), «Русь», «Московские ведомости», «Русское дело», «Русский труд», «Русский», «Благовест», «Летописец», «Литературная газета “Рцы”», «Новое время», «Русские ведомости», «Голос», «Новости и Биржевая газета» и др.

Основные положения, вынесенные на защиту

1. Гиляров — самостоятельный мыслитель, он выработал свое мировоззрение, систематически стройное и глубокое, свободное от довлеющего влияния конкретных школ и учений, которые подвергал творческому критическому переосмыслению. Придя самостоятельным путем к концептуальным выводам, близким к славянофильским, он никогда не был «человеком кружка», оставаясь свободным от крайностей их доктрины (идей панславизма, народности, сотериологии, экклесиологии, отношения к церковному преданию и др.).

2. Каждое из поприщ своей деятельности Гиляров воспринимал как самоотверженное служение соотечественникам, во всем исходя из принципов христианского гуманизма.

3. Отмеченная исследователями (и свойственная ряду видных русских писателей) «мозаичность творчества» Гилярова обуславливалась психологически свойственным ему перфекционизмом, мучительным, до самоистязания, стремлением к всеобъемлющей полноте и строгой логической прозрачности в формулировках и разъяснениях теоретических положений.

4. Первопроходческий характер имели многие идеи Гилярова в его исследованиях по социологии, старообрядчеству, методологии церковной истории, философии,[1] политэкономии,[2] лингвистике, а также характеристики выдающихся писателей и их творчества в его литературно-критических работах. Причем определяющей для гиляровской позиции всегда была глубоко прочувствованная нравственная оценка событий и явлений.

5. Как мыслитель Гиляров обладал известной самодостаточностью и вовлекался в диалоги (в том числе и эпистолярные), как правило, лишь по инициативе собеседников, считая, что полемика бесполезна, поскольку в ней каждый слышит большей частью себя самого. Тем не менее именно в творческих диалогах с выдающимися современниками (А. С. Хомяковым, С. Т., К. С. и И. С. Аксаковыми, Ю. Ф. Самариным, Л. Н. Толстым, М. Н. Катковым, Т. И. Филипповым, К. П. Победоносцевым, Н. С. Лесковым и др.) Гиляров выразил свой оригинальный взгляд на многие проблемы истории и культуры.

6. Основанная Гиляровым в 1867 г. первая ежедневная московская газета «Современные известия» стала уникальным «хождением в народ», совершавшимся в переломную для России эпоху, в период острейшего духовного кризиса, разразившегося после отмены крепостного права и затянувшегося на несколько

---

[1] Например, суждения Гилярова совпадают с «еще невысказанным феноменологическим обоснованием интенциональности» у Ф. Брентано и Э. Гуссерля (см.: *Викторович В.* Блаженны отставшие… // Возвращение Н. П. Гилярова-Платонова: сб. ст. и материалов. — Коломна, 2007. — С. 26—27).

[2] Задолго до Л. фон Мизеса Гиляров утверждал, что хозяевами рыночной экономики являются потребители.

последующих десятилетий. На фоне современной Гилярову журналистики его публицистическое слово всегда выделялось своей оригинальностью — как неожиданными, но всегда опиравшимися на русский менталитет подходами к решению политических и общественно-нравственных вопросов, так и образной речью с живыми, задушевными интонациями, стилистически удерживавшей смыслообразование и ценностный потенциал духовной литературы, и в частности церковной гомилетики.

7. Исследование ранних прозаических опытов Гилярова и его юношеских дневников показало, что он, отталкиваясь от современной ему светской беллетристики, искал новые пути в творчестве и интуитивно подходил к искусству дидактического, морализаторского характера. Так, его повесть «Последние дни Помпеи» (1843) сопрягает в своей идейно-образной структуре церковно-историческое содержание, строго апологетическую трактовку изображаемых событий и развлекательную фабулу светской остросюжетной повести.

8. Автобиографические воспоминания Гилярова «Из пережитого» (1884—1887) являют собой выразительную картину быта и нравов русского православного духовенства XIX в. В этом смысле они, соизмеримые по своим художественным достоинствам и познавательной ценности с лучшими образцами отечественной мемуарной прозы, представляют в известном смысле параллель к такой эпопее, как «Былое и думы» Герцена, причем изображаемое Гиляровым дано изнутри традиционного русского сознания, а не либерально-западнического.

9. Всей совокупностью своей научной, публицистической, литературно-критической и даже служебной деятельности, во многом незавершенной, Гиляров стремился выразить точку зрения на культуру, которая рассматривала бы ее с глубоко самобытных позиций, и, таким образом, внес весомый вклад в разработку понятий, выражающих историческое своеобразие и призвание русского народа, — в то, что принято обозначать концептом «русская идея». Важной вехой на этом пути должно было стать создание всеобъемлющей энциклопедии, освещающей все предметы с этих позиций.

10. Глубокомыслие трудов Гилярова и обаяние его личности способствовали формированию на рубеже XIX—XX вв. идейной традиции, объединившей ряд писателей и ученых (князь Н. В. Шаховской, А. М. Гальперсон, И. Ф. Романов-Рцы, С. К. Эфрон, В. Г. Сенатов и др.), считавших себя духовными преемниками Гилярова и развивавших его идеи. Их усилиями на рубеже XIX—XX вв. были систематизированы и изданы многие сочинения Гилярова, и поднялась волна интереса к нему.

Высокая **степень достоверности** диссертационного исследования обеспечена прежде всего тем, что в научный обиход впервые вводится целый пласт архивных документальных источников для изучения творческого наследия Н. П. Гилярова-Платонова и трактовки его жизненного пути, позволяющих значительно уточнить и во многом переосмыслить прежде известные данные о жизни и творчестве мыслителя, а также существенно дополнить общую историческую картину славянофильства. Предпринятый источниковедческий и текстологический анализ архивных документов обеспечил достоверные результаты их датировки и атрибуции.

Апробация диссертации осуществлена в 37 докладах на научных конференциях, в том числе всероссийских и международных, состоявшихся в 2007—2018 гг. в ИРЛИ РАН, в ведущих вузах и научно-культурных учреждениях Варшавы, Петербурга, Москвы, Коломны и Самары, а также в опубликованной по теме диссертации монографии объемом 57 а. л. Основные положения исследования также получили отражение в комментариях к мемуарам, ранней беллетристике, дневникам и письмам Гилярова, опубликованным в академической серии «Литературные памятники», к его эпистолярным комплексам и другим архивным документам, подготовленным в изданиях под грифами ИРЛИ РАН («Разумевающие верой», «Последние дни Помпеи», «Никита Петрович Гиляров-Платонов: Исследования. Материалы. Библиография. Рецензии», «Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома», «Христианство и русская литература», «Люди русской правды») и ИФ РАН («Историко-философский ежегодник») и

др., а также при подготовке к печати сочинений И. С. Аксакова, Ю. Н. Говорухи-Отрока, И. В. Киреевского, Н. С. Лескова, В. В. Розанова, И. Ф. Романова-Рцы, Ю. Ф. Самарина и других писателей-славянофилов и их последователей и оппонентов, и в 73 исследовательских статьях и публикациях, в том числе в 20 статьях в изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Текстологические принципы. При публикации рукописных текстов их орфография и пунктуация приближены к современным, однако сохраняются индивидуальные особенности языка авторов и традиционные для их времени грамматические и лексические формы, несущие дополнительную смысловую нагрузку. Со строчной буквы пишутся названия месяцев, дней недели и национальностей. Заглавия произведений печати унифицированы согласно современной норме: подставлены недостающие кавычки, курсив в функции кавычек не удерживается, однако в названиях периодических изданий ради сохранения написания, характерного для XIX в., прописные буквы не заменены на строчные (*«Новое Время», «Современные Известия»*), — в том числе и в основном тексте книги. Угловые скобки < > означают конъектуру публикатора; в них же заключаются слова, введенные им в публикуемый текст. Знаком многоточия в тех же скобках <…> обозначаются купюры в цитатах. Зачеркнутые в архивном источнике фрагменты текста введены в квадратные скобки [ ]. Вопросительным знаком в угловых скобках <?> сопровождаются слова, чтение которых предположительно. Слова, подчеркнутые единожды, выделены курсивом, двумя и более чертами — полужирным курсивом.

Структура диссертационного исследования. Диссертация состоит из двух томов. Первый том содержит: введение, три главы, включающие соответственно 10, 9 и 14 разделов, заключение, списки сокращений и литературы (912 позиций). Второй том содержит три приложения с публикацией архивных материалов.

Глава I. Жизнь и служение Н. П. Гилярова-Платонова

Очерк научной биографии

1.1. Школа религиозного самовоспитания (1824—1844)

Никита Петрович Гиляров-Платонов родился 23 мая[1] 1824 г. в г. Коломне Московской губернии, в семье настоятеля церкви Никиты Мученика П. М. Никитского (сам отец Петр, видимо, не любил свою казенную фамилию, присвоенную ему «по церкви», и предпочитал подписываться по старинке: «священник Петр Матфиев»[2]). Никита был последним, по общему счету тринадцатым, ребенком в семье, но, когда он появился на свет, в живых оставались только два его брата и три сестры. В мемуарах он упомянет о своем особом положении всеобщего любимца, положении как бы библейского Вениамина или Давида: «Я был младшим в семье, “поскребышем”, как называл меня отец с улыбкой прихожанам, “Давид Иессеев”, как шутил со мною Иван Евсигнеевич: старший брат обогнал меня на двадцать один год и ко времени рождения моего уже оканчивал курс; ближайшая по возрасту сестра была старше меня тремя годами».[3]

Семья Никитских заметно выделялась в купеческой Коломне своей «несветскостью», обособленностью и приверженностью к традиционному для строго благочестивого духовенства прежних времен укладу жизни. Об этом тоже пишет Гиляров, причем с немалым сочувствием: «Духовенство же есть вообще особенный мир; а семья, среди которой я вырос, была и среди особенных особенная: она жила в XVII веке, по крайней мере на переходе в XVIII. Консерватизм моего родителя был чрезвычайный: он жил вполне, как его отец, и с очень малым отличием от того, как жили дед и прадед. Мать и сестры были представительницами прогресса, порывались на нововведения: сестры ходили уже

---

[1] Все даты до 1918 г. здесь и далее приводятся по старому стилю. См. отметку в памятном месяцеслове отца писателя: «1824-го года мая 23-го числа родился сын Никита пополуночи в 40 минут 12-го часа» (*Гиляров Ф. А.* <Главы о коломенской старине из «Воспоминаний»> / Публ. А. П. Дмитриева // *Гиляров: ИМБР*. С. 205).

[2] См., например, его записку «Рождение детей моих»: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 818. Л. 1.

[3] *Из пережитого*. Т. 1. С. 59. Иван Евсигнеевич — двоюродный брат Гилярова.

в платьях, мать меняла сарафан на платье для торжественных случаев; но всякие нововведения прививались туго, тем более что мы, как Мозырский уезд, отделены были от мира. У нас почти не было знакомых; гостей не принимали и сами не бывали ни у кого. Дом наш был своего рода скитом, где царил угрюмый, вечно молчаливый патриарх, и при нем мы, подрастающая девичья молодость и полуребенок сын».[1] Здесь мир провинциальной священнической семьи уподоблен небольшому монастырьку-скиту, каждый из членов семьи благоговейно хранит его атмосферу и не тяготится его несветкостью. Со стороны же автора-повествователя налицо любование этой благостной, «обломовской» жизнью.

Не удивительно, что, взлелеянный в особой атмосфере городской священнической семьи, атмосфере религиозного горения, духовной целомудренности и чистоты, замыкающий собой длинный ряд поколений служителей алтаря, Гиляров изначально был человеком глубоко воцерковленным. О своих близких он неоднократно с большой теплотой вспоминал в книге «Из пережитого».

Вместе с тем священник П. М. Никитский, духовные запросы и интеллектуальные потребности которого не могли удовлетвориться пустопорожними разговорами с соседями и родственниками о погоде и текущих хозяйственных нуждах, — всю жизнь томился в глуши провинциальной Коломны от нравственного одиночества. Жертвенно заботился он о детях: доходы его всегда были невелики, но всем троим сыновьям он сумел дать образование в столичной семинарии, трех дочерей обеспечил достаточным для хорошей партии приданым. Его любовь к чтению как «отдохновению от непривлекательной действительности», внутренняя сосредоточенность на духовных, возвышенных предметах, тяга к мечтательности, уединенному времяпрепровождению, а также его нравственное обаяние и склонность к изящному остроумию, особенно проявлявшемуся в меткости его оценочных суждений и характеристик, — все это в полной мере будет унаследовано Никитой Петровичем.

Когда мальчику было 6 лет, он потерял мать, скончавшуюся в 1830 г. в эпидемию холеры. Трогательный духовный образ Мавры Федоровны, создан-

[1] *Из пережитого*. Т. 1. С. 6.

ный Гиляровым в его мемуарах, невольно вызывает ассоциации с евангельской Марфой: «Практический ум заменяла отцу мать. Она и вела хозяйство, но потому хозяйство и не могло простираться далее избы и двора».[1] Она была и «замечательной искусницей» во всех домашних рукодельях, и хорошей помощницей супругу в снискании хлеба насущного: обучала грамоте приходских ребятишек (то есть являлась «мастерицей» в специальном местном понимании). Но прежде всего Гиляров говорит о «любящей душе матери», невыносимо страдавшей на смертном одре за супруга — «ребенка в практической жизни», старшую дочь — непристроенную невесту и за всех других детей «ввиду темного будущего»...

Слушатель Гилярова в Московской духовной академии, а позднее его приятель, протоиерей П. А. Смирнов, в своей «речи пред панихидою» по усопшему учителю, восхищаясь его «выходящими из ряда», редкостными дарованиями («Какая необыкновенная гибкость мысли, какая роскошь фантазии, какое ясное и живое слово!»[2]), справедливо подчеркивал, что их развитию и сбережению до преклонного возраста «способствовало первоначальное воспитание в духовной, нравственно-чистой семейной обстановке»: «Его охранили в детстве и юности от опасных увлечений, от плотских пороков, а после сам он уже охранил себя от бурных порывов страстей; а это сберегло у него свежесть и мысли, и памяти, и воображения, и чувства. Вот что значит это целомудрие!»[3]

Идиллическая обстановка дружной семьи, лелеявшей младенческое созревание будущего писателя, в 1831 г. без ощутимого надлома сменилась более жестким и суровым миром Коломенского духовного училища. Тут сын священника Никитского официально получает свою фамилию Гиляров (от лат. hilarus — веселый), которую уже носят два его старших брата — Александр и Сергей. Всегда оживленный, деятельный, «общительный и говорливый» (по ха-

---

[1] *Из пережитого*. Т. 1. С. 43.

[2] Сочинения протоиерея Петра Смирнова, настоятеля С.-Петербургского Исаакиевского кафедрального собора. СПб., 1897. Вып. II. С. 259.

[3] Там же. С. 260. Важно, что такова была и гиляровская самооценка. П. А. Смирнов продолжал: «Так за несколько дней до кончины сам покойный мне объяснял, почему так ясно и живо вспоминалось ему его прошедшее…» (Там же).

рактеристике его сына),[1] хотя и горячий, временами вспыльчивый и нетерпимый Александр, первым в семье получивший эту фамилию при поступлении в духовное училище в 1810 г., по своему характеру соответствовал ей больше других братьев: и склонного к ипохондрии, вечно хандрившего и то и дело готовившегося умереть от воображаемых болезней Сергея, и нервного, чувствительного Никиты, который, по воспоминаниям современника, всегда удивлял неровностью своего поведения: «...то угрюмо-молчалив, то говорлив, весел».[2]

Мало-помалу в мальчике просыпаются настоящие умственные запросы, потребность в анализе, сомнение в казавшемся прежде непреложным. Начинается не прекращавшийся потом до конца жизни каждодневный изнурительный и вместе с тем окрыляюще радостный труд самовоспитания и внутреннего усовершенствования.

О своем пребывании в Коломенском духовном училище, а затем в Московской семинарии (1838—1844) Гиляров самым подробным образом повествует в своих мемуарах. Сразу после его кончины А. М. Гальперсон писала (в вышецитированной статье): «С простосердечием, которым была отмечена вся жизнь Никиты Петровича, он в своих воспоминаниях “Из пережитого” поведал России все, что было в нем хорошего и дурного во время его физического и умственного роста до выхода из Академии. Лучше того, как он сам себя очертил, никто его не очертит».[3]

В воспоминаниях Гилярова период его детства и отрочества, со всеми его бытовыми подробностями, изображен увиденным как бы перекрестным зрением: реконструированным детским и дающим ему надлежащую подсветку и оптическую глубину, «умудренным» зрением последних лет. Особую роль играл в его нравственно-эстетическом возрастании родимый топос. Сам Гиляров был убежден: «Вырасти и воспитаться в виду Кремля или в виду казарм, — совсем другой человек выйдет, не менее того, как совсем разные люди выходят из жителей до-

---

[1] См.: Воспоминания Ф. А. Гилярова // *РА.* 1904. Кн. I, вып. 2. С. 327

[2] *Добронравов Н.* Н. П. Гиляров-Платонов: Из воспоминаний сотрудника // Родная Речь. 1897. № 4. 1 марта. С. 5.

[3] <*Гальперсон А. М.*>. Москва, 20 октября. С. 1.

лины,[1] где взор упирается в стену, сокращающую кругозор, и из жителей горных, степных, наконец, приморских. Иначе складывается не только характер, но и ум; он приобретает свойства и направление, родственные особенностям природы или искусства, которыми был окружен глаз с детства».[2]

Родина Гилярова, старинный городок Коломна, с когда-то славной историей, к началу XIX в. постепенно превращался в глухое захолустье. И все же он своими благолепными монастырями, еще мощными, но мало-помалу уступающими натиску времени и небрежению людей кремлевскими стенами, затейливыми посадскими церквами и дворцами-храминами именитых купцов — не случайно запечатляется в сознании читателей гиляровских мемуаров как некий заповедный центр духовной жизни, как сердце глубинной провинциальной России, со всей первозданной свежестью ее самых святых верований и заветных преданий. Начиная с детских и юношеских дневников во всем последующем творчестве Гилярова будет вольно или невольно сказываться очень живое и непосредственное ощущение своих народно-религиозных корней, ненатужный эстетизм, всегда проникнутый тем же живительным национальным духом, и неизбывный интерес к самым беспокойным сюжетам русской истории и культуры (старообрядчество, земля и воля, нигилизм, еврейский вопрос и др.). Истоки же этой чуткости ко всему, что касалось традиционного отечественного быта и узловых духовных проблем времени, следует искать в благотворных коломенских впечатлениях детских лет.

Впрочем, бурсацкая жизнь нередко показывала свои мрачные стороны. С так и не улегшейся за прошедшие десятилетия обидой Гиляров вспоминал в письме к А. С. Суворину от 23 августа 1872 г.: «Не красно было это школьное время. Приходилось быть битым, без счета раз сеченым (несправедливо); приходилось рвать книги с отчаянием, что лучше не учиться, чем быть истязуемым <...>».[3] И все же Гиляров, в отличие от многих своих современников — таких, например, как Н. Г. Помяловский, Д. И. Ростиславов, священник

[1] Имеется в виду, конечно, межгорная впадина.
[2] *Из пережитого*. Т. 2. С. 85.
[3] *Из пережитого*. Т. 2. С. 208.

И. С. Беллюстин, — был убежден, что укорененная в религиозно-педагогическую традицию, проверенная временем «конституция духовной школы» (название одной из глав его мемуаров) в основе своей нисколько не устарела, но, напротив, по-прежнему обладает мощным потенциалом, зачастую дающим ей немалое превосходство перед системой гражданского образования, особенно же секуляризованного.

Будучи учеником Коломенского духовного училища, Никита Гиляров впервые увидел своего правящего архиерея — митрополита Филарета (Дроздова), когда владыка приезжал погостить на родину. В мемуарах «Из пережитого» рассказывается о первых запавших в душу впечатлениях от участия Филарета в похоронах его 40-летнего брата Никиты Михайловича в 1839 г. Гиляров писал о себе, 15-летнем подростке: «У меня слезы выступили на глазах. Это чудное утро, легкий туман, едва поднимающееся солнце, полная повсюду тишина, и этот звон, возвещающий о приезде архиерея-брата на последнее целование брата-протоиерея. Меня тронула эта родственная нежность высокого иерарха к своему невидному брату <...>».[1]

Накладывались на эти светлые переживания образы, вызванные рассказами отца и старшего брата, а также слухами и сплетнями, которыми разнообразилась жизнь уездной Коломны. «Знаменитый исторический деятель учился в той же семинарии, несколькими курсами моложе моего отца. Филарета мой отец помнил как очень скромного мальчика, “рябенького” (?), во фризовом сюртуке. Последнее обстоятельство придавало ему вид щеголя среди своих сверстников».[2] Брат же Александр был свидетелем приезда Филарета в родной город 19 июля 1815 г. с инспекторской проверкой: «...посещение Филаретом Коломенского училища представляло особенную *пикантность* в том, что здесь смотрителем был его отец, учителем зять. Конечно, заранее можно было предсказать, что найдено будет все в отличном виде <...>».[3] Из уст в уста передавались сплетни

[1] *Из пережитого*. Т. 1. С. 324.
[2] *Из пережитого*. Т. 1. С. 30.
[3] *Из пережитого*. Т. 1. С. 51—52.

о разных неблаговидных поступках родственников владыки — так называемых «филаретовцев».[1]

Первое посещение Москвы 13-летним Никитой в июле — сентябре 1837 г. произвело своего рода переворот в душе любознательного подростка, приоткрыло новые умственные горизонты, потрясло величественной красотой городских ландшафтов и атмосферой свободы, с которой события большой истории на глазах претворяются в милые сердцу легенды и предания. В мемуарах Гиляров скажет с некоторым пафосом: «27 июля 1837 года памятно мне: это было новое рождение мое, второе крещение. <...> 27 июля 1837 года я въехал в Москву <...>».[2] Через год он снова приезжает сюда, уже для поступления в семинарию, и Москва навсегда становится его городом — единственным и возлюбленным «вечным Римом». Один из сотрудников газеты Гилярова позже вспоминал его слова: «Россию не променяю на всю Европу, вместе взятую, говаривал он, а из Москвы, которая для меня второй Рим, не поеду ни за какие тысячи».[3]

В семинарский период интенсивная учеба сочеталась с преодолением многих дополнительных бытовых трудностей. Об этом Гиляров подробно рассказывает в мемуарах и кратко — в упомянутом автобиографическом письме к Суворину: «Приходилось <...> голодать; ночевать под открытым небом; путешествовать ежедневно по пяти верст и обратно, весной и осенью по колена в воде, зимой по колена в снегу; приходилось жить в вертепах с отребиями общества».[4]

Первые два года — с августа 1838 г. по ноябрь 1840 г. — Никита жил на Малой Царицынской улице в доме своего старшего брата Александра, служившего диаконом в Новодевичьем монастыре. Отношения складывались непросто и из-за возрастного различия: Никита был почти ровесником своему племяннику Петру (старше его на 6 лет), — и в связи с некоторой двусмысленностью поло-

---

[1] *Из пережитого*. Т. 1. С. 82—87 и др. Подробнее о взаимоотношениях Гилярова и святителя Филарета см. ниже, в разделе 1.3.

[2] *Из пережитого*. Т. 1. С. 156.

[3] *Добронравов Н.* Н. П. Гиляров-Платонов. С. 10.

[4] *Из пережитого*. Т. 2. С. 208.

жения: в голодные 1838—1840 гг. младший брат оказывался не слишком желанным гостем, если не сказать — лишним ртом, в доме старшего. Самой же существенной причиной разлада и будущего разрыва отношений явилось то, что Александр Петрович неожиданно предстал в роли требовательного и взыскательного ментора, он настойчиво добивался от брата беспрекословного послушания, читал ему нотации, поучал. А Никита переживал переходный возраст и воспринимал все это, особенно же столь бестактную попытку заменить отца, очень болезненно.

К тому же он вел тайный дневник, куда не только записывал свои впечатления от различных жизненных событий и, прежде всего, от встреч с окружающими его людьми, но и страницам которого поверял свои религиозные сомнения, покаянные настроения, сокровенные надежды. Проявилось в дневнике и потаенное желание реализовать себя в художественном творчестве, и подспудное стремление к самопознанию и самоопределению. Настоящим ударом по взаимоотношениям братьев стало неделикатное поведение Александра Петровича, позволившего себе читать эти дневники и делать на полях замечания, неуместность, если не сказать — безнравственность которых не искупались проявлениями родственной заботы, например, о качестве стиля. Никита не мог не оскорбляться, доставая из укромного места свой дневник и удостоверяясь, что тот находился в чужих руках и потом был тайком ему подложен, а его страницы снабжены очередными ремарками вроде: «Старайся писать не так отрывисто, но более в периодических формах» — или просто «честно» завизирован: «Смотрел Александр Ги<ляров>».[1] Горечь Никита Петрович испытывал и в конце жизни, когда писал в своих мемуарах: «…нашел записи брат, прочел их, не говоря мне ни слова и не говоря же мне ни слова испестрил помарками, отнесясь к ним, как к ученическому упражнению. Но то было не упражнение: то было излияние, то была исповедь».[2]

---

[1] *Гиляров-Платонов Н. П.* Последние дни Помпеи: Семинарские опыты в стихах и прозе, 1837—1843 / Вступ. ст., сост., подгот. текстов и коммент. А. П. Дмитриева. СПб.: Пушкинский Дом, 2009. С. 376, 33.

[2] *Из пережитого*. Т. 1. С. 163.

Здесь следует оговориться. Казалось бы, факт чтения старшим братом дневника младшего вполне естественен для жизни патриархальной семьи. Однако существенно то, что «патриархальность» гиляровской семьи существенно отличалась от патриархальности, к примеру, «темного царства» А. Н. Островского. После ранней кончины матери отец, отличавшийся особой душевной деликатностью, судя по тексту мемуаров, бережно относился к внутреннему миру своих детей, не нарушал их личного пространства; невероятно, чтобы он обыскивал их личные вещи и читал тайные записи. Старший же брат, уже в молодости злоупотреблявший спиртным, был душевно ограниченным человеком, склонным распускать руки по отношению к слабым членам семьи и наслаждаться их унижением. При первой возможности Никита покинул дом брата.

6 ноября 1840 г. он переехал на Зацепу, в дом протоиерея церкви Флора и Лавра А. И. Богданова, своего будущего тестя, а в то время отца его ученика — малоспособного семинариста Игнатия Богданова. В радушной семье Богдановых, быт которой был поставлен прямо-таки на барскую ногу, Гиляров забыл о материальных трудностях. Первый ученик семинарии, он с самого начала пользовался на Зацепе, можно сказать, трепетным почитанием, а вскоре к нему стали относиться совсем по-родственному. Он помогал не только Игнатию в учебе, но и главе семейства — в заполнении метрических, приходорасходных, клировых, оспенных и иных книг и ведомостей, ведение которых возлагалось на приходского священника.

В период учебы в Коломне Гилярову приходилось только мечтать о настоящем товарище — приятеле-ровеснике, которому можно было бы поверять свои «мечты и думы». В семинарские же годы сами собой сложились дружеские отношения: нежно-сентиментальные — с будущим фольклористом Петром Бессоновым (впоследствии, уже в 1860-х гг., переросшие во вражду), запанибратски задушевные — с практичным и трогательно заботливым Василием Покровским («Перервенцем», как он назван в воспоминаниях) и уважительно товарищеские — со степенным и вместе с тем обескураживающе непосред-

ственным Николаем Розановым, пытавшимся посвятить Никиту во «взрослого», познакомив его поближе с обитательницей грязного трактира.

Тогда же, точнее в последние два года обучения в семинарии (1842—1844), Гиляров сблизился с Василием Сперанским и Иваном Александровским, впоследствии известными московскими протоиереями и церковно-общественными деятелями. Это была, что называется, дружба не разлей вода («Где было нас двое, там нужно было искать третьего»), и даже больше, чем дружба, — духовное братство, соединяющее людей на всю жизнь неразрывными узами. Судить об этом кружке можно не только по книге «Из пережитого», но и по нескольким сохранившимся в архиве Сперанского гиляровским письмам, отправленным друзьям во время болезни (зимой 1843 г.): тут и настоящее пиршество мысли, всепроникающий интеллектуальный накал, общая увлеченность учебой, и легкое подтрунивание друг над другом, соревнование в изящном остроумии, и задушевные, по-родственному теплые взаимоотношения.[1]

Для Гилярова это семинарское товарищество, еще более окрепшее в годы последующего обучения у Троицы в Академии, в какой-то мере оказалось и выходом в большой мир современной культуры из сословно ограниченного круга, в котором тогда вынужденно замыкалось провинциальное духовенство. Старшие братья Сперанского учились в университете и делились с ним впечатлениями от лекций профессоров, новинок литературы, театральных постановок. Детство Александровского прошло в Гааге, где его отец в течение пяти лет был священником при дворе великой княгини Анны Павловны: Иван был обучен музыке, прекрасно владел французским и немецким языками, в его манерах чувствовался настоящий светский лоск.

Главным недостатком семинарского образования в XIX столетии Гиляров считал тот факт, что священство в этих учебных заведениях понималось в «несколько протестантском смысле»: предполагалось, что «семинария должна образовать <...>“проповедника Слова Божия”, т. е. с кафедры в храме, а не христианского учителя, который проповедует благовременно и безвременно,

[1] См.: РГБ. Ф. 649. Карт. 1. Ед. хр. 17.

а не духовного отца, который не оставляет духовных детей без руководства и в храме, и в доме (в школе тем паче), и на всех путях».[1]

Для самого Гилярова, как он неоднократно признается в своих мемуарах, необходимость подготовить и произнести богослужебную проповедь превращалась в нравственную пытку. Он, впоследствии мастер художественно выразительного слова, незаурядный ученый, яркий публицист, с трудом заставлял себя составить по известной схеме гомилию, так как подсознательно чувствовал в этом оскорбление литургийного действа. В проповеди как таковой он видел не литературно-педагогическое упражнение, а существенную часть апостольского служения, к которому при рукоположении приобщается священник. Истинная проповедь, в его понимании, это всегда результат большой духовной работы и, вместе с тем, проникнутая сердечным воодушевлением, питаемая горячей верой смелая импровизация, сотворение церковного «слова» прямо на глазах у предстоящих в храме.

1.2. Обучение и педагогическая деятельность у Троицы в Академии (1844—1855)

Приезд 15 августа 1844 г. в Свято-Троицкую Сергиеву лавру для поступления в Духовную академию, равно как и первое посещение Москвы с прибытием к брату в Новодевичий монастырь, Гиляров называл «вторым крещением»: «Два пункта равной силы отметились в моей жизни и оба врезались в память глубоко, неизгладимо. <...> То и другое совершилось при одинаковых обстоятельствах. Вечер; там и здесь монастырь; там и здесь всенощная; там и здесь преддверие новой жизни, перестройка духовного существа <...>».[2]

В Академии очень скоро даровитый Никита Петрович выдвинулся как первый ученик. Современник передавал, что он «был, по отзыву товарищей, душой и руководителем своих однокурсников: где ни соберется, бывало, кучка

[1] *Вопросы веры и церкви*. Т. II. С. 301 (статья 1881 г.).
[2] *Из пережитого*. Т. 1. С. 156.

студентов в свободные часы, заранее можно сказать, что в середине ее ораторствует Гиляров».[1] Напряженная учеба в Академии уже через два года была отмечена академическим начальством высочайшим отличием: по представлению бакалавра по кафедре логики и истории философии И. М. Богословского-Платонова, под чьим руководством Гиляров писал свою полукурсовую диссертацию, он удостоился чести стать очередным стипендиатом митрополита Платона (Левшина) и его фамилия получила почетную прибавку Платонов. Это сочинение называлось «Об онтологии Гегеля размышление» и было посвящено анализу взглядов не только самого Гегеля, но и, отчасти, ряда других философов-рационалистов.[2]

Гиляров проделал беспримерную для своего времени работу (фактически он был и первым переводчиком на русский «Науки логики» и «Феноменологии духа») и по праву может считаться одним из первых гегелеведов в России.[3] Выводы Гилярова были вполне в русле православного теизма: ему удалось вскрыть ущербную односторонность гегелевского панлогизма, служившего орудием для «скрытого отрицания» самой категории бытия, и вообще — показать внеположность всей этой философской системы к христианской онтологии и этике. Увлеченность же умозрительными системами, подведшая его вплотную к Канту и Гегелю, а потом и к осознанию их беспомощности во вполне удовлетворительном, всеобъемлюще истинном, объяснении сущего и берет начало в семинарские го-

---

[1] *А.* Никита Петрович Гиляров-Платонов: Некролог // *МВед*. 1887. 17 окт. № 286. С. 3.

[2] Опубликовано в виде отдельных статей. Первая из них: Рационалистическое движение философии новых времен: Очерк // *РБ.* 1859. Кн. III (15). Отд. II: Науки. С. 1—64. Статья подписана криптонимом «Н. Г—в» датирована автором 4 мая 1859 г., хотя в сопроводительном примечании указано, что она представляет собой часть обширного сочинения, писанного в 1846 г., т. е. полукурсовой философской диссертации «Об онтологии Гегеля размышление». Автограф: ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 10. 136 л. После кончины Гилярова и оставшаяся часть этой диссертации была опубликована — А. М. Гальперсон под названием «Онтология Гегеля» (*ВФиП.* 1891. Кн. 8, 10; 1892. Кн. 11).

[3] К слову сказать, эта научная заслуга Гилярова до сих пор не получила должной оценки историков философии: даже в репрезентативных работах, специально посвященных этой теме, его имя зачастую и не значится. См.: Гегель и философия в России: 30-е годы XIX в. — 20-е годы XX в. М., 1974; *Абрамов А.* Гегель в России // Русская философия: Малый энциклопед. словарь. М., 1995. С. 117—120. Ср., однако, с довольно скептическим отзывом слависта Д. И. Чижевского, считавшего, что критика Гиляровым Гегеля «теряется в формальных мелочах» (*Чижевский Д. И.* Гегель в России. СПб., 2007. С. 261).

ды с их «болезнью о формальной истине».[1] При этом члены Академической конференции, давшие ему звание «платоника», рисковали вызвать недовольство высших властей, прежде всего митрополита Филарета (Дроздова).

Позволим себе пространную выписку из некролога, составленного Гиляровым своему учителю Богословскому-Платонову: «То было в половине сороковых годов; Гегель был тогда еще кумиром всего, имевшего притязание на способность к высшему мышлению; в духовно-учебных заведениях то был предмет суеверного ужаса и отвращения для одних, любопытства — для других. Любопытство принадлежало, разумеется, молодым людям и было вполне естественно и похвально. Не выходить же им с пробелом в голове, и притом относительно явления самого выдающегося! Так судил и молодой бакалавр; он нашел нужным познакомить своих слушателей с отвлеченностью абсолютного идеализма. Но с первого же шага, вместо внимания и поощрения, которого заслуживало его начинание, именно за то самое попал он в опалу <...>. Не заходи далеко! Предание предписывало доходить в истории новой философии много до Канта; да еще и того считать “новейшим”, а новыми достаточно было признавать хоть бы Декарта с Лейбницем. <...> А времена были крутые: то был 1846 год, а за ним и 47-й с 48-м. Мистический страх к “новым направлениям” распространялся в предержащих кругах все сильнее и сильнее. Богословскому необходимо было доказывать свое мыслительное благонравие и общественную благонадежность; а для этого оставалось одно средство — поворотить спину к ученым занятиям и ко всему, что было вопросом; ограничиваться лишь перетрясанием старого, что не возбуждает мысли, зато не возбуждает и опасности».[2]

Фактически с 1846 г. «на подозрении» в неблагонадежности оказался и сам Гиляров, что в полной мере сказалось при защите им магистерской богословской диссертации «О потребности вочеловечения Сына Божия для спасения рода человеческого» в 1848 г.[3] Позже он писал об этом Суворину: «Филарет, председа-

---

[1] *Из пережитого*. Т. 1. С. 269.

[2] *<Гиляров-Платонов Н. П.>*. Москва, 20 декабря // *СИ*. 1870. 21 дек. № 351. С. 2.

[3] Именно за это сочинение Гилярову была присвоена степень магистра, а вовсе не за исследование «О папе Формозе», как ошибочно сообщается в авторитетном справочном изда-

тельствовавш<ий> на конференции, нашел в диссертации философский дух, напомнил в обвинение, что я “хорошо учился философии”; пытался ужаснуть тем, что венские студенты производят революции. Большего, впрочем, не последовало. Он лишил меня лишь первого места, под которым значился я в студенческом списке».[1]

Да и сама подготовка этой диссертации постоянно ставила Гилярова перед выбором — между свободой творчества и безусловным подчинением иерархическим авторитетам — и вылилась для него в настоящую духовную драму. В письме к И. Ф. Романову-Рцы от 12 ноября 1886 г. Гиляров вспоминал: «Скажу Вам <...> историю моей магистерской диссертации. Мне дали тему: “О необходимости воплощения Божия”. Юноша я был еще, но возмутился. Бросился к ректору, умолял дать другую тему или изменить редакцию, ибо тема есть nonsense: индуктивно не придешь к *необходимости*, а дедуктивно доказывать в данном случае необходимость значило бы отыскивать для Бога высшее начало, которому Он должен покориться. Тщетно! “Владыка так приказал”. Долго рассказывать всю историю моей диссертации и последствия из-за нее, сказавшиеся на моей судьбе».[2] Первому студенту Академии, стипендиату-«платонику» представлялось, что от него ждут просто орнаментального подбора схоластических софизмов взамен честного исследования и серьезного богословского дискурса. Кривить душой в вопросах веры Гиляров не мог по самому складу своей натуры, и, как видно, несговорчивый студент настоял на своем, и в названии сочинения вместо «о необходимости» появилось компромиссное «о потребности». Филарет, со своей стороны, считал пагубным применение к богословским исследованиям выводов и методологии новейшего философского рационализма.

нии: *Фатеев В. А.* Гиляров-Платонов Никита Петрович // Православная энциклопедия / Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М., 2006. Т. XI: Георгий — Гомар. С. 479. Отметим еще ошибку, связанную с магистерской диссертацией Гилярова и тоже в справочном издании: А. А. Платонов указывает, что она была «опубл. 1855» (*Платонов А. А.* Гиляров-Платонов Никита Петрович // Отечественная история: История России с древнейших времен до 1917 г.: Энциклопедия. М., 1994. Т. 1. С. 554). На деле эта диссертация никогда не публиковалась.

[1] *Из пережитого*. Т. 2. С. 209.

[2] *Письма к Рцы*. С. 272—273.

В кругах, близких к Филарету, так и закрепилось представление, что «сочинение курсовое о необходимости воплощения Н<икита> П<етрович> написал в неправославном духе, за что Филарет и ссадил его с первого места на второе» **(**бывший ученик Гилярова архиепископ Савва (Тихомиров)**),**[1] друзья же Никиты Петровича чем только не объясняли придирчивость владыки — даже его уязвленным честолюбием: «Окончил он 2-м, а не первым потому, что ректор Академии Алексий не сумел защитить перед Филаретом, очень придирчивым к курсовым сочинениям студентов, его диссертацию на тему: О необходимости воплощения Сына Божия. Была на эту тему проповедь Филарета, зерном которой и надлежало прежде всего воспользоваться для стяжания от него одобрительного отзыва, потом бы можно было приводить и другие доказательства. Гиляров же утвердился прежде всего на некоторых доводах, почерпнутых из учения Отцов Церкви, — а не на Филаретовских, и не угодил Владыке, вследствие чего и съехал с первого места на второе в Богословии» (протоиерей М. С. Боголюбский).[2]

Истинные же причины конфликта, как свидетельствуют новонайденные архивные материалы, следует искать в принципиальных различиях исследовательских установок представителей богословской мысли разных поколений и в неприемлемых для Филарета стилевых особенностях гиляровского письма. Талантливый Гиляров был любимцем своего ректора (и по Семинарии, и по Академии) архимандрита Алексия (Ржаницына), который, в свою очередь, был как бы «дитя души» для митрополита Филарета. В мемуарном очерке ближайшего гиляровского приятеля в тот период В. М. Сперанского «Воспоминания об Академии» (1869) сообщаются следующие любопытные подробности этого события: «Дело было так. Митрополит сначала и не думал понижать Гилярова, не хотел и читать его сочинения, сказав: “Я знаю, что он хороший студент”. Но Алексию, по особенной любви его к Гилярову, вздумалось похвастаться пред митрополитом его рассуждением, и он пристал к митрополиту, чтобы он почитал сочинение Гилярова. Митрополит с неудовольствием стал читать и привязываться

[1] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 49. Л. 54.

[2] Там же. Л. 41а. *Богословие* — зд.: высшее двухлетнее отделение (Богословское) академического курса.

к каждому слову. Алексий стал защищать Гилярова и еще более рассердил митрополита. Митрополит закричал: “Составьте журнал: я пошлю свое мнение об этом сочинении в Св. Синод”. Потом, по пересмотре всех сочинений, когда нужно было составлять список, митрополит сказал, что Гиляров не может быть первым. Как ни старался Алексий, — митрополит стоял на своем. Наконец, Алексий сказал: “Как же его не записать 1-м? Ведь он — Платонов”. Митрополит, обращаясь к другим, сказал: “Судите — вот доказательство: он Платонов, след<овательно>, должен быть 1-м”».[1] Тем не менее, на единственное бакалаврское место, вакантное в том (1848-м) году, Алексий все равно представил Гилярова. Впоследствии Алексий защищал Гилярова перед Филаретом. Бывший студент Академии А. П. Владимиров свидетельствовал: «Митрополит Филарет уже несколько раз говорил академическому ректору Алексею: “Я слышу, что Гиляров читает «вольнодумно»”, на что ректор отвечал, что лекции его вполне православны».[2]

Следует упомянуть и о том, что митрополит Филарет всегда недолюбливал братьев Гиляровых — и Никиту, и Александра, которого долго держал в диаконах, а потом отправил на недостаточный приход (в 1853 г., к Крестовоздвиженской церкви на Овражках),[3] и это притом, что они были не только земляки ему по Коломне, но и дальние родственники: шурин родного брата Гилярова (Александра), Геннадий Федорович Островский, был женат на племяннице Филарета Варваре Иродионовне Сергиевской, а троюродный брат Гилярова, протоиерей Григорий Иванович Богоявленский (он же сын крестного отца Никиты Петровича), — на родной сестре владыки Аграфене Михайловне Дроздовой. И лишь в начале 1860-х гг. наметилось потепление в отношениях владыки к Гилярову.

---

[1] РГБ. Ф. 649. Карт. 1. Ед. хр. 5. Л. 31—31 об.

[2] *Владимиров А*. Памяти Никиты Петровича Гилярова-Платонова // *РО*. 1897. Т. 47, окт. С. 852.

[3] О причинах митрополичьего недовольства острым на язык и проявлявшим слабость к спиртному священником А. П. Гиляровым см. в «Воспоминаниях» его сына Ф. А. Гилярова: *РА*. 1904. Кн. I, вып. 4. С. 604—607.

Обучение в Московских семинарии и академии не то чтобы подвело какую-то подытоживающую черту под духовно-нравственным и умственным созреванием Гилярова-мыслителя, — оно скорее только способствовало проявлению и углублению заложенного ранее, стало значимым этапом в не прекращавшейся до конца дней работе духа, основу которой составляло все же не педагогическое воздействие извне, а волевое усилие самовоспитания.[1] В мемуарах он рассказывает о своем безудержном, ненасыщаемом стремлении овладевать знаниями еще в подростковом возрасте: «Что же я знал в результате? Говорю о периоде от 10 до 13 лет. Знал я очень много и опять повторяю — по части эмпирических сведений и прикладных знаний. История, география, домоводство, сельское хозяйство, техника. <…> Я имел понятие, например, о кораблестроении, о торфе, о сидре, о трехпольной и плодопеременной системах, о чугуноплавильных домнах, не говоря о странах, лицах, годах Старого и Нового Света, древней и новой истории, об искусстве, политике, литературе. Было не связано, не полно, неравномерно, поверхностно, но обширно. Связь отчасти возникала потом сама собою: события, лица, естественно-исторические и технические явления устанавливались в соответственные рамки и последовательный порядок сами собою, тем процессом, каким укладываются в свою систему непосредственные впечатления природы и общества».[2] И в другом месте снова возвращается к этой же мысли о непостижимой действенности самопознания: «Отнюдь не думаю рекомендовать случайного набора, которым составились мои первоначальные сведения. Но размышляю иногда: если бы все, мною добытое, преподано было мне систематически, последовательно, больше ли бы я знал и правильнее ли, нежели узнал своим беспорядочным способом? Полагаю, что я не узнал бы сотой доли, и тысячная доля не прижилась бы ко мне и не срослась бы. Читая, я не заботился о писателях, не изучал царствований в хронологическом порядке, не зубрил ботаники по классам растений; но, если бы кто тогда проэкзаменовал меня, право,

[1] См. об этом подробнее: *Дмитриев А. П.* Школа православного самовоспитания: (Литературные уроки и досуги семинариста Никиты Гилярова) // *Гиляров-Платонов Н. П.* Последние дни Помпеи. С. 5—46.

[2] *Из пережитого*. Т. 1. С. 124.

я оказался бы знающим более и основательнее не только географию и историю, и в частности историю литературы, но даже ботанику, зоологию и минералогию, нежели другой, прососавший учебники малый, даже старше моих лет. Причудливая машина — человеческая природа!»[1]

И все это нисколько не умаляет значения специального семинарского и духовно-академического просвещения, несмотря на всю его муштру и другие действительные, а чаще приписанные злопыхателями недостатки, и прежде всего — несмотря на несомненную элитарность в смысле изысканности и немалой трудоемкости этого образования. Об этом прямо пишет Гиляров, называя имена людей, составивших славу русской науки: «В том и заключалась жалкая особенность старой духовной школы, что умственная выправка, которую она давала, была не для дюжинных натур. Отсюда бьющая глаза противоположность: наряду с выдающимися умами, с оригинальными и глубокими мыслителями, с учеными, поражающими разносторонностью знаний, она выпускала олухов, невежд, за которых стыдно пред четырехклассниками гимназий; выпускала, заметьте, таких олухов по окончании курса, наряду с Павским, Голубинским, Горским, Надеждиным».[2] И о том же уже в связи с одним протоиереем А. В. Горским: «Но когда я вспомню об А. В. Горском, этом гармоническом сочетании полнейшего самоотвержения с глубоким признанием прав свободы в других, об этом чудном единстве строгого аскетизма с широким либерализмом в лучшем смысле, я восклицаю мысленно: за этого одного человека, за одного такого можно простить все безобразия, все крайности духовной школы, в какие она впадала! А можно поручиться, что А. В. Горского произвела именно школа».[3]

5 ноября 1848 г. Гиляров был определен бакалавром Академии по новоучрежденной кафедре библейской герменевтики и учения о вероисповеданиях, ересях и расколах, а с открытием осенью 1854 г. Миссионерского отделения он 21 сентября был назначен преподавателем русской церковной археологии и истории раскола в России (первая лекция состоялась 3 октября). Этот период в

[1] Там же. С. 125.
[2] *Из пережитого.* Т. 1. С. 75.
[3] Там же. С. 228.

жизни Гилярова довольно надежно документирован: в частности, целый ряд важных материалов из фондов ЦИАМа, касающихся учебы и преподавательской деятельности Гилярова в Московской духовной академии (аттестаты 1840 и 1850 гг., отчеты, планы лекций по библейской герменевтике и учению о вероисповеданиях и др.), недавно опубликовал Г. С. Прохоров.[1] О своем вкладе в разработку источниковедения науки о расколе Гиляров вспоминал в книге «Из пережитого»: «Мне поручено было тогда разобрать, описать и распределить по учебным заведениям раскольнические книги и рукописи, в числе не одной тысячи экземпляров, хранившиеся в Синодальной библиотеке»[2] и изъятые у старообрядцев в 1841—1854 гг. В бумагах Гилярова сохранился черновой автограф его донесения митрополиту Филарету (Дроздову) от ноября 1854 г. об исполнении поручения «описать книги Синодальной библиотеки, отобранные у раскольников, и избрать из них по экземпляру для Московской и Казанской академий и для Московской и Вифанской семинарий» (от себя и от имени профессора Московской духовной семинарии А. Ф. Кирьякова). В результате в Московскую духовную академию было направлено 411 книг, в Казанскую — 148, в Московскую духовную семинарию — 81 и в Вифанскую — 65 книг. Кроме того, Гиляров подробно объяснял, почему «некоторые книги не представляют интереса для миссионерских отделений».[3] Автограф и писарский список самой этой «Описи собрания раскольнических книг в Синодальной библиотеке с указанием предполагаемого распределения оных по академиям и семинариям» хранятся в РГБ.[4] В этот же период Гиляров состоял сотрудником редакционного комитета по переводу творений Св. Отцов и, например, «при разверстке платы в 1852 г. за 51 стр. перевода получил 60 р. 43 к.».[5]

---

[1] Н. П. Гиляров-Платонов в стенах Московской духовной академии: (Новые материалы из фондов ЦИАМа) / Публ. Г. С. Прохорова // *Гиляров: ИМБР*. С. 520—562.

[2] *Из пережитого*. Т. 1. С. 291.

[3] См.: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 210. Л. 3).

[4] См.: РГБ. Ф. 178. Ед. хр. 1248. 95 л.

[5] *Завьялов А*. Гиляров-Платонов Никита Петрович // Православная богословская энциклопедия. Пг., 1903. Т. IV. Стб. 3.

Эти семь лет академической службы Гиляров всегда называл счастливейшими в своей жизни. Молодой бакалавр преподавал необычно: смело импровизировал, легко отвлекался от основной темы, насыщал свои лекции актуальным, нередко даже публицистическим, содержанием,[1] будил мысль слушателей адогматическим, творческим подходом к анализу как святоотеческого наследия, так и насущных проблем русской общественно-религиозной жизни. Воспитанник Московской духовной академии А. П. Владимиров вспоминал о Гилярове: «Он никогда не садился на кафедру и никогда не читал по тетрадке, но как только входил в аудиторию и раскланивался со студентами. то начинал ходить взад и вперед по аудитории и непрерывно говорить до самого звонка, имея в руке небольшой лоскуток бумаги, на котором было намечено, о чем говорить на этой лекции. И как только он говорил! Речь его была жива, блестяща, чарующа, обильным потоком лилась из его уст и не имела ни малейшего признака деланности, искусственности. Нужно ли говорить, что студенты обожали его? Они чувствовали, что в души их вливалась новая жизни от лекций Никиты Петровича».[2]

Это реформаторство было для него принципиально и осуществлялось вполне сознательно и последовательно. Он боролся против схоластического официоза, о чем признавался в автобиографическом письме к Суворину: «Казенно под именем герм<еневтики> разумелось безмыслие, под срав<нительным> богословием — догматическая полемика. Минуя казенное, я проходил пред слушателями по герменевтике то историю церковного сознан<и>я, то место библейских истин среди процесса разнооб<разного> знани<я> вместе с истори<ей> наук, то уходил в историю самого слова, что дало мне случай, на<коне>ц, заинт<ересоваться> ближе лингвистик<ой>. По сравнительному богословию,

[1] См. об этом также: *Федотова М. А.* Критерии толерантности в научной и преподавательской деятельности Н. П. Гилярова-Платонова // Вопросы отечественной истории: Межвуз. сб. науч. работ мол. ученых. М., 2004. Вып. 7. С. 180—190.

[2] *Владимиров А*. Памяти Никиты Петровича Гилярова-Платонова. С. 851.

отн<яв> полемическую сторону, я излагал исто<рию> вероучений в ее сов<ершенно> диалект<ическом> ходе».[1]

Один из его слушателей, впоследствии видный церковный историк Е. Е. Голубинский, подтверждал: «Настоящих лекций по расколу (курса) он нам не читал, а в разные классы говорил о разных материях — критиковал книги, написанные о расколе, причем большею частью находил, что все написанное никуда не годится, — разбирал существующие взгляды на раскол и признавал их неверными, — возился долго с записками И. С. Аксакова о раскольниках, с крюковыми нотами раскольников. Лицо Н<икиты> П<етровича> было очень выразительно, и когда он находился в ударе, то говорил мастерски».[2]

С другой стороны, протоиерей Г. П. Смирнов-Платонов, ученик, а потом и сослуживец Гилярова, вспоминал о глубоком воздействии его новаторских идей на студентов: «В нашем курсе имел решительное влияние на студентов молодой бакалавр Н. П. Гиляров-Платонов <...>. На лекциях раскрывалась идея свободы совести и в сознание слушателей вводилось начало терпимости. Лекции сосредоточивались притом на истории русского раскола и на истории русской полемики против раскола вообще и, особенно, на истории русской полемической литературы. Бытовая сторона раскола, на которую совсем почти не обращали внимание наши деятели (хотя тогда и появились первые очерки Андрея Печерского), составляли жизненную стихию лекций нашего наставника; история русской полемики, с одной стороны — очень раздраженной, с другой — неумелой и курьезной, и то, и другое по необходимости — вследствие того, что на одной стороне преобладало убеждение, а на другой — официальность, освещалась новым светом, давала на каждом шагу свежие материалы, увлекала слушателей».[3]

Позднее, в первом очерке из цикла «Логика раскола» (1885), Гиляров прямо говорил о своем приоритете в этой области: «Для незнакомых с историею ду-

---

[1] *Из пережитого*. Т. 2. С. 209.

[2] Воспоминания Е. Е. Голубинского. Кострома, 1923. С. 26.

[3] *Смирнов-Платонов Гр., прот*. «Curriculum vitae»: Из области воспоминаний и мечтаний // *Смирнов-Платонов Гр., прот*. «Детская Помощь»: К читателям и сотрудникам. М., 1885. С. 39.

ховного просвещения поясню, что объективная научная постановка раскола (вне полемических целей) начата в духовно-учебных заведениях именно мною и значительно ранее 1854 года, когда открыты при академиях миссионерские отделения для борьбы с расколом, а потом в Казани, где и Академия, и журнал при ней “Православный Собеседник” специализировались в этом направлении, назначена была Щапову кафедра по расколу».[1] При этом Гиляров рассуждал, в общем-то, резонно: «Слушателей, уже прошедших полный богословский курс, предостерегать от какого-нибудь, положим, Спасова согласия было бы не меньшим детством, чем приводить в полдень доказательства зрячему, что солнце стоит на горизонте».[2]

Яркие лекции молодого бакалавра не могли не привлечь к нему внимания хозяев имения Абрамцево и их гостей. Позднее, в 1880—1890-х гг., о знакомстве Гилярова с представителями славянофильского кружка вспоминали по-разному, большинство современников склонялось к тому, что Гилярова «открыл» К. Аксаков, случайно посетивший его лекцию у Троицы в Академии и «поразившийся сходством направления, которое проводилось с кафедры молодым бакалавром, с тем, которое высказывалось славянофилами».[3] Другие мемуаристы называли Хомякова и С. Аксакова.[4] Начиная с января 1853 г. Гиляров с женой уже регулярно посещал Абрамцево, а Аксаковы, бывая у Троицы, обыкновенно встречались с Гиляровым. Вскоре через П. И. Бартенева[5] Гиляров познакомился с видным сановником графом Д. Н. Блудовым и его дочерью Антониной Дмитриевной, ставшими с тех пор его деятельными покровителями.

---

[1] *Сб. соч*. Т. II. С. 195.

[2] Там же. С. 194.

[3] *Кн. Н. В. Ш. <Шаховской Н. В.>*. Н. П. Гиляров-Платонов и А. С. Хомяков: (По сочинениям и письмам Гилярова) // *РО*. 1895. Т. 36, нояб. С. 14.

[4] Эти свидетельства современников приводятся ниже, в разделе 3.4. См. также: *Дмитриев А. П*. Н. П. Гиляров-Платонов и С. Т. Аксаков (к истории знакомства и взаимоотношений) // Русская литература. 2010. № 4. С. 194—210.

[5] Бартенев был наставником двух племянников графини Блудовой, Ивана и Дмитрия Шевичей. Он вспоминал: «Когда Блудовы приехали на лето в Нескучное, я ввел к ним Гилярова» (*РА*. 1912. Кн. II, вып. 6. С. 312).

1.3. Н. П. Гиляров-Платонов и святитель Филарет: мировоззренческие и психологические корни конфликта (1855)

Взаимообщение Филарета и Гилярова (он на 41 год моложе святителя и умер спустя 20 лет после его кончины) прошло несколько этапов: покровительство владыки талантливому первому ученику Московской семинарии, а потом и Духовной академии сменилось его раздражением из-за недостаточно смиренного отношения студента (а потом и молодого бакалавра) к заповеданному кругу традиционной богословской учености, прежде всего из-за чрезмерного увлечения новейшей философией (Шеллингом и Гегелем) и, наконец, полным разрывом и обоюдным неприятием по причине недопустимого, по убеждению Филарета, поведенческого и научного модернизма Гилярова-расколоведа. В последние же пять лет жизни владыки они примиряются и, когда Гиляров выступает инициатором назревших преобразований в области церковноприходского образования, литургической практики и исправления богослужебных книг, все его проекты поддерживает московский первосвятитель, для которого Гиляров теперь — единомышленник и в нем словно бы воскресают черты молодого, деятельного Филарета эпохи Александра I.

Эти примирение и сотрудничество, между прочим, позволили Гилярову позже создать проникновенный образ владыки в ряде газетных статей и в обширных мемуарах «Из пережитого» (1884—1887), причем он с полным основанием мог сказать: «...мы <...> изучали Филарета вблизи <...>»[1] и — как вывод: «Он не был представителем эпохи; он сам и был эта эпоха; он не выражал свое время, а руководил время». И еще: «Он был епископ от утра до вечера и от вечера до утра».[2] К слову сказать, по нашему убеждению, именно Гилярову, как никому другому из современников святителя, удалось создать вполне объективный литературный его портрет, не умолчав при этом о недостатках и слабостях великого человека. Гиляров, можно сказать, дал элементы агиографического

[1] *Вопросы веры и церкви*. Т. II. С. 337.
[2] *Сб. соч*. Т. II. С. 436, 438.

творчества нового типа: образ Филарета под его пером сохраняет реальный масштаб крупнейшего церковного деятеля XIX в. и святого, канонизация которого — только дело времени (она состоялась, как известно, 2 декабря 1994 г.), — и что особенно важно, — лишается при этом ненужного балласта этикетно-риторических изъявлений в благоговении, которые ощущались большей частью общества, стремительно терявшего в тот период связь с религиозно-культурной традицией, как нечто неискреннее, как духовно не обеспеченный привесок.

Но сначала сосредоточимся на не до конца проясненных событиях 1855 года, когда Гиляров — талантливый преподаватель Духовной академии, свой в славянофильском кружке, близкий к влиятельному при дворе графу Д. Н. Блудову и его дочери Антонине Дмитриевне и через нее известный самой императрице — по требованию святителя был уволен из Академии и вообще из духовного ведомства. Эта громкая история, случившаяся в самом начале нового царствования, когда русское общество жило предощущением либеральных преобразований, многим тогда показалась рецидивом Николаевского времени с его карательными мерами.[1] Получив широкий общественный резонанс, она негативно сказалась на репутации митрополита Филарета, выступившего как бы гонителем свежего и передового, и создала Гилярову ореол мученичества. Впоследствии биографы как Филарета, так и Гилярова стремились подыскать аргументы, объяснявшие это увольнение либо простым недоразумением, либо воздействием внешних факторов, при этом подчас не замечая или же сознательно («благообразия ради») затушевывая реальный конфликт — психологический и мировоззренческий.

В 1855 г. в академическом журнале было опубликовано начало исследования Гилярова «О папе Формозе»,[2] жившем в конце IX в. Актуальность работы определялась тем, что ряд старообрядческих идеологов считали «троеперстное

[1] См., например: *Одоевский В. Ф.* «Текущая хроника и особые происшествия» // Литературное наследство. М., 1935. <Т.> 22/24. С. 94. Произошедшее за год до рассматриваемых событий, в августе 1854 г., удаление из Московской академии архимандрита Феодора (Бухарева) — по сходным мотивам, хотя и с переводом в Казань на инспекторскую должность, — происходило в иную эпоху и не получило в обществе такого отклика.

[2] *ПкИТСО.* 1855. Ч. XIV. С. 239—277.

сложение» еретическим изобретением этого папы, якобы усвоенным патриархом Никоном. Филарет остался недоволен статьей, А. В. Горский записал его отзыв в своем Дневнике под 9 января 1855 г.: владыка «спросил, есть ли что-нибудь у нас против раскола? Когда я напомнил о статье Никиты Петровича, он заметил, что полемика его неудачна, ведется в слишком далекое и на романтический манер, излагается в виде какого-то разговора».[1] Окончание статьи Гиляров сумел напечатать под настоящим своим названием «О папе Формозе и латинском перстосложении» спустя 8 лет в Казани **(**благодаря хорошим отношениям с ректором тамошней Духовной академии архимандритом Иоанном (Соколовым)**).**[2]

Не удивительно, что о недопустимой оригинальности гиляровских лекций, в которых вместо обличения раскола отдавалось предпочтение его всестороннему непредвзятому изучению и, в частности, бросались непривычно резкие реплики даже по поводу суждений Святых Отцов,[3] было дано знать митрополиту Филарету.[4] Тот потребовал представить текст лекций и, судя по сохранившемуся в архиве «Предложению <об отставке бакалавра Академии Н. П. Гилярова-Платонова>» от 27 сентября 1855 г.,[5] отнесся к ним крайне придирчиво,[6] цепляясь к отдельным словам и случайно вырвавшимся неудачным выражениям. Вместе с тем, Гиляров легкомысленно отнесся к формальной стороне дела и не мог по требованию владыки представить обстоятельных лекционных текстов. Филарет негодовал: «В таком виде, малом, отрывочном, неустроенном, не очищенном

---

[1] Там же. 1884. Ч. XXX, кн. 4. С. 341.

[2] Православный Собеседник. 1863. Т. I, янв. С. 1—31; Февр. С. 102—141.

[3] Архиепископ Савва (Тихомиров) вспоминал, что Гиляров на лекциях «ругал Златоуста и вообще недружелюбно относился к Отцам Церкви» (*Шаховской Н. В., кн.* Матерьялы для биографии... Л. 53 об.).

[4] Встречающееся в публикациях о Гилярове сообщение, что жаловалась на него митрополиту «часть преподавательского состава Академии» (*Климаков Ю.* Судьба русского публициста // Коломенский альманах: Лит. ежегодник. Коломна, 2004. Вып. 8. С. 322), не подтверждается документами, да и противоречит господствовавшей в Московской духовной академии атмосфере семейственности и братского единения.

[5] Опубликовано Г. С. Прохоровым: *Гиляров: ИМБР*. С. 548—552.

[6] В рецензии на первый том сборника статей К. Н. Леонтьева «Восток, Россия и славянство» (М., 1885) Гиляров писал, что придирчивость — «черта, которою покойный Филарет засушил многих, загубил дарования, затоптал труды, действие которых на общество было бы самое спасительное <…>» (Там же. С. 651).

от погрешностей, оказались уроки герменевтики у наставника, проходящего курс сей науки уже не в первый раз. Недостает не только много, но и важнейшего, например, учения о прообразовательном смысле, которое требует особенного внимания и по важности предмета, и в защиту истины против перетолкований неверующих. / Представлены были также некоторые записки о расколе и о армянском вероисповедании в таком же неустроенном виде. Рассматривать их неудобно было, между прочим, по мелкому письму бакалавра Гилярова. / К прискорбию, сии уроки служат некоторым подтверждением недавно дошедшего до меня слуха, что в изустных уроках сего бакалавра встречаются сомнительные мысли и что студенты не имеют способа поверить их с точностью, не получая от него письменных уроков, кроме некоторой части пред испытаниями».[1]

Однако, судя по записи в дневнике Веры Аксаковой под 24 февраля 1855 г., Филарет проверял тетради с лекциями Гилярова уже не в первый раз, и тот, следовательно, неоднократно испытывал терпение архиерея-пуриста. Вера в тот день сочувственно записала свои впечатления от рассказа о Филарете обедавшего у них в Абрамцеве Гилярова: «Его очень притесняют, сверх обычного гнета Духовного управления, и он нам показывал тетрадь с помарками и замечаниями Филарета; всякое живое слово, всякая мысль, сколько-нибудь носящая личный взгляд человека, уже подвергается осуждению и т. д. Филарет — совершенный Госуд<арь> Ник<олай> Павл<ович>, та же система, и то же убеждение, и та же сила воли. — Человек гениальный, но в каких тесных рамках! Что мог бы он сделать, если б не следовал этой системе».[2]

Однако нельзя не признать, что Гиляров и действительно оказался неудобным для Академии преподавателем. Крайнюю в своем ожесточении точку зрения на сей счет высказал его преемник по руководству Миссионерским отделением профессор Н. И. Субботин, причем в связи с кончиной Гилярова (в письме к К. П. Победоносцеву): «Его герменевтика, или, как называлась она, история екзегеса, состояла из насмешек над Свв. Отцами: студенты хохотали, слушая ко-

[1] *Гиляров: ИМБР*. С. 548—549.
[2] *Аксакова*. С. 152.

мическое изложение аллегорических толкований Климента, св. Кирилла Александрийского и др. <...> Конечно, дух отрицания и неверия проник бы и иным путем в Академию; но что первый внес его сюда Гиляров, это несомненно. <...> Если следовать правилу de mortius aut bene, aut nihil,* то в отношении к Гилярову было бы лучше избрать nihil <...>».[1]

После нелицеприятного разговора с митрополитом Гиляров согласился написать прошение и 10 ноября 1855 г. был уволен от духовно-училищной службы, а 29 декабря 1855 г. определением Св. Синода переведен из духовного звания в светское.

Его современникам вся эта история выдворения из Академии даровитого профессора казалась довольно загадочной. Предлагались разные версии. Официальная, подозревавшая в лекциях Гилярова нечто вроде протестантского уклона, — была изложена самим Филаретом в письме к директору Духовно-учебного управления при Св. Синоде А. И. Карасевскому от 12 октября 1855 г.: «...потребовал от него письменных его уроков и нашел их в неудовлетворительном состоянии, и по герменевтике встретил некоторые неверные мысли, заимствованные у немецких писателей. <...> Впрочем, не думаю, чтобы его образ мыслей был поврежден в основании. Вероятнее, что, пленяясь новостию, схватывал иногда чужую мысль, не обдумав, к какой системе она принадлежит».[2] Современники передавали и устную характеристику Гилярова, данную Филаретом и делавшую упор на отсутствие у того внутренней дисциплины, личностной аскетической культуры: «ум возбужденный, но не управленный».[3]

Другие версии, вроде опасения, что Академию посетят члены Императорской семьи и будут скандализированы неосторожными высказываниями Гиляро-

---

* О мертвых либо хорошо, либо ничего (*лат.*).

[1] *Марков В. С., <прот.>.* К истории раскола-старообрядчества второй половины XIX столетия: Переписка проф. Н. И. Субботина, преимущественно неизданная, как материал для истории раскола и отношений к нему правительства (1865—1904 гг.). М., 1914. С. 489.

[2] Письма Филарета, митрополита Московского и Коломенского, к высочайшим особам и разным другим лицам. Тверь, 1881. Отд. II. С. 28, 29.

[3] См. письмо А. М. Гальперсон к князю Н. В. Шаховскому от 6 июля 1893 г. (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 106. Л. 7).

ва (проф. И. Н. Корсунский),[1] или не вполне ясной истории составленной им Записки о расколе, идущей вразрез с правительственными установками на сей счет в годы Крымской войны (прот. С. С. Модестов),[2] — как в свое время показал князь Н. В. Шаховской, могли служить только поводом, но не основной причиной изгнания Гилярова. Последняя же состояла в том, что он в своих лекциях, по его собственному признанию, говорил «об омерзительной апатии духовенства, о толстом попе, с челом, умащенным елеем, с лицом сытым и заспанными глазами, попе, охраняемом казаками и жандармами и, среди такой стражи, *увещевающем* раскольников».[3]

Вместе с тем в архивных фондах имеются данные, вынуждающие внимательнее отнестись к истории с Запиской о расколе. Протоиерей Модестов писал о Гилярове: «...когда ему поручена была вновь открытая кафедра по расколу, его либерализм во взглядах на этот предмет дошел до сведения Филарета. Никита Петрович подпал опале и был удален из Академии. Это было в 1854 году, в последние годы царствования императора Николая I, во время Восточной войны. Когда Государь узнал, что старообрядцы, живущие на границе, при реке Дунае, способствовали туркам узнавать численность и расположение наших войск, перешедших эту реку, и вели враждебную нам корреспонденцию с старообрядцами, жившими внутри России, тогда он приказал употребить самые строго-репрессивные меры против раскола. Против этих-то мер проф. Гиляров составил записку, в которой доказывал, что благоразумнее было бы дать старообрядцам свободу их вероисповедания и обрядов. Об этой записке заговорили и открыли автора, и его немедленно удалили из Академии».[4] В 1916 г. профессор

---

[1] См.: *N. N.* <*Корсунский И. Н.*>. Памяти Н. П. Гилярова-Платонова // *МВед.* 1887. 25 окт. № 294. С. 4.

[2] См.: Из воспоминаний протоиерея С. С. Модестова // У Троицы в Академии, 1814—1914 гг.: Юбил. сб. ист. материалов. М., 1914. С. 125. См. также разделы 3.3 и 3.5.

[3] Фрагмент письма Гилярова к студенту Казанской духовной академии Н. Ф. Глебову от 25 октября 1857 г. цит. по: *Кн. Н. В. Ш.* <*Шаховской Н. В.*>. Обстоятельства оставления Н. П. Гиляровым-Платоновым службы в Московской духовной академии // *РО.* 1895. Т. 34, авг. С. 554.

[4] Из воспоминаний протоиерея С. С. Модестова. С. 125.

А. И. Покровский, казалось бы, аргументированно оспорил сам факт существования подобной Записки.[1]

Впрочем, действительно, именно в 1853—1854 гг. особенно энергично шла борьба с расколом: полиции были предоставлены полномочия «постепенного упразднения скитов, монастырей, кладбищенских заведений и прочих противузаконных раскольнических сборищ <...>».[2] И упоминание о гиляровской Записке в связи с этими событиями встречается еще в одном печатном источнике: в дневнике архиепископа Леонида (Краснопевкова), в ноябрьской записи 1855 г. (т. е. как раз когда Гиляров и был уволен) зафиксировано, что графиня А. Д. Блудова просила последнего составить Записку о расколе для императрицы «в связи с запечатанием алтарей на Рогожском кладбище»[3] (в июле 1855 г.).

Но, оказывается, что еще осенью 1853 г.[4] Гиляровым было написано сочинение о мерах по преодолению раскола на путях его легализации и внутреннего переубеждения его последователей — в форме большого письма к приятелю славянофилу И. С. Аксакову. Об этом мы узнаем из гиляровского письма к тому же Аксакову от 17 марта 1855 г. (приведем обширные выдержки из этого документа):

«Третьего дня я получил письмо такого содержания, что “из Петербурга настоятельно просят о доставлении моего известного письма к Вам. Сказывают, в теперешнее время оно может быть очень полезно”. <...>

Мое мнение вот какое. Во-первых, письмо свое, именно в теперешних обстоятельствах, я почитаю бесполезным; и даже по некоторым отношениям оно может сделать вред, если вздумает просящий его им заимствоваться в предполагаемых предначертаниях. <...>

---

[1] См.: Русский биографический словарь. М., 1916. <Т. V>: Герберский — Гогенлоэ. С. 209.

[2] *Варадинов Н.* История Министерства внутренних дел. СПб., 1863. Т. VIII, доп.: История распоряжений по расколу. С. 651.

[3] Из записок преосвященного Леонида, архиепископа Ярославского. М., 1907. С. 92.

[4] Эта дата указывается самим Гиляровым в его письме к П. И. Бартеневу от 16 марта 1855 г. (РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 552. Л. 85).

Теперь обстоятельства во всем этом совершенно переменились, и то, что под известными условиями хорошо было во время оно, то никуда не годится теперь. Какие ощущения не пробуждены новые в расколе! Раскол вступил, если хотите, в новый момент истории своей. Нужно, если дело делать серьезно, вести дело, принимая уже во внимание это новое обстоятельство. Загладить ошибки административные и литературные нельзя тем только, что скажем: “Этого вперед не будет”. И я бы мог, пользуясь уже приобретенною довольно хорошею репутациею у Блуд<ова>, написать ему прямо, без обиняков, в чем были ошибки, какое теперь положение раскола, как отразились все принятые меры при столкновении как с расколом, так и с рутиной административного и духовно-учебного быта, и вывести потом образ действий, необходимо теперь нужный. И мог бы уже и должен бы по совести не предполагать положенными известных условий, которые сами мною отвергаются: но представить радикальные меры...

Одним словом: письмо препровождать бесполезно, и даже, при предположении, в известной степени, успешности его, бесчестно с моей стороны. Нужно писать новое мнение, но это новое мнение таково, что нужно прежде подумать, нежели решиться писать его».[1]

Очевидно, что Записку о расколе просил прислать граф Д. Н. Блудов — ввиду негласно учрежденного правительством секретного Комитета по делам раскола. Передана была просьба через гиляровского приятеля П. И. Бартенева (который в свое время и познакомил Гилярова с отцом и дочерью Блудовыми[2]). Ему Гиляров отвечал 16 марта пространным письмом, где признавался, что его мнение о расколе «косвенно предназначалось» именно графу Блудову, но меры, которые предполагались в 1853 г., основывались на невозможности «радикально изменить образ воззрения»[3] на раскол в правительстве и потому были половинчатыми, приспособленными к конкретной ситуации прошлого царствования. Гиляров сообщал: «Я могу и готов доставить сочинение, не с целию его осуществления, — что невозможно, и даже во многих отношениях, повторяю, вредно, —

[1] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 359. Л. 25—27.
[2] *Шаховской Н. В., кн.* Матерьялы для биографии… Л. 44 об, 46.
[3] РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 552. Л. 85 об.

но как записку *прошлую*, когда-то писанную сгоряча молодым человеком, рвавшимся сделать посильно добро общественное; как одно простое напоминание, но никак не в виде совета или мнения».[1]

Через четыре дня, 20 марта, Гиляров получил новое письмо из Петербурга. Бартенев писал: «Сочинение Ваше, во всяком случае, должно быть доставлено, и как можно скорее. Лишь бы оно пришло сюда: я найду случай переслать его в совершенной сохранности. Графиня, по своему обычаю, написала глухо, что оно будет теперь очень полезно; но, как слышно, в Петербурге уже составлен особый комитет по этому предмету. Согласитесь, что прежнею или новою запискою, а все-таки долг велит Вам подать свой голос; ибо, конечно, не многие знают дело так, как Вы. Бросьте все остальное и займитесь наскоро этим. В утешение скажу Вам, что здесь уверяют, будто в первые же дни нового царствования велено было прекратить прежние меры <...>. Графиня тоже пишет о смягчении мер».[2]

1 апреля Гиляров сообщал другу, что все же решил переслать графу Блудову первоначальную Записку (копию изготовил «один из сослуживцев» — вероятнее всего, близкий Гилярову И. А. Вениаминов), снабдив ее «более или менее краткими замечаниями». Отказ от составления новой Записки мотивируется прежде всего тем, что убеждения Гилярова противоречат филаретовским предначертаниям: «Мнение о настоящем пусть дает человек более независимый по своему положению, чем я, и более независимый по множеству своего досуга».[3]

Наконец, обновленная Записка была составлена и отправлена в Петербург. О ее содержании можно судить по восторженному ответному письму к Гилярову графини А. Д. Блудовой (от 12 июля 1855 г.), которая прозрачно намекала, что сведения о расколе понадобились самой императрице: «Я и не собственно для себя просила, но для одной особы, которая желала о сем предмете узнать кое-что не официальное. Она не много имеет свободного времени, и поэтому мне каза-

[1] Там же. Л. 86—86 об.
[2] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 587. Л. 1—1 об.
[3] РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 552. Л. 91.

лось полезнее сделать извлечение из записки довольно длинной и я не успела сделать его ранее».[1]

Гиляров воспринимал раскол как национальную трагедию, но нетерпимое отношение к нему со стороны святителя Филарета и духовенства вообще в переломный период рубежа 1850—1860-х гг. он объяснял ностальгией по устойчивому русскому быту дореформенного периода. Любопытно такое гиляровское воспоминание о Филарете: «Мы помним хорошо, что кончину крепостного права многие в духовенстве встретили с сожалением. Даже великие умы из них, каков был, например, Филарет, и те — что мы можем лично засвидетельствовать — с некоторою нежностью относились к старому крепостному порядку и с некоторою грустью к новой свободе. Нетерпимость в вере так близка ко всякому другому стеснению свободы».[2]

В новое царствование репрессивные методы искоренения раскола казались Гилярову совершенно бесперспективными. Блудова подытоживала его предложения по преодолению раскола: «Таким образом, добровольным и добросовестным постоянным влиянием всех членов, малых и великих, духовного сословия (которое никто не может приказать постановить или почестями наградить), какая бы живая, Богом благословенная сила взошла в противудействии расколу. И сколько я могла судить по сношениям с простыми людьми, мущинами и женщинами, именно в русском-то народе и есть зародыш такого тихого, терпеливого духовного действия».[3]

Отметим, что уже тогда Гиляров пессимистически смотрел на возможность повлиять своим словом — научным ли, публицистическим — на ход вещей. В письме к И. С. Аксакову от 17 марта <1855 г.> он писал (как раз в связи с этой Запиской о положении раскольников): «Следовало бы самому ехать в Петербург, если бы можно было думать, что хоть одно слово упало бы на добрую почву и принесло плод. Но более всего уверен я, что ничего, совершенно ничего

---

[1] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 592. Л. 1. Копия князя Н. В. Шаховского.

[2] ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 26. Л. 1. Здесь отношение святителя к расколу ставится в один ряд с его отношением к «доброму старому времени» русской жизни.

[3] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 592. Л. 5.

не произведешь, даже при добром желании тех, которые меня выслушают: поелику рутина, рутина все разрушит. Но предполагаю я, что и самое желание выслушать мое мнение не есть энергическое желание сделать доброе: а так, маниловское желание: послушаем-ка, как приятно расскажет вот этот человек, как бы хорошо в самом деле сделать то и то!.. и проч. и проч.».[1]

В архиве Гилярова эта Записка о расколе не сохранилась, так как была уничтожена пожаром, случившимся летом 1856 г. (об этом происшествии Гиляров сообщал студенту Казанской духовной академии Н. Ф. Глебову в цитировавшемся выше письме от 25 октября 1857 г.: «Вы просите моего проекта. С большим бы удовольствием послал я Вам его: но Вы, вероятно, знаете о моем прошлогоднем несчастии. На даче, где я жил прошлого года, у меня был пожар; и почти все мои бумаги сгорели. Потеря ужасная и почти невознаградимая. В числе сгоревших бумаг был и мой проект. Один экземпляр его есть в Петербурге, но я его не получал. Если бы получил, с большим бы удовольствием поделился с Вами»[2]). Экземпляр же, посланный графу Блудову, пока разыскать не удалось, но не исключено, что он находится в фондах ГАРФ между неподписанными «мнениями», рассматривавшимися упомянутым выше Комитетом по делам раскола.

Таким образом, получается, что митрополит Филарет действительно имел весьма веские основания удалить молодого неуправляемого профессора со слишком независимым образом мыслей, идущих наперекор предустановленным в Академии. К тому же духовное начальство едва ли могло симпатизировать тому, что у Гилярова имеется прямой выход в околоправительственные сферы и, вместе с тем, что он дружит с подвергнутыми тогда опале славянофилами.

Как был уволен Гиляров, вернее — по какому именно поводу, точнее всего изложено в его переписке с разными лицами, а также в мемуарах близких ему людей. Так, Гиляров в автобиографическом письме к А. С. Суворину (от 29 октября 1872 г.) сообщал: «Кафедру я потерял по доносу Анфима, теперешне-

[1] Там же. Ед. хр. 359. Л. 27—27 об.
[2] ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 4—4 об.

го экзарха Болгарского,[1] который был одним из моих слушателей. Что именно он на меня насочинил, не знаю, но из слов покойного Филарета заключаю, что касалось отчасти моего преподавания о расколе и отчасти о Библии (оба эти предмета были моею специальностью)».[2] Позднее, в письме к И. Ф. Романову-Рцы от 15 ноября 1886 г., Гиляров винил и себя в произошедшем, вернее — собственную манеру преподавания, свою речь с кафедры, изобиловавшую яркими парадоксами и элементами вольной импровизации: «Мои слушатели, затаив дыхание, меня слушали; но, когда я потребовал от одного из записывавших меня слушателей записанное им, я пришел в ужас: не понято, переврано; это была пародия на мои лекции. Пародия эта потом воплотилась отчасти в Щапове, которому, как я полагаю, достался подобный экземпляр, совершенно меня искажавший! А Филарету насказали (Анфим, бывший потом экзархом Болгарским), будто я проповедую, что религия христианская устарела. Теперь-то я вижу, что я не головою, а целым ростом был выше своих слушателей».[3] Об этом же Гиляров писал в подстрочном примечании к первому очерку из цикла «Логика раскола»: «…доходили до меня, случалось, под видом выслушанных от меня, совершенные курьезы, в которых за извращениями едва можно было даже догадаться, какая подлинная моя мысль послужила основою. Такие попадаются, между прочим, у Щапова. Можно догадываться, что они перешли к нему чрез моих слушателей, но в искажении и преувеличении».[4] Следует сказать, что к трудам казанского историка Афанасия Прокопьевича Щапова (1831—1876) о старообрядчестве Гиляров всегда относился весьма критически. Впрочем, он смягчал свою требовательность к работам Щапова, дававшим, как известно, пищу интерпретациям радикалистского толка о «революционном» потенциале раскола, упоминая: «Естественно Щапову свериться с предшествовавшим ему ис-

[1] Анфим I (в миру Атанас Михайлов Чалыков; 1816—1888) окончил Московскую духовную академию в 1856 г. со степенью магистра, был экзархом Болгарским в 1872—1877 гг.

[2] ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 49. <№ 9>. Л. 4. Ср. сходную версию архиепископа Саввы (Тихомирова), приведенную в примеч. 000.

[3] *Письма к Рцы*. С. 287.

[4] *Сб. соч*. Т. II. С. 195.

следователем, но записок, по крайней мере проверенных мной, после меня не осталось».[1]

По свидетельству профессора Московской духовной академии Н. И. Субботина, Анфим не самолично жаловался владыке, а рассказывал о «возмутительных лекциях» Гилярова архимандриту Антонию (Медведеву), духовнику Филарета.[2] Профессор же Е. Е. Голубинский, друживший с любимым учеником Гилярова по Академии И. А. Вениаминовым, называл другого посредника, рассказывая об этом событии следующее: «Оставление Академии Н<икитой> П<етровичем> произошло так. Жил тогда в Академии иеродиакон Анфим, впоследствии экзарх Болгарский. Он наговорил А. Н. Муравьеву, что Н<икита> П<етрович> очень вольно читает свой главный предмет (на старшем курсе герменевтику). А<ндрей> Н<иколаевич> передал об этом митрополиту Филарету, и митрополит попросил Н<икиту> П<етровича> оставить службу в Академии».[3] Не исключено, впрочем, что «сигналы» поступали к владыке от обоих — и от о. Антония, и от Муравьева; о. Анфим мог жаловаться и напрямую. Архиепископ Савва (Тихомиров) в 1893 г. рассказывал князю Н. В. Шаховскому, что Гиляров на лекциях свободно критиковал святоотеческие творения, «ругал Златоуста». Его курс еще «терпел такое отношение Гилярова к Отцам Церкви. В следующий же курс слушателем оказался грек Анфим, будущий экзарх Болгарский. Он был возмущен лекциями Гилярова и донес о них митр<ополиту> Филарету, который и уволил Гилярова».[4]

Впоследствии, к слову сказать, Гиляров, словно бы вспомнив о давней обиде, с едкой иронией откликнется на статью Муравьева «Обличение на книгу “О возможном соединении Церкви Российской с Западною”», опубликованную в академическом журнале,[5] поиронизировав в своей рецензии над склонностью

---

[1] Там же.

[2] См.: *Марков В. С., <прот.>*. К истории раскола-старообрядчества… С. 489.

[3] Воспоминания Е. Е. Голубинского. Кострома, 1923. С. 26.

[4] *Шаховской Н. В., кн.* Матерьялы для биографии... Л. 53 об.

[5] *Ц. <Гиляров-Платонов Н. П.>*. Библиографическая заметка // *РВ.* 1859. Т. XX, апр., кн. 1. Отд. II. С. 245—250. Полемическая статья Муравьева была направлена против книги Н. Б. Голицына.

Муравьева к доносительству.[1] Митрополит Филарет же счел эту гиляровскую заметку за акт мелкой мстительности. Профессор Московской духовной академии И. Н. Корсунский в одном из писем к князю Н. В. Шаховскому (от 12 сентября 1893 г.) свидетельствовал: «В опровержение замечаний против статьи А. Н. Муравьева и в защиту последнего, так же как и чести академического журнала, по совету митр<ополита> Филарета, написана была статья В. Д. Кудрявцевым, которую просматривал и исправлял нынешний московский митрополит Сергий[2] (в то время ректор Академии), но которая все же не была напечатана, ибо не вполне удовлетворяла строгому вкусу владыки Филарета, который, в своих замечаниях на нее, деланных, при чтении ее, в присутствии покойного А. В. Горского говорил между прочим следующее: “Что такое людоеды? Гиляров под этим разумеет тех, которые выгнали его из Академии. Он забыл, что ему предоставили даром воспользоваться жалованьем за четыре месяца. Вот какой он благодарный! Тесть его сделался болен; я назначил на его место священника; Гиляров пришел просить, чтобы половина жалованья шла старому священнику. Я представлял неудобства, — однако же сделал по его просьбе”».[3]

Гиляров, в свою очередь, тоже винил митрополита в неблагодарности, припоминая о своих благодеяниях. Его племянник, филолог Ф. А. Гиляров, вспоминал: «Никита Петрович был близок с московскою епархиальною властью. Московские викарные архиереи Леонид, потом Игнатий были его учениками. Для Игнатия, как племянника митрополита Филарета, пришлось ему самому написать чуть не всю магистерскую диссертацию, как сам он мне говаривал».[4]

Огорчало Гилярова, что уже тогда в связи с его отставкой в околоцерковных кругах зародилась легенда о якобы отеческом покровитель-

---

[1] См. гневную отповедь какого-то анонима Гилярову в связи с этой его рецензией: *Некто*. Нечто о сотруднике «Русского Вестника». SPb., 1859. 8 с.

[2] Митрополит Московский и Коломенский Сергий (в миру Николай Яковлевич Ляпидевский; 1820—1898) был ректором Московской духовной академии в 1857—1860 гг.

[3] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 128. Л. 1 об.—2.

[4] Там же. Ед. хр. 740. Л. 93.

стве, оказываемом ему со стороны митрополита Филарета.[1] В письме к другу архимандриту Вениамину (Карелину) от 11 августа 1859 г. Гиляров восстанавливал истину: «...смешно и горько было мне прочитать небылицу, что меня отставил Евгений,[2] а Филарет защищал, и даже устроил мое поступление на настоящее место... Филарет!.. Да кто это мог выдумать, кому пришло в голову сделать его моим благодетелем?! Нет, друг мой, выгнал меня Филарет, а Евгений, если что сделал, так воспрепятствовал Высокопреосвященнейшему сделать предложение конференции об отрешении меня от должности, представив, хотя и с подобающим смирением, что на это нет никаких оснований и что предлоги, которые думал употребить Высокопр<еосвященнейший> в своем предложении, не могут быть приняты в уважение. Высокопр<еосвященнейшему> хотелось скушать меня дочиста, на том основании, что я-де мало показал деятельности в продолжение службы, ибо не сдал всех лекций <...>».[3]

Впрочем, мнения о том, что именно Евгений (Сахаров-Платонов) стал инициатором гонений на Гилярова, придерживался не один Вениамин (Карелин) — о том же писал в своих воспоминаниях и его однокурсник А. П. Владимиров: «Человек болезненный, одержимый святошеством, отличавшийся крайне узким, ретроградным взглядом на религию, церковность, науку и жизнь, Евгений <…> много слышал о “вольнодумных” лекциях Никиты Петровича и, сделавшись ректором Академии, почел первым своим долгом “вывести его на чистую воду”. Руководимый этим побуждением, Евгений доложил митрополиту Филарету о “вольнодумности” лекций Никиты Петровича».[4]

Гиляров продолжал письмо Вениамину (Карелину): «Правда, что Высокопр<еосвященнейший> принудил меня взять из своих денег сумму, соответ-

[1] Это предание до сих пор кочует из статьи в статью. См., например: «Митрополит Филарет не раз получал сигналы о том, что лекции Гилярова проповедуют „вольнодумство“, но хода им не давал, оберегая талантливого профессора от злых наветов» (*Маевский И.* «В нем открывался чрезвычайный ум…» // Московский журнал. 1994. № 1. С. 11).

[2] Речь идет о ректоре Московской духовной академии архимандрите Евгении (Сахарове-Платонове), сменившем в этой должности Алексия (Ржаницына).

[3] Цит. по: *Шаховской Н., кн.* Годы службы Н. П. Гилярова-Платонова в Московском цензурном комитете, 1859-й год // *РО*. 1898. Т. 49, янв. С. 108.

[4] *Владимиров А*. Памяти Никиты Петровича Гилярова-Платонова // Там же. 1897. Т. 47, окт. С. 853.

ственную количеству жалования, которое получил бы я, если бы не вышел из службы, жалования от ноября — времени отставки — до января; но это было, во-первых, желанием поскорее меня выжить, во-вторых, — расчетом при обиде удвоить ее насильственным благодеянием <...>».[1]

Обыкновенно уволенных из Академии профессоров Филарет, после их рукоположения, устраивал настоятелями доходных московских церквей. От беспокойного же Гилярова ему, действительно, хотелось избавиться окончательно. Когда встал вопрос о принятии тем священнического сана (очевидно, по ходатайству коллег по академической службе), владыка резко воспротивился. В письме к своему духовнику Филарет пояснял принятое решение: «Если бы образ мыслей его был таков, что не трудно было бы принять его в духовенство, то не трудно было бы оставить его и в Академии, несмотря на неисправности».[2]

Гиляров со скорбью подытоживал историю своих бедствий в откровенном письме к П. И. Бартеневу от 28 сентября (в день подачи прошения об увольнении из Академии): «Скажу в заключение, что тяжелые испытания посылает иногда Бог для людей, искренно и бескорыстно трудящихся!»[3]

Друзья-славянофилы полностью приняли сторону Гилярова. Особенно возмущался И. С. Аксаков. Московский цензор В. Я. Федоров вспоминал его слова: «О Гилярове Аксаков отзывался восторженно: “Посмотрите на это лицо — совершенно славянский тип; эти голубые глаза, эта добрая улыбка, это страдальческое выраж<ение> лица. — Что он вытерпе<л> муче<ний> от Митрополита Филарета, который все внутр<енности> у него расцарапал”».[4] П. И. Бартенев свидетельствовал: «Ни от кого не доводилось нам слышать так много дурного о Московском митрополите Филарете, как именно от Никиты Петровича Гилярова. Это было в пятидесятые годы. Впоследствии митрополит препобедил

---

[1] *Шаховской Н., кн.* Годы службы Н. П. Гилярова-Платонова... С. 109.

[2] См.: Письма митрополита Московского Филарета к наместнику Свято-Троицкия Сергиевы Лавры архимандриту Антонию, 1831—1867 гг. М., 1883. Ч. II. С. 366.

[3] РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 552. Л. 154.

[4] *Шаховской Н. В., кн.* Матерьялы для биографии… Л. 43.

его своими благодеяниями; так было и со многими другими».[1] И действительно, к примеру, того же 28 сентября Гиляров писал Бартеневу: «Паук запустил в меня свои лапы и хотел задушить окончательно. Подробности отлагаю до скорого личного свидания. Дотоле прошу и надеюсь, что дружба Ваша сохранит мои намеки в строжайшем секрете»;[2] с подобной же издевательской язвительностью характеризуется владыка и в других письмах Гилярова к приятелю.[3]

Гиляровские знакомые из правительственных сфер, почитавшие Филарета, недоумевали. Графиня А. Д. Блудова так откликнулась на известие об увольнении Гилярова в письме к нему от 16 октября 1855 г.: «Очень прискорбно и Батюшке, и мне слышать, что такая неприятность случилась с Вами, и прискорбно думать, что в мнении такого человека, как Преосвященный Филарет, нашли средство повредить Вам. Но не теряйте духа. <...> сожалею от души, что таким неприятным образом выходите из прежней карьеры. По крайней мере, то утешение, что Вы ни в чем не виноваты и что Вы сами хотели и без того оставить Ваше место. Постарайтесь, однако, узнать, в чем именно состоит обвинение?»[4]

Но в этом письме графини Блудовой содержится и важное свидетельство о том, что чуть ли не за год до конфликта с митрополитом Гиляров сам — через своих влиятельных знакомых — искал возможность оставить училищную службу. Поначалу не получилось — в письме графини Блудовой к нему от 12 июля 1855 г. встречаем глухой намек на эти обстоятельства: «Мне сказывали здесь, что Ваши новые лекции прекрасны и что слушателей у Вас гораздо более, нежели Вы прошлую осень предполагали. Самая неудача Вашей попытки переменить образ службы не есть ли указание Провидения на нужду в Ваших усилиях по части, теперь Вами занимаемой? Ваша кафедра не есть ли сама себе миссионерская и труды Ваши среди препятствий и лишений не суть ли труды миссионера?»[5] Речь, видимо, шла о не увенчавшемся успехом ходатайстве графа Д. Н. Блудова

---

[1] *П. Б. <Бартенев П. И.>*. <Примечание к «Воспоминаниям» Ф. А. Гилярова> // *РА*. 1904. Кн. II, вып. 6. С. 299.

[2] РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 552. Л. 153.

[3] См. письма от 3 и 22 декабря 1854 г. (Там же. Л. 20, 37).

[4] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 592. Л. 7—8. Копия князя Н. В. Шаховского.

[5] Там же. Л. 1.

об определении Гилярова начальником Отделения в Московский архив Министерства иностранных дел. 7 июля, когда надежда на такое устройство еще сохранялась, граф писал Гилярову: «Я всегда готов употреблять все зависящее от меня для содействия людям, которые, подобно Вам, при отличных способностях и знаниях, одушевлены любовью к добру и посвящают жизнь свою на пользу отечественного просвещения. Потому я прошу Вас обращаться ко мне всякий раз, когда, по мнению Вашему, участие мое в делах Ваших может принести Вам некоторую пользу. Я сам буду по возможности изыскивать средства устроить будущую службу Вашу таким образом, чтобы она не мешала Вашим ученым занятиям. Удастся ли мне сие, не знаю; но в желании моем искреннем и постоянном прошу Вас не сомневаться».[1] 16 октября того же 1855 г. графиня Блудова обнадеживала Гилярова: «Надеемся как-нибудь устроить, чтоб Вам можно было оставаться в Москве (может быть, при Архиве), чтоб быть на службе и потому что дешевле жить в Москве, — а между тем иметь часть “Журнала Мин<истерства> Народ<ного> Просвещ<ения>” для редакции, с жалованием по этой части, с тем чтоб успеть найти вакацию после для Вас».[2]

Надо сказать, что в Московский архив Министерства иностранных дел еще осенью 1855 г. были отданы гиляровские документы (аттестат, копия формулярного списка и др.), но до времени они лежали без движения.[3] Что касается официального ведомственного органа «Журнала Министерства Народного Просвещения» (1803—1917), то в конце 1861 г. Гиляров чуть было не принял на себя его редактуру, о чем пойдет речь ниже. Хотелось Гилярову устроиться библиотекарем в тот же Архив Министерства иностранных дел[4] или же заменить в должности редактора «Московских Ведомостей» М. Н. Каткова — в связи с предполагавшейся отставкой последнего.[5]

---

[1] Там же. Ед. хр. 591. Л. 1—1 об.

[2] Там же. Ед. хр. 592. Л. 7.

[3] См. письмо Гилярова к А. В. Никитенко от 27 января 1856 г. // ИРЛИ. Сигн. 18483. Л. 5 об.

[4] См. письмо Гилярова к Бартеневу от 28 сентября 1855 г. (РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 552. Л. 153).

[5] См. его письмо к Бартеневу от 22 октября 1855 г. (Там же. Л. 174).

Таким образом, как видим, увольнение Гилярова из Академии состоялось бы рано или поздно, и не случись всей этой шумной истории с лекциями по расколу и неряшливыми конспектами студентов. Его неуемной творческой натуре становилось тесно внутри церковных стен, он хотел попробовать себя на стезях светского писателя-публициста, чиновника-администратора, издателя. Судя по свидетельству Веры Аксаковой, уже по крайней мере с января 1855 г. — Гиляров вынашивал мысль об увольнении из духовного звания. 26 января она записала в Дневнике: «…Гил<яров>, расстроенный до крайности, хочет выходить в отставку, между тем средств нет <…>».[1]

За рамками данного раздела остается обширная, до сих пор не исследованная тема плодотворного сотрудничества митрополита Филарета с Гиляровым в 1860-е гг. Приведем текст одного только любопытного документа — записки к Гилярову викарного епископа Леонида (Краснопевкова) от 1 апреля 1863 г., в которой сначала говорится о том, что митрополит «нездоров и принимает лекарство», а далее следует приписка: «...но Вы можете, не стесняясь, говорить, сколько нужно, и чем откровеннее, тем лучше. Кажется, он очень расположен Вас принять, выслушать и с Вами побеседовать, насколько станет сил».[2] Началось же это потепление в отношениях двух выдающихся коломенцев в конце 1861 г., когда Филарет познакомился с гиляровской «Заметкой по поводу статьи г. Чистовича об Арсении Мациевиче» и ему «это понравилось» **(**свидетельство П. С. Казанского[3] и архиепископа Леонида (Краснопевкова)[4]**)**, а чуть позднее, в феврале 1862 г., — с запиской «О первоначальном народном обучении», которую, несмотря на отличавшую ее необычайную резкость выражений, рекомендовал опубликовать в академическом журнале, а потом защищал автора от раздраженных правительственных чиновников.[5]

---

[1] *Аксакова*. С. 127.

[2] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 653. Л. 1.

[3] *Б<еляев> А. А.* Недавнее прошлое по письмам современника // *ПО*. 1883. Т. II, июль. С. 504.

[4] Из записок преосвященного Леонида… С. 315.

[5] См.: *Флоровский Г., прот.* Пути русского богословия. 3-е изд. Paris, 1983. С. 334.

В конце жизни в очерках, опубликованных аксаковской газетой «Русь», Гиляров вернется к своим спорам с Филаретом по вопросу о расколе, послужившему основной причиной его удаления из Академии. В 1884 г. он посвятит своим разногласиям с владыкой мемуарный очерк «Урезанный документ», поначалу называвшийся осуждающе резко: «Аутодафе митрополичьего мнения».[1] Однако Филарет не выглядит здесь неким инквизитором, — хотя и выступает последовательным приверженцем своего взгляда на раскол, нетерпимым к иным мнениям: из старинной рукописи он изымает («урезает») часть страницы с мнением митрополита Платона (Лёвшина), размышлявшего о практической бесполезности противораскольнической полемики.[2] В серии очерков «Логика раскола» (1885) Гиляров вспоминал слова Филарета: «Говорят, что Вы отдаете справедливость русским раскольникам». И пояснял: «Они сказаны были мне в упрек, но передавали мое отношение к расколу верно. <...> Это означало: „раскол есть наш противник, и противника не должно надоумливать, в чем он прав может быть и силен, а только обличать его заблуждения и раскрывать недостатки“. Митрополит стоял на полемической точке зрения. <...> Я излагал сущность вероучений и развитие их, историческое и психологическое; не обсуживал их, а давал им самим себя обсуживать».[3] Однако на филаретовскую теоретическую нетерпимость к расколу — весьма последовательную и, подчеркнем, безупречную с точки зрения догматического богословия, — опиралась в своих практических действиях полицейская машина, всячески притеснявшая значительную часть русского верующего народа. В той же «Логике раскола» Гиляров защищает память Филарета от расколоведов, прямо взывавших к одним карательным мерам во имя «церковно-государственного единства»: «Много чести моим современным возражателям — сравнить их с митрополитом Филаретом. Их незнание о расколе настолько же полное, насколько совершенно было знание у митрополита. Но

[1] ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 29. <№ 1>. Л. 2.
[2] *Сб. соч*. Т. II. С. 271—286.
[3] Там же. Т. II. С. 194.

между тем и другим есть общее, что раскол обсуживается отвне: один смотрит на него с догматической истины, другие — с государственного порядка».[1]

Впрочем, и сегодня едва ли можно с уверенностью утверждать, что тогда, в 1850—1880-х гг., было «время благоприятно» для кардинальных изменений по отношению к расколу, которых, оспаривая позицию Филарета, требовал Гиляров. Ведь он в своих попытках «отдать справедливость русским раскольникам», можно сказать, забежал на столетие вперед: только в июне 1971 г. Поместный собор Русской Православной Церкви издал Деяние «Об отмене клятв на старые обряды».

1.4. Автор и цензор славянофильского журнала «Русская Беседа» (1856—1860)

И хотя еще до начала конфликта с митрополитом по поводу отношения к расколу Гиляров предполагал уволиться из духовного ведомства и вступить на литературно-общественное поприще, тем не менее в житейском плане потеря академической службы оказалась для него настоящей катастрофой.

24 сентября 1849 г. Гиляров стал семейным человеком, женившись на сестре своего ученика Вере Алексеевне Богдановой (1820—1904),[2] дочери настоятеля московской церкви Флора и Лавра на Зацепе, который и обвенчал молодых. А. М. Гальперсон со слов самого Гилярова свидетельствовала: «Н<икита> П<етрович> женился без любви из благодарности к семье Богдановых, которая пригрела его в последние семинарские годы, окружила его непривычной для него заботливостью, деликатно удовлетворяла его нужды, даже не спрашивая о них, снабжая его бельем, платьем и деньгами почти незаметно для

[1] Там же. С. 196.

[2] Год рождения установлен по сообщению А. М. Гальперсон, что В. А. Богдановой «было 29 лет к моменту свадьбы» (*Гиляров: ИМБР*. С. 482). Дата кончины (17 апреля 1904 г.) указана в прошении сына писателя Н. Н. Гилярова в Постоянную комиссию для пособия нуждающимся ученым, литераторам и публицистам от середины мая 1904 г. (ИРЛИ. Ф. 540. Оп. 2. Ед. хр. 251. Л. 7).

него самого. Вера Алек<сеевна> была маленькая, худенькая, болезненная и раздражительная старая дева (ей было 29 лет к моменту свадьбы)».[1]

Родные же, судя по всему, прочили ему в будущем карьеру епископа, он и сам внутренне был одно время готов принять решение о постриге и само поступление в Духовную академию рассматривал как прямую дорогу к монашеству и будущему архиерейству,[2] — вероятно, поэтому даже отцу не сообщил о свадьбе, а только оповестил о рождении первенца Николая в июне 1851 г.[3] Но этот брак изначально оказался неудачен. Уже в академический период «сплетничали, что семейная жизнь его была не слишком красна, потому что супруга имела не особенно ладный характер».[4] Сходным образом писала о Вере Алексеевне В. С. Аксакова в своем дневнике: «Жена же у него всегда больная и прихотливая <...>» (27 ноября 1854 г.), «...больная, причудливая и, должно быть, несносного характера» (26 января 1855 г.).[5]

Кроме того, сам Гиляров свидетельствовал, что в тот период друзья-славянофилы хотели привлечь его к своей издательско-редакторской деятельности — 2 ноября 1886 г. он писал Романову-Рцы: «Когда славянофилы основывали журнал (“Русскую Беседу” и еще ранее, когда торговали “Москвитянин”), меня они предлагали поставить во главу <...>».[6]

Критическое положение, в котором оказался выброшенный на улицу Гиляров с семьей, заставило его друзей предпринимать определенные хлопоты в поисках для него службы, которая не сковывала бы его научного творчества.

---

[1] *<Гальперсон А. М.* Н. П. Гиляров-Платонов и М. С. Сковронская (1893?)> // *Гиляров: ИМБР*. С. 482.

[2] В мемуарах он прямо пишет об этом: «Если тогда и мелькало впереди духовное звание для меня, то единственно в виде монашества. Здесь, по крайней мере, не будет затягивающей прозы: так мне казалось, и если я найду в себе достаточно сил на подвиг, думал я, то я его приму. В этом смысле мечтали мы вдвоем даже с братом. <...> Если заходила речь о возможности мне поступить в Академию, то в общих размышлениях о моем будущем конечною точкой мы единогласно полагали монашество и, следовательно, архиерейство как естественное последствие <...>» (*Из пережитого*. Т. 1. С. 314).

[3] См. ответное письмо П. М. Никитского сыну от 17 июля 1851 г.: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 658. Л. 1—1 об. Вскоре этот первый сын Гилярова умер.

[4] Воспоминания Е. Е. Голубинского. Кострома, 1923. С. 26.

[5] *Аксакова*. С. 94, 127.

[6] *Письма к Рцы*. С. 248.

Сохранилось свидетельство: «Говорили тогда, что славянофилы, к кружку которых он принадлежал, хотели было доставить ему место домашнего наставника при детях какого-то великого князя. Но митрополит Филарет отказал ему в своей рекомендации, которая требовалась».[1]

Тогда за дело снова взялись влиятельный граф Блудов с дочерью. 10 ноября 1855 г., в тот день, когда было утверждено его увольнение от академической службы, запиской-ходатайством Блудова начато производством канцелярское дело «Об определении стоящего в должности профессора Московской духовной академии Гилярова-Платонова цензором в Московский цензурный комитет».[2] Хлопоты увенчались полным успехом, и 23 мая 1856 г. он вступил на торную дорогу обеспеченной государственной службы.

Выше приводилось признание Гилярова, что первоначально славянофилы собирались его поставить во главе «Русской Беседы». Этот план не мог быть реализован главным образом из-за возложенных на него цензорских полномочий. Тем не менее, в продолжение последующих шести лет Гилярову удалось с успехом совмещать и выполнение служебных обязанностей (и тем снискать себе славу либерального цензора-просветителя), и напряженную научно-литературную деятельность, прежде всего связанную с журналом друзей-славянофилов.

В духовно-академической среде Гилярова и считали одним из главных сотрудников «Русской Беседы». 11 мая 1856 г. ему писал из Сергиева Посада профессор А. В. Горский, познакомившийся с первой книжкой: «Первый № Вашего издания произвел здесь самое благоприятное впечатление. Самостоятельность суждения, — серьезность нравственных убеждений, русский ум и сердце, — сочувствие к родному славянству — все это прекрасные залоги благих успехов

---

[1] Воспоминания Е. Е. Голубинского. С. 26.

[2] См. об этом подробнее: *Кн. Н. В. Ш. <Шаховской Н. В.>*. Определение Гилярова-Платонова на светскую службу // *РО*. 1895. Т. 35, сент. С. 110—116.

в будущем, успехов, может быть, не быстрых, не громких, но глубоких, сильно действующих на литературу и жизнь. Господь да поможет!»[1]

Все девять своих статей, опубликованных в «Русской Беседе», Гиляров считал чуть ли не наиболее ценным из всего написанного им. Позже из-за интенсивной хозяйственно-административной и поденной газетной работы у него никогда не хватало времени на столь основательные аналитические статьи.

Первая публикация Гилярова в журнале — отвергнутая Катковым большая статья-рецензия «Семейная хроника и Воспоминания С. Аксакова»: С. Т. Аксаков писал сыну Ивану 1 марта 1856 г.: «Статья Гилярова о моей книге не принята в “Русский Вестник”, ибо содержит в себе резкие славянофильские убеждения <…>».[2]

Тут содержится развернутое исповедание эстетических взглядов, обзор всей отечественной словесности под углом зрения ее национального своеобразия и утверждения религиозно-нравственных идеалов, а также детальный анализ самой книги Аксакова.[3] Аполлон Григорьев будет недалек от истины, когда в 1858 г. съязвит, что Гиляров разбирал «Семейную хронику», «повергая к ее подножию всю русскую литературу».[4] И действительно, рецензия больше походила на боевой программный манифест целого идейного направления. Поэтому, к примеру, в ее теоретической части, рассуждая о первичности прекрасного и духовного, лишь обнаруживающихся во внешнем, Гиляров, несомненно, оспаривает постулаты знаменитой диссертации Чернышевского. Кстати, тот, видимо, это почувствовал, откликнувшись на рецензию Гилярова в сентябрьской книжке «Современника» за 1856 г. и уколов его ссылкой на партийную зашоренность.

---

[1] Цит. по: *Шаховской Н., кн.* Годы службы Н. П. Гилярова-Платонова в Московском цензурном комитете, 1856-й год // Там же. 1897. Т. 46, июль. С. 171.

[2] *Аксаков в письмах.* Т. II. С. 448.

[3] Не будем здесь сколько-нибудь подробно останавливаться на этой рецензии, сошлемся на ее истолкование Б. Ф. Егоровым в работе «Н. П. Гиляров-Платонов как эстетик и литературный критик» (*Гиляров: ИМБР*. С. 36—46); см. также недавнюю статью Д. А. Кунильского «Ап. Григорьев и “Русская Беседа”: По поводу “хищных” и “смиренных” типов» (*ХЧ*. 2016. № 3. С. 235—256). Отметим только, что аксаковская книга, несомненно, явилась некоей отправной точкой-образцом при создании Гиляровым в 1884—1886 гг. его воспоминаний. См. подробнее разделы 3.2 и 3.4.

[4] *Григорьев Ап. А.* Литературная критика. М., 1967. С. 182.

Отметив утверждение Гилярова, что «с “Семейной хроники” начинается новая эпоха для нашей литературы», Чернышевский писал: «Это слишком очевидное преувеличение объясняется, пожалуй, даже извиняется, духом партии».[1]

Во всяком случае, автор такого материала (а известно, что славянофилы в глазах правительства числились в политически подозрительных и неблагонадежных) не мог не попасть на заметку к возглавлявшему в тот период цензурное ведомство министру народного просвещения А. С. Норову. В отчете о первой книге «Русской Беседы», составленном чиновником особых поручений Н. В. Родзянко, Гиляров выдвигался главным представителем славянофильского направления, суждения которого высказываются с «резким, неосторожным убеждением, хоть, м<ожет> б<ыть>, и справедливым, но выраженным укорительно и поносительно».[2]

Примечательны и две другие литературно-критические работы Гилярова, помещенные в «Русской Беседе». В том же 1856 г. (в 3-й книге) была опубликована его рецензия на «Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле постриженика Святыя горы Афонския инока Парфения» (М., 1855), книгу, по существу принадлежащую к области духовной литературы, но вызвавшую в свое время большой интерес в самых разных писательских кругах: известны сочувственные отклики на нее Чернышевского, Салтыкова-Щедрина, Ап. Григорьева, С. Соловьева, Тургенева, Дружинина. Гиляров рассуждает о главном, на его взгляд, достоинстве духовной литературы: она создает образы «людей с тою несуществующею для нас цельностью жизни, — для которых служение истине есть все бытие»[3] и убеждает в том, что эта высокая духовная жизнь реальна и возможна в условиях нашего бытия, в наших обстоятельствах. Эта мысль была дорога для него, и он развивал ее в своих мемуарах.

---

[1] *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1947. Т. III. С. 699.

[2] Дело Главного управления цензуры. 1856. № 130; цит. по: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 830. Л. 2.

[3] *Сб. соч.* Т. I. С. 150. См. также: *Дмитриев А. П.* Ап. А. Григорьев и Н. П. Гиляров-Платонов в спорах о назначении искусства и творчестве Пушкина и инока Парфения (Аггеева) // Печать и слово Петербурга (Петербургские чтения-2018): Сб. науч. тр. СПб.: СПбГУПТД, 2018. С. 160—166.

Рецензия на повесть Н. С. Кохановской «Из провинциальной галереи портретов» (в 3-й книге за 1859 г.), в которой Гиляров приветствовал писательницу как «зарю ожидаемого нами возрождения литературы»,[1] вызвала довольно раздраженный ответ Кохановской, обиженной некоторыми критическими замечаниями.[2] И. Аксаков после некоторых колебаний и даже совещаний с Хомяковым[3] поместил эту апологию, однако в предуведомлении к публикации взял сторону Гилярова. М. Ф. Пуле, впрочем, в статье «О повестях г-жи Кохановской» полемизировал с Гиляровым, считая, что он перехваливает писательницу, что его отзыв «отличается каким-то лелеющим характером и до nec plus ultra[*] отеческим отношением к автору, как к нежно любимому детищу».[4] В своей рецензии Гиляров полемизирует с «обличительной» литературой того времени: «Главнейшая задача художника не казнить действительность во имя идеи и тем раздражать чувства, а успокоивать их, отыскивая блеск идеи и в самой темной действительности».[5] Этому эстетическому принципу сам он неукоснительно будет следовать и в своей публицистике, и в книге «Из пережитого».

После выхода в свет четырех первых номеров журнала, 18 января 1857 г., Гиляров писал профессору Московской духовной академии В. Д. Кудрявцеву-Платонову: «У нас есть слух, что Академия “Беседою” недовольна. <...> Говорят, Филарет Александрович[6] на своих лекциях изъявил торжественное несогласие с Киреевским <...>». И дальше делится своими тревогами по поводу репутации журнала в обществе с точки зрения его религиозно-практической ориентации: «“Беседа” объявила, что она за веру, и даже промолвилась, к сожалению,

---

[1] *Сб. соч.* Т. I. С. 448.

[2] *Кохановская*. Ответ г-ну Г—ву на критический отзыв о повести «Из провинциальной галереи портретов» // *РБ.* 1859. Кн. VI (18). Отд. III: Критика. С. 124—152.

[3] Хомяков тоже был растерян: «Благодарю вас за статью Сох<анской>, хотя она меня ставит в большое затруднение. Не знаю, как и советовать. Главное, боюсь, как бы не стали ее обвинять в раздражении и самолюбии, хотя ни того, ни другого не замечаю» (*Хомяков А. С.* Полн. собр. соч. М., 1904. Т. VIII. С. 385).

[*] крайних пределов (*лат.*).

[4] Русское Слово. 1859. Дек. Отд. II. С. 29.

[5] *Сб. соч.* Т. I. С. 452.

[6] Ф. А. Сергиевский (1831—1884), в тот период бакалавр Московской духовной академии по классу логики, психологии и истории философии.

что она за православие. Это объявление, и потом, наконец, надо сознаться, все-таки явная нравственная серьезность возбудила сочувствие к “Беседе” со стороны духовных. Сочувствие это ясно обнаружилось: письма, изустные известия, собственные признания являются с разных концов Руси. Но какое сочувствие! Письма, разговоры, признания обнаружили, что “Беседу” считают за продолжение “Маяка” или, по крайней мере, желают и надеются этого продолжения. <...> Харьковский Филарет весьма благоволит к “Беседе”, проповедует ее всем своим знакомым и в то же время, в том же разговоре с теми же знакомыми с жаром и энергиею высказывает и защищает самые обскурантические идеи против свободы печатания и мысли, против всякого в ком бы то ни было неблаговоления к деспотическим формам <...>».[1]

Эти тревоги по поводу засилья ретроградного направления в духовной литературе, искажавшего в сознании общества правильное представление о приложении христианского вероучения к текущим событиям, вылилось позже в опубликованную в «Русской Беседе» язвительную рецензию Гилярова на брошюры И. Кулжинского «О преобразованиях и улучшениях в духе святого Православия» и Н. Баркова «Горе от безумия», объединенные общим названием «Современные идеи православны ли?».[2]

Философско-публицистической статьей «Новые объяснения по старому спору» (в 4-й книге за 1857 г.) Гиляров возобновил полемику о народности в науке, начатую в 1856 г. М. Н. Катковым, который в своих «Московских Ведомостях» язвительно откликнулся на публикацию программы «Русской Беседы». По убеждению Гилярова, «участие народности в науке вполне законно и составляет даже необходимое условие ее живой деятельности».[3]

Наибольший резонанс в литературе получили две статьи Гилярова из «Русской Беседы», посвященные методологии исторического исследования, в которых он покусился на непререкаемый авторитет преосвященного Макария

---

[1] ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 2 об., 3, 3 об.—4.

[2] *Г—в Н. <Гиляров-Платонов Н. П.>*. Современные идеи православны ли? С.-Петербург. 1858 г., ст. 1-я и 2-я // *РБ.* 1859. Кн. I (13). Отд. III: Критика. С. 47—56.

[3] *Сб. соч.* Т. I. С. 199.

(Булгакова), автора многотомной «Истории Русской Церкви». Здесь Гиляров резко критикует периодизацию истории Церкви в рецензируемом труде, — основанную на несущественном, на его взгляд, признаке — номинальной зависимости от Константинопольского патриархата и освобождении от этой зависимости.

У этих публикаций оказалась трудная цензурная судьба, так как сотоварищи Гилярова по Московскому цензурному комитету — и Н. Ф. фон Крузе, и А. Н. Драшусов — не решались одобрить к печати критические материалы, касающиеся церковной истории и, следовательно, подведомственные Комитету по цензуре духовных книг. Сначала удалось напечатать статью без упоминания имени Макария — под названием «Несколько слов о механических способах в исследовании истории»[1] и только через полтора года — рецензию на три тома его «Истории Русской Церкви»,[2] написанную раньше первой статьи.

«Статьи Гилярова, — писал 21 ноября 1859 г. И. Аксаков, ставший неофициальным редактором “Русской Беседы”, Н. С. Кохановской по поводу этих публикаций, — <…> возбуждают против нас негодование Св. Синода. Это — к счастию. Надо строго различать дело Православия от официального его значения. Во всяком случае дело обстоит так скверно, что в журнальной светской полемике становится почти невозможным опираться на Православие, ибо противнику вашему заграждены уста, он возражать вам не может, и сейчас скажет, что вы делаете на него донос. Ведь за безверие могут еще у нас запереть в Соловки, исключить из службы, и т. п.».[3]

По большому счету Гиляров был прав, он выступал против попыток подогнать явления русской жизни под готовый шаблон наработанных западной исторической наукой методов и приемов исследования, — не случайно его критика

---

[1] *РБ.* 1858. Кн. I (9). Отд. III: Критика. С. 66—87. Подпись: *Н. Г—в.*

[2] *Г—в Н. <Гиляров-Платонов Н. П.>.* История Русской Церкви Макария, епископа Винницкого. Том I, II и III. СПб., 1857 г., в 12 // Там же. 1859. Кн. III (15). Отд. III: Критика. С. 1—36. Статья датирована 5 января 1858 г. Чтоб ее подписать в печать, Гилярову пришлось взять на себя цензуру всего издания. См. также: *Шаховской Н., кн.* Н. П. Гиляров-Платонов об «Истории Русской Церкви» преосв<ященного> Макария // *РО.* 1897. Т. 44, апр. С. 591—619.

[3] *Переписка Аксаковых и Кохановской*. С. 59.

исторического метода Макария так восхитила Хомякова. Однако в пылу полемического задора Гиляров в частностях бывал и несправедлив, отрицая, например, напрочь кропотливую собирательскую работу таких ученых-историков, как Макарий, — во имя идеала «органической науки», требующей от исследователя глубокого внутреннего вживания в события народной жизни.

В письме от 23 ноября 1886 г. Гиляров по просьбе Романова-Рцы назвал ему свои статьи, опубликованные в журнале, а в постскриптуме добавил: «При перечислении статей в “Русской Беседе” я забыл упомянуть о самой полновесной: “Очерк рационалистического движения философии”.[1] Это есть фундаментальнейшая из моих статей. (Отрывок из диссертации о Гегеле)».[2] И действительно, эта публикация заставила заговорить о Гилярове как об одном из ведущих специалистов по истории зарубежной и русской мысли. Н. П. Аксаков был убежден: «Превосходный труд этот, блистательно показывающий критические способности автора, послужил впоследствии главною основою для рассуждения Владимира Соловьева “Кризис западной философии”».[3]

П. Л. Лавров, приступавший к работе в качестве заведующего редакцией философских наук «Энциклопедического словаря, составленного русскими учеными и литераторами» (СПб., 1861—1863; доведен до буквы «Е»), 1 декабря 1859 г. именно к Гилярову обратился с просьбой составить биографические статьи о русских философах. При этом он весьма высокую оценку дал публикациям Гилярова в «Русской Беседе». Он писал: «Общее мнение в Петербурге приписывает Вам прекрасные статьи, помещенные в “Русской Беседе”, о рационализме и критику “Истории Церкви” Макария. Это побудило меня, хотя и не имею удовольствия быть лично знакомым с Вами, обратиться к Вам с просьбою о содействии. Вам, может быть, известно, что здесь собираются издавать Полный энциклопедический лексикон. Редакция философского отдела его поручена

---

[1] Точнее: «Рационалистическое движение философии новых времен» (см. подробнее коммент. 000).

[2] *Письма к Рцы*. С. 306.

[3] *Аксаков Н.* Воспоминание о Н. П. Гилярове-Платонове // Русский Курьер. 1887. 19 окт. № 288. С. 1.

мне. Я занимаюсь философиею преимущественно по иностранным сочинениям и потому не довольно хорошо знаком с русскими деятелями по этой части. Не согласитесь ли Вы принять на себя сотрудничество по биографиям русских писателей по философским предметам?»[1] Гиляров, донельзя загруженный цензорской работой, видимо, отказался от этого лестного предложения.

Сотрудничество Гилярова с «Русской Беседой» не ограничивалось написанием упомянутых статей. Заведующая редакцией «Современных Известий» и его близкий друг А. М. Гальперсон сообщала князю Н. В. Шаховскому 3 апреля 1893 г.: «В “Рус<ской> Беседе” Ник<ита> Пет<рович> писал “внутренние обозрения”».[2]

Кроме того, в это же время Гиляров усиленно занимался исследованием тогда только увидевшего свет труда Шеллинга «Введение в философию мифологии», в котором видел «зерно всей системы» и который считал важным «по исторически-философскому своему значению: ибо заключает опровержение штандпункта Гегелевщины. (Сказать мимоходом, Шеллинг постоянно обращается к Гегелю, колотит его и между тем ни разу не называет его по имени. Прочих всех называет, как следует, а о нем говорит: *einer, einige, man*[*] и т. п. Забавная и довольно мелочная черта)».[3] Статью о Шеллинге Гиляров собирался поместить в «Русской Беседе». Для этого же журнала Гиляров, по просьбе И. С. Аксакова, готовил материалы о Григории Сковороде; точнее, он должен был проверить очерк жизни и творчества философа, присланного в редакции в конце 1856 г. Г. П. Данилевским, на предмет его беспристрастия и отсутствия излишнего украинофильского пафоса. Прошло более двух лет, и в мае 1859 г. Аксаков оправдывался перед Данилевским: «Вы в полном праве сердиться за мешкотность “Беседы” в деле печатания биографии Сковороды. Я попрошу Вас потерпеть до осени.

---

[1] Неопубликованные письма П. Л. Лаврова / Сообщ. Н. А. Бухбиндер // Каторга и ссылка. 1928. Кн. 2 (39). С. 49.

[2] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 104. Л. 12. Это свидетельство вполне правдоподобно, хотя нуждается в тщательной проверке.

[*] один, некоторые, говорят (*нем.*).

[3] Письмо Гилярова к В. Д. Кудрявцеву-Платонову от 18 января 1857 г. // ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 1 об.

Гиляров, желая придать Вашему труду как можно более полноты и ученого значения, занялся предварительно собранием всех сочинений, всех рукописей Сковороды, с тем, чтобы вновь просмотреть и изучить их. Он много собрал и прочел, хотя еще не всё, но мы признали, что такая добросовестность здесь уже излишняя, что данных достаточно для основательного заключения. К осени — труд его будет окончен».[1] Гиляров, стремившийся к максимальной добросовестности, собрал немало материалов через А. В. Горского и других преподавателей Московской духовной академии, но так и не завершил начатое. 19 января 1862 г. Аксаков писал Данилевскому: «Очень рад, что могу наконец удовлетворить Вас. Рукопись Ваша о Сковороде послана мною, вместе с 15 № “Дня”, к Кожанчикову. По получении письма можете тотчас к нему отправиться и получить от него пакет на Ваше имя. Собственно говоря, это не статья, а материалы, из которых Гиляров должен был составить статью, с указанием на Ваши материалы. Чтобы составить статью, Гилярова вошел в переписку по отысканию сочинений Сковороды, и добыл подлинную биографию, написанную его учеником, и проч. и проч. / Разумеется, рукопись Ваша должна Вам быть возвращена, и Вы вправе ее напечатать, где Вам угодно».[2]

Впрочем, И. Аксаков не совсем был удовлетворен стилистической манерой Гилярова, склонного к глубокомысленным обобщениям. В письме к родным от 28 ноября 1856 г. он сетовал: «...именно теперь, когда после потрясения войны, при новой правительственной эпохе, все в России в брожении, все жаждет разрешения поднятых вопросов, не отвлеченных, но жизненных, животрепещущих. Это требование общества не удовлетворяется <...> отвлеченными статьями Гилярова <...>».[3] Сходным образом отзывался об одной из ранних статей Гилярова М. П. Погодин, фактически призывавший его добавить публицистического задо-

---

[1] РНБ. Ф. 236. Ед. хр. 18. Л. 5—5 об. Дата указана в издании: *Данилевский М. Г.* Г. П. Данилевский по личным его письмам и литературной переписке. Харьков, 1893. С. 29—30, где это письмо цитируется вольно.

[2] РНБ. Ф. 236. Ед. хр. 18. Л. 8—8 об. Очерком «Сковорода, 1722—1794 гг.» из цикла «Украинские деятели» Данилевский открыл свою книгу «Украинская старина. Материалы для истории украинской литературы и народного образования» (Харьков, 1866).

[3] *Аксаков И. С.* Письма к родным, 1849—1856. М.: Наука, 1994. С. 467. (Лит. памятники).

ра, злободневной остроты: «Не достает Вам живости в статьях и оттенков — все как будто безразлично и бесстрастно. Семинария и Филарет оставили также печать на Вашем образе действий и на речи <…>».[1]

Положение Гилярова-цензора в этот период было непростым. Доброжелатели из петербургских правительственных сфер убеждали его отказываться от цензуры славянофильских изданий. Он и сам понимал двусмысленность такой ситуации, когда его друзья видят в нем, государственном чиновнике, осуществлявшем надзор над литературой, чуть ли не единственную компетентную силу, способную отстоять важные для них статьи. В декабре 1858 г. он все же решился цензуровать «Русскую Беседу». Возможно, именно это так окрылило И. Аксакова, что он увеличил число журнальных книжек с четырех до шести в год. Однако единолично Гиляровым было подписано цензурное разрешение (26 января 1859 г.) только для первой книги журнала за 1859 г.[2] Немало тревог (а нередко и административных взысканий) доставило Гилярову цензурование и других славянофильских изданий: «Сельского Благоустройства», «Молвы», «Паруса», «Дня».

Причина, по которой «Русская Беседа» и прилагавшееся к ней «Сельское Благоустройство», переданные в декабре 1858 г. Гилярову, через месяц оказались в ведении другого цензора, выясняется из переписки Гилярова с А. И. Кошелевым, которому он написал в начале февраля 1859 г., что откажется от цензурования этих журналов, «пока они в руках Ив<ана> Серг<еевича>».[3] Конфликт возник из-за требования И. С. Аксакова подписать «задним числом» январскую книжку «Сельского Благоустройства» с «трудной» в цензурном отношении статьей князя В. А. Черкасского, отклоненной цензором Д. И. Наумовым. Гиляров в то время находился в отпуске в связи с постигшим его семейным го-

---

[1] Материалы для биографии Н. П. Гилярова-Платонова // *РО*. 1896. Т. 42, дек. С. 995.

[2] Он, правда, подписывал к печати и обе последние книги журнала за 1860 г., но совместно со своими товарищами по Комитету: первую — с А. Н. Драшусовым (24 апреля 1860 г.), вторую — с А. Г. Петровым (31 декабря 1860 г.).

[3] Цит. по: *Шаховской Н., кн.* Годы службы Н. П. Гилярова-Платонова в Московском цензурном комитете, 1859 год // *РО*. 1897. Т. 48, дек. С. 499.

рем (смертью двухлетней дочери Надежды) и необходимостью составить отчет о своей командировке за границу летом 1857 г. по изучению еврейского вопроса.

Аксаков настаивал, что содействие в срочной публикации важных материалов по крестьянскому вопросу — «гражданский долг» Гилярова. В этом Аксакова поддержал и Кошелев. Гиляров с горечью писал последнему: «Не слишком ли, драгоценнейший Александр Иванович, расширяется Ваше понятие о гражданском долге? Гражданский долг — выпустить известную статью месяцем раньше, а не позже, в первой непременно, а не во второй книжке! Гражданский долг — подписывать задними числами, — во время нарочно взятого отпуска, с оскорблением нового товарища <...>».[1] Поссорившись с Аксаковым, Гиляров в том же феврале 1859 г. принял бесповоротное решение, о котором сообщал Кошелеву в том же письме: «...к крайнему моему сокрушению, я не могу цензоровать “Беседу” и “Благоустройство”. Где нет нравственного доверия, где нет чувства уважения личного, там нечего иметь дело. Нечего иметь дело с человеком, когда он требует единственно *повиновения* к себе, и повиновения в самых возмутительных формах, без всякого уважения не только к личному положению человека, но и к правилам честности, которые тот хочет оставить за собой».[2]

Столь же ответственно Гиляров подходил к своим цензорским обязанностям всегда.

1.5. Цензорская и общественная деятельность на рубеже 1850—1860-х гг.

Публицист Ф. П. Еленев, впоследствии видный чиновниц Цензурного ведомства, вспоминал о Гилярове: «Это был человек цельный, не разделившийся на ся <*так*!>, не торговавшийся с своими убеждениями и совестью, видевший

[1] ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 2 об.

[2] Там же. Л. 3. После отказа Гилярова от «Сельского Благоустройства» оно фактически сразу, на февральской книжке 1859 г., и прекратило свое существование.

впереди только общую пользу, как он понимал ее, а не свои личные выгоды».[1] Поэтому не удивительно, что в марте 1862 г. его звали заведовать редакцией «Русского Вестника» М. Н. Катков и П. М. Леонтьев.[2] Они видели в Гиляров не «человека партии», а ценного сотрудника и помощника, обладающего широтой воззрений и самостоятельностью мышления.[3]

С 23 мая 1856 г.[4] по 11 августа 1862 г. Гиляров служил цензором Московского цензурного комитета, где снискал себе славу либерального чиновника-просветителя, находившегося в оппозиции к карательно-запретительной политике своего ведомства и руководствовавшегося интересами общественной пользы.[5] Об этом периоде он позднее вспоминал, что состоял цензором на самом переломе печати, когда от придирчивой, безумно-подозрительной цензуры правительство переходило к либеральным воззрениям на печать.[6]

В его ведении состояли (разновременно) такие журналы, как «Русский Вестник» М. Н. Каткова, «Школа Рисования» Д. М. Струкова, «Журнал Земледельцев» А. Д. Желтухина, «Ясная Поляна» Л. Н. Толстого, и газеты: «Московский Вестник» Н. Н. Воронцова-Вельяминова, «Промышленный Листок» М. Я. Киттары, «Русская Газета» С. А. Поля, а также почти вся славянофильская журналистика: «Русская Беседа» и «Сельское Благоустройство» А. И. Кошелева, «Молва» К. С. Аксакова, «День» И. С. Аксакова, «Акционер» Ф. В. Чижова.

---

[1] *Ф. Е. <Еленев Ф. П.>*. Черта из жизни Гилярова-Платонова // *РА*. 1887. Кн. III, вып. 12. С. 574. «…разделившийся на ся…» — евангельская реминисценция (Мф 12: 25; Мк 3: 24; Лк 11: 17). В синодальном переводе: «…царство, разделившееся само в себе…»

[2] См.: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 654. Л. 1—2.

[3] См. об этом также: *Федотова М. А.* Новый тип цензурного чиновника // Вопросы отечественной истории: Межвуз. сб. науч. работ мол. ученых. М., 1999. Вып. 2. С. 67—83.

[4] Вакансия открылась еще 27 марта 1856 г. в связи с кончиной князя В. В. Львова.

[5] См. подробнее: *Шаховской Н., кн*. 1) Определение Н. П. Гилярова-Платонова на светскую службу // *РО*. 1895. Т. 35, сент. С. 110—116 (подпись: *Кн. Н. В. Ш.*); 2) Годы службы Н. П. Гилярова-Платонова в Московском цензурном комитете // *РО*. 1897. Т. 46, июль. С. 131—172; Авг. С. 712—771; Т. 47. Окт. С. 716—783; Т. 48. Нояб. С. 99—133; Дек. С. 497—529; 1898. Т. 49. Янв. С. 98—132; Февр. С. 644—657; Т. 50. Март. С. 52—69; Апр. С. 526—539; *Дмитриев А. П.* Н. П. Гиляров-Платонов и цензура: (Биобиблиографический обзор) // *Гиляров: ИМБР*. С. 96—130.

[6] *<Гиляров-Платонов Н. П.>*. Москва, 10 мая // *СИ*. 1884. 11 мая. № 126. С. 1. См. также: *Гиляров-Платонов Н. П.* Возрождение Общества любителей российской словесности в 1858 году: (Речь, читанная в публич. заседании Общества 7 декабря 1886 г.) // *Из пережитого.* Т. 2. С. 191—203.

Поначалу Гиляров хотя и был, как и все славянофилы, принципиальным сторонником свободы слова, однако, наряду с А. С. Хомяковым, все же видел на данном этапе развития общества необходимость в сохранении цензуры как воспитательного средства, ограждающего общество от нравственно вредной литературы, разжигающей «злое и недостойное чувство в читателе».[1] В 1859 г. Гиляров, подобно А. В. Никитенко и Ф. И. Тютчеву, составил свой проект либерального цензурного устава, большинство положений которого носило рекомендательный характер и подготавливало к будущей полной свободе книгопечатания.[2] Основу цензорской деятельности, по его убеждению, должно составлять глубокое осознание личного нравственного долга перед страной и народом, а не буквальное исполнение предписаний начальства. Гиляров выступал против административного произвола, сковывавшего развитие литературы. В этот период он писал одному из своих корреспондентов, давая нравственное обоснование цензуре и с государственной точки зрения, и с позиций «суда» своей совести: «…я не только уважаю свободу мнения, но даже иду в этом дальше, нежели кто другой. По моим понятиям, не только не должно насиловать чужого мнения, но даже никакое вполне образовавшееся мнение не должно насиловать чужого развития. Мнение есть капитал, развитие — труд. Безграничная свобода мнения, или, точнее сказать, безграничная свобода *проповедания* мнений среди миллиона неразвитых существ есть, в этом смысле, тоже своего рода насилие: насилие сильного над слабым, умственного капитала над умственным трудом, немногих привилегированных счастливцев над массой <…> я слуга государства, — идея которого, по моему мнению, должна быть — защита слабого перед сильным; и — слуга настолько, насколько собственно его требования согласны и с моими личными убеждениями. Лучше ли было бы, если бы я запрещал те или другие книги *только* потому, что государство мне это велит?»[3]

---

[1] См.: *Хомяков А. С.* Полн. собр. соч. 3-е изд., доп. М., 1900. Т. I. С. 373.

[2] См. письмо Гилярова к Ф. И. Тютчеву от 13 декабря 1859 г. // ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 18.

[3] Цит. по: *Шаховской Н., кн*. Годы службы Н. П. Гилярова-Платонова в Московском цензурном комитете, 1856-й год // *РО*. 1897. Т. 46, июль. С. 162.

Гиляров часто оказывался в двусмысленной ситуации, поскольку друзья-славянофилы видели в нем, государственном чиновнике, осуществлявшем надзор над литературой, чуть ли не единственную компетентную силу, способную отстоять важные для них статьи. При этом он зачастую рисковал потерять место службы. Так, цензурование в 1857 г. «Молвы» доставило ему три административных взыскания Главного управления цензуры: 28 октября строгое замечание за пропуск статьи Я. Сахарова «О воспитании в духе народности» (№ 27 от 12 октября), 27 ноября постановку на вид за статью И. И. Железнова «Мысли казака о казачестве» (№ 32 от 16 ноября) и 23 декабря строгий выговор за статью К. С. Аксакова «Опыт синонимов. Публика — народ» (№ 36 от 14 декабря). Последняя публикация вызвала недовольство Александра II, и от увольнения Гиляров был спасен лишь своим покровителем графом Д. Н. Блудовым. Тут же, 27 декабря, Гиляров вторично получил строгий выговор за разрешение для «Русского Вестника» (декабрь, кн. 1) баллады посредственного литератора князя Г. В. Кугушева «Дуняша: Легенда древних времен», затрагивавшей отношения помещиков и крестьян.[1] 26 ноября 1858 г. строгое замечание ему было объявлено за пропуск в печать объявления об издании газеты «Парус», в котором содержались сведения, отсутствовавшие в официально утвержденной программе этого издания. 21 июня 1861 г. Гиляров вновь получил строгий выговор — за разрешение статьи М. П. Погодина «Три вечера в Петербурге» в газете «Акционер» (№ 22 и 23 от 16 и 23 июня).

Важны инициативы Гилярова, способствовавшие либерализации цензуры и усилению ее нравственного влияния на общество. В конце 1857 г. по его донесению в Главное управление цензуры (в связи с изданием «Московской Меди-

[1] См.: *Норов А. С., Берте А. А.* Предложение председательствующему в Московском цензурном комитете от 27-го декабря 1857 года <о стихотворении «Дуняша»> / Публ. А. П. Дмитриева // *Гиляров: ИМБР*. С. 115—117. Гилярову как цензору наряду с издателем Катковым было поставлено в вину «совершенное отсутствие приличия и такта». Недопустимым был сочтен сам сюжет баллады, написанной четырехстопным анапестом: барин полюбил свою крепостную, дочь буфетчика Дуняшу, а та уже была помолвлена с коробейником Семеном. Девушку, не пожелавшую стать любовницей помещика, заперли во флигеле. Когда к ней както ночью пробрался Семен, влюбленных выдала старуха, приставленная стеречь девушку. Разъяренный барин убил обоих, но потом «не знал ни покоя, ни сна».

цинской Газеты») был сделан почин по освобождению медицинской периодики от особой цензуры медицинских факультетов. А 19 ноября 1860 г. его докладная записка о «книгах, спекулирующих на страсти известной части публики к неблагопристойностям»[1] и инициированные ею распоряжения Главного управления цензуры позволили поставить заслон порнографической литературе, выходившей под видом гигиенических и специально-врачебных пособий. Эта записка затрагивала вечно актуальный вопрос охранения общественной нравственности путем запрета порнографического чтива, мимикрирующего под ученомедицинские пособия, и Гиляров давал ему четкие дефиниции, например: «*По содержанию* все оные касаются непременно половых отправлений: говорят о соитии, о зачатии, об устройстве детородных органов или же об извращении половых чувств и о неумеренном их удовлетворении, как-то — об онанизме и любострастной болезни и т. п. К этому присоединяются иногда гигиенические наставления; но соображение духа всей книги дает обыкновенно понять слишком ясно, что не эти наставления составляют цель, для которой неизбежно допускаются неблагопристойности в описаниях, напротив, дабы иметь предлог дать публике эти неблагопристойные описания и прибавлены кой-какие, большею частию ничтожные, наставления».[2] Попытки беспринципных коммерсантов в период либерализации цензуры во второй половине XIX в. поставить изготовление такой книжной продукции на поток не могли не возмущать Гилярова. Так, в 1857 г. он запретил сочинение «Ревнивый муж и своенравная жена», полное «неблагопристойных намеков».[3]

Помимо периодики, через руки Гилярова прошло более 1100 книг и брошюр.[4] Он ставил себе за правило не пропускать лишь те рукописи, что содержа-

---

[1] См.: *Гиляров-Платонов Н. П.* Докладная записка от 19 ноября 1860 г. <о «безнравственных» книгах> / Публ. А. П. Дмитриева // Там же. С. 117—120.

[2] Там же. С. 117—118.

[3] ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Д. 387. Л. 12.

[4] См.: *Федотова М. А.* Общественно-политические взгляды и деятельность Н. П. Гилярова-Платонова… Л. 74. См. отзывы Гилярова: ЦГИАМ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 118, 119, 123; Оп. 3. Д. 2, 17, 20, 28, 32, 50, 78, 91, 99, 119, 140, 189, 214, 2167—2178; Оп. 5. Д. 367, 368, 371, 372, 374, 379—382, 387, 389, 390, 393, 399, 401, 411, 413, 420, 423, 425, 430, 432, 435, 436, 438, 439, 444—446, 461, 463, 464, 466, 467, 474, 475, 477—479, 520, 523, 525, 528, 533—535,

ли «неосмотрительные выражения» в адрес коронованных особ, нападки на веру, а также непристойности. Так, Гиляров запретил сочинения: «Путешествие к Святым местам» свящ. Ив. Лукьянова (для «Русского Архива»), «Коронация, или Торжество россиян 1856 г.» Вильгельма Скаретки и стихотворений (А. В.?) Тимофеева с упоминанием императрицы.[1] Позднее, правда, П. И. Бартеневу удалось найти более сговорчивого цензора, не обратившего внимания на «раскольничий дух» первой из названных рукописей и опубликовать ее под названием «Путешествие в Святую землю священника Ивана Лукьянова, московского жителя церкви Покрова Богородицы. 1711».[2]

Вместе с тем, без живого участия Гилярова проблематичным было бы осуществление в то время и ряда важных издательских проектов. К примеру, в начале 1857 г. он добивался, чтобы увидел свет не искаженный цензорскими вмешательствами текст «Горя от ума» и других произведений Грибоедова.[3]

Из цензора увлекающийся Гиляров нередко превращался в редактора и соавтора. 1 июля 1856 г. о необыкновенном цензурном чиновнике сообщал историк М. И. Семевский Г. Е. Благосветлову (предположительно, в связи с очередным изданием «Полной русской хрестоматии» А. Д. Галахова): «Руководство, написанное Галаховым, — как мне известно от него самого, — поступит в Московскую цензуру — к *Гилярову* (автору статьи о “Семейной хронике” Аксакова в “Русск<ой> Беседе”, т. 1, 1856 г.), который — по словам Алекс<ея> Дмитр<иевича> — весьма и весьма дельный человек, — и от коего он ждет —

543—546, 548, 549, 558—561, 569, 570, 574. 576, 582—587, 593, 594; РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 195а, 216, 218, 225, 226, 228, 315, а также документ, опубликованный князем Н. В. Шаховским: Докладная записка в Московский цензурный комитет (июня 26 дня 1859 года) ценсора Никиты Гилярова-Платонова: <Об издании книги П. В. Жадовского «Житейские сцены»> // *РО*. 1898. Т. 49, февр. С. 911—917.

[1] *Федотова М. А.* Общественно-политические взгляды и деятельность Н. П. Гилярова-Платонова… Л. 81 (со ссылками на документы ЦГИАМ: Ф. 31. Оп. 5. Д. 466. Л. 16; Д. 367. Л. 58; Д. 368. Л. 11).

[2] *РА*. 1866. Вып. 1—5/6.

[3] См.: Доклад Гилярова Московскому цензурному комитету о разрешении к печати «Полного собрания сочинений Грибоедова» <от 8 февраля 1857 г.> // *РО*. 1896. Т. 42, нояб. С. 454—456. Князь П. А. Вяземский все же позволил тогда опубликовать комедию только в том виде, в каком она представлялась на сцене Императорских театров.

много ценных замечаний — насчет его колоссального труда. — Замечаниями, коими он не преминует воспользоваться».[1]

Летом 1857 г., цензуруя 6-томные «Сочинения и письма» Гоголя, Гиляров предлагал их издателю П. А. Кулишу текстологически проанализировать разрозненные записки и заметки писателя, сохранившиеся в его посмертных бумагах, чтобы воссоздать «нечто гармоническое, исполненное глубокого смысла» и «обставить замечаниями» эти реконструированные произведения.[2] Летом-осенью 1860 г. Гиляров столь же неформально отнесся к переведенному К. П. Победоносцевым сочинению немецкого теолога Г. В. Тирша «Христианские начала семейной жизни» (М., 1861): правил стиль, сам переписывал «неудобные» места или снабжал их подстрочными примечаниями.[3] Одновременно Гиляров цензуровал четырехтомное собрание сочинений И. С. Тургенева в издании Н. А. Основского, вышедшее в 1860—1861 гг. Именно благодаря Гилярову удалось провести через цензурные рогатки явно непроходной дополнительный эпилог романа «Рудин», в котором герой погибает на парижских баррикадах. Н. П. Генералова отмечает: «Гиляров-Платонов <…> конечно, рисковал, пропуская дописанный Тургеневым “революционный” эпилог романа “Рудин”, напечатанный впервые в этом издании» (в 4-м томе, вышедшем в октябре 1860 г.).[4]

При этом Гиляров нередко подвергал себя реальной опасности. Так, в 1856 г. он решился допустить к печати сочинение о положении России после Крымской войны, написанное молодым Ф. П. Еленевым (впоследствии секретарем председателя Редакционных комиссий графа Я. И. Ростовцева, затем видным чиновником Цензурного ведомства, не раз выручавшим Гилярова — издателя собственной газеты). Еленев благодарно вспоминал: «Этот человек готов был снова рисковать потерять службу, а следовательно, и средства к существованию

[1] ИРЛИ. Ф. 274. Оп. 1. Ед. хр. 41. Л. 1004 об.

[2] См. об этом: *Шаховской Н., кн.* Памяти П. А. Кулиша // *РО.* 1897. Т. 44, март. С. 195—198, а также 15 писем Кулиша к Гилярову (1856—1857): РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 646. Л. 1—24.

[3] См. письмо Гилярова к К. П. Победоносцеву от 21 декабря 1860 г. (*Разумевающие верой*. С. 29—31).

[4] См.: *Генералова Н. П.* «Неизвестный» ответ Тургенева Чернышевскому: (О втором эпилоге романа «Рудин») // И. С. Тургенев: Новые исследования и материалы. Т. IV: К 200-летию И. С. Тургенева (1818—2018). М.: Альянс-Архео, 2016. С. 26.

единственно из-за того, что попавшее в его цензуру сочинение сходится с его убеждениями и могло быть, по его мнению, небесполезно для тогдашнего времени».[1]

В мемуарах «Из пережитого» сам Гиляров рассказывал, что «на свой страх» дал пропуск в печать книге доктора И. Я. Зацепина «Опыт сближения медицинских наук с верою» (М., 1858—1859. Ч. I—IV), не посылая ее, как должен был, на суд медицинской и духовной цензур, потому как счел ее вполне безобидной, хотя и «непроходимой» для упомянутых специальных цензурных ведомств.[2]

Вместе с тем Гиляров становился вполне исполнительным и строгим чиновником, когда дело касалось сочинений, которые, по его мнению, были вредны своим направлением. И это не могло не обижать литераторов, чьи произведения так и оставались в рукописях, погребенных в Цензурном архиве. Так, впоследствии историк и публицист А. А. Чумиков протестовал, не соглашаясь с распространенным мнением о Гилярове как «вполне либеральном цензоре», поскольку «в руках этого философа красный карандаш любил иногда как бы бессознательно прогуливаться по корректурным листам».[3]

Например, в 1858 г. Московский цензурный комитет утвердил предложения Гилярова — «не одобрять к печати» аморально-экстремистскую, на его взгляд, рукопись «Крестьянская печатная правда. Беседа крестьянина с крестьянами о новом улучшении житья-бытья» («может служить поводом к неосновательным толкам»); запретить печатать «Разговор русских людей на постоялом дворе в первый день 1858 г.» («заключает неприличные указания на злоупотребление помещичьей власти <…> может подать повод к превратным

[1] *Ф. Е. <Еленев Ф. П.>*. Черта из жизни Гилярова-Платонова. С. 571—572.
[2] *Из пережитого.* Т. 2. С. 62.
[3] *Чумиков А.* Мои цензурные мытарства // *РС*. 1899. Т. 100, дек. С. 599.

истолкованиям предпринятого преобразования и возбудить взаимные неудовольствия одного сословия против другого»).[1]

Однако в одном 1860 г., согласно Журналу заседаний Московского цензурного комитета, Гиляров «было сделано шесть строгих замечаний за разрешение напечатать в журналах “Вестник Промышленности” и “Русский Вестник” различных “непозволительных рассуждений” о правительственной деятельности и «насмешек» над чиновниками и администрацией».[2]

К середине 1861 г. на него уже было наложено 9 взысканий, он несколько раз оказывался на грани удаления из Цензурного ведомства. Заступаясь за него, председатель Московского комитета М. П. Щербинин писал министру народного просвещения графу Е. В. Путятину, что вполне убедился «в его благонамеренности, в его уме светлом, во взгляде его верном и быстром на предметы и в образовании его далеко не обыкновенном <...>».[3]

К лету 1862 г. количество взысканий выросло до 15 (2 замечания, 5 строгих замечаний, 2 выговора, 3 строгих выговора и 3 раза поставлено на вид), Гиляров неоднократно оказывался на грани удаления из Цензурного ведомства. Впрочем, он был настроен оптимистически. Профессор Московской духовной академии П. С. Казанский в то время записал в своем дневнике: «*1862 г., февраля 19*. <…> Гиляров говорит, что месяца через три будет уничтожена цензура».[4]

С немотивированным бессмыслием цензуры как тормоза для полнокровной жизни страны Гиляров в этот период столкнулся и сам как автор и даже пострадал от своих же коллег. В марте 1860 г. он издал для представления в цензу-

---

[1] ЦГИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Д. 399. Л. 42, 56 об.—57; цит. по: *Герасимова Ю. И.* Из истории русской печати в период революционной ситуации конца 1850-х — начала 1860-х гг. М.: Книга, 1974. С. 58.

[2] См.: ЦГИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Д. 435. Л. 31; Д. 436. Л. 24—24 об.; Д. 438. Л. 27—28; Д. 442. Л. 28—28 об.; Д. 443. Л. 21—21 об.; Д. 444. Л. 9—9 об.; цит. по: *Герасимова Ю. И.* Из истории русской печати... С. 109. Не все эти замечания были, однако, «строгими» в буквальном казенно-канцелярском смысле слова. Исследовательница называет Гилярова «наиболее либеральным цензором» того времени (см.: Там же).

[3] Цит. по: *Шаховской Н., кн.* Никита Петрович Гиляров-Платонов // *Сб. соч.* Т. I. С. XV.

[4] *А. А. Б. <Беляев А. А.>*. Недавнее прошлое по письмам современника // *ПО*. 1883. Т. II, июль. С. 504.

ру два печатных листа своего отчета по поездке за границу летом 1857 г. по изучению системы еврейского образования — под названием «В каком смысле могут принадлежать евреям права гражданства в христианских государствах: На основании сочинений Паулуса составил и собственными примечаниями дополнил Н. Г.» (М., 1860). Однако Главное управление цензуры, перестраховываясь, в апреле 1861 г. не допустило ее к печати, причем не потому, что существовали на сей счет какие-то специальные указания, а потому, что оно *пока не имело* правительственных указаний, в какой мере предполагается расширить права и свободы евреев в России, и не решалось инициировать общественное обсуждение этого вопроса.[1]

К началу 1860-х гг. взгляды Гилярова на цензуру претерпели изменение: он стал ее принципиальным противником. 21 ноября 1861 г. он так исповедовался графине А. Д. Блудовой в своих новых убеждениях: «Несколько раз сказал я слово “цензор”, “цензоры”, — и каждый раз меня коробит при произнесении этого слова: так опротивело мне одно воспоминание о моей несчастной должности, которая в настоящее время потеряла всякий смысл. Было время, когда порядочный человек мог идти в цензоры для того, чтоб помочь, разумеется — в известных границах, литературе и избавить ее от сторожей бессмысленных. Но теперь? — Теперь литература не скажу — свободна, но необуздан<н>а, как никогда. Нет сомнений, что если б у нас уничтожили совсем цензуру, литература в тысячу раз сделалась бы приличнее. Я в том убежден, как в собственном существовании.

Долой цензуру, дайте суд над книгопечатанием, какой-нибудь; обратите хотя цензурные комитеты в суды и сделайте jury* хотя из цензоров: вот единственное спасение. Этим развяжутся руки людям благонамеренным, той консервативной массе, которая у нас еще так многочисленна и так еще сильна,

[1] См. подробнее: *Шаховской Н., кн*. Н. П. Гиляров-Платонов о евреях // *РО*. 1897. Т. 43, янв. С. 148—185; *Дмитриев А. П.* Цензура и еврейский вопрос в год освобождения крестьян: (Запрещенные книги Н. П. Гилярова-Платонова и А. Б. Думашевского по архивным материалам Главного управления цензуры) // Цензура в России: история и современность: Сб. науч. тр. СПб.: РНБ, 2011. Вып. 5. С. 125—143.

* суд присяжных (*англ*.).

в которой много людей и мыслящих, и сильных умом, но которая теперь не смеет возвысить голоса, единственно потому что у нас есть цензура. Я не говорю о том, справедливо ли такое рассуждение консерваторов; но оно есть, оно — факт, и его надобно принимать в соображение».[1]

В марте 1861 г. Гиляров участвовал в собрании литераторов и издателей, которое состоялось по инициативе Н. Г. Чернышевского на квартире М. Н. Каткова, и высказал, по свидетельству сотрудника «Русского Вестника» Д. И. Каменского (позднее цензор), немало «практических мыслей» по отмене цензуры и замене ее гласным судом над книгопечатанием, а также сумел удержать «прения в пределах возможности, не дав им перерасти в бесплодный спор».[2]

Оказавшись в самой гуще литературно-общественной жизни рубежа 1850—1860-х гг., Гиляров сразу нашел доказательства своим убеждениям, что «человек, честно идущий по дороге, которую указывает ему искренняя любовь к просвещению, всегда может смело надеяться на сочувствие других людей просвещенных: наука образует между своими служителями особенную духовную связь, для которой не нужно ни предварительного знакомства, ни посторонних рекомендаций, ни других условий, которыми скрепляются обыкновенные связи».[3] Деятельное участие принял он в возрождении Общества любителей российской словесности, действительным членом которого был избран 10 ноября 1858 г. и в котором в 1859—1861 гг. исправлял обязанности члена Подготовительного собрания.[4] Общество фактически не действовало четверть века, по крайней мере с 1834 г., и позднее Гиляров стал основным биографом наиболее критического момента в его жизни жизни — времени его «возрождения» в 1858 г., — в своем мемуарном очерке 1886 г.[5] 6 ноября 1860 г. в заседании Общества любителей рос-

---

[1] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 377. Л. 6—6 об.

[2] Письма к А. В. Дружинину (1850—1863). М.: Журн.-газ. об-ние, 1948. С. 141. (Летописи Гослитмузея; Кн. 9).

[3] Письмо к А. В. Никитенко от 6 января 1856 г. // Там же. № 18483. Л. 1—1 об.

[4] Подробнее об этом: *Клеймёнова Р. Н.* Общество любителей российской словесности, 1811—1930. М.: Academia, 2002. (О Гилярове — см. по Указателю имен.)

[5] См. совр. научную републ.: *Из пережитого*. Т. 2. С. 191—203, 556—472.

сийской словесности, посвященном кончине А. С. Хомякова, Гиляров произнес свою знаменитую речь «О судьбе убеждений», где не только вскрыл своеобразие философских воззрений Хомякова как «отражения начала любви в области отвлеченного мышления»,[1] но и глубоко обосновал трагизм духовного одиночества людей самостоятельной мысли и «истинного убеждения» (речь опубликована в последней, 2-й книге «Русской Беседы» за 1860 г.).

Любопытно, что тогда, в период слишком уже отчетливого идейного размежевания, Гиляров было пообещал дать и для «Русского Вестника» поминальную статью о Хомякове, но, по совету друзей-славянофилов, взял свое слово обратно. М. Н. Лонгинову он писал 2 октября 1860 г.: «…есть такого рода оттенки убеждений, которых трудно избегнуть и в самом кратком некрологе, а потому *мне* написать решительно неприлично в “Р<усском> Вестнике” о Хомякове». [2] К изучению наследия Хомякова, которого Гиляров считал наиболее близким себе по основным мировоззренческим интуициям, он вернулся в начале 1860-х гг., осуществив перевод с французского его богословских брошюр, частично изданный в журнале «Православное Обозрение» (1863. № 10—11; 1864. № 1—2), и позднее помогая Ю. Ф. Самарину заново перевести эти брошюры для 2-го тома Полного собрания сочинений Хомякова (Прага, 1867).[3]

Как упоминалось, позже Гиляров выступил основным историографом этого периода в истории Общества, создав мемуарный очерк «Возрождение Общества любителей российской словесности в 1858 году (Речь, читанная в публичном заседании Общества 7 декабря 1886 года)»,[4] изобилующий многими важными подробностями. Статья была написана для юбилейного издания — «Учено-литературного сборника», приуроченного к 75-летию основания Общества. Были изысканы необходимые средства (2809,5 руб.) — доход от музыкально-литературных вечеров и выставки, посвященных Пушкинским празднествам 1880 г.; 19 октября 1885 г. со-

---

[1] *Сб. соч.* Т. II. С. 46.

[2] ИРЛИ. Архив М. Н. Лонгинова. Сигн. 23147. Л. 6.

[3] См. об этом подробнее в разделе 3.8.

[4] Впервые опубл.: Сборник Общества любителей российской словесности на 1891 год. М., 1891. С. 139—152. Беловой автограф: ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 31. <№ 1>.

здана редакционная комиссия в составе 5 членов Общества. Однако юбилейное издание так и не состоялось, а часть материалов, для него предназначавшихся, позже вошла в «Сборник Общества любителей российской словесности на 1891 год». Любопытно, что и его история оказалась непростой: отпечатанный еще в августе 1890 г., сборник был запрещен цензорами из-за статьи Ю. Ф. Самарина «Чему должны мы научиться?», которую пришлось вырезать.[1] Библиограф Д. Д. Языков писал об очерке Гилярова: «Эта “Речь” любопытна как важный материал для истории Общества любителей российской словесности <…> и как живая характеристика нескольких литературных деятелей, особенно Константина Сергеевича Аксакова, М. Н. Лонгинова и А. С. Хомякова. Кроме того, ее можно считать интересным продолжением автобиографических “Воспоминаний” Н. П. Гилярова-Платонова».[2]

С апреля по октябрь 1859 г. Гиляров, по поручению председателя Редакционных комиссий графа Я. И. Ростовцева, предпринимает грандиозный труд — составление, как он назовет его в своих мемуарах, свода «всему <…> писанному в русской печати о крестьянской реформе, всем статьям и всем мыслям каждой статьи».[3] Систематизация огромного количества разнообразных неупорядоченных материалов, если не забывать при этом о щепетильной добросовестности Гилярова, не могла быть закончена в установленные сжатые сроки. Поэтому беспримерный труд, извлечения из которого, показанные Ростовцеву, привели того в восторг, так и не был завершен и доведен до печатного станка.[4]

Тогда же Гиляров как перфекционист, питавший склонность к грандиозным проектам энциклопедического характера, где можно всеобъемлюще, системно объяснить жизненные явления во всех их взаимосвязях, задумал создание полного свода канонических и богословских законоположений и определений за всю

---

[1] См.: *Мендельсон Н. М.* Общество любителей российской словесности при Московском университете: Исторические записки и материалы за сто лет, 1811—1911. М., <1911>. Отд. I. С. 87—88; Отд. II. С. 149. Здесь автором статьи «Чему должны мы научиться?» ошибочно назван И. С. Аксаков.

[2] *Языков Д. Д.* Обзор жизни и трудов покойных русских писателей. Вып. 7. С. 21—22.

[3] *Из пережитого*. Т. 1. С. 149.

[4] См. об этом подробнее: *Шаховской Н., кн.* Годы службы Н. П. Гилярова-Платонова в Московском цензурном комитете, 1859 год // *РО*. 1897. Т. 48, дек. С. 508—515.

без малого двухтысячелетнюю историю Церкви, благодаря которому осветилась бы вся религиозная жизнь человечества за огромный период. В мемуарах он писал об этом: «В молодые лета я составлял свод церковных законов. Десятки тысяч карточек своеручно исписаны были извлечениями из канонов, из богослужебных книг, из Полного собрания законов. <…> Это были внешне утомительные труды, но я с радостью садился за них, отдыхал на них, находил в них для себя гимнастику».[1] Бывший студент Гилярова (в 1848—1850 гг.), а потом его сослуживец по Московской духовной академии (в 1850—1853 гг.) протоиерей Г. П. Смирнов-Платонов участвовавший в этих занятиях, вспоминал: «…бывши долгое время домашним человеком в его доме, я более года занимался с ним разработкой такой темы, которую и теперь можно назвать мечтой. Профессору-мыслителю постоянно предносился в его широкой и живой мысли великий органический образ Православной Церкви, которому действительность, всегда идущая эмпирическим путем, далеко не отвечает. Он задумал: составить, на основании богословских и канонических начал, органическое начертание всей массы практических определений, обнимающих обширную область церковной жизни во всей ее разнообразной действительности. Задача, отсюда выходившая, может быть названа: *Свод церковных законов*, соответственный “Своду законов” Сперанского <…>. Мы начали с Н<икитой> П<етровичем> поверкой существующего законодательства, как церковного, так и общего, долго штудировали имевшиеся в изобилии при Академии материалы — памятники церковных правил и узаконений и “Полное собрание законов” с многочисленными дополнительными указами и распоряжениями правительства, рассылавшимися II Отделением по всем ведомствам и хранившимися в Моск<овской> академии в переплетах по годам. Мы писали содержание всех постановлений безразлично — действующих и исторических, на отдельных карточках, размещавшихся в отдельных картонках. Неисчислимое количество этих карточек было написано нами, по временам вместе с <И. В.> Беляевым; размещались они по главам, отделам и частям; обо-

[1] *Из пережитого*. Т. 1. С. 149. Многочисленные карточки сгорели вместе со всем архивом Гилярова в 1856 г. Сохранились 168 карточек с выписками из Книги правил, Полного собрания законов, богослужебных книг XVII—XIX вв.: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 287, 288.

значались уже целые очертания, которые наглядно показали поразительное и поучительное несоответствие действительности и идеи, практики и закона, запроса и ответа, открылась масса непредусмотренного, требовавшего рано или поздно положительных решений законодательства, — объявились и такие главы, на которые имелось множество решений, представлявшихся при своде сбитыми и не проверенными, и такие, на которые не отыскивалось никакого ответа. Все это обещало плодотворность задуманного труда, возбуждало новое рвение».[1]

В этот же период Гиляров предлагает свой план реформирования всей системы начального образования в России. Он, таким образом, стоял у истоков создания церковноприходской школы. В конце декабря 1861 г. он написал «Записку о первоначальном образовании народа», как он ее сначала называл, и через графиню А. Д. Блудову подал ее императрице Марии Александровне. 3 января 1862 г. графиня ему сообщала: «Ваша записка об обучении народа была прочтена самому Государю, который ею очень доволен, разделяет Ваш образ мыслей и, как я достоверно узнала, твердо убежден, что в руках духовенства должно оставаться образование первоначальное».[2] В марте митрополит Филарет одобрил ее для напечатания в академическом журнале, где она и увидела свет (как там было принято, анонимно),[3] и с этого времени начинается заметное потепление в отношениях между двумя коломенцами. Через 25 лет, уже после того как в 1884 г. были Высочайше утверждены «Правила о церковноприходских школах», Гиляров спрашивал Романова-Рцы (16 ноября 1886 г.): «А знали ли Вы, что идея церковноприходских школ принадлежит мне; что об этом была мною подана записка (очень сильная) покойной императрице <...>?»[4] Еще в 1862 г. первая подобная школа была открыта в Москве по инициативе Гилярова, и на этом тор-

[1] *Смирнов-Платонов Гр., прот*. «Curriculum vitae»: Из области воспоминаний и мечтаний // *Смирнов-Платонов Гр., прот*. «Детская Помощь»: К читателям и сотрудникам. М., 1885. С. 40.

[2] Цит. по: *Шаховской Н., кн.* Н. П. Гиляров-Платонов как инициатор церковноприходской школы // *РО.* 1896. Т. 37, февр. С. 572.

[3] *ПкИТСО.* 1862. Ч. 21. С. 165—180. 1 января 1862 г. Гиляров писал графине Блудовой о своей Записке: «Читал я ее, между прочим, Филарету, и он был так доволен, что принимался несколько раз благодарить и в заключение спросил: нельзя ли бы ее напечатать?» (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 377. Л. 14).

[4] *Письма к Рцы*. С. 295.

жестве захотела присутствовать сама императрица.[1] Однако, как известно, современники считали идейное обоснование церковноприходского образования заслугой прежде всего К. П. Победоносцева и С. А. Рачинского.[2]

Тогда же в программной работе «Личное и общественное»[3] Гиляров сформулировал важнейшие принципы национальной социологии, взглянув на политический и экономический радикализм своего времени «с *восточной* точки зрения, с точки зрения христианской любви как основы социальной жизни».[4] Отвергая модные теории индивидуализма и коммунизма, Гиляров показывает, что между этими опасными крайностями, как между некими Сциллой и Харибдой, существует третий, имеющий религиозно-этическую подоснову, путь:

«Жизнь есть подвиг, а не наслаждение.

Труд есть долг, а не средство своекорыстия.

Верховный закон междучеловеческих отношений есть всеотдающая себя любовь, а не зависть».[5]

Эту статью Гилярова (наряду с рецензией на «Семейную хронику» С. Т. Аксакова и работой «Рационалистическое движение философии новых времен») И. Аксаков включил в особую антологию «Russische Ideen», составленную из лучших материалов, опубликованных славянофилами в «Русской Беседе», «Сельском Благоустройстве» и других изданиях, и призванную познакомить западный мир с наиболее важными интерпретациями русской национальной идеи.[6] Этот замысел был реализован позднее Фридрихом Боденштедтом в двухтомнике: Russische Fragmente: Beiträge zur Kenntniß des Staats- und Volkslebens in seiner

---

[1] См.: *Романовский В., свящ.* Открытие церковноприходской Пятницкой школы в Москве, в присутствии Ея Императорского Величества Государыни императрицы Марии Александровны, 14 декабря 1862 года // *ДЧ.* 1863. Ч. I, февр. Изв. и заметки. С. 27—33.

[2] См. об этом подробнее в разделе 3.9.

[3] *Г—в Н. П. <Гиляров-Платонов Н. П.>*. Личное и общественное: (По поводу статьи г. Дубенского «Свобода и рабство». «Ж<урнал> З<емлевладельцев>. № 22) // *ЖЗ.* 1859. Т. VI, № 24. Отд. I. С. 411—438.

[4] *Шаховской Н., кн.* Годы службы Н. П. Гилярова-Платонова в Московском цензурном комитете, 1959-й год // *РО.* 1898. Т. 50, апр. С. 526.

[5] *Сб. соч.* Т. II. С. 28.

[6] См. письмо Ивана Аксакова к брату Константину от 3 апреля 1860 г., включающее план предполагаемого издания: *«Русская Беседа».* С. 304—309, а также раздел 2.2.

historischen Entwickelung. Eingeleitet und herausgegeben von Friedrich Bodenstedt. Leipzig: F. A. Brockhaus, 1862. В конце жизни Гиляров вспоминал об этом: «И. С. Аксаков в бытность за границей дает в переводе выдержки из одной принципиальной моей статьи, и, по его словам, она поразила ученых немцев, которые ее читали».[1] Не менее интересны в этом плане также статья Гилярова «Три партии: Общий взгляд на ход эмансипации в России», вошедшая в сборник «Три партии, мы на перепутье» (Берлин, 1860), и его (правда, незавершенное) исследование «Основные начала экономии» (М., 1889), изданное посмертно А. М. Гальперсон с вступительной статьей известного правоведа и политэконома И. Т. Тарасова, давшего высокую оценку этому труду Гилярова.[2]

В июле 1862 г., новый министр народного просвещения А. В. Головнин, даже не приискивая удобный повод, решил отстранить Гилярова от цензуры на том лишь основании, что «неприлично быть цензором человеку, находящемуся в дружеских отношениях с редакторами и участвующему в литературе».[3]

Гилярову было предложено стать чиновником особых поручений V класса при министре (Высочайший приказ по Министерству народного просвещения подписан 11 августа 1862 г.), и Гилярову ничего не оставалось делать, как согласиться. Всегда питавший склонность к трудоемким просветительским проектам, он начал было составлять по архивным документам историю Министерства народного просвещения.[4]

Кроме того, в конце 1861 г. в кризисном положении оказался «Журнал Министерства Народного Просвещения»: его материалы отличались слишком узкой специализацией и были скучны и малоинтересны читающей публике, избалованной острозлободневной журналистикой того времени. По поручению

---

[1] *Письма к Рцы*. С. 256 (письмо от 3 ноября 1886 г.). Подробнее см.: *Дмитриев А. П.* Жизнь есть подвиг или наслаждение?: Православная социология и «русская идея» в оценке «либерального консерватора»: Н. П. Гиляров-Платонов versus И.-К. Блюнчли // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2007. Т. 8, вып. 1. С. 104—116.

[2] Впервые: *Тарасов И., проф.* Н. П. Гиляров-Платонов как экономист // *РД*. 1890. 18 февр. № 5. С. 8—9.

[3] Письмо к графине Блудовой от 1 августа 1862 г.: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 378. Л. 10 об. Подробнее об увольнении Гилярова от должности цензора см. ниже, в разделе 1.6.

[4] Сохранился план этого фундаментального исследования; он опубликован князем Шаховским: *Сб. соч.* Т. II. С. 141—147.

министра А. В. Головнина Гиляров изучил состояние дел и составил свою докладную записку.[1] По ее оформлению (отсутствие обращения, сугубо деловой тон, настойчивое требование пойти по самому неприятному для министра пути — изысканию дополнительных финансовых дотаций) видно, что Гиляров здесь несколько фрондирует.

Параллельно его уговаривали возглавить редакцию только учреждавшегося тогда официоза Министерства внутренних дел — газеты «Северная Почта» (1862—1868), предтечи «Правительственного Вестника». 20 октября 1867 г. он писал своему приятелю К. П. Победоносцеву: «Некогда я отказался от предложения быть редактором даже “Северной Почты”, журнала официального».[2]

Оба эти варианта были ему не по душе, поскольку превращали его в чиновника, строго следующего указаниям начальства и закрывали для него возможность творческого участия в обсуждении общественно-политических вопросов. К тому же неизбежен был переезд из Москвы в столь не любимый славянофилами Петербург. Однако от редактирования «Журнала Министерства народного просвещения» Гиляров, судя по всему, поначалу наотрез не отказался. В этом издании был «неофициальный отдел», участвовать в нем можно было пригласить талантливых авторов, которые заполнили бы страницы журнальных книжек «статьями дельными и занимательными». В упомянутой докладной записке он показывает пути, на которых можно было бы возродить ежемесячник. Однако проект не получил финансирования.[3] Вероятно и то, что план модернизации журнала по подсказанной Гиляровым схеме (прежде всего путем увеличения гонораров сотрудникам) не устраивал министра. Дополнительные обстоятельства и время несостоявшегося назначения Гилярова редактором уясняются из его письма к директору Канцелярии синодального обер-прокурора Н. А. Сергиевскому от 18 января 1862 г. Он писал: «Вы спрашиваете о моем редакторстве.

---

[1] См. подробнее: Как «издавать Журнал дельный и занимательный»: (Докладная записка Н. П. Гилярова-Платонова А. В. Головнину о «Журнале Министерства Народного Просвещения») / Публ. Д. А. Федорова // *Гиляров: ИМБР*. С. 609—613.

[2] *Разумевающие верой*. С. 60—61.

[3] См. об этом письмо Головнина к Ег. П. Ковалевскому от 18 ноября <1861 г.> (ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. Ед. хр. 26. Л. 2).

Оно кануло ко дну совершенно; Головнин не счел нужным согласиться с моею запискою, а думает обратить журнал в чисто и досконально официальный».[1] Докладная записка о «Журнале Министерства Народного Просвещения» свидетельствует о том, что Гиляров уже внутренне был готов возглавить крупный орган печати, с большим знанием дела он говорит здесь о мерах по увеличению подписки, об улучшении качества публикаций, о гонорарной политике и необходимости сделать издание «дельным и занимательным». Начиная с декабря 1867 г. он начнет применять этот опыт, накопленный в результате цензорского семилетия, на практике — в качестве издателя-редактора частной ежедневной газеты…

7 февраля 1863 г. Гиляров неожиданно для себя стал членом Комиссии по пересмотру проекта Устава о книгопечатании, причем Головнин, назначая его, призвал «стараться <...> изыскать средство к большему ограждению интересов литературы и ко введению большей законности вместо административного произвола».[2] Однако за месяц до этого П. С. Казанский записал в дневнике со слов близкого к Гилярову А. Ф. Кирьякова: «*1863 г., января 14*. <…> либеральный проект лопнул <…> Головнин нашел вредным для государства ту свободу печати, которую давал проект».[3]

Тем не менее, с 19 февраля по 18 мая Гиляров принимал участие в заседаниях Комиссии в Петербурге, где убеждал смягчить административные наказания, признав их временной мерой при переходе к преследованию печати исключительно по суду. Кроме того, он высказывался против права императора и министра закрывать издания и за создание коллегиального Совета, правомочного выносить подобные решения только после трехкратного осуждения направления печатного органа, что частично получило отражение во «Временных правилах о цензуре и печати» 1865 г. Поданное Гиляровым в Комиссию «Мнение о

---

[1] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 479. Л. 2.

[2] Письмо А. В. Головнина к Гилярову от 29 января 1863 г. цит. по: *Шаховской Н., кн.* Никита Петрович Гиляров-Платонов. С. XXII. См. полностью: РНБ. Ф. 747. Ед. хр. 619. Л. 4—5.

[3] *А. А. Б. <Беляев А. А.>*. Недавнее прошлое по письмам современника. С. 511.

порядке административных взысканий» он позднее, только основав свою газету, опубликовал,[1] — в связи с вынесением газете И. Аксакова «Москва» второго предостережения. Тогда на публикацию Гилярова откликнулись редакторы «Московских Ведомостей», «Голоса», «Москвича» и других газет. В своих передовых статьях они напоминали правительству, что система административных предостережений вводилась как временная мера и по осуществлении Судебной реформы предполагалось внедрение ответственности прессы по суду. Чтобы нейтрализовать скандал, в официозе «Северная Почта» было помещено подробное обоснование системы предостережений как актуального орудия правительственной политики в сфере печати. Современная исследовательница в этой связи отмечает: «Таким образом, диалог полностью повторился почти 5 лет спустя, на этот раз публично, в печати, однако результат его остался прежним — возражения публицистов не были приняты во внимание».[2]

В 1863-м же году при обсуждении ряда вопросов Гиляров, по его признанию, «не соглашался, оставаясь с отдельным мнением». Он вспоминал позже: «Случилось, однако, что я отвергнул и провалил мнение, поданное одним моим товарищем по поручению министра,[3] при котором я состоял. Дня через три министр мне очень любезно объявил, что место мое, по случаю преобразования, должно остаться *за штатом*».[4] То есть Головнин остался недоволен независимым поведением Гилярова, и 1 июня 1863 г. тот был уволен.

---

[1] *СИ*. 1867. 8 дек. № 7. С. 26—27. Отметим, что в архиве хранится и более пространный проект Гилярова 1863 г., озаглавленный «Об изменениях в Цензурном уставе» (ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 21. 86 л.).

[2] *Кругликова О. С.* Н. П. Гиляров-Платонов как журналист и издатель // Учен. зап. Казанского ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2016. Т. 158, кн. 4. С. 1017.

[3] Помимо Гилярова, от его Министерства членами Комиссии для разработки проекта Устава о книгопечатании стали И. Е. Андреевский и Е. М. Феоктистов. Возможно, однако, что речь идет о В. Я. Фуксе, настаивавшем на внесении в проект Устава о книгопечатании ряда положений полицейско-запретительного характера (см.: *Никитенко А. В.* Дневник: В 3 т. М.: Захаров, 2005. Т. III. С. 32—33, 57, 63, 66, 74).

[4] Письмо Гилярова к А. С. Суворину от 29 октября 1872 г. цит. по: *Из пережитого. 2009*. Т. 1. С. 211.

1.6. Цензор и автор газеты И. С. Аксакова «День» (1861—1865)

Друзья И. С. Аксакова (Ю. Ф. Самарин, князь В. А. Черкасский, Ф. В. Чижов, Гиляров, И. В. и И. Д. Беляевы и др.), принадлежавшие к тесному кружку славянофилов, разумеется, поддерживали его издательское предприятие — его первый многолетний личный орган — еще на стадии первоначального замысла, хотя и, в силу разных причин — главным образом ввиду исполнения административно-служебных обязанностей, — не всегда могли в нем активно участвовать как авторы.

Ю. Ф. Самарин уже на закате издания «Дня», тревожась за судьбу газеты, писал Аксакову из Парижа 5 января 1865 г. (24 декабря 1864 г.): «…балласта много, слишком даже много. Главный недостаток, мне кажется, в отсутствии определенной программы. Надобно бы, помимо того материала, который будет подвертываться сам собою, составить как бы смету на целый год вперед, то есть формулировать несколько крупных положений по главным вопросам: о церкви, о воспитании и т. д. и проводить их последовательно. Знаю, что это нелегко, особенно при отсутствии сотрудников. А что делает Гиляров?»[1]

Гиляров в тот период (с 20 августа 1863 г.) служил управляющим Московской Синодальной типографией и уже не принимал деятельного участия в «Дне». С первых же номеров издания он имел к нему самое непосредственное отношение — и как автор статей на самые разные темы, и как цензор.

Известно, что во второй половине 1850-х — начале 1860-х гг. славянофилы, замышляя свои издательские проекты, делали особую ставку на Гилярова — как своего человека в Цензурном ведомстве. Он курировал все их проекты, а когда вынужден бывал от них отказываться, все ж мог как-то влиять на своих коллег-цензоров. Он и удерживал своих единомышленников-редакторов от ненужной запальчивости и других необдуманных шагов, вызывающих на себя цензурный огонь и вредящих общему делу.

---

[1] *Переписка Аксакова и Самарина*. С. 209.

Что касается «Дня», то такая роль советчика определилась за Гиляровым задолго до выхода первого номера — в период написания Аксаковым «Объявления об издании газеты “День”».[1] Аксакову хотелось здесь не просто перечислить пункты официальной программы будущего издания, утвержденной Цензурным ведомством, но дать нечто вроде манифеста, где в эмоциональном ключе провозгласить принципы славянофильской газеты, в которой остро нуждается пореформенная Россия. Не согласившись с доводами-уговорами Гилярова, справедливо опасавшегося, что Аксаков заранее вооружит против себя своих сановных недоброжелателей, тот обратился за поддержкой к другому московскому цензору — А. Г. Петрову, который благодушно одобрил «Объявление». Гиляров в августе 1861 г.[2] пишет другу письмо, где упрекает его за наивные надежды: «Вас соблазняет то, что Петров так мало заметил в Вашей программе»[3] — и дает дельные советы: «Целый день я обдумывал программу для “Дня”, и думаю, можно бы было написать ее дипломатически. <…> Мне кажется, что я нашел *mezzo termine.*[*] Вы должны пожертвовать значительно; но не безвозвратно, — успеете сказать то же в газете. Программа, однако, останется та же; и воля Ваша, мне кажется, будет даже лучше, т. е. будет программой, а не возбуждением. *Все* мысли останутся; но лирический восторг снимется».[4] И далее подробно, по отдельным абзацам Гиляров расписывал конкретные рекомендации: что снять, а что, переделав, оставить. Так и получилось: Аксаков в основном принял предложенные ему изменения, а позднее переработал начальный вариант своего объявления в передовицу для первого номера “Дня”».[5] Однако и исправленный текст объявления не избежал недовольства надзорных органов и даже вызвал переписку между Главным управлением цензуры, усмотревшим отступления Аксакова

---

[1] Впервые опубл.: *МВед*. 1861. 3 сент. № 192. С. 154. В конце: *Издатель и редактор Иван Аксаков.*

[2] Письмо не датировано. Месяц и год установлены по содержанию.

[3] ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 1.

[*] среднее между крайностями (*итал.*).

[4] ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 1—1 об.

[5] <*Аксаков И. С.*>. Москва, 14-го октября // День. 1861. 15 окт. № 1. С. 1—2. В посмертной републ. редакционное назв.: «Возврат к народной жизни путем самосознания» (*Аксаков.* Т. II. С. 3—7).

от ранее объявленной и утвержденной программы,[1] и Московским цензурным комитетом. В итоге цензоры Первопрестольной получили указание о строжайшем надзоре за газетой «День». Бывший в это время в Москве государственный секретарь В. П. Бутков обращал внимание председателя Московского цензурного комитета М. П. Щербинина на необходимость «усугубления надзора» за газетой Аксакова и «в особенности за статьями по крестьянскому делу».[2]

Советами Гилярова, пожалуй более нежели советами других друзей, пользовался Аксаков и в дальнейшем: тот как москвич всегда был рядом, к тому же через него по роду его цензорской деятельности проходили все материалы редакционного портфеля. Характерный пример. Ф. Ф. Воропонов, сотрудник редакции «Дня», возглавлявший одно время «Областной отдел», вспоминал: «К современным заботам малорусов о развитии своего языка отношение московских литературных кругов тогда еще не вполне определилось. Только Катков успел уже высказаться неприязненно, а Аксаков еще собирался обстоятельно разобраться в этом деле по существу или сам, или через своего сотрудника Гилярова-Платонова <…>».[3] Тут показательно и то, что цензор газеты назван *сотрудником,* в другом месте мемуаров — «одним из ближайших сотрудников»[4] (при том, что участие Гилярова как автора газеты было незначительным и негласным, поначалу он публиковался под криптонимом Р. С. Т.), и особенно то, что именно на Гилярова возлагались такого рода доверительные и непростые просьбы-поручения по разработке будущего курса редакционной политики.

Да и сам Аксаков неоднократно признавался, как высоко он ценит мнения Гилярова о своих материалах. Так, напечатав первые четыре статьи из «цикла об обществе» и спрашивая Самарина, что тот о них думает, Аксаков в письме от 22—23 марта 1862 г. отмечал: «Одно меня ободряет, что Гиляров *очень* ими до-

---

[1] В письме к Ю. Ф. Самарину от 22 сентября 1861 г. Аксаков так отреагировал на эти, действительно, нарочитые придирки: «Какая зоркая бдительность и враждебность!» (*Переписка Аксакова и Самарина*. С. 110).

[2] Там же. С. 109.

[3] *Воропонов Ф.* Сорок лет тому назад: По личным воспоминаниям // *ВЕ*. 1904. Кн. 7. С. 12—13.

[4] Там же. № 8. С. 445.

волен, особенно статьей 22<-го> и еще особеннее статьею 24 №».[1] В том же марте 1862 г. Аксаков писал В. А. Елагину, посылая ему просмотренное Гиляровым его открытое «Письмо к редактору по поводу статьи г. Грабовского»:[2] «Гиляров с своей стороны находит, что излишняя деликатность у Вас затемняет несколько мысль, что если бы читатель вначале знал, что Вы хотите доказать, так он бы с интересом следил по всему лабиринту этого вопроса за Вами; теперь же он все время находится в каком-то недоумении, потому что вывод отодвинут слишком далеко. Я этого не нахожу, но, может быть, и действительно, Вы уже слишком расшаркиваетесь пред ополячившимся “благородным” туземцем. Имейте в виду не одного г. Грабовского, но целый край угнетенной в духовном смысле русской народности, — ищущей опоры себе в литературе, нуждающейся в подъеме (Белоруссия, напр<имер>)».[3] (Тут важно, что Аксаков передает Елагину даже те рекомендации Гилярова, с которыми сам не согласен, — настолько велико к нему его доверие.) Тому же адресату 2 июня 1862 г. Аксаков сообщал об отправленном им 30 мая на Высочайшее имя письме о том, почему он не может открыть имя корреспондента (К. С. Еленевского), из-за чего вскоре будет приостановлен «День», и снова выделял среди тех, с кем советовался, именно Гилярова: «…написал целое объяснение, почему вынужден явиться как бы ослушником воли Государя, — и отдаюсь на правосудие Государя, на воззрение которого прошу повергнуть мой ответ. Все, которым я читал (включая и Гилярова), говорят, что если объяснение дойдет до Государя, то он, как честный человек, если и подвергнет какому-нибудь взысканию, но не запретит газеты. Вот жду, чем это кончится».[4]

Безусловно, Аксаков не мог не ценить Гилярова и как ценного сотрудника-единомышленника, и как «своего среди чужих». Он писал графине А. Д. Блудовой 10—11 декабря 1861 г.: «Если бы Вы знали, что за состав у нас цензуры: один другого гаже и пошлее. Без Гилярова они хуже тупоголовых баранов, а тут

---

[1] *Переписка Аксакова и Самарина*. С. 122.
[2] День. 1862. 24 марта. № 24. С. 5—10.
[3] ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 17. Л. 22—22 об.
[4] Там же. Л. 4 об., 3.

на беду и Щербинин занемог! И русская литература, произведения ума, таланта, вдохновений и усиленных трудов в руках невежд и пошляков — невообразимых, трусов-наемников! Что может быть развратнее этого! Да этого одного достаточно, чтоб разрушилось Царство! Нет греха страшнее, как посягательство на свободу мысли и совести человеческой. Он вызывает ужасные наказания!»[1]

Однако эта ситуация была весьма неблагоприятной для карьеры Гилярова: становясь цензором газеты, к которой привлечено особенное, и зачастую недоброжелательно-пристрастное, внимание правительственных кругов, он сам оказывался под подозрением как неблагонадежный чиновник, потакающий приятелям-славянофилам. Все осложнялось и неуступчивостью Аксакова, требовавшего от него самоотвержения в служении сначала «Русской Беседе» и «Сельскому Благоустройству», а затем и «Дню».

Как непреклонен бывал Аксаков в достижении своих целей (когда это касалось газеты) свидетельствует его записка, которую можно датировать концом 1861 г. Адресована она Гилярову и отличается необыкновенно грубым тоном:

«Чорт Вас возьми совсем, скоты вы все и более ничего! [Кости] Хрящи в вас, а не кости, не кровь, а парное молоко! И вы еще имеете дерзость хвастаться. Если это делать, так надо было вчера делать. Зачем вы вчера не заехали тотчас ко мне от Щербинина? Щербинин утром был совсем расположен пропустить. Что ж Вы не поддержали? Да сотворивши такую гнусную штуку, Вы должны были бы тотчас сами приехать и объясниться. [Подлость] Вы отвратительны просто.

И. А.

[1] *Аксаков в письмах*. Т. III. С. 379; пунктуация уточнена по автографу: РНБ. Ф. 78. Ед. хр. 22. Л. 49 об. Сенатор Михаил Павлович Щербинин (1807—1881) в 1860—1865 гг. возглавлял Московский цензурный комитет.

Я не посылаю к Делянову. Такие статьи теряют всякое свое значение, печатаемые по Высоч<айшему> повелению! Вы мне ее подпишете завтра или [мы с Вами не знакомы] я прекращаю газету».[1]

О какой именно статье идет речь, не вполне ясно (возможно, о передовой в № 5 от 11 ноября). Нервные строки с нажимом и необычно обильные вычерки подтверждают отзыв Ф. Ф. Воропонова об Аксакове-редакторе: «Это был человек, полный внутренней кипучей энергии, большой инициативы, исключительной искренности <…>».[2] Однако разрывать отношения с Гиляровым Аксаков не хотел: даже в порыве гнева он, ультимативно потребовав дать цензорское разрешение на публикацию статьи и пригрозив («или мы с Вами не знакомы»), тут же меняет необдуманную фразу на другую, прямо не затрагивающую отношения с другом, однако косвенно делающего его виновником возможного крушения общего дела («или я прекращаю газету»).

Обычно третейским судьей в этих трениях между редактором и цензором становилась графиня Блудова, дружившая с обоими приятелями и в этот период особенно активно переписывавшаяся с ними. Аксаков с друзьями, пользовавшиеся ее великосветскими связями, подчас оценивали ее иронически. Так, в декабре 1861 г. князь В. А. Черкасский упоминал в письме к Аксакову «старика Блудова и добрую, но бестолковую Антонину Дмитриевну».[3] Почти всегда она брала сторону Гилярова. Уже после выхода 5-го номера газеты, 19 ноября 1861 г., она передавала ему настоятельный совет графа И. Д. Делянова: «Это иметь духу отказаться от цензуры газеты “День”. В Вашем положении, под угрозою отставки, и с неимоверным упрямством Ивана Сергеевича, который никого не слуша-

[1] ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 13. Л. 39. Граф Иван Давыдович Делянов (1818—1897), в 1861 г. ставший директором Публичной библиотеки и членом Главного управления цензуры, оказывал покровительство московским славянофилам (в частности, в начале 1856 г. он вместе с графом Д. Н. Блудовым способствовал назначению Гилярова на цензорскую должность). Позднее, в 1866—1874 гг., он занимал пост товарища министра народного просвещения, а с 1882 г. — министра этого ведомства.

[2] *Воропонов Ф.* Сорок лет тому назад: По личным воспоминаниям // *ВЕ*. 1904. Кн. 7. С. 39.

[3] ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. Ед. хр. 672. Л. 35.

ется и пустился опять на выходки, Вы рискуете слишком много; и я должна сказать, что меня смущает эгоизм Ив<ана> Серг<еевича>, который так торжественно обещал нам в сентябре месяце непременно отстранить Вас от цензуры своей газеты, а потом именно от этого сумасбродного 5 №[1] достал Вашу подпись! Имейте дух отказаться, у Вас семейство, которое Вы обязаны беречь, а Иван Сергеевич не хочет беречь ни себя, ни свое дело, ни всех тех, которые за него распинались. Это все такое ребячество, что было бы жалко, если б не было опасно для Вас, которому нужна служба, и для самого влияния тех добрых и справедливых начал, которые не должны быть бросаемы на произвол всякого “Современника” или “Русского Слова” и их гнусной клеветы. Дай Бог, чтоб сегодняшний № 6 был более осторожен и особенно лучше и яснее написан, чем передовая статья № 5, которую для литературной репутации самого Ивана Сергеевича Вы бы не должны были пропустить. Я не могу выразить, до какой степени меня опечалил Иван Сергеевич».[2]

Следующий острый конфликт между Гиляровым и Аксаковым был вызван самовольной републикацией последним статьи брата Константина «Краткий исторический очерк Земских Соборов»,[3] правда с подстраховочным подзаголовком «Полное собрание сочинений К. С. Аксакова, т. 1. Сочинения исторические. Москва, 1860 г.», который должен был усыпить бдительность цензуры. 7 января 1862 г. Гиляров возмущался в письме к графине: «Что это, в самом деле, Аксаков творит? Когда цензировал я сочинения его брата, я долго не решался пропускать некоторых статей, и продержал книгу целые семь месяцев; статей, подобных напечатанной в “Дне”, я не пропустил в полном виде даже для полного собрания сочинений, в начале книги. Статью, перепечатанную теперь в “Дне”, я пропустил некогда только потому что она назна<ча>лась в *середину* книги, и притом была

[1] Имеется в виду прежде всего вышеупомянутая передовая статья Аксакова в этом номере «Дня», начинавшаяся словами: «Что бы ни говорили о современном состоянии нашего общества, сколько бы сходства не представляло оно с гниением разлагающегося трупа, но при всем том везде и отовсюду чутко чувствуется и слышно, слышится животворное влияние свежего вольного воздуха» (*Аксаков*. Т. II. С. 15—21; под назв. «Доктрина и органическая жизнь»).

[2] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 592. Л. 11—12. Копия князя Н. В. Шаховского.

[3] День. 1862. 6 янв. № 13. С. 3—5.

весьма благоприятно обставлена. Все это Аксаков очень хорошо знает и несколько раз от меня слышал об этом, и вдруг — изволит *без цензуры* перепечатать эту статью в газету, да еще с разными примечаниями. И выдернул именно самую опасную статью о Земских Соборах, а не ту статью о том же предмете, которая напечатана рядом и где говорится о неограниченной власти Государя. Стыдно ему!»[1] Очевидно, что Аксаков неплохо изучил своего цензора и заранее знал, что тот не одобрит подобного шага. Это подтверждается в том же письме Гилярова: «Я этой статьи для “Дня” ни за что не пропустил бы, основываясь на известном правиле: “чтó возможно в ученой книге, то не всегда возможно в газете, и притом в отрывке”. Он это хорошо знал, и поэтому напечатал без цензуры, и велел даже разослать №, не дожидаясь билета, в надежде, что, так как дело сделано, то ему уступят. Но пусть он извинит меня: билета я не выдам, и не я виноват буду, когда типографщик пойдет под уголовный суд».[2] И далее: «Просто стыдно, нехорошо ему! Добро бы он не знал, что всякая статья, для второго издания, должна вновь цензироваться; добро бы он не знал, что подобных статей я не пропускал даже для полного собрания сочинений, в начале книги. Подобные статьи безопасны именно только в середине ученой книги, в связи со всем воззрением, и когда, поэтому, читаются совершенно спокойно. А отрывочно выдернутая такая статья действует только на страсти, не давая притом ясного понятия о деле».[3]

Графиня А. Д. Блудова полностью приняла сторону Гилярова: «Все, что я могу сказать, — это что он enfant terrible[*] опять и что, кажется, у него в семействе его подстрекают из той неограниченной любви друг к другу, которая составляет и достоинство, и недостаток в их семейной жизни. Но у него так много благородства и таланта, что, быть может, он когда-нибудь хватится, что разные уловки и литературное *удальство* не суть совершенно нравственный образ действий. Я сама нахожу, что для ограждения памяти Конст<антина> Серг<еевича>

[1] РНБ. Ф. 78. Ед. хр. 26. Л. 3.
[2] Там же. Л. 3 об.
[3] Там же. Л. 3 об.—4.
[*] несносный ребенок (*фр*.).

от нападений за неясность и ребячество гражданских понятий, котор<ые> последуют непременно за этой статьей его во всех журналах, — уж для этого не надобно было печатать ее, а *без первой статьи* и подавно».[1]

На волновавший Гилярова вопрос: «Сильно ли кричат об этой статье в Петербурге? Это важно знать для того, что, как я сказал, мы не выдадим билета на выпуск газеты в свет до тех пор, пока не успокоимся, что статья прошла благополучно»,[2] — Блудова ответила успокаивающе: «Боюсь очень за эту статью, но до сих пор еще несколько шум поднят от передовой статьи (о дворянстве),[3] потому-то он совершенно огражден и нечего бояться».[4] Но в следующем письме, от 17 января, она сообщала о серьезной опасности, нависшей над «Днем» из-за статьи о Земских Соборах: «Решительно один Головнин спас журнал от запрещения и Вас всех от окончательной беды; строгий выговор за такую статью, как Земские Соборы, следовало <дать> по всей логике здравого смысла, там, где существует какая-нибудь цензура! Христа ради не пропускайте больше *ничего* ни о Дворянстве, ни об Земских Соборах и пересылайте сюда».[5]

В письме Гилярову от 9 января Блудова осудила приемы борьбы Аксакова с Цензурным ведомством как безнравственные, поскольку рикошетом от них страдали и другие люди, в частности Гиляров, и в конце концов славянофильское дело в целом. Скорее всего, она говорила об этом и в лицо самому Аксакову, находившемуся в то время в Петербурге, а Гилярову писала: «Я была очень рада видеться с Иваном Сергеевичем, и видеть его таким бодрым и неунывающим, но мне *просто больно* от его воззрений в отношении к цензуре. В человеке таком чистом, прямодушном и правдивом — такая безнравственная черта наводит глубокую грусть. Что же это за состояние *общественного духа*, где такие

---

[1] Там же. Ф. 847. Ед. хр. 592. Л. 14. Копия князя Н. В. Шаховского.

[2] Там же. Ф. 78. Ед. хр. 26. Л. 4.

[3] См. об этом, например: *Бадалян Д. А*. Статьи И. С. Аксакова о дворянстве в газете «День» (декабрь 1861 г. — февраль 1862 г.) // *«День» Аксакова*. Ч. 1. С. 39—51.

[4] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 592. Л. 14.

[5] Там же. Л. 16. Копия князя Н. В. Шаховского.

люди, как Иван Сергеевич, могут так криво смотреть на самые простые вещи? Дай Бог нам всем свет истинный».[1]

7 февраля Блудова в письме к Гилярову развивала свой взгляд на Аксакова-редактора, упрекая того в эгоизме (возможно, в связи со спорами о передовой статье Аксакова для № 17 от 3 февраля, — было заготовлено два варианта, но оба запрещены цензурой[2]): «Как-то сошло с рук генеральное сражение Ваше с Иваном Сергеевичем? Знаете ли, что он меня приводит в отчаяние! Не могу понять, как такой честный человек может прибегать к таким средствам обмана и насилия с цензором и *как* такой умный человек не понимает, что нужно всякой наводняющей реке дать время разлива, отлива и, наконец, возврата в свои берега, а не спешить засевать поле, когда оно еще под водой. / Надобно дать *забыть про себя*; а его самолюбие никак не может на это согласиться. Это малодушие непостижимо для меня в человеке, преданном делу своему и дорожащему своими убеждениями. Мне часто приходит на ум сомнение: “Уж нет ли тут недостатка любви, неясности убеждений? Уж не повторяет ли он какой-то самосозданной обязанности, убеждения любимого человека, которых он в душе не разделяет?”».[3]

В переписке Гилярова с Блудовой отражены и некоторые другие его столкновения с Аксаковым в конце 1861-го — первой половине 1862 г.; писем же этого периода между Гиляровым и Аксаковым, помимо цитированных выше, не сохранилось, да вполне вероятно, что их и не было, поскольку друзья тогда встречались чуть ли не ежедневно и на месте разрешали возникавшие вопросы.

Справедливости ради следует сказать, что с самого начала цензурирование «Дня» было коллективным и цензоры постоянно перетасовывались:

№ 1—3, 5—7: Гиляров и А. Г. Петров;

---

[1] Там же. Л. 15.

[2] Предназначенные для этого номера передовые статьи были представлены министром народного просвещения А. В. Головниным Александру II в писарских копиях к сведению и сохранились в подшивке рукописных Всеподданнейших докладов: РНБ. Ф. 208. Ед. хр. 98. Л. 50—57 об., 59—64 (обе статьи подготовлены к публикации во 2-м томе Собрания сочинений И. С. Аксакова в 12 томах. СПб.: Росток, 2018). Частично сохранился цензорский вариант автографа одной из статей: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 55. Л. 34—34 об.

[3] Там же. Л. 20—21. Копия князя Н. В. Шаховского.

№ 4: Гиляров, И. И. Бессомыкин и И. В. Росковшенко;

№ 8, 9: Петров и Я. И. Прибиль;

№ 10, 11: Прибиль;

№ 12: Гиляров и Прибиль;

№ 13—31: Гиляров и Бессомыкин.

С № 32 от 19 мая имена цензоров не указывались (это было запрещено Именным указом от 5 мая «О форме означения цензурного одобрения в книгах и периодических изданиях»[1]).

Однако Гиляров, как видим, в этот начальный и наиболее сложный период издания «Дня» оставался основным его цензором. Когда Аксаков только приступил к формированию первого номера, прохождение материалов через такие цензурные рогатки превращалось для редактора в мучительное действо. Он живописал этот процесс в письме к Блудовой от 4 октября 1861 г.: «Вообразите, что каждую статью читают сначала *порознь*: Гиляров, Петров и Щербинин. Потом она же, статья, рассматривается ими на конференции, состоящей из этих трех господ. Обыкновенно цензор Петров, недовольный снисходительностью Гиляров и Щербинина, требует, чтобы эту же статью рассмотреть вновь в полном составе Цензурного Комитета. Узнавши об этом, я сам отправляюсь в Цензур-

[1] Причина появления такого распоряжения была указана в его тексте (цитируем в связи с малоизвестностью этого документа): «Государь Император, имея в виду, что статьи в периодических изданиях и сомнительные места в книгах разрешаются весьма часто не одними цензорами, но или председателями цензурных комитетов, или комитетами, или министрами и главноуправляющими отдельными частями, в 5 день сего мая Высочайше повелеть соизволил: впредь не печатать в книгах и периодических изданиях имен цензоров, одобривших оные, а печатать одобрение по следующей форме: “Одобрено цензурою: число, месяц, год и место”» (*цит. по: РГИА*. Ф. 1286. Оп. 52. Д. 27. Л. 3*). Однако это была лишь благоприличная завеса, скрывавшая куда более серьезные резоны. Незадолго до издания указа товарищ министра внутренних дел* А. Г. Тройницкий получил письмо от генерал-майора Свиты Его Императорского Величества князя А. В. Оболенского (московского губернатора в 1861—1866 гг.), датированное *2 мая 1862 г.,* следующего содержания: «При существовании предупредительной цензуры в Царстве Польском, принято правилом, что имя цензора, пропускающего статью, не печатается, а только означается: “одобрено цензурою”. / Полагал бы полезным ввести это правило повсеместно. / Опубликование имени Цензора ставит его в фальшивое положение; исполняя с полною добросовестностию свою обязанность, он прослывет за отъявленного гасильника; а кто может поручиться, что иногда статьи, неминуемо подлежащие запрещению, не будут пропускаемы для приобретения популярности и в надежде на общественную признательность подобных Цензору Фон-Крузе в Москве» (Там же. Л. 1—1 об.).

ный Комитет и там, у дверей Комитета, — усаживаюсь — и жду. Двери беспрестанно растворяются, члены выходят в приемную и конфузятся, видя меня и зная, что не уйдут от объяснений со мною. Это действует, и несколько статей, забракованных на конференции, пропущено таким образом. Но сколько времени теряется, сколько крови портится!»[1]

Но уже тогда Гиляров тяготился этой должностью и через Блудову[2] и других петербургских покровителей приискивал себе другое место службы (рассматривались многие варианты, где возникала вакансия: редактора «Журнала Министерства Народного Просвещения», директора Синодальной канцелярии, университетского профессора философии; 20 августа 1863 г. он занял пост управляющего Синодальной типографии в Москве).

По большей части безуспешные попытки влиять на общественное мнение в течение пяти лет интенсивнейшей литературной работы (сопряженной с зачастую бессмысленными цензурными ограничениями) поставили Гилярова на грань духовного кризиса. Он даже начал думать, что призван скорее к административно-распорядительной деятельности, нежели к умственной, писательской. Он исповедовался И. Аксакову в письме от 28 января 1860 г.: «О себе не имею сказать Вам ничего особенного. Скучно что-то. Какое-то тупое чувство по отношению ко всему засаживается в меня: ни горя, ни радости, ничего… Одно только скажу, что все более и более уверяюсь я, что стою совершенно на ложной дороге; что мне совсем не следовало бы быть писателем, что мыслителем быть вовсе не кстати; что я рожден совсем, кажется, к другому. Мне кажется, я был бы хорошим администратором или полезным конторщиком. Мысль эта уже десять лет сидит во мне, а теперь в особенности становится жива, когда уле-

[1] *Аксаков в письмах*. Т. III. С. 352—353; уточнено по автографу: РНБ. Ф. 78. Ед. хр. 22. Л. 14 об. См. о том же в письме Аксакова к Н. С. Соханской от 20 ноября 1861 г.: *Переписка Аксаковых и Кохановской*. С. 128—129.

[2] Блудова прилагала немалые усилия, чтоб помочь в этом Гилярову, и негодовала на Аксакова, конечно не желавшего расставаться со «своим» цензором. Она писала Гилярову 9 января 1862 г.: «Надобно стараться <…>, чтобы вытащить Вас из цензуры. А мне кажется, что московские Ваши друзья все стараются закабалить Вас в этой отвратительной должности» (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 592. Л. 14—15).

гаются юношеские порывы и естественные *Anlagen*[*] в особенности становятся ясны. Да, не перестать ли совсем писать? Не исполню ли, может быть, я этим лучше долг к самому себе и к обществу? Обратиться к другой деятельности, более механической: но она будет более плодотворна, ибо на ней больше сделаешь дела в то же самое пространство времени. Умственно-*механическая* работа мне всегда легка: стало быть, я к ней призван».[1]

Увольнение Гилярова от должности цензора произошло 11 августа 1862 г., незадолго до возобновления выхода газеты после ее трехмесячной приостановки, и во многом объяснялось откровенно недоброжелательным отношением к нему министра народного просвещения А. В. Головнина. Тот заранее заручился поддержкой императора, официально подав на его имя докладную записку:

«Разрешив г. Аксакову передать редакцию газеты “День” Ю. Самарину считаю долгом всеподданейше доложить Вашему Императорскому Величеству, что я не нахожу возможным оставить по-прежнему цензором этой газеты находящегося в дружеских отношениях с г. Аксаковым Гилярова-Платонова, человека умного, даровитого, образованного, но крайне слабого. Посему я предложу ему должность чиновника особых поручений в Петербурге, а на его место полагаю назначить одного из лучших цензоров из Петербурга.[2] Не подлежит сомнению, что это распоряжение возбудит против меня гнев многих москвичей и их покровителей и покровительниц в Петербурге».[3]

Александр II оставил на записке резолюцию: «Дельно» — и, отчеркнув на полях последнюю фразу, рядом пометил: «Этим не должно останавливаться».[4] Очевидно, что Головнин, увольняя Гилярова, не в последнюю очередь решал

---

[*] задатки, предрасположенность к чему-либо (*нем.*).

[1] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 359. Л. 2 об.

[2] Имеется в виду Федор Иванович Рахманинов (1825—1880), цензор в Петербурге с января 1860 г.

[3] РНБ. Ф. 208. Ед. хр. 100: Всеподданнейшие докладные записки статс-секретаря Головнина с мая по сентябрь 1862 г. Л. 122. Благодарю Д. А. Бадаляна, ознакомившего меня с текстом этого документа.

[4] Там же.

свои собственные карьерные задачи и хотел прежде всего досадить его покровителям: графу Д. Н. Блудову и его дочери, Евгр. П. Ковалевскому, графу И. Д. Делянову и другим лицам, влияние которых при Дворе его раздражало.

В течение 40 дней, прошедших от докладной записки императору до назначения Гилярова чиновником особых поручений при министре, его друзья и знакомые (помимо Аксакова — В. И. Даль, М. П. Щербинин и др.) предпринимали безуспешные попытки оставить Гилярова в Цензурном ведомстве. Любопытно, что Головнин, отбиваясь от ходатаев, представлял им разные резоны своего решения, подчас звучащие нелепо — Далю: «Так как следств<енными> комиссиями в П<етер>бурге открыто разветвление зловредных умыслов и размножение врагов правительства, то правительство, по долгу самосохранения, естественно принимает свои меры, и потому Гиляров не может оставаться цензором»;[1] Щербинину: нужен цензор «*более знакомый с современными требованиями*»,[2] «…неприлично быть цензором человеку, находящемуся в дружеских отношениях с редакторами и участвующему в литературе».[3] Любопытно, что именно этот факт председатель Московского цензурного комитета М. П. Щербинин выдвигал как достоинство своего подчиненного, защищая его в письме к сенатору А. Г. Тройницкому от 13 июля 1862 г.: «…он мне еще необходим тем, что пользуется особенным доверием здешних журналистов и, служа мне медиатором в моих непрестанных с ними столкновениях, значительно облегчает мои с ними сношения. Удаление его из Комитета была бы моя невозградимая потеря <…>».[4] Самому Гилярову Головнин объяснил, что «он его удаляет от цензорства, чтобы спасти и сохранить его от преследований, что на него злы все министры и он имеет у них дурную репутацию как цензор».[5]

---

[1] Цит. по: *Переписка Аксакова и Самарина*. С. 155 (письмо Аксакова от 28 июля 1862 г.).

[2] Там же. С. 147 (письмо Аксакова от 10 июля 1862 г.).

[3] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 378. Л. 10 об. (письмо Гилярова к графине А. Д. Блудовой от 1 августа 1862 г.).

[4] Цит. по: *Шаховской Н., кн.* Никита Петрович Гиляров-Платонов // *Сб. соч*. Т. I. С. XVI.

[5] Цит. по: *Переписка Аксакова и Самарина*. С. 155 (письмо Аксакова от 28 июля 1862 г.). См. также пересказ этого разговора с министром в письме Гилярова к Блудовой от 1

М. П. Погодин со свойственной ему горячностью писал в эти дни А. В. Головнину (в связи с запрещением газеты «День»): «И вот, я перехожу к отличному московскому цензору Гилярову, которого вам надо бы отыскивать с огнем, а вы требуете, чтоб он вышел в отставку. Это испытанный и теперь единственно возможный председатель Цензурного комитета в Москве, как Крузе в Петербурге. Литераторы все имеют к нему доверенность, вменяемую, впрочем, вами ему в преступление, и он своими убеждениями, своими доводами мог бы остановить всякое уклонение, — с условием, разумеется, чтоб вы прежде объяснили ему ваши желания и требования, с коими б он мог согласиться. Гиляров может говорить с любым литератором, может спорить, и может доказывать свои мысли, а много ли цензоров укажете вы мне с такими способностями? <…> Неприкосновенность религии, верховной власти и личности — вот основания цензуры в наше время, и разобрать, что оскорбляет и что не оскорбляет эти основания, могут только Гиляровы, а не дюжинные агенты, которые уже много у нас набедокурили».[1]

Аксаков в этот период находился на грани отчаяния, в письме к Ю. Ф. Самарину от 10 июля он соглашался с Гиляровым и Щербининым, связывавшими «это головнинское предложение с намерением Головнина задушить “День”, отняв у “Дня” единственного цензора, при котором “День” мог издаваться, исключив из Ценз<урного> комитета человека, принадлежащего к партии славянофилов и, так сказать, умного критика, и свидетеля всех козней Головнина по цензуре».[2] Самарин, взявший на себя до конца 1862 г. роль титульного редактора газеты, откликался с неменьшей тревогой: «Жаль будет Гилярова, если его устранят. Без него будет трудно» (19 июля); «Угрожающее Гилярову смещение было бы

августа 1862 г.: «Мое имя крайне неприятно министрам <…> к статьям, мною подписанным, придираются за одно мое имя…» (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 378. Л. 10 об.).

[1] Цит. по: *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина: [В 22 кн.]. СПб., 1905. Кн. XIX. С. 418, 419.

[2] *Переписка Аксакова и Самарина*. С. 147.

для нас страшным ударом, равносильным прекращению издания» (20—22 июля).[1]

Сестра Аксакова, Вера Сергеевна, в письмах к петербургской кузине Марии Карташевской,[2] выражая взгляд на ситуацию и брата, и всей семьи, описывала эту приостановку «Дня» и увольнение Гилярова из цензоров как «мошенничества Головнина и дерзость, с которой он поступает в отношении Самого Государя»,[3] не желавшего прекращения газеты. Она писала: «Бедный Иван подвергся вновь всем невыносимым истязаниям цензуры, руководимой Головниным, который, видя это, не может задушить “День”, что Государь настаивает на том, чтоб он издавался, придумал такую штуку, что заставил Гилярова выйти, а на его место поместил петерб<ургского> ценс<ора> Рахманинова, совершенного дурака, говорят, независимого от Моск<овского> Ценс<урного> Комитета, с особенной инструкцией не допускать ни прежнего тона, ни *направления “Дня”*, и это после того, как Государь объявил и в Петерб<урге>, и в Москве, что находит его даже необходимым, и на слова Щербинина (председ<ателя> здешнего Ценс<урного> Комитета), что в сущности “День” не меняет редактора, отвечал: “Я не против этого”».[4] Неутешительные сведения о преемнике Гилярова Рахманинове первым сообщил И. Аксакову книготорговец Д. Е. Кожанчиков из Петербурга, о чем тот писал Н. С. Соханской еще 30 июля: «Вы знаете, что Гилярова удалили из цензоров; на его место назначают петерб<ургского> цензора Рахманинова с специальною обязанностью и секретною инструкциею цензуровать “День”. <…> Мне с ужасом пишет о том Кожанчиков, объявляя, что назначение Рахманинова равносильно запрещению».[5] А на следующий день, 31 июля, Аксаков извещал и венского протоиерея М. Ф. Раевского: «…для специальной цензуры “Дня” Го-

[1] Там же. С. 152, 154.

[2] Переписка двух сестер, пока еще практически не исследованная и не введенная в научный оборот, продолжалась более четверти века (1837—1864) и насчитывает свыше двух тысяч подробнейших писем (многие на 10—12 страницах). Этот огромный эпистолярный комплекс представляет собой не только чуть ли не каждодневную летопись жизни знаменитого славянофильского семейства, но и ценнейший источник для изучения общественно-литературной жизни этого периода русской истории в целом.

[3] ИРЛИ. Сигн. 10629. Л. 137 об.—138 (письмо от 31 июля 1862 г.).

[4] Там же. Л. 68—68 об. (письмо от 3 сентября 1862 г.).

[5] *Переписка Аксаковых и Кохановской*. С. 191.

ловнин посылает из Петербурга цензором такого гуся, назначение которого почти равносильно запрещению».[1]

* * *

Обратимся теперь к выступлениям Гилярова в газете «День». Всего их шесть, и они отличаются идейно-тематическим разнообразием. Писал он в газету, как правило, не по своей инициативе, а уступая настойчивым уговорам Аксакова — дать статью-комментарий к публикации на неоднозначную, чаще всего религиозно-философскую, тему.

До ухода с цензорской должности Гиляров опубликовал в «Дне» только две, причем довольно острые, а потому и получившие резонанс в печати заметки (как уже упоминалось, помещенные под криптонимом «Р. С. Т.», то есть «Рцы Слово Твердо»):

1) «Заметка по поводу статьи г. Чистовича об Арсении Мациевиче» (№ 16 от 27 января) — по проблемам церковно-исторической науки;

2) «Два слова объяснения к ответу “Сиона”» (№ 33 от 26 мая) — по еврейскому вопросу.

Ю. Ф. Самарин, весьма ценивший Гилярова как философа и богослова, вызывал его на публичное обсуждение популярной в тот период идеологии бюхнеровского материализма. Уже в № 2 «Дня» от 21 октября 1861 г. было помещено знаменитое самаринское «Письмо о материализме к Н. П. Гилярову-Платонову», требовавшее развернутого ответа.[2] Но тот, как видно, не счел пока возможным столь тесное свое участие в цензуровавшемся им издании.

Заметка Гилярова о митрополите Арсении (Мациевиче), лишенном сана Екатериной II за противодействие секуляризации монастырских имуществ, была полемическим откликом на напечатанную в предыдущем номере (№ 15 от 20 ян-

---

[1] *Аксаков в письмах*. Т. III. С. 247.

[2] С этой публикацией произошло недоразумение. Самарин, как оказалось, этим «Письмом» желал подискутировать с Гиляровым частным образом. Но написал он об этом Аксакову поздно, когда тот, не дождавшись ответа на свой запрос, уже поместил материал в № 2 «Дня» от 21 октября. Самарин писал 23 октября: «Первое мое письмо к Гилярову о книге Бюхнера решительно не для печати. Во-первых, оно написано сплеча; во-вторых, в нем есть личности, собственные имена и т. д.» (*Переписка Аксакова и Самарина*. С. 112).

варя) «Дня» статью бакалавра С.-Петербургской духовной академии И. А. Чистовича. Аксаков писал В. И. Ламанскому, через посредство которого с ним связался Чистович,[1] 22 октября 1861 г.: «Чистович поставил меня в затруднительное положение; статья преинтересная, но пропитана гнусным, подлым духом. Я в таком только случае ее помещу, когда он согласится, чтоб я ее напечатал вместе с возражением и примечаниями, что я или сам возьму на себя, или попрошу написать Гилярова, который от того не прочь».[2] Уже поместив статью Чистовича в газете, Аксаков в письме к Блудовой от 19—20 января 1862 г. сетовал, что Гиляров подвел его, не дав своего комментария вовремя: «Гиляров должен был в этом № поместить свою статью — в ответ на статью Чистовича, но — по обыкновению — не сдержал обещания и откладывает до 16<-го> №. Хороший человек, но жаль, костей нет: какие-то хрящи вместо костей!»[3] Только узнав об этом, встревоженная Блудова тут же, 21 января, отправляет Гилярову наказ отказаться от печатной полемики: «Мне пишет Иван Серг<еевич>, что Вы обещали ему какую-то статью против Чистовича — о чем не знаю; но убедительно прошу Вас: не пишите никакой статьи против Чистовича. Не входите с ним в полемику, оставьте его в покое; предоставьте ответы и полемику с ним кому угодно, только не Вам! / Я имею на то частные, личные причины и прошу Вас верить мне на слово, что лучше *Вам* в это не вмешиваться! Будьте уверены, что я знаю, что говорю. <…> Пока, Христа ради, не печатайте никаких статей и не делайте себе врагов. Это приятное занятие предоставьте Ивану Сергеевичу, который холостой человек и вольный казак».[4] Гиляров не прислушался к совету графини, поскольку тема задела его за живое, но показал это письмо Блудовой Аксакову. Об этом последний сам ей признался в письме от 25—26 января (курьезно, что при этом Аксаков недоумевал, откуда графиня узнала, что автор статьи о Чистовиче

---

[1] См. письмо Чистовича к Аксакову от 17 октября 1861 г. и преамбулу к нему в изд.: *«День» Аксакова*. Ч. 1. С. 169—172.

[2] Переписка двух славянофилов: (Сообщила О. В. Покровская-Ламанская) // *РМ*. 1916. Кн. 12. С. 105 (паг. 2-я).

[3] *Аксаков в письмах*. Т. III. С. 390; уточнено по автографу: РНБ. Ф. 78. Ед. хр. 22. Л. 64 об.—65.

[4] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 592. Л. 18. Копия князя Н. В. Шаховского.

именно Гиляров, забыв о содержании своего же предыдущего письма): «…прекрасна статья: замечания на Чистовича. Кто Вам сказал, что это статья Гилярова? (Я читал Ваше письмо к нему.) Это статья некоего г. Р. С. Т. Она очень хороша, но слишком тонка, не поймут».[1]

Гиляров, составив ответ Чистовичу, показал себя единомышленником Аксакова, который считал, что русскому самосознанию необходима нравственная оценка исторических событий. Чистович же продемонстрировал «маложизненность нашей духовной литературы», поскольку поставил себе задачу «оправдание совершившегося факта» — то есть процесс изъятия у Церкви принадлежавших ей монастырских имуществ и осуждение восставшего против этого Арсения (Мациевича) как «фанатика». Гиляров тут выступает не столько как публицист, но и как историк-аналитик, с фактами в руках обосновывающий свою позицию. В частности, он показал, что митрополит Арсений выступал за сохранение монастырских доходов, потому что именно на эти средства были основаны лучшие духовные школы. После ликвидации этого источника духовные училища больше не открывались в России — вплоть до направления на те же цели свечных сборов начиная с 1808 г. Неприемлемыми показались Гилярову и порицания в адрес Арсения за его негодование на умаление Церкви и на безверие синодальных властей. Спустя два месяца Чистович оправдывался в газете «День» (по закону, Аксаков не имел возможности отказать ему в этом): «Г<-н> Р. С. Т. говорит против отобрания церковных имуществ и защищает Арсения. Мы не защищаем первого и не оправдываем Арсения. Отобрание церковных имуществ есть факт совершившийся, и притом не в духе совершенной юридической и нравственной правды. Но прав ли Арсений, выступая против него с угрозами и проклятиями от лица церкви?»[2]

Аргументация петербургского профессора мало кого убедила. Фактически этой статьей Гилярова начался тот путь восстановления истины, который завершился в 2000 г. причислением святителя Арсения к лику святых. Но уже и в 1862

---

[1] *Аксаков в письмах*. Т. III. С. 392; сверено по автографу: РНБ. Ф. 78. Ед. хр. 22. Л. 67.
[2] *Чистович И*. Еще об Арсении Мациевиче // День. 1862. 31 марта. № 25. С. 6—7.

г. в московской церковной среде всеми, не исключая и митрополита Филарета (Дроздова), была одобрена позиция Гилярова. Профессор Московской духовной академии П. С. Казанский, в 1840-х гг. преподававший Гилярову гражданскую историю, а позже состоявший его сослуживцем, после очередной встречи с ним, 19 февраля 1862 г., писал брату епископу Платону (Фивейскому): «Гиляров говорит, что месяца через три будет уничтожена цензура. Ему принадлежит в газете “День” статья об Арсении Мацеевском <*так!*> против Чистовича, и митрополиту это понравилось».[1]

Объяснялось это не только ощущением исторической несправедливости по отношению к опальному архиерею Екатерининского времени, но не в последнюю очередь и злободневностью темы. Протоиерей А. А. Беляев в примечании к вышеприведенной цитате из письма Казанского отмечал: «Вопрос об Арсении возбудил интерес потому, что в это время в обществе ходили слухи об отобрании в государственную казну церковных денег».[2] Это подтверждает и одно из следующих писем Казанского (от 1 марта): «В Москве распространился слух, что доходы церковные будут отбирать в казну, и поэтому замечено, что свечей везде гораздо менее берут. Говорят, что Государь на сильную записку Толстого о том, чтобы не подвергать контролю церковные суммы, отвечал: “Этого все желают”».[3] Очевидно, проекты с изъятием церковных сумм были связаны с потребностью государственного финансирования дорогостоящих реформ.

Вместе с тем стороннему читателю, далекому от проблематики гиляровской статьи (как исторической, так и злободневной), был невдомек ее подтекст, а вот тон показался недопустимо развязным и нетерпимым к чужим научным мнениям. Именно так восприняла статью Гилярова Н. С. Соханская (писательница Кохановская), в тот период активно переписывавшаяся с Аксаковым. 20 февраля она возмущалась: «По какому праву г. *Р. С. Т.*, оставивший в стороне *дело* исторической истины, *позволяет* себе так учительски относиться к *личности* челове-

[1] *Беляев.* Вып. I. С. 258—259.

[2] Там же.

[3] Там же. С. 264. Упомянут обер-прокурор Св. Синода граф А. П. Толстой, уволенный с этого поста 28 февраля 1862 г. — возможно, и за неуступчивость в этом вопросе.

ка и в слух всего общества объявляет Чистовичу, что он стоит на “ложной дороге”?.. <…> Что это за язык? Что за оскорбительное неприличие намеков и указаний на личность человека?»[1] (Комментируя эти слова Кохановской, публикатор ее переписки с Аксаковыми О. Л. Фетисенко справедливо отмечает здесь неправоту строгой писательницы, проистекавшую, впрочем, из того, что «она была горячей противницей “личной” полемики в печати»: «Гиляров лишь возвращал Чистовичу слова, сказанные тем о святителе Арсении: “В заключение своей заметки позволяем себе обратиться к г. Чистовичу с теми самыми выражениями, которыми он характеризует Арсения: скажем откровенно, что г. Чистович стоит на «ложной дороге». Если бы он принадлежал к числу людей, которые воображают, что в России есть какая-то «клерикальная партия» и считают нужным с нею бороться, для нас, по крайней мере, было бы понятно, куда он бьет. Но мы имеем основание думать, что г. Чистович совсем не из того числа <…>. Итак, откуда же у него идет этот суровый взгляд на Мациевича?” (Д<ень>. 1862. № 16. С. 5)».[2]

Продолжая свое письмо 22 февраля, Соханская возвращалась к начатому разговору: «Взгляните на эту статью беспристрастно. Что это, если не выражение самой крайней строптивости… мало того (извините за слово) просто возмутительная радость ухаря, захватившего в руку бич, и вот он им хлещет и бьет в лицо встречного».[3]

В ответном письме (от 18 марта) Аксаков отмел все обвинения и против себя как редактора, и против своего автора, поделившись с Соханской некоторыми подробностями, связанными с полемикой об Арсении (Мациевиче) в «Дне»: «Что касается Чистовича, то я не хотел было и печатать его статьи, пропитанной духом цивилизованного *чиновника*, с точки зрения казенного либерализма или полированного деспотизма глумящейся над человеком, пострадавшим за гражданскую смелость, за искренность своих убеждений. Какие будут замечания — я сообщил о том Чистовичу и даже: *кем* будут писаны. Р. С. Т. — это Ги-

[1] *Переписка Аксаковых и Кохановской*. С. 153, 154.
[2] Там же. С. 447.
[3] Там же. С. 155.

ляров. <…> Статья Чистовича возмутительна — по тенденции, что я ему вполне искренно и резко выразил. <…> Личность Чистовича нисколько не затронута, а затронуты его личные мнения, в статье выраженные. Он выражает сочувствие Екатерининскому образу действий: это целая точка зрения — огосударствления Церкви, против которой “День” будет постоянно бороться. Чистович вовсе не считает себя обиженным, как Вы предполагаете, и прислал мне еще статью — очень интересную и опять ложную по направлению; я его не неволю у себя печатать и заранее предупреждаю его, что он будет отделан».[1] Наконец, на совет Соханской беспристрастно взглянуть на статью Гилярова Аксаков откликается «зеркально»: «Я Вам советую перечесть статьи Чистовича и Гилярова, и Вы увидите — против чего мы боремся в статье Чистовича».[2] Соханская в ответном письме от 17 апреля упорствовала: «Я, конечно, не много кого ставлю так высоко в моем личном уважении, как Н. П. Гилярова <…> Н<икита> П<етрович>, совершенно по нашей пословице, “бил не по коню, а по оглоблям”, и совершенно естественно, что это странное хлестанье самым неприятным образом действует на нервы не деревянные читателя».[3] Впрочем, нельзя не признать отчасти и ее правоты.

Вторая заметка Гилярова, опубликованная в «Дне» спустя четыре месяца, посвящена еврейскому вопросу, который в тот период впервые и был по-настоящему освоен русской публицистикой и неожиданно приобрел остроту в связи с разными зревшими и в обществе, и в правительственных кругах проектами обустройства евреев в пореформенной России — от новых ограничений гражданских прав до их полной эмансипации. В том же № 25 «Дня» за 1862 г., в котором увидело свет возражение Чистовича на заметку Гилярова, была помещена статья некого А. Александрова из Бугульмы под названием «Несколько слов о Талмуде».[4] На нее довольно бурно отреагировали И. И. Живарев в «Мос-

[1] Там же. С. 163.
[2] Там же. С. 163—164.
[3] Там же. С. 166.
[4] *Александров А.* Несколько слов о Талмуде // День. 1862. 31 марта. № 25. С. 1—3. Уже когда разгорелись споры по поводу этой статьи, редактор узнал, что автор его мистифициро-

ковских Ведомостях» и Н. А. Мельгунов в «Нашем Времени»,[1] а также редакторы одесского еженедельника «Сион», «органа русских евреев» (в № 33 от 26 мая). Отвечать Аксаков попросил Гилярова, к тому времени имевшего репутацию знатока данной проблемы и даже написавшего книгу «В каком смысле могут принадлежать евреям права гражданства в христианских государствах? На основании сочинений Паулуса составил и собственными примечаниями снабдил Н. Г.», не пропущенную цензурой.[2]

Авторы «Сиона», выступавшие за право еврейства поступать на русскую государственную службу, соглашались, что при этом правительству придется пожертвовать христианским началом ради иудейского. Однако, по их мнению, иудаизм, как более древняя и жизненная, «реалистически-земная» религия превосходит «неосуществимый христианский идеал» и потому справедливость требует, чтобы евреи заняли господствующее положение в России, широко участвуя «в законодательстве, суде и администрации».

Гиляров в своей статье последовательно отвергает подобные притязания, сводящиеся к вопросу о политической власти. Он пишет: «…но судьба, но тысячелетняя история дали христианским началам превозмогающее значение во всей всемирной жизни, а нам, русским, определили господствующее положение в той земле, которую мы населяем. А последствия эти таковы: вы живете в нашей земле, следовательно, должны подчиняться нашим законам и следовать нашим по-

---

вал и он не провинциальный любомудр и глубокий знаток древнееврейской книжности, а его двоюродный брат А. Н. Аксаков, впоследствии прославившийся работами по спиритизму, и прислал он свою статью не из Бугульмы, а из соседнего дома на Спиридоновке. 5 мая 1862 г. В. С. Аксакова писала двоюродной сестре М. Г. Карташевской: «Ты, верно, помнишь статью о Талмуде в “Дне”. — Знаешь ли, кто ее автор? Это: Александр Николаевич Аксаков! — как он нас всех мистифи<ци>ровал. Мы очень рады, что он так удачно втянулся в эту деятельность. Кажется, и сам очень доволен» (ИРЛИ. Сигн. 10629. Л. 37 об.).

[1] См. ответ А. Н. Аксакова: *Александров А*. Еще о Талмуде, по поводу возражений гг. Мельгунова и Живарева // День. 1862. 2 июня. № 34. С. 3—7.

[2] Частично сохранившийся в архиве Цензурного ведомства текст опубликован нами: *Гиляров: ИМБР*. С. 245—264. См. также: *Дмитриев А. П.* Цензура и еврейский вопрос в год освобождения крестьян: (Запрещенные книги Н. П. Гилярова-Платонова и А. Б. Думашевского по архивным материалам Главного управления цензуры) // Цензура в России: история и современность: Сб. науч. тр. / Науч. ред. Н. Г. Патрушева. СПб.: РНБ, 2011. Вып. 5. С. 125—143.

рядкам, которые мы устанавливаем. Не хотите: ищите другого отечества».[1] Подробно Гиляров останавливается на православном учении о социуме, стремясь показать превосходство христианского общежития перед иудаистским как «узким, национально-вероисповедным».[2] Позднее наиболее последовательным и подчас прямолинейным пропагандистом этих гиляровских идей стал Аксаков-публицист — в передовицах «Дня», «Москвы» и «Руси» нередко встречаются даже текстуально близкие выражения.

Полемических заметок Гилярова в «Дне», подобных этим двум, могло быть и больше, если б он, видимо за недосугом, не отказывался изложить свои мысли на бумаге — порой уже после того, как предварительно обещал это сделать. Об одном из таких случаев узнаём из письма Аксакова к Самарину от 22—23 марта 1862 г. Гиляров сначала согласился откликнуться на статью И. Д. Беляева «Где взять учителей для сельских школ?»,[3] тем более что проблема, в ней поднятая (обязанность выпускников семинарий учительствовать в приходских школах), была «коньком» Гилярова — как раз в том же декабре (при письме от 23 числа) он подал через Блудову для императрицы записку о первоначальном народном образовании, где высказывал сходные мысли.[4] Аксаков писал Самарину: «Возбужденный Беляевым вопрос о школах подал повод к самой живой и горячей полемике, отчасти в светских, но большею частью в духовных журналах. <…> Полемика раздвинула пределы вопроса и возвела его в вопрос о духовенстве и его отношении к обществу <…>. Я пристал к Гилярову, и он уже написал почти статью — по поводу этого спора. Гиляров замечает тот факт, что духовенство отказывается от предлагаемого ему учительства народа, — следовательно, от того, что составляет его призвание, тогда как материалисты, напр<имер>, расселяются по деревням, заводят школы и учат, терпя невеселую участь. Следует предположить, что в духовенстве священный огонь потух. Но почему? как? точ-

[1] *Гиляров-Платонов Н. П.* Сборник сочинений: [В 2 т.]. М.: Изд. К. П. Победоносцева, 1900. Т. II. С. 79.

[2] Там же. С. 80.

[3] День. 1961. 9 дек. № 9. С. 4—6.

[4] См. об этом: *Шаховской Н. В., кн.* Н. П. Гиляров-Платонов как инициатор церковно-приходской школы // *РО*. 1896. Т. 37, февр. С. 572—589.

но ли потух? И вот — это и составляет задачу статьи. Впрочем, я ее еще не читал и в руках не имею».[1] По всей видимости, Гиляров не сдержал слова и, устно изложив Аксакову свои мысли по поводу статьи Беляева, письменного отклика на нее не дал — по крайней мере, на страницах «Дня» он опубликован не был.

Другой случай — когда увидели свет «Отцы и дети», они были оценены Аксаковым (в письме к Соханской от 6 мая 1862 г.) как «роман замечательный по своей социальной задаче», но «довольно уродливое произведение»,[2] и Аксаков именно Гилярова считал способным дать дельный отзыв на роман Тургенева для «Дня». Он признавался в том же письме к Соханской: «Совершеннейший недостаток времени мешает мне приняться за критику Тургеневского романа, а меж моими сотрудниками нет критиков, кроме Гилярова, который так тяжел на подъем, чтобы написать что-нибудь, что от него статьи не дождешься».[3]

Гиляров смог официально стать сотрудником «Дня», не рискуя вызвать большого неудовольствия начальства, когда был уволен от цензорской должности — с августа 1862 г. Свои статьи он теперь подписывает своим обычным прозрачным псевдонимом: *Н. Г—в*.

До конца 1862 г. он опубликовал четыре статьи — две теоретического характера:

1) «Работа и труд» (№ 44 от 3 ноября) — по лингвоэкономическому вопросу;

2) «По поводу будущего суда присяжных» (№ 45, 46 и 49 от 10 и 17 ноября и 8 декабря) — по одному из предлагавшихся проектом Судебной реформы нововведений.

И две полемические заметки — в ответ на критику своей последней статьи в газете Н. Ф. Павлова «Наше Время»:

1) «Необходимое объяснение “Герою Нашего Времени”» (№ 47 от 24 ноября);

2) Письмо к И. С. Аксакову (№ 49 от 8 декабря).

---

[1] *Переписка Аксакова и Самарина*. С. 121.
[2] *Переписка Аксаковых и Кохановской*. С. 168.
[3] Там же.

Первая из перечисленных публикаций — заметка «Работа и труд» — представляет собой дополнение к статье В. Н. Лешкова «Русские экономические вопросы: синонимы или антитезы?» (другие два дополнения написаны самим Аксаковым и В. И. Далем). Гиляров дает очень интересное осмысление этих понятий: «*Труд* есть *напряжение* сил, а *работа* есть их *проявляющееся действие*. <…> В *работе* ценится *труд*. Но сам по себе *труд* не доступен никакой оценке, кроме нравственной»[1] и т. д. Тут впервые Гиляров проявляет свой горячий интерес как к семасиологии, так и к экономике, что впоследствии выльется в его труд о русском глаголе (не окончен и не опубликован) и в работу «Основные начала экономии» (издана посмертно в 1889 г.).

Большая статья «По поводу будущего суда присяжных», растянувшаяся на три номера, да так и оставшаяся незаконченной, принадлежит не только к лучшим, наиболее продуманным философским произведениям Гилярова, но и может по праву считаться программной для всего славянофильского кружка. Здесь Гиляров подробно исследует основополагающие черты русского национального характера и в свете этого показывает различные «за» и «против» введения суда присяжных в России, поскольку он хотя и порожден христианской цивилизацией (это «учреждение самое высокое, самое чистое, самое безупречное», это «освящение уголовного правосудия постоянным участием живой народной совести»[2]), однако был укоренен в римско-католической почве, чуждой русской православной традиции. Гиляров уверен, что прежде всего следует учитывать «склонности народа, воспитанные этой тысячелетней привычкой, склонности, успевшие стать <…> стихиею, которая, помимо участия личного разума и воли, входит как необходимая подкладка в каждое представление народа о своем общественном бытии».[3] И отсюда поясняет, почему «участие в суде и управлении <…> само по себе для русского человека непривлекательно»: «Он переносится совсем в другой мир, в другую стихию. Из мира круговой нравственной связи, где все держится на взаимности и живых отношениях <…> он переходит в мир отвлеченно-

[1] *Гиляров-Платонов Н. П.* Сборник сочинений. Т. II. С. 122, 126.
[2] Там же. С. 83.
[3] Там же. С. 93.

го порядка, где живые люди суть только орудия; в мир строгих формул и неуступчивого права <…>».[1] Вместе с тем как в воду глядел Самарин, когда, высоко оценив эту статью Гилярова, засомневался в его способности (а может, и принципиально в какой-либо возможности) теоретически разрешить проблему русского суда присяжных. В начале декабря он писал Аксакову: «На днях мне прочли статью Гилярова о присяжных. В ней много правды, но я сомневаюсь, чтоб он пришел к какому бы то ни было положительному заключению».[2]

Концентрированно суть аргументации Гилярова изложил в своих мемуарах его идейный противник Ф. Ф. Воропонов, но тем этот небеспристрастный очерк и интереснее: Гиляров, по его словам, «предусматривал для этого суда у нас неудачу, опасность опошления и несоответствие интересам правосудия. Крестьяне, — предрекал он, — будут тяготиться участием в суде присяжных не только потому, что при дальности и дороговизне отлучек от хозяйства это обратится для них в тяжелую повинность, но и потому, что судить обвиняемого вообще несогласно с их духом: как-де судить христианскую душу, когда “чужая душа потемки”! Налагать кару — несовместно с любовью к ближнему, с понятием о человеческой ограниченности, и, вообще, осуждение есть действие, приличествующее только власти Божией. Пусть, дескать, карает власть, а самому идти на такое дело, как причинение страдания ближнему, — грешно. Купцу и чиновнику отрываться от своих дел на суд присяжных тоже будет тяжело, а охотно потянутся в присяжные разве помещик-прогрессист, студент и т. под. Поэтому, при смешанном составе присяжных, представители собственно народной совести окажутся пассивными, не поймут они прокурорских и адвокатских речей с их жестами, станут уклончиво подчиняться “господам” и пренебрежительному к ним давлению председателя. При таких условиях преступления против собственности будут оправдываться всегда, убийства — часто, нравственные в тесном смысле проступки — реже, а непременному обвинению подвергались бы обвиняемые в проступках политических, во всяком восстании против власти, если бы сужде-

[1] Там же. С. 106—107.
[2] *Переписка Аксакова и Самарина*. С. 165.

ние о последних предоставлено было присяжным; стало быть, присяжные легко могут оказаться лишнею мебелью в суде. — В одном же месте Гиляров выразился так, что обязанность судить людей “противна нравственному чувству”».[1]

Эта статья Гилярова явилась причиной литературного скандала, достаточно громкого даже на фоне ожесточенной журнальной борьбы 1860-х гг., а шум, поднятый вокруг нее недругами «Дня», привел к тяжелым объяснениям между Аксаковым и Гиляровым. Вследствие этого стоит подробнее остановиться на этом значимом эпизоде из истории газеты «День» и биографии Гилярова.

Началось с язвительного отклика (он был не озаглавлен и не подписан) со стороны публициста газеты «Наше Время» Н. А. Мельгунова в неприлично развязном тоне, начинавшегося фразой: «“День” продолжает изумлять читателей своими воззрениями на судебную реформу».[2] Контраргументация базировалась на выдержках из трех губных грамот 1539, 1541 и 1552 гг., где «русские люди, тяготясь царскими наместниками и сыщиками, просили государей избавить их от этих властей и позволить им самим разыскивать и казнить разбойников, воров и других “лихих людей”». Мельгунов победоносно заключал: «Видно, в XVI веке русский человек не считал еще грехом напрашиваться на судебную власть. <…> Право, прежде нежели сочинять глубокомысленные теории о воззрениях русского народа, недурно было бы познакомиться немного с русскою историею. Желая “Дню” всякого успеха, мы почтительно посоветовали бы редактору освежить запас своих исторических сведений для того, чтобы иметь возможность обуздывать своих слишком ревностных и фантастических сотрудников и не дать ненавистным западникам отстаивать здравый смысл русского народа против клевет, взводимых на него славянофильским журналом».[3]

Некоторые высказывания Гилярова при этом искажались так, что один из выпадов оппонента тот счел за облыжный политический донос — его слова: «С судом соединяются две обязанности: обязанность наложить кару на виновного, и

---

[1] *Воропонов Ф. Ф.* Сорок лет тому назад: По личным воспоминаниям // *ВЕ*. 1904. Кн. 8. С. 445—446.

[2] Наше Время. 1862. 20 нояб. № 251. С. 1003.

[3] Там же.

обязанность взвесить вину, чтоб соблюсти соразмерность в наказании. Та и другая одинаково противны нравственному чувству: первая потому, что несовместна с любовью к ближнему, вторая потому, что несовместна с понятием о человеческой ограниченности, и обе потому, что присваивают себе действия, в полном смысле приличествующие только власти Божией»[1] — были перетолкованы так, что будто, по его мнению, «русский человек считает власть призванною совершать безнравственные действия».[2] Мельгунов присовокуплял язвительный комментарий: «Надобно обратиться к казуистике иезуитов, чтобы доискаться, каким образом можно поступать нравственно, совершая действия, противные нравственному чувству».[3]

Гиляров в ответ опубликовал резкую заметку «Необходимое объяснение “Герою Нашего Времени”», где писал, что «“Наше Время” воображает себя состоящим в качестве литературного прокурора» и выискивающим среди писателей «врагов общественного порядка».[4] На свидетельства губных грамот Гиляров не счел нужным отвечать, поскольку вообще решил воздержаться от какой-либо полемики с подобным оппонентом.

Обвинение в политическом доносе по тем временам было более чем серьезным. Мельгунов и присоединившийся к нему редактор «Нашего Времени» Н. Ф. Павлов отвечали оскорбительными заметками, где, перейдя на личности, старались унизить Гилярова, а заодно и Аксакова, якобы простодушно представляющего столбцы своей газеты фантазерам и пустомелям. Мельгунов заявлял: «После объяснений г. Н. Г—ва мы можем только пожалеть еще раз, что почтенный редактор “Дня” вручает дело народности жалким софистам, которые, обличивши полное незнание того, об чем говорят, пугаются потом за свое общественное положение, отрекаются от собственных слов и стараются обморочить публику, выставляя себя жертвами политической клеветы».[5] Павлов оскорбился

---

[1] *Гиляров-Платонов Н. П.* Сборник сочинений. Т. II. С. 103.
[2] Наше Время. 1862. 20 нояб. № 251. С. 1003.
[3] Там же.
[4] См.: *Гиляров-Платонов Н. П.* Сборник сочинений. Т. II. С. 118.
[5] Наше Время. 1862. 25 нояб. № 255. С. 1017.

апологией Гилярова, так как счел, что его «газета затронута и грубо, и недобросовестно». Он ерничал: «Ему говорят: — вы нагородили чепуху, налгали на русский народ, вы не знаете русской истории: вот акты, подлинные, неопровержимые акты, доказывающие несомненно всю нелепость ваших мыслей, — а он отвечает: “Посмотрите, меня губят, меня делают жертвой, на меня доносят!” Это старая штука, литературный фокус-покус, которого балаганный секрет открыт». В завершение статьи Павлов неожиданно вызвал Гилярова на дуэль: «Вы повторяете нашему сотруднику, что статья его — не слова, а поступок, разумеется, в вашем мнении, очень нехороший. В самом деле что тут хорошего доказать своему противнику, что он пишет сумбур. Но наш сотрудник не вышел из пределов печатного благоприличия. Он рассуждал, доказывал, а вы изобретаете, сочиняете, клевещете. Вот ваша статья точно поступок, и поступок бессовестный. Мы покорнейше просим неизвестного, но почтенного сотрудника уважаемой газеты “День” принять эти наши слова в самом невыгодном для себя смысле, причесть их тоже к поступку *умышленному*, в котором мы во всякое время готовы дать ему отчет и словом и делом».[1]

Аксаков взял на себя роль умиротворителя страстей: тайком от Гилярова он опубликовал заметку «От издателя “Дня” редактору-издателю “Нашего Времени”», где, в частности, несколько отмежевывается от своего приятеля: Гиляров, по его словам, отвечал «с живостью излишнею и действительно увлекшею его за дозволенные пределы литературной полемики».[2] Вместе с тем он прямо обращался к Павлову по поводу его слов о дуэли: «Мы понимаем, что Редактор “Нашего Времени” имел полное право оскорбиться словами г. Г—ва и даже отвечать ему равносильными выражениями, но он, по нашему мнению, увлекся

[1] Там же. Следует отметить, что, называя Гилярова «неизвестным» сотрудником «Дня», Павлов явно лукавил: после ряда публикаций в журнале «Русская Беседа» (1856—1860), обративших на себя всеобщее внимание, в литературном мире было хорошо известно, какой именно автор ставил под статьями подпись «Н. Г—в». К тому же, предваряя статью «По поводу будущего суда присяжных», Аксаков представлял ее автора как постоянного сотрудника: «Мы обещали в последнем № поговорить об учреждении суда присяжных и исполняем наше обещание, уступая на этот раз нашему многоуважаемому сотруднику» (День. 1862. 10 нояб. № 45. С. 1).

[2] День. 1 дек. № 48. С. 17.

еще далее г. Г—ва, да еще к тому — избрал путь гласной печати для такого рода предложения, которое должно делаться иначе и при других условиях». При этом Аксаков поднимает перчатку, брошенную Гилярову: «В качестве издателя, прикосновенного к поступку, заключающемуся в статьях издаваемой им газеты, мы не можем молчать ввиду такого прямого заявления и, принимая на себя ответственность за нашего сотрудника, тем же путем печати отвечаем Редактору “Нашего Времени”, что согласны на его предложение дать нам отчет *делом*, если он не сочтет более справедливым сознать с своей стороны неуместность известных выражений».[1]

Такой поворот дела не устроил Павлова. Он напечатал новую колкую заметку, где настаивал, что ответчиком по нанесенному его газете оскорблению должен стать именно Гиляров (при этом прозрачно намекал, что тот, скорее всего, трусит): «Наши слова были обращены и продолжают быть обращенными к человеку, подписавшемуся буквами Н. Г—в. Как хозяин дома, редактор газеты “День” хочет отвечать за своего гостя. Но в делах личной чести нравственная ответственность за поступок лежит на том, кто совершил его. Тут всякий отвечает сам за себя, и мы первые высказали такую готовность. Нам остается знать — как смотрит сам Н. Г—в на свой поступок: считает ли он свои слова, как счел их г. редактор газ. “День”, выходящими за пределы литературной полемики и справедливо подавшими нам повод к резкому ответу, или продолжает держаться противуположного мнения, находя себя справедливым, а нас неправыми. В этом последнем случае нам не предстояло бы ничего более, как оставить, по отношению *к нему*, заключительные слова нашего первого ответа в их полной силе».[2] Вдобавок, передергивая слова Аксакова, Павлов представил дело так, будто бы тот «оправдал нравственно резкость нашего <т. е. Павлова> тона».[3]

В ближайшем номере «Дня» Аксаков публикует статью «По поводу “Нашего Времени”», которой решил прервать выяснения отношений, объявив: «…не желаем более ни в каком случае продолжать эту неприличную в печати

[1] Там же.
[2] Наше Время. 1862. 4 дек. № 262. С. 1044.
[3] Там же.

полемику на страницах нашего журнала и ни на какие статьи подобного рода отвечать не станем».[1] По требованию Гилярова Аксаков поместил в составе статьи его письмо с упреками в свой адрес, поскольку, принимая на себя вызов Павлова и ответственность за статьи Гилярова, Аксаков его самого об этом не уведомил: «Скажите: поступили ль вы со мной так, как следовало ожидать от нашей давней приязни? Что вы могли принять на себя свою долю ответственности: это ваша воля. Но вы не могли, если уважаете меня, уклонять меня от ответственности, не могли во всяком случае не спросить меня: как я отношусь ко второй статье “Нашего Времени”? Вы не должны были ставить меня перед публикой в положение *игнорирующего*, тогда как я просто ничего *не знал*».[2]

Очень поддержала Гилярова в это непростое время графиня Блудова, которая в начале декабря писала ему: «…я считала, что вся эта глупая история кончится без огласки, и я шутила с Вами об ней поэтому. С тех пор этот отвратительный фанфарон Павлов разглашает повсюду, что он, дескать, должен драться с Иваном Сергеевичем, п<отому> ч<то> Вы оставляете на *его* ответственности дела Вашей личной чести; все же это потому якобы Вами *не подписана* Ваша статья! Это отвратительно гадко; но, видя, что сам Иван Сергеевич не понимает, в какое фальшивое положение он Вас ставит, я хотела Вам самим, а никому другому дать совет — в случае, если не извинится Павлов в печати, то в печати открыто зажать ему рот *не бранью*, как бывает, к несчастию, между литераторами, а просто подписью Вашего имени, взяв назад и всю ответственность за Ваши собственные статьи явно перед всеми. — Ваши статьи были, конечно, уже, так сказать, подписаны, п<отому> ч<то> все знают Ваши заглавные буквы, а кто писал в “Нашем Времени”, никто еще не знает, ибо называют разных лиц, статьи же анонимны.

Это всё с их стороны просто *гадко*, но мне больно, что они хотят частицей своей грязи забросать Вас, которого честью и благородством я дорожу, любя и уважая Вас глубоко и искренно. Не оскорбляйтесь же моим советом вчерашним.

---

[1] День. 1862. 8 дек. № 49. С. 17.
[2] Там же.

Мне было неприятно, что эти господа так распоряжаются Вами (конечно, с самым дружеским намерением) без всякой Вашей инициативы и что это дает повод Павлову рассказывать небылицы в защиту собственной трусости. Даже Ваши друзья Вас гораздо меньше понимают, чем я. От них-то мне, собственно, и хотелось оградить Вас моим советом, ибо в самом деле это такой случай, где можно сказать. “Mon Dieu sauvez-moi de mes amis, je saurai Dieu me garde de mes ennemis”.[*1]

А между тем все эти Ваши друзья все-таки славные люди, так уверены, что они собою жертвуют *для Вас*! <…> Вы послали Ивану Сергеевичу письмо. Покажите мне с него копию; вернее, чтобы кроме Ивана Сергеевича еще кто-нибудь из нас просмотрел. “Наше Время”, говорят, нынче не выходило. Господь с Вами. Меня очень печалит эта история».[2] Как видим, Гиляров прислушался к совету графини — настоял на том, чтобы Аксаков поместил в газете его письмо за полной подписью.

Тем же днем, когда в «Дне» увидела свет последняя статья Аксакова с письмом Гилярова (8 декабря), датировано письмо В. С. Аксаковой к М. Г. Карташевской, заинтересовавшейся статьей «По поводу будущего суда присяжных» и ее автором.[3] Здесь Вера кратко изложила всю историю противостояния двух газет, как она виделась семьей Аксаковых: «Ты спрашиваешь, кто пишет эти статьи; это Гиляров; впрочем, ты в этом Nомере сама это увидишь из объяснений с “Нашим Врем<енем>”. Я думаю, ты немало удивилась ответу Ивана в предыдущем Nомере “Дня”.[4] Так как никто не читает “Наше Время”, то и трудно понять. Прежде всего, конечно, ненадобно было отвечать Гилярову на заметку “Нашего Времени”, как бы недобросовестна и злонамеренна она ни была, и осо-

---

[*] «Боже мой, спаси меня от моих друзей, и я знаю, Бог сохранит меня от моих врагов» (*фр.*).

[1] Выражение, принадлежащее французскому юристу и писателю Габриэлю Сенаку де Мейлану (Meilhan; 1736—1803); приведено неточно.

[2] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 596. Л. 6—8. Копия князя Н. В. Шаховского.

[3] Позднее, 13 декабря, Мария писала сестре: «Мне кажется, статья Гилярова очень дельная и многое верно схвачено» (ИРЛИ. Сигн. 10656. Л. 119 об.).

[4] Имеется в виду статья Аксакова «От издателя “Дня” редактору-издателю “Нашего Времени”».

бенно отвечать так задорно. Ивану не следовало и печатать эту статью, но дело было сделано. Павлов обиделся за обвинение своей газеты и прибавил от себя (после ответной статьи своего сотрудника) несколько дерзких слов и предложил даже отвечать и словом *и делом*, т. е. сделал *ВЫЗОВ*. Иван не сказывал Гилярову, скрыв все от нас, вздумал разделаться с Павловым сам и через Чижова послал к нему письмо, что он сам берет на себя ответственность за Гилярова и готов с ним стреляться, — что Иван поступил слишком необдуманно, говорить нечего, но Чижову еще менее простительнее, что он не остановил его; — и стоило связываться с таким черным человеком, как Павл<ов>. Он отвечал, что он ни за что не станет стреляться с Ив<аном> Серг<еевичем>, что он не имеет никакой причины и так уважает и его, и семейство. Тут шли у них долгие переговоры, мы ничего не знали. Наконец Иван решился на другое, столько же необдуманно, не сказавши Гилярову, напечатал свой ответ, который ты, верно, прочла в предпоследнем Nомере. Этого никак не должно было делать, особенно не переговорив с Гиляровым. Теперь напечатано письмо Гиляр<ова> и заметка Ивана. Не знаю, будет ли “Наше Время” отвечать что-нибудь, но во всяком случае “День” не будет продолжать этой неприятной и неприличной полемики. Вообще, Иван почти никогда за себя не отвечал, ни <на> какую брань и обвинения, и это самое лучшее и самое сильное оружие против подобных подлых выходок. Мы узнали об этом, только когда прочли в “Дне” ответ Ивана, и признаюсь, как немало встревожила эта возможность подобных нелепых происшествий. К тому же надобно сказать, что Иван и вообще наше общество смотрит на дуэль как на явление нелепое, чисто условное и чисто прозападное, а между тем это условное значение так сильно, что готовы первые ему подчиниться. — Но нашелся Чичерин,[1] этот безымянный критик Гилярова, который скрыл свое имя и даже теперь, когда из-за него поднялась такая история, спрятался за Павлова».[2]

[1] На деле автором статей против Гилярова был Н. А. Мельгунов, а не Б. Н. Чичерин (тоже активный сотрудник «Нашего Времени»). Видимо, в тот период Аксаков заблуждался, полагая, что последний — оппонент Гилярова.

[2] ИРЛИ. Сигн. 10629. Л. 111 об.—113.

Желая оставить за собой последнее слово, редактор «Нашего Времени» позже вернулся к теме, чтоб в очередной раз уязвить Гилярова: «Мы имеем честь объяснить г. Гилярову, что не делали ему никакого вызова. Мы только высказали ему наше неблагосклонное мнение о тоне и смысле его статьи и изъявили готовность дать отчет в наших словах, если б он пожелал этого. Когда же сам г. Гиляров не принимает этих слов к сердцу, то нам естественно нечего требовать от него никакой ответственности <…>».[1] Кроме того, Павлов счел нужным открыть неизвестные публики подробности этой истории: оказалось, что Аксаков и Павлов, прежде чем отдать в печать, показывали друг другу через посыльных и общих знакомых (например, Ф. В. Чижова, как выяснилось из письма В. С. Аксаковой) свои статьи, которые первоначально были резче. Так, Павлов сообщал: «Нас просили исключить несколько выражений, что мы и сделали».[2] Приведем в качестве комментария мемуарное свидетельство Ф. Ф. Воропонова (правда, по его словам, вызов на дуэль исходил не от Павлова, а от Мельгунова): «История приняла тревожный характер, и трудно было предугадывать исход. Острый момент для него пришелся как раз на ноябрьский пятничный вечер, когда у Аксакова было много гостей. В это время посыльные носили записки то от Мельгунова к Аксакову, то от Аксакова к Мельгунову; Аксаков имел угрюмый, сосредоточенный вид, удалялся временами поговорить отдельно с более близкими, а среди остальных присутствовавших шли толки, что переговоры ведутся именно по вопросу о дуэли: неужели Аксаков, всегда бывший против подобных расправ, не выдержит последовательности и в острый момент решится на дуэль? А если решится, то как печальна будет опасность и для него самого, и для такого живого органа, как “День”!»[3]

Все эти события, по-видимому, только подогрели интерес к статье Гилярова о суде присяжных; третья ее часть завершалась уведомлением «Продолжение

---

[1] Наше Время. 1862. 13 дек. № 269. С. 1073.

[2] Там же.

[3] *Воропонов Ф. Ф.* Сорок лет тому назад: По личным воспоминаниям // *ВЕ*. 1904. Кн. 8. С. 447.

следует»,[1] но Гиляров остыл к этому своему замыслу, осознав чрезвычайную трудность его достойного воплощения. Позднее, в письме к своему ученику Романову-Рцы от 23 ноября 1886 г., он вспоминал: «…расскажу случай, бывший со мной во время писания “о присяжных” для “Дня”. Подошел я к высшим понятиям о правде, свободе, любви. Мысль мне была ясна, да и не нова для меня; но нужно было формулировать ее, отчеканить. Я задумался, полулежа на диване. Приятель, священник-магистр, вхожий в дом,[2] вошел ко мне в кабинет, посмотрел, мигом повернулся, отправился к жене и сказал ей с ужасом, что “Н<иките> П<етрови>чу нехорошо; что такое?” Он испугался моего напряженного вида и страшно бледного лица...

А это было лучшее, что я написал! И вообразите — погибло! Статью я не кончил, но это начало, над которым я мучился и которого первые слова были: “Свобода и любовь в своем бесконечном единстве...” — это начало строк в двести было даже набрано; но в гранке пропало. Ни о чем я не жалею, а об этом жалею. Так художественно, кратко, точно и вместе полно уже не воспроизведу».[3] Об этом же наборе вспоминал и Н. П. Аксаков: «Раз я читал ему что-то или говорил ему что-то о философии. Гиляров вдруг вскочил, вытащил откуда-то пачку старых корректурных листов и прочел мне несколько мест, приведших меня в положительный восторг. Впоследствии мне никогда не удавалось убедить Гилярова разыскать эти именно корректурные листы, хотя я и умолял его напечатать их, ибо листы так и остались только корректурными».[4]

Аксаков с горечью писал Самарину 11 января 1863 г.: «Что наделал со мной Гиляров: концов не свел, статью не кончил, возбудил тысячу недоразумений, и брань, и ругательства, оставил подписчиков прошлогодних без конца ста-

---

[1] День. 1862. 8 дек. № 49. С. 3.

[2] Имеется в виду священник (позже протоиерей) Григорий Петрович Смирнов-Платонов (1825—1898), духовный писатель, издатель, общественный деятель. В своих мемуарах «Curriculum vitae: Из области воспоминаний и мечтаний» он упоминал: «…будучи связан с Н<икитой> П<етровичем> совсем не житейскими связями, бывши долгое время домашним человеком в его доме…» («Детское Чтение»: К читателям и сотрудникам. М., 1885. С. 40).

[3] *Письма к Рцы*. С. 301—302.

[4] *Аксаков Н.* Воспоминание о Н. П. Гилярове-Платонове // Русский Курьер. 1887. 19 окт. № 288. С. 1.

тьи и пр. В довершение “сам плачет от срама” — сознавая свою инерцию. Что тут делать!»[1]

Вскоре, однако, друзья помирились. 7 февраля 1863 г. Гиляров был введен в Комиссию по пересмотру проекта Устава о книгопечатании, в период с 19 февраля[2] по 18 мая принимал участие в заседаниях этой Комиссии в Петербурге, и Аксаков продолжал с ним обмениваться мыслями по этому поводу. Так, 27 февраля 1863 г. он писал: «…я начинаю приходить в уныние! Энергия моя слабеет, руки опускаются и, — кажется, бежал бы вон из России, этой неизлечимобольной! Что бы Вы там ни говорили, а свобода слова если и не есть панацея от болезней, то по крайней мере есть воздух, которым дышишь. Стеснение слова есть лишение легких воздуха. <…> Никогда цензура не доходила до такого безумия, как теперь, при Валуеве. Она получила характер чисто инквизиционный. Он прислал, между прочим, в Цензурный комитет две бумаги: одну о том, что при цензуровании статей следует обращать внимание не только на статью, но и на направление журнала или газеты, где предполагается ее поместить, так что иному редактору можно отказать в помещении статьи, дозволяемой другому редактору. Другую же бумагу о том, чтобы “День” цензуровать как можно строже, потому что редактор, очевидно, руководствуется воззрениями, противными всем цензурным постановлениям. / Не знаете ли Вы какого-нибудь фортеля укротить это неистовство цензуры? На прошедшей неделе мне запретили пять статей, так что их приходится заготовлять и набирать вдвойне и втройне».[3]

Не оставлял Аксаков и попыток возобновить участие Гилярова в «Дне» как автора, хотя тот, возглавив Синодальную типографию, был поглощен другими заботами. Однако, когда 2 мая 1864 г. живший в Париже католический священник, иезуит И. М. Мартынов написал письмо Аксакову в защиту своего ордена, тот обратился с просьбой ответить отцу иезуиту именно к Гилярову. После дол-

---

[1] *Переписка Аксакова и Самарина*. С. 171.

[2] *Никитенко А. В.* Дневник: В 3 кн. М.: Захаров, 2005. Т. II. С. 406—407. (Биографии и мемуары).

[3] ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 13. Л. 5—5 об. Впервые опубликовано частично: *Аксаков в письмах*. Т. III. С. 269—270.

гих проволочек тот решительно отказался, и положение спас Самарин, опубликовав в «Дне» пять своих «писем об иезуитах». Гиляров, впрочем, принимал участие в их публикации (консультировал Самарина, держал корректуру и др.).[1]

Отметим, что существует косвенное свидетельство о том, что Гиляров мог публиковаться в «Дне» не только в 1862 г., но и позднее, — в письме Аксакова к Гилярову от 15 июля 1878 г. Последний решил издать сборник своих статей и обратился к Аксакову с просьбой дать ему дублетные номера газеты, на что получил ответ: «У меня нет экземпляров “Дня”, кроме своего. Посылаю его Вам, но ради Бога не затеряйте. Лучше буду посылать по годам. В “Москве” Вы участвовали только в начале».[2] Казалось бы, зачем Гилярову искать свои статьи не только в подшивке 1862 г., но и в последующих (притом, что о газете «Москва» Аксаков уверенно сообщает, что статьи Гилярова были лишь в начале издания)?

Таким образом, тема «Гиляров и газета “День”» пока не может считаться закрытой.

1.7. Управляющий Московской Синодальной типографией (1863—1868)

Как упоминалось, 1 июня 1863 г. «в связи с преобразованием центрального управления Министерства народного просвещения» Гиляров был уволен от службы, «с оставлением за штатом на общем основании».

Снова он с семьей: у него к тому времени было уже два сына — Николай 12-ти и Алексей 7 лет; еще сын (первенец Николай) и дочь Надежда умерли, не прожив, соответственно, нескольких месяцев и двух лет, — оказался в критическом положении. Он начал активные хлопоты, как всегда призывая на помощь своего доброго Ангела графиню Блудову. Больше всего ему хотелось занять место директора Духовно-учебного управления при Св. Синоде, о чем он признавался графине 23 декабря 1861 г.: «…я мог бы быть особенно полезен на

[1] См. об этом подробнее в разделе 3.8.
[2] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 579. Л. 2 об.

этой должности, которая была бы так мне в пору»[1] (однако слухи о том, что граф С. Н. Урусов освободит этот пост, не оправдались); Гиляров чувствовал в себе достаточно сил, чтобы поспособствовать улучшению системы духовного образования, сведя на нет последствия не вполне продуманных голицынских реформ начала 1840-х гг. (к их изъянам и недочетам он неоднократно возвращается в книге «Из пережитого»). А тогда, в 1860 г., при Синоде под председательством архиепископа Димитрия (Муретова) был учрежден особый Комитет по разработке преобразований духовного образования. 9 марта 1863 г. обер-прокурор Синода А. П. Ахматов направил Гилярову разработанный Комитетом план будущей реформы. Он писал: «Ваша прежняя служба по духовно-учебному ведомству, искреннее сочувствие, которое Вы сохранили к образованию духовного юношества, доставили Вам близкое знакомство с потребностями и недостатками духовно-учебных заведений, преимущественно в отношении умственного и нравственного образования воспитанников, и потому я счел долгом препроводить к Вам, милостивый государь, экземпляр означенных трудов Комитета, с покорнейшею просьбою по внимательном рассмотрении оных сообщить мне Ваше о них мнение».[2] Положения составленной Гиляровым «Записки о преобразовании Высшего управления духовно-учебными делами» (1863)[3] были частично реализованы, когда в 1866 г. был учрежден новый Комитет при Синоде во главе с митрополитом Арсением (Москвиным). Реформа проводилась постепенно, по академическим округам, с 1868 по 1871 год.

Манило Гилярова и предложение сразу от трех российских университетов (в Москве, Петербурге и Казани) занять вакантную кафедру философии, что давало возможность возобновить столь полюбившуюся ему научно-исследовательскую и профессорскую деятельность.[4] Он почти согласился на

---

[1] Там же. Ед. хр. 377. Л. 8.

[2] Там же. Ед. хр. 584. Л. 1 об. Всего сохранилось 7 писем Ахматова к Гилярову и 9 ответных писем к нему за 1861—1865 гг.

[3] Там же. Ед. хр. 309. 27 л.

[4] Гиляров писал Романову-Рцы 15 ноября 1886 г.: «Скромность моя отклонила предложение философских кафедр в трех университетах. Теперь я вижу, что скромен был я излишне; но вижу это теперь, когда на кафедры влезли букашки» (*Письма к Рцы*. С. 288).

службу в Московском университете, но тут ему предстояло делить кафедру с протоиереем П. А. Преображенским и он отказался.[1]

Стороной, от своего приятеля Ф. В. Чижова, Гиляров узнал о предстоящем освобождении места управляющего Московской Синодальной типографией.[2] Он предпринял энергичные действия с целью занять эту должность. Необходима была письменная рекомендация митрополита Филарета, но тот не соглашался ее дать, так как вообще не любил проявлять инициативу в подобных делах и ждал, чтобы кандидатуру нового главы типографии предложил сам обер-прокурор.[3] Тогда Гиляров попросил графа Блудова (через посредство его дочери) написать владыке и попросить его о необходимой протекции.[4] В конце концов хлопоты друзей увенчались успехом, и Высочайшим определением от 20 августа 1863 г. он был назначен управляющим типографией.

Впрочем, впоследствии Филарету не пришлось жалеть о своем ходатайстве за бывшего профессора Академии, чью карьеру он в свое время прервал, так сказать, на полуслове. Гиляров уже был полон масштабных планов по возвращению Синодальной типографии — наследнице старого Печатного двора, то есть первого очага российского просвещения, — ее былого значения. И во всех этих начинаниях его поддерживал Филарет. Выше цитировалась записка епископа Леонида (Краснопевкова) от 1 апреля 1863 г., где отмечалось, что святитель заболел, но Гилярова готов принять и тот может «не стесняясь, говорить, сколько нужно, и чем откровеннее, тем лучше».[5]

О своей плодотворной и вместе с тем поистине титанической духовно-просветительской деятельности за те четыре года, что он руководил Синодальной типографией, Гиляров подробно писал (защищаясь от наговоров недоброжелателей) 8 ноября 1883 г. обер-прокурору Св. Синода К. П. Победоносцеву, сво-

---

[1] См.: Докладная записка — попечителю Московского учебного округа по поводу предложения занять в Московском университете кафедру философии // *РО.* 1896. Т. 42, нояб. С. 456—458.

[2] См. письмо Гилярова к графине Блудовой от 5 февраля 1862 г.: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 378. Л. 5 об.

[3] Там же. Л. 5.

[4] См. там же. Л. 7 об.

[5] Там же. Ед. хр. 653. Л. 1.

ему приятелю с 1860 г. Из этого пространного письма, которое отличается обычной, впрочем, для гиляровского эпистолярия живостью изложения и стилистическим изяществом, приведем только некоторые извлечения: «Едва только я вступил в Синодальную типографию, как мне пришлось обратить внимание на печатание антиминсов с хульною надписью, дававшею тот смысл, что тайнодействия сила сообщается антиминсу Государем. Я принялся за разыскания, составил историческую записку[1] и при содействии покойного Филарета (поразившегося моим указанием и не находившего слов благодарить меня) достиг, что редакция надписи была изменена. <...> / О собрании сочинений Св. Тихона[2] Вы изволили сами отзываться одобрительно. Но мысль об издании, план, меры к собранию материалов, выбор ближайшего редактора, руководство его в сомнительных случаях принадлежали мне, и если бы не я, так и остался этот позор, что, несмотря на причтение писателя к лику святых, издание творений его продолжалось бы в старом виде, не только не исправленном, но и не ведающем о том, что автор уже не просто духовный писатель, а Святой Отец. <...> / Параллельные места в Библии, поверхностно составленные, искаженные опечатками и переставшие давать какое-нибудь руководство при чтении Священного Писания, вынудили меня исходатайствовать учреждение комиссии из духовно-ученых лиц для выверки параллельных мест и новой их редакции.[3] Не я виноват, что дело осталось без последствий: и Филарет был отнят от земного служения, и я от типографского. Та же судьба постигла и порывы мои к постепенному исправлению текста богослужебных книг, о чем я также вступил в соглашение с незабвенным владыкою. Счастливее были мои критические указания на предисловие к Псалтири и на ложное толкование Арцивуриева поста в Триоди. Впрочем,

[1] Записка датирована 17 октября 1863 г.; опубликована, с отзывом Филарета: Алфавитный указатель к Собранию мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам и к переписке его с разными учреждениями и лицами духовными и светскими. СПб., 1891. Ч. II. С. 58—65.

[2] Творения иже во Святых Отца нашего Тихона Задонского. 4-е изд. М.: В Синодал. тип., 1875. Т. I—V. «Ближайший редактор» — И. Д. Бердников. См. воспоминания Гилярова об этом издании в передовой «Москва, 14 января» (*СИ.* 1876. 15 янв. № 14. С. 2).

[3] В архиве князя Шаховского хранится объемная беловая рукопись Гилярова «Свод четырех Евангелий (Луки, Матфея, Марка, Иоанна)», с обозначением параллельных мест (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 335).

не знаю еще, выкинуто ли оно. Не с одним вопросом редакционного и ученого свойства обращались ко мне тогда из Петербурга, и в архивах синодских должны сохраниться мои ответные записки, краткие и пространные, но всегда добросовестно обстоятельные, требовавшие разысканий и изучения».[1] Здесь упомянут недельный пост в армянском обряде, предваряющий Великий пост и бывающий за 10 седмиц до Пасхи; он называется «арачаворк», т. е. «первый» (в греч. произношении превратился в «арцивуриев»); в византийской традиции из соображений полемики с армянами эта седмица считается сплошной. После докладной записки Гилярова неправильное толкование этого поста в Триоди было опущено.

Коснувшись в том же письме и других своих редакторских трудов, которые, конечно, не имели отношения к его прямым обязанностям и за которые он брался, ставя перед собой сверхзадачу духовного просвещения, — Гиляров кратко перечислил свои достижения и в рутинной, казалось бы, области административно-экономического руководства Синодальной типографией. Так, продолжая свой реестр-апологию, он рассказывал о составлении подробнейших таблиц, которые, учитывая расходы на печатание книг, объемы продаж по годам и другие данные, позволяли в будущем легко определять наиболее выгодный тираж новых изданий и их оптимальную цену, и не без гордости заявлял: «Предшествовавшее мне управление Типографиею сообразило, что чем в большем количестве экземпляров печатать книгу, тем экземпляр обойдется дешевле. Но сообразили и недосообразили. Печатая в 80 000 экземпляров книгу, расходящуюся по 100 экземпляров в год, наносят себе явный ущерб, осуждая капитал лежать непроизводительно 800 лет. При разумном хозяйстве число печатаемых экземпляров и продажная цена книг должны быть соображаемы с вероятным количеством их расхода. И вот что я сделал. Я поручил составить, помнится, за двадцать лет таблицы ежегодного расхода *каждой* из ходячих типографских книг и вывести среднее число, и сам это проверил. Затем… без чувства глубокого унижения не могу вспомнить о следовавшей за этим моей личной работе, глядя на которую, когда я корпел над нею, покойный Ф. В. Чижов говаривал мне с участливым со-

[1] *Разумевающие верой*. С. 205, 206.

жалением: “И охота Вам красным деревом печку топить”. Я составил таблицы, по которым, приняв за основание данные: расход печатания, ежегодное количество продажи, желаемые проценты, бухгалтер без вычисления, простою сверкою определяет искомые количества печатания и продажную цену книги. Краска негодования бросается мне в лицо, когда я вспомню об этой книжке (ее экземпляр был предоставлен в Хозяйственное управление). Расчет сделан от ½ процента до 20% и от 1 года до 24 лет, и притом с *десятью* десятичными, чего по части таких таблиц в литературе целого света нет подобной. Два листика я Вам для видимости прилагаю, чтобы тем крепче убедились Вы в моем неряшестве и поверхностном отношении к Типографии во время моей службы».[1] Необычайно обстоятельное официальное отношение Гилярова под названием «Приложение к представлению от 19 ноября 1864 г., № 40. О расценке Типографских книг», хранящееся в Синодальном архиве, начинается так: «Затруднение относительно правильной расценки Типографских книг, о котором было мною упомянуто в представлении, заслуживает, по своей важности, особого объяснения. Считаю долгом подробно описать положение, в каком находится сей вопрос. / При печатании каждой книги Конторою Типографии составляется обыкновенно счет, во что книга обходится самой Типографии, и затем высчитывается, какая полагается на оную при продаже прибыль. Цифры, которые значатся в этих расчетах, в сущности нисколько не отвечают ни действительным затратам, ни действительной прибыли».[2]

Важной инициативой Гилярова стало изготовление венчиков (ритуальных лент, возлагаемых на лоб покойникам), усовершенствованное за его счет типографским способом, значительно сократившим издержки. Началось все с коммерческого предложения Н. А. Сергиевского, в тот период (1866—1869) директора Канцелярии обер-прокурора Св. Синода (позднее попечителя Виленского учебного округа), сделанного им Гилярову. Остановимся на этом сюжете, наглядно демонстрирующем бескорыстный энтузиазм Гилярова-

[1] Там же. С. 207—208.
[2] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 243. Л. 1. Копия князя Н. В. Шаховского.

администратора: «В числе других обязанностей на Типографии лежало посредничество по доставлению венчиков в духовно-учебное управление. Венчики были в положении, не многим менее позорном, нежели надпись на антиминсах. Они сдавались на подряд, приготовлялись кустарным способом, размалевывались наибезобразнейшим способом, руками всякого сброда. Я нашел такой порядок не подобающим операции, имеющей дело с предметами богослужения. Вместе с инспектором и фактором Типографии я начал обдумывать; начали мы производить опыты приготовления венчиков, и притом разноцветных, типографским способом. Мы тратили не только труд, но я расходовал на это свои личные средства, покупал краски, платил рабочим за опыты, которые, понятно, не с раза удавались. Именно Вам, досточтимый Константин Петрович, передавал я свое огорчение о том, что, когда я преподнес начальству благоприятный результат опытов, меня даже не спросили, чего это мне стоило, и усвоили, не кивнув головой, представленный мною способ, сокращающий издержки изготовления венчиков на несколько тысяч ежегодно. Я Вас же, как юриста, спрашивал тогда, могу ли я надеяться от закона на защиту моих прав по применению нового способа, которым обязаны мне не как управляющему, а как частному лицу. Один из наших общих знакомых, занимающих теперь высокий административный пост, служивший тогда в Москве и бывший очевидцем моих изысканий, опытов, забот и расходов, говорил мне: “Передайте мне это дело; я являюсь подрядчиком по изготовлению венчиков, на место теперешнего; барыши пополам”. — “Нет, любезный Н<иколай> А<лександрович>, — отвечал я, — я предпочитаю идти царским путем. Барышей в том размере, в каком Вы предполагаете, конечно, я не получу, но не думаю, чтоб меня оставили в полном накладе“. А ведь было бы благоразумнее последовать совету лица, которое значится теперь в числе высокопоставленных!»[1] В архиве князя Н. В. Шаховского сохранилось составленное Гиляровым «Представление директору Хозяйственного управления при Синоде В. А.

[1] *Разумевающие верой*. С. 209.

Лаврову записки о возможности и целесообразности изготовления венчиков типографским способом» от 31 января — 13 апреля 1866 г.[1]

Особой заслугой Гилярова стало спасение им старинных книг и рукописей. Он сообщал: «Состояние знаменитой типографской библиотеки было ужаснейшее; на чердаке я нашел столбцы XVII столетия, употреблявшиеся чиновниками “для известных надобностей”. Сокровища наполовину были уже расхищены <...> моею обязанностью было охранить хотя остатки, и я *лично* целые два месяца, и притом самые неудобные, декабрь и январь, проверял состав библиотеки. Чего это стоило в холодном, нетопленом помещении!»[2] Кроме того, Гиляров внес кардинальные изменения в организацию труда в Типографии, сделав его вольнонаемным, для чего составил новые штаты, инструкции, положения и даже табели с расценками работ. С успехом он совершенствовал само типографское производство: «Словолитная поставлена на твердую почву; произведены были подготовительные работы к систематизации славянских шрифтов. Введена экономия в расходы, которые по некоторым статьям уменьшились на тысячи».[3]

Писал он Победоносцеву и о своем открытии, давшем толчок реставрации здания Печатного двора, восстанавливающей его исконный вид: «При отбитии штукатурки в старой складочной оказались древние фрески, единственный сохранившийся у нас образец древней гражданской стенописи. Насколько эти фрески обнаружились, они были сняты на бумагу в натуральную величину, с соблюдением подлинных красок, и опять на мои личные средства. <...> То, что я начал, продолжено и приведено к окончанию; реставрация совершена; проезжая мимо Китайской стены, я мысленно, при взоре на Синодальную типографию, благодарю Провидение, что мне оно предоставило дать первый толчок этому делу и ценою личных неприятностей спасти древнее здание от эксплуататорских похотений современного индустриализма в лице А. А. Пороховщикова».[4] Столкновение с известный коммерсантом и обществен-

[1] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 250а. Л. 1—22.
[2] *Разумевающие верой*. С. 208.
[3] Там же.
[4] Там же. С. 209.

ным деятелем Пороховщиковым, пользовавшимся поддержкой синодальных властей, в конце концов стоило Гилярову поста управляющего типографией. Позднее, в 1872 г., тот все же построил впритык к зданию Синодальной типографии гостиницу «Славянский базар» (Никольская ул., д. 17), еще через год здесь открыл одноименный ресторан. Гиляров решился на общественное разоблачение аферы, опубликовав в своей газете «Современные Известия» письмо некоего *Приезжего купца,* возмущенного разыгранной в концертном зале (Русской палате) «Славянского базара» «музыкально-литературной забавой», одним из номеров которой было «потешное представление» «“Разговор регента с певчими”, как нужно петь Символ веры, как, кому и где нужно кричать».[1] Гиляров комментировал это сообщение, передавая все закулисные подробности с обычной для себя откровенностью: «Тяжело вспомнить, что “священные сюжеты” разыгрываются в доме, принадлежащем Святейшему Синоду, и на средства Святейшего же Синода. “Славянский базар” помещается, как известно, в доме Синодальной типографии; пожалуй, только на земле типографской, а в доме, принадлежащем г. Пороховщикову. Но г. Пороховщиков выстроил этот дом для Святейшего же Синода и на деньги Святейшего же Синода. Но г. Пороховщикову дано на постройку этого дома до полумиллиона рублей безвозвратно. Но г. Пороховщикову уступлен этот дом без состязаний. Но к г. Пороховщикову снизошли, когда архитектор, обязанный свидетельствовать, нашел поставленный для дома материал недоброкачественным. Духовное управление даже заложило дом, чтоб сотнями тысяч ссудить г. Пороховщикова. Г. Пороховщиков является не наемщиком, а скорее уполномоченным Святейшего Синода. Операция принимает вид нравственного поручения и не может быть экономической сделкой, как не могут два и два составить два вместо четырех». И далее Гиляров укорял не столько самого предпринимателя, сколько синодальные власти: «Было бы утомительно рассказывать, но стоящий против той же Синодальной типографии Богоявленский монастырь или рядом стоящий Заиконоспасский, даже не ища, находят охотников, которые строят им дома, без пособий, и притом выплачивая

[1] *СИ.* 1872. 30 сент. № 269. С. 2.

с первого года большие наемные деньги и обязываясь передавать монастырям выстроенные громадные здания с десятками тысяч дохода в сроки вдвое меньшие, нежели дан г. Пороховщикову».[1] Заканчивал письмо Гиляров словами: «Я устал бы перечислять, достоуважаемый Константин Петрович, всё, что мною сделано для Типографии <...> Припоминая теперь, признаюсь, сам даже удивляюсь избытку тогдашней своей энергии. Но и то сказать: я же тогда всего себя посвятил типографскому делу, покинув, к ущербу своему, литературную деятельность, на то время мною приостановленную».[2]

Однако Гиляров, хотя и оставил на время серьезные научные изыскания, не порывал вполне с публицистикой. Так, в 1867 г. он опубликовал ряд острозлободневных статей — главным образом, по церковно-общественным вопросам — в аксаковской газете «Москва». Об этом он вспоминал в письме к Романову-Рцы от 2 ноября 1886 г.: «Когда началась “Москва”, покойный Аксаков предложил мне столбцы для передовых статей два раза в неделю».[3] Втайне Гиляров надеялся, что он станет и соредактором, о чем можно судить по его оговорке в письме к князю Н. В. Шаховскому от 2 февраля 1886 г.: «Когда Аксаков начал издавать “Москву” и предложил мне писать руководящие статьи с неограниченною властью (я и писал их), он <…> не заикнулся ни раза мне предложением соредакторства».[4] За некоторые передовые по проблемам духовной школы он получил по начальству изъявление неудовольствия от самого обер-прокурора графа Д. А. Толстого. Гиляров писал поэту Н. Ф. Щербине 1 мая 1867 г.: «…участие мое в “Москве” повело к таким отношениям моим официальным, что мне оставаться на службе невозможно. Спешу бежать и только не знаю куда бы. Мне напрямик замечают, что литературная деятельность, а именно по части передовых статей, несовместима с моими обязанностями официальными».[5] Ранее, 21 марта 1867 г., Гиляров жаловался графине А. Д. Блудовой: «Директор, кото-

[1] Там же.
[2] *Разумевающие верой*. С. 210.
[3] *Письма к Рцы*. С. 248.
[4] *Из пережитого*. Т. 2. С. 489.
[5] ИРЛИ. Ф. 274. Оп. 3. Ед. хр. 218. Л. 1 об.

рому я непосредственно подчинен, спрашивает меня полуофициально, не я ли автор статей, печатаемых в “Москве” о духовных училищах, и замечает мне, что я не должен был бы себе этого позволять, что я имею *один только путь высказывать мнения* (буквально), то есть представлять по начальству! Тогда как этот вопрос нисколько к моей должности не относится, тогда как этот вопрос открыт для публичного обсуждения, тогда как с особенною скромностью старался я высказывать свои замечания на проект, заслуживающий замечаний самых едких. Итак, я не должен сметь свое суждение иметь!»[1]

Еще большую неприязнь начальства вызвала непримиримая позиция Гиляров в отстаивании типографских зданий как памятников истории и культуры (их, как выше упоминалось, планировали продать городу под торговые помещения). Становилось ясно, что в очередной раз он должен круто изменить свою жизнь и не сегодня-завтра навсегда уйти со службы в духовном ведомстве. 27 марта 1867 г. Гиляров пишет в Петербург А. В. Никитенко и просит посодействовать ему в приглашении на университетскую кафедру церковной истории.[2]

При этом он не переставал заниматься общественно-просветительской деятельностью в широком смысле. Так, в марте 1865 г. он стал действительным членом Общества древнерусского искусства при Московском Публичном музее и был избран вел. кн. Еленой Павловной в члены учрежденного ею Московского комитета по вспомоществованию бедным лицам духовного звания.[3]

1.8. Издатель-редактор ежедневной газеты «Современные Известия» (1867—1887)

Гиляров никогда не оставлял мысль издавать дешевую простонародную газету, однако, конечно, не в лубочно-казенном формате, не потрафляющую вку-

[1] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 381. Л. 2 об.—3.
[2] ИРЛИ. Сигн. 18483. Л. 22.
[3] См. об этом подробнее: *Дмитриев А. П.* К истории благотворительности в России: (Неопубликованные письма Н. П. Гилярова-Платонова к К. П. Победоносцеву, 1866—1867) // *Гиляров: ИМБР*. С. 837—876.

сам толпы, а, напротив, — газету, которая способствовала бы росту национального самосознания и при этом честно и откровенно разъясняла бы простолюдинам их настоящие нужды и правительственные меры к их удовлетворению. Первые проекты подобного издания, призванного реально содействовать делу общественного примирения на началах братской любви, появляются в переписке Гилярова с публицистом А. Д. Желтухиным в 1859 г.; газету тогда намечалось назвать «Листком Народных Нужд».[1] Через 5 лет, в 1864 г., Министерство внутренних дел предлагало Гилярову стать собственником «Русских Ведомостей» (после смерти их издателя Н. Ф. Павлова), правда, на невыгодных для него условиях.[2] Еще ранее, как упоминалось выше, он при желании мог бы редактировать официоз «Северная Пчела».

Стал Гиляров издателем-редактором большой газеты довольно неожиданно для самого себя.[3] Летом 1867 г. к нему на дачу принялся наезжать литератор и книгоиздатель Н. А. Основский, газету которого («Московский Вестник») Гиляров цензуровал в 1859—1861 гг. Возобновление знакомства было вызвано страстным желанием Основского вновь издавать газету — причем ежедневную дешевую, каковых в Москве тогда еще не было,[4] что сулило, по его уверениям, быстрый финансовый успех. Сам Основский был замешан в свое время (в 1862 г.) в шумном скандале, сопровождавшем издание им четырехтомника со-

---

[1] См. об этом: *Шаховской Н., кн.* Годы службы Н. П. Гилярова-Платонова в Московском цензурном комитете, 1859 год // *РО*. 1897. Т. 48, дек. С. 520—529.

[2] Подробнее см.: *Шаховской Н., кн.* Никита Петрович Гиляров-Платонов. С. XXXV.

[3] Истории «Современных Известий» в последние годы посвящен ряд статей: *Федотова М. А.*: 1) Из истории газеты «Современные Известия» // Вопросы отечественной истории: Межвуз. сб. науч. работ мол. ученых: Межвуз. сб. науч. работ мол. ученых. М., 2000. Вып. 3. С. 94—107; 2) Россия и мир в освещении московской газеты «Современные Известия» (вторая половина XIX в.) // Там же. М., 2002. Вып. 5. С. 137—151; *Балашов Д. Ю*. О журналистской позиции Н. П. Гилярова-Платонова // *Возвращение*. С. 179—199; *Прохоров Г. С*. «Современные Известия», «Гражданин», «Московские Ведомости» в кругу «эпидемии самоубийств» 1873 года // Там же. С. 130—135; *Кругликова О. С.*: 1) Газета Н. П. Гилярова-Платонова «Современные Известия» в системе печати консервативного направления // Средства массовой информации в современном мире. Петербургские чтения: Материалы 52-й Междунар. науч.-практ. конф. СПб.: СПбГУ, 2013. С. 23—26; 2) Н. П. Гиляров-Платонов как журналист и издатель // Учен. зап. Казанского ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2016. Т. 158, кн. 4. С. 1015—1030.

[4] «Московские Ведомости» в тот период не выходили по понедельникам, и тогда в розницу шли только петербургские газеты.

чинений Тургенева (Гиляров выступил тогда одним из трех посредников в третейском суде над обвинявшимся в жульничестве Основским), к тому же последний не имел высшего образования (необходимый в тот период образовательный ценз), — поэтому он сам и не надеялся получить разрешение на издание газеты.

Гиляров, по воспоминаниям его сына Николая, поначалу «ехать в Петербург отказался наотрез, а об редакторстве просил и не заикаться».[1] Но в августе, сдавшись на уговоры, все же поехал. Пока он подавал просьбу, Основский, не сомневавшийся в успехе предприятия, «не дремал: подыскивал помещение для конторы, типографии и редакции, сторговался насчет машины, шрифта и проч., нашел даже сотрудника по иностранному отделу, некоего Ковальского».[2]

Первый номер газеты «Современные Известия» вышел уже в конце 1867 г., 1 декабря, — в надежде на большое число подписчиков в наступавшем году. Тогда доживали отпущенный им короткий срок такие славянофильские издания, как «Москва» И. С. Аксакова и «Русский» М. П. Погодина (оба выходили по два года без двух с половиной месяцев в 1867—1868 гг.), и в той же Москве, как бы переняв от них эстафету, появилась своя первая ежедневная газета, выходившая в продолжение двадцати лет, — тоже с явным славянофильским оттенком.

Однако сразу возникли осложнения: вместо ожидавшихся 5000 человек их оказалось всего 800. Издание обернулось одними убытками. Не замедлили подступить кредиторы. Основский, заведовавший типографией и всей хозяйственной частью издания, «видя, что дела плохи, стал заниматься делом кое-как и, наконец, совсем пропал из виду».[3] О нем чуть позднее, в октябре 1872 г., Гиляров писал А. С. Суворину: «Теперь я оказываюсь газетным издателем, но, в сущности, я этого никак не ожидал. Один господин, теперь уже умерший, упросил меня: 1) подать просьбу об издании газеты и 2) принять на себя, так сказать, домашнюю цензуру вместе с составлением двух-трех статей в месяц. Хозяйственная часть и вся редакция не должна была лежать на моих плечах. Деньги

---

[1] *Гиляров Н. Н.* Краткая история газеты «Современные Изв<естия>» / Публ. А. П. Дмитриева // Коломенский альманах: Лит. ежегодник. Коломна, 2009. Вып. 13. С. 369.

[2] Там же.

[3] Там же. С. 370.

на издание были обещаны. Но случилось — все пуф, и издание все оказалось на моих плечах, так что после заявленного имени моего даже отступление было невозможно».[1]

Спасти ситуацию помогли Гилярову родственники жены, двоюродные племянники студенты Богдановы, наладившие конторскую документацию, «но по литературной части он остался буквально один, наполняя газету только собою лично: месяцеслов, выборки из газет, передовая статья, иностранный отдел и даже корректура — все была его работа».[2]

И вскоре неожиданно для многих газета стала довольно популярной в Москве и провинциальных городах, удалось расплатиться по векселям и счетам, появился доход; в редакцию пришли талантливые журналисты, присылались корреспонденции со всей России. Успех не в последнюю очередь был обеспечен оригинальными передовицами Гилярова — они строились не как пропагандистские речи либо комментированные сводки последних событий, а как доверительные беседы с читателями, полные живого интереса, и включали выдержки из их писем и полемику на актуальные темы.

Пожалуй, в России в тот период и не было другого издания, где бы столь широко право голоса было предоставлено «безъязыкому» прежде народу. Сотрудница редакции М. С. Сковронская (о ней речь пойдет ниже) оставила интереснейшее свидетельство: «Письма из городов в “Современных Известиях” печатались случайные только такие, в которых передавали какой-либо случай или происшествие, и часто от простолюдинов; причем язык их сохранялся без изменения; расставляли только правильно знаки препинания да букву **h** водворяли там, где было ее место. Таким образом, письмо выходило содержательное, написанное чистым русским языком. По этому поводу И. С. Аксаков удивлялся, отчего в его газете, имевшей в виду народ, совсем не было корреспондентов из народа, а в “Современных Известиях” писали многие крестьяне. Не припомню кто (кажется, Погодин), объяснил это тем, что тогдашним грамотным крестьянам,

[1] *Из пережитого.* Т. 2. С. 212.
[2] Там же.

учившимся не по популярным руководствам, а по церковным книгам, удобопонятен был язык статей Гилярова-Платонова, напоминавший иногда проповеди».[1]

Столь удачное начало вызвало завистливую реакцию изданий-конкурентов, в которых появились заметки, будто бы «Современные Известия», по слухам, «безвозмездно пользуются шрифтом, станками, машинами и даже рабочими из Синодальной типографии».[2] Хотя «известно было, что вертельщиками пользуются в их свободное время, дают им хорошее вознаграждение, а машины и станки приобретены новые, не из Синодальной типографии и еще не вполне оплачены».[3] Подкупленные сотрудниками «Русских Ведомостей» типографские рабочие несколько раз как бы случайно рассыпали всю сверстанную форму газеты, и та не могла выйти в срок.

Подобные злонамеренные действия, особенно же печатная клевета (прежде всего в связи с ревизиями Синодальной типографии[4]), вынудили Гилярова обратиться за помощью к синодальному руководству.[5] Он вспоминал об этом в письме к Победоносцеву от 8 ноября 1883 г.: «…я, с просьбою оградить мою честь судом, подал прошение об отставке, начальство с жадностью ухватилось за мою просьбу об отставке и поспешило удовлетворить ее, а взамен суда ограничилось самым сухим, в пяти строчках, отрицанием клеветы. Да этого мало; затем нашло уместным само оклеветать меня, да еще во Всеподданнейшем докладе».[6] Таким образом, 14 августа 1868 г. Гиляров был уволен от должности управляющего Московской Синодальной типографией и больше уже не поступал на государственную службу. Правда, вплоть до 1884 г. его поддерживали ежегодные вы-

---

[1] *Сковронская М.* За четверть века: (Из воспоминаний) // Наблюдатель. 1897. № 2. С. 222.

[2] Там же. № 1. С. 205.

[3] Там же. С. 206.

[4] См.: *Залетный Н. <Пастухов Н. И.>*. От нашего корреспондента. Москва // Петербургская Газета. 1868. 23 июня. № 87. С. 2.

[5] См. сохранившиеся в архиве князя Шаховского черновики этого прошения Гилярова от 1 июля 1868 г. на имя обер-прокурора (графа Д. А. Толстого) и сопроводительного письма от 27 июня 1868 г., адресованного товарищу обер-прокурора графу Ю. В. Толстому. Опубл. нами: *Гиляров: ИМБР*. С. 215.

[6] *Разумевающие верой*. С. 210. См.: Извлечение из Всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по Ведомству православного исповедания за 1868 г. СПб.: В Синодал. тип., 1869. С. 264—266.

платы из государственного казначейства по 800 рублей серебром, начатые производством 4 апреля 1865 г. (вместо пожалованной государем аренды по чину действительного статского советника).

Главным делом его жизни теперь, его любимым детищем стало издание «Современных Известий», продолжавшееся целых 20 лет. Здесь он смог, несмотря на все стеснительные жанровые ограничения, всегда оставаться, так сказать, свободным художником, творить вдохновенно и по велению души. И. Аксаков в 1884 г. писал Гилярову: «Вы <…> вечно прозираете в будущее за целый век, а иногда и за несколько, потому что мысль Ваша слишком оригинальна и в то же время радикальна. <…> Ваша же газета, напр<имер>, это — “альбом моих впечатлений, ощущений и мыслей”».[1]

Хотя позже Гиляров не раз признавался: «…скажу о себе, что работа газетная мне совсем не по душе; что втянут я был в нее *обманом*; что цепь неотразимых событий удержала меня на ней <…>»,[2] — он тем не менее изначально подходил к своему редакторству очень ответственно, а по творческому темпераменту и внутренним склонностям, пожалуй, был призван к журналистскому делу более, чем к какому-либо иному. Еще до выхода в свет первого номера «Современных Известий», 20 октября 1867 г., Гиляров писал Победоносцеву: «…честно поступит, высокий гражданский долг исполнит, больше других соотечественникам послужит тот, кто, имея дарования кое на что высшее и блистательнейшее, на более глубокое и ученое, совлечет с себя парадные одежды публициста-генерала и в рубище, свойственном простому люду, потолкует с ними о том, что им знать желательно, но что растолковать им отчасти не хотят, отчасти не умеют».[3] И о том же в письме от 6 декабря 1872 г.: «А для этого надобно прежде всего ниспуститься до публики, до некоторой степени пожертвовать собою».[4] Это признание уникально для Гилярова: словесный ряд, которым он пользуется,

---

[1] *Аксаков в письмах.* Т. III. С. 442.

[2] Письмо к Романову-Рцы от 13 ноября 1886 г. (*Письма к Рцы*. С. 280). Проявившееся здесь раздражение Гилярова вызывалось изнурительностью каждодневного труда, нередко оборачивавшегося незаслуженными административными взысканиями со стороны цензоров.

[3] *Разумевающие верой*. С. 61.

[4] Там же. С. 121.

в сущности, тот же, каким в богословии описывается жертвенное нисхождение Христа (кенозис).

На склоне дней, в письме к Романову-Рцы от 13 ноября 1886 г., он жаловался: «Но когда, сцеплением, говорю, неотразимых обстоятельств, я прикован к тачке, я должен ее везти и в силу своего положения вынужден говорить большею частью дискантом».[1] А. М. Гальперсон по поводу этого гиляровского выражения писала С. Ф. Шарапову 10 октября 1888 г.: «Я напомнила бы, что Аксаков писание передовых статей называл *говорить басом,* Никита Петрович — *говорить дискантом,* и в этой разнице заключается их характеристика. Никите Петровичу действительно приходилось сгибаться в три погибели, чтобы становиться в уровень с толпой, и то не удавалось. Я сказала бы, что он старался быть учителем народа и для этого вступал с ним в постоянное общение, выслушивал нищих духом и давал им место в своей газете, своими ответами пытаясь выяснять им самые серьезные вопросы».[2]

Причем со временем Гиляров внутренне только больше утверждался на этих своих альтруистических позициях. Спустя год с небольшим после того, как начала выходить газета, несмотря на уже отчетливо осознанную тернистость избранного пути, он и не думал сходить с него, а, напротив, в программной передовой декларировал свое кредо: «Публицист, если хочет быть достойным своего призвания, обязан светить дорогу обществу <…> обязан найти для себя предмет недовольства».[3] Однако при этом, считал Гиляров, должно быть острое ощущение нравственной границы в обличении, не допускающее то, что называется «подкапываться под порядок»: «Публицист, не уважающий истории и преданий своего народа и коренных основ общественной жизни, которою он живет, столь же недостоин своего призвания, как поклонник суеверий и диких инстинктов массы или нахальный льстец властей».[4] В этом утверждении, между прочим, лежит и главный побудительный мотив к написанию спустя 15 лет «автобиографи-

---

[1] *Письма к Рцы*. С. 281.
[2] ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. Ед. хр. 43. Л. 1—1 об.
[3] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 1 января // *СИ.* 1869. 2 янв. № 1. С. 1, 2.
[4] Там же. С. 2.

ческих воспоминаний» «Из пережитого», запечатлевших исторический разрез одного из важных этапов народной жизни прежде всего так, как он выразился в ее традиционных устоях и преданиях.

«Современные Известия» с первых же номеров приобрели в Цензурном ведомстве репутацию газеты благонамеренного направления, в которой, однако, нередки вызывающе резкие, бестактные выражения, хотя зачастую и справедливые по сути, однако недопустимые в дешевом массовом издании. Регулярно многочисленные представления в Главное управление по делам печати о непозволительных публикациях в «Современных Известиях» делала первая административная инстанция — Московский цензурный комитет, где за газетой надзирали цензоры: В. Я. Федоров (1867—1872), Ф. И. Рахманинов (1870, 1873—1885), Я. И. Прибиль (1873), П. Н. Воронцов-Вельяминов (1873—1874), К. Н. Леонтьев (1881), К. И. Воронич (1886—1887) и др. По большей части эти донесения не служили поводом к цензурным карам, а только принимались к сведению, — во многом благодаря лично благожелательно настроенным к Гилярову членам Совета, в чьем ведении в разное время оказывалась его газета: Ф. Ф. Веселаго, В. Я. Фуксу и Д. И. Каменскому, а также в особенности Ф. П. Еленеву.[1] Много делали для того, чтоб предотвратить или смягчить цензурные наказания, высокопоставленные друзья Гилярова: в 1870-х гг. К. П. Победоносцев,[2] в 1880-х — Т. И. Филиппов.[3]

За свою 20-летнюю историю издание получило сравнительно мало взысканий: 6 предостережений, 3 приостановки, 11 раз на разные сроки (от двух недель

---

[1] См. нашу публикацию «Отзывы цензоров о газете “Современные Известия” (1869—1871)» (*Гиляров: ИМБР*. С. 267—323), а также архивные материалы: РГИА. Ф. 722. Оп. 1. Д. 3728, 4144, 4239, 4303, 4308, 5630; Ф. 776. Оп. 1. Д. 6, 8, 10—12, 14, 24; Оп. 2. Д. 5—12, 14—21; Оп. 3. Д. 146, 147, 800, 801а, 801б; Оп. 5. Д. 15, 38а; Оп. 11. Д. 2а, 108, 154; Ф. 1400. Оп. 1. Д. 678; Ф. 1405. Оп. 534. Д. 826; ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 26.

[2] См. об этом: *Дмитриев А. П.* К. П. Победоносцев — приятель, оппонент, издатель Н. П. Гилярова-Платонова // Константин Петрович Победоносцев: мыслитель, ученый, человек: Материалы Междунар. юбил. науч. конф., посвящ. 180-летию со дня рождения К. П. Победоносцева, С.-Петербург, 1—3 июня 2007 г. СПб.: С.-Петерб. митрополия, 2007. С. 127—136.

[3] См. подробнее: *Дмитриев А. П.* «Случаям единомыслия бываю всегда рад…»: Переписка Н. П. Гилярова-Платонова с Т. И. Филипповым // Историко-философский ежегодник’2008. М.: Наука, 2009. С. 326—369.

до девяти месяцев) запрещалась розничная продажа. Первые три предостережения — 14 марта 1870 г., 18 мая 1872 г. и 11 апреля 1874 г. — и приостановка на *три недели* были получены за статьи Гилярова и ряд помещенных им корреспонденций из провинции, в которых обсуждались некоторые морально устаревшие церковные обряды и критиковалась система духовного руководства,[1] отмечались упущения в работе полиции и приводились факты безнаказанного хулиганства солдатских чинов,[2] указывалось на недостатки земского и городского самоуправления и не одобрялась система налогообложения.[3] На второе запрещение, считая его необоснованным и прямо беззаконным, Гиляров отозвался так: «Правда, по существу проступок подлежал бы скорее судебному преследованию; предостережениями караются не одиночные выражения, которых недозволительность легко формулировать, а целое направление, последовательно проводимое и не всегда доступное осязательному изложению. Но правительство решило предостережением взыскать с нас и за отдельные выражения <…> большинство правительственных неудовольствий против нас <…> возбуждалось не нашими мнениями, и даже вообще не редакционными статьями, а корреспонденциями. Правительство карает в нас не столько писателя, сколько именно редактора, и даже ближе — цензора статей, нам присылаемых. Нам обращается во вред снисходительность наша к откровенности корреспондентов, к своеобычию даже их выражений. Может быть, как на этот раз случилось, уважение наше к чужому мнению и слову действительно иногда чрезмерно. Но мы следуем вековечному правилу общечеловеческой нравственности: «Не делай другому того, чего себе не желаешь». Мы признаем свободу слова и держимся ее, уважая в себе и других одинаково. Мы убеждены с целым светом, что легче достигнуть пользы разъяснениями, чем запрещениями. Наконец, самая цель нашего издания, с первоначала поставленная, была такова, чтобы предоставить себя по возможности в общественное распоряжение; чтобы в печатном органе слышался дей-

---

[1] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 1 марта // *СИ*. 1870. 2 марта. № 60. С. 1—2.

[2] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 12 мая // Там же. 1872. 13 мая. № 129. С. 1.

[3] *П—ский В.* <*Пелешевский В. Ф.*>. Причины неудобных налогов // Там же. 1874. 29 марта. № 87. С. 2.

ствительный общественный голос, а не мнение каких-нибудь литературных олигархов, поддельно выдаваемый за общественное. Полагаем, что самому правительству печатный орган окажет тем большую услугу, чем менее лукавя передаст ему выражения общественные. / Рано или поздно, это и будет. Теперешнее колебание самой печати и теперешняя строгость правительства суть переживаемые последствия прежнего, подцензурного времени <…> без жертв невозможно. Мы на сей раз в их числе».[1]

Первое запрещение розничной продажи — с 7 августа по 30 октября 1871 г. — последовало за публикацию в составе передовой статьи корреспонденции одного из читателей (булочника Г. Г. Урусова, активно сотрудничавшего с газетой и дружившего с Гиляровым) о холере в Москве и о мерах борьбы с нею,[2] с призывом помогать беспомощным и беспризорным, вместо того чтоб заказывать дорогие молебны с голосистыми иподиаконами. Во второй раз газета была так же наказана с 28 января по 20 октября 1872 г. за передовую статью, критикующую деятельность пореформенных судов с участием присяжных,[3] в третий — с 27 марта 1874 г. по 14 января 1875 г. — за перепечатку выдержек из статьи «Нового Времени» о русском самоуправлении,[4] за которую последняя газета была приостановлена. Гиляров, не считая эти кары справедливыми, неоднократно разъяснял свою позицию в передовых статьях и письмах в Главное управление по делам печати;[5] подавал прошения о прекращении действия кары.

Следующие два предостережения постигли газету в 1875 г.: первое (2 апреля) — за критику законодательного отделения Министерства юстиции в связи с новыми правилами для присяжных[6] и за обнародование скандальной истории ухода Е. А. Салиаса-де-Турнемира с поста редактора «С.-Петербургских

---

[1] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 21 мая // *СИ*. 1872. 22 мая. № 138. С. 1.

[2] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 31 июля // Там же. 1871. 1 авг. № 209. С. 2.

[3] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 16 января // Там же. 1872. 17 янв. № 16. С. 1.

[4] <*Без подписи*>. По очередным вопросам // Там же. 1874. 23 марта. № 81. С. 2.

[5] См.: *Гиляров-Платонов Н. П.* Письмо в Главное управление по делам печати от 4 февраля 1872 г. <о цензурных карах> / Публ. А. П. Дмитриева // *Гиляров: ИМБР*. С. 120—130.

[6] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 28 марта // *СИ*. 1875. 29 марта. № 87. С. 2.

Ведомостей»[1] и — второе (16 октября) — за корреспонденцию из городка Шенкурска, из которой следовало, что правительство игнорирует нужды этого отдаленного края.[2] Не дожидаясь третьей такой кары, Главное управление по делам печати *22 декабря 1876 г.* приостановило издание газеты *на две недели (*по Распоряжению от 16 июня 1873 г. — за обсуждение в печати вопросов *государственной важности): вменялось в вину* воспроизведение из газеты «Русский Мир» корреспонденций из Брест-Литовска и Варшавы об фортификационной деятельности в этих районах,[3] содержащих, с точки зрения Цензурного ведомства, сведения, представлявшие военную тайну. В результате хлопот друзей срок был сокращен наполовину и с января издание возобновилось.

Оба предостережения были сняты с «Современных Известий» (в числе 13 других газет и двух журналов) 16 декабря 1877 г. — в честь 100-летия со дня рождения Александра I и в связи с успехами России в Русско-турецкой войне.[4]

В продолжение этой войны — когда периодика читалась особенно интенсивно и могла приносить неплохой доход издателям — газета Гилярова была наказана троекратным запрещением розничной продажи за статьи по разнообразным вопросам: 1) о порочной политике синодальных властей по отношению к «протестующему» против нарушений канонов епископату[5] — с 9 по 24 февраля 1877 г.; 2) о злоупотреблениях при призыве на военную службу, выражающихся в подкупе врачей детьми богатых купцов (за обнародование городской молвы об этом городской голова С. М. Третьяков инициировал судебное преследование Гилярова),[6] — с 16 августа по 19 ноября 1877 г.; 3) о вреде толерантного отношения к побежденной Турции и за «избыток патриотизма», про-

---

[1] <*Без подписи*>. Из Петербурга. *26 марта* // *СИ*. 1875. 28 марта. № 86. С. 3.

[2] <*Без подписи*>. Из Шенкурска. *12 сентября* // Там же. 1875. 9 окт. № 278. С. 3.

[3] <*Без подписи*>. Оборонительные работы // Там же. 1876. 12 дек. № 342. С. 2; 13 дек. № 343. С. 2.

[4] См.: *Патрушева Н. Г.* Главное управление по делам печати и организация надзора за периодикой в 1865—1905 годах // Известия Смоленского гос. ун-та. 2010. № 4 (12). С. 274.

[5] <*Гиляров-Платонов Н. П.?*>. По поводу архиерейских перемещений // *СИ*. 1877. 31 янв. № 30. С. 2.

[6] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 6 августа // *СИ*. 1877. 7 авг. № 215. С. 2.

явившийся в «резких суждениях»[1] — с 17 января по 1 ноября 1878 г., продленным затем на полтора месяца — до 14 декабря — за балагурный фельетон о начальстве одной из московских гимназий, исключившем пять гимназисток «за любовь к туркам»,[2] — и очередным предупреждением (18 февраля 1878 г.) за высказывания опять же о взаимоотношениях России с Турцией, в связи с обнародованием «предварительных условий мира»,[3] а также о трениях с Румынией по поводу бессарабских территорий.[4] После запрета розницы с 31 января по 28 мая 1879 г. за статьи о недостатках солдатского быта,[5] а также о просчетах во внешней политике[6] долгое время на «Современные Известия» взысканий не налагалось.

Доходило до парадоксальных ситуаций. Например, за патриотическое, сочувственное к борьбе балканских народов против османского ига направление публикаций «Современных Известий» 15 марта 1877 г. сербское правительство наградило Гилярова Таковским крестом с формулировкой «За заслуги в войне против Турции».[7] И в то же время, как он писал Романову-Рцы (13 ноября 1886 г.): «Трудно поверить, но в самый *сенокосный* год для периодической печати, 1877 год меня наказали тысяч на тридцать двукратным запрещением розничной продажи, между прочим за протест против передачи Добруджи и вообще за неуместное патриотическое направление».[8]

В конце 1877 г. Гиляров оказался совсем уже в отчаянном положении, о чем сообщал начальнику Главного управления по делам печати В. В. Григорьеву: «Я понимаю, что Главному управлению нет нужды знать степень тяжести,

---

[1] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 11 января // Там же. 1878. 12 янв. № 11. С. 1—2.

[2] *Берендей* <*Сбруев П. А.*>. На лету // Там же. 1878. 11 окт. № 280. С. 1—2.

[3] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 28 января // Там же. 1878. 29 янв. № 28. С. 2.

[4] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 4 февраля // Там же. 1878. 5 февр. № 35. С. 2.

[5] *Не служащий*. Мысли об улучшении солдатской пищи // Там же. 1879. 28 янв. № 27. С. 3—4.

[6] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 25 февраля // Там же. 1879. 26 февр. № 56. С. 2.

[7] См. Свидетельство о награждении за № 3876 (ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 66. <№ 1>).

[8] *Письма к Рцы*. С. 280. *Добруджа* — историческая местность между нижним Дунаем и Черным морем, включающая дельту и возвышенности к югу от нее. По итогам Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Добруджа, входившая в состав болгарских земель, отошла от Турции к России, но последней Северная Добруджа была уступлена Румынии в обмен на часть Бессарабии.

испытываемой наказуемым; но вслед за приостановлением издания в начале 1877 года, обошедшимся моему карману в двадцать тысяч, последовавшими запрещениями розничной продажи, из которых вот уже третье постигает меня на одном году, я поставлен положительно на край, за которым нет исхода, кроме полной несостоятельности. <…> Простите за объяснения. Они вынуждены горечью положения <…>. Я прибавлю к ним лишь одно слово: почему для меня, и именно для меня и ни для кого, запрещение розничной продажи есть особенно тяжелый удар. Моя розничная продажа, то есть продажа в своей конторе, в сущности, очень незначительна; но целая *половина* всех моих подписчиков состоит из торговцев, подписывающихся заранее на большое число экземпляров и на длинные сроки, с целию отчасти, а может быть, и главным образом — продажи».[1]

Мотивы предостережений, полученных гиляровской газетой, самые разнообразные: «Крайне неприличные отзывы о таких предметах народного почитания, как обряды православного богослужения, высшие духовные учреждения и т<ому> под<обное>; постоянные отзывы и суждения, неумеренностью своей вовсе не соответствующие важности тех предметов, которых они касаются» (1870); «Возбуждение враждебных отношений низших классов общества к высшим» (1874); «Неоднократно замеченные крайне резкие и неуместные отзывы по разным предметам правительственного ведения» (1876). Или просто, без специальных уточнений: «Вредное направление» (1878).[2]

Любопытно, что параллельно Гиляров получал и совсем другие «предостережения», правда стилистически сходные. В его архиве, например, сохранилось послание от 10 июня 1879 г. некоего Брута (написанное «от имени Нового И<сполнительного> Р<еволюционного> Трибунала»), «любезно» уведомлявшего редактора «Современных Известий», что «за целый ряд статей, умышленно и заведомо ложно извращающих пропагандируемые социалистами мысли и идеи и

[1] Цит. по черновику, в котором фрагмент, начиная со слов «Я прибавлю к ним…», вычеркнут самим Гиляровым: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 519. Л. 1 об., 2.

[2] Цит. по: *Розенберг Вл., Якушкин В.* Русская печать и цензура в прошлом и настоящем: Статьи. М., 1905. С. 248.

вообще за бесчестное, подлое, лакейское и потому вредное направление» он будет «устранен».[1]

Хватало и других треволнений. Нередко Гилярова вызывали в суд в связи с разбором поданных на его газету жалоб.[2] Неоднократно ему доводилось претерпевать мучительные ситуации из-за сотрудников своей же редакции или типографских рабочих. Дважды его на большую сумму обворовывали конторщики, которым доверялась касса издания.[3] Однажды все 13 наборщиков и 2 метранпажа, свыкшиеся с ласковыми увещеваниями редактора по поводу их неявки и опаздывания на службу, пьянства и др. и вконец обнаглевшие, устроили стачку и сорвали выход газеты, так что Гилярову пришлось прибегнуть к защите властей.[4]

Конечно, популярность гиляровского издания не в последнюю очередь объяснялась тем, что он сумел привлечь в качестве постоянных сотрудников, пожалуй, самых хлестких московских фельетонистов своего времени — П. А. Сбруева (чиновника особых поручений при Секретном отделении обер-полицмейстера)[5] и Н. И. Пастухова. Но, безусловно, куда важнее была вообще живая актуальность и оригинальная подача всех газетных материалов, в жанровом отношении представлявших причудливое сочетание военно-политических прогнозов, очерков религиозно-общественной жизни и метких, нелицеприятных оценок правительственных нововведений со злободневными откликами на проблемы бытового характера, сводками скандальных происшествий и переводами модной иностранной беллетристики. В. А. Гиляровский

---

[1] ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 40. <№ 1>. Л. 1—1 об. Прежде всего здесь имеются в виду печатавшиеся в виде фельетонов очерки Ф. А. Гилярова, которые впоследствии были собраны в книгу «15 лет крамолы (4 апреля 1866 г. — 1 марта 1881 г.)» (М., 1883. Т. I, ч. I. <4>, XVI, 324, IV с.), подвергшуюся цензурному запрету.

[2] См., например: Процесс редактора-издателя «Современных Известий» г. Гилярова-Платонова // *МВед.* 1869. 31 янв. № 25. С. 3; *Плевако Ф. Н.* Дело Гилярова-Платонова и Дубенского, обв<иняемых> в диффамации // *Плевако Ф. Н.* Речи. 3-е изд. М., 1912. Т. I. С. 277—281.

[3] См. об этом: *Сковронская М.* За четверть века. № 1. С. 210—215; *Гиляров Н. Н.* Краткая история газеты «Современные Изв<естия>» / Публ. А. П. Дмитриева. С. 375—376; *Гиляровский В. А.* Москва газетная. С. 80.

[4] См. прошение Гилярова «Г. Мировому судье Александровского участка г. Холмскому» (1869?), опубл. нами: *Гиляров: ИМБР*. С. 333—335.

[5] Иногда он писал свою фамилию иначе: «Збруев». См. его мемуарный очерк о Гиляров: Воспоминания Берендея // Русское Слово. 1897. 13 окт. № 274. С. 2.

иронизировал: «Было время, когда “Современные Известия” были самой распространенной газетой в Москве и весьма своеобразной: с одной стороны, в них печатались политические статьи, а с другой, — они с таким же жаром врывались в общественную городскую жизнь и обывательщину. То громили “коварный Альбион”, то с неменьшим жаром обрушивались на бочки “отходников”, беспокоивших по ночам Никиту Петровича Гилярова-Платонова, жившего на углу Знаменки и Антипьевского переулка, в нижнем этаже, окнами на улицу».[1]

Впоследствии профессор Киевской духовной академии В. З. Завитневич, автор фундаментального исследования о Хомякове,[2] в частном письме к князю Шаховскому (от 10 ноября 1898 г.) провел интересную параллель между Гиляровым и Хомяковым, с одной стороны, и немецкими реформаторами Лютером и его сподвижником Меланхтоном — с другой. Он писал: «Хомяков и Гиляров — ягоды одного поля, но разных разновидностей; у Хомякова голова больше созидающая: он больше строит, чем разрушает; у Гилярова больше ум критический, отрицающий: он больше разрушает, нежели строит. Это Меланхтон и Лютер в нашей истории».[3]

Нравственно-психологические типы обозначены здесь довольно точно. Критический настрой ума, сосредоточенность на болезненных явлениях жизни, ее недостатках и нестроениях всегда были присущи Гилярову-мыслителю. Однако «разрушителем» он выглядит, пожалуй, только на фоне систематика Хомякова. Отрицание у Гилярова всегда, как это ни парадоксально, оказывается плодотворным и созидательным. Объясняется такое положение вещей полнотой христианского мирочувствия, свойственной ему: все его интеллектуальные интуиции определяются прежде всего живой верой. Ведь если твердо стоять на позициях глубоко осознанного религиозного идеала, то всякие несоответствия ему и отступления от него не только легко обнаруживаются, но и выглядят как такие помехи и препятствия, которые можно и должно устранять и преодолевать, причем говоря о них без утайки, во всеуслышание.

---

[1] *Гиляровский В. А.* Москва газетная. С. 78.

[2] *Завитневич В. З.* Алексей Степанович Хомяков. Киев, 1902—1913. Т. I—II.

[3] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 121. Л. 4—4 об.

Еще в 1859 г. в письме к ректору Казанской духовной академии архимандриту Иоанну (Соколову) Гиляров прямо писал об этом (вспоминая о своем удалении из Московской духовной академии): «…я пал от рук людей, не умевших понять, что нападать на злоупотребления — не значит идти против самой вещи, что вооружаться против частностей в исполнении — не значит опровергать самую идею. Напротив, тем яснее, тем и выше явится идея Церкви и ее значение для нашего общества, когда она стряхнет с себя разный сор, отвне к ней приставший и вовсе не составляющий существа ее».[1]

Во всяком случае, в позиции, которой придерживался Гиляров, можно видеть плодотворную альтернативу, если сопоставлять его со знаменитыми современниками, затрагивавшими в своем художественно-публицистическом творчестве сходные общественно-религиозные вопросы: Достоевским, К. Леонтьевым, Вл. Соловьевым, архимандритом Феодором (Бухаревым), Лесковым, Победоносцевым, Л. Толстым.

Тем не менее, многие суждения Гилярова выглядели — прежде всего на фоне довольно безмятежной (особенно в 1880-е гг.) духовной журналистики — парадоксально-заостренными; казалось, они нарушали некий неписаный этикет и потому будоражили общественное мнение, часто раздражали цензурное ведомство и синодальные власти. В их глазах он, кстати, мало чем отличался от едкого Лескова, критиковавшего церковные порядки в общем-то с позиций протестантского миропонимания. Победоносцев советовал Гилярову: «Смотрите за своей *иронией* и не доверяйтесь ей в коротеньких заметках. Так срывается иногда с языка неудобное слово… Имейте в виду, что люди надзирающие не знают *пропорции* и не умеют понять фразу *в связи с контекстом.* Этого от них не ожидайте и не спрашивайте. Они чувствуют только в том месте кожи, в которое их уколет».[2]

В одном из частных писем начальника Главного управления по делам печати Е. М. Феоктистова (к Т. И. Филиппову от 4 мая 1886 г.), в общем-то благо-

[1] Цит. по: *Кн. Н. В. Ш. <Шаховской Н. В.>*. Обстоятельства оставления Н. П. Гиляровым-Платоновым… С. 556.

[2] Цит. по: *Шаховской Н., кн.* Никита Петрович Гиляров-Платонов. С. LII.

желательно настроенного к Никите Петровичу лично, содержится резкая характеристика «Современных Известий»: «Меня всегда удивляло, что Н. П. Гиляров, человек недюжинный и по уму, и по образованию, помещает в своей газете, наряду с дельными статьями, невероятные мерзости. Небрезгливость его в этом отношении изумительна. <...> Наконец, беспрерывно появлялись в газете корреспонденции, в которых как бы умышленно духовенство изображалось в самом ненавистном свете».[1]

Т. И. Филиппов, человек, близкий по духу к Гилярову (кстати, назвавшему его в одном из писем «оптинским христианином»[2]), давал «Современным Известиям» совершенно противоположную оценку, куда как более справедливую и точную в свете исторической перспективы. Он писал Гилярову 16 апреля 1885 г.: «Кроме личного моего участия к Вам, я дорожу Вашим изданием как прибежищем пригнетенной истины в делах Церкви, которая из глубины потопляющих ее зол вопиет к нам о помощи, обязательной для чад во дни бедственных испытаний Матери».[3] Сходное мнение о «Современных Известиях» как о некоем маяке для русских церковных дел выражал в письме к Гилярову от 26 октября 1884 г. чиновник Министерства народного просвещения Н. Н. Новиков: «Будите же спящих и поощряйте бодрствующих между иерархами — чем сильнее и чем ярче, тем лучше: авось и спящие уразумеют что и как им делать, чтобы не спать. Пора поднять вопросы Церкви до подобающего им внимания в слепом и сонном большинстве общества, отравленного ложью и вздором интеллигенции. Дико же винить духовенство, когда все виноваты: оттого и шапка на Сеньке дырявая, что он Сенька».[4]

В московском обществе благодаря журналистской принципиальности и смелости Гилярова в это время зримо возросло его нравственное влияние на общегородские дела. 8 января 1881 г. он сообщал племяннику Федору Александро-

---

[1] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 713. Л. 15, 15 об.

[2] *РО*. 1896. Т. 42, дек. С. 997.

[3] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 713. Л. 8 об.—9.

[4] Письма к Н. П. Гилярову-Платонову о воспоминаниях «Из пережитого» и очерке «Экскурсии в русскую грамматику» (1884, 1886) / Публ. А. П. Дмитриева // *Гиляров: ИМБР*. С. 466.

вичу (своему соредактору по «Современным Известиям»): «…ко мне явилась депутация с просьбою баллотировать меня в головы; я ей почти дал согласие, я об этом предуведомил приятелей. Разумеется, Вы ничего этого не знаете и толкуете с Пороховщиковым и печатаете статьи по городским выборам, содержание которых может быть мне вредно. Сколько я узнал, Пороховщиков не имеет *ни малейших* шансов. Единственный кандидат интеллигенции — я. Вероятно, я завтра откажусь».[1]

Однако в 1880-е гг. дела у Гилярова пошли из рук вон плохо. В 1881 г. начали издаваться ежедневные газеты «Московский Листок» (редактор-издатель Н. И. Пастухов) и «Московский Телеграф» (редактор-издатель И. И. Родзевич; закрыт в 1883 г.), о которых Гиляров писал Романову-Рцы 13 ноября 1886 г.: «Разорению подвергся я *главным образом* от неожиданного разрешения двух уличных листков, которые, льстя грязным вкусам публики, сразу отняли у меня свыше сорока тысяч прихода; а на эту самую сумму я только что купил машин в типографию и бумажную фабрику *в кредит*».[2] Особенно же Гиляров обижался на бывшего своего сотрудника — 25 сентября 1882 г. он писал князю Шаховскому: «Дела мои стеснены: Пастухов отнял у меня 30 000 рублей, то есть подписчиков на эту сумму».[3]

Покупка дорогостоящих станков и целой писчебумажной фабрики также оказалась несвоевременной. Сначала, еще весной 1875 г., Гиляров приобрел в кредит скоропечатную машину завода Рихель за 3300 рублей.[4] Позже, 11 декабря 1878 г., он купил скоропечатную типографскую машину у фабриканта А. И. Штединга за 2345 рублей 33 копейки в кредит (на всю сумму были выписаны векселя).[5] Через год, 15 декабря 1879 г., приобрел в Конторе и депо машин в Москве «Ф. Иохим и К°» «локомобиль в шесть сил завода Марта-

---

[1] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 399. Л. 1. Выборам Гилярова в городские головы решительно воспротивился К. П. Победоносцев. См. об этом в разделе 2.1.

[2] *Письма к Рцы*. С. 280.

[3] *Переписка с Шаховским*. С. 70—71.

[4] ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 67. Л. 18—22 об.

[5] Там же. Л. 14.

ла», заплатив 1125 рублей наличными и на такую же сумму выдав векселя.[1] Все эти расходы не успели себя оправдать, да и проценты по кредитам оказались для Гилярова непосильными.

Писчебумажная фабрика была им куплена в 1873 г. у штабс-ротмистра Н. И. Шумова в с. Брынкове Рузского уезда Московской губ. за 50 тысяч рублей (15 тысяч внесено наличными, на остальные 35 оформлены векселя).[2] Протоиерей П. А. Преображенский отмечал в своем некрологе Гилярову: «…очень неудачным предприятием покойного было приобретение писчебумажной фабрики в Рузском уезде, которая поглотила много средств, а давала лишь убытки и продана за долги».[3] Объяснялось это прежде всего тем, что неопытного Гилярова, можно сказать, мошеннически склонили к приобретению заведомо убыточной фабрики.[4] Однако, делая эту покупку, увлекающийся Никита Петрович строил планы на будущее братство журналистов и издателей: он надеялся к содержанию фабрики привлечь Скворцова, Суворина,[5] Бартенева[6] и других знакомых редакторов, чтобы максимально удешевить бумагу и сделать русские газеты независимыми от прихоти капиталиста-барышника. Но никто его не поддержал.

Добавлялись переживания личного свойства. С февраля 1868 г. корректором газеты, а впоследствии — переводчиком иностранных телеграмм и составителем политических обозрений, по рекомендации сослуживца Гилярова В. Е. Румянцева, стала 28-летняя вдова губернского секретаря Мария Саверьевна (Каверцовна) Сковронская (во втором замужестве Богуславская; 1840 — после 1904). Это была высокообразованная женщина, с весьма смелыми современными

---

[1] Там же. Л. 17.

[2] См. Свидетельство о покупке фабрики от 12 июля 1873 г. и ее Опись (Там же. Ед. хр. 66).

[3] *ПО.* 1887. Т. III, окт. С. 396.

[4] См.: *Гиляров Н. Н.* Краткая история газеты «Современные Изв<естия>» / Публ. А. П. Дмитриева. С. 375.

[5] См. письма Гилярова к Суворину от 27 апреля 1873 г. и 16 февраля 1877 г. (РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 915. Л. 2—3 об., 6—7 об.).

[6] О. Н. Балашева рассказывала князю Шаховскому 10 апреля 1893 г.: «Бартенев сам попался на проек<т>ерстве и обольстительн<ой> речи Гилярова-Платонова о выгоде изделия бумаги из еловых игол, что он по собственной инициативе производил на своей фабрике. Бартенев законтрактовал Гилярову и пострадал на этом деле: бумага вышла отвратительная, и Б<артенев> потерпел убыток» (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 49. Л. 19—19 об.).

взглядами, однако, по описанию О. Н. Балашевой, сотрудницы «Русского Архива», «очень беспорядочная, с коротко обстриженными волосами, в костюме неглиже».[1] К тому времени семейная жизнь Гилярова совсем разладилась. По свидетельству той же Балашевой, в 1856 г. «после последнего ребенка у Веры Алексеевны Гиляровой молоко бросилось в голову и она была очень больна. Доктора, исследовав болезнь ее, решили, что она больше детей не должна иметь, и вследствие этого *запрещено было ей быть на деле женой Гилярова* — отсюда связь Гилярова со Сковронской состоялась отчасти не без ведома и согласия самой Веры Алексеевны».[2] По словам Анны Гальперсон, «шаг за шагом она <Сковронская> “не ради себя, а, напротив, принося в жертву собственные интересы, истощая собственные силы ради человека, которого дух парит высоко над землей”, забрала в свои руки не только хозяйство газеты и типографии, но и домашнее, поучая Веру Алек<сеевну>, указывая ей, как должно поступать и как бы для примера лишь действуя самолично».[3] Гиляров безгранично доверял Сковронской, которая стала для него не только любимой женщиной, но и товарищем, советчиком, единомышленником. 15 октября 1874 г. он даже составил духовное завещание, которым объявлял ее своей наследницей, а жену устранял,[4] и стал жить со Сковронской отдельно от своей семьи. Стала ли она Гилярову любовницей, неизвестно. А. М. Гальперсон близко знавшая обоих, в этом сомневалась. Она писала: «Со стороны подобные отношения могли быть объясняемы только в смысле сожития. Сков<ронская>, чтобы укрепить свое положение (это одно внушает мысль, что ей лично было оно выгодно), не стесняясь, предо всеми называла себя любовницей Никиты Петровича. Он об этом не знал, но знали все близкие: трудно было устоять от искушения, чтобы не верить этому. Я допускаю, что с течением времени это стало фактом, хотя опять-таки никаких данных

[1] Там же. Л. 18 об.
[2] Там же. Л. 51.
[3] *Гиляров: ИМБР*. С. 483—484.
[4] См. его копию, выполненную князем Шаховским: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 47. Л. 116—128.

нет для этого и у меня, но думаю, что если это и было, то явилось результатом привычки, а отнюдь не наоборот».[1]

Эта связь принесла Гилярову много горя. Вскоре оказалось, что эмансипированная Сковронская была одновременно любовницей и его младшего сына Алексея (причем уже с 1870 г.), а также сотрудника редакции, студента университета К. Ф. Экземплярского.[2] Когда весной 1877 г. дело дошло до выяснения отношений и Сковронская была вынуждена оставить редакцию, то в отместку она 25 ноября подала прокурору донос, обвиняя Гилярова в беззаконном присвоении денежных сумм, присланных читателями газеты «на славян», то есть на помощь правительству в Русско-турецкой войне. 4 декабря 1877 г. было начато производством уголовное дело «О статском советнике Н. П. Гиляровe-Платонове, обвиняемом в растрате сумм, пожертвованных на славян».[3]

Сковронская передала следствию уличавшие Гилярова его откровенные записки и письма, адресованные ей, поэтому, несмотря на защиту друзей — протоиерея И. Н. Александровского, И. С. Аксакова, генерала М. Г. Черняева и др., — дело принимало угрожающий оборот, а в допросах свидетелей всплывали унизительные подробности интимной жизни. К. П. Победоносцев, по просьбе Гилярова и Аксакова из Петербурга посылавший в Москву запрос об этом деле, считал его юридически уникальным и не подпадавшим под категорию уголовного преступления.[4] Кроме того, друзья Гилярова не без оснований подозревали злонамеренную пристрастность ряда лиц из прокурорского надзора по отношению к последнему — в отместку за статьи в его газете, задевающие судебное ведомство. В раздувании дела были заинтересованы также отдельные чиновники, деятельность которых в разное время затрагивалась в «Современных Известиях».

---

[1] *Гиляров: ИМБР*. С. 485.

[2] См. об этом в письме князя Шаховского к Победоносцеву от 17 января 1997 г.: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 75. Л. 11.

[3] См. подробно: Документы следственного дела по доносу М. С. Сковронской о растрате сумм, пожертвованных на славян (1877—1879) / Публ. А. П. Дмитриева // *Гиляров: ИМБР*. С. 336—428.

[4] См., например, письмо Н. А. Манасеина к Победоносцеву от 27 декабря 1877 г. (Там же. С. 408—411).

Оно было закрыто только через два с лишним года, 10 января 1880 г., по личному распоряжению московского генерал-губернатора князя В. А. Долгорукова, покровительствовавшего Гилярову.[1] О том, что вынес он в эти два года, дает представление письмо Ф. А. Гилярова к князю Шаховскому от 9 февраля 1894 г., в котором тот упоминает о Сковронской: «Горячо любя покойного, я долго и тяжко страдал через ее донос. *Не раз отговаривал я Н<икиту> П<етрови>ча от самоубийства.* Раз даже отнял у него револьвер».[2]

С 1881 г., после трагедии 1 марта, цензурные претензии к политическим газетам были ужесточены. Гиляров уже серьезно думает о прекращении «Современных Известий». Но пока пробует последнее, как ему кажется, средство удержаться на плаву. 25 сентября 1882 г. он пишет князю Шаховскому, служившему в тот период чиновником особых поручений при министре внутренних дел: «…я желал бы издавать *еженедельную иллюстрированную газету,* вроде “Нивы”, но с национальным направлением. Иллюстрированные издания идут шибко, но все они а) или одушевлены одною барышническою целию и больше ничем, или б) потворствуют развратным нравам, а то и еще хуже — прямо революционерам. <…> Иллюстрация есть великое воспитательное средство. Подумайте одно: у “Нивы” 75 000 подписчиков; да и на все иллюстрации бросаются жадно. Что же касается до меня, то новое издание или поддержало бы “Современные Известия”, или облегчило бы, по крайней мере, их ликвидацию, чего я теперь не могу совершить без разорения».[3]

10 января 1883 г. увидел свет первый номер еженедельника «Радуга».[4] Попытка Гилярова привлечь к участию в нем знаменитых литераторов[1] не увенча-

---

[1] См. об этом в письме сына Гилярова, Алексея, к князю Шаховскому от середины сентября 1893 г. (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 112. Л. 3—3 об.).

[2] Там же. Ед. хр. 756. Л. 6 об.

[3] *Переписка с Шаховским*. С. 71.

[4] См. цензурное дело «По изданию г. Гиляровым-Платоновым в Москве журнала, под названием “Радуга”» (РГИА. Ф. 776. Оп. 8. Д. 156. 70 л.). Этот период отразился в интенсивной переписке 1883 г. с журналисткой и переводчицей А. М. Гальперсон: «Да, много Вы моей души занимаете»: Письма Н. П. Гилярова-Платонова к А. М. Гальперсон / Публ. А. П. Дмитриева // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007—2008 годы. СПб., 2010. С. 171—251.

лась успехом (у него не было возможности платить достойные гонорары). В журнале печатались только писатели второго ряда — В. А. Гиляровский, Д. С. Дмитриев, А. В. Круглов, Д. А. Мансфельд и др. Гиляров, не считая передовиц, опубликовал здесь интереснейшее философско-лингвистическое эссе «Экскурсии в русскую грамматику»,[2] где, по словам Б. Ф. Егорова, «развивая идеи К. Аксакова и предвещая будущую концепцию Сепира-Уорфа, рассматривал грамматический строй языка в связи с национальным менталитетом (если употребить современный нам термин)».[3]

Однако надежды на хорошую подписку не оправдались, еженедельник приносил убытки. В последнем номере за 1883 г. Гиляров, прощаясь с читателями, напоминал об идейной миссии своего журнала в эпоху общественных неурядиц: «“Радуга” зачата с целию удовлетворения потребности <…> пойти с площади в семью, с политической арены в храм муз. Мы хотели представить издание, в котором бы отец и мать, сын и дочь — каждый нашли бы свое».[4] Уже с нового, 1884 г. «Радугу» издавал Л. М. Метцль, а редактировал Д. А. Мансфельд.[5]

В это время положение Гилярова становилось все безысходней. По его просьбе генерал-губернатор князь В. А. Долгоруков 18 января 1884 г. обратился к министру внутренних дел с просьбой посодействовать Гилярову в предоставлении ему кредита на льготных условиях из Государственного банка.[6] В залог шли писчебумажная фабрика и дача в Петровском-Разумовском.[1]

---

[1] См., например, письмо Гилярова к Я. П. Полонскому (декабрь 1882 г.): ИРЛИ. Сигн. 12017. Л. 1.

[2] Радуга. 1883. № 7. 22 февр. С. 142—144; № 22. 5 июня. С. 498, 500, 502; № 25. 26 июня. С. 564, 567—568; № 28. 17 июля. С. 636—638. Подпись: *Н. Г—в.*

[3] *Егоров Б. Ф.* Н. П. Гиляров-Платонов как эстетик и литературный критик. С. 289.

[4] *<Гиляров-Платонов Н. П.>*. К читателям // Радуга. 1883. № 48. С. 1087—1088.

[5] В литературе о Гилярове, в том числе справочной, ошибочно утверждается, что и в 1884 г. он продолжал издание «Радуги». См., например: *Языков Д. Д.* Обзор жизни и трудов покойных русских писателей. М., 1893. Вып. 7: Русские писатели, умершие в 1887 году. С. 20; *Осьмакова Н. И.* Гиляров-Платонов Никита Петрович // Русские писатели, 1800—1917: Биографич. словарь. М., 1989. Т. 1. С. 562.

[6] Это письмо князя Долгорукова частично опубликовано: *Шаховской Н., кн.* Никита Петрович Гиляров-Платонов. С. LV—LVI.

Однако в этом спасительном кредите Гилярову было отказано, и вскоре он лишился почти всей своей недвижимости. Романову-Рцы Гиляров писал 13 ноября 1886 г.: «Да, у меня было состояние свыше двухсот тысяч, и все пошло прахом; имущество распродано с аукциона по 5 к<опеек> за рубль».[2] Особенно болезненной оказалась потеря дачи в Петровском-Разумовском. А. М. Гальперсон рассказывала в некрологе: «Фабрика была продана; он не опечалился. Продана и типография; его это мало тронуло. Но когда с публичного торга за бесценок в чужие руки перешла его дача, в которой каждое бревно было положено по его указанию, в которой каждое деревцо посажено было собственными руками, в которой целые рощи выросли под его нежным попечением, в которой под собственным наблюдением его устроена была образцовая пасека, которая давала ему ягоды клубники, называвшиеся в продаже *гиляровскими,* потому что подобных им не было, которая, наконец, в течение двадцати с лишком лет служила ему единственной утехой, — тут только возроптал бедный „каторжник, прикованный к тачке“, но ненадолго».[3]

Князь Шаховской описал последнее жилище Гилярова: «Он уже не мог оставаться в прежней большой и удобной квартире, а переселился в меблированные комнаты, против Румянцевского музея, где занимал крошечное помещение. Там целые дни безвыходно проводил он, не сходя с постели, иногда одетый в шубу. Стоявшая рядом с постелью керосиновая печка нагревала комнату, в которой двоим повернуться было негде».[4]

В 1884 г. Гиляров было совсем решился прекратить издание «Современных Известий» и заготовил объяснительное обращение к подписчикам, в котором перед ними исповедовался: «Виноват, может быть, я. Виноват в том, что не продавал своего пера никому — ни сильному, ни богатому; не подслуживался ко

---

[1] Дачный участок Гиляров приобрел к северо-западу от Москвы «по Ивановскому шоссе к Петровскому-Разумовскому» (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 519. Л. 1) 1 января 1868 г. — в «оброчное содержание» — у Хозяйственного комитета Петровской земледельческой и лесной академии. Это была «полоса земли в двести двенадцать квадратных сажен» с ежегодной оплатой в 4 рубля 24 копейки (ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 66). Позже здесь был возведен дом.

[2] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 649. Л. 52.

[3] <*Гальперсон А. М.*>. Москва, 20 октября. С. 1.

[4] *Шаховской Н., кн.* Никита Петрович Гиляров-Платонов. С. LVIII.

власть имеющим; не закрепощал себя ни одному из литературных кружков; не плыл по течению общественного разврата в разных его видах; не льстил страстям и поверхностным увлечениям; не заглушал высших интересов; напротив, служил им неизменно по силе разумения, но я этого не вменяю <себе> в вину».[1]

И. Аксаков откликнулся на известие Гилярова о предполагаемом закрытии его газеты теплым письмом (от 21 марта 1884 г.), в котором призывал друга вернуться к серьезной научно-литературной работе: «Ваша репутация, Ваше имя только выиграют, как скоро появятся Ваши писания в более серьезной форме, как скоро Вы перестанете себя разменивать на мелкую монету и явитесь тем, что Вы есть, — крупной, ценной, веской монетой. Жаль, конечно, газеты, где 18 лет сряду раздавалось всегда умное, оригинальное и всегда искреннее, честное слово, всегда независимое, газеты одного знамени с моими изданиями, но никогда не мог я заглушить в себе чувства досады, что бисер этот сыплется даром, понапрасну и теряется в этой более или менее неприглядной обстановке… А все-таки прекращение “Современных Известий” — в известном смысле наше общее поражение и является скверным симптомом современного состояния русского общества».[2]

В том, что Гиляров все-таки продолжал издавать свою газету до последних дней жизни и сравнительно легко перенес жестокие удары судьбы, сыпавшиеся в тот период отовсюду, была немаловажная заслуга его помощницы Анны Михайловны Гальперсон. Она сумела не только заменить Ф. А. Гилярова, в 1878—1883 гг. помогавшего дяде в качестве соредактора, но стала по-настоящему родным и близким ему человеком.

---

[1] Цит. по: Там же. С. LVI. Это обращение (точнее, набросок передовой статьи) сохранилось в виде рукописной копии, выполненной князем Шаховским, в его архиве: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 277. Л. 1—5. Начинается словами: «Тяжко вымолвить, но должно: “Современные Известия” приостанавливаются на некоторое время». Князь Шаховской датировал объявление Гилярова концом 1884 г. ввиду предполагаемого прекращения издания с января 1885 г., но не исключено, что этот текст был составлен уже в марте 1884 г.

[2] *Аксаков в письмах.* Т. III. С. 441.

Родом из бедной еврейской семьи,[1] она в 1875 г., по окончании женской гимназии, в возрасте 19 лет приехала из Херсона в Петербург и, по протекции Сковронской, вместе с сестрой Бертой была взята в типографию «Современных Известий» корректором.[2] Сближение Гилярова с нею произошло уже после ее замужества, в октябре 1882 г.,[3] и вскоре Анна Михайловна, блестяще образованная,[4] свободно владевшая пятью европейскими языками, стала совершенно незаменима в редакции: правила поступавшие рукописи, составляла политические обозрения, писала замечательные театральные рецензии, переводила немало беллетристики с французского, немецкого, английского; в отсутствие Гилярова выпускала номера газеты. Впрочем, их связь окрашивалась безысходным драматизмом — и из-за возрастной разницы в 34 года, и по причине общественного неприятия: и у Гилярова, и у Гальперсон были свои дети и законные супруги, которые, конечно, знали все, но мирились с этой мучительной ситуацией; многие друзья и знакомые осуждали Гилярова.[5]

С. Ф. Шарапов точно охарактеризовал суть их взаимоотношений: «Эта необычайная и глубоко-бескорыстная преданность и личности, и делу обусловливалась сознанием Анны Михайловны, что перед нею не простой газетный издатель, а великий *неопознанный гений,* совершенно одинокий не только среди толпы, но и в кругу своих ближних, своей семьи. Она одна поняла это своим чутким сердцем и ясным умом и решила стать около этого гения и чернорабочим, и другом, и сестрою милосердия. С своей стороны Гиляров сразу и безоши-

---

[1] Об этом Гальперсон упоминает в письме к Романову-Рцы от 10 марта 1888 г.: «…детство мое и юность протекли в такой нужде, что никаких привычек ни к какому комфорту не могло и создаться» (ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 44б. <№ 5>. Л. 3).

[2] См. распоряжение Гилярова (январь 1876 г.) управляющему типографией с упоминанием сестер Эпштейн (девичья фамилия Анны Гальперсон): Там же. Ед. хр. 65. <№ 14>. Л. 1 об.

[3] См. письмо Гальперсон к Гилярову об условиях ее сотрудничества в редакции от 19 октября 1882 г.: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 606.

[4] По свидетельству С. Ф. Шарапова, Гальперсон «была хорошо подготовлена по философии и богословию и знала политическую историю истекшего XIX века, как редко кто из дипломатов» (*Шарапов С.* Неопознанный гений: Памяти Никиты Петровича Гилярова-Платонова: Ст., заметки, письма и выдержки. М., 1903. С. 99).

[5] Близкий семье Гилярова (с 1867 г.) фольклорист Е. В. Барсов осенью 1893 г. в беседе с князем Шаховским дал своему другу даже такую характеристику: «Он не имел этич<еской> веры, но имел широкое стройное мировоззрение» (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 49. Л. 55).

бочно оценил в Анне Михайловне не только преданного друга и поклонницу, но именно сестру милосердия своего огромного таланта, неумолимого критика своих недостатков, помощницу в труде тем более требовательную, чем выше ценила она бессмертные труды Никиты Петровича».[1]

Не случайно самые пронзительные из исповедальных писем Гилярова последних лет (а он, испытывая в 1880-е гг. сильную потребность высказаться, найти родственную душу, адресовал их Победоносцеву, князю Шаховскому, Романову-Рцы) обращены именно к Гальперсон. Так, 4 апреля 1883 г. он писал ей: «…Вы даже отдаленным образом не можете представить всей бездны душевного и духовного одиночества, в котором я обретаюсь. Мне разделить себя не с кем, не с кем, не с кем. Я, как выражался Вам некогда, каторжанин, прикованный к тачке, которую вынужден тащить для кого, для чего? <…> я нравственный урод, сшившийся не по мерке ни времени, ни среде, и в том же смысле лишнее существо. Мое существование есть какое-то недоразумение, и мне жить в обществе собственно не подобало бы. Я из него и бегу, как Вы видите, сторонюсь его. Мне следовало бы быть пустынником, монахом, беседовать с книгами, с Богом, работать отчасти физически, отчасти духовно. В последнем смысле сделал бы я довольно, и каковы бы ни показались современникам мои труды, я утешен был бы мыслию, что потрудился, что долг свой исполнил».[2]

Во многом благодаря попечениям и советам Анны Михайловны Гиляров, в последние пять лет своей жизни как бы обретший второе дыхание, занялся, помимо текущей газетной работы, написанием мемуаров, а также философско-публицистических и исторических очерков.

Поначалу он надеялся на сотрудничество с благополучным суворинским «Новым Временем», предполагал даже переехать в Петербург. Романову-Рцы 13 ноября 1886 г. Гиляров писал об этом: «Разоренный дотла, приготовившись по-

---

[1] *Шарапов С.* Неопознанный гений. С. 96—97.

[2] «Да, много Вы моей души занимаете»: Письма Н. П. Гилярова-Платонова к А. М. Гальперсон. С. 241.

шабашить, я обратился к Суворину с письмом, предлагая свои услуги.[1] Он отвечал по-видимому лестным письмом, гласившим: “Верить не хочу, чтобы решились Вы идти из попов во диаконы”, но на этом лестном основании, в сущности, отказывал и он мне в работе».[2] Суворин, впрочем, оговаривался, что ему нужны московские корреспонденты, и предлагал следующие условия: «Если вопрос идет “о постоянном приеме Ваших статей”, то никаких разговоров и недоразумений быть не может. Я буду платить 10 коп. за строку и стану помещать Вас, что бы Вы ни прислали». И далее: «…я превосходно сознаю, что Ваше слово веско, что Ваша мысль всегда оригинальна, часто глубока».[3] Вместе с тем Суворин намекал на свое неприятие идейной позиции Гилярова: «…Ваше слово веско и талантливо, но в эдакое затишье что значит слово, направленное в узкие рамки, откуда возьмется необходимый позыв, когда все там мирно почивает?»[4]

Гиляров отвечал, что суворинское письмо позволило ему пережить «те самые чувства, которые испытывает оставшийся за штатом офицер, когда просит дать ему хоть место дворника и получает отказ».[5]

В последние два года жизни Гилярова его дела неожиданно стали налаживаться. 9 апреля 1885 г. он писал князю Шаховскому: «…время для газеты теперь самое горячее: интерес в публике пробудился».[6] Он даже приобрел новую дачу — в подмосковном Черкизове, название которого не могло не напоминать об одноименном коломенском селе, его родовом гнезде.

И это несмотря на продолжавшиеся цензурные гонения. С 8 по 22 апреля 1885 г. газета была приостановлена за корреспонденцию из Грузии,[7] в которой сочувственно изображался семинарист С. В. Джибладзе (впоследствии известный меньшевик-ликвидатор, наставник молодого Сталина), доведенный до отчаяния своим ректором протоиереем П. И. Чудецким и избивший его (назначенная

---

[1] См. письма А. С. Суворина: от 20 февраля 1884 г. и недатированное: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 700. Л. 6—7 об.

[2] *Письма к Рцы*. С. 281.

[3] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 700. Л. 6, 6 об.

[4] Там же. Л. 7 об.

[5] РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 915. Л. 13.

[6] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 502. Л. 11 об.

[7] *К. К.* Из Тифлиса // *СИ*. 1885. 2 апр. № 88. С. 1.

газете Гилярова месячная кара была сокращена вдвое благодаря заступничеству Т. И. Филиппова).

Теперь газета, по закону от 27 августа 1882 г., как издание «возобновленное после временной приостановки», должна была каждый номер представлять в цензуру не позднее 23 часов накануне выхода в свет, из-за чего терялась оперативность в освещении событий (после 23 часов никакие материалы не могли попасть в номер) и издание как бы вновь подчинялось предварительной цензуре.[1]

На две недели в 1884 г. (с 10 по 24 марта), а также на разные сроки в 1886 г. (с 8 апреля по 5 июля) и в 1887 г. (с 19 мая до прекращения издания 14 октября) запрещалась продажа газеты в розницу. В первый раз — за воскресные фельетоны под названием «Между делом. Картинки общественной жизни» (особенно в № 54 и 61), которые, по отзыву Московского цензурного комитета, «имеют характер обличительный, касаются не только общественной, но и политической жизни России, и, главное, по тону своему бывают иногда крайне резки и даже грубы».[2]

Интересно, что Совет не предлагал в данном случае никак наказывать газету, а высказался за предупреждение редактору, что в будущем его «издание подвергнется строгому административному взысканию».[3] Министр же граф Д. А. Толстой, прочитав протоколы, поставил на верхнем поле свою резолюцию: «Исполнить, с запрещением розничной продажи “Современных Известий”. 10 марта».[4]

Во второй раз (в 1886 г.) газета была наказана за сатирический рассказ о незадачливом священнике, попадающем в разные неблаговидные передряги,[5] — что больно ударяло по бюджету издания.

---

[1] См.: *Патрушева Н. Г.* Главное управление по делам печати… С. 275.

[2] Заседание Совета Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел № 3 от 6 марта 1884 г. // РГИА. Ф. 776. Оп. 2. Д. 24. Л. 28 об.

[3] Там же. Л. 30 об.

[4] Там же. Л. 28.

[5] *Трын-трава.* Проклятая кобыла // *СИ*. 1886. 2 апр. № 90. С. 1—2.

1.9. Последние замыслы. Н. П. Гиляров-Платонов как лингвист и историк Русской церкви

Изматывающая поденная работа в газете практически не давала Гилярову возможности воплотить какие бы то ни было более серьезные и обширные издательские замыслы, хотя в его окружении неоднократно слышались сетования по этому поводу. К примеру, С. А. Юрьев делился с Ф. А. Гиляровым в недатированной записке (очевидно, отправленной адресату в период 1878—1883 гг., когда последний был соредактором газеты «Современные Известия»): «Кланяюсь до земли Никите Петровичу за превосходную статью об отношениях между славянами. Такое тут обилие мысли, что могло бы им развиться в книгу, а вот канет в бездну №№ газет, эту бездну, поглотившую такое множество хороших вещей».[1]

Вместе с тем друзья и единомышленники Гилярова не переставали надеяться, что он возьмет да и выпустит в свет какой-нибудь «курс богословия», который не только станет новым словом в духовно-академической науке, но и будет иметь выход в литургийную практику и содействовать оздоровлению церковно-общественной жизни в целом. Подобные идеи, способные возродить русское богословие и вырвать его из тисков старой схоластической школы, Никита Петрович то и дело высказывал походя, по случайным поводам, обычно в кругу близких по духу людей.

Об этом же писал Победоносцеву И. Аксаков 16 марта 1885 г.: «Посещал меня во время болезни Никита Гиляров и как-то один вечер прелестно излагал мне внутренний строй церковного богослужения, — целый курс, значение всех кондаков, тропарей, их внутреннюю необходимость, органическую связь. Удивительно даровитый человек! Заслушаешься. По его словам, это требовало бы целой кафедры. Тогда бы богослужение, теперь окристаллизовавшись, представляющее теперь б<ольшею> ч<астью> интерес архаический, получило бы живой и животворящий смысл. Этого человека следовало бы, прежде всего, высечь; по-

[1] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 786. Л. 14—14 об.

том освободить от долгов, вырвать из московской среды <...>, запретить ему газетную деятельность и пристегнуть к твоей канцелярии: пусть пишет курсы богословия и проч. и проч.».[1]

Интересно, что на заре научно-литературной деятельности Гилярова (предположительно, в конце 1850-х гг.) с теми же призывами обращался к нему М. П. Погодин, заочно предлагавший министру народного просвещения заставить Гилярова «написать историю русского раскола». В недатированной записке Погодин восхищался, описывая свои впечатления от беседы с Гиляровым: «Все выслушанное мною поутру не выходило у меня из головы целый вечер, — это так глубоко, проницательно, остроумно, что именно хочется потаскать русского человека, закапывающего в землю не один, а десять талантов. Это стыдно вам и грешно! Вы хотите говорить, и не напишете, а это нужно написать в назидание не только русских, но и европейское. Если лень так обуяла вас, что сами писать вы не можете, то зачем не заведете вы у себя секретаря, писаря, которому диктовать гораздо легче. <…> Умный министр просвещения не дал бы вам так валяться на боку. Он нашел бы средство заставить вас работать. Впрочем, я видел в редакции ваши корректуры, которые требуют больше работы, чем положение своих ясных мыслей на бумагу. Повторяю: стыдно вам и грешно. вам непременно следует написать историю русского раскола».[2]

Но ни эта «история», ни «курсы богословия» так и не были написаны, как и не завершены упоминавшийся выше труд по политэкономии [3] и лингвистическое исследование о русском глаголе.

Подобно тому как в молодости (в первой половине 1850-х гг.) Гиляров предпринял создание огромного свода церковных законоположений,[4] начиная с 1870-х гг. Гиляров задумал большой просветительский проект, и эта мысль не покидала его до конца жизни. 15 ноября 1886 г. он писал Романову-Рцы: «Итак,

---

[1] Там же. Ед. хр. 580. Л. 3—3 об.

[2] Материалы для биографии Н. П. Гилярова-Платонова // *РО.* 1896. Т. 42, дек. С. 995.

[3] См. современное исследование об актуальности экономических идей Гилярова: *Караваев А. В*. Богатство — собственность — капитал: (К современному осмыслению экономического наследия Гилярова-Платонова) // *Возвращение*. С. 167—175.

[4] См. об этом в разделе 1.5.

о чем же бы я стал писать? Излагать курс философии, истории, богословия, политической экономии? Писать целую энциклопедию? Да ведь не станет на это не только тех коротких лет, которые мне остались, но и долгой жизни. <…> Знаете ли? Я задумывал издавать *энциклопедию*, энциклопедию на манер знаменитой XVIII века, для того чтобы переверить все науки с *восточной*, если можно так высказаться, точки зрения. В сущности, все науки за исключением математики разве (да и то не совсем) переполнены *пред*рассудками, заранее, без оснований поставленными мнениями. И это в науках даже самых положительных. Вот и была моя мечта: при некоторой универсальности моей взяться, в качестве главного редактора, за переработку всех наук с новой voraussetzlosen[1] точки зрения. Газета дала мне тогда возможность купить бумажную фабрику; Юрьев предлагал взять в верховное ведение его “Беседу”. Я расчел, что буду обладать достаточным фондом, чтобы набрать сотрудников, раздать им работу и руководить их изысканиями, свободными от всякого давления авторитетов».[2] О том же проекте Гиляров намекал в письме к К. П. Победоносцеву от 16 сентября 1873 г.: «…я мог бы усилить персонал редакции; было бы время пообдумывать тщательнее занятия, заняться вопросами более серьезными. А затем… почему не мечтать? Я мечтаю, что с типографиею и бумажною фабрикою я могу начать солидное учено-литературное предприятие (точнее — ученое), в котором давно нуждается Русь и об идее которого я когда-нибудь Вам скажу».[3] Этот грандиозный план взглянуть на все события и явления человеческой цивилизации с православно-русской точки зрения, если б удалось его воплотить в жизнь, пожалуй, и стал бы главным делом жизни Гилярова, его вкладом не только в русскую культуру, но и мировую; именно к такому многотрудному, эпохальной важности труду он и имел призвание судя по его дарованиям.[4]

---

[1] Возможно, неверно прочитанное слово (письмо сохранилось только в копии) и должно быть: voraussetzungslos — предварительной (*нем.*).

[2] *Письма к Рцы*. С. 288.

[3] *Разумевающие верой*. С. 144.

[4] И. Ф. Романов-Рцы в своем рассказе «Покрывало обмана» (1900) одному из центральных персонажей придал черты Гилярова и развернул этот замысел учителя: «Последним великим делом великого человека был в высшей степени плодотворный замысел издать колос-

О лингвистическом же исследовании, начатом еще в конце 1850-х гг. и столь же обширном по замыслу, Гиляров сообщал Л. Н. Майкову в письме от 21 мая 1887 г.: «…я вот что предпринял и совершил: собрал *все* глаголы, употребительные в живой речи; проспрягал их во *всех* доступных каждому формах и сочетаниях и затем путем, если можно так выразиться, статистическим сделал выводы, точнее сказать — подвел итоги. Таким образом получились законы, определяющие спряжение, видообразование и значение каждых форм».[1] При всем разностороннем универсализме Гилярова его занятия языковедением, которым он в течение тридцати лет отдавал все свои досуги, были, пожалуй, наиболее сильной его душевной потребностью. Причем он признавался, что это его увлечение лишь средство к познанию отечественной ментальности, ибо его «только в той мере и занимают разыскания в области языка, пока они знакомят с душой народа, со складом его ума и его умственною историей».[2]

Полагая, что «русский язык еще не потерял творчества, и творчества непосредственного <…>»,[3] мыслитель видел в нем особую духовную реальность, наделенную исторической памятью, глубоким нравственным содержанием («совестью») и созидательным бытием («творящей этимологией»). Об этом он подробно высказывался в своих вышеупомянутых «Экскурсиях в русскую грамма-

---

сальную энциклопедию, как бы в противовес трудам знаменитых энциклопедистов XVIII века. Предполагалось все проблемы духа и жизни, все великие вопросы религии, философии, политики, истории пересмотреть заново; предполагалось отбросить все неверное, устранить все сомнительное и, остановившись на несомненном, самое это несомненное пропустить сквозь призму чисто русского, отечественного сознания… Любовь и смерть, Ницше и Мальтус, эстетика и Крупп, Вселенские соборы и капитал — все, все должно было пройти через это горнило русской совести, русской мысли, русского чувства… Намечены были магистральные линии великого пути…» (1900 год в неизвестной переписке, статьях, рассказах и юморесках Василия Розанова, Ивана Романова-Рцы и Петра Перцова / Сост. А. П. Дмитриева; Вступ. ст., подгот. текстов и коммент. А. П. Дмитриева и Д. А. Федорова. СПб.: Родник, 2014. С. 465—466).

[1] ИРЛИ. Ф. 166. Оп. 3. Ед. хр. 338. Л. 2 об.—3.

[2] *Г—в Н.* <*Н. П. Гиляров-Платонов*>. Экскурсии в русскую грамматику. <М., 1883>. С. 21.

[3] Там же. С. 22.

тику» (1883) и фундаментальном исследовании о русском глаголе (1858—1887), так и оставшемся неопубликованным.[1]

К сожалению, местонахождение рукописи этого последнего труда нам неизвестно (в архивном фонде Гилярова в ИРЛИ РАН сохранились лишь некоторые черновые наброски[2]), но судить о нем можно из переписки с Гротом 1884—1885 гг.,[3] а также из письма Гилярова к Ф. Е. Коршу (впоследствии академику) — первому филологу, к которому он обратился, подытоживая сделанное, — 25 декабря 1883 г., за полтора года до начала «лингвистической» переписки с Гротом.

Гиляров сообщал Коршу: «Труд мой, к которому я прибегаю во время отдыха, по виду неважный. Я занимаюсь русским глаголом, взяв притом русский язык в его живом употреблении, с намерением забыв, выкинув из головы, отправив все готовые объяснения грамматик и лексиконов, все готовые объяснения, сравнительные и исторические. Словом, <хочу> выяснить законы русского глагола из него самого, а затем уже обратиться к внешним данным. Глагол в русском языке есть почти всё, и притом он с виду прихотлив. Понятно, что разработка его потребовала громадного труда: довольно сказать, что я проспрягал все глаголы во всех формах и со всеми сочетаниями приставок. Метод мой был чисто статистический; коробка наполнена этими спряжениями».[4] Вместе с тем он пояснял, что его оригинальный подход, требовавший «ради чистоты эксперимента» отрешиться от традиционных грамматик (структура которых, по его убеждению, соответствовала больше немецкому языку, а для русского оказывалась прокрустовым ложем), все же не только был чужд дилетантства, но и являлся новым словом в лингвистике: «Я отрешился от сравнительной и исторической грамматики, но все-таки я ни в той, ни в другой не невежда же, и некоторые вы-

---

[1] См.: *Шелкова И. А*. Лингвистические труды Н. П. Гилярова-Платонова // *Возвращение*. С. 73—78; *Безлепкин Н. И.* Философия языка в России: К истории русской лингвофилософии. 2-е изд., доп. СПб., 2002. С. 179—186.

[2] См.: ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 27, 60.

[3] Опубл. нами: *Дмитриев А. П.* Н. П. Гиляров-Платонов как лингвист в его переписке с Я. К. Гротом по проблемам русской орфографии (1869—1886) // *Гиляров: ИМБР*. С. 437—465.

[4] Письмо Н. П. Гилярова-Платонова // *Н. А. Баскаков, Ник. А. Баскаков.* Академик Ф. Е. Корш в письмах современников. М.: Наука, 1989. С. 36.

воды, к которым я пришел, поражают меня. <…> Годы уходят, времени мало. Тем не менее или, пожалуй, именно потому хотелось бы перебросить словом с человеком, подобным Вам, с ученым, способным понять и оценить мою задачу. В частности, Вы, может быть, дали бы мне даже совет, как повести мне дело, не остановиться ли, не довольствоваться ли тем, что сделано, и, не гонясь за окончательной систематизацией, поделиться с публикой теми выводами по крайней мере, которые уже добыты».[1]

Судя по всему, едва начавшийся диалог с Коршем не имел продолжения, и Гиляров впоследствии делился своими языковедческими наблюдениями в письмах к Гроту. Тонкие наблюдения редактора «Современных Известий» в области аспектологии, этимологии и акцентологии глагола, а также его дельные суждения по некоторым «спорным» вопросам правописания подвигли Грота на внесение поправок в его знаменитое руководство «Русское правописание» (СПб., 1885). Оборвалась эта эпистолярная беседа, очевидно, именно от того, что Гиляров предвидел еще в письме к Коршу — его заподозрили в недостаточной опоре на достижения сравнительного и исторического языкознания того времени, если не прямо в невежестве. Он объяснялся в письме к Гроту от 17 марта 1885 г., отмежевываясь прежде всего от того, будто бы он следует путем К. С. Аксакова и развивает его идеи: «Я вполне знаю, многоуважаемый Яков Карлович, что многое в моих объяснениях должно Вам казаться более остроумным, чем основательным. Это неизбежно; только в полной системе получают мои объяснения полный свой вид. Задумывая свой труд, я имел в виду противопоставить его обоим видам *сочиненных* грамматик: 1) тому, который от Смотрицкого через Ломоносова дошел до Буслаева, исходившему из общей, сравнительной и исторической (псевдоисторической) грамматики; и 2) тому направлению, которое сказалось в Аксакове и <Н. П.> Некрасове, основавшись на *вдохновении* и *догадке*, как выразился я в своем введении. Вдохновение, догадку — в сторону. Должны быть собраны данные, и притом все, и расклассифицированы. Это я и сделал.

[1] Там же.

Надеюсь, труд это небывалый. Выводы получились оригинальные, правда; но я в этом не виноват».[1]

За полтора года до своей кончины, в письме к племяннику Н. Д. Тихобразову от 23 февраля 1886 г., Гиляров вспомнит эту переписку с Гротом вот по какому поводу. Тихобразов призывал дядю издать труд о глаголе, обратившись за поддержкой к академикам Гроту и Буслаеву. Тот отвечал, что пока все еще не решил вопрос о жанровой структуре созданной им «громады»: «Ведь это будет не то грамматика глагола, не то словарь, не то исследование <…> я имел терпение записать не только все глаголы, но *все формы*, в каких каждый допускает употребление. А так как в русском языке (и это одна из его особенностей) нет резкой грани между глаголом и прочими частями речи, то пришлось перебрать все слова, соприкасающиеся с глаголами, не только существительные с наречиями, но союзы с предлогами и междометиями. (Сличи *ахать* = *ах* или *падать* = *под*.) Все это пришлось разобрать, расквалифицировать, и притом не только с точки зрения начертания, но выговора, в котором еще существеннейшее значение принадлежит *ударению*. Последнее — совсем нетронутая область, игнорированная исследователями, отнесшимися к русскому языку, как иностранец, немец, например, к немецкому. Тогда как русский представляет явление единственное в своем роде: из всех цивилизованных он есть единственный не деланный, не искусственный, естественный».[2]

И далее: «Вы пишете о Гроте и Буслаеве. Они оба трудолюбцы, но оба бездарны, вот их несчастие. Забавно признание Буслаева в предисловии к одной из грамматик, что де до меня грамматики писались на ложном основании, сперва по приему *Готшеда*, а потом *Аделунга*. Он не досказал: а я де буду следовать *Гримму*. Увы, благодаря этому ложному приему, вот уже полстолетия русский язык пребывает в хаотическом состоянии и законы его не выяснены. Ложность приема не в том заключается, что Аделунг устарел, а в том, что и Аделунг, и Гримм имели в виду материал, качественно совсем другой. Между прочим линг-

[1] *Гиляров: ИМБР*. С. 461.
[2] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 485. Л. 1—2.

вистика для Европы есть своего рода археологическая наука, ибо язык уже перестал жить. Отсюда пошли разборы мифов, древних песен, быта (древнего); образовалась так называемая “историческая” грамматика на основании *записанных* остатков; к новейшему языку обращаются с приемом, с каким к ассирийским надписям или иероглифам. И понятно, делать-то нечего; немецкий язык есть язык Лютеровой Библии, французский — Французской Академии. Законодательство языка идет сверху, внизу он не живет и не творит. Этот-то прием приложен к русскому, и отсюда неразумное правило: “об авторитете писателей”. Русскому языку учили (и учат) по писателям. Но писатели-то и требуют поверки. Где-то Буслаев (и даже не раз) сказал, приведя выписку из какого-то писателя: “но это противно *гению* языка”. А ведь в этом-то весь вопрос: объясни этот *гений*. Объяснить его и следует не по писателям, а по живому употреблению; а для этого нужно взять *весь материал*, обращающийся в народе, и *все формы*, как они ни причудливы кажутся, перебрать и сличить, и уже вывести законы».[1]

Конечно, в таких умозаключениях, превозносящих родной язык на фоне всех других, легко усмотреть крайности славянофильского мировоззрения. Гиляров, однако, был уверен: «…со временем мои выводы все-таки лягут в основание науки. Ибо отпереться будет невозможно: выводы сопровождены исследованием, а исследование сопровождено таблицами, и притом не примерными, а, напротив, *полным списком* речений в разбираемой форме, какие только открываются в языке».[2] При этом он снова сетует на своего бывшего корреспондента-академика: «Грот бездарен. По поводу своего “Правописания” он входил со мной в переписку, спрашивал отзывов и советов. Общий отзыв был тот <…> что *нерешительно*. Советы я давал; некоторые он принял, некоторые нет, — последние потому, что не понял. И не удивительно, потому что точка зрения другая, и на мою он не может подняться, да и мне объяснять ему было бы долго. Например, на вопрос, когда в так называемом многократном *о* на *а* не переменяется, я отвечал, что у меня есть на это полный ответ и что между прочим зависит это от

[1] Там же. Л. 2—3.
[2] Там же. С. 3.

возраста глагола. Я привел пример: Вы не можете сказать *приохачивался*, хотя совершенно естественно *расхачивал*. Понятие о *возрасте* и значении его выведено у меня из данных, которых я не мог же передать постороннему ученому, и Грот остался с недоумением».[1]

То, что никак не получалось найти общий язык именно с языковедами, особенно огорчало Гилярова. Он писал Тихобразову: «Но Вы вот что примите во внимание (почему я о Гроте и заговорил). Свои “Экскурсии” Гроту я послал; когда они вышли (еще третьим годом), как и другим ученым. Ну, что же? От некоторых я получил чрезвычайно лестные отзывы, но не от Грота и вообще не от специалистов русского языка и лингвистики. А Гроту между тем я писал еще, что “Экскурсии” есть труд *попутный*, только малое, в форме популярной, извлечение из большого исследования, сущность которого и даже объем я ему объяснил. И что ж. Ничего. А объяснил-то я ему ввиду того, что он есть председательствующий во II Отделении Академии; надеялся я, что он заинтересуется и, может быть, предоставил бы мне тогда печатать свое исследование в Записках II Отделения. Ни слова! <…> труд мой может не увидать света и по издержкам, которых потребует. Когда я был со средствами, меня это не беспокоило. А теперь прихожу к предположению, что, вероятнее всего, “Глаголы” и до смерти моей останутся неизданными (а жить-то уж и недолго). А после смерти и тем более; да и что будет вообще тогда с моими рукописями?»[2]

Гиляров как в воду глядел. Когда в январе 1896 г. князь Н. В. Шаховской предложил часть труда о глаголе (предположительно — введение к нему) для публикации в сборнике Общества любителей российской словесности «Почин», он получил от председателя Общества Н. И. Стороженко неутешительный ответ: «Данную Вами мне статью покойного Гилярова-Платонова по русской грамматике я передал на рассмотрение специалиста-филолога <В. Ф.> Миллера, который нашел, что она так слаба, что не может быть помещена в “Почине”. По его словам, Н<икита> П<етрович> принадлежал к филологии вроде К. Аксакова и

[1] Там же. С. 3—4.
[2] Там же. Л. 4—5.

Хомякова, которые отрицали сравнительную филологию, не имели понятия об исторической грамматике р<усского> языка и думали возместить эти пробелы своими собственными остроумными гипотезами».[1]

Впрочем, если в будущем труд Гилярова будет найден и обнародован, не исключено, что он может быть оценен иначе и его неприятие специалистами XIX в. объяснится тем, что он опередил свое время. Ведь позиция Гилярова очень интересна. Она не только предвосхищает синхронию XX в., но идет дальше, туда, куда русисты, в отличие от исследователей индейских языков, еще и не забредали. Это — исследование системы языка с особым интересом к словообразованию (деривации), причем в отвлечении от его истории и родственных связей. Семантика трактуется на основе представлений и ассоциаций образованного носителя языка, при этом уравниваются в правах реальные и народные этимологии, если носитель ощущает живую семантическую связь. Грота такой подход не мог не ужасать, поскольку ему слишком бросались в глаза моменты дилетантства Гилярова, которые, конечно, были неизбежны. Тем не менее изучить его лингвистические опыты сегодня было бы интересно — однако пока имеется немного материала для их реконструкции… Первые серьезные попытки в этом направлении сделал современный лингвист Н. И. Безлепкин, констатирующий, что гиляровская «философия языка — это, прежде всего, самосознание языка о своей природе, содержании и своем назначении как формы бытия духа народа»,[2] но он исследовал только «Экскурсии в русскую грамматику».

Кроме того, в 1884—1885 гг. предоставили страницы своих изданий для публикации гиляровских сочинений, не предназначенных для столбцов ежедневной газеты, М. Н. Катков, в «Русском Вестнике» которого были почти полностью напечатаны «автобиографические воспоминания» «Из прожитого» (первый вариант названия), и И. С. Аксаков, давший в «Руси» мемуарный очерк «Урезанный документ» и небольшие циклы историософских статей «Откуда ни-

[1] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 170. Л. 7—7 об.

[2] *Безлепкин Н. И.* Язык в контексте развития русской религиозной метафизики // *Безлепкин Н. И.* Философия языка в России: К истории русской лингвофилософии. 2-е изд., доп. СПб., 2002. С. 186.

гилизм?»[1] и «Логика раскола»,[2] оказавшиеся незавершенными. Первые из названных «писем», как определял сам Гиляров их жанр, были откликом на очерк Н. Я. Данилевского «Происхождение нашего нигилизма»[3] и вызвали плодотворную полемику.[4] Аксаков так оценивал вступительное «письмо»: «Ваша статейка — это [брю<ссельские>] алансонские тончайшие кружева, и как Вы хотите, чтоб я этой многоценной тончайшей кружевной работе мысли, к которой не знаю человека способнее Вас (и которая совершенно непригодна для тем практических), не дал места?» — и предлагал: «А если Вы напишете хоть десять писем, тем лучше».[5] Однако Гиляров ограничился лишь двумя «письмами».[6] О втором цикле Гиляров писал Романову-Рцы 15 ноября 1886 г.: «Если Вы читали в “Руси” “Логику раскола”, это есть сокращенная по памяти выдержка из моего учения о вероисповеданиях, из его введения».[7]

В конце 1886 г. — начале 1887 г. Гиляров словно бы на одном дыхании написал историко-публицистическую книгу о положении Русской церкви и в 1887 г. в Лейпциге издал ее отдельной брошюрой под названием «Нечто о Русской церкви в обер-прокурорство К. П. Победоносцева. Вып. I: Нечто о Российской церкви в настоящее время» (под криптонимом «Р. С. Т.», т. е. «Рцы Слово Твердо»), с довольно резкой критикой как внутреннего положения Церкви в Синодальный период вообще, так и ее состояния в 1880-е гг. и, особенно, ее отношения к внешнеполитической деятельности правительства. Композиция книги довольно рыхлая, мысль автора по вдохновению переходит от одной темы к другой, и создается впечатление, что составлена она без какого-либо плана и

---

[1] *Гиляров-Платонов <Н. П.>*. Откуда нигилизм? // Русь. 1884. 15 дек. № 24. С. 13—26.

[2] *Гиляров-Платонов Н.* Логика раскола: Письма И. С. Аксакову // Там же. 1885. 17 авг. № 7. С. 15—17; 24 авг. № 8. С. 8—10; 7 сент. № 10. С. 10—14. Неоконченное «Письмо IV», найденное в архиве Гилярова после его смерти, впервые опубликовано князем Шаховским: *РО*. 1895. Т. 35, окт. С. 228—235.

[3] Русь. 1884. 15 нояб. № 22. С. 12—22.

[4] *Толстой К. К.* Все о том же: (По поводу статей гг. Данилевского и Гилярова-Платонова о нигилизме) // *РД*. 1887. 25 апр. № 4. С. 2—4.

[5] *Аксаков в письмах*. Т. III. С. 444, 446. Уточнено по автографу: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 13. Л. 30.

[6] Гиляров писал И. Аксакову: «Получил письмо от Шеншина (Фета) с выражением чрезвычайного одобрения моим письмам…» (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 564. Л. 1).

[7] *Письма к Рцы*. С. 287.

по большей части из «непроходных» передовых статей. Поводом, безусловно, не могла не послужить личная обида на Победоносцева — и за двухнедельную приостановку газеты в апреле 1885 г. (см. о ней ниже), и за отказ посодействовать получению финансовой помощи от мецената Ю. С. Нечаева-Мальцева в 1886 г.,[1] и за упорное нежелание отдать должное принципиальной позиции Гиляров-публициста по многим вопросам веры и церкви. Однако куда важнее было стремление выполнить свой гражданский долг. Откровенные частные письма Гиляров вызывали у Победоносцева только раздражение, а правдивые публикации в его газете — еще более интенсивные эмоциональные реакции.

20 августа 1887 г. Гиляров писал своему другу, видному чиновнику Министерства народного просвещения И. П. Корнилову: «Мое ходатайство за сохранение чести Успенского собора возбудило также ярость моего друга и вызвало колкие письма от него ко мне. А на днях конфиденциальным внушением из Главного управления по делам печати передано мне замечание обер-прокурора Св. Синода, что газета моя якобы позволяет себе оскорбительные отзывы о духовных сановниках и противодействует миссионерству! Вы удивляетесь? Меня это не только удивляет, но бесит. Я сбирался писать Победоносцеву, уличить его в недобросовестной оценке; но раздумал. Раздумал именно по случаю кандидатуры моей в “Московские Ведомости”. Только раздражишь еще более этого слепца, не разбирающего, где враги и где друзья Церкви. Тем не менее в духовно-учебных заведениях моя газета подвергается проскрипции. К газетам и журналам с полунигилистическим содержанием, к газетам-буфам, опереточного и грязного содержания, относятся снисходительно, а “Современные Известия” преследуются. Вот и пойдите!»[2] В этих условиях, считая, что ему необходимо быть услышанным, Гиляров обратился к вольной заграничной печати. Помог ему в этом близкий к нему в те годы Н. Н. Дурново, газета которого «Восток», также преследовавшаяся синодальными властями во главе с Победоносцевым, 31 января 1886 г. завершила свое существование. Книга Гилярова стала первой в

[1] См.: Там же. С. 20, 237.
[2] РНБ. Ф. 377. Ед. хр. 592. Л. 5 об.—6.

издаваемой Дурново серии «Нечто о Русской церкви в обер-прокурорство К. П. Победоносцева» (в 1887—1889 гг. вышли выпуски 1, 2 и 4).

Следует упомянуть и о таких источниках сочинения Гилярова, послуживших толчком к его созданию, как книга С. И. Ширского «Чего надо желать для нашей Церкви», составленная под редакцией Н. В. Елагина (СПб.: Тип. Т-ва «Обществ. польза», 1882—1885. Вып. I—II), и ежегодные Всеподданнейшие доклады Победоносцева по Ведомству православного вероисповедания, которые стали мишенью нелицеприятной критики Гилярова.

Возникает вопрос: почему Гиляров решил воспользоваться услугами вольной, неподцензурной печати, казалось бы делавшей книгу малодоступной широкому читателю в России и, следовательно, ставившей крест на ее судьбе? Думается, во-первых, у Гилярова не было сомнения, что до главного адресата, Победоносцева, книга обязательно дойдет. Именно достучаться до него и ставил своей первоочередной задачей автор. И тот, по всей видимости, стал внимательным читателем книги Гилярова сразу после ее выхода в свет, что, безусловно, не улучшило взаимоотношений бывших друзей. Тем не менее, после кончины Гилярова целый ряд его рекомендаций, особенно по новому территориальному устроению отдельных епархий, был воплощен в жизнь (они отмечены нами в комментариях к переизданию книги в 2011 г. в сборнике «Разумевающие верой»). Косвенным свидетельством этого знакомства Победоносцева с книгой Гилярова служат, на наш взгляд, воспоминания богослова Е. А. Лебедевой о ее отце, близком друге Победоносцева: «…отец мой свободно шел к К<онстантину> П<етрови>чу со всяким нужным делом, с просьбою, ходатайством, даже разоблачением иных злоупотреблений, про которые приходилось узнавать, и К<онстантин> П<етрович> тоже обращался к нему по разным поводам и с поручениями. Так, помню, он прислал ему на просмотр один заграничный памфлет на наше церковное устройство».[1] Если допустить, что это была книга Гилярова, то, вероятнее всего, протоиерей А. А. Лебедев, крупный специалист в

[1] *Лебедева Е.* Воспоминания о протоиерее Александре Алексеевиче Лебедеве // *БВ*. 1916. Т. III, окт./дек. С. 198.

области сравнительного богословия и преданный ученик такого православного мыслителя, как А. М. Бухарев (архимандрит Феодор), должен был бы во многом поддержать Гилярова.

Во-вторых, как это ни парадоксально, именно запрещенные, изданные за границей книги подчас быстрее находили заинтересованного читателя в России, нежели даже легально прошедшие через цензурные рогатки. Об этом, кстати, писал Гиляров в одной из своих поздних передовых статей, где высказывался за отмену института иностранной цензуры. Он свидетельствовал: «На каждой толкучке, среди книжного хлама, продаваемого букинистами, найдете непременно и такие, которые значатся в числе “безусловно запрещенных” <…> несмотря на цензуру, каждый желающий все-таки может приобрести, по крайней мере прочитать, любую, хотя бы наизапрещенную книгу, употребив лишь несколько более обыкновенного усилие».[1]

Следует отметить, что историк С. И. Алексеева в своих работах хотя и упоминает, что библиографы РНБ считают «предполагаемым автором» книги Гилярова, однако без каких-либо серьезных оснований и даже пояснений приписывает ее авторство Н. Н. Дурново.[2] Не говоря уже о типичных для Гилярова особенностях слововыражения, в книге немало мест, автором которых Дурново (несмотря на известную близость его церковно-общественных взглядов и гиляровских), конечно же, не мог быть. Гиляров, например, настойчиво пишет вовсе не о чаемом Дурново возрождении института патриаршества (исторический феномен которого он, однако, ценил высоко), а о соборах архиереев, ими же и избранных, как о наиболее желательной властной силы для Церкви. Едва ли к тому же Дурново стал бы на все лады хвалить свою газету «Восток» в книге,[3] будь он ее автором, и брать себе известный криптоним Гилярова «Р. С. Т.», тогда как в других вышедших в свет выпусках этой издательской серии (№ 2 и 4) свое ав-

---

[1] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 22 октября // *СИ*. 1880. 23 окт. № 293. С. 2.

[2] См.: *Алексеева С. И.* Святейший Синод в системе высших и центральных государственных учреждений пореформенной России 1856—1904 гг. 2-е изд., стереотип. СПб.: Наука, 2006. С. 24, 122, 123.

[3] См.: *Разумевающие верой*. С. 330—334.

торство он обозначил инициалами «Н. Д.». Аргументы можно без труда умножить.

1.10. Проект аренды «Московских Ведомостей». Кончина и погребение (август — октябрь 1887 г.)

Как упоминалось в процитированном выше письме Гилярова к Корнилову, после смерти Каткова он надеялся стать арендатором «Московских Ведомостей», имевших меньший тираж, чем «Современные Известия», но обеспеченных обязательными казенными объявлениями, которые давали значительный доход издателю. В этих планах его горячо поддерживали друзья и многие читатели, не видевшие более достойного претендента из числа журналистов-консерваторов. 28 августа — 3 сентября и 8—13 октября 1887 г. Гиляров совершил две недельные поездки в Петербург, чтобы заручиться поддержкой влиятельных знакомых; в этих хлопотах ему оказывали содействие князь В. А. Долгоруков, Т. И. Филиппов, Ф. П. Еленев и др. Наиболее последовательно поддерживал кандидатуру Гилярова И. П. Корнилов. К нему тот и обратился сразу после кончины М. Н. Каткова, 27 июля 1887 г.: «Вот, мы схоронили Каткова; кто будет ему преемником? Разумею преемничество не влияния государственного, а преемничество по изданию “Московских Ведомостей”. <…> Помимо общего интереса, в этом деле есть и мой личный. *Многие* советуют *мне* искать “Московских Ведомостей”, и я бы не прочь; надеюсь, что не уроню их. <…> В какой мере все это верно и в какой мере могло бы *мое* искательство надеяться на успех?»[1] Корнилов обнадеживал приятеля: его письмо к Гилярову от 18 августа содержит восторженную оценку как мемуаров «Из пережитого», так и его публицистической деятельности в целом: «Великую и ответственную службу пред Богом и народом служите редакторо<м> большого периодического издания. Как рулевой или кормчий дает направление кораблю, — так и редактор газеты дает направление многим тысячам умов, послушных его слову и мыслям. Вполне со-

[1] РНБ. Ф. 377. Ед. хр. 592. Л. 1—2.

чувствую Вашему русскому и православному направлению и желаю от души успеха Вашей одушевленной любовию к России пропаганде».[1]

В ответ (в письме от 20 августа) Гиляров высказывал свой принципиальный взгляд на роль в общественной жизни редактора крупной общенациональной газеты: «Да, Ваша великая правда, многоуважаемый Иван Петрович, о великом значении, какое предоставлено редактору большого периодического издания. Семь лет назад, когда меня вызвали в Петербург для обсуждения предпола<га>вшихся изменений в законах о книгопечатании, я в разговорах с Лорис-Меликовым сказал: ничего не нужно, кроме одного, — нравственный и умственный ценз от редакторов. От мирового судьи, который судит пьяных баб и район власти которого простирается на десятки верст, требуется образовательный ценз. Кафедра, с которой преподается наука, вручается только лицам высокого образовательного ценза. А трибуна, с которой гласят миллионам, на нее вскакивает любой. Будь определен требуемый мною ценз (между прочим, он должен состоять в предшествующей литературной деятельности, которая свидетельствовала бы о знаниях, направлении, опытности), похерьте тогда весь цензурный устав; он не нужен. Серьезных людей не бойтесь, какого бы они ни были направления; страшны верхогляды, которые тем более страстны, чем менее вникали в дело, и тем более опасны, чем менее поднимаются над толпой и ее вкусами и похотями».[2]

Однако в глазах высших властей сложилась вполне определенная репутация Гилярова как не слишком удобного редактора, чересчур независимого для столь авторитетного органа печати, имевшего при прежнем редакторе немалое государственное значение. Чтобы «Московские Ведомости» стали трибуной для независимого и в будущем, возможно, весьма влиятельного слова публициста-философа, — конечно же, это показалось властям неудобным.

Ему в конце концов предпочли рептильного С. А. Петровского, скорее ловкого администратора, нежели серьезного публициста и человека глубоких

[1] Там же. Ед. хр. 347. Л. 1—1 об.
[2] Там же. Ед. хр. 592. Л. 4—4 об.

убеждений.[1] И хотя это решение было только предварительным и Гиляров мог надеяться на его изменение в свою пользу, удар оказался слишком тяжелым…

Письма, которые Гиляров ежедневно посылал на имя Анны Гальперсон из последних своих петербургских поездок, представляют собой в полном смысле слова «эпистолярный дневник», причем написанный для самого родного человека. Отсюда живой, непринужденный стиль этих писем и необыкновенная нежность, которой они дышат. Если бы не необходимость буквально по часам и минутам расписывать свои дни, давать скрупулезный отчет обо всех своих делах, встречах, разговорах — поэтому, сделав отступление и возвращаясь к перечню поденных событий, Гиляров помечает: «Продолжаю свой Дневник»,[2] — то его письма к Гальперсон можно было бы назвать эпистолярным аналогом «Денисьевского цикла» Тютчева с его признанием: «О как на склоне наших дней / Нежней мы любим и суеверней…» Значительная возрастная разница, поначалу смущавшая Гилярова,[3] постепенно отошла на задний план. И его любовные излияния в этих петербургских письмах, возникающие подобно музыкальному контрапункту: «Пойди сюда ко мне», «А что ни шаг, то вспоминаю об Ане <…>», «Я желал бы встретиться с тобою так, чтобы броситься к тебе с простертыми руками, обнять тебя, расцеловать, расцеловать все твое тело сверху донизу <…>»[4] и т. д. — полны молодого восторга.

Именно Анна Михайловна настояла на этих поездках, достала на них денег. Они с Гиляровым небезосновательно надеялись, что получение в аренду

---

[1] См. подробнее об этих событиях: *Гиляров-Платонов Н. П.* Письма к А. М. Гальперсон: <Эпистолярный дневник 1887 года> / Публ. А. П. Дмитриева // *Из пережитого*. Т. 2. С. 220—247, 497—539; *Дмитриев А. П.* Как один московский коломенец заблудился в петербургской Коломне (случай с Н. П. Гиляровым-Платоновым) // Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. СПб., 2007. Вып. 14. С. 142—156; *Юшко А. Г.* За кулисами публицистики: (Власти и «Московские Ведомости» в 1887 г. по смерти М. Н. Каткова) // *Гиляров: ИМБР*. С. 153—181.

[2] *Из пережитого*. Т. 2. С. 231.

[3] В одном из писем (от 10 января 1883 г.) Гиляров писал ей: «Дитя! Я не полагал, что Вы еще до того дитя. Нет, напротив, я именно и полагаю, что Вы дитя, хотя у Вас уже есть дети. А я дед». И тут же жаловался: «Грустно только, что не обзавелся ни детьми, ни внучатами, ни братьями и сестрами (разумею в духовном, сердечном смысле)» («Да, много Вы моей души занимаете»: Письма Н. П. Гилярова-Платонова к А. М. Гальперсон. С. 191).

[4] *Из пережитого*. Т. 2. С. 226, 236.

«Московских Ведомостей» решит раз и навсегда финансовые проблемы, в которых безнадежно увязало издание «Современных Известий». Можно будет посвятить досуг серьезным научно-литературным трудам, собрать разбросанные по газетам и журналам многочисленные статьи и, приведя их в систему, выпустить собрание сочинений.

Конечно, поездки в Петербург с ежедневными хождениями по квартирам знакомых и по кабинетам чиновников, от которых могло зависеть решение о передаче в аренду «Московских Ведомостей», для пожилого Гилярова были и физически нелегки, и нравственно мучительны. Даже встречи с друзьями (Т. И. Филипповым, И. П. Корниловым, Ф. П. Еленевым, Л. Н. Майковым, В. К. Саблером, протоиереем П. А. Смирновым и др.) не приносили особой радости, так как те имели возможность влиять на будущее решение — если не напрямую, то через свои связи, — и это сковывало общение, не позволяло Гилярову выйти из роли просителя, обивающего пороги в хлопотах о своих делах. Ситуация осложнялась тем обстоятельством, что чиновники, благосклонность которых была бы более важна, оказывались либо явными врагами (граф Д. А. Толстой, Н. А. Манасеин), либо бывшими приятелями (К. П. Победоносцев, граф И. Д. Делянов, Е. М. Феоктистов), которые, однако, по разным причинам не желали, чтобы Гиляров стал преемником Каткова.

Возникает образ бездушного, холодного, хотя и удивительного по красоте города. Характерна гиляровская оговорка: «…у меня, никогда не уважавшего Петербург».[1] Противопоставление чужого, официозного Петербурга родной и домашней Москве проходит через всю переписку с Гальперсон. Гиляров с некоторой брезгливостью отмечает: «В Петербурге полная анархия и царство личных эгоизмов», «Ну, скажи, Аня, нельзя с ума сойти в этом столпотворении Вавилонском?», «Разве так в Петербурге делается, чтобы в одно заседание порешено было?»[2] Но особенно любопытен эпизод, — выглядящий, кстати, как некий художественный или мистический символ, — когда Гиляров, будто в заколдованном

[1] *Из пережитого*. Т. 2. С. 221.
[2] *Из пережитого*. Т. 2. С. 221, 233, 245.

лесу, больше часа блуждал в районе питерской Коломны, ходил кругами и не мог найти правильной дороги в гостиницу: «Понадеялся, что знаю Петербург. Пошел; шел, шел, поворачивал туда, поворачивал сюда (по соображению); шел ни мало, ни много — три четверти часа и пришел к тому же почти месту, откуда вышел <...>»[1] и т. д.

Гиляров главным образом надеялся на содействие влиятельного Победоносцева, предполагал при личной встрече переубедить его и настроить в свою пользу, однако тот, не желая, чтобы Гиляров стал преемником Каткова, оставался неколебим в своем внутреннем решении всячески противодействовать этому назначению (напомним, что начиная с 1881 г. Победоносцев то и дело требовал от Главного управления по делам печати наказать «Современные Известия» за ту или иную публикацию). Свидетельство об их последнем свидании оставил в своем дневнике князь Н. В. Шаховской после беседы с М. Г. Черняевым, состоявшейся 24 апреля 1893 г.: «Далее Черняев, стоявший во время последнего приезда Н<икиты> П<етровича> в Петербурге осенью 1887 г. рядом с ним в гостинице “Бельвю”, припоминает, что Н<икита> П<етрович> приехал к нему страшно взволнованный и убитый после разговора с К<онстантином> П<етровичем>, который на него будто накричал и отказал в поддержке».[2] Видимо, повлияла на такое недипломатичное поведение Победоносцева по отношению к робкому просителю дорожная усталость — он только что сошел с поезда, вернувшись из Москвы, и Гиляров, вероятно, стал одним из первых его посетителей в тот день.[3]

Возможно, дополнительным поводом для ссоры стала упоминавшаяся выше книга Гилярова «Нечто о Русской церкви в обер-прокурорство К. П. Победоносцева» (Лейпциг, 1887), в которой содержались прямые нападки на сановного друга; например, сообщалось, что 1 мая 1886 г. Победоносцев хо-

---

[1] *Из пережитого*. Т. 2. С. 230.

[2] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 49. Л. 27.

[3] См.: «Вчера вернулся в Петербург из поездки в Москву обер-прокурор Св. Синода, действ<ительный> тайн<ый> сов<етник> К. П. Победоносцев» (*СПбВед*. 1887. 14 окт. № 283. С. 2).

датайствовал о награждении протоиерея храма Христа Спасителя о. Алексия Соколова митрою — так как дом Победоносцева в Хлебном переулке десяток лет был в его приходе.[1] Приведя многочисленные факты канонических нарушений со стороны синодальных властей, Гиляров ставил неутешительный диагноз: «Оттого-то церковь Русская и стонет под игом духовенства, не проявляет никакой жизненности и делает даже людей религиозных индифферентными». [2] Впрочем, куда более резкие высказывания содержит в том же году в Лейпциге же анонимно изданная брошюра «Нечто о Российском Св. Синоде, единоверии, о. Иоанне Верховском и Белокриницкой иерархии», которая включает фрагменты, дословно совпадающие с имеющимися в книге Гилярова, и вполне (также по ряду иных признаков) может ему быть атрибутирована. Тут, правда, имя Победоносцева не упоминается, но его ведомство и епископат, не имеющий соборного общения, критикуются весьма жестко: «Можно ли признать *Синод* подлинным церковно-народным священноводительством, когда управляет всем и над самим Синодом властвует обер-прокурор с своей канцелярией. *Святейший*! Но можно ли “святейшим” назвать прокурора с его канцелярией, — это полчище хищных птиц, питающихся от предоставленного им трупа? *Иерархия*! Но можно ли иерархией назвать сонм хотя и подлинных святителей, но стоящих рассыпано, не имеющих один к другому никаких отношений, канонически между собою ничем не связанных, не представляющих из себя не только органически живого тела, но и просто корпорации вроде бытовых: компаний, товарищества, артели и т. д.?»[3]

Однако важно заметить, что эта критика Гиляровым церковных порядков никогда не была обличительно-плоской и прямолинейной, не случайно один из его современников (литератор И. В. Павлов в письме к князю Н. В. Шаховскому от 3 июня 1893 г.) дал ему такую характеристику: «Ведь это самый крупный русский публицист! Катков был блестящ, но односторонен; он даже в лучших ста-

[1] См.: *Разумевающие верой*. С. 322—323.
[2] Там же. С. 326.
[3] Нечто о Российском Св. Синоде, единоверии, о. Иоанне Верховском и Белокриницкой иерархии. Лейпциг, 1887. С. 18—19. Без указания автора.

тьях своих напоминает Сквозник-Дмухановского, закрывающего пальцем некоторые места в хлестаковском письме. А Гиляров ничего не закрывал, ибо воистину был умозритель, видевший ясно оба полюса каждой мысли. Таких умов на свете немного».[1] Вот почему, например, инвективы в книге Гилярова в адрес Синодального управления Русской церковью, мало-помалу утрачивавшего дух соборности и потому сближавшегося автором подчас с произволом папского единовластия, не свидетельствуют о том, что Гиляров в современных ему условиях русской жизни ратовал за восстановление патриаршества, как, например, Н. Н. Дурново,[2] А. А. Киреев или протоиерей А. М. Иванцов-Платонов. Вовсе нет. Гиляров как раз трезво смотрел на этот вопрос и — в период работы над книгой — в одной из передовых статей по случайному поводу (в связи с надеждами единоверцев в лице фабриканта и публициста А. Ф. Морокина на такое воскрешение досинодального устройства Церкви) писал со ссылкой на мнение митрополита Филарета (Дроздова): «Г<-н> Морокин мечтает еще о восстановлении патриаршества. Против этого в свое время мы писали, а в настоящее время приведем отзыв приснопамятного митрополита Филарета в ответ на проявлявшуюся лет тридцать назад подобную же затею: “Не все ли равно, какое название, «первенствующий член Синода» или «патриарх», когда существо то же”. Существо действительно то же — Новгородский ли митрополит во главе Синода или Константинопольский, Иерусалимский, Антиохийский, Александрийский во главе своих местных Синодов. Можно желать реформы в подробностях теперешнего синодального управления в России, это вопрос другой. Основательно молить о восстановлении периодических местных соборов. Но патриаршество, если дело не в названии только, есть удаление от истинного облика, а не возвращение или приближение к нему. Патриаршество, как его сказала история, есть папизм в зародыше»…[3]

---

[1] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 144. Л. 1—1 об.

[2] Это как раз весьма существенно и для безусловного отказа от соблазна атрибутировать гиляровскую книгу — Н. Н. Дурново.

[3] * <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 2 ноября: Дневное обозрение // *СИ*. 1886. 3 нояб. № 303. С. 2.

Вскоре после разговора с Победоносцевым на повышенных тонах, в тот же день 13 октября 1887 г., в 8 часов вечера, Гиляров скончался от разрыва сердца в своем номере на 4-м этаже петербургской гостиницы «Belle-vue» («Бель-вю»), что находилась у арки Генерального штаба на Большой Морской, д. 3. Историк и педагог Н. П. Розанов передает в своих мемуарах, что говорили в Москве о смерти Гилярова: «…получение доходного редакторского места в “Московских Ведомостях” спасло бы его от окончательного краха, но петербургская консервативная бюрократия предпочла иметь на месте Каткова никому не ведомого профессора <С. А. Петровского>. И вот человек с пламенной любовью к родине, честный, даровитый публицист, так долго работавший на посту редактора, был отвергнут, что, как носились слухи, даже заставило его прибегнуть к сильнейшему приему морфия для успокоения расходившихся под влиянием полученного отказа нервов, а этот огромный прием опасного наркотика повел за собою смерть газетного бойца».[1] Современники подозревали даже самоубийство,[2] однако эта версия, как неопровержимо свидетельствуют факты, совершенно безосновательна.

В дореволюционных изданиях обычно писалось, что в последние часы жизни Гиляров оказался всеми брошен, трагически одинок; так, живший тогда в Петербурге князь Н. В. Шаховской позднее, в 1899 г., свидетельствовал: «Гиляров внезапно скончался <…> совершенно одинокий, в гостинице “Бельвю”, и унес с собою в могилу тайну последних минут своей жизни».[3] Авторы предисловия к тому избранных произведений Гилярова, увидевшему свет после более чем столетнего замалчивания, рисуют трогательную картину покинутого страдальца и, для контраста, веселящихся обитателей гостиницы: «…он слег в постель. В номерах и коридоре гостиницы было шумно, слышался чей-то смех. По коридору беспрестанно шмыгала прислуга. И никому не было дела, что за стеной стра-

[1] *Розанов Н. П.* Воспоминания старого москвича. М.: Русскій міръ, 2004. С. 199. (Большая московская библиотека).

[2] См.: Письма К. П. Победоносцева к Е. М. Феоктистову / Вступ. ст. Б. Горева; публ. и коммент. И. Айзенштока // Литературное наследство. М., 1935. Т. 22/24. С. 533 (примеч. И. Я. Айзенштока).

[3] *Сб. соч*. Т. 1. С. LX.

дал тяжелобольной пожилой человек! Сам неоднократно откликавшийся на чужую беду, Никита Петрович Гиляров-Платонов умирал, всеми брошенный и забытый… Когда же гостиничная прислуга наконец удосужилась проведать больного постояльца и, постучав, зашла в номер, она увидела уже холодный труп, лежавший в постели на боку и до половины лица закрытый одеялом <…>».[1] Далее говорится о малолюдной панихиде и скромных похоронах, с использованием жалостливых штрихов («вдова-старушка в убогом салопчике», «тело <…> заколотили в ящик» и т. п.). Источник этих, конечно, недостоверных сведений о кончине всероссийски известного публициста, редактора большой политической газеты — анонимная корреспонденция «Новостей и Биржевой Газеты», созданная по лекалам желтой прессы.[2] Но уже в следующем номере было помещено подробное опровержение этого рассказа: умирающий постоянно был на глазах прислуги, за час до смерти написал записку (адресованную А. М. Гальперсон), при его кончине присутствовал слуга, запомнивший последние слова Гилярова: «Павел, подай…» — вероятно, просьбу подать воды. Время смерти «точно удостоверено» управляющим гостиницы, сразу прибыли полицейские, «тщательно опечатавшие еще ночью бумаги и вещи покойного», вызван гробовщик, тело положено во гроб и «не было оставлено без призора», друзья Гилярова «не заслужили публичного упрека в равнодушии к его праху».[3]

Почести, оказанные ему при похоронах как в Петербурге, так и в Москве — на отпевании присутствовали министры, представители Св. Синода с обер-прокурором во главе, члены Государственного совета, сенаторы, известные писатели и ученые, — в полной мере выявили истинное отношение к Гилярову-публицисту как одному из выдающихся отечественных общественных деятелей и религиозных мыслителей.

---

[1] *Климаков Ю. В., Антонов М. Ф.* Неопознанный гений // *Гиляров-Платонов Н. П.* «Жизнь есть подвиг, а не наслаждение…» / Сост. и коммент. Ю. В. Климакова. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2008. С. 29—30.

[2] Новости и Биржевая Газета. 1887. 15 окт. № 283. С. 2; перепеч.: Русский Курьер. 1887. 17 окт. № 286. С. 2. Ни одна из авторитетных русских газет эту корреспонденцию не воспроизвела.

[3] *Дурново Иван*. Письмо в редакцию // Новости и Биржевая Газета. 1887. 16 окт. № 284. С. 2.

Последний приют нашел он 19 октября в кладбищенской земле московского Новодевичьего монастыря, где когда-то служил его брат Александр. Панихиду совершал нарочно прибывший для этого из Киева митрополит Сербский Михаил (Йованович), почитатель и друг Гилярова, в сослужении протопресвитера Н. А. Сергиевского, двух архимандритов и 16 протоиереев и священников.[1] Корреспондент «Нового Времени» сообщал: «Всего присутствовало на похоронах не менее двух тысяч человек».[2] Другой московский фельетонист уточнял: «Провожали Гилярова не просто любопытные, а хорошо знавшие и любившие его люди, потому что его газета шла во все общественные сферы и особенно в сферы “средней” русской публики, с которою Гиляров умел говорить истинно русским языком и житейским интересам которой он всегда отдавал в своей газете видное место».[3]

Могила Никиты Петровича находится в первом ряду, против Святых ворот обители, по соседству с захоронениями М. П. Погодина и С. М. Соловьева. Поначалу на простой земляной могиле водрузили металлический крест; после того как были выручены деньги от продажи гиляровского «Сборника сочинений» (М., 1899—1900), на захоронении появилась добротная гранитная плита с памятником, представляющим собой «саркофаг в греческом стиле, сделанный из темного мрамора с крестом наверху».[4] Живший в церковном полуподвале Новодевичьего монастыря поэт Борис Садовской в 1929 г. написал замечательное стихотворение, первые строки которого — недочитанная надпись на памятнике: «Никита Петрович Гиляров-Платонов / Тогда-то родился, скончался тогда-то»[5] — становится символическим воплощением утраченной «бедной России»... Когда уничтожали некрополь, захоронение Гилярова сохранилось, как сообщил нам (4

---

[1] *<Без подписи>*. Отпевание и погребение тела Н. П. Гилярова-Платонова // *МЦВед.* 1887. № 45. 25 окт. С. 560; *Н. М. <Марков Н. П., прот.>*. Памяти Никиты Петровича Гилярова-Платонова, редактора «Современных Известий». Чернигов, 1887. С. 5.

[2] *<Без подписи>*. Похороны Н. П. Гилярова-Платонова. Москва: (Корреспонденция «Нового Времени») // *НВр*. 1887. 21 окт. № 4183. С. 1.

[3] *К. <Курепин А. Д.>*. Московский фельетон: Н. П. Гиляров-Платонов и речи о нем. — К его характеристике // *НВр*. 1887. 24 окт. № 4186. С. 2.

[4] *РВед*. 1904. 22 июня. № 172. С. 3.

[5] *Садовской Б.* Стихотворения. Рассказы в стихах. Пьесы. СПб., 2001. С. 143.

июня 2006 г.) праправнук мыслителя, видный биолог А. М. Гиляров, чуть ли не чудом — благодаря его отцу профессору (впоследствии — академику) М. С. Гилярову, написавшему на рубеже 1950—1960-х гг. в одно из изданий, скорее всего в «Литературную газету», о необходимости сберечь для потомства могилы знаменитых ученых и писателей прошлого (в прилагавшемся списке было и имя практически не известного в то время партийным функционерам «выдающегося философа и публициста-славянофила Гилярова-Платонова»).

Важное признание заслуг Гилярова находим в его переписке с епископом Ревельским Николаем (Касаткиным), впоследствии архипастырем Японским и, как известно, одним из весьма немногих церковных деятелей, прославленным в лике святых в советский период (точнее, до 1988 г.). Знакомство с преосвященным Николаем состоялось в 1880 г., когда тот приезжал из Японии в Россию. В тот период миссионер-подвижник епископ Николай оказался в центре общественного внимания, в своем дневнике он описал встречи с Достоевским, Вл. Соловьевым и другими известными людьми.[1] В «Современных Известиях» появились восторженные передовицы, посвященные молодой Японской церкви.[2] Гиляров видел здесь подвижничество сродни апостольскому, ощущал дух первых веков христианства. Во многом благодаря такой помощи «ходатайственным словом»[3] удалось организовать широкомасштабный сбор денег для Японской миссии, в Токио был воздвигнут величественный православный собор. Святитель Николай писал Гилярову 10 февраля 1887 г., за восемь месяцев до его безвременной кончины: «Ваше имя в молитве шепчут мои грешные уста; искренно молю Господа, чтобы на многие-многие годы продлил Он Вашу высокоплодотворную, глубоко-патриотическую и истинно христианскую деятельность».[4]

---

[1] См.: *Накамура К.* 1) Достоевский и Николай Японский // Вопросы литературы. 1990. № 11/12. С. 353—355; 2) Владимир Соловьев и Николай Японский // Там же. 2000. Вып. 3. С. 369—372.

[2] *Вопросы веры и церкви.* Т. II. С. 180—189; 204—206.

[3] Там же. С. 560.

[4] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 663. Л. 20.

Глава II. Н. П. Гиляров-Платонов как публицист и русская журналистика его времени

2.1. Н. П. Гиляров-Платонов и М. Н. Катков: публицисты-антиподы в полосе взаимного тяготения

Журналистское поприще стало основным для Гилярова. Именно в публицистике, в ежедневном общении со своим читателем на самые разные темы политики, религии, морали, московского быта и т. д. он нашел себя. Как уже говорилось, на столбцах «Современных Известий», да и ранее, в 1850—1860-х гг., в изданиях друзей-славянофилов, а также в журналах А. Д. Желтухина и М. Н. Каткова, открылось истинное призвание неутомимого Гилярова. Это было уникальное, не оцененное до сих пор «хождение в народ» (куда более плодотворное и насущное, нежели все предприятия революционеров-народников в те же годы) утонченного интеллектуала-патриота, совершавшееся в переломную для России эпоху, в период острейшего духовного кризиса, разразившегося после отмены крепостного права и затянувшегося на несколько последующих десятилетий.

Он стремился помочь прежде всего разночинным слоям, только пробуждавшимся тогда к общественной жизни, к земской деятельности, к участию в городском самоуправлении, и в этом сказались всегда присущие ему демократические убеждения, или, точнее сказать — глубоко укорененный в его душе христианский гуманизм. Первый номер «Современных Известий» Гиляров открыл подробным разъяснением своей позиции: «Прошло время, когда подробное знание и верная оценка современных событий считалась уделом немногих избранных: когда лица, даже не лишенные достатка и образования, довольствовались слухами, а простой люд питался сказками, основанными на этих слухах, притом значительно искаженных. Доля самоуправления, нам предоставленная, отнимает у нас даже право продолжать это, своего рода политическое, невмешательство. Как идет у нас суд, как там и здесь движется городское и земское хозяйство, где

и почему прокладываются новые дороги, как идет народное обучение, насколько и в каком смысле обнаруживают у нас жизнь различные верования <…> что делает Гарибальди, что задумывает Бисмарк, как устраивается Америка <…> все это нужно знать <…> потому что общественное дело становится ныне личным делом для каждого более, чем прежде».[1]

Не удивительно, что в результате такой редакционной политики ежедневные «Современные Известия» в короткое время стали одной из всенародно любимых газет как в Москве, так и в российской провинции, быстро вырос их тираж. Причем таким успешным газетным «хождением в народ» были не только передовицы самого Гилярова, но и, как правило, весь состав газетного выпуска.

* * *

Когда в октябре 1887 г. не стало Гилярова, в некрологе ему суворинского «Нового Времени» содержалось само собой напрашивавшееся сопоставление его с И. Аксаковым и Катковым — все трое перешли в лучший мир в течение полутора лет с небольшим: «С Гиляровым-Платоновым исчезает третий и последний замечательный публицист Москвы: за Аксаковым — Катков, за Катковым — Гиляров. Гиляров не был так виден, как первые два: он обращался к другому кругу читателей, более широкому, но менее образованному, который и не мог его ценить по достоинствам <…>».[2]

И действительно, хотя гиляровские «Современные Известия» в свое время были популярны не менее «Московских Ведомостей» как в родном городе, так и в провинции (по тиражу иногда и превосходили), однако, конечно, Гиляров и при жизни, и тем более после смерти всегда находился в тени своего современника Каткова (тот был шестью годами старше). Причина такого положения вещей лежала на поверхности: если Гиляров в сфере публицистики оставался утонченным философом, порой несколько замысловатым для широкой публики,[3]

---

[1] *СИ*. 1867. 1 дек. № 1. С. 1. См. подробный анализ этой передовой: *Балашов Д. Ю*. О журналистской позиции Н. П. Гилярова-Платонова // *Возвращение*. С. 179—181.

[2] <*Суворин А. С.?*>. Гиляров-Платонов: Некролог // *НВр*. 1887. 15 окт. № 4177. С. 1.

[3] Однако это означает только то, что простая читающая публика могла не понимать всей глубины гиляровских передовиц, но при этом ей был вполне внятен, так сказать, верхний

то Катков как бы воплощал некий образец по-настоящему востребованного журналиста-практика — «властителя дум», поборника национально ориентированной государственной политики. Тем не менее не случайно имена Гилярова и другого их знаменитого современника, И. С. Аксакова, часто, особенно же с начала 1880-х гг., объединялись с именем М. Н. Каткова в некий метафорический «триумвират московских консерваторов», будто бы монолитный и мировоззренчески, и в своих каждодневных практиках.

Существенно, однако, что ближайшее литературное окружение видело в Гилярове и Каткове во многом антиподов. Приведем четыре, на наш взгляд, наиболее проницательных суждения современников, сравнивавших их как публицистов.

Во-первых, интересна оценка, принадлежащая третьему члену «триумвирата» — И. Аксакову, высказанная им в письме к самому Гилярову, которое по содержанию можно датировать серединой сентября 1884 г., когда ими обсуждался план слияния «Современных Известий» с «Русью», чтоб на этой основе, с привлечением значительных купеческих капиталов, создать большую национальную газету вроде «Таймса».[1] Аксаков писал другу, что тот в качестве редактора этого издания, в отличие от Каткова, не сможет удовлетворить промышленников-меценатов: «*Вы же не удовлетворите* — потому, что вечно прозираете в будущее за целый век, а иногда и за несколько, — потому что мысль Ваша слишком оригинальна и в то же время радикальна. Вам под стать написать: “Новые начала политической экономии” — целый трактат, и его оценят прежде всего германские ученые. Этого достоинства Катков не имеет, а потому именно он и сильнее Вас, его слово более веско, ближе к делу как оно есть, — что современникам, вообще практикам, а нашим купцам пуще всего — на потребу. Слово

семантический слой рассуждений Гилярова, всегда стремившегося к предельной простоте слововыражения при анализе сложных проблем внутренней и внешней политики. Иначе и не объяснить феномен необычайной влиятельности Гилярова в Москве.

[1] См. об этом проекте «большой московской газеты» обстоятельную публикацию Д. А. Бадаляна: «Мы с Вами — последние могикане…»: Н. П. Гиляров-Платонов, И. С. Аксаков и проект новой общероссийской газеты в письмах и документах 1884 г. // *Гиляров: ИМБР*. С. 614—635.

Каткова никогда не головоломно, никогда не отвлеченно и при рельефности изложения всем понятно. Как газетный публицист он, несомненно, стоит выше и меня, и Вас. Он не мучается никакими вопросами, не выражает ни сомнений, ни недоумений, — слово его не замысловатое, не мудреное, но властное. Ваша же газета, напр<имер>, это — “альбом моих ощущений, впечатлений и мыслей”».[1]

Общедоступность прямолинейного слова Каткова по сравнению с многозначной глубиной гиляровского подчеркивал и литератор И. В. Павлов, знакомый Герцена, Тургенева, Салтыкова-Щедрина, «человек живого и острого ума»,[2] в своем письме от 3 июня 1893 г. к князю Н. В. Шаховскому, биографу Гилярова. Павлов дал ему такую характеристику (выше уже частично приведенную нами): «Ведь это самый крупный русский публицист! Катков был блестящ, но односторонен; он даже в лучших статьях своих напоминает Сквозник-Дмухановского, закрывающего пальцем некоторые места в хлестаковском письме. А Гиляров ничего не закрывал, ибо воистину был умозритель, видевший ясно оба полюса каждой мысли. Таких умов на свете немного».[3] Как видим, вывод Павлова о том, кто «выше как публицист», оказался прямо противоположен заключению Аксакова.

Третье, показательное по своей аналитической выверенности, сопоставление публицистов принадлежит упомянутому выше князю Н. В. Шаховскому, филологу и экономисту, в 1900—1902 гг. возглавлявшему Главное управление по делам печати. По смерти Гилярова, своего учителя и друга, он, как упоминалось во Введении, посвятил ему 21 обстоятельную статью и подготовил к печати 9 его книг. Но он был близок и к Каткову и его семье, поскольку его дядя по матери, географ А. П. Ефремов, был ближайшим приятелем Каткова, а брат Лев женился на дочери последнего Варваре, — во всяком случае, Шаховского никак нельзя заподозрить в предвзятости. Он писал в одной из своих первых статей

---

[1] *Аксаков в письмах*. Т. III. С. 442; уточнено по автографу: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 13. Л. 35 об.—36.

[2] *Мостовская Н. Н.* И. В. Павлов — корреспондент Тургенева // И. С. Тургенев: Вопросы биографии и творчества. Л.: Наука, 1982. С. 143.

[3] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 144. Л. 1—1 об.

о Гилярове, отталкиваясь от оценок Павлова: «Катков был не только *“блестящ”*, но он обладал *талантом* публициста. У него были истинный энтузиазм и лирическое чувство. Он не только разъяснял вопросы, но он *увлекал*; он действовал не на один ум, а также и на *волю*, и преимущественно на сию последнюю. Катков мог своею статьей *уничтожить* человека и тем подорвать его направление, на что Гиляров не был способен, потому что был христианский философ-созерцатель, который убеждал, а не сокрушал».[1] И далее о главной заслуге Каткова как охранителя: «Он не проповедовал ничего нового, он заботился об укреплении старых наших исторических и бытовых основ, потрясенных в общем сознании после освобождения крестьян. Святость и неприкосновенность Русской территории, добытой некогда русскою кровью; святость формы правления, выработанной историей народа, незыблемость Православия именно в том виде, в каком оно есть, и пр.: вот чего Катков был стойкий защитник».[2]

«Гиляров, — продолжал свое сопоставление Шаховской, — был иной: в каждой его статье сквозил уголок никому неизвестного, но тщательно выработанного им мировоззрения <…> Гиляров был сильнее Каткова шириною взглядов, строгостью и последовательностью убеждений, а с практической стороны, в отношении к каждому живому факту, выдвигаемому жизнью и ждущему своего разрешения сейчас, сию минуту, он должен был уступать Каткову, который и лучше знал среду, приемы, и обладал бóльшим одушевлением и убедительностью для читателей».[3] И наконец: «Люди, подобные Никите Петровичу Гилярову, — *роскошь.* Их не замечают при жизни, но им удивляются и поклоняются после их смерти. <…> У Гилярова у *одного* были *свои собственные убеждения*».[4]

Наконец, приведем суждение В. В. Розанова о триумвирате, оказывающееся во многом сходным с предыдущими высказываниями: «Между современни-

---

[1] *Шаховской Н., кн*. Из подготовительных работ по биографии Гилярова // *РА*. 1893. Кн. II, вып. 7. С. 428.

[2] Там же.

[3] Там же. С. 429.

[4] Там же. С. 430.

ками и почти единомышленниками своими — Катковым и И. С. Аксаковым — Гиляров был наименее речист, но он был вдумчивее их обоих во всякий предмет, в каждую тему, и образованнее, в особенности Аксакова. У Гилярова был редкий философский дар, с призванием не к новым отвлеченнословесным конструкциям, а скорее к едкому анализу этих конструкций и в то же время к любовному обдумыванию жгучих практических нужд, но уже со всею силою, обширностью и фундаментальностью ума, изощренного в борьбе».[1]

Приведенные суждения, разумеется, не являются истиной в последней инстанции и могут быть скорректированы (например, оспорен тезис об отсутствии у Каткова своеобычных убеждений), но нельзя не признать, что высказанные столь глубокомысленными современниками из окружения Гилярова и Каткова, тем более людьми, близкими им по взглядам, они в первую очередь заслуживают того, чтоб быть услышанными и осмысленными.

Начало взаимоотношений Гилярова и Каткова относится к середине 1850-х гг., причем период до личного знакомства интересен некоторым сходством их жизненного пути: оба преподавали в высшей школе — Катков логику, психологию и историю философии в Московском университете (1845—1850), а Гиляров — библейскую герменевтику, сравнительное богословие и расколоведение у Троицы в Академии (1848—1855), и оба вынужденно прервали свою педагогическую деятельность: Катков — по причине ликвидации кафедр философии в университетах, Гиляров — из-за конфликта с митрополитом Филаретом (Дроздовым). Познакомились они, когда Катков приступил к изданию своего «Русского Вестника», имевшего поначалу либерально-западническую окраску, а Гиляров примкнул к узкому кружку славянофилов, основавших журнал «Русская Беседа», в котором принял ближайшее участие и как автор ряда принципиальных статей по литературной критике и методологии истории, и как правительственный цензор. Одновременно (с 1858 г.) он цензуровал и журнал Каткова. Современники не раз отмечали необычное поведение Гилярова при исполнении им своих служебных обязанностей: он не только не стремился запретить тот или

[1] *Розанов В. В*. Полн. собр. соч.: В 35 т. СПб.: Росток, 2014. Т. 1. С. 562.

иной неудобный материал в порученных его опеке изданиях,[1] но подчас сам его редактировал, сглаживая острые моменты, а порой на свой страх и риск пропускал важные для общества злободневные статьи вопреки инструкциям, требовавшим утомительные согласования таких решений с высшими инстанциями (так было, например, с публикациями в «Русском Вестнике» по крестьянскому вопросу[2]).

Неудивительно, что впоследствии параллельно с цензурованием журнала Каткова Гиляров по его просьбе стал и редактировать отдельные поступавшие в редакцию материалы. Своему почитателю, публицисту И. Ф. Романову-Рцы Гиляров писал о себе 15 ноября 1886 г.: «Ценили Катков/Леонтьев, но умозрительно! — в числе условий моей работы (письменных) поставлено было, чтобы я являлся в редакцию (“Русского Вестника”) “высказывать (словесно) свои мысли по текущим вопросам”».[3] А 1 марта 1862 г. М. Н. Катков и П. М. Леонтьев предложили Гилярову «расширить содействие» «Русскому Вестнику», фактически — взять на себя заведование редакцией этого журнала.[4] Они видели в Гилярове не «человека партии», а ценного сотрудника и помощника, обладающего широтой воззрений и самостоятельностью мышления. Эти обязанности Гиляров, по всей видимости, выполнял недолго, потому как в августе 1863 г. возглавил Синодальную типографию в Москве. Позднее, в 1886 г., когда очередной заведующий редакцией этого журнала, В. П. Клюшников, покинул Москву и переехал в Петербург, Гиляров, теснимый кредиторами, попробовал снова испросить эту должность у Каткова и написал ему так: «Мне сказывали, верно или нет, не знаю, что В.П. Клюшников оставил занятия свои по “Русскому Вестнику”. Вспоминаю, что некоторое время на мне лежали приблизительно обязанности, которые перешли потом к Н. А. Любимову и В. П. Клюшникову, и Вы с Павлом

---

[1] См., например: *Ф. Е. <Еленев Ф. П.>*. Черта из жизни Гилярова-Платонова // *РА*. 1887. Кн. III, вып. 12. С. 571—575.

[2] Его объяснение министру народного просвещения по этому вопросу (от 9 марта 1859 г.) опубл.: *Любимов Н.А*. Докладная записка Н.П. Гилярова-Платонова // *РВ*. 1888. Т. 195, март. С. 423—426.

[3] *Письма к Рцы*. С. 287.

[4] См.: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 654. Л. 1—2.

Михайловичем <Леонтьевым> не были мною недовольны».[1] Однако в тот период пути бывших друзей сильно разошлись и Катков отказался от сотрудничества Гилярова в своем издании. Изредка последний и сам печатался в «Русском Вестнике». Так, известен его ироничный отклик на статью А. Н. Муравьева «Обличение на книгу “О возможном соединении Церкви Российской с Западною”».[2] О драматичной истории, связанной с публикацией в журнале Каткова мемуарной книги Гилярова, скажем ниже.

Следующий и наиболее важный этап их взаимоотношений начинается в декабре 1867 г., когда Гиляров основал первую в Москве ежедневную газету «Современные Известия» («Московские Ведомости» тогда не выходили по понедельникам), которая стала, с одной стороны, конкурентом изданию Каткова, а с другой — идейно дополняющим и во многом поддерживающим его позицию органом печати.

Гиляров относился к Каткову-редактору поначалу довольно тепло, но начиная с 1870-х гг. все более и более несочувственно и критически. До этого периода позиции Каткова и И. Аксакова (с его газетами «День», «Москва» и «Москвич») оценивались Гиляровым одинаково высоко — как ориентированные на смелый и плодотворный диалог с правительством. Позднее он писал в брошюре «Нечто о Русской церкви в обер-прокурорство К. П. Победоносцева» (Лейпциг: Тип. Ф. А. Брокгауза, 1887; под псевд. «Р. С. Т.»): «В прежнее время Главное управление печати прощало резкие выражения консервативных органов печати, которые, как у И. С. Аксакова или М. Н. Каткова (до 1870<-х> годов), вызывались глубоким патриотизмом и любовию к России и к ее Монарху. Теперь же подобные выражения преследуются, что можно было видеть на предостережениях, данных газетам “Восток” и “Русь”».[3]

Можно привести немало примеров, где «триумвират» выступал как бы единым фронтом. Особенно показательны передовицы во всех трех газетах, по-

---

[1] Там же. Ед. хр. 421. Л. 5.

[2] *Ц. <Гиляров-Платонов Н. П.>*. Библиографическая заметка // *РВ*. 1859. Т. XX, апр., кн. 1. Отд. II. С. 245—250.

[3] *Разумевающие верой*. С. 331.

священные юбилею митрополита Московского Филарета (Дроздова), праздновавшемуся в августе 1867 г. и фактически замолчанному либеральной прессой.[1] Впоследствии такое единомыслие Гилярова с Катковым встречалось все реже.

Отметим два случая. В 1869 г., при обсуждении нового Устава духовных академий, Катков предложил заменить их богословскими факультетами при университетах ради экономии казенных средств. Он выдвинул идею перевода Московской духовной академию из Троице-Сергиевой лавры в Москву, считая ее размещение в Лавре проявлением волюнтаризма Павла I и призывая исправить историческую несправедливость, вернув Академию в Москву.[2] На это суждение, выдвигавшее на первый план мотив нравственного искупления, с сочувствием откликнулась газета Гилярова.[3]

Второй случай связан с неисполнением обоими редакторами Высочайшего распоряжения от 5 января 1873 г., требовавшего, чтобы при освещении Нечаевского процесса «повременные издания ограничились перепечатками стенографического отчета “Правительственного Вестника”».[4] Однако Гиляров и Катков в своих газетах не удержались и дали сообщения о процессе Нечаева до появления отчета в официозе,[5] за что и поплатились — номера их газет были арестованы. Об этом Гиляров с нескрываемой горечью писал своему приятелю и многолетнему корреспонденту К. П. Победоносцеву 29 января 1873 г.: «Нам было объявлено Выс<очайшее> повеление заимствовать отчет из “Прав<ительственного> Вест<ника>”. Но я, конечно, и Катков также — решили, что медлить сообщением впечатления, которое в правительственном смысле очень хорошо, поведет

---

[1] См.: *Дмитриев А. П.* Филаретовский юбилей 1867 г. и кончина святителя в оценках «триумвирата» московских консерваторов (И. С. Аксаков, Н. П. Гиляров-Платонов, М. Н. Катков) // Филаретовский альманах. — М.: Изд-во ПСТГУ, 2009. Вып. 5. С. 165—186; то же в изд.: XIX Ежегодная богословская конференция ПСТГУ. Материалы: В 2 т. М.: Изд-во ПСТГУ, 2009. Т. 1. С. 115—124. См. также ниже раздел 2.3.

[2] См.: *МВед.* 1872. 9 марта. № 60. С. 2.

[3] См.: *СИ.* 1872. 13 марта. № 71. С. 2.

[4] ГАРФ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 3. Л. 41.

[5] *СИ.* 1873. 9 янв. № 8. С. 2; *МВед.* 1873. 9 янв. № 5. С. 2.

лишь к тому, что ослабится и заподозрится впечатление “Прав<ительственного> Вест<ника>”. А за это прогневались!»[1]

Сохранившиеся девять писем и записок Гилярова к Каткову (едва ли их было больше, учитывая то, что они оба москвичи и если общались, то исключительно по делу) по тону сдержанны, хоть и доброжелательны: Гиляров в августе 1862 г. ставит Каткова в известность, что уволен от цензорской должности, а в марте 1877 г. поясняет претензии цензоров к публикации речей И. Аксакова в Славянском благотворительном комитете,[2] просит поддержать в трудную минуту и ссудить то 10, то 15 тыс. рублей, в марте 1884 г. предупреждает о возможном закрытии «Современных Известий» (в этих последних письмах сквозит отчаяние).[3]

Но именно в письмах к тому же Победоносцеву, позиции которого во властных структурах в то время неуклонно усиливались, Гиляров чаще, чем кому бы то ни было из своих корреспондентов, очень искренно высказывает свое растущее недовольство Катковым. Причины этого очевидны: во-первых, «Московские Ведомости» оказывали все большее влияние на правительственную политику; во-вторых, через Победоносцева Гиляров хотел донести до верховной власти свое убеждение в том, что это влияние тлетворно и способствует обострению политической ситуации в стране и, наконец, ему было важно разубедить самого Победоносцева, как известно, из всех русских газет признававшего полезным только издание Каткова. Так, накануне приезда Александра III с семьей в Москву, 15 июля 1881 г., Победоносцев писал сопровождавшему их министру внутренних дел графу Н. П. Игнатьеву: «Сделайте милость, не пускайте к нему там журналистов, кроме Каткова. Он один — достойный уважения и преданный, разумный человек. Все остальные — сволочь или полоумные».[4] Под «полоумными» в первую очередь подразумевались как раз Гиляров, с его ориги-

[1] *Разумевающие верой*. С. 131.
[2] РГБ. Ф. 120. Карт. 24, кн. 3. Л. 162—163 об.
[3] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 421. Л. 1—8.
[4] Былое. 1924. № 27/28. С. 57.

нальными проектами по умиротворению общества после цареубийства, и И. Аксаков, вынашивавший тогда проект созыва нового Земского собора.

Почему же Гиляров полагал, что подобное, чуть ли не подобострастное отношение петербургских чиновников к Каткову пагубно для России? Дело в том, что он считал позицию, занятую «Московскими Ведомостями» в вопросе революционного движения, провокационной, разжигающей недобрые страсти и множащей ряды нигилистов. Например, по поводу прокламации студента Н. Н. Гончарова («Виселица» от 14 мая 1871 г.), протестовавшей против классического образования и его пропаганды Катковым (как некоего противоядия от распространения социалистических идей в молодежной среде), Гиляров писал Победоносцеву 19 февраля 1872 г.: «…на мой взгляд, “Московские Ведомости” суть главнейший враг истинно классического образования и во многих отношениях главнейшая причина и Нечаева, и Гончарова. Разве не “Русский Вестник” — родоначальник самого нигилизма? Отсутствие нравственных начал, исконное, привело их к полицейскому воззрению, из боязни попасть в грубый нигилизм, и к классицизму, по-своему понимаемому. Эко спасение! Но классицизм, по ихней мерке проводимый, только отупляет: это факт, подтверждения которому имею многие. Заранее грустно за реакцию, которая рано ли, поздно ли наступит и которая погубит даже ту долю истинного, что есть в теперешних “Москов<ских> Ведомостях”».[1]

Та же мысль развивается и в дальнейшей переписке. Так, 20 февраля 1874 г. Гиляров делился с приятелем впечатлением от одной из катковских передовиц: «На душе неимоверно скверно. Видишь положительно борьбу двух нигилизмов, радикалистического и консервативного; последний еще хуже первого. Первый по крайней мере по-своему честен, но от чтения “Московских Ведомостей” можно получить истерику; лесть никогда не доходила до такого бесстыдства: от статьи, восхваляющей Габсбургов, обругавшей славян и выдавшей все эти похвальные чувства за мнение Москвы и России, я сделался почти болен».[2]

[1] *Разумевающие верой*. С. 82.
[2] Там же. С. 161.

(Речь идет о передовой статье, приуроченной к визиту императора Франца-Иосифа и носящей подчеркнуто официозный характер; в ней, в частности, утверждалось: «В России высказывались сочувствия к соплеменным народностям, живущим под скипетром Габсбургского дома, но не в ущерб целому, которого единство и сила заключаются в этом скипетре».[1])

24 октября 1880 г. Гиляров прямо обвиняет Каткова в разгуле терроризма (в частности, в связи с покушением А. К. Соловьева на императора): «…воспоминание о роли, которую исполняли “Московские Ведомости” последние три-четыре года особенно, не может не вызывать раздражения; но источник его не личный. Ужасающие выходки революционной шайки должны быть на бóльшую половину поставлены в вину “Московским Ведомостям”. Они были органом всякой реакции, глашатаем всякой репрессии, противником всякой свободы. Аракчеевщина — вот был бы их идеал. <…> Разумеется, не они подуськивали Соловьева и его братию, но они отлично распахивали почву, рассеивая недовольство и озлобление в публике, так что публика под конец пассивно относилась к злодействам. <…> Пред обществом была дилемма: революционная дерзость возбуждала омерзение, но не меньшее и идеалы “Московских Ведомостей”».[2]

В том же письме Гиляров возлагал на Каткова и вину в усилении влияния на общество антинациональных сил и утверждал, что такая безответственность подпитывается только тщеславием: «…либеральная фраза, праздная оппозиция получает в обществе незаслуженный авторитет, благодаря душительному направлению “Московских Ведомостей”, которым общество не может же сочувствовать. И добро бы их мнение было жизненным убеждением. При своем несомненном таланте, при уме и образовании Катков движется только личным самолюбием, безграничным самолюбием. Он убежден на ту минуту, когда он говорит, в том, что говорит. Но убежден по самолюбию. <…> Надо уметь отыскать

[1] *МВед*. 1874. 7 февр. № 35. С. 3.
[2] *Разумевающие верой*. С. 194.

клапан; всякая дальнейшая реакция, всякая репрессия будет уголья горячие на голову».[1]

Приведем еще суждение Гилярова, развивающее эти его последние мысли о славолюбии Каткова. 6 декабря 1872 г. он писал Победоносцеву: «“Моск<овские> Вед<омости>” хотели быть русским “Times’ом”, насколько это возможно в России, давать лекции министрам и Госуд<арственному> совету, соуправлять им, помогать в законодательстве и администрации. <…> В сущности, вся независимость, которою хвалились “Моск<овские> Вед<омости>”, есть пуф <…>. Говорю это не по внешнему наблюдению, но по внутреннему опыту; я ведь стоял отчасти около самой этой лаборатории».[2] И далее Гиляров очень резко высказывается о якобы безыдейном политиканстве Каткова: «Да, впрочем, что об этом толковать; это слишком известно и несомненно, как несомненно и то, что начиная с 1856 года, то есть с “Русского Вестника”, было, может быть, до десятка перемен декорации в quasi-убеждениях по известным вопросам, оказывавшихся на деле отчасти внушениями личного самолюбия редакторского, отчасти торговыми соображениями, отчасти подслуживанием сначала пошлому либерализму, а потом властям».[3]

В духе этих своих рассуждений, не становясь, впрочем, на сторону гонителей Каткова, Гиляров (в уже цитировавшемся письме от 24 октября 1880 г.) осмыслял как само собою разумевшуюся и неизбежную попытку либерально настроенных писателей во главе с Тургеневым исключить «ренегата» Каткова из числа участников Пушкинских торжеств в июне 1880 г.: «Разве мог встретиться с Катковым Тургенев, разве могли встретиться представители всей петербургской печати?»[4]

Следует упомянуть, что свое неприятие практических действий Каткова-публициста, и именно публициста всероссийского масштаба и влияния, Гиляров не только выражал в частной переписке, но и открыто оспаривал их в печати.

---

[1] Там же. С. 195, 196.
[2] Там же. С. 121.
[3] Там же.
[4] Там же. С. 195.

Например, он язвительно обсуждал передовицу М. Н. Каткова, где разгул революционного движения конца 1870-х гг. уподоблялся периоду Польского восстания 1863 г. и автором глухо рекомендовалось ужесточить административные меры, в том числе и в области цензуры.[1] Гиляров требовал уточнений: «…друзья порядка не посетуют, если и еще усиленнее будут преследования злой подземной шайки, столь дерзко тревожащей покой России. Но спасительно было бы, наоборот, развязать руки и язык благонамеренной части общества. <…> К какому практическому выводу газета клонила сегодняшнюю речь <…> трудно догадаться; но во всяком случае видим — в сторону, противоположную свободе и общественному простору, и об этом нельзя не пожалеть с точки зрения общественного порядка, основами которого мы столь же дорожим, как и “Московские Ведомости”».[2] Своему ученику князю Н. В. Шаховскому Гиляров комментировал этот свой вызов Каткову так: «Вы хвалите Каткова за мужество. В чем оно и что он сказал? Вы теперь уже прочитали мой запрос ему, на который он, вероятно, ничего не найдет нужным ответить, потому что ответить нечего. <…> Нет, я похвалил бы Каткова, если бы он имел мужество отказаться от графа <Д. А.> Толстого и признать его одним из виновников анархии. Я поставил бы ему памятник, если бы он во время пребывания своего в Крыму, где *он почти ежедневно обедал у Государя и гулял с ним,* если бы он, воспользовавшись этою редкою от Царя милостию, доложил ему истинное положение России, чем она недовольна и чего желает. Это было бы мужество. А смущать Россию сравнением настоящего положения с 1863 годом, обвинять правительство в слабости, не указывая определенных мер, к каким оно должно прибегнуть, — это есть тоже своего рода агитация».[3]

Очевидно, что Гилярову, как публицисту-философу, была ближе позиция умозрителя, только осмысляющего ситуацию, а не практического деятеля, не утилитарного политика. Поэтому в своей критике правительства и разрушительных сил, ему противостоящих, он был антиподом Каткова. Но тут стоит проде-

[1] *МВед*. 1879. 1 дек. № 306. С. 2.
[2] *СИ*. 1879. 2 дек. № 332. С. 2.
[3] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 502. Л. 3 об.

монстрировать ту «стереоскопичность» зрения Гилярова, то его умение «видеть ясно оба полюса каждой мысли», о которой писал И. В. Павлов. Когда Катков скончался, Гиляров посвятил ему поминальную статью, которая из-за смелости своих чеканных формулировок послужила материалом для донесения Московского цензурного комитета в Главное управление по делам печати. На защиту редактора «Современных Известий» тогда встал исправлявший в тот период должность начальника этого учреждения Ф. П. Еленев, резко одернувший подчиненных, — он высоко оценил статью Гилярова: «Из множества статей по поводу кончины М. Н. Каткова статья Гилярова в № 202 выдается по уму, верности оценки, блестящему изложению и в полной мере правительственному направлению. Только канцелярский взгляд может находить резким и неблагонамеренным все умное и сильно выраженное и одобрительным только бесцветное и льстивое. Цензура, руководящаяся такими канцелярскими взглядами, приносит больше вреда, чем пользы».[1]

А Гиляров в этой своей статье, действительно, сумел взглянуть на дело жизни Каткова под иным, может даже неожиданным для самого себя, углом зрения — и увидел личность, вклад которой в русскую культуру и в политическое самосознание народа неоценим. При этом надо учитывать, что Гиляров всегда был противником этикетного принципа «о мертвых либо хорошо, либо ничего» и обычно давал сошедшим с жизненного поприща деятелям самые нелицеприятные характеристики. Катков для него уже не адепт «аракчеевщины» и «всякой реакции», а «явление небывалое, беспримерное», поскольку «постоянное соединение государственного деятеля и публициста в одном лице <…> самое понимание обязанности публициста как стража государственных интересов — это явилось с Катковым и, должно полагать, с ним прекратится». И далее: «Нужно было польское восстание, нужна была анархистская пропаганда, чтобы голос со Страстного бульвара получил силу трубную архангельского гласа, который бу-

[1] Цит. по: *Шаховской Н., кн*. Никита Петрович Гиляров-Платонов // Сб. соч. Т. I. С. XLIV.

дил мертвых в обществе и от которого содрогались даже власть имущие».[1] И то, что раньше раздражало Гилярова в Каткове («до десятка перемен декорации в quasi-убеждениях»), теперь оказалось наполненным новым, благодетельным смыслом. Он писал: «Катков был не догматик, не творец, а боец <…>. Отсюда нередкие противоречия в его частных положениях: их должно судить с точки зрения общей идеи, которой они подчинялись. А идея эта — *единство Русского Государства и его мощь*. Частные факты, теоретические права и интересы преклонялись пред ней, исчезали в ней».[2]

Известно, что смерть Каткова вызвала в неославянофильских кругах и другие оценки, граничащие с мстительностью и злопыхательством, — так, О. Ф. Миллер говорил об «увлечении» Каткова «чуждым нам строем немецкого полицейского государства» и о том, что он якобы «мог только подрывать политическую мощь России, лишать ее голоса в международных делах всякой силы и всякого веса, а тем самым действовать в руку нашим врагам <…>».[3] Гиляров, таким образом, шел «против течения», но в исторической перспективе его слова были куда более справедливы. Он указывал на заслугу Каткова как раз в деле социальной либерализации, риторически вопрошая при этом: «Если кому казался Катков силой, задерживающею движение вперед, то не покатимся ли мы назад с неудержимою быстротой по кончине того, кому всякая общественная свобода многим обязана, а свобода печати, как она ни умеренна, обязана даже всем?»[4]

Так прощался с Катковым человек, которому впору было бы затаить обиду на него, — ведь последние четыре года, которые им были отсчитаны (они умерли один за другим, с промежутком в три месяца), оказались для их многолетних отношений настоящим испытанием. Все началось с публикации в 1884—1885 гг. в «Русском Вестнике» воспоминаний Гилярова «Из пережитого». 23 ноября 1886 г. в письме к Романову-Рцы Гиляров кратко описал, почему их печатание прервалось на 53-й (из 63-х) главе: «Вы полагаете, что я мог бы писать в “Русском

[1] *Сб. соч*. Т. II. С. 522.
[2] Там же. С. 523.
[3] *Миллер Ор*. Славянофилы и Катков // Русский Курьер. 1887. 28 сент. № 267. С. 2.
[4] *Сб. соч*. Т. II. С. 524.

Вестнике”. Скрепя сердце я писал свою Автобиографию (деньги были нужны); но подвергался таким глупым вычеркам (от собственной руки Михайла Никиф<оровича>), что только руками разводил. Я терпел, имея в виду, что в издании книгою воспроизведу зачеркнутое. Но потом вынужден был взять рукопись из редакции по следующему случаю. Помните, я обличил Мисаила, что произнес под именем своим чужую и притом уже *напечатанную* речь? За это в “Московских Ведомостях” буквально меня обругали и даже назвали *антихристом* (sic), и потом я услышал, что решено не печатать моей Автобиографии в “Русском Вестнике”. Видите, какие отношения!»[1]

Сличение журнальной и книжной публикаций показывает, что Катков убирал отдельные слова и выражения и даже целые абзацы в мемуарах Гилярова главным образом в двух случаях: если в неблаговидном свете изображались представители дворянства (например, рассказы о любовницах старого князя Черкасского из числа его дворовых девушек или о «дворянах-прихлебателях» при его доме), либо если, с точки зрения редактора «Русского Вестника», не соблюдалась должная мера благоговения при описании явлений и событий церковной жизни (например, обращение Гилярова к легенде о святых Касьяне и Николае или описание им неправедного духовного суда над протоиереем В. И. Груздевым). Всего же, по нашим подсчетам, Катковым было сделано 18 существенных «вычерков» по идейным соображениям. Конфликт же разгорелся из-за передовицы Гилярова, в которой он рассказал о «психологическом факте»: викарий Московской епархии, епископ Михаил (Крылов), открывая публичные собеседования со старообрядцами, «произнес *чужую* речь, сказанную при подобных же обстоятельствах в Калуге преосвященным Владимиром Калужским за год назад и даже напечатанную».[2] Катков тут же откликнулся статьей, где «Современные

[1] *Письма к Рцы*. С. 306.
[2] *СИ*. 1885. 10 сент. № 231. С. 2.

Известия» именовались «органом общественного безобразия»,[1] а также поместил заметку, содержавшую личные оскорбления в адрес Гилярова.[2]

Потом, в 1886 г., уже не могло быть и речи о том, чтобы Гиляров заменил Клюшникова в заведовании редакцией «Русского Вестника». Не помог Катков собрату по перу и с кредитом тысяч в десять, хотя его личное состояние, как было известно Гилярову, достигало тогда трех миллионов рублей.[3]

Кончина же его тоже оказалась роковым образом связана с Катковым. Гиляров мечтал взять в аренду осиротевшие «Московские Ведомости», его кандидатуру поддерживали, помимо вдовы С. П. Катковой, московский градоначальник князь В. А. Долгоруков и ряд петербургских сановников. Гиляров предпринял две утомительные поездки в Петербург, чтоб заручиться поддержкой влиятельных чиновников.[4] Здесь 13 октября 1887 г. он и скончался — в номере гостиницы, находившейся у самой Дворцовой площади — в том месте, куда сходились токи русской государственности, над проблемами которой он размышлял всю жизнь и в практическом осуществлении которой деятельно участвовал Катков.

2.2. Н. П. Гиляров-Платонов versus И.-К. Блюнчли: «русская идея» в воззрениях на общество в оценке «либерального консерватора»

Расхожее ныне словосочетание «русская идея», введенное в широкий философский обиход Вл. Соловьевым в 1887—1888 гг., приобрело статус крылатого и вполне в нем утвердилось в нашем, да и, прежде всего, европейском, сознании, пожалуй, только со времени публикации одноименной книги Н. А. Бердяева (1946 г.). Первая же попытка придать этому концепту весомость и актуальную

---

[1] *МВед*. 1885. 13 сент. № 253. С. 2.

[2] *А. М.* Письмо в редакцию // Там же. С. 3. Подробнее об этой истории см.: *Дмитриев А. П.* Н. П. Гиляров-Платонов и его «автобиографические воспоминания» // *Из пережитого*. Т. 2. С. 315—317, а также раздел 3.2.

[3] См. письмо Гилярова к Д. Н. Шубинскому от 24 сентября 1887 г. (ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 49. <№ 10>. Л. 1).

[4] См. об этом подробно: *Гиляров-Платонов Н. П.* Письма к Анне Михайловне Гальперсон: <Эпистолярный дневник 1887 года> // *Из пережитого*. Т. 2. С. 220—247, 497—539.

значимость в глазах европейской интеллектуальной элиты, предпринятая славянофилами чуть ли не на столетие раньше, еще в начале 1860-х гг., даже их современниками осталась практически незамеченной.

Когда один за другим ушли из жизни братья Киреевские и С. Т. Аксаков, а вслед за ними — А. С. Хомяков и К. С. Аксаков, окончилось и существование главного славянофильского журнала «Русская Беседа» (1856—1860). За год до выхода в свет последней книжки, в декабре 1859 г., его негласный редактор И. С. Аксаков сдал дела издателю А. И. Кошелеву и поехал за границу. Планируя в будущем продолжить дело отца и брата, посвятив себя славянофильской журналистике, он собирался в славянских землях Австрии познакомиться поближе с жизнью братских народов, угнетаемых инославной властью, и пополнить свои знания в их языках.

Другой важной целью поездки был замысел опубликовать в немецкой печати подборку лучших славянофильских статей по истории, философии, социологии и эстетике, вышедших в свет в 1850-е гг. Об этом он писал 15 (27) января 1860 г. из Лейпцига своему единомышленнику — настоятелю русской посольской церкви в Вене протоиерею М. Ф. Раевскому: «У меня есть намерение издать здесь книгу под названием “Russische Ideen” — т. е. сборник или выборку замечательнейших статей из “Русской Беседы”, “Сельского Благоустройства” и пр., таких, в которых бы ученый мир европейский ознакомился с оригинальной русскою мыслью, разрабатываемою, конечно, только славянофилами».[1]

Так впервые, и именно в том смысле, какой мы и посейчас вкладываем в эту идеологему, — как новое и властное слово, открывающее Западному миру принципиально иной путь общественно-нравственного преуспеяния (точнее, призывающее его вернуться к основам общежития, заповеданным Евангелием), — обобщающе ёмко прозвучало: «Русская идея».[2] Полемических задач Аксаков

---

[1] *Аксаков в письмах*. Т. III. С. 206.

[2] Хотя буквально «Russische Ideen» следовало бы перевести как «Русские идеи», однако, на наш взгляд, *собирательный* вариант «Русская идея» отличается большей точностью и смысловой насыщенностью. Название будущего сборника предложено К. С. Аксаковым (Там же. С. 37).

и не думал скрывать. Он продолжал: «Немцы говорят, что русские не выработали никакой идеи; вот и следует им показать, что наша идея далеко их опередила и что все, смутно сознаваемое Рилем, Фрёбелем и другими достойными немцами, давно высказано и ясно сознано славянофилами и воплощено в жизни русского народа».[1]

Мысль о такой антологии русской мысли вызревала у Аксакова давно и вполне оформилась, когда стало очевидно, что по многим причинам, в том числе и финансового порядка (издание «Русской Беседы» приносило одни убытки), придется журнал закрыть. В письме к писательнице Кохановской (Н. С. Сохан-ской) от 8 октября (26 сентября) 1860 г. Аксаков, тем не менее, утверждал: «Впрочем, нельзя отрицать огромного влияния “Беседы”, если не на публику непосредственно, то на журналистику, на литературу. История русской мысли, если таковая когда-нибудь явится, должна будет отдать нам справедливость».[2]

Сохранился черновой план предполагаемого издания (в виде приложения к письму от 3 апреля 1860 г., адресованному брату Константину, причем с просьбой показать перечень статей А. С. Хомякову и А. И. Кошелеву).[3] Здесь намечены шесть разделов: «История», «Национальная экономика, этнография», «К социальным вопросам. Смесь», «К истории литературы», «Филология» и «Философия» (их названия, кроме слова «Смесь», приведены в письме по-немецки), в состав которых должны были войти в общей сложности 25 статей, причем принадлежавших перу только основных представителей славянофильского кружка (И. Киреевского, Хомякова, Самарина, Кошелева, братьев Аксаковых и Гиляро-ва) и опубликованных главным образом в «Русской Беседе» и «Сельском Благоустройстве», а также в «Московских Сборниках» и «Журнале Землевладельцев»; некоторые непубликовавшиеся очерки своего брата И. Аксаков собирался представить для перевода в рукописном виде.

---

[1] Там же. С. 206.

[2] *Переписка Аксаковых и Кохановской*. С. 103.

[3] ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 53. Л. 1—2 об. Основную часть письма см.: *Аксаков в письмах*. Т. III. С. 81—84. Установлено, что это части одного письма, опубликовано по автографам и откомментировано нами: *«Русская Беседа»*. С. 301—309.

Конечно, столь обширный замысел потребовал бы для своего воплощения значительного времени и затраты немалых средств. Поэтому Аксаков после названий большинства намеченных для перевода статей сделал пометки: «…полемика, по возможности, выброшена…», «…берется только положительная часть…», «разумеется, с сокращением и ослаблением ее <статьи> полемического, частного характера», «…только в выписках, где заключается общая мысль и взгляд» и т. п.[1] В «Социальном» разделе, наряду с программными работами Хомякова, К. Аксакова и Самарина, под 2-м номером значилось: «Личное и общественное, Гилярова (сокращенное)».[2]

Статья эта вышла в самом конце 1859 г. в малоизвестном умеренно-либеральном «Журнале Землевладельцев», предназначенном для общественного обсуждения поставленной тогда на повестку дня отмены крепостного права. В середине января 1860 г. И. Аксаков, находившийся тогда в Гейдельберге, написал Гилярову, попросив выслать ему «Личное и общественное» для публикации в задуманном сборнике: возможно, об этой статье он узнал от брата Константина, который перед ее отправкой в Германию предлагал Гилярову внести в двух местах слова, поясняющие смысл текста.[3]

Тот охотно согласился послать статью и, откликнувшись сразу же, 28 января, в сопроводительном письме отмечал: «Драгоценнейший Иван Сергеевич, по требованию Вашему шлю Вам немедленно статью свою “Личное и общественное”. Чтобы уменьшить вес, я обрезал края, но читать будет легко; счет страниц остался».[4] Сообщив о вышеупомянутых поправках К. Аксакова, с которыми не вполне соглашался, Гиляров продолжал: «Впрочем, недостаток в этих местах ясности и вообще не вполне философская глубина моей статьи, о чем тоже говорит Константин Сергеевич, может быть, все это и действительно есть. Писав статью, я постоянно сдерживался, постоянно старался оставлять за собою

[1] Там же. С. 304, 305.
[2] Там же. С. 305.
[3] См.: *Шаховской Н., кн.* Годы службы Н. П. Гилярова-Платонова в Московском цензурном комитете, 1859-й год // *РО*. 1898. Т. 50, апр. С. 537—538.
[4] Цит. по: Там же. С. 537.

многое для более подробного раскрытия того же вопроса в особой статье, которую задумывал для “Русской Беседы”».[1]

Узнав, что И. Аксаков, уже ведший переговоры об издании задуманной антологии с лейпцигским книгопродавцем Ф. Вагнером, «затрудняется в отыскании переводчиков», Гиляров передавал совет их общего друга, историка Ильи Беляева (опубликовавшего в «Русской Беседе» три своих очерка): «И. В. Беляев говорил о некотором Фуксе, живущем в Дрездене, дающем там уроки русского языка, хорошо знающем по-русски и хорошо переводящем».[2] Сам Аксаков в уже упоминавшемся письме к протоиерею М. Ф. Раевскому от 15 (27) января 1860 г. сообщал о том, что намерен съездить в Дрезден в поисках переводчика: «В Дрездене живет Павлова, известная писательница, мне хорошо знакомая. Хочу ее уговорить заняться переводом, хоть за деньги».[3] Но поэтесса Каролина Павлова, очевидно, отказалась.

Дальнейшая судьба антологии «Русская идея» до последнего времени оставалась неизвестной. В Германии Аксаков все же сумел найти переводчика, так как из его писем к родным явствует, что он познакомил со статьями, в частности К. Аксакова, многих всеевропейски знаменитых философов, историков, правоведов: Ф. фон Боденштедта, И.-К. Блюнчли, П. Гейзе, Г. Зибеля, Ю. Либиха, Л. фон Ранке, В.-Г. Риля и др.[4] О дальнейшем так писал ученик и биограф Гилярова князь Н. В. Шаховской в 1898 г.: «Предприятие это, однако, не состоялось за неимением у Аксакова на то средств и за неполучением таковых от Кошелева».[5] Это заключение без проверки до сих пор перекочевывает из работы в работу, включая и весьма репрезентативные.[6]

---

[1] Там же. С. 538.

[2] Цит. по: Там же.

[3] *Аксаков в письмах*. Т. III. С. 206.

[4] См.: Там же. С. 63—67, 83—84.

[5] *Шаховской Н., кн.* Годы службы Н. П. Гилярова- Платонова <...> 1859-й год. С. 539.

[6] Ср., например, замечание В. А. Фатеева о «Личном и общественном»: «Эта статья была переведена К. С. Аксаковым для неосуществленного славянофильского сборника на немецком языке…» (Славянофильство: pro et contra: Творчество и деятельность славянофилов в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология / Сост., вступ. ст., коммент., библиогр. В. А. Фатеева. СПб.: Изд-во Рус. Христиан. гуманит. академии, 2006. С. 951). Упомя-

Однако, как нам удалось выяснить, славянофильская антология все же увидела свет. Правда, ее составителем и редактором выступил не Аксаков, а его давний друг, немецкий писатель и переводчик Фридрих фон Боденштедт. В 1862 г. он выпустил в Лейпциге, в издательской фирме Ф. А. Брокгауза, два томика под названием «Русские фрагменты: К познанию государственной и народной жизни в ее историческом развитии»[1] (в литературе встречается и менее удачный перевод заглавия: «Отрывки о России»), предпослав своему изданию два предисловия, первое из которых датировано 8 февраля этого года.[2] Так вот, из 25 статей, планировавшихся Аксаковым к публикации, в «Русские фрагменты» вошло только четыре, в том числе «Личное и общественное». Всего же двухтомник объединил 10 работ славянофилов в переводе Христиана Шмитта: помимо статьи Гилярова, в него вошли по два произведения Ивана и Константина Аксаковых и по одному — Хомякова, Кошелева, Самарина, Бессонова и Ильи Беляева. Вероятно, Боденштедт счел название «Русская идея» слишком уж широковещательным и дал сборнику свое, более скромное, переиначив при этом заголовок хомяковской публикации — «Исторические фрагменты»,[3] — столь же произвольно ей присвоенный (она представляла собой отрывки из «Семирамиды»).[4]

В русской печати антология Боденштедта не была обойдена молчанием. П. И. Бартенев в своем «Русском Архиве» поместил рецензию под рубрикой «Новые замечательные книги», в которой отмечал: «Боденштедт, известный переводчик русских поэтов, автор книги “Tausend und ein Tag in Orient”,[5] принадле-

---

нем, к слову, что к переводу гиляровской статьи К. Аксаков не имел отношения, его осуществил немецкий литератор Хр. Шмитт.

[1] В оригинале: Russische Fragmente: Beiträge zur Kenntniß des Staats- und Volkslebens in seiner historischen Entwickelung. Eingeleitet und herausgegeben von Friedrich Bodenstedt. Leipzig: F. A. Brockhaus, 1862. Bd. I. XXVII, 316 S.; Bd. II. 389 S.

[2] Перевод большого аналитического Введения Фр. Боденштедта осуществлен нами: *«Русская Беседа».* С. 312—340.

[3] Russische Fragmente. Bd. II. S. 133—240.

[4] Подробнее об антологии «Русские фрагменты» см. нашу статью: *Дмитриев А. П.* «Русская Беседа» в Германии: История славянофильской антологии «Русские фрагменты: К познанию государственной и народной жизни в ее историческом развитии» (Лейпциг, 1862), изданной Фр. фон Боденштедтом // *«Русская Беседа».* С. 278—300.

[5] То есть «Тысяча и один день на Востоке» (Bd. 1—2. 1849—1850) — мемуары, основанные на впечатлениях от путешествия по Крыму и Кавказу в 1844—1846 гг.

жит к числу немногих живших в России немцев, которые, в благодарность за русскую хлеб-соль, стараются противодействовать застарелым предрассудкам, господствующим в Западной Европе относительно всего русского, и знакомят своих соотечественников с Россиею в ее лучших проявлениях».[1] Перечисляя вошедшие в двухтомник материалы, Бартенев особо комментирует одну только статью — Гилярова, приводя ее название в обратном переводе с немецкого: «…“Общее и частное” (крайне замечательная по глубине и самобытности взгляда статья, на которую у нас почти не обратили внимания, так как она затерялась в одной из книжек “Журнала для Земледельцев”) <…>».[2] Появился отклик на антологию и в брюссельском эмигрантском журнале «Свободное слово», о чем скажем ниже, и в центре этой рецензии — тоже «Личное и общественное».

И действительно, эта гиляровская статья концептуально чрезвычайно насыщена и представляет собой как бы конспект, краткий очерк православного учения об обществе. В антологии она оказалась дополнительно выделенной еще и тем, что ею открывался второй том. Написана она была по частному поводу. Это, собственно говоря, развернутая реплика на статью малоизвестного публициста В. Д. Дубенского «Свобода и рабство», опубликованную месяцем ранее в том же «Журнале Земледельцев».[3] Свое возражение Гиляров напечатал под криптонимом «Н. Г—в», которым в тот период обыкновенно подписывал все свои статьи в различных изданиях, — не столько потому, что одновременно являлся цензором этого журнала, сколько из принципиальных соображений: он всегда хотел, чтобы истина говорила сама за себя, убеждая читателя самоочевидными доводами, а, к примеру, не давя на его сознание авторитетом дипломированного ученого и не служа источником авторского тщеславия.

---

[1] *РА*. 1863. Вып. 2. Стб. 173—174.

[2] Там же. Стб. 174.

[3] Отсюда подзаголовок гиляровской заметки: По поводу статьи г. Дубенского «Свобода и рабство». «Ж<урнал> З<емлевладельцев>. № 22.

В «Русских фрагментах» впервые[1] статья Гилярова подписана не псевдонимом (хотя, например, очерк И. В. Беляева помещен, как и в «Русской Беседе», под криптонимом «Ил. Б….в»[2]), а его настоящим именем в немецкой транскрипции: N. Gilarow. Любопытно, что И. Аксаков, зная об особой позиции приятеля по вопросу об авторстве, специально обговаривал с ним эту подпись. Тот отвечал (в письме от 28 января 1860 г.): «В случае перевода или выдержек и сокращений из моей статьи, если Вы считаете нужным упомянуть мое имя, то покорнейше Вас прошу писать его следующим образом: Hilarow. Вам смешно? Но я пурист и ревнивец в этом отношении. Фамилия моя имеет свое происхождение, по которому она и должна писаться так, а не иначе».[3] Однако, очевидно, до Боденштедта, издавшего книгу, это пожелание Гилярова не было доведено.

Вместе с тем существенно, что ни одна из опубликованных в «Русских фрагментах» статей не вызвала таких развернутых контраргументов, как «Личное и общественное» — на четырех страницах убористой печати Гилярову отвечал сам Иоганн Каспар Блюнчли (1808—1881), знаменитый швейцарский правовед и государственный деятель,[4] уже издавший к тому времени свой труд «Общее государственное право» (Abtl. 1—2, 1851—1852; рус. пер. с 3-го изд. Н. П. Ляпидевского под ред. Ф. М. Дмитриева: М., 1865—1866. Т. I, вып. I—II). С 1861 г. он занимал кафедру конституционного права в Гейдельбергском университете; свое мировоззрение именовал «либеральным консерватизмом». В России работы Блюнчли были особенно популярны в пореформенный период: с 1865 по

---

[1] Это редчайший случай для Гилярова, который в дальнейшем подпишет полным именем только свои мемуары 1884—1887 гг. и очерки, печатавшиеся в аксаковской «Руси» в 1884—1885 гг.

[2] См.: *Б—в Ил. <Беляев И. В.>*. Об историческом значении деяний Московского Собора 1551-го года: (По поводу 92—122 страниц VII-го тома «Истории России» г. Соловьева) // *РБ*. 1858. Кн. IV. Отд. III: Критика. С. 1—34.

[3] Цит. по: *Шаховской Н., кн.* Годы службы Н. П. Гилярова- Платонова <...> 1859-й год. С. 538. Имеются в виду латинские корни фамилии (от hilarus — веселый), которой первым в семье наделен был старший брат Никиты, Александр, при его поступлении в Коломенское духовное училище в 1810 г.

[4] В своем «Предисловии» Боденштедт писал: «Примечания государственного советника Блюнчли посвящены только тем вопросам, где русская и немецкая точки зрения отличаются одна от другой, где немецкая наука может оспорить представления русской. И этим повышается ценность настоящего издания» (Bd. I. S. XXVII). Здесь и далее переведено с немецкого мною.

1877 г. переведены пять его главных книг. Заложенные в них принципы внутренней жизнедеятельности так называемого «современного государства», а также нормы военного и международного права основаны на идеях органической школы в юриспруденции, переносившей законы естествознания на процессы, происходящие в обществе. Но именно эти принципы и стали идеологическим фундаментом для последующего (вплоть до наших дней) политического и экономического развития «демократий» в США и большинстве стран Европы.[1] Вот почему спор 150-летней давности, развернувшийся на страницах полузабытого немецкого издания, приобретает, на наш взгляд, и актуальное звучание.

Статья Дубенского, давшая материал для полемики, представляла собой характерный сгусток идей, носившихся в воздухе по завершении тоталитарного Николаевского правления. Вкратце суть этих настроений можно выразить так: после мрачной эпохи диктата надличностных ценностей и порабощения человека государством наступает период раскрепощения личности как таковой и эта эмансипация сродни той свободе, которую проповедовало Евангелие. Но Дубенский впадал в крайность: по его убеждению, человек должен отказаться от довлевшего над ним «нравственного коммунизма», в координатах которого он выступал только «членом общества, человечества и даже вселенной», и признать далекими от христианства такие, например, «отсталые» принципы: «для блага общего нужно жертвовать личными интересами» или «в обществе каждый должен думать обо всех и все о каждом».[2] При этом, предвидя, что его могут обвинить в проповеди эгоизма, Дубенский назвал свой принцип «индивидуализмом», который якобы «более согласен с истинным человеколюбием, нежели всякая другая философская система».[3]

---

[1] Чутко уловивший эти тенденции блюнчлианства Л. А. Тихомиров в начале XX в. выявил его антихристианскую сущность, убедительно показав неправедно-олигархический характер власти при отказе общества от монархического устройства (см.: *Тихомиров Л. А.* Монархическая государственность. СПб.: Рос. имперский союз-орден, 1992. С. 29, 37—38).

[2] См.: *Дубенский В.* Свобода и рабство: Отношение между свободой и собственностью. Истинное значение рабства. Несколько слов о равенстве // *ЖЗ*. 1859. Т. VI, № 22. С. 212.

[3] Там же. С. 230. Отметим, к слову, что по своему содержанию статья Дубенского невольно напоминает публицистику многих российских социологов и экономистов конца 1980-х — начала 1990-х гг.

Гиляров в своей отличающейся изысканной ясностью стиля 30-страничной статье на образных контрастах и метафорических сопоставлениях убедительно показывает, что оба социальных принципа — индивидуализм и коммунизм — порождены историческим «бытом Европы с ее личным началом» и равно чужды исконным традициям православно-русской жизни. Более того — при видимой враждебности они соприродны: «Сущность в том, — пишет Гиляров, — что коммунизм, как и индивидуализм, оба равно построены на эгоистическом начале и как тот, так и другой — оба равно служат химерической мечте примирить исключительное самоугождение личности с идеею общественности <…>».[1] Естественный эгоизм, положенный в основание социальной жизни, с одной стороны, ориентирует людей на труднодостижимый гедонистический идеал («Каждый желает наслаждаться, но наслаждение никому не дается даром»[2]), а с другой — неизбежно приводит к общественному злу и насилию. Оба социальных принципа, считает Гиляров, опираются на зависть, которая признается «началом справедливости и средством к достижению всеобщего счастья»: только индивидуализм проповедует «*зависть* с личным самоуправством»,[3] а коммунизм — «*зависть* с насильственным нивелированием всех посредством общества».[4]

Свои размышления Гиляров заключает афористически отточенной формулой: «Индивидуализм есть эгоизм непосредственный, действующий во всей случайности произвола и жертвующий многими для нескольких. Коммунизм есть эгоизм, возведенный в абстракт, действующий в силу предуставленной необходимости и жертвующий всеми — ни для кого».[5]

Не останавливаясь здесь на многих других аргументах, ценных наблюдениях и тем более ответвлениях от основной темы, которыми изобилует гиляровская статья, воспроизведем только столь же ярко сформулированные в ней «ис-

[1] *Сб. соч*. Т. 2. С. 18.
[2] *Сб. соч*. Т. 2. С. 20.
[3] *Сб. соч*. Т. 2. С. 21.
[4] *Сб. соч*. Т. 2. С. 22.
[5] *Сб. соч*. Т. 2. С. 25.

тинные основания социальной науки, которые <…> не мнимо, а действительно согласны с христианством»:

«Жизнь есть подвиг, а не наслаждение.

Труд есть долг, а не средство своекорыстия.

Верховный закон междучеловеческих отношений есть всеотдающая себя любовь, а не зависть.

Люби ближнего, как самого себя, — вот в двух словах все начало должных общественных отношений, истинно христианских и истинных во всяком другом значении этого слова.

Лицо, сохрани свою инициативу, владей всею свободою, какою одарено, употребляй всю энергию, к какой способно, но клони все свои действия на благо человечества, на пользу братьев. Представьте, что это соблюдается всеми, — и никакого противоречия, никакого неудобства нет: общество сохраняется, труд увеличивается, счастие всех и каждого достигается».[1]

Таким образом, Гиляров, взглянув на политический и экономический радикализм своего времени «с *восточной* точки зрения, с точки зрения христианской любви как основы социальной жизни»,[2] да и краеугольного камня всего здания «русской идеи», отверг модные теории индивидуализма и коммунизма и показал, что между этими опасными крайностями существует третий, имеющий религиозно-этическую подоснову, путь, полностью соответствующий принципам русской национальной социологии.

Теперь посмотрим, какие выдвинул возражения и какие смог представить контраргументы знаменитый гиляровский критик. Блюнчли начинает с того, что ему «для обоснования и изложения своего мнения» необходимо пространство отдельной статьи, но он вынужден отвечать кратко: «В связи с важностью во-

[1] *Сб. соч*. Т. 2. С. 28.

[2] *Шаховской Н., кн.* Годы службы Н. П. Гилярова- Платонова <...> 1859-й год. С. 526.

проса мы не можем молчать, чтобы не возникало ошибочного представления, будто мы полностью разделяем взгляды русского автора».[1]

Стремясь оставаться на заданной Гиляровым общефилософской точке зрения, но при этом уклоняясь от каких-либо этических коннотаций, Блюнчли, во-первых, упрекает его в противопоставлении индивидуализма и коммунизма: «По нашему мнению, тут ошибка уже в самом вопросе, который принимает только одну сторону и исключает другую. Вообще, опасность логическая и практическая в той *односторонности* обоих принципов, когда настоящая истина состоит из их *союза*».[2] Следовательно, по Блюнчли, получается, что можно взять лучшее из двух этих крайностей, тем самым их обезвредив, и соединить в единое полезное.

Во-вторых, Блюнчли, подобно В. Д. Дубенскому, пытается развести в разные стороны понятия «индивидуализм» и «эгоизм», понимая первое как заповеданный Богом дар личностной неповторимости: «Поскольку каждый *отдельный человек* <*Einzelmensch*> отличается от всех остальных своим неповторимым обликом и является *уникальным существом* <*Einzelner*>, так как его индивидуальность такова, какой ее создал Господь, он имеет естественное право быть самим собой». Эгоизм, по Блюнчли, является недолжным искажением индивидуализма: «Но если индивидуум *только* и односторонне только о себе думает, *только* сам хочет и все обязательства к общественному <Ganzes> забывает и отодвигает в сторону, то справедливый принцип индивидуализма превращается в нежелательный эгоизм».[3] Как видим, швейцарский ученый в полемических целях упрощает ситуацию, как бы не замечая, что естественная неодинаковость людей неизбежно порождает порабощение и угнетение в обществе и потому противопоставление индивидуализма эгоизму лишено онтологических оснований.[4]

Кроме того, в своих суждениях он, оставаясь на почве позитивизма, отказывается от опоры на христианскую антропологию (прежде всего на учение о

---

[1] Russische Fragmente. Bd. II. S. 42.
[2] Ibid.
[3] Ibid.
[4] См.: *Сб. соч*. Т. 2. С. 12.

падшей природе человека), поэтому в дальнейшем его апелляция к религиозным ценностям выглядит декоративной и голословной. Так, Блюнчли настаивает: при устроении государства следует учитывать, что «человек является не только индивидуумом, но *одновременно как человек* и членом большой общины <Gemeinschaft>, своей семьи, своего народа, всего человечества»,[1] ибо «только там, где *обе стороны* учитываются, можно замечать волю Божию в сотворении человека. Если бы Он не хотел сосуществования *обеих сторон <Beides>*, то не сотворил бы двойной природы *расы и индивидуальности, воплощенных* в каждом отдельном человеке <Einzelmensch>».[2]

Гиляров в своей статье утверждал, что «цивилизация развилась помимо развития личности и часто вопреки ему».[3] Оспаривая этот тезис, Блюнчли смотрит на прогресс оптимистически, как на плодотворное сотрудничество принципов государственности (это понятие употребляется им как идентичное «коммунизму») и индивидуализма: «Государственный деспотизм Рима подавил бы человечество, если бы германские народы не начали бы победоносную борьбу за индивидуальную и общественную <Genossenschaft> свободу. Германское требование индивидуализма приводило бы к полному разрушению целого на свои части, если бы германцам не пришлось бы идти в римскую школу и в лице церкви и государства преклониться пред авторитетом целого».[4] Сходно по смыслу и такое возражение Блюнчли: «Еще меньше можем согласиться с тем, что католическая церковь является представительницей принципа индивидуализма. Как церковь, она, наоборот, должна выступать за принцип общего <Gemeinschaft>, и Римская церковь делает это таким односторонним и энергическим образом, что она напоминает Древнеримское государство».[5]

Если же посмотреть непредвзято на исходные рассуждения Гилярова на сей счет, то становится очевидным, что его оппонент постоянно переносит спор

---

[1] Russische Fragmente. Bd. II. S. 43.
[2] Ibid.
[3] *Сб. соч*. Т. 2. С. 10.
[4] Russische Fragmente. Bd. II. S. 43—44.
[5] Ibid. S. 44.

в иную плоскость. Гиляров говорил о деспотическом превознесении личности папы римского как факторе ретроградном, «задерживавшем успехи просвещения»: «Католицизм есть высшее освящение личного авторитета в сфере религии: ему в быте вполне соответствовала форма феодальных отношений. То, что составляет основную идею теперешнего индивидуализма, — идея личного самоуважения, — возникло, развилось и получило значение именно в эту пору. И это — пора рабства и крайнего невежества. Протестантизм смягчил личное начало <…> И это <…> принесло свой плод в успехах просвещения».[1]

Еще одно частное расхождение выявляет несовместимость оптимистического прекраснодушия Блюнчли и близкой к пророчеству рефлексии Гилярова. Последний констатирует: «…история европейской цивилизации есть история перемен одного вида рабства на другой»,[2] имея в виду то, что в «современном государстве», защищаемом Блюнчли, «насилие капитала над трудом, право, стоит старого патриархального насилия господина над рабом».[3] Эти положения немецкий правовед оставляет без внимания, но вооружается против дальнейшего развития гиляровской мысли. Изнутри переживаемого русской культурой (как раз на рубеже 1850—1860-х гг.) периода «обличительной гласности» Гилярову открывалась опасность будущих тонких манипуляций сознанием и верованиями людей, и он высказывается о нарождающейся «власти общественного мнения», которая представляет собой насилие над человеческой душой — «насилие более ловких, более остроумных над лицами более простодушными и честными, более скромными, хотя, может быть, иногда менее даровитыми».[4] «Это, — заключает русский мыслитель, — насилие соблазна и обольщения <…> оно убивает свободу в самом корне, под видом уважения именно к той же самой свободе».[5]

Блюнчли убежден, что подобная опасность преувеличена и если кому может угрожать, то разве что единицам: «Общественное мнение есть *мнение обще-*

---

[1] *Сб. соч*. Т. 2. С. 10.
[2] Там же. С. 12.
[3] Там же. Т. 2. С. 11.
[4] Там же.
[5] *Сб. соч*. Т. 2. С. 11—12.

ства; и когда оно становится опасным для свободы, то опасность состоит не в том, что будут подавляться порядочные граждане, а в том, что те отдельные человеческие особи, которые думают, веруют, желают иначе, чем понимает и желает мнение общества, будут последним преследоваться. Общественное мнение является по своей природе демократическим, если хотите, репрезентативно демократическим. Поэтому оно является опасным прежде всего для *аристократов духа,* которые ему не поддаются и им не упиваются».[1] Общественное же мнение, «согласное со своим высоким идеалом», по Блюнчли, «к любой свободе, в том числе индивидуальной, вполне терпимо <…>».[2] Излишне говорить, насколько все же прав оказался здесь Гиляров, словно бы заглянувший в наш век постиндустриального общества потребления с его пиаровскими технологиями; хотя, конечно, нельзя не признать и резонность опасений Блюнчли, имевшего в виду тиранию обывательского мироотношения, навязываемого всем без разбора членам общества.

Завершая полемику с русским социологом, Блюнчли, казалось бы, возвращается к главному (и безусловному для обоих авторов) критерию истинности любой теории — христианскому учению. Но тут он ограничивается малосодержательным софизмом, утверждая: «Христианство терпит и тот, и другой принцип. Христос сам принес как индивидуальность, так и <…> воспитывал людей как братскую общину чад Божиих».[3] Здесь налицо подмена понятий и нет, например, ни слова о грехе, являющемся источником общественного зла, или о заповеданном Евангелием подвиге обновления человеческой природы.

Столь же неправомерным выглядит и мнение Блюнчли, будто бы принцип индивидуализма заложен в самой Христовой проповеди. Он слегка подтрунивает над Гиляровым: «Даже в высказывании, которое признано нашим автором как ядро всего его представления: “Люби ближнего *как любишь себя*”, — содержатся

---

[1] Russische Fragmente. Bd. II. S. 44.
[2] Ibid.
[3] Ibid. S. 44, 45.

оба принципа рядом друг с другом; и любовь к ближним отражает *любовь к своей уникальности*».[1]

В последних же словах Блюнчли слышится уже нескрываемое раздражение, он пишет: «Имея отправной точкой этот религиозный и житейский принцип любви, нет никакой возможности вывести заключение в области экономики или права. На этом нельзя установить экономических и юридических законов, и с этим одним нельзя построить ни дома, ни государства».[2]

Эта реплика обнаруживает, пожалуй, главный пункт противостояния русских западников и славянофилов. И самое существенное в их спорах — благодаря полемике Гилярова и Блюнчли — становится достоянием европейской науки об обществе. Мы имеем в виду идею «социального христианства», воплощения евангельского идеала не только в индивидуальной духовной жизни людей, но и во всей полноте их общественного бытия, к каковому *подвигу*, как считали славянофилы, прежде всего и призван русский народ. Позволим себе пространную выдержку из письма Ю. Ф. Самарина к А. О. Смирновой-Россет, датированного тем же 1859 годом (13 марта),[3] когда увидела свет и статья Гилярова. Самарин писал: «…нельзя же не признать, что во всей Европе существует только один народ, носящий Христа в душе своей, только один, для которого не порвалась нить, связывающая земное с небесным, которого взоры беспрестанно, сами собою обращаются кверху, а пальцы складываются для крестного знамения при всяком событии, грустном и радостном. Не разделяю я того монашеского взгляда, к сожалению довольно у нас распространенного, будто бы смысл для разумения Божественного может существовать одиноко в душе человека, не воздействуя на другие способности. Этот смысл есть первое условие всякого образования, умственного и гражданского, есть ручательство за силу, крепость, глубину и

[1] Ibid. S. 45.

[2] Ibid.

[3] Это письмо заключает в себе чрезвычайно важные, хотя и не широко известные положения славянофильской программы, и не исключено, что с ним были знакомы все члены кружка: список самаринского письма был найден в бумагах кн. В. А. Черкасского и впервые обнародован исследовательницей его жизнедеятельности: *Трубецкая О., кн.* Материалы для биографии кн. В. А. Черкасского. М., 1901. Кн. I: Кн. В. А. Черкасский и его участие в разрешении крестьянского вопроса. С. 313—316.

здоровье духа. В науке, на службе, на войне, в домашнем быту, в торговле, промыслах — во всем он должен заявить себя, и мы уж видели задатки этих будущих проявлений. Вспомните Гоголя, который изнемог, когда почуял громадность задачи, выросшей перед ним, задачи обновления художества в живой струе христианства. Все же он один ее почуял, тогда как ни Гете, ни Байрон — никто ее не подозревал. И много еще падет, исчахнет благородных деятелей и передовых людей, которых вся беда состоять будет в том, что русская грудь одинокого человека не вместит в себе задачи, заданной целому народу. Но наконец же озарится когда-нибудь и весь народ сознанием своего призвания <…>».[1]

Неудача же западной гедонистической цивилизации, в сущности предавшей забвению идеалы христианского подвижничества, по мысли Гилярова, во многом объясняется тем, что общество не имеет верного представления о взыскуемой им свободе. В «общее сознание», убежден он, должно войти, «что истинная свобода вовсе не есть *личная* свобода; что свобода есть беспрепятственная возможность согласия личности с теми разумно-нравственными законами, которые вложены в нее, с тем Божественным семенем, которое всем нам одинаково дано для произращения; и что, наконец, в этом смысле личная свобода есть именно личное порабощение, совершенное самоотречение личности, совершенное ее самоотвержение и самопокорение Закону Божественному».[2] Эти гиляровские формулировки, действительно, затрагивают корень общественных нестроений его эпохи и не случайно они выглядят — сходство поразительно! — как экстракт художественной философии «Преступления и наказания», хотя высказаны были за семь лет до публикации Достоевским его великого романа.

Впоследствии Гиляров не раз возвращался к этой статье своей молодости: и когда в течение 20 лет (с 1867 г.) издавал ежедневную газету «Современные Известия», и работая с начала 1870-х гг. над своим политэкономическим трудом,

---

[1] Из писем Ю. Ф. Самарина // *Нольде Б. Э.* Юрий Самарин и его время. М.: Эксмо, 2003. С. 514—515.

[2] *Сб. соч.* Т. 2. С. 14.

в основу которого были положены принципы христианской нравственности,[1] и на склоне лет, когда настоятельно рекомендовал познакомиться со статьей своим ученикам. Так, посылая за год до кончины ее оттиск публицисту И. Ф. Романову-Рцы, он оставил на нем следующие строки: «К нижеписанным основным началам я часто возвращался и в газете. Они — зерно моего этического и социального воззрения».[2]

А в письме к нему же от 23 ноября 1886 г. он так актуализировал основные идеи статьи, закладывавшие фундамент будущей углубленной научной разработки отечественной социологии (приводим большой фрагмент письма, впервые опубликованного нами в малотиражном издании): «“Личное и общественное” касается существеннейшей темы периода, проживаемого теперь человечеством. Решением этого вопроса и живет теперь человечество. Резче всего он обозначается на экономической и политической почве, в виде борьбы между либерализмом и социализмом, буржуазиею и пролетариатом, парламентарностью и коммуною etc. Та же борьба переносится и в сферу этики и даже в метафизику и естественные науки. Но центр — в экономических вопросах, в размежевании капитала с трудом. / Набрасываю Вам только заголовки. Вглядываясь в течение современной истории, мыслящий человек не мог не задавать вопросов: останутся ли государства? Какое их отношение будет к народностям? Какая мера личной и общественной свободы отмежуется? В той и другой какие отношения будут между духовною и материальною деятельностью? Теперешнее атеистическое направление французской политики не окажется ли справедливым? / Вы удивляетесь, но возьмите в расчет: политическая власть имеет ли право прививать с младенчества известное верование, какое оно ни будь? Тогда за ним право воспитывать всех до одного в определенном веровании и свобода веры обращается в ничто. Или же от него должно быть отнято всякое право общественного воспитания, на том основании, что воспитание без духовной закладки невозможно. Так где же справедливый порядок воспитания? Церковное воспитание? Но по-

[1] Это так и не завершенное исследование было издано посмертно под названием «Основные начала экономии» (М., 1889).

[2] *Сб. соч*. Т. 2. С. 3.

чему, по какому праву, точнее — основанию? Воспитание детей есть все-таки антиципированное[1] насилие. Зашнуровывайте ребенка: Вы можете его изуродовать. А воспитание есть духовная шнуровка. Вопрос остается неизменным — кто будет шнуровать: государство, община, церковь, семья, — и каждый раз к воспитателю вопрос: где Ваше право? / Наброски, сейчас Вами прочитанные, дают Вам понять, почему определение, границы между личным и общественным есть самый основной вопрос и он стучится во всех сферах, между прочим формулируясь в следующий: да есть ли еще личность и свобода вообще не есть ли призрак; человеческое существо не есть ли химическое сочетание клеточек, не более, жизнь которого в полной и единственной зависимости от внешнего питания? <…> / Но *мир* существует со своими законами *необходимости*, которая есть граница *свободы* и ее прямое отрицание. Задача коллективного человечества — борьба с ним и покорение его: а) отчасти *свободою* и *любовью* общежития: действие частное и мимолетное, но главное: б) тем же орудием *необходимости*, иначе — *логики* и *ума*. В этом и состоит, как писал я Вам, *прогресс*. Так я его понимаю. Церковь (в идее, Православие in se) не спорит с прогрессом, напротив, имеет в нем союзника, идущего с другой точки и другою дорогою и преоборяющего грех (порождением которого есть мир как таковой) тою же мирскою силою. Установить так течение мирской жизни (начиная с физических явлений природы и до физической жизни человека), чтобы сама физика, поколику она противоборствует духу, давала простор свободе: вместо случайной и бесцельной борьбы стихий, порабощающих дух, так расположить действие тех же стихий, чтобы они работали по плану, им указанному, освобождая притом человека от личного напряжения, — вот задача прогресса во всех видах, начиная с паровых машин и до улучшенных политических форм. Эти формы применяют также закон необходимости, действуют принудительно; заимствует свои видимые формы от них и *Церковь*. Но сама Церковь все-таки вне их и ее видимое устройство, принадлежа ей, все-таки не ее формы».[2]

---

[1] То есть предвосхищающее, преждевременное.

[2] *Письма к Рцы*. Л. 303—304, 305.

Остается открытым вопрос, ознакомился ли Гиляров с замечаниями Блюнчли на свою статью. Вероятнее всего, что нет, так как 3 ноября 1886 г. в письме к Романову-Рцы он смог вспомнить только о самых общих впечатлениях германских светил от его «Личного и общественного»: «И. С. Аксаков в бытность за границей дает в переводе выдержки из одной принципиальной моей статьи, и, по его словам, она поразила ученых немцев, которые ее читали. Казалось бы, довольно для славы. Да мне ее и не нужно; но скажите: где же плод? Кто же меня слушает?»[1]

Но если Гиляров не имел случая прочесть ремарки Блюнчли, то это сделал публицист Л. П. Блюммер, представитель российской либерально-конституционалистской эмиграции, посвятивший свою рецензию на «Русские фрагменты» (Свободное слово. Брюссель, 1863. № 1. С. 95—96) обличению швейцарского правоведа,[2] который в тот период являлся мишенью для русской радикальной журналистики.[3] Блюммер, в частности, возмущался: «Просто непонятно, почему этого ультра-австрийца г. Боденштедт ставит как компетентного судью русских славянофилов, иногда заблуждавшихся — но всегда честных, даровитых и умных исследователей духовной и материальной жизни русского народа. И нужно отдать полную справедливость: анмеркунги гейдельбергского профессора в тысячу раз курьезнее всех промахов славянофилов. В его немногих строчках драгоценные перлы нижут цельный тип той доктрины, с высоты которой смотрит обыкновенно немецкий гелертер на сплетения русской жизни, на своеобразие и своеличность русского понимания. Staatsorganismus* — это вещь; без которой немыслим никакой немецкий ум — и, Боже мой, как же казнит “маленький умиско (sic!)” немцев писателя, общество, целый народ, если они по каким-нибудь обстоятельствам представляют отношения, не подводимые под тео-

[1] Там же. С. 256.

[2] См.: *Гусман Л. Ю.* Неизвестный отклик эмигранта-конституционалиста Л. П. Блюммера на популяризацию славянофильских идей в Германии (1863) // *Гиляров: ИМБР*. С. 819—826.

[3] См., например: *Жуковский Ю. Г.* Что такое право?: Наша ученая простота и немец Блюнчли // Современник. 1860. № 11. С. 83—102.

* государственный организм (*нем*.).

рию государственного организма! Всякая неисключительно государственная сила (напр<имер>, общественная) ему кажется не имеющею в основании нравственного сознания, и только государству “nicht Gewalt sondern das sittlichen BewuЯtsein des Rechts”* дает “macht Ordnung”*».[1] Думается, эти суждения всецело поддержал бы и Гиляров, и, особенно, И. Аксаков.

Позднее в одном из номеров своих «Современных Известий» (№ 129 от 13 мая 1868 г.) Гиляров опубликовал речь Блюнчли «О национальном значении для Германии Протестантского союза», дав ей в передовой статье высокую оценку — за признание религиозного, а не экономического начала приоритетным «двигателем» современного общественного развития, хотя при этом отмечал несообразности в характеристике оратором вероисповедных проблем.[2] Как знать, не посодействовал ли спор 6-летней давности толчком для корректировки швейцарским ученым его социологических построений?..

Тем не менее спустя более четверти века после публикации «Личного и общественного» Гиляров сокрушался, что его голос не услышан современниками, а его вклад в социологию остался будто бы втуне.

2.3. Н. П. Гиляров-Платонов, И. С. Аксаков и М. Н. Катков: 50-летие служения святителя Филарета, его кончина и 100-летний юбилей в оценках «триумвирата» московских консерваторов

Известно, что при жизни святителя Филарета (Дроздова) по его настоянию действовал полугласный запрет не только его публичного восхваления, но и вообще каких-либо оценочных характеристик его личности в печати. Поэтому формирование и становление своеобычного *литературного* образа владыки, которого еще при жизни нередко именовали «Патриархом Всероссийским» (из-

---

* «не сила, а моральное сознание права» (*нем*.).

* «устойчивый порядок» (*нем*.).

[1] Цит. по: *Гусман Л. Ю.* Неизвестный отклик… С. 826.

[2] См.: *Гиляров-Платонов Н. П.* Религиозное начало как двигатель истории // *Вопросы веры и церкви*. Т. I. С. 11—13.

вестное свидетельство Н. В. Сушкова)[1] и по праву считали авторитетнейшим православным иерархом-богословом XIX в., поначалу происходили в устной культуре.

Диапазон этих оценок Филарета широк — именно в связи с многосторонностью его личности и ее значимостью для общественно-религиозной жизни XIX в. При этом в «образованных» кругах преобладало негативное отношение к владыке как к некоему столпу неправедной власти. И тут в одном ряду с ядовитым герценовским афоризмом: «…он восхотел суетно совместить белый клобук с жандармским аксельбантом <…>»[2] — стоят отзывы даже, казалось бы, людей диаметрально противоположных взглядов. Так, Вера Аксакова 24 февраля 1855 г. записывала в своем дневнике, отражая, безусловно, мнение всего семейства, что Филаретом «всякое живое слово, всякая мысль, сколько-нибудь носящая личный взгляд человека, уже подвергается осуждению и т. д. Филарет — совершенный Госуд<арь> Ник<олай> Павл<ович>, та же система, и то же убеждение, и та же сила воли. — Человек гениальный, но в каких тесных рамках! Что мог бы он сделать, если б не следовал этой системе».[3]

И другая крайность — экзальтированное обожание владыки, отношение к нему как к святому. Князь В. Ф. Одоевский, не скрывая иронии, отметил в дневниковой записи от 20 сентября 1864 г.: «В Москве существуют дамы, сами себя называющие *филареточки* и *леонидочки*.[4] Одна из них через два месяца после причастия, данного ей Филаретом, еще чувствует его на языке».[5] Либо — в этом же ряду — любование его резкими и остроумными реакциями, когда случалось вторжение в подведомственную ему область духовного управления со стороны светских властей. Так, профессор Московской духовной академии П. С.

---

[1] *Сушков Н. В.* Записки о жизни и времени святителя Филарета, митрополита Московского. М., 1868. С. 138.

[2] *Герцен А. И.* <Предисловие к «Историческому сборнику Вольной русской типографии в Лондоне». Книжка первая. London, 1859> // Собр. соч.: В 30 т. М., 1958. Т. XIV. С. 82.

[3] *Аксакова.* С. 152. См. эту цитату в расширенном виде на с. 000.

[4] *Леонидочки* — почитательницы викария святителя Филарета — преосвященного Леонида (Краснопевкова), епископа Дмитровского в 1859—1876 гг.

[5] Текущая хроника и особые происшествия: Дневник В. Ф. Одоевского 1859—1869 гг. // Литературное наследство. М., 1935. Т. 22/24. С. 185.

Казанский 6 февраля 1867 г. сообщал в Кострому своему брату епископу Платону (Фивейскому), что «митрополит вздумал выехать в Успенский собор, в Чудов, к Иверской и что этим случаем воспользовался, чтобы дать выговор оберполицеймейстеру Арапову, который стал предъявлять требование, чтобы певчие митр<ополита> не пели в приходских церквах, не имея свидетельства от капеллы. Митрополит потребовал его к себе, спросил, что за требование, и когда тот изложил, митрополит сказал: “Это не ваше дело, а вот ваше дело смотреть за дорогою в Москве, я едва шею себе не сломал, — своим-то делом вы и не занимаетесь, — ступайте!”».[1] **(**Несомненно, именно этот нагоняй незадачливому оберполицеймейстеру, обросший дополнительными слухами и подробностями, впоследствии послужил Н. С. Лескову материалом для одной из наиболее ярких глав (XIII) «Мелочей архиерейской жизни».[2]**)**

Плотина была прорвана за три с половиной месяца до кончины святителя, когда в России всецерковно, и даже — можно сказать без преувеличения — всенародно, праздновалось пятидесятилетие его служения в архиерейском сане. Наконец русская печать могла отдать должное святителю и высказаться о его роли в национальной культуре. Обратимся к этим отзывам, оставив, впрочем, в стороне многочисленные отклики на юбилей и последовавшую вскоре кончину Московского архипастыря, увидевшие свет в духовной периодике, поскольку они, особенно первое время, не выходили за границы эпидейктического, хвалебного жанра и были не лишены известной этикетности, да в них, впрочем, и не ставилась задача глубоко постичь личность Филарета, дать ей объективно-взвешенную оценку.[3]

Так вот, в большинстве столичных газет юбилейные торжества, отмечавшиеся 5 августа 1867 г., были либо вовсе обойдены молчанием, либо удостоены

---

[1] *Беляев.* Вып. II. С. 126.

[2] Впервые увидела свет как отдельный очерк под названием «Случай с генералом у митрополита Филарета»: *ИВ*. 1880. Т. II, июнь. С. 255—267.

[3] Одно из немногих исключений — очерк А. М. Бухарева (бывшего архимандрита Феодора) «О Филарете, митрополите Московском, как плодотворном двигателе развития православно-русской мысли» (1868), опубликованный, правда, позднее: *ПО*. 1884. Т. I, апр. С. 717—749.

нескольких сухих строк информационного характера, что, несомненно, объясняется идейным ожесточением шестидесятых годов, когда любые упоминания о религиозных реалиях решительно изгонялись со страниц «либерально-прогрессивной» печати. И только три московские газеты откликнулись на это событие по-настоящему.

В «Русских Ведомостях», издававшихся Н. С. Скворцовым, хотя и не было помещено оригинальной передовицы, но ее заменила публикация документа, в котором выражалось признание общества за заслуги святителя перед ним, — «Поздравительное письмо Московской Думы».[1]

М. Н. Катков в своих «Московских Ведомостях» поместил сразу две передовые статьи — предуведомительную, опубликованную за неделю до торжеств, и в день юбилея. В первой из них отмечен факт уникальности празднуемого события как необычайно долголетнего: «Со времен первого митрополита на Руси, Св. Михаила, прибывшего в Киев при Владимире Равноапостольном, еще ни один из русских архипастырей не правил Церковию в продолжение столь долгого периода. Не знаем, были ли примеры столь долговременного архиерейства в Православной церкви вне пределов нашего отечества, но если и были, то, конечно, немногочисленные».[2] Говоря об учено-литературных трудах святителя, Катков подчеркивает их насущную востребованность как для *всего* русского общества («По его “Православному катихизису” не одно поколение русских людей изучало веру отцов своих»[3]), так и для христианского — а не только православного — мира в целом («Живой памятник нашего языка и краса нашей литературы, его речи и слова известны во всем христианском мире, вместе с знаменитым именем своего автора. Его “Библейская история” — труд высокой цены, уважаемый не только нашими, но и инославными богословами»[4]). Да и все празднество,

---

[1] <*Скворцов Н. С.*>. Москва, 5 августа // *РВед*. 1867. 5 авг. № 90. С. 1.

[2] <*Катков М. Н.*>. Москва, 29-го июля // *МВед*. 1867. 30 июля. № 166. С. 2; перепеч. под назв. «К 50-тилетнему юбилею митрополита Филарета»: *Катков М. Н.* Собрание передовых статей «Московских Ведомостей», 1867 год. М.: Изд. С. П. Катковой, 1897. № 166. С. 411—412.

[3] Там же. С. 411.

[4] Там же.

по убеждению Каткова, должно выйти за национальные границы («Нет сомнения, что это торжество Русской церкви отзовется и в других православных церквах, где имя нашего маститого архипастыря пользуется столь заслуженною славой»[1]).

Вторая статья, отличающаяся не меньшим эмоциональным накалом, содержит вместе с тем и продуманную концепцию автора-государственника. Начинает ее Катков двумя интереснейшими наблюдениями. Во-первых, в самом юбилейном событии, созвавшим в Москву чуть ли не весь русский епископат, он усмотрел «предвестие обновления нашей церковной жизни» — неожиданно намекая на предпочтительность соборного управления перед синодальным: «Особенно важным, быть может знаменательным, событием этого торжественного дня, — пишет Катков, — был съезд епископов из разных епархий Российской империи, хотя не для совещаний, однако по церковному делу. Явление давно у нас небывалое. Да будет же оно хотя бы отдаленным предвестием обновления нашей церковной жизни, в котором она так глубоко нуждается!»[2] Во-вторых же, Катков подчеркивает, что главное отличие святителя Филарета перед обществом и Церковью — сама его личность и прожитая им жизнь: «Столь долговременное служение Церкви ознаменовано непрерывным рядом всеми признанных заслуг нашего архипастыря, из коих самая высшая есть его жизнь, есть он сам. Люди оказывают заслуги не только тем, что они делают, но и тем, что они суть. В служении Церкви это имеет особенную силу».[3]

И далее Катков сосредотачивается на выяснении «государственного значения» святителя Филарета: «Издревле у нас святители Церкви были с тем вместе, говоря древним словом, и печальниками земли. Наш славный архипастырь верен этому преданию. При высоком и ясном политическом разумении, живо и крепко всегда принимал он к сердцу интересы России. Его исполненное духовной силы и

---

[1] Там же. С. 412.

[2] <*Катков М. Н.*>. Москва, 5-го августа // *МВед*. 1867. 6 авг. № 172. С. 1; перепеч. под назв. «Государственное значение митрополита Филарета»: *Катков М. Н.* Собрание передовых статей «Московских Ведомостей», 1867 год. № 172. С. 427—429.

[3] Там же. С. 428.

столь выразительное слово[1] отзывалось на все великое, как скорбное, так и радостное, в жизни нашего Отечества <…>».[2] При этом Филарет, считает Катков, один из тех «подвижников добра и правды», в деяниях которых явлены миру «достоинство и богатство исторической жизни народа <…> его сущность», то, «чем исполняет он свое призвание и в чем заключается сила и оправдание его веры в свое будущее».[3] Более того — Филарет воплощает собою то, «в чем видим преимущество других народов над нашим, если будем искать наши сокровища там, где они действительно находятся», «богатство нашего народа, которое мы инстинктивно чувствуем»,[4] — а именно подвижничество в стяжании Духа Святого. И тут Катков приближается к тем идеям, которые уже в XX в. будут развивать адепты «социального христианства», — о спасительной силе святости для человеческого общежития: «Неужели кто-нибудь может оставаться при мысли, что та великая борьба, которую люди призванные ведут во глубине своего собственного существа, что святой героизм их самоотвержения и духовная высота, которой они достигают, что все это остается бесплодно для окружающей жизни и не отзывается ничем в истории народов? Церковь чтит своих подвижников, и народ, из которого они исходят и которому они принадлежат, может также чтить в них своих героев, зиждителей своей силы».[5]

Третья московская газета, отозвавшаяся на юбилей, — аксаковская «Москва». Передовая статья, посвященная этому событию, особенно примечательна тем, что еще, казалось бы, недавно И. Аксаков был настроен по отноше-

---

[1] П. И. Бартенев, републиковавший эту катковскую передовицу в своем «Русском Архиве» под названием «М. Н. Катков по поводу пятидесятилетнего юбилея Филарета (Из номера 172-го “Московских Ведомостей” 1867 г.)» (*РА*. 1907. Т. III, вып. 12. С. 547—549), к этим словам сделал подстрочное примечание мемуарного характера: «Однажды, еще будучи студентом, пришел я к М. Н. Каткову и застал его за чтением проповедей Филарета. “Учусь у него русской речи“, — сказал он мне» (с. 548). Впрочем, о языке гомилий московского святителя Катков восторженно писал и в своей первой передовице о юбилее: «Проповеди митрополита Филарета, отличающиеся тем высшим красноречием, которое может быть названо красноречием мощной и глубокой мысли, отпечатлевающейся не только в каждом слове, но и в каждом оттенке, в каждом обороте речи, обратили на него всеобщее внимание…» (*Катков М. Н.* Собрание передовых статей «Московских Ведомостей», 1867 год. № 166. С. 411).

[2] Там же. № 172. С. 428.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] Там же. С. 428—429.

нию к святителю Филарету довольно непримиримо.[1] Теперь же, на излете эпохи Великих реформ, много передумавший, переживший и внутренне возмужавший Аксаков словно бы кается в умственных грехах и недомыслиях молодости. Известный своей бескомпромиссной честностью и необычайной прямотой, он еще при жизни Филарета пишет статью, словно бы предсказывающую будущую канонизацию святителя. В отличие от несколько скучноватых, педантических передовиц Каткова, она и вскоре за ней опубликованная поминальная статья Аксакова произвели в свое время неизгладимое впечатление на русское общество. Об этом через 15 лет напишет А. С. Суворин в своем «Новом Времени» (уже в связи с другим юбилеем — столетним со дня рождения Филарета): «Живо припоминается нам впечатление, произведенное на русскую публику кончиною митрополита Филарета. Вот что писали тогда в газете “Москва”. <…>[2] Эти красноречивые строки, в которых суммируется все лучшее, что было сказано по поводу кончины митрополита Филарета, *как вечерний звон,* возбуждают то чувство, которое было уместно и естественно при погребении знаменитого покойника». И тут же съязвил: «Но так же, как вечерний звон, такие и подобные строки много говорят чувству, но мало разуму».[3]

Задетый за живое Аксаков был вынужден ответить, и он прямо заявил, что его взгляды за прошедшие 15 лет нисколько не изменились: «Величавый образ Филарета, более полувека осенявший Русскую церковь, а с нею и всю Россию, не

---

[1] Нам представляется спорной позиция уважаемой исследовательницы О. Л. Фетисенко, которая в этой связи пишет даже, что «Московский святитель в глазах Аксакова был “ответчиком” за все, что не устраивало славянофилов в Православии, называемом “официальным”, “историческим”, “казенным”» (*Фетисенко О. Л.* Реконструкция одного спора: К. Леонтьев и И. Аксаков о митрополите Филарете // Филаретовский альманах. М., 2008. Вып. 4. С. 192). С этим категоричным утверждением, основанной главным образом на весьма пристрастных мемуарных записях Леонтьева, можно отчасти согласиться, если речь идет о юном Аксакове 1850-х гг., однако в 1860-х и, особенно, позднее Аксаков, безусловно, коренным образом изменил свое отношение к святителю, ярким свидетельством чего и является его передовая статья 1867 г. То же необходимо сказать и об оценке Филарета, приписываемой К. Н. Леонтьевым своему всегдашнему оппоненту Гилярову, для которого якобы «Гамбетта и Герцен больше христиане, чем Филарет» (Там же. С. 187).

[2] Тут приводятся выдержки из статьи Аксакова, опубликованной в № 184 «Москвы» от 21 ноября 1867 г. (см. о ней ниже).

[3] <*Суворин А. С.*>. Столетний юбилей митрополита Филарета // *НВр*. 1883. 9 янв. № 2466. С. 1.

только не умалился с течением времени, а как будто еще более вырос, *ничем и никем доселе не заслоненный*, — так что даже не вмещается вполне сознанием современников».[1] Поскольку заметка Суворина предваряла публикацию получившей скандальную известность статьи киевского историка Ф. А. Терновского «Митрополит Филарет. Его научное и общественное значение»,[2] Аксаков высказал свое отношение к ней: «Вообще со времени празднования пятидесятилетия святительского служения Филарета 5 августа 1867 г., не много еще ушла вперед оценка его иерархической деятельности <…>. Были, впрочем, попытки на так называемый „строгий суд потомства“ в виде отдельных статей, из которых наиболее выдаются статьи о Филарете (г. Ф. Терновского) в “Новом Времени”. Но по этим статьям, в которых собраны все тени, все непривлекательные черты его характера (мелочная придирчивость к современным даровитым иерархам — соперникам в красноречии и учености, суровость к подчиненным, страх, внушаемый им особенно белому духовенству, собственная его угодливость (?) пред светским начальством), Филарет выходит человеком, одаренным исключительно силою “формального мышления” и вообще до такой степени ничтожным и мелким, что становится совершенно необъяснимым то нравственное значение, которым он пользовался свыше полувека, не перестает пользоваться и теперь. <…> Хотя г. Терновский[3] и называет статью нашу о покойном митрополите в газете “Москва” 1867 г. как бы “церковным вечерним звоном”, вполне соответствовавшим обстоятельствам той минуты (теперь же, по его мнению, наступила пора иная, пора критики и т. д.), однако мы и теперь не признаем в ней лишним ни одного слова. Воспроизводим ее здесь, именно статью по поводу 50-летия святительского служения Филарета, с некоторыми незначительными опущениями».[4]

Далее, процитировав в значительной части свою августовскую статью за 1867 г., Аксаков счел нужным снять с себя возможное подозрение в наведении

---

[1] <*Аксаков И. С.*>. Москва, 17 января: По поводу столетнего юбилея митрополита Филарета // Русь. 1883. 17 янв. № 2. С. 8; перепеч. под назв. «По поводу столетия рождения митрополита Филарета»: *Аксаков*. Т. VII. С. 689–692.

[2] *НВр*. 1883. 9 янв. № 2466. С. 1–2; 10 янв. № 2467. С. 1; 11 янв. № 2468. С. 1.

[3] Тут Аксаков нечаянно приписывает Терновскому авторство редакционной заметки.

[4] *Аксаков*. Т. VII. С. 690.

агиографического глянца: «Как видит читатель, мы не позволяем себе здесь ни сопричислять митрополита Филарета к лику блаженных, как это дерзали чинить даже при жизни некоторые его поклонники; мы не называем его ни “любвеобильным пастырем”, ни “человеком сердца”, ни светилом науки, ни творческим гением, ни инициатором, ни преобразователем; не прославляем никаких его *великих дел*; напротив, прямо допускаем, что плод мог быть и не обилен, церковная нива заглушена, по-прежнему, тернием. Но мы вместе с тем указываем, что истории придется засвидетельствовать и объяснить обаятельную мощь имени Филарета для современников, и не только для современников, прибавим мы теперь, но и для позднейшего времени — продолжающуюся и поднесь: факт этот не может отрицаться и критиками вроде г. Терновского, но остается совершенно неоправданным и необъяснимым с их точки зрения». И тут же словно бы вторит Каткову: «Не заключалась ли эта мощь обаяния именно в дивном примере неустанно бдящего духа, ни разу себе не изменившего, — в этом, в течение более полувека всегда отверстом, “недреманном”, как мы позволили себе выразиться, взоре мысли, — наконец, в этой безукоризненно-строгой, чуждой всякого послабления, высокой жизни?»[1]

Сличение же процитированного Аксаковым текста и исконного, опубликованного в газете «Москва» в 1867 г., свидетельствует как раз о том, что сделанные им «некоторые незначительные опущения» фактически и содержали этот восторженно-эмоциональный призыв к «сопричислению к лику блаженных», от которого Аксаков спустя 15 лет отнекивался. Поскольку текст этой передовой статьи не был включен в посмертное «Полное собрание сочинений» писателя, имеет смысл воспроизвести его полностью (при этом для наглядности фрагменты, исключенные Аксаковым в 1883 г., заключим в квадратные скобки):

«[Нынешний день едва ли не вся Москва снялась и подвиглась к Троице-Сергиевой Лавре, на поклон своему архипастырю. Нынешний день — пятидесятилетняя годовщина возведения в архиерейский сан высокопреосвященного митрополита Московского Филарета. / Всякого непрерывного, на пользу общую,

[1] Там же. С. 692.

делания пятидесятилетний срок, как необычный, принято и обществом, и государством отличать особым чествованием и наградами, во славу делателя; тем более необычен этот срок на поприще иерархическом, ибо в истории Русской церкви не было еще ни единого примера такой продолжительной архипастырской деятельности… / Мы знаем, конечно, что там, в превыспренней высоте духовного созерцания, для взора, вперенного вечность, исчезает такое обычное деление дней и лет, и не в мере времени полагается цена времени, — но тем не менее земному человеческому естеству все же свойственно прилепляться к этим урочным граням, без которых не мог бы человек и опознаться в пространстве бытия и на которых, как путнику на придорожных пристанищах, удобно ему, задерживая мыслью течение жизни, перевести дух, оглянуться назад на пройденное поприще, пытливо допросить пережитое и совершенное.] / Но о каком же пройденном и еще проходимом поприще идет теперь речь? Какого подвига нагромоздилось полвека? Не о поприще ли святительского служения в полномочии преподанных Церковью даров Святого Духа? Не подвиг ли то молитв, борьбы, духовного совершенствования? Для такого подвига нет человеческого мерила. [Такого поприща вполне доброе прохождение граничит уже со святостью.] Служение Господу не есть служение царям; оно не приемлет здесь мзды; ему судьей только Бог да личная совесть, и между Богом и совестью нет места посторонним ценовщикам. Здесь всякая лесть — кощунство; здесь даже похвала нечестива. Прейдем же, с благоговейным молчанием, мимо этой области духа [и со смирением почтим чужое смирение]… / Но есть и другая сторона архипастырского служения — [не одна святая, но и в простом смысле слова полезная; не подвиг только молитвы, не внутренняя только, личная деятельность духа, где безразлично и место и время, — но и] деятельность внешнего правления, вытесненная в условия места и времени. Митрополит Филарет, по своему положению, не только духовный вождь своей паствы… [, но и строитель наружного здания Церкви в ее земном, историческом смысле.] Его попечению поручено не одно отношение душ во вверенной ему Церкви к Богу, но и отношение Церкви к государству, к гражданскому бытию общества верующих. Такая деятельность

может и должна подлежать строгому историческому суду, но время для него еще не наступило. Всякая поверхностная оценка такой деятельности была бы теперь неприлична и неуместна, а иная была бы не по силам ни нам, ни вообще современникам. Только история, раскрыв человеческое делание во всем его целом объеме, может беспристрастно поведать, сколько было в этом полувеке многотрудного архипастырского правления борьбы, побед или поражений, что совершено, что не достигло совершения, обилен или не обилен был плод, какие тернии и по чьей вине глушили церковную ниву… Та же история должна будет засвидетельствовать и оправдать обаятельную силу имени митрополита Филарета для его современников. / Пред этою-то бесспорною, вне всякого сомнения и воочию всего русского мира сущею силой, пред этою-то современною нам, живою действительностью мы и преклоняемся с уважением, вместе с целою Россией [, — не предвосхищая дерзостно ни суда Божьего, ни суда потомства]. Полвека светит светильник высокого ума, знания и всем явной жизни на всю Россию, не оскудевая, не померкая, но как бы питаясь приумножением лет и выступая ярче по мере надвижения вечернего сумрака жизни. Полвека, на виду у всех, стоит на страже Церкви огромная духовная сила, охраняющая, *из себя самой почерпаемою властью*,[1] неизменность обычая и целость церковных преданий. Полвека назидаются русские люди дивным примером неустанно бодрствующего духа, — встречает взор их недреманное око мысли. Полвека, и более полувека, раздается художественное важное[2] слово, то глубоко проникающее в тайны Богопознания, то строгою и мощною красотою одевающее разум Божественных истин… / В лице Филарета кафедра Московской митрополии обрела вновь свое древнее *всероссийское* значение — не действием внешних условий, ибо она есть и остается епархиальною, но внутренним действием его личного авторитета. Такое всероссийское значение признается за ним всею Россией, — и не только Россией, но и всем православным миром, — и не только православным миром, но даже и иноверцами, которых все мы видели несущими ему дань нелицемерного

[1] *В первопубликации курсива не было*.
[2] *При перепечатке вместо этого слова употреблено*: веское.

уважения. / [Таково чувствуемое в нынешний день историческое явление нравственной мощи духа, которым красуется Церковь, о котором радуется благодарно весь русский народ и вознеслись торжественные моления в храмах, да к накоплению лет приложатся и еще многая и многая лета…]».[1]

Отметим, что хотя в начале Аксаков и отталкивается от содержания катковской передовицы («…в истории Русской церкви не было еще ни единого примера такой продолжительной архипастырской деятельности…»), однако акцент делает все же на ином — не на *государственном* значении филаретовского делания, а на *религиозном* («Такого поприща вполне доброе прохождение граничит уже со святостью»; «…строитель наружного здания Церкви в ее земном, историческом смысле»). В 1880-х гг. этот накал чувств, видимо, показался ему излишне экстатическим, и он кардинально отредактировал статью о юбилее 1867 г.

Кончина святителя Филарета без всякого преувеличения стала событием ошеломляющей силы воздействия на русское общество. Гиляров, как раз в это время основавший свои «Современные Известия», чье имя, как упоминалось, с конца 1870-х вошло в привычку сопричислять к именам Аксакова и Каткова, образуя тем самым некий метафорический «триумвират консерваторов», — писал 21 ноября 1867 г. своему приятелю К. П. Победоносцеву: «А каково событие? Монумент свалился; как-то жутко чувствует себя Москва. Образовалась пустота, в которой неловко. Москва без Филарета — это как-то неловко, непривычно. Любопытно, как пойдут теперь церковные дела, когда рассуждениям и различным мерам уже не предшествует обычный вопрос: а как на это смотрит Филарет?»[2] В событии ухода из жизни Московского первостоятеля современникам виделось подчас нечто эсхатологическое, точно «взят от среды удерживающий теперь» (2 Фес 2: 7), после чего не приходилось надеяться на лучшее; люди простодушно интересовались: «А кто теперь будет у нас *Филаретом*?»

---

[1] <*Аксаков И. С.*>. Москва, 5-го августа // Москва. 1867. 5 авг. № 100. С. 2

[2] *Разумевающие верой*. С. 67.

Уже тот факт, что ходили оживленные толки о «тлетворном духе», исходившем от тела покойного и была даже сочинена эпиграмма об этом,[1] говорит, безусловно, о том, что в народном сознании святость Филарета подразумевалась сама собой. (Позднее, как известно, Достоевский, вспоминая это событие, писал сцену прощания с одним из любимейших своих героев — умершим отцом Зосимой в «Братьях Карамазовых» — в черновиках романа есть запись: «NB. По поводу провонявшего Филарета».[2]) Бытовали тревожные слухи и о покушении на святыню — профессор П. С. Казанский 23 ноября 1867 г. сообщал в Кострому своему брату: на лице Филарета обнаружили шрам, пошла молва, что святителя убили; вспомнили, что какой-то юродивый бродяга забегал накануне на подворье.[3] Поражали и совпадения — тот же профессор Казанский отмечал в письме к брату от 19 ноября: «Святитель скончался в один день с императором Александром I, которому обязан своим поставлением на высокое место».[4]

Поэтому и не удивительно, что столь проникновенными были посвященные печальному событию передовицы, опубликованные в газетах московского «триумвирата».

Катков откликнулся двумя поминальными статьями. Первую из них он насыщает мемуарным элементом, вспоминая, в частности, как выглядел Филарет на недавнем своем юбилее («Мы живо помним святителя в этот день. Он предстоял собравшемуся сонму будто жилец другого мира. Изможденное тело его было как бы обликом духовного видения. <…> Его великий ум, обширная память, быстрота и глубина соображения не только не ослабевали с летами, но как бы восходили из силы в силу»[5]) и во время личного общения с ним («Имевшие доступ к нему не забудут впечатлений его речи, всегда мудрой, умевшей восхо-

---

[1] См. ее текст (со знаковым стихом «Теперь по старшинству произведен в святые») в уже упоминавшемся дневнике князя В. Ф. Одоевского под 28 ноября 1867 г.: Текущая хроника и особые происшествия. С. 237.

[2] *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1976. Т. 15. С. 199.

[3] См.: *Беляев.* Вып. II. С. 164.

[4] Там же. С. 159.

[5] <*Катков М. Н.*>. Москва, 20-го ноября // *МВед*. 1867. 20 нояб. № 255. С. 1; перепеч. под назв. «Кончина митрополита Филарета»: *Катков М. Н.* Собрание передовых статей «Московских Ведомостей», 1867 год. № 255. С. 665.

дить и нисходить до всякого разумения, и с годами преклонной старости не старевшей, но приобретавшей как бы бóльшую мягкость и согревавшейся духовною теплотой»[1]). И по-прежнему Катков настаивает на общехристианском значении его личности: «Весть о кончине митрополита Филарета отзовется не только во всех концах России, но и во всех частях вселенской Восточной церкви. Россия лишилась в нем одного из преданнейших сынов своих, Русская церковь — знаменитейшего из своих иерархов, Церковь вселенская — одного из твердых столпов своих».[2] Интересна парадоксальная, на первый взгляд, мысль, высказанная Катковым: с одной стороны, святитель Филарет «был крепкий хранитель, — хранитель по преимуществу, остерегавшийся касаться даже того, что застеняет [3] красоту и славу хранимого», с другой — «вполне принадлежа» своей эпохе, «он духом своим возвышался над временами, и разум его не был пленен ни в какую тесноту», «на высотах своего разумения он усматривал относительное значение всех явлений в христианском мире как в пределах, так и за пределами Православной церкви».[4]

Спустя девять дней Катков снова публикует передовицу памяти усопшего святителя, в которой развивает образ метафизической какой-то пустоты, всеобъемлющего сиротства, живо чувствовавшихся многими в то время:[5] «И не в одной Лавре долго будет ощущаться пустота, оставленная этим погребением».[6] Пожалуй, первый именно Катков заговорил о насущности обнародования и усвоения литературного наследия Филарета во всем его объеме: «Отныне он становится неистощимым предметом изучения, которое не преминет внести новые силы в наше сознание, в наше просвещение. Прошедшая жизнь великого ума, следившего за всем, на все отзывавшегося и во всем принимавшего участие, снова

---

[1] Там же.

[2] Там же. С. 666.

[3] *Застеняет* — заслоняет, скрывает (*цркслав.*).

[4] Там же.

[5] Ср. опубликованную ранее поминальную статью Аксакова (см. о ней ниже) и процитированное выше письмо Гилярова к Победоносцеву.

[6] <*Катков М. Н.*>. Москва, 29-го ноября // *МВед*. 1867. 30 нояб. № 262. С. 1; перепеч. под назв. «По поводу погребения митрополита Филарета»: *Катков М. Н.* Собрание передовых статей «Московских Ведомостей», 1867 год. № 262. С. 683.

вступит в действие для созерцающей мысли и разумения».[1] Завершается статья публикацией тогда еще малоизвестного поэтического диалога Пушкина и Филарета 1828—1830 гг., позволившего Каткову сказать: «В каких чудных, неувядающих чертах запечатлелся здесь облик ныне оплакиваемого иерарха!»[2]

Для Аксакова в его поминальной передовице — именно той, которую частично через 15 лет воспроизвел в «Новом Времени» Суворин, — святитель Филарет прежде всего воплощение и средоточие идеального национально-русского начала (при этом Аксаков вполне демонстрирует свое недюжинное поэтическое дарование): «Упразднилась сила, великая нравственная общественная сила, в которой весь русский мир слышал и ощущал свою собственную силу <…>. Без этой силы, без этой славы какая пустота силы и славы почувствуется внезапно в Москве, да и во всем русском церковном мире! Кафедра Московского митрополита может, конечно, быть и будет занята; но место, которое занимал Филарет, пребудет пусто».[3] И столь же афористично и ярко выражает свою мысль о величии личности святителя, о ее эпохальной значимости: «В течение целого полустолетия Русской церкви ее представитель, предстатель и предстоятель (не вследствие внешних условий своего места и звания, а действием личного внутреннего достоинства), в течение же полувека был он и “свидетельствуяй” о ней пред всей Европой, пред всем миром инославным... Сходит в могилу целая историческая эпоха, — на смену ей движется эпоха новая <...>».[4]

Не удивительно, что профессор П. С. Казанский 23 ноября 1867 г. писал брату-архиерею: «Из передовых статей напечатанная в газете “Москва” Аксаковым отличается большею силою и впечатлением».[5] Впрочем, в других «широкоформатных» столичных газетах вовсе обошлись без передовых статей, посвященных кончине Филарета, в лучшем случае ограничиваясь более или менее тща-

---

[1] Там же.

[2] Там же. С. 684.

[3] Москва, 21-го ноября // Москва. 1867. 21 нояб. № 184. С. 1; перепеч. под назв.: 1) «По случаю кончины митрополита Филарета»: *Аксаков.* Т. V. С. 609—610; 2) «И. С. Аксаков о кончине митрополита Филарета. (Из газеты “Москва” 1867 г.)»: *РА*. 1907. Т. III, вып. 12. С. 549—550.

[4] *Аксаков*. Т. V. С. 610.

[5] *Беляев.* Вып. II. С. 161.

тельной перепечаткой материалов «Московских Ведомостей» (иногда и церковной периодики).[1] Выделяется, пожалуй, на этом фоне лишь «Голос» А. А. Краевского, где была помещена оригинальная корреспонденция (впрочем, в ряде мест текстуально близкая к передовицам Каткова) с упором, как и у Аксакова, на национальное значение почившего святителя: «Он был русский в душе, русский по помыслам, русский по делам».[2]

Последним из «триумвирата» москвичей откликнулся на кончину Филарета Гиляров[3] — и по вполне понятной причине: его газета «Современные Известия» начала выходить только в декабре 1867 г. (потому, кстати, он не писал и о юбилее) — этой передовой статьей и начинается самый первый номер издания, поскольку имелась тому и формальная причина: 1 декабря — день тезоименитства Филарета. Гиляров, с одной стороны, развивает некоторые суждения и образы своих собратьев по перу, с другой — подчас их переосмысливает и оспаривает. Причем в полной мере демонстрирует здесь высоко ценимый современниками свой талант философа-публициста и художника слова, согретого сердечной мыслью.[4]

Начинается статья с того же эмоционально емкого образа *пустоты*, оставленной после себя великим человеком, что встречался у Аксакова: «Смерть замечательных деятелей оставляет после себя пустоту…», — которую, убежден Гиляров, поначалу принципиально невозможно заполнить сколько-нибудь взвешенной оценкой современников: «Мы не можем отрешиться от того, в чем сами живем, и

---

[1] См., например: *РВед*. 1867. 21 нояб. № 136; 23 нояб. № 137; 25 нояб. № 138; 28 нояб. № 139 (всюду: С. 1–2); *СПбВед*. 1867. 23 нояб. № 324. С. 2.

[2] <*Без подписи*>. Кончина Филарета, митрополита Московского (корреспонденция «Голоса») // Голос. 1867. 22 нояб. № 323. С. 2.

[3] О его непростых взаимоотношениях со святителем см. раздел 1.3, а также нашу статью «История одного увольнения (Митрополит Филарет и Н. П. Гиляров-Платонов в 1855 году)»: Филаретовский альманах. М., 2008. Вып. 4. С. 158—183.

[4] Уже приводилась оценка Аксаковым присланной ему Гиляровым для публикации в «Руси» статьи «Откуда нигилизм?» (в письме от 26 ноября 1884 г.): «Ваша статейка — это [брю<ссельские>] алансонские тончайшие кружева, и как Вы хотите, чтоб я этой многоценной тончайшей кружевной работе мысли, к которой не знаю человека способнее Вас (и которая совершенно непригодна для тем практических), не дал места?» (*Аксаков в письмах*. Т. III. С. 444; уточнено по автографу: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 13. Л. 30).

потому не можем произнести ясного суждения».[1] Однако, перечисляя далее имена таких выдающихся церковно-государственных деятелей, как святитель Димитрий Ростовский, архиепископ Феофан (Прокопович), митрополит Платон (Левшин), даже более близких по времени — митрополита Евгения (Брянчанинова) или святителя Иннокентия (Борисова) и др., — Гиляров пишет о них, противопоставляя им Филарета: «Не затруднимся оценкою <…> для всех, не долго блуждая, отыщем место, которое должны они занять в истории».[2] И тут он противопоставляет аксаковскому афоризму о Филарете как представителе своего времени, возвышавшемся над ним, — свой: «Он не был представителем эпохи; он сам и был эта эпоха; он не выражал свое время, а руководил время».[3] Гиляров усиливает и другое встречавшееся у Аксакова суждение, — что святитель Филарет находился во главе церковного управления «не саном своим или местом служения, а исключительно влиянием своей нравственной силы».[4]

Столь же мастерски публицист-философ отталкивается от высказывания Каткова о всегдашней насущной потребности филаретовских творений для всего русского общества, а не для одного духовного сословия.[5] Он парадоксально заостряет свою мысль: «Нужды нет, кто из нас выработался своим воспитанием: ханжа, нигилист или здравомыслящий христианин. Все мы приняли первоначальное учение веры по книгам Филарета; все имели учителей, еще полнее воспитавшихся под влиянием воззрений того же высшего учителя. Так или иначе, прямо или косвенно, усвоением или противодействием, сознательно или бессознательно, но все мы отнеслись к направлению, данному Филаретом, стоим с ним в связи и от него зависим».[6] Еще один виток мысли — и новый, на первый взгляд, парадокс: Гиляров восстает против неумеренной хвалы в адрес почивше-

---

[1] *<Гиляров-Платонов Н. П.>*. Внутренние известия // *СИ*. 1867. 1 дек. № 1. С. 2; перепеч. под назв. «Филарет, Митрополит Московский»: *Сб. соч*. Т. II. С. 435—439.

[2] Там же. С. 436.

[3] Там же. Это выражение гиляровской статьи, как и ряд других, сразу же стало крылатым.

[4] Там же. С. 436–437.

[5] См.: *Катков М. Н.* Собрание передовых статей «Московских Ведомостей», 1867 год. № 166. С. 411.

[6] *Сб. соч*. Т. II. С. 437.

го, справедливо полагая, что «восхваление личных достоинств, если они дарованы от природы, всегда основано на недоразумении и заключает в себе некоторую безнравственность: недозволительно хвалить никого из людей за то, в чем можно видеть только славу Божию; хвалить человека можно только за то, что принадлежит самому человеку, что есть плод свободного употребления дарованных сил».[1] Но и в этом проявилась уникальность Филарета, о котором нельзя сказать традиционное: «Добрый семьянин, сострадательный человек, приятный собеседник, верный друг…», ибо «напрасно стали бы мы искать у него того разделения жизни на официальную и конфиденциальную, которая столько нам всем свойственна».[2] Гиляров подытоживает: «Он был епископ с утра до вечера и от вечера до утра».[3] (П. С. Казанский и другие современники восхищались этим определением. Он писал брату 7 декабря 1867 г., цитируя по памяти: «У Гилярова в первой статье его газеты есть одна очень удачная фраза: “Он был епископ с утра до вечера и с вечера до утра”».[4])

Завершается статья по законам кольцевой композиции, ее автор снова возвращается к вопросу о возможности оценить такое «необыкновенное историческое явление», каковым являлся Филарет: «Не оценке теперь время или попыткам восстановить его целый образ, а воспоминаниям частностей, а приведением в известность, по возможности, всего, что им сделано, написано, сказано».[5] Иными словами, тут между прочим — вслед за Катковым — ставится задача издания Полного собрания творений святителя (не решенная и по сей день). Концовку, возможно тоже по примеру Каткова, Гиляров делает поэтической, приводя текст знаменитого (к тому времени, правда, напечатанному лишь единожды[6]) переложения Филаретом с греческого оригинала «Увещательной песни» св. Григория Богослова и отмечая в нем три необходимые составляющие, возводящие

---

[1] Там же.
[2] Там же. С. 437, 438.
[3] Там же. С. 438.
[4] *Беляев.* Вып. II. С. 179.
[5] *Сб. соч*. Т. II. С. 438.
[6] *ДЧ*. 1867. Ч. III, сент. С. 34—35.

поэтическое моление на высоту настоящего искусства: «художественную красоту», «верность подлиннику» и «силу молитвенного возношения».[1]

Столь, казалось бы, высокие и вовсе не свойственные светской печати, особенно же в 1860-е гг., оценки церковного деятеля тремя московскими консерваторами (причем далеко не единомышленниками по весьма многим общественно-религиозным и политическим вопросам), проницательно определившими должное место в национальном сознании своему великому старшему современнику, — вполне оправдались впоследствии, и особенно зримо в первый посмертный юбилей святителя Филарета, приуроченный к столетию со дня его рождения, — в январе 1883 г.[2] Тем более что, как свидетельствовал Аксаков в своей вышецитированной передовице, инициатива его устроения исходила от представителей духовного сословия, казалось бы наиболее настрадавшегося от бывшего владыки (тут Аксаков имел в виду упоминавшуюся «обличительную» статью Терновского). Он задавался вопросом: «Да и как понять, почему то самое духовенство, которое, судя по упомянутым статьям, должно бы питать к его памяти чуть ли не злобу, вспоминает о нем чуть не с благоговением и по *собственному* почину (а вовсе не почину начальства) затеяло празднование столетнего юбилея?»[3]

Редакторы трех крупнейших к тому времени русских консервативных газет — Катков, Аксаков и Гиляров, — чьи имена тогда нередко произносились вместе, не могли не откликнуться на это событие. Оставляем за рамками настоящей работы подробный разбор их печатных выступлений, кратко упомянем лишь самое основное.

Катков напечатал сразу три передовицы, посвященные юбилею: в двух из них он продолжил свой экскурс в филаретовское «учение о государственной мудрости», сделав довольно обширную выборку из творений святителя и настаивая на все возрастающей актуальности этих его суждений для решения узловых

---

[1] *Сб. соч*. Т. II. С. 439.

[2] Поначалу было принято решение устроить торжество 26 декабря 1882 г., но позднее его перенесли на 9 января 1883 г.

[3] *Аксаков*. Т. VII. С. 690.

проблем русской жизни,[1] и инициировал тем самым сходную по задаче работу В. В. Назаревского «Государственное учение Филарета, митрополита Московского» (М., 1883; 3-е изд., вновь доп.: 1888). Третья, предельно резкая, передовая статья написана по поводу статьи Терновского, который, по выражению Каткова, «приберег к юбилейному дню Филарета запас камердинерских анекдотов». Публицист восклицает: «Зато какое должно быть одичание чувства, чтобы на тожество в память всеми уважаемого деятеля явиться с нечистотами».[2]

О юбилейной статье Аксакова в «Руси» 1883 г. говорилось выше. Отметим только, что, помимо полемики с Терновским и перепечатки извлечений из своей передовицы о юбилее 1867 г., в этой аксаковской статье с еще большим убеждением звучит мысль о том, что место святителя «пребудет пусто», а время его оценке не пришло: «Величавый образ Филарета, более полувека осенявший Русскую церковь, а с нею и всю Россию, не только не умалился с течением времени, а как будто еще более вырос, *ничем и никем доселе не заслоненный*, — так что даже не вмещается вполне сознанием современников. Действительно, для него еще не наступила пора полной исторической оценки; нужно еще более подвинуться в даль времен для верности перспективы; нужно всестороннее раскрытие не одной его личной, но и государственной, и общественной жизни России того долгого ряда лет, в течение которых неустанно бодрствовал <…> дух знаменитого иерарха».[3]

И, наконец, Гиляров, ранее всех откликнувшийся на предстоящий юбилей, опубликовал три аналитические статьи о Филарете, насыщенные интересными мемуарными свидетельствами. И если в первой из них[4] он только развивает ос-

---

[1] <*Катков М. Н.*>: 1) Москва, 24 декабря // *МВед*. 1882. 5 дек. № 357. С. 2—3; перепеч. под назв. «Столетний юбилей митрополита Филарета»: *Катков М. Н.* Собрание передовых статей «Московских Ведомостей», 1882 год. М., 1898. № 357. С. 672—678; 2) Москва, 8 января // *МВед*. 1883. 9 янв. № 9. С. 3 (не перепечатывалась).

[2] <*Катков М. Н.*>: 1) Москва, 12 января // *МВед*. 1883. 13 янв. № 13. С. 2; перепеч. под некорректным назв. «Годовщина кончины митрополита Филарета»: *Катков М. Н.* Собрание передовых статей «Московских Ведомостей», 1883 год. М., 1898. № 13. С. 20.

[3] *Аксаков*. Т. VII. С. 689.

[4] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 6 декабря // *СИ*. 1882. 7 дек. № 338. С. 1—2; перепеч. под назв. «Столетие со дня рождения митрополита Филарета»: *Вопросы веры и церкви*. Т. II. С. 325—329.

новные положения своей поминальной статьи 1867 г. (например: «Если уже архиерей, то отнимается от него право быть частным человеком <…>»;[1] «…каждая строка Филарета должна быть издана»[2]), то две другие статьи[3] посвящены воссозданию некоторых черт личности святителя, в том числе и довольно непривлекательных.

Отметим, что та статья, что увидела свет в конце декабря, на наш взгляд, как раз и дала толчок Терновскому для написания его обширного очерка для «Нового Времени». Совпадения разительны. Гиляров: «…Филарет был совершенно лишен того, что называют “инициативой”. <…> Он веровал во власть, признавал обязанным ей покоряться, не только за страх, но и за совесть <…>».[4] Терновский: «Митр<ополит> Филарет правительственной инициативы вовсе не имел и потому не только не тяготился указаниями высшей власти, но всегда робко и послушно искал, на что бы опереться в своих распоряжениях».[5] Порой Терновский спорит с Гиляровым, не называя своего оппонента. К примеру, пишет: «…при раздаче мест владыко <*так!*> Московский был довольно свободен от нередкого у архиереев *непотизма*, т. е. пристрастия к племянникам и другим родственникам»,[6] тогда как Гиляров свидетельствовал: «Его обвиняли, что он усиленно выводил своих родственников, раздавая им места по епархии».[7] Однако в целом, безусловно, пером последнего двигало стремление разобраться и понять реальную противоречивость великого человека, его статьи всё же исполнены любви и подчас горечи сожаления, — например, в связи с излишней осторожностью Филарета: «…при необыкновенных дарованиях и властном положении, до которого никто из иерархов новейшего времени не достигал, он не сделал многого для внешнего положения Церкви, чего именно от него позволительно было бы ожи-

---

[1] Там же. С. 327.

[2] Там же. С. 328.

[3] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>: 1) Москва, 24 декабря // *СИ*. 1882. 25 дек. № 356. С. 2–3; 2) Москва, 9 января // Там же. 1883. 10 янв. № 9. С. 2; обе перепеч. под тем же назв. «Столетие со дня рождения митрополита Филарета»: *Вопросы веры и церкви*. Т. II. С. 332—337.

[4] Там же. С. 333.

[5] *НВр*. 1883. 10 янв. № 2467. С. 1.

[6] Там же.

[7] *Вопросы веры и церкви*. Т. II. С. 334.

дать».[1] В то же время в очерке Терновского слишком чувствуется ожесточение автора, и потому его произведение не лишено пафоса рассчитанной на скандал разоблачительности, переходящей в некоторое даже злорадство.

И Аксаков, и Гиляров в своих статьях, приуроченных к столетнему юбилею, писали о насущной нужде в тщательном изучении биографии Филарета, не исключая и таких ее сюжетов, как, например, «борьба его, Московского митрополита, ныне чествуемого и празднуемого, с гусарским полковником, обер-прокурором Синода» (отсюда чисто славянофильское умозаключение: «Филарет и граф Протасов! Одно это сопоставление характеризует вполне петербургский период нашей истории и дает ключ к разрешению многих недоумений <…>»[2]). При этом Гиляров настаивал на необходимости биографии научной, а «не только риторического упражнения»,[3] созданного в панегирическом жанре.

Понятно, что в тот период — после цареубийства (1881 г.) — подобные призывы не всем представителям власти казались благовременными. Так, 8 декабря 1882 г. синодальный обер-прокурор К. П. Победоносцев писал профессору Московской духовной академии Н. И. Субботину (реагируя на самую первую, вполне еще «невинную» статью Гилярова): «В Москве газеты пошли болтать о юбилее митр<ополита> Филарета. Оставили бы имя это в мире. Вот, вчера и Никита Гиляров подал с пылу статью свою. По мнению моему, не время пускать имя Филарета в полемику».[4]

Тем не менее, подходы к изучению жизни и трудов Филарета, заложенные в прочувствованной публицистике московского «триумвирата» консерваторов, к счастью, оказались востребованными отечественной филаретикой, особенно же начиная с XX столетия;[5] их учет может быть полезен и в наши дни.

---

[1] Там же. С. 335.

[2] *Аксаков*. Т. VII. С. 689–690.

[3] *Вопросы веры и церкви*. Т. II. С. 334.

[4] *Марков В. С., <прот.>*. К истории раскола-старообрядчества второй половины XIX столетия: Переписка проф. Н. И. Субботина, преимущественно неизданная, как материал для истории раскола и отношений к нему правительства (1865–1904 гг.). М., 1914. С. 298.

[5] См., например, большинство материалов сборника «Филарет, митрополит Московский: 1867 — 19 нояб. — 1917: К годовщине пятидесятилетия со дня блаженной кончины Филарета, митрополита Московского» (Сергиев Посад, 1918).

2.4. Н. П. Гиляров-Платонов, И. С. Аксаков, Н. С. Лесков и др.: преодоление «вероисповедной ксенофобии» по отношению к старообрядчеству (1860—1880-е)

К середине XIX в., к периоду либеральных реформ Александра II, в России сложилась парадоксальная ситуация в вероисповедной области. И из правительственных кругов, и из разных партийных кружков, от радикальных до охранительных включительно, то и дело исходили призывы к религиозной толерантности по отношению ко всем исповеданиям, даже достаточно далеким от господствующего православия (к иудаизму, буддизму, исламу, шаманству и др.), но только, как правило, не к тому явлению русской духовной жизни, которое было принято называть канцелярски корявым выражением «раскол старообрядства» и которое произрастало из единого корня с верой, поставленной в империи в наиболее привилегированное положение.

Сторонники такой дискриминации подчас и оправдывали себя, как это ни странно, тем обстоятельством, что староверие слишком родственно православию и приверженцев древлего благочестия вообще нельзя считать исповедниками особой веры. Так, бывший старообрядец, известный игумен Парфений (Аггеев) напрочь отказывал своим прежним единоверцам в религиозном статусе их духовных воззрений. Он писал в 1868 г., споря с Ив. Аксаковым: «Да разве раскол есть вера? Есть вера языческая, вера еврейская, вера магометанская, вера армянская, вера католическая, вера протестантская; эти веры терпимы в государстве, а раскол не есть особая вера, но семейный *раздор* и политические идеи, а не вера другая. А раздор необходимо усмирять гражданскою властью».[1]

Подобными публичными выступлениями оправдывались правительственные гонения, в обществе же искусственно поддерживалась вероисповедная ксенофобия. Однако при этом ни усилия проповедников-миссионеров, ни полицейские меры никак не способствовали разрешению проблемы — ни полюбовному,

[1] *СИ*. 1868. 11 марта. № 69. С. 2.

ни насильственному. Это тем более удивительно, что, казалось бы, к гонимым и отверженным, даже и к явным преступникам, должны естественным образом возникать жалость и сострадание. Но литература 1860—1870-х гг. в какой-то мере, можно сказать, навязывала обществу эту нетерпимость по отношению к значительной части русского народонаселения.

Крупные писатели мало интересовались темой старообрядчества. А. И. Герцен и его последователи, поначалу делавшие ставку на возможные социалистические и антицерковные инстинкты угнетаемых в течение двух веков соотечественников, довольно скоро махнули на них рукой. Сами же старообрядцы быстро разочаровались в своих защитниках, революционизировавших раскол, вроде казанского профессора А. П. Щапова. Как позже писал Лесков в своей статье «Народники и расколоведы на службе» (1882), староверы, «увидав, что их предков хотят представить политическими неслухами и “умыслителями”, — смутились».[1]

Так в обществе эпохи великих реформ исподволь установилась репутация староверов как косной и невежественной массы, противящейся своей эмансипации, да и недостойной ее, как и не стоящей сочувствия и гуманного к себе отношения. В литературе такой взгляд на старообрядчество поддерживался двумя основными способами.

Во-первых, *публицистическим шаржем* — предвзятым изображением нравственного состояния его видных представителей. Особенно тут постарался специализировавшийся на этой теме литератор Ф. В. Ливанов. Его известное четырехтомное сочинение «Раскольники и острожники» (СПб., 1868—1873) представляет собой впечатляющую, хотя и явно тенденциозную картину морального разложения в среде староверов и сектантов. Причем автор предпочитал изображать шокирующие черты из быта, если воспользоваться протасовской классификацией 1842 г., «вреднейших сект» (духоборцев, молокан, скопцов, хлыстов и беспоповцев, отвергающих брак и моление за царя), создавая впечатление, что все староверы, даже представители так называемой «менее вредной» поповщи-

[1] *Лесков Н. С.* Собр. соч.: В 11 т. М., 1958. Т. 11. С. 40.

ны, имеют какое-то внутреннее повреждение, неискоренимое влечение к пороку. Гиляров справедливо писал: «…Ливанов готов был видеть (да и искал) в каждой без исключения ветви раскола гнездо обыкновенных уголовных преступлений против общего права <…>».[1]

Чтобы сострадать непривлекательным «темным личностям», по-видимому вполне справедливо преследуемым государственной машиной, конечно, нужно какое-то особое усилие над собой, душевный надрыв. А вот чувство опасности и брезгливой неприязни персонажи Ливанова порождали легко. Однако следует отметить, что именно такое незаслуженно грубое отношение в обществе к староверам как к изгоям могло по контрасту вызывать в них самих переживание одновременного сопребывания и в настоящем времени, и в героической эпохе первохристианства. Гиляров описывал в одной из передовых статей 1870 г. психологический механизм такого явления, цитируя полицейский протокол: «…испытываемое преследование внезапно возвышает дух преследуемого, и он, воображая себя на месте древних мучеников, начинает сам говорить языком древних Четиих-Миней: “Придохом пред мучителя и глаголахом ему. Он же отвещав рече…” И это о становом приставе или квартальном надзирателе, в которых на сей раз прозревается изувером какой-нибудь *епарх* или *претор* времен Диоклетиана!»[2]

Во-вторых, некоторые талантливые писатели не избежали того, что можно назвать *художественной дискредитацией* старообрядчества. Тут прежде всего должна идти речь о П. И. Мельникове-Печерском. Он прошел путь от чиновника особых поручений Министерства внутренних дел по искоренению церковного раскола до либерально-снисходительного покровителя его в своей публицистике. Однако его художественная рефлексия — и в «рассказе из раскольничьего быта» «Гриша» (1861), и в дилогии «В лесах» (1871—1874) и «На горах» (1875—1881) — оказывалась в целом однозначно полемической по отношению к старообрядцам, образы которых получались и утрированно тенденциозными, и порой

[1] *Сб. соч*. Т. II. С. 196.
[2] *СИ*. 1869. 14 апр. № 102. С. 2.

психологически упрощенными. В свое время богослов М. М. Тареев не случайно в своей статье «Типы религиозно-нравственной жизни» (1902) низший из этих типов, когда религия для человека — только «одно из ценных средств достижения земных целей, удовлетворения земных страстей», иллюстрировал образом центрального персонажа дилогии чревоугодника и сладострастника Патапа Максимыча Чапурина, у которого под «прозрачным покрывалом уставной чинности мятутся и клокочут сердечные страсти в первобытной несдержанности, в широком разгуле <…>».[1] Современный же исследователь М. М. Дунаев прямо заявлял, что Мельников-Печерский «осмыслял истину» бытия церкви «опосредованно» — через отрицание «антицеркви», т. е. «жизни староверов и сектантов».[2] Та же мысль, но с иным акцентом, апологетическим по отношению к старообрядчеству, проходит красной нитью через работы В. В. Боченкова.[3]

Вместе с тем нельзя не отметить, что уже в произведениях Мельникова-Печерского, как и в рассказе Лескова того периода «Запечатленный ангел» (1873), возникли и противоположные тенденции в постижении старообрядчества литературой — сочувственного воспроизведения ярких, самобытных личностей, не порабощенных мертвой догмой, и эстетического любования духовными ценностями этого обособленного мира — древней иконописью, легендами, поверьями, песнями, обрядами, традиционными праздниками.[4] Эта освежающая фольклорная струя в романах Мельникова-Печерского во многом восполняет недостаток художественной искренности, идущий от предвзятого замысла во что бы то

---

[1] *Тареев М. М.* Основы христианства. 2-е изд. Сергиев Посад, 1908. Т. IV: Христианская свобода: Система религиозной мысли. С. 8.

[2] *Дунаев М. М.* Православие и русская литература: В 6 ч. 2-е изд., испр. и доп. М.: Христиан. лит., 2003. Ч. IV. С. 397.

[3] *Боченков В. В.*: 1) «Писатель с некоторым пристрастным отношением к расколу»: Особенности создания художественного характера старообрядца в произведениях П. И. Мельникова (Андрея Печерского) // Старообрядчество в Тверском крае. Прошлое и настоящее: Материалы круглого стола, состоявшегося в Тверском гос. ун-те 16 февраля 2007 г. Тверь; Ржев, 2007. С. 65—72; 2) П. И. Мельников (Андрей Печерский): мировоззрение, творчество, старообрядчество. Ржев, 2008.

[4] См. об этом: *Булгаков В. И.* К вопросу о фольклоризме романа Мельникова-Песчерского «В лесах» // Языкознание и литературоведение. Ростов н/Д, 1972. С. 54—60; *Фодор Е.* Староверы и русская литература (П. И. Мельников-Печерский, Н. С. Лесков) // Romanoslavica. 1994. <Vol.> 31. С. 81—88.

ни стало сорвать маску с раскольников, уличив их в ханжестве или лицемерии, нередко гипертрофированных.

Все это уже подготавливало следующий этап в осмыслении феномена старообрядчества в русской литературе, пришедший на смену *обличительно-публицистическому*, — его можно назвать *философским*. В первой половине 1880-х гг. эта тема становится одной из основных в публицистике Н. С. Лескова и Гилярова; не последнее место занимает она и в творчестве И. С. Аксакова, друга Гилярова на протяжении тридцати лет.

Аксаков, как известно, в начале 1880-х гг. давал место в своей газете «Русь» неоднозначным по своей оригинальности в постановке острых вопросов, а нередко и недопустимо скандальным в глазах его единомышленников статьям Вл. Соловьева о Русской церкви, в чем сам потом печатно каялся. Однако еще до того, публикуя в сентябре-октябре 1882 г. статью мыслителя «О церкви и расколе» (позднее она была переработана и получила название в «О расколе в русском народе и обществе»), Аксаков видел в критическом осмыслении Соловьевым взаимоотношений церкви и старообрядчества не «обличение нечестивое», а «ту ревность о чистоте идеала, которая негодует о всяком пятне, помрачающем его внешний образ».[1]

Кроме того, Аксаков усматривал заслугу Соловьева в том, что тот нисколько не затенял, а, напротив, выставлял на вид в качестве достоинств «приверженность к старому обряду», «крепкую связь старообрядцев с национальною *историческою* почвой», «протест против жестоких гонений, воздвигнутых против них не по разуму Христову усердными радетелями „господствующей“ церкви». А их «неправда, — утверждал Аксаков, — в том, что не Духу Животворящему, а букве мертвящей воздали они Божеские почести; что превыше вселенскости, кафоличности церкви — единой во времени и пространстве, в которой нет ни старого, ни нового, ни местного, но лишь вечное и истинное — превоз-

[1] *Аксаков И. С*. По поводу статьи В. С. Соловьева «О церкви и расколе» // *Аксаков И. С.* Отчего так нелегко живется в России? М., 2002. С. 812.

несли они начало *старины* и *племенное* начало, и от сих человеческих начал поставили в зависимость действие Божественной благодати…»[1]

Аксаков уверен, что «еще никогда в нашей литературе вопрос о расколе <…> не был поставлен так верно и правильно, и на той высоте созерцания, откуда обнимаются взором все его стороны и широко раздвигаются облегающие этот вопрос так тесно внизу горизонты времени и места».[2] Эти и последующие похвалы работе Вл. Соловьева не самоценны — они подчинены нравственно-практической задаче вероисповедного объединения нации. Его работа, считает Аксаков, — вызов, который не должен остаться без ответа. Он вопрошает: «И в самом деле — не настала ли уже пора? Не знаменует ли сам Господь ниспосылаемыми нашей земле испытаниями время благопотребно для упразднения нашей братской розни, для восстановления нашего единства церковного <…>».[3] И далее описывает ревнителей древлего благочестия совсем не так, как еще недавно это делали Ливанов и Мельников-Печерский: «Все мы жалуемся на оскудение в нас церковного духа, все толкуем о необходимости оживления его, о подъеме... Но возможно ли это, когда столько миллионов наших братьев, и едва ли не из лучших сынов русского народа по благочестию и строгости нравов, по крепости духа, по верности отеческим, народным, историческим преданиям — разъединены с нами?..»[4]

Фактически в публицистике Аксакова создается художественно убедительный образ некоего нового блудного сына, трагедия которого состоит в том, что он и вернулся бы в отчий дом, однако, с одной стороны, его не ждут отчие объятья, а с другой — он сам никак не может увериться, что «как бы ни была велика мерзость запустения на *месте святе*, самое место оттого не менее свято и не перестает быть святым».[5]

---

[1] Там же. С. 812—813.
[2] Там же. С. 813.
[3] Там же. С. 814.
[4] Там же. С. 815.
[5] Там же. С. 812.

Не удивительно, что именно в «Руси», как бы в продолжение этих рассуждений Соловьева и Аксакова, увидели свет два очерка Гилярова: мемуарный «Урезанный документ» (1884) и философский «Логика раскола» (1885). В первом из них автор вспоминает историю изъятия митрополитом Московским Филаретом (Дроздовым) резолюции его предшественника, авторитетного в вопросах раскола иерарха, митрополита Платона (Лёвшина), о бесполезности полемики со старообрядцами («Церкви Христовой пастырю, и самому просвещенному, невозможно иметь с раскольниками прение и их в заблуждении убедить»[1]). Это категоричное мнение опиралось на ту самоочевидную истину, что нельзя прийти к согласию, если спорящие исходят из несхожих начал. Но такое мнение противоречило церковной политике 1850-х гг., действовавшей только посредством односторонних обличений и репрессий.

В суть проблемы, в этом очерке представленной *художественными* средствами, Гиляров уже *аналитически* углубляется в статье «Логика раскола» (1885), написанной в форме писем к И. С. Аксакову (их всего четыре), — может быть, лучшем философском этюде, выясняющем, по слову автора, «физиологию» русского раскола. Тут важно учесть, что интерес к нему был как у автора, так и у его корреспондента далеко не поверхностный: они и сдружились во многом благодаря общности взглядов на этот предмет. Аксаков, как известно, в 1848 и 1851 гг. был командирован, соответственно, в Бессарабскую и Ярославскую губернии и в результате этих поездок составил ряд служебных записок о положении там раскольников. Гиляров же, как отмечалось выше, начиная с 1848 г. преподавал в Московской духовной академии учение о вероисповеданиях, ересях и расколах, а в 1854 г. — уже непосредственно историю раскола в России на новооткрытом Миссионерском отделении. По просьбе Аксакова он написал в 1853 г. Записку о расколе и мерах по его преодолению на путях легализации и внутреннего переубеждения его последователей. Через два года эта Записка бы-

[1] *Из пережитого*. Т. 2. С. 187.

ла затребована графом Д. Н. Блудовым и была читана императрицей.[1] Впоследствии, за 20 лет редактирования ежедневной газеты «Современные Известия», Гиляров написал сам и поместил у себя сотни статей других авторов по старообрядчеству, в том числе и ценные материалы по его истории, с публикацией уникальных документов, которые потом постоянно находились в поле зрения духовно-академических расколоведов. Поэтому «Логика раскола» — это глубокое обобщение настоящего знатока дела.

Он объясняет название своей статьи тем, что признает раскол «разумным явлением», и добавляет: «Не в том смысле, чтобы я соглашался с его догматикой или с его нравственными идеалами, а в том, что он был естественным продуктом нашей истории, логически истекшим из ее данных, и в том, что сам внутри себя развивался и развивается с замечательной потребностью».[2] Вместе с тем Гиляров воспринимал раскол как национальную трагедию, как кровоточащую рану русского религиозного сознания, которую следует не растравлять репрессиями, но залечивать самоотверженным подвигом миссионерской любви.[3]

Он классифицирует вызывающие эти репрессии точки зрения на раскол, называя их *внешними*, скользящими по поверхности и не «вникающими в душу» его. Во-первых, это *полемический* взгляд, которого, в отличие от митрополита Платона, придерживался митрополит Филарет. Стоящие на этой позиции обличают раскол с точки зрения догматической истины. Во-вторых, *полицейский* взгляд, к приверженцам которого причисляются Ливанов и Мельников-Печерский, поскольку они осуждают раскол с точки зрения государственного порядка. И, наконец, *культурный* взгляд, идеализирующий раскол: его сторонники «полагают, что Россия, наоборот, должна от сект ожидать духовного воз-

---

[1] См. подробнее: *Дмитриев А. П.* Н. П. Гиляров-Платонов и С. Т. Аксаков (к истории знакомства и взаимоотношений) // Русская литература. 2010. № 4. С. 196—197, а также раздел 1.3.

[2] *Сб. соч*. Т. II. С. 194.

[3] См. подробнее об этом в брошюре ученика Гилярова: *Сенатов В. Г.* Философия истории старообрядчества. М., 1908. Вып. I. С. 5—7, 23—25.

рождения».[1] Представителей этой последней категории Гиляров не называет, но он намекает на И. Аксакова. Еще больше сюда подошел бы Лесков.

Рассматривая же старообрядчество *изнутри*, Гиляров обращается к природе верования как такового и показывает, что оно «не только мнение», а «один из видов удовлетворения религиозной потребности, определяемый историческими духовными задатками, в которых ни отдельные лица, к нему принадлежащие, ни весь он как особый мир не вольны».[2] Поэтому и «миссионер призван действовать на все существо верующего и всем своим существом <…> плод миссионерства есть переворот духовной жизни, а не принятие таких мнений и отказ от других».[3] Неудачи же насильственной борьбы с расколом онтологически объясняются тем, что «вера предполагает свободу, непременный внутренний почин, а не внешний».[4]

Этими тезисами только начинается длинная цепь рассуждений, доказывающая пагубность предпочтенного правительством и духовенством мертвенного «фронтового» идеала, под который они тщетно стремятся подогнать «цельное, живое явление» староверия.

Следует упомянуть, что в своих «Современных Известиях» Гиляров регулярно помещал материалы по старообрядческой тематике, так что его ежедневная газета до сих пор является источником уникальных сведений о жизни староверов в 1860—1880-х гг., а в десятках передовых статей провидчески предлагал правительству те меры по гуманному, просветительскому преодолению церковного раскола, для которых, по справедливому заключению современного исследователя, «нужны были 1900—1905 гг., чтобы некоторые важные идеи и рекомендации автора осуществились в указах Николая II 26 февраля 1903 г. “О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка”, 17 апреля

[1] Там же. С. 199.
[2] Там же.
[3] Там же. С. 203.
[4] Там же. С. 204.

1905 г. “Об укреплении начал веротерпимости” и особенно 17 октября 1906 г. “О порядке образования и действия старообрядческих общин”».[1]

Между прочим, Гиляров, осуждая «*огульность* в суждениях», «свойственную большинству воззрений на раскол», упоминает Мельникова-Печерского, который, по его словам, «считает даже такую секту, как странники, дармоедами».[2] Видимо, это замечание не прошло мимо Лескова, весьма пристально интересовавшегося в 1880-х гг. вопросами раскола. В 1882 г., в «Народниках и расколоведах на службе», он признавался: «Взгляд на раскол я по убеждению принял мельниковский, ибо взгляд покойного Павла Ивановича, по моим понятиям, есть самый верный и справедливый. “Раскол не на политике висит, а на вере и привычке” — таково было убеждение покойного Мельникова <…>».[3] Тут, несомненно, содержался полемический выпад против концепции А. П. Щапова, в оценке которой Лесков отождествлял себя с самими старообрядцами, воспринявшими политизацию своей веры как демагогическое искажение. В поздней же мемуарной заметке «Лексинские доживалки (их “умное делание”, посмертные труды и плоды красноречия)», сохранившейся в архиве Лескова,[4] он вслед за Гиляровым дает одинаково неприязненную характеристику обоим этим расколоведам. По его словам, «ни Мельников, ни Щапов не были справедливыми истолкователями духа раскола. Мельников видел в расколе темность и буквоедство, а Щапов под видом “борьбы за веру” прозревал “борьбу против учреждений”. Начитанные люди в расколе выразили очень меткое мнение о вышеупомянутых писателях, о которых говорили так, что Щапов читал по верхам, а Мельников — по ребрам. А сердце раскола ни тот, ни другой не прочитали, идеал староверия совсем не то, что у Мельникова или у Щапова: его идеал, может быть, главным

[1] См. об этом: *Водолазко В. Н.* Н. П. Гиляров-Платонов о пореформенном старообрядчестве // Старообрядчество: история, культура, современность: Материалы V науч.-практ. конф., г. Москва, 20—21 ноября 2000 г. М., 2000. С. 45.

[2] Там же. С. 196.

[3] *Лесков Н. С.* Собр. соч.: В 11 т. Т. 11. С. 36.

[4] РГАЛИ. Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 68. Л. 1—1 об.

образом выражается в заботе его искреннейших последователей особиться от всего мира и быть образцом совершенств».[1]

Лесков — одна из наиболее знаковых фигур в преодолении предвзятого отношения к староверам — смотрел на эту свою деятельность как на важное общественное служение. Ему была чужда официально-церковная точка зрения на раскол, получившая наиболее авторитетное воплощение в трудах митрополитов Филарета (Дроздова) и Макария (Булгакова) и затем популяризировавшаяся в работах, например, такого недоброжелателя Лескова, каковым был профессор Московской духовной академии Н. И. Субботин. Для Лескова эта точка зрения была вредна тем же, чем и революционная идеологизация Щапова, — она политизировала религиозные устремления, тем глубже загоняя староверов в менталитет сектантов.

Но Лесков, в отличие от И. Аксакова и Гилярова, шел к защите староверия с другого конца — не от союза с Церковью, а от разлада с нею: он с конца 1870-х гг. стал производить в своем мировоззрении решительную переоценку духовных первооснов православно-русского быта, и прежде всего вероучительных.[2] Он теперь начал склоняться к опыту североевропейских народов, к их логически ясному лютеранству. И люди древлего благочестия постольку кажутся ему истинными христианами, поскольку они напоминают ему лютеран. В очерках «Благословенный брак» и «О рижских прелестницах и благословенных браках» (оба — 1885) Лесков уравнивает «в благодатном отношении староверческих наставни-

[1] Цит. по: *Агеева Е.* Тайна Старой веры в русской литературе (по архиву Н. С. Лескова и библиотеке Ф. М. Достоевского) // II Международный симпозиум «Русская словесность в мировом культурном контексте»: Избр. докл. и тез. М., 2008. С. 382—383.

[2] См.: *Сидяков Ю. Л.* Лесков в борьбе с церковной реакцией // Литература и публицистика: Проблемы взаимодействия: Тр. по рус. и славян. филологии. Тарту, 1986. С. 38—49. (Учен. зап. Тарт. гос. ун-та; Вып. 683); *Румянцев А. Б.* Н. С. Лесков и русская православная Церковь // Русская литература. 1995. № 1. С. 212—217; *Кольцова Ю. Н.* Духовные искания Н. С. Лескова: Кризис христианской идеи в творчестве Лескова 1870-х гг. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19: Лингвистика и межкультур. коммуникация. 2000. № 4. С. 87—95; *Мартыненкова З. М.* К вопросу о духовных исканиях Н. С. Лескова // Славяне: Письменность и культура. Смоленск, 2002. С. 34—42; *Ильинская Т. Б.* Русское разноверие в творчестве Н. С. Лескова. СПб.: Изд-во Невского ин-та яз. и культуры, 2010.

ков с лютеранскими пасторами»,[1] стремясь возвеличить духовный статус первых. И если в этом случае он мог бы найти себе единомышленника в лице Гиляров, высказывавшего сходные суждения,[2] то в ряде других случаев его не поддержал бы никакой авторитетный автор. Лескова заносило, и он даже на вершине известности (в последние годы) не прочь был прибегнуть к «перлам красноречия» из арсенала своей молодости, когда в литературе задавала тон радикальная публицистика. Так, еще Достоевского возмутила явная неправда того сюжетного хода в «Запечатленном ангеле», когда исповедующие православие чиновники, «запечатывая» старинные иконы, ставят печати прямо на ликах.[3] А петербургский расколовед И. Ф. Нильский поймал увлекшегося писателя на фальсификации в его очерке «Благословенный брак», где Лесков опубликовал приобретенный у букиниста «чинок», который принял за неведомое науке чинопоследование брака, будто бы бытовавшее среди староверов поморского согласия. Желая придать этому «чинку» (составленному молоканами и потому от церковных Таинств далекому) вид поморского документа, Лесков прибавил слова «поют молебен», то есть определил от себя это последование не как таинство, а как требу. Нильский уличал: «…автор “Соборян”, “для оправдания” раскольников, живущих в “благословенном браке”, решился на подлог и тем показал себя не исследователем, а “последователем” раскола, ревнивым к чести и интересам заблуждающих больше, чем сами раскольники <...>».[4]

Малоизвестный, но показательный эпизод разногласий в среде самих писателей, ратующих за сближение со старообрядцами, произошел в июне 1885 г. Гиляров опубликовал 7 июня в своей газете «Современные Известия» очерк «Недоумение федосеянки», героиня которого, купеческая жена Анна Ефремовна Спиридонова, жалуется старцам-наставникам, что «муж требовал от нее, чтобы

---

[1] *Лесков Н. С.* Иродова работа: Русские картины, наблюдения, опыты и заметки: Ист.-публиц. очерки по Прибалт. вопросу, 1882—1885 / Вступ. ст., сост., подгот. текстов, коммент. А. П. Дмитриева. СПб.: Пушкинский Дом, 2010. С. 309.

[2] См.: *Разумевающие верой*. С. 267.

[3] См.: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1980. Т. 21. С. 55—57.

[4] *Нильский И. Ф.* К вопросу о бессвященнословных браках: (Критические замечания на статью г. Лескова «Благословенный брак») // *ХЧ*. 1886. Ч. I, янв./февр. С. 261.

она задушила или утопила своих малюток для того, чтобы спасти и их и себя от адских мучений», и слышит в ответ: «…как только родится ребенок, надо его немедленно крестить и утопить, вот он и примет мученический венец. <…> Все брачные женщины должны считаться потаскушками».[1] Гиляров (а уж его-то невозможно заподозрить в пристрастии в таком вопросе), комментируя этот рассказ, настаивает на его невымышленности: «…это дагерротипный снимок с происшествий совершавшихся и совершающихся»[2] и призывает власти обратить внимание на это «гнездалище, скрывающее пороки и преступления под видом древнего благочестия».[3] Он же так формулирует новый догмат федосеевцев, узаконенный на тайном соборе: «…во времена антихриста брак, как и молитва за Царя, — великий грех, который не отпустится ни в сем веке, ни в будущем».[4]

12 июня Лесков в своей неподписанной заметке «Безобразная утка»,[5] не скрывая раздражения, пытается опровергнуть эту информацию. Он, еще в 1863 г. познакомившийся с федосеевцами Москвы, Пскова и Риги, счел совершенно неправдоподобными сообщения об умерщвлении младенцев самими федосеевцами и их отказе молиться за царя (в 1848 г. они официально признали такое моление). Однако при этом он игнорировал тот факт, что в издании Гилярова речь идет о *новых*, причем радикально-реформистских, явлениях в среде старообрядцев: «бракоборцы», актуализировавшие свою изначальную веру в совершившееся пришествие антихриста, одержали верх над «новоженами» и «тропарниками» (приемлющими брак и моление за царя) и постановили гнать их из своей среды (отлучать от «церкви»).

Тут Лесков, казалось бы, буквально следовал принципу, сформулированному самим Гиляровым в его «Логике раскола»: «…политика в отношении к иноверным должна руководиться не исповедной формулой, а практикой, кото-

---

[1] *Д—ъ И. <Дьяконов И. В.>*. Греховодники: (Из жизни федосеевцев и филипповцев). XXVII. Недоумение федосеянки // *СИ*. 1885. 7 июня. № 139. С. 2. Источник атрибуции см. в изд.: *Лесков Н. С*. Иродова работа. С. 513—514.

[2] *Вопросы веры и церкви*. Т. II. С. 500.

[3] Там же. С. 501.

[4] Там же. С. 498.

[5] Петербургская Газета. 1885. 12 июня. № 158. С. 1.

рая ее осуществляет; практика же федосеевцев вообще уживается и с браком, и с верноподданством».[1] Однако в данном конкретном случае Лесков невольно противоречил своему обычному принципу предпочитать реальную жизненную практику теоретизированию о ней: он решительно отказался верить сообщениям очевидца, имеющим подтверждение в литографированных постановлениях «бракоборного собора», голословно объявляя их «безобразной уткой».

Предлагались борцами с вероисповедной ксенофобией и нетривиальные меры по умиротворению ситуации и будущему воссоединению староверов с Матерью-Церковью, к сожалению не услышанные тогда правительством. Так, Гиляров в ряде передовых статей выдвигал на повестку дня новый пересмотр богослужебных книг,[2] а в своем очерке «Нечто о Русской церкви в обер-прокурорство К. П. Победоносцева» (Лейпциг, 1887) ратовал за учреждение в Москве «единоверческого епископства»,[3] и, как и прежде, видел решение проблемы в отеческом воздействии на душу человека, на его верования.

Деятельное сочувствие, выраженное к старообрядчеству в статьях Вл. Соловьева, И. Аксакова, Гилярова, Лескова, а вслед за ними и литераторами пониже рангом, не могло не содействовать как преодолению психологической ксенофобии по отношению к старообрядцам, так и их законодательной эмансипации и наделению гражданскими правами, пусть пока и частично. Так, 3 мая 1883 г. было издано Высочайше утвержденное мнение Государственного совета от «О даровании раскольникам некоторых прав гражданских и по отправлению духовных треб».[4]

Литературный же опыт по нагнетанию в общественном сознании ксенофобии, страха перед инаковерующими был использован позднее большевистской атеистической пропагандой уже в борьбе с влиянием Церкви на души людей. И опять — вольно или невольно содействовали этой идеологической кампании и художники слова, даже такие как Александр Блок (он, конечно, непредумыш-

---

[1] *Сб. соч*. Т. II. С. 197.
[2] *СИ*. 1885. 24 февр. № 53. С. 2; *Вопросы веры и церкви*. Т. II. С. 479—482.
[3] *Разумевающие верой*. С. 270.
[4] Полн. собр. законов. Собр. 3-е. СПб., 1886. Т. III: 1883. С. 219—221, № 1545.

ленно) с его образом карикатурного «попа» («И крестом сияло брюхо на народ»). Они же потом, в недавнее время, опять же способствовали новому преодолению ксенофобии (Ч. Айтматов, В. Тендряков и др.).

2.5. Пастырское богословие в публицистике Н. П. Гилярова-Платонова (1860—1880-е)

Периоды некоторого упадка церковной жизни, перемежаемые с ее возрождением, как известно, переживались в России неоднократно. В XIX в. наиболее рельефным оказался такой переход, пришедшийся на рубеж 70-х и 80-х гг. В идейной подготовке выхода из духовного кризиса не последнюю роль сыграло публицистическое слово Гилярова. Обращение к его передовым статьям, почти полтораста лет пребывающим под спудом, могло бы быть весьма полезно сегодня, когда возрождение церковной жизни, в частности должных взаимоотношений клира и паствы, как и прежде, стоит на повестке дня.

В отличие от большинства церковно-общественных деятелей пореформенной эпохи, лишь время от времени получавших возможность публиковаться в чужих повременных изданиях, у Гилярова была своя собственная трибуна — его газета «Современные Известия», которую он издавал в продолжение двадцати лет, отчетливо ориентируясь на самые широкие слои населения. Мнения редактора, как правило ежедневно писавшего передовые статьи, и многочисленных корреспондентов бывали так оригинальны и интересны, что, как уже отмечалось, ссылками на «Современные Известия» пестрели рубрики «Из периодической печати» всех больших газет страны.[1]

При этом в так называемом образованном обществе репутация гиляровского издания в эпоху «хождения в народ» и господства позитивистских настроений была однозначно негативной, и именно по той причине, что он постоянно шел против течения, немалую часть газетных полос посвящая религиозным темам. В

[1] См. подробнее: *Дмитриев А. П.* Н. П. Гиляров-Платонов и его газета // Москва. 2008. № 5. С. 209—215.

значительной мере эти передовые статьи Гилярова были посмертно собраны его учеником князем Н. В. Шаховским и переизданы на средства К. П. Победоносцева.[1]

Ученик Гилярова публицист И. Ф. Романов-Рцы в одном из своих мемуарных очерков писал, что общее мнение о «Современных Известиях» было презрительно-однозначным: это — «орган попов». «Да ведь это, батенька, знакомое *постное масло*?» — говорили о газете.[2] Сходное суждение московского обывателя с «передовыми» взглядами приводил другой ученик Гилярова С. К. Эфрон: «Газета постная, на лампадном масле».[3] Очень любивший Гилярова византолог Никодим Кондаков (он женился на его племяннице Вере) вспоминал, как пришедший к нему в гости Илья Мечников (они в 70-х годах служили в одном университете в Одессе) «опрокинувши <…> разом два или три стакана на стол и ухвативши эту газету (“Современные Известия”) <…> стал вытирать мокроту, говоря: “Грязью грязь вытираю”».[4]

И вот в период такого антирелигиозного общественного ожесточения Гиляров вышел на проповедь возрождения церковной жизни, причем — как один из видных богословов своего времени и наиболее сведущих знатоков церковного быта (выходец из духовной среды), ставя перед собой возвышенную цель, в чем сознавался в письмах к К. П. Победоносцеву: «…совлечь с себя парадные одежды публициста-генерала и в рубище, свойственном простому люду, потолковать с ними о том, что им знать желательно <…>» (20 октября 1867 г.);[5] «А для этого надобно прежде всего ниспуститься до публики, до некоторой степени пожертвовать собою <…>» (6 декабря 1872 г.).[6] По сути, Гиляров в 1870-е гг. делал то, чему в предыдущее десятилетие посвятил жизнь А. М. Бухарев (архимандрит Феодор), — нес в литературно-общественные сферы богословское знание, стре-

---

[1] *Вопросы веры и церкви*. Т. I—II. Далее в настоящем разделе при ссылках на это издание даются даты выхода газеты, в которой помещена цитируемая передовая статья.

[2] *Рцы <Романов И. Ф.>*. Как я нашел Никиту Петровича // Русский Труд. 1898. 3 янв. № 1. С. 16.

[3] *Эфрон (Литвин) С*. Миссионеры и начетчики. М., 1908. С. 6.

[4] *Кондаков Н. П*. Воспоминания и думы. Прага, 1927. С. 43.

[5] *Разумевающие верой*. С. 61. См. эти слова в контексте в разделе 1.8, на с. 000.

[6] *Разумевающие верой*. С. 121.

мясь сделать его удобопонятным и насущным для широкой публики. Сходную задачу ставили перед собой шедшие во встречном направлении — к Церкви от во многом уже обмирщенной культуры — славянофилы, Достоевский, Л. Толстой.

Из всего многообразия поднятых Гиляровым религиозных проблем затронем лишь одну — об учительстве духовенства и его сближении с обществом, являющуюся, пожалуй, первостепенной для пастырского богословия. Она же, очевидно, и наиболее существенная в свете возрождения церковной жизни. Сразу, однако, сделаем две оговорки. Во-первых, понятие «общество» у Гилярова означает не один только «народ самосознающий», как у его друга и сподвижника И. С. Аксакова,[1] а собственно всех мирян, весь верующий народ в его совокупности. И, во-вторых, учительство духовенства и его сближение с обществом-народом являлось для Гилярова единым взаимообусловленным, неразрывным процессом.

Разрабатывал он этот вопрос в период несомненного церковного кризиса, когда в печати установился, по определению Гилярова, «клерикально-бюрократический подход» к вопросам веры: «Направление это не знает “церкви”; для него существует только духовенство, и притом только белое, и именно в противоположении “черному”»;[2] «вместо того чтобы видеть церковь, они видят клир, забывая о верующем народе».[3] При этом панацеей от всех бед провозглашалось улучшение материального быта. «В клерикально-бюрократической печати, — констатировал Гиляров, имея в виду прежде всего “Церковно-Общественный Вестник” (1874—1886), — сделалось казенным общим местом воззрение: дайте хорошее содержание, и будут хорошие пастыри».[4] И в этом он видит воздействие на умы «нигилистической» эпохи, ведь основывается такое требование на десакрализации пастырского труда и отождествлении его с любым другим физическим «напряжением мышц или же с коммерческим

[1] *Аксаков И. С.* Отчего так нелегко живется в России? М., 2002. С. 137.
[2] *Вопросы веры и церкви*. Т. II. С. 190 (3 мая 1880 г.).
[3] Там же. С. 199 (18 мая 1880 г.).
[4] Там же. С. 151 (10 декабря 1879 г.).

делом», зависящим от материального вознаграждения. Все же то, к чему еще недавно считался призванным священник: «любовь, ревность о спасении заблудшего, полагание души за своих овец, жар проповедания, духовная радость и скорбь, совесть и вера — все это признается возникающим, возвышающимся и ослабляющимся по мере пенязей. Лучшей проповеди материализм для себя не может искать <…>».[1]

Такое положение вещей, отмечал Гиляров, породило «полицейский» взгляд на взаимоотношения клира и верующих и имело два неизбежных следствия: с одной стороны, клир свою неспособность просветить паству оправдывал якобы неискоренимыми грубостью и невежеством народа,[2] а в самом обществе установился, как мягко выразился Гиляров, «недостаток сердечного расположения к духовенству».[3]

Исследуя глубинные причины того, как разрушались «первозданные отношения русского духовенства к прихожанам», Гиляров в ряде статей совершает исторические экскурсы — в XVII век с «первым колебанием» изначальной гармонии, выразившемся в старообрядчестве; в Петровское и Екатерининское время с их церковными преобразованиями, нередко по протестантским и католическим лекалам.

В результате, во-первых, «степень прав на пастырское звание стала полютерански измеряться степенью учености»,[4] семинарским образованием, которое могли получать исключительно дети духовенства, замыкавшегося таким образом в касту: «Отдаляет духовенство от народа — школа; замыкает духовенство в касту школа».[5]

Во-вторых, уже в эпоху Просвещения стало казаться нелепым, что не один только епископ, но и невежественная паства оценивает претендента на священническое место, — и у приходов было отнято избирательное право. Сформиро-

---

[1] Там же.
[2] См.: Там же. Т. I. С. 37—42 (5 августа 1868 г.).
[3] Там же. С. 50 (22 августа 1868 г.).
[4] Там же. С. 55 (23 августа 1868 г.).
[5] Там же. Т. II. С. 65 (23 января 1876 г.).

валось убеждение, «что священник должен быть навязываем народу, что народ должен существовать для духовенства и что духовенство, чрез подмен понятий исключительно называемое церковью, должно быть покровительствуемо в ущерб народу, без всякого внимания к желанию народа».[1]

В-третьих, духовенство потеряло «местное» значение: подобно католическим клирикам — «солдатам папы», — «духовные лица стали простыми делегатами епархиальной власти: они бросаемы были архиерейским произволом туда и сюда»; «местные нужды и желания» оказывались второстепенны, «вообще — близость к народонаселению» утрачивалась. «Итак, — заключает Гиляров, — единство духовенства с народом было разрушено, связь порвана, сначала внутренняя, а затем и внешняя».[2]

Выход из этого нравственного тупика, по убеждению публициста-богослова, возможен лишь при осознании клиром своего отчуждения от народа бедствием, объяснимым исторически. Однако именно этого не произошло: в эпоху реформ 60-х годов духовному сословию в его массе были свойственны два основных заблуждения (Гиляров использует образы «слепоты», «самообмана», характеризуя ими кризис пастырского сознания), сходные в том, что они лишь усугубляли разрыв клира с приходом.

С одной стороны, вопрос о содержании причтов однозначно решался в пользу казенного жалованья, а не освященных традицией доброхотных пожертвований паствы. Гиляров риторически вопрошает: «Кто из духовных не желал бы сесть на жалованье от государства? Мысль о том, чтоб содержаться от приходов, возбуждает отвращение».[3] Это для священника (цитирует Гиляров статью из «Церковно-Общественного Вестника») — «рабская зависимость, столь унизительная и оскорбительная для его достоинства». Почему же тогда, — находит остроумный контраргумент Гиляров, — доктор «не находит ни унизительным, ни оскорбительным» брать за визиты, а адвокат получать гонорары от кли-

[1] Там же. Т. I. С. 503 (18 сентября 1873 г.).
[2] Там же. С. 55 (23 августа 1868 г.).
[3] Там же. С. 258 (25 октября 1870 г.).

ентов?[1] И с горечью подытоживает: духовенство жаждет «получить казенное жалованье и вполне преобразиться в казенных чиновников»; ему «кажется безусловным, что народ должен существовать для духовенства, а не духовенство для народа».[2]

С другой стороны, не менее остро тогда встал вопрос об учительстве священников. Общераспространенным стало мнение: «Духовное лицо по существу совсем даже и не есть прирожденный учитель <…> он есть отправитель треб; является добродушное забвение понятий о пастырстве и мольба о том, чтобы видели в нем простую, внешнюю, механическую силу, распорядителя, станового пристава, вообще известное колесо в государственной машине».[3] При этом Гиляров делает интересное сопоставление: на Западе «духовенство оттирается повсюду, во Франции, Италии, Германии, Швейцарии, даже Англии» от дела образования, где оно прежде было «исключительно клерикальным», но борется отчаянно с этой секуляризацией. «Государство, высвобождая своих подданных из-под церковного, точнее — клерикального, плена, само в свою очередь подставляет себя на место церкви, требуя власти не только над поступками гражданина, но и над его душою».[4] Русское же духовенство принуждается правительством к образованию народа. «Но нам не до того, отвечает у нас духовенство: да притом заплатите нам за это хорошенько, тогда мы посмотрим, ведь это не наше дело». В этой позиции, пишет Гиляров, нет ответственности за судьбу страны, ведь «устранение духовенства от воспитания есть только преддверие безверию».[5]

Беда в том, отмечает Гиляров, что правительство пошло на поводу этих чаяний. Он критикует реформы обер-прокурора Св. Синода графа Д. А. Толстого, программа которых, по его мнению, была задана либеральной публицистикой священника И. С. Беллюстина и Д. И. Ростиславова, и объясняет причины их провала.

---

[1] Там же. Т. II. С. 200—201 (18 мая 1880 г.).
[2] Там же. Т. I. С. 502 (18 сентября 1873 г.).
[3] Там же. С. 259 (25 октября 1870 г.).
[4] Там же. Т. II. С. 53 (30 декабря 1875 г.).
[5] Там же. Т. I. 455, 456 (20 декабря 1872 г.).

Во-первых, улучшение содержания духовного сословия решено было осуществить за счет значительного сокращения количества приходов. Однако увеличения доходов не получилось, потому как люди просто перестали ходить к исповеди, заказывать требы: «Должно было предвидеть, что с ослаблением предложения духовных услуг ослабится спрос, — совершенно обратно обычному экономическому закону».[1] Наряду с охлаждением веры, были и другие тяжелые последствия: окончившие духовные школы остались без вакансий и образование им стало в наказание: семинариста «в сельские работники и лавочные сидельцы не возьмут; в ученики ремесленного заведования поздно»;[2] крестьянам-храмоздателям, «отщипывавшим от себя последние копейки, чтобы устроить у себя, на свою кровную лепту, дом Божий», приходилось «затем видеть этот дом Божий запустелым»[3] и т. д. В итоге, констатирует Гиляров, эта мера «кончилась полной неудачей. В иных местах она произвела раскол, в других — отпадение от христианства, повсюду — отчуждение от духовенства и в довершение — ничуть не улучшила положения оставшихся членов клира. Все это легко было предвидеть».[4]

Во-вторых, законоучительство и начальное обучение было объявлено только «нравственной обязанностью» духовенства, но не безусловной принадлежностью иерейского звания. И сразу многие школы лишились учителей в рясах. С начала 1870-х гг. власти пошли на попятную и прибегли к «косвенному понуждению»: выполнение учительских и псаломщических обязанностей стало условием получения священнических мест. Тут Гиляров призывал отказаться от полумер и «действовать прямее; грамотность (а кстати — знание и нужнейших молитв) в приходе возложить на *ответственность* приходского духовенства. Одновременно с нравственным давлением на самих крестьян, с одной стороны, и с поощрительными мерами — с другой <…>».[5] Как уже говорилось, в этом во-

[1] Там же. Т. II. С. 17 (11 мая 1874 г.).
[2] Там же. Т. I. С. 313 (24 октября 1871 г.).
[3] Там же. Т. II. С. 17.
[4] Там же. С. 15.
[5] Там же. Т. I. С. 360—361 (13 января 1872 г.).

просе у Гилярова были немаловажные заслуги: еще в преддверие реформ он написал для императрицы Марии Александровны записку «О первоначальном обучении народа», в январе 1862 г. прочитанную ею и Александром II, который, по свидетельству графини А. Д. Блудовой, всецело согласился с Гиляровым: «в руках духовенства должно оставаться образование первоначальное».[1] Запиской вдохновился митрополит Филарет (Дроздов), распорядившийся опубликовать ее в ближайшей книжке академического журнала (мартовской за 1862 г.).[2] Важностью Записки проникся и М. Н. Катков, тут же перепечатавший ее в приложении к «Русскому Вестнику».[3] А в начале 1880-х гг. уже С. А. Рачинский поместил ее в своей знаменитой книге о сельских школах как идеологическое обоснование системы церковноприходского образования.[4]

В том же, что «духовенство не причисляет народного учительства к своим обязанностям», стремясь ограничиться одним требоисполнением, Гиляров видел роковое недоразумение, поскольку «при отсутствии церковного обучения надобность в самых требах наконец иссякает».[5] Ведь чтоб народ был верующим и заказывал требы, участвовал в таинствах, его сначала надо катехизировать, просветить истинами веры, образовать, нравственно облагородить, смягчить его нравы.

Среди других конкретных мер по воссозданию должных взаимоотношений между клиром и мирянами Гиляров предлагал возвратиться к апостольскому правилу избрания священников: «Выборное начало есть истинно церковное, тесно связанное с самою соборностью церкви»,[6] которое, между прочим, может решить и проблему обеспечения духовенства: «…вместе с допущением к праву голоса при избрании пастырей, пасомые несомненно окажутся и более щедрыми в

---

[1] Цит. по: *Шаховской Н., кн.* Н. П. Гиляров-Платонов как инициатор церковноприходской школы // *РО*. 1896. Т. 37, февр. С. 572.

[2] *ПкИТСО*. 1862. Ч. 21. С. 165—180.

[3] Современная летопись «Русского Вестника». 1862. № 30. Июль. С. 17—19.

[4] *Рачинский С*. Заметки о сельских школах. СПб., 1883. С. 111—123.

[5] *Вопросы веры и церкви*. Т. I. С. 457 (20 декабря 1972 г.).

[6] Там же. Т. II. С. 282 (23 июня 1880 г.).

отношении к тем, кого не насильно в их пастве водворила чужая воля, но о ком испрашивалось и их одобрительного единомыслия».[1]

Существенной помехой в деятельности духовенства Гиляров считал избыток делопроизводственной нагрузки, никак не связанной с его непосредственным призванием, особенно «нотариальные обязанности»: заполнение оспенных ведомостей («просто сочиняются и никогда никакой действительности не изображают»); ведения метрических книг, фиксирования статистических сведений («неудобных для статистиков») и т. п. Гиляров призывал: «Снимите с причтов обязанность казенной регистрации, предоставив вместе с тем полную свободу церковной проповеди: духовная жизнь закипит».[2] Тем самым он снова и снова поднимал вопрос об учительстве духовенства, так определяя «главнейший пробел современной жизни»: «Нет церковной проповеди, не слышится от пастырей живого слова: единственною воспитательною силою церкви, при современном ее положении, остается общественное богослужение <…>».[3] Здесь тоже была своя историческая обусловленность: в России, в отличие от лютеранских стран, «проповедание слова Божия считается в духовенстве не неотъемлемою принадлежностью звания, а роскошью, парадною, праздничною церемонией»,[4] «повинностью».[5] Однако «каким успехом, авторитетом, влиянием овладевает всякий проповедник, лишь только <…> заслышится в его слове хоть искра действительного огня, хоть капля живого, искреннего отношения к предмету проповеди!».[6] Да и успех штундистов и пашковцев, замечал Гиляров, показывает, «что жажда слышать христианскую проповедь есть в народе; что живая проповедь непременно повлечет за собою перевоспитание народа <…>».[7]

Отметим, что проблемы пастырского богословия (прежде всего связанные с учительством духовенства и его сближением с паствой) Гиляров неоднократно

---

[1] Там же. Т. I. С. 505 (29 сентября 1873 г.).
[2] Там же. Т. II. С. 60 (5 января 1876 г.).
[3] Там же. С. 170 (5 марта 1880 г.).
[4] Там же. С. 178 (13 апреля 1880 г.).
[5] Там же. С. 397 (16 января 1884 г.).
[6] Там же. С. 179.
[7] Там же. С. 180.

затрагивал и в своих воспоминаниях «Из пережитого» (1884—1887), отмеченных печатью художественности и психологической глубины,[1] а потому позволивших, пожалуй, более выразительно и действенно, нежели в газетной публицистике, противостоять «клерикально-бюрократическому» направлению русской мысли тех лет.

В статьях, приуроченных к переизданию тома богословских сочинений А. С. Хомякова с предисловием Ю. Ф. Самарина, Гиляров так выразил, по его словам, «существо <…> их церковного служения и общественное значение этого служения» — «эманципация религиозного сознания», использовав выражение Самарина. Гиляров продолжал: «Эта заслуга эманципации принадлежит им двоим, принадлежит не в России только, а в целом человечестве».[2] Безусловно, рядом с именами этих двух славянофилов-богословов по праву должно стоять и имя третьего участника упомянутого издания — самого Гилярова (переводившего французские брошюры Хомякова и редактировавшего предисловие Самарина). При этом его заслуга для русского общества в практическом, так сказать, отношении оказалась, пожалуй, и больше, поскольку он сложные богословские и церковно-исторические сведения умел как никто другой из его современников перелагать на удобопонятный для читающей публики язык и, таким образом, деятельно участвовал в возрождении церковной жизни в стране.

2.6. Н. П. Гиляров-Платонов о проблеме цензуры и свободы слова (1860—1880-е)

О благотворной роли Гилярова, в 1863 г. назначенного членом Комиссии по пересмотру проекта Устава о книгопечатании, в выработке «Временных правилах о цензуре и печати» 1865 г., особенно в усилении либеральных тенденций этого законодательного акта говорилось выше. Приведем мнение автора некролога Гилярову, опубликованного в газете «Новое Время» (скорее всего, он при-

[1] См. современное переиздание в академической серии «Литературные памятники»: *Из пережитого*. Т. 1—2.

[2] *Вопросы веры и церкви*. Т. II. С. 213 (11 сентября 1880 г.).

надлежит перу самого издателя А. С. Суворина), в котором содержится сожаление, что правительство не приняло систему цензурных предупреждений в той форме, как ее предлагал Гиляров: «…он смотрел на предостережения как на переходную меру к суду и доказывал необходимость поставить назначение их в полную зависимость от Совета, то есть от коллегиального учреждения, а не в том виде, в каком это вошло в Закон о печати, где Совет играет роль служебную».[1]

За 20 лет редакторской деятельности Гиляров поместил в своих «Современных Известиях» газете, по нашим подсчетам,[2] около 120 передовых статей, где специально рассматривалось положение печати в России. В них излагался идеальный взгляд на периодику как на союзницу правительства в деле преуспеяния России и под этим углом зрения осуждались случаи отхода журналистики от нравственных критериев, ее коммерциализация. Но больше всего волновала Гилярова не всегда оправданная правительственная репрессивная политика по отношению к печати. Так, он акцентировал положительные моменты даже в прекращении Государственным советом аксаковской «Москвы»: «…дорого то, что последнее издание <…> судимо было хотя без присяжных, но, по крайней мере, верховным судом империи: ибо, конечно, то был суд, а не произвол. Не лишено значения и то, что дело прошло чрез департамент Сената, общее собрание Сената, и дошло в общее собрание высшего из государственных учреждений, на всех ступенях встречая законное препятствие к запретительному решению. Слишком довольно обеспечений для печати! Но поэтому-то и надобен для нее суд присяжных».[3]

В «Современных Известиях» всесторонне комментировались все новые, в том числе только планировавшиеся, постановления по цензурному вопросу. Так, в связи с известием об учреждении Особой комиссии для пересмотра действую-

---

[1] <*Суворин А. С.?*>. Гиляров-Платонов: Некролог // *НВр*. 1887. 15 окт. № 4177. С. 1.

[2] Ср. также выводы статьи, специально посвященной теме настоящего раздела: *Федотова М. А.* Цензурный вопрос в газете Н. П. Гилярова-Платонова «Современные Известия» // Вопросы отечественной истории: Межвуз. сб. науч. работ мол. ученых. М., 2001. Вып. 4. С. 135—146.

[3] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 30 апреля // *СИ*. 1869. 1 мая. № 117. С. 1.

щих постановлений о цензуре и печати под председательством князя С. Н. Урусова (работала в 1870—1871 гг.) Гиляров призывал правительство не идти на попятную, возвращаясь к предварительной цензуре, а, напротив, двигаться в направлении дальнейшего освобождения журналистики. Он утверждал: «Расширение прав предупредительной цензуры было бы обратным вызовом тех печальных болезней, которыми страдала общественная жизнь в былые времена <…>».[1]

Ужесточение цензурных правил в 1872—1873 гг., по убеждению Гилярова, порождало в Европе представление о ликвидации свободы печати в России и было вредно в принципе, поскольку учет оппозиционных мнений полезен правительству. Неоднократно Гиляров порицал практику цензурных предостережений (особенно выносимых благонамеренным консервативным изданиям): в глазах населения они выглядели не как наказание за отдельные промахи, а как осуждение всего направления охранительного органа печати. В связи с предостережением, вынесенным «Московским Ведомостям», Гиляров предлагал вместо подобной кары в таких случаях помещать в официозном «Правительственном Вестнике» подробный разбор статей, вызвавших недовольство властей, что служило бы полезным уроком для всей печати и демонстрировало бы, что правительство «изъявляет недовольство не на все направление издания, а на случайные его промахи, выражалось в официальном органе простое осуждение укоризненных статей, то было бы — веха, маяк; издание знало бы, чего избегать, чтоб не подвергнуться каре. Публике кажется, что правительство осуждает направление издания, злонамеренность его, выражается недоверие к изданию».[2]

Чтоб привлечь внимание общественности к вредной политике административных взысканий, Гиляров регулярно публиковал в своей газете сведения о карах в отношении различных органов печати, независимо от их партийной принадлежности.

---

[1] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 8 ноября // Там же. 1869. 8 нояб. № 307. С. 1—2.
[2] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 11 января // Там же. 1870. 12 янв. № 11. С. 2.

Непродуманность цензурной политики, по мнению Гилярова, проявилась, между прочим, в том, что правительство невольно стало проводником идей нигилизма и анархизма из-за одного своего распоряжения, вызванного тотальным недоверием ко всей журналистике, включая самые благонамеренные консервативные издания. За год с небольшим до цареубийства, 5 декабря 1879 г., в откровенном письме к князю Н. В. Шаховскому Гиляров винил высшую власть: «Я не одобряю вот чего: популяризации революционных идей, совершаемых самим правительством <…>. Оно запретило нам печатать свои отчеты о политических делах, а велело руководствоваться “Правительств<енным> Вестником”, и притом заимствовать из него отчеты *без изменений и сокращений!* “Правительственный же Вестник”, к несчастию, слишком добросовестно передает показания преступников. Разве это не пропаганда?»[1] Гиляров, впоследствии автор одной из наиболее глубоких статей, исследующих генезис русского революционного движения, — «Откуда нигилизм?» (1884), конечно, знал, о чем говорил.[2]

В 1880 г., во время работы Комиссии по пересмотру цензурных законов под председательством графа П. А. Валуева, Гиляров в очередной раз возвысил голос за полную отмену цензуры и выступил с развернутой критикой нововведений 1870-х гг. карательного характера: права негласных временных распоряжений, принуждавших печать молчать по насущным общественно-политическим вопросам; права запрещать розничную продажу изданий и печатание объявлений и др. Он утверждал: «Печать должна быть освобождена от произвола. Она должна быть подчинена закону. <…> В чем была наша беда?

1) В том, что печать подчинена была *единоличной* власти министра или, пожалуй, даже начальника Главного управления.

2) В том, что цензура действовала безгласно.

---

[1] *Переписка с Шаховским*. С. 64.

[2] См. также: *Кругликова О. С.* Публицистика Н. П. Гилярова-Платонова: антинигилистический дискурс // Русская публицистика в духовно-нравственной жизни общества: идеалы и ценности / Под ред. Л. П. Громовой. СПб.: СПбГУП, 2014. С. 53—68.

3) В том, что обвиняемому и наказуемому не дано было права защиты, — ему не объявлялось даже, за что он подвергается наказанию».[1] Гиляров доказывал, что все эти стеснения и породили нелегальную печать, пропагандировавшую терроризм: «Стеснения породили зло — тайную печать, свившую постоянное гнездо внутри России».[2]

Будучи приглашен графом П. А. Валуевым на заседание Комиссии в ноябре 1880 г., Гиляров призвал правительство смотреть на печать как на друга, а не как на врага. Спустя три месяца он требовал в своей газете максимальной гласности при обновлении цензурного законодательства и сетовал: «Новые законы о печати заготавливаются в удивительной тиши. <…> Неоднократно было заявлено желание о возвращении печати хотя к положению 1865 года. Жестокий закон о сожжении книг остается еще в силе; отчеты об общественных собраниях подлежат еще предварительной цензуре; ее иго не снято с коммерческих объявлений, и притом в изданиях даже, изъятых от предварительной цензуры».[3]

Об административном произволе по отношению к журналистике Гиляров неоднократно высказывался в 1870-х—1880-х гг. в письмах к К. П. Победоносцеву.[4] Гиляров проводил мысль, что гласный суд над журналистикой должны творить не случайные присяжные и не юристы и чиновники разных ведомств (как предлагалось многими в то время), а несменяемые, специально ведающие дела печати независимые лица, политически и нравственно образованные, для чего предлагал учредить особый департамент Сената как высшую инстанцию для печати.

В отличие от большинства консервативных издателей Гиляров печатно осудил Закон 27 августа 1882 г., по которому вопрос закрытия периодических изданий решался не в судебном порядке, а Особым совещанием четырех министров (внутренних дел, просвещения, юстиции и обер-прокурора Синода). Еще до публикации этого Закона он с тревогой передавал молву о предполагавшемся

---

[1] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 22 июля // *СИ*. 1880. 23 июля. № 201. С. 2

[2] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 5 мая // Там же. 1880. 6 мая. № 123. С. 2.

[3] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 19 февраля // *СИ*. 1881. 20 февр. № 50. С. 2.

[4] См.: *Разумевающие верой*.

«четырехэтажном управлении печатью и возвращении газет под цензуру», убеждая, что «печать нужно не придавить, а, напротив, поднять и возвысить».[1] При этом Гиляров весьма скептически оценивал возможности цензуры остановить реальное зло, распространяемое печатью: «Тенденция может сказываться не только в отзывах о лицах или в критике событий, но в самом выборе известий, в их окраске, иногда в самых умолчаниях: всё такие вещи, которые цензура в редких случаях способна предупредить или остановить».[2]

Когда же Закон увидел свет, Гиляров разочарованно писал, что его «существо <…> состоит собственно в двух пунктах: 1) в возврате бесцензурных изданий под цензуру, и 2) в обязательстве открывать административной власти имена авторов». Особенно возмущал его этот второй пункт, поскольку «редактор в этом случае есть своего рода духовник: даже ближайшие автору лица остаются в неведении о писавшем, и иногда именно от ближайших-то лиц имя и укрывается».[3] По поводу же первого пункта Гиляров писал как о давно наболевшем: «О том, что предварительная цензура не составляет ограждения, писано так много, что повторять эту истину излишне, тем более когда она засвидетельствована самым наглядным опытом: нигилизм есть порождение подцензурной печати. Остается пояснить, отчего так происходит. От того, что по общему правилу dubia benignius inter pretantor; судья в сомнительных случаях должен предпочитать благоприятное истолкование. Цензор не может не следовать этому правилу. Цензор затем неизбежно останавливается на отдельных частностях: на отдельных фразах, на отдельных статьях, на отдельных нумерах».[4]

Потому и подвергнутые наказанию издания, вопреки замыслу законодателей, караются за частности, а «не за направление, которое выражается не в частностях»: «…мы не знаем примера административной кары за направление и утверждаем решительно, что с самым красным, самым радикальным направлением периодическому изданию у нас существовать возможно без цензуры, не

---

[1] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 20 августа // Там же. 1882. 21 авг. № 230. С. 2.
[2] Там же. С. 1—2.
[3] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 16 сентября // *СИ*. 1882. 17 сент. № 257. С. 1.
[4] Там же.

подвергаясь каре, а и того удобнее — под крылом цензуры. Все дело в своего рода дипломатии и стратегии: прямота, будь она самого охранительного направления, более всего подвержена опасности».[1]

Как видим, Гиляров не изменил идеалам своей молодости и, так же как в 1850-х гг. его друзья-славянофилы ратовали за свободу печати, так и он в конце своей жизни выступал за возможно бо2льшую независимость печатного слова, в чем смыкался с публицистами либерального направления. Протестом против засилья цензуры в России была и предсмертная публикация Гиляровым за границей его книги «Нечто о Русской церкви в обер-прокурорство К. П. Победоносцева. Вып. I: Нечто о Российской церкви в настоящее время» (Лейпциг, 1887; под криптонимом «Р. С. Т.»).

2.7. Н. П. Гиляров-Платонов о судьбах кирилло-мефодиевского наследия и всеславянского единства. Полемика с Вл. С. Соловьевым (1885)

В отличие от некоторых своих единомышленников (М. П. Погодина, А. Ф. Гильфердинга, П. А. Бессонова, И. С. Аксакова, протоиерея А. М. Иванцова-Платонова и др.[2]) Гиляров вплоть до последних лет жизни специально не высказывался в печати по кирилло-мефодиевской проблематике, которая приобрела популярность уже с начала 1860-х гг., упрочивая в сознании русского общества идею всеславянского единства.

---

[1] Там же. С. 2.

[2] См., например, статьи, включенные в книгу, отпечатанную в Московской Синодальной типографии при ближайшем участии Гилярова: *Горский А. В*. Жития св. Кирилла и Мефодия: Рассуждение; *Погодин М. П*. Речь <…> в память о св. Кирилле и Мефодие; *Гильфердинг А. Ф*. О Кирилле и Мефодии в тысячелетней их годовщине; Бессонов П. А. В память первоучителей славянства; *Аксаков И. С*. 11 мая в Москве (1862): (Отрывок из письма) // Кирилло-Мефодиевский сборник: В память о совершившемся тысящелетии славянской письменности и христианства в России, изданный по определению Московского общества любителей русской словесности М. П. Погодиным. М., 1865. С. 5—42, 81—208, 449—509, 534—539. См. также: *Бильбасов В. А*. Кирилл и Мефодий: [В 2 ч.]. СПб., 1868—1871. Ч. I—II$ *Иванцов-Платонов А. М., свящ*. Слово в день тысячелетней памяти св. Кирилла, просветителя славянского… // Празднование тысячелетней памяти Первосвятителя славян Св. Кирилла, 14-го февраля 1869 г., в С.-Петербурге и Москве. V Praze, 1869. С. 92—109; *Беляев И. В*. Св. Константин (нареченный Кирилл) и Мефодий. М., 1876; 4-е изд.: 1885; *Бахметева А. Н.* Преподобные Кирилл и Мефодий, просветители славян: К тысячелетию памяти св. Мефодия М., 1885, и др.

Впрочем, хотя 18 марта 1863 г. и был опубликован Синодальный указ, определяющий 11 мая ежегодным «церковным празднованием» памяти Первосвятителей, ее чествование — и на церковном уровне, и на государственном — долгое время осуществлялось весьма скромно, даже формально и являлось будто бы прерогативой одних Славянских комитетов да отдельных ученых обществ.

Причины такого положения вещей впоследствии вскроет Гиляров. По его мнению, «Кирилл и Мефодий не живут в народной памяти, и не живут потому, что не они просветители наши в христианстве. Церковь потому не имела прямого основания их возвеличить, а к государственной истории нашей и совсем не имели они отношений; между тем память народная обращается у нас чествованием к деятелям исключительно в этих двух сферах».[1] Однако парадоксальным образом Солунские братья оказывались не менее, а более значимы для русского национального самосознания, чем те же Равноапостольные князь Владимир и княгиня Ольга и, пожалуй, даже Апостол Андрей Первозванный. Гиляров продолжал: «Тем не менее Кирилл и Мефодий для нас значат более, нежели кто-либо и нежели для кого-либо. Они наши просветители, просветители вообще, а не в частности просветители христианством; они родоначальники нашего народного и государственного единства».[2] Эта мысль — о решающей роли кирилло-мефодиевского наследия в формировании русской нации и ее религиозно-державных устоев, а также в обеспечении их жизнестойкости — относилась к числу самых задушевных в историософии Гилярова.

Однако прежде чем обратиться к подробному изложению суждений Гилярова о Первоучителях, упомянем, что в редактировавшейся им газете «Современные Известия» время от времени публиковались сообщения о чествовании Кирилла и Мефодия в различных ученых обществах и учебных заведениях. Так, в феврале 1869 г. в качестве передовой статьи был напечатан отчет о торжественном собрании в Московском университете, посвященном 1000-летию со дня кончины Св. Кирилла, и приведены фрагменты речи М. П. Погодина, кото-

[1] *Вопросы веры и церкви*. Т. II. С. 484—485.
[2] Там же. С. 485.

рый с усвоением кирилло-мефодиевским наследия напрямую увязывал характерные, по его убеждению, для Древней Руси симфонические отношения между Церковью и государством (они «шли у нас рука об руку»), а в самих Первоучителях видел прежде всего залог славянского единения: «Они, эти Св. братья, истинные и, к сожалению, единственные панслависты».[1]

Существенно иначе смотрел на их роль Гиляров. Он вообще скептически относился к возможности объединения славянских народов на основе лишь языковой общности при разительных конфессиональных различиях. 2 ноября 1886 г. Гиляров писал своему ученику, публицисту И. Ф. Романову-Рцы: «Начните с того, что я не *славянофил*. *Лингвистическую* народность я ставлю ни во что, даже прямо ее отрицаю».[2]

Свои взгляды мыслитель изложил в восьми передовых и «подпередовых» статьях «Современных Известий» в феврале — апреле 1885 г., когда в России с большим размахом отмечалось 1000-летие со дня кончины Св. Мефодия. Современный историк справедливо пишет: «Апрель 1885 года по праву считается кульминационным моментом в истории чествования Солунских братьев в дореволюционной России».[3]

Одна из первых передовиц была опубликована в № 52 от 23 февраля и приурочена к решениям Московской городской думы принять участие в апрельском праздновании и, в частности, «увековечить в Москве память о Свв. Кирилле и Мефодии постройкой <…> часовни-храма во имя упомянутых святых, на Красной площади, у стены Кремля, в середине между Никольскими и Спасскими воротами <…>».[4] Эта «святыня всех славян» призвана была напоминать «святую истину о непреложности нравственного единения всех славян между собой».[5] Как видим, часовню собирались возвести на том месте, где впоследствии водво-

---

[1] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 14 февраля // *СИ*. 1869. 15 февр. № 44. С. 1.

[2] *Письма к Рцы*. С. 248.

[3] *Огрызко В. В.* Праздник на все времена: Об истории чествований славянского слова и памяти Славянских Первоучителей — Кирилла и Мефодия. М.; София, 1991. С. 25.

[4] *Вопросы веры и церкви*. Т. II. С. 475, 476.

[5] Там же. С. 476.

рился ленинский мавзолей.[1] Гиляров, приветствуя этот проект, все же отметил, что он «несколько поспешен своею подробностью».[2]

Вместе с тем, по его убеждению, предстоящие празднества должны отличаться особой торжественностью — в связи с католической интригой: 6-го же апреля (но по новому стилю), в день кончины Св. Мефодия, в бывшем центре Моравского княжества Велеграде (ныне чешский городок Старе Место), где с 1205 г. находилась базилика Солунских братьев, планировалось устроить альтернативное их чествование. Дело в том, что папа Лев XIII еще в сентябре 1880 г. издал энциклику «Grande munus», провозгласившую почитание Свв. Кирилла и Мефодия в Католической церкви. Их наследие стало актуализироваться на Западе как залог единой Церкви, без разделения ее на конфессии (но, конечно, на основе католицизма). Гиляров подробно разъясняет замысел этого нового «крестового похода» как религиозно-политическую «манифестацию против России и Православия».[3] Тема идейного противостояния обманному Велеградскому торжеству оказывается сквозной — она проходит через все печатные выступления Гилярова по поводу чествования Солунских братьев. В этом смысле особенно важны три его передовые статьи.

В первой из них (в № 56 от 27 февраля) он приводит слова хорватского политического деятеля Анте Старчевича, возмущавшегося, что в Велеград приглашаются чехи, хорваты и поляки — народы, которые от учения Св. Мефодия «имеют меньше, чем магометане от Христа и немецкие католики от Лютера».[4] Невозможным считает Старчевич и соединение Церквей на подобном празднестве по сценарию Рима — «уничтожением одной из Церквей или созданием третьей из двух существующих».[5]

---

[1] Этот проект не был осуществлен. При жизни Гилярова в Москве освятили одну-единственную церковь во имя Свв. Кирилла и Мефодия (8 февраля 1887 г., при Земледельческой школе).

[2] *Вопросы веры и церкви*. Т. II. С. 476.

[3] Там же.

[4] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 25 февраля: Дневное обозрение // *СИ*. 1885. 27 февр. № 56. С. 1—2.

[5] Там же. С. 2.

В другой передовице (в № 60 от 3 марта) Гиляров выявляет в этих папских происках и отчетливый «польский след», превращающий религиозное торжество в Велеграде в провокационную политическую акцию. Он пишет, что и для России, и для Австрии «католический панславизм опасен как политическая доктрина, и тем более опасен, что агитацию ведет народность, привыкшая пользоваться чужими стремлениями для своих целей, — поляки».[1]

Наконец, в третьей из упомянутых передовых статей (в № 67 от 10 марта) Гиляров предвещает настоящую войну, которая, по логике вещей, неизбежно должна быть инспирирована Римом ради окатоличивания России: «…возбуждая энтузиазм к памяти Первоучителей, надеются их именем искусственно соединить славян под знаменем Ватикана и идти на нас походом, сначала не вещественным, но он обратится скоро и в поход крови и железа».[2] (Здесь Гиляров отсылает к известному поэтическому отклику Тютчева на воинственные заявления Бисмарка — в стихотворении «Два единства», 1870.)

Такое акцентирование внимания читателей на подготовке Велеградского празднества, какого не было ни в одной другой ежедневной газете того времени, на наш взгляд, объясняется полемическими целями. Гиляров был возмущен равнодушием к будущему всероссийскому чествованию памяти Первоучителей, во-первых, со стороны интеллигенции («Нам из Петербурга пишут, что приготовления к славянскому празднику там в обществе почти не имеют отзвука. То же и в Москве <…>», с. 484),[3] а во-вторых, — со стороны церковной иерархии («…не без прискорбия слышим, что в здешнем епархиальном мире не делается никаких приготовлений <…>. Верить или нет слуху, но говорят, что и высокопреосвященный не прибудет к тому времени. <…> Желаем, чтобы мы предохранены

---

[1] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 2 марта: Дневное обозрение // *СИ.* 1885. 3 марта. № 60. С. 2.

[2] *Вопросы веры и церкви*. Т. II. С. 486.

[3] Ср. подобные же сетования в статье В. О. Михневича: *Коломенский Кандид.* Взгляд и нечто по поводу Кирилло-мефодиевского юбилея // Новости и Биржевая Газета. 1885. 7 апр. № 94. С. 1.

были от этого стыда <…>»[1]). Для Гилярова же такое «безучастное молчание» в связи с Велеградским спектаклем означало предательство кирилло-мефодиевских заветов и предельную степень нравственного унижения.[2] О самих этих празднествах Гиляров, как и большинство редакторов других газет, поместил впоследствии лишь телеграмму «Северного телеграфного агентства» с краткой информацией.[3]

Не исключено, что именно горячие статьи Гилярова поставили перед необходимостью серьезнее взглянуть на чествование памяти Первоучителей — К. П. Победоносцева, его приятеля (они сдружились еще осенью 1860 г.), в то время обер-прокурора Св. Синода (всегда внимательнейшим образом прочитывавшего «Современные Известия»). Тот 3 апреля отчитывался перед императором о причинах особого внимания к подготовке предстоящих празднеств. По его словам, католики «теперь выдумали присваивать себе Кирилла и Мефодия из политических целей, отвергнув изобретенную ими кириллицу».[4] И далее сообщает о дьяковарском епископе Йосипе Штросмайере, стремившемся «объединить всех славян австрийских под знаменем католичества и внесть ту же пропаганду в среду православных»: «К 6-му апреля он, при содействии Рима, давно готовит громадную демонстрацию в Велеграде. Эти приготовления заставили и нас озаботиться о торжественном, по возможности, праздновании этого дня в России».[5]

Впрочем, Гиляров оказался необыкновенно близок к Победоносцеву и, вообще, к официальной позиции правительства и Церкви и когда высказывает самые общие мысли о значении наследия Солунских братьев для России. У Побе-

---

[1] *<Гиляров-Платонов Н. П.>*. Москва, 25 февраля: Дневное обозрение. С. 2. Об этом Гиляров узнал от Н. Н. Дурново, который писал И. С. Аксакову: «…относительно празднования дня Свв. Кир<илла> и Меф<одия>. Епархиальное начальство этому не сочувствует и ввиду этого митрополит И<оанни>кий в Москву на Пасху не приедет. Я поведал Никите Петровичу. Он хотел возбудить в Думе предложение о праздновании и о приглашении в Москву митрополита» (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. Ед. хр. 197. Л. 2—2 об.). Впервые этот фрагмент письма опубликован в составе статьи О. Л. Фетисенко «Вл. Соловьев в “Голосе Москвы” (новые материалы)» (Минувшее и непреходящее в жизни и творчестве В. С. Соловьева: Материалы междунар. науч. конф. 14—15 февр. 2003 г. СПб., 2003. С. 388—395).

[2] См. об этом особенно: *Вопросы веры и церкви*. Т. II. С. 477.

[3] *СИ.* 1885. 27 марта. № 82. С. 2.

[4] *Победоносцев К. П.* Великая ложь нашего времени. М.: Рус. книга, 1993. С. 411.

[5] Там же. С. 411—412.

доносцева: «…нельзя не признать, что семя всей нашей исторической культуры заложено в азбуке, изобретенной Кириллом и Мефодием, и в книгах, ими переложенных на славянский язык и доныне составляющих драгоценное достояние *духа* народного в России».[1] У Гилярова: «Не изобрети Святой Кирилл азбуки, не потрудись Святые братья над переводом части священных книг, откуда и в каком виде приняли бы христианство? <…> Рим, Германия, Польша — вот чьей бы было добычей русское племя; всей величавой истории русского государства тогда не существовало бы <…>».[2] Сходно рассуждал и М. Н. Катков: «Если бы Кирилл и Мефодий не освятили наш первобытный язык, не возвели бы наше слово в Богослужебный орган, не осталось бы места и не было бы сосуда для Восточно-Православной Церкви, некому было бы исполнять дело ее судеб. <…> Где была бы наша Святая Русь, наше отечество?»[3]

Или, еще показательней, в газете А. С. Суворина: «Национальная славянская Церковь как основа просвещения и в широком смысле слова культуры — вот эта могучая скала, воздвигнутая трудами Кирилла и Мефодия, с которой не сбросили Русь ни княжеские усобицы, ни татарское иго <…>».[4] Здесь, однако, встречаем не только почти дословные соответствия с вышецитированной передовой статьей Гилярова от 10 марта (Солунские братья как «наши просветители, просветители вообще»), но и полемику с ним: «Не время препираться с нашими строптивыми братьями о значении нынешнего праздника <…>».[5]

Своеобразие же взгляда Гилярова в его рассуждениях о судьбах кирилло-мефодиевского наследия выразилось, с одной стороны, в предельно заостренной постановке этой проблемы в макроисторическом и широком геополитическом контексте, а с другой — в том, что его историософским построениям сопутство-

---

[1] Там же. С. 412.

[2] *Вопросы веры и церкви*. Т. II. С. 485.

[3] *<Катков М. Н.>*. Москва, 5 апреля // *МВед*. 1885. 6 апр. № 93. С. 3. Ср. также редакционные статьи 1885 г. в других ежедневных газетах со сходными высказываниями: Новости и Биржевая Газета. 21 февр. № 51. С. 2; 23 февр. № 53. С. 2; Московский Листок. 24 февр. № 55. С. 2; 25 февр. № 56. С. 2; 26 февр. № 57. С. 2; Новости Дня. 6 апр. № 92. С. 1—2; Голос Москвы. 6 апр. № 93. С. 1—2; *НВр*. 7 апр. № 3270. С. 3; Южный Край. 9 апр. № 1474. С. 2.

[4] *<Суворин А. С.?>*. Светочи славянства // *НВр*. 1885. 6 апр. № 3269. С. 1.

[5] Там же.

вали нетривиальные общественно значимые предложения практического порядка.

Особенно значима передовая статья в праздничном номере от 6 апреля.[1] Здесь в полной мере проявились те особенности гиляровского стиля, благодаря которым «Современные Известия» в 1870-е — в начале 1880-х гг. заслуженно считались одной из популярнейших в России газет. Сотрудница редакции М. С. Сковронская оставила интереснейшее свидетельство: «…И. С. Аксаков удивлялся, отчего в его газете <“Москва”. — *А. Д.*>, имевшей в виду народ, совсем не было корреспондентов из народа, а в “Современных Известиях” писали многие крестьяне. Не припомню кто (кажется, Погодин), объяснил это тем, что тогдашним грамотным крестьянам, учившимся не по популярным руководствам, а по церковным книгам, удобопонятен был язык статей Гилярова-Платонова, напоминавший иногда проповеди».[2] При этом его мастерски отточенная «публицистическая гомилия» никогда не грешила высокопарной отвлеченностью, — она брала за живое подобно пронзительным нравоучениям Иоанна Златоуста, к которым и восходила.

Высокая риторика, обеспеченная церковнославянским синтаксисом, в самом начале гиляровской передовицы — «Чему празднует ныне Россия?» — сразу же переходит у него в ясное и простое изложение сути его историософии. При этом он, правда не явно, отсылает читателя к славянофильскому наследию, к идеям и даже отдельным формулировкам друзей своей молодости. Так, говоря о значении праздника, Гиляров подчеркивает: «Но не в грамотности дело, а в просвещении, ею принесенном, и в характере просвещения, выделившем русский народ из среды других европейских <…>»,[3] и эти слова соотносятся уже даже с названием статьи И. В. Киреевского «О характере просвещения Европы и

[1] Она сопровождает большой церковно-исторический очерк «Свв. Кирилл и Мефодий», составленный в традиционном ключе: *СИ.* 1885. 6 апр. № 92. С. 1—2. Подпись: *П...* Вероятный автор — постоянный сотрудник «Современных Известий» Ф. П. Преображенский (см.: <*Гальперсон А. М.*>. Список сотрудников «Современных Известий» <ноябрь? 1887 г.> // ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 65. <№ 1>. Л. 1—1 об.).

[2] *Сковронская М.* За четверть века: (Из воспоминаний) // Наблюдатель. 1897. № 2. С. 222.

[3] *Вопросы веры и церкви*. Т. II. С. 493.

о его отношении к просвещению России» (1852) и известного ответа на нее А. С. Хомякова.

Проповедь Солунских братьев, по убеждению Гилярова, носила провиденциальный характер, явившись своего рода историческим «водоразделом»: «От Кирилла и Мефодия пошло деление новой христианской Европы на Восток и Запад».[1] Более того — Гиляров настаивает на мистике хронологических совпадений: «Тысячелетие Руси (1862 год) совпало с первым началом раздора между Римским и Константинопольским престолами. Поводом к раздору послужил болгарский народ.[2] А к тому же времени относится и деятельность Солунских братьев, их проповедь славянам <…>».[3] Только благодаря подвигу Первоучителей было обеспечено прямое «непрерывное преемство» православного предания, однако славяне распорядились этим драгоценным достоянием по-разному: «Наследие Кирилла и Мефодия одними из славян было презрено под давлением того же папства; другими сохранено, но осталось без движения под игом мусульманским <…>. Лениво двигались и мы <…>. Но почти не ступив далее преподанного, во всяком случае мы берегли предание; просвещение, скудное количеством, сохранилось на старом основании <…>».[4] И лишь в русском народе, «несущем в своих жилах смешанную кровь, кроме славянской и финскую и татарскую», «действует <…> склад умственный и душевный, образовавшийся чрез Православие, которое в свою очередь всосалось в душу через общедоступность умственного и нравственного содержания веры, преподанного и воспринятого на родном языке».[5]

---

[1] Там же.

[2] Имеются в виду следующие события: в 864 г. был крещен «со всем народом» болгарский царь Борис I (Богорис, Михаил; правил в 852—890 гг.), однако спустя два года, опасаясь, как бы церковная зависимость от Византии не перешла в политическую, он обратился к папе римскому с просьбой прислать ему епископов и священников, а те вскоре вытеснили греческое духовенство. Тогда патриарх Константинопольский Фотий в своем Окружном послании обличил «латинские новшества» — искажения Символа веры. Кризис закончился в 870 г., когда в Константинополе был назначен для Болгарии первый архиепископ.

[3] *Вопросы веры и церкви*. Т. II. С. 495.

[4] *Вопросы веры и церкви*. Т. II. С. 494, 495.

[5] Там же. С. 495.

К слову сказать, в подобных высказываниях Гилярова трудно не заметить их существенного сходства с рассуждениями Достоевского о русском народе-Богоносце. Именно это вызывало раздражение, например, гиляровского приятеля Т. И. Филиппова, который все же безосновательно упрекал друга (в письме от 16 апреля 1885 г.), намекая якобы на какую-то недостойную предвзятость его убеждений: «Мне одно больно видеть в Вашем образе мыслей: в тех случаях, когда два начала — церковное и племенное — входят в столкновение, Вы отдаете перевес низшему над высшим и чрез то впадаете в общий недуг нашего времени, *порабощенного* идее народности до забвения того, что выше ее. Может ли это быть Вами осознано? Или сгиб Вашей мысли, издавна сложившийся, не разгладится?»[1] Сам Филиппов при этом как раз и прибегал к нереалистическим для того времени проектам. В газете «Утро Москвы», выходившей под редакцией его ученика Н. В. Васильева, 6 апреля появилась передовица, написанная если не самим Филипповым, то явно не без его участия, в которой звучал призыв к преодолению разделений поместных Церквей и единению их на основе Православия: «Не пресловутый *панславизм*, но обуреваемый несдержанными стремлениями современных нам национальных вопросов *панкафолицизм* лежит у нас теперь на сердце: вот что составляет теперь важнейшую и величайшую задачу и русского, и вселенского православного единства»…[2]

Подобно Хомякову, Гиляров в этой своей статье о кирилло-мефодиевском наследии (от 6 апреля) резко разводит три главные ветви христианства.[3] Особенно же язвительной критике подвергается им католицизм, — очевидно, прежде всего в связи с интригами Ватикана по отношению к Солунским братьям: «латинствующий Запад, — пишет он, — задним числом приплетает их в насильственную родню папизму <…>».[4] Гиляров отказывает католической церкви даже в праве именоваться Церковью, так как, на его взгляд, «христианский Рим толь-

[1] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 713. Л. 9.

[2] <*Филиппов Т. И.?*>. Москва, 5 апреля // Голос Москвы. 1885. 6 апр. № 93. С. 2.

[3] Ср. большую цитату из Хомякова в поминальной речи Гилярова «О судьбе убеждений»: *РБ*. 1860. Кн. II (XX). Отд. VII. С. 82—83.

[4] *Вопросы веры и церкви*. Т. II. С. 495.

ко продолжил дело языческого Рима, оставшись на той же основе; тем же мечом распространялась и вера, в то же внешнее учреждение, основанное на начале насилия, обратилась Церковь. Цезарь подменен был папою <…> папство положило оковы на души и ум <…>».[1] И в этом свете деяния Первоучителей славян приобретают еще большее значение для судеб христианской цивилизации.

Но существенно, что эти антикатолические инвективы имели еще один адресат, а именно — Вл. С. Соловьева с его идеями воссоздания церковного единства (и это не было пока замечено соловьевоведами). Едва намеченная и тут же затухшая полемика между мыслителями имела свою предысторию. 14 февраля того же 1885 г. Гиляров откликнулся на две публикации «Варшавского дневника», в которых сообщалось о переговорах между Римской курией и Константинопольским патриархатом о соединении Церквей,[2] причем это «сенсационное известие» увязывалось с празднованием тысячелетнего юбилея со дня кончины Св. Мефодия. По этому поводу Гиляров писал: «…ни оригинальное воззрение, с которым выступил В. С. Соловьев, ни склонность к унии, приписываемую Константинопольскому патриарху, мы не считаем достойными не только серьезного спора, но даже серьезного упоминания. Уния! Мысль о ней есть нечто даже забавное, не говоря о том, что к вере она не имеет отношения. В унии весь вопрос о дисциплине, о власти <…>».[3] И далее показывал люциферические корни католицизма, не замечавшиеся его оппонентом: «Придумывая унию новейшей конструкции, и В. С. Соловьев находит ее нужной тоже лишь для внешнего единства <…> которое логически может быть завершено только признанием непогрешимости папы, где бы он ни сидел, в Риме или другом месте. А духовная непогрешимость в единоличном воплощении — это есть демонизм вместо христианства, перенесенный в Церковь». И — как вывод: католицизм «везде мертвит, душит и порабощает».[4]

---

[1] Там же. С. 494.

[2] Варшавский Дневник. 1885. 4 февр. № 28. С. 3; 11 февр. № 34. С. 1.

[3] *<Гиляров-Платонов Н. П.>*. Москва, 13 февраля: Дневное обозрение // *СИ.* 1885. 14 февр. № 43. С. 2.

[4] Там же.

Несомненно, на наш взгляд, что именно эта негодующая гиляровская реплика, к тому же брошенная будто бы походя, с показной небрежностью, побудила Соловьева «в одну ночь» написать статью «Церковные дела. Письмо первое», опубликованную Филипповым в «Голосе Москвы» под псевдонимом Варсонофий Максимов.[1] Во всяком случае, соловьевские тезисы представляют собой аргументы в пользу унии с Ватиканом, оспаривающие как раз основные положения гиляровской статьи. Так, характеризуя Св. Мефодия: «Византиец, апостол славян, ставленник римского папы, он олицетворяет собою живое единство этих различных религиозно-исторических стихий», — Соловьев, скорее всего, метит именно в Гилярова: «А у нас теперь во имя Св. Мефодия громко объявляют такое единство невозможным».[2] (Впрочем, Соловьев не мог не сознавать всю уязвимость своей позиции, когда пытался полемизировать со столь серьезным богословом. Любопытно его признание в письме к Н. Н. Страхову от 26 октября 1887 г., вскоре после кончины Гилярова: «Для меня смерть его имеет некоторое значение. Он оставался единственным из наших писателей, который мог бы при случае — если не с силой, то с некоторым подобием силы — выступить против меня по церковному вопросу».[3])

В отличие от честолюбиво-оригинальных, хотя и вполне искренних религиозно-философских построений Т. Филиппова, Вл. Соловьева или К. Леонтьева, так или иначе инициированных Кирилло-мефодиевскими торжествами, Гиляров не ограничился одними общетеоретическими рассуждениями, а вышел с важными практическими инициативами, позволяющими достойно отметить знаменательный юбилей. (Леонтьев, правда, судя по его переписке, сознательно игнори-

---

[1] Атрибутирована и републикована Н. В. Котрелевым без указания гиляровской передовицы как повода для полемического ответа Соловьева. Хотя эта опасная в цензурном отношении статья и была напечатана только 14 марта (№ 73. С. 2), написана она не позднее 18 февраля (см.: Вестник Русского Христианского Движения. 1990. № 1 (158). С. 148—149), т. е. вскоре после выхода в свет гиляровской статьи. См. также важную по представленным в ней неизвестным источникам работу О. Л. Фетисенко «Вл. Соловьев в “Голосе Москвы” (новые материалы)» (Минувшее и непреходящее в жизни и творчестве В. С. Соловьева: Материалы междунар. науч. конф. 14—15 февр. 2003 г. СПб., 2003. С. 388—395).

[2] Голос Москвы. 1885. 14 марта. № 73. С. 2.

[3] *Соловьев Вл.* «Неподвижно лишь солнце любви…»: Стихотворения. Проза. Письма. Воспоминания современников. М.: Моск. рабочий, 1990. С. 252.

ровал юбилей Солунских братьев как якобы официозное мероприятие, навязанное сверху. Но как раз к этому времени относится весьма меткая полемическая реплика Гилярова в связи с выходом в свет 1-го тома исследования Леонтьева «Восток, Россия и Славянство» (М., 1885).[1]**)**

Во-первых, он поднял вопрос о возрождении Московского славянского благотворительного общества, закрытого правительством в 1878 г. за осуждение итогов Берлинского конгресса, который имел негативные последствия для судьбы России. По мнению Гилярова, именно Москва должна была встать во главе движения, объединяющего различные ученые и художественные общества в чествовании Солунских братьев, резонно замечая: «На голос Москвы вся Русь откликнется и под хоругвию Святых Первоучителей засвидетельствует о себе, чем она есть».[2] Такой хоругвью, правда утраченной Москвою, Гиляров и называет Славянское общество и не без остроумия сетует, что оно провинилось «лишь своим патриотизмом»: «Но патриотизм не такое же преступление, за которое даже прощения не полагается».[3] Это предложение было с большим воодушевлением поддержано газетой Суворина. Он напомнил, что Московское славянское общество «стало центром общественного всероссийского, а не московского только движения в 1876 году <…>».[4] А при чествовании Солунских братьев Москва как объединительный центр, по убеждению Суворина, была бы куда предпочтительнее чиновного Петербурга: «Она — гораздо партикулярнее, так сказать. Ей же не привыкать стать идти во главе общественного движения».[5]

Во-вторых, Гиляров счел необходимым и благовременным выйти с предложением исправления богослужебных книг: «…желали бы, чтобы восчествована была память Свв. наших Первоучителей деянием, прямо относящимся к оставленному им наследию. Пересмотр текстов богослужебных книг давно ждет

---

[1] *СИ*. 1885. 24 сент. № 245. С. 2. Републ. нами: *Гиляров: ИМБР*. С. 651—653.

[2] *Вопросы веры и церкви*. Т. II. С. 477.

[3] Там же. С. 478.

[4] <*Суворин А. С.*>. Ежедневное обозрение: С.-Петербург, 24-го февраля // *НВр*. 1885. 25 февр. № 3231. С. 1.

[5] Там же.

своей очереди; славянский текст Библии также заслуживает пересмотра».[1] И далее: «…всероссийское чествование Святых Первоучителей дает нам <…> повод и право сказать: „Пора! Се время благоприятно! Пересмотру славянского текста и Библии, и богослужебных книг во славу Свв. Кирилла и Мефодия должно быть положено прочное основание; в видах умиротворения Церкви и к утверждению просвещения на основании, нам от начала поданном».[2]

Актуальность этого нового исправления, полагал Гиляров, вызвана самой жизнью, в частности — развитием системы церковноприходского образования, ибо важно, чтобы церковнославянская книга «не содержала искажений, уклонений, невежественных поправок».[3] Попутно он говорит и о значении этой формы обучения, у истоков которой, к слову сказать, сам и стоял в начале 1860-х гг.,[4] непосредственно связывая ее с судьбой кирилло-мефодиевского наследия: «Первоначальное наше просвещение и вся наша письменность назданы на наследии Кирилла и Мефодия, на церковной литературе; колыбель нашего языка в его культурном состоянии там же. Порывать связь с этим наследием, сбегать с этого основания, помимо даже отношения к вере, значит порывать с преданием, с историею, искажать духовную народную личность».[5]

Гиляров напомнил и об обыкновенных опасениях против исправления богослужебных книг: «как бы не произвести раскола» — и тут же их отмел, так как пересмотр богослужебных и библейских славянских текстов Никоновского и Елизаветинского времени, напротив, «облегчит примирение старообрядцев с Церковью».[6] Любопытно, что газета Суворина откликнулась и на эту инициативу Гилярова: ее обозреватель привел обширную цитату из передовицы «Современных Известий», но выразил сомнение, что исправление Библии не произве-

---

[1] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 23 февраля: Дневное обозрение // *СИ*. 1885. 24 февр. № 53. С. 2.

[2] Там же. «Се время благоприятно» — неточная цитата из послания Апостола Павла (2 Кор 6: 2).

[3] Там же.

[4] См.: *Шаховской Н., кн.* Н. П. Гиляров-Платонов как инициатор церковноприходской школы // *РО*. 1896. Т. 37, февр. С. 572—589.

[5] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 23 февраля: Дневное обозрение. С. 2.

[6] Там же.

дет волнений среди верующих, пошутив, что Гиляров надеется вышибить «клин клином».[1]

Тот в № 57 своей газеты (от 28 февраля) отозвался целым мемуарным очерком, в котором рассказал о беседах с митрополитом Филаретом (Дроздовым) по этому вопросу, в результате чего «исключено было и исправлено несколько “блазненных мест” в богослужебных книгах»,[2] объяснил, почему в тот период не могло быть создано необходимое для этих целей специальное учреждение «наподобие Археографической комиссии».[3] В конце статьи Гиляров представлял новые доводы в пользу своего проекта: «Великое дело общего пересмотра книг не только было бы необходимо для блага Церкви, для общенародного просвещения и для освежения связи между единоверческим славянством и даже славянами вообще, — оно было бы сравнительно и легко. <…> В духовном ведомстве существуют синодальные типографии; они дают доход <…>».[4]

К сожалению, ни одно из двух предложений Гилярова тогда не было реализовано, и исправление богослужебных книг, до сих пор ограничивающееся внесением частных поправок (в 1910-х, 1970—1980-х гг.) и не выходящее к итоговому кодифицированному тексту, становится для Церкви проблемой все более острой.

Таким образом, Гиляров, издатель-редактор довольно влиятельной ежедневной газеты, считал необходимым воспользоваться празднованием большого юбилея Св. Мефодия для решения насущных общественно-церковных и национально-политических проблем практического характера, а не для доктринальных, подчас весьма отвлеченных, а то и попросту прекраснодушных рассуждений о славянском либо церковном единстве. Особенно близка для него оказалась мысль, впервые прозвучавшая со страниц суворинского «Нового Времени»[5] — о том, что чествование Солунских братьев не должно стать одним из многих офи-

---

[1] Среди газет и журналов // *НВр*. 1885. 26 февр. № 3232. С. 2.
[2] *Вопросы веры и церкви*. Т. II. С. 480.
[3] Там же. С. 481.
[4] Там же.
[5] См.: <*Суворин А. С.*>. Ежедневное обозрение: С.-Петербург, 24-го февраля. С. 1.

циальных церковных либо так называемых «табельных» праздников, а ему необходимо приобрести широкое общественное звучание. Гиляров писал: «И вот значение для нас Славянских Первоучителей! Оно менее церковное и государственное, чем общественное. Они родоначальники нашего образованного языка, нашей осмысленной речи, и праздник их ближе всего праздник общества, праздник народный и чрез то государственный и церковный».[1]

Гиляров, конечно, смотрел на проблему глубже — на путях заповеданного усвоения кирилло-мефодиевского наследия, «под хоругвию Святых Первоучителей», он, с одной стороны, видел возможность консолидации народа и преодоления разрыва между светским и духовным в русской жизни (в чем сближался с такими национальными деятелями, как Победоносцев, И. Аксаков и даже Катков). С другой стороны, по убеждению Гилярова, наследие Солунских братьев давало ключи к постижению сложной историософской проблематики Нового времени: «Политическое призвание России, определение места славян среди других народов, освобождение болгар, разность в направлении и характере двух христианств, восточного и западного, с особенностью просвещения, на том и другом основанного, связываются в один узел».[2]

2.8. Н. П. Гиляров-Платонов и К. П. Победоносцев: церковно-общественные вопросы в газетной и эпистолярной полемике

Как известно, в феврале 1886 г., вскоре после кончины признанного главы славянофильства И. С. Аксакова, обер-прокурор Св. Синода К. П. Победоносцев, ученый-правовед и религиозный мыслитель, откликнулся на эту горестную для русской культуры утрату прочувствованным мемуарным некрологом «Аксаковы»,[3] о чем в день выхода его из печати известил своего московского приятеля и давнего корреспондента Гилярова: «Кончина И. С. Аксакова глубоко огорчила меня. Вы близко знали его и потому хорошо понимаете, что его не заменишь, а

[1] *Вопросы веры и церкви*. Т. II. С. 485—486.
[2] Там же. С. 496.
[3] Гражданин. 1886. № 12. 9 февр. С. 1—3, с подписью: *К. П.*

в Москве без него совсем пусто. Чувствуя потребность сказать об нем вкратце, я написал урывками, перед сном, статейку об Аксаковых, которая и пущена в сегодняшнем № “Гражданина”».[1]

На ответ Гилярова (он, вероятно, не сохранился), содержавший просьбу воспроизвести некролог в его газете, 24 февраля 1886 г. последовало новое письмо Победоносцева: «Очень рад, достопочтенный Никита Петрович, что моя статейка об Аксаковых, от души написанная, пришлась Вам по душе. Рад и тому, что Вы ее перепечатываете, ради большего распространения. Люди эти достойны, чтобы память об них жила, ибо, в сущности, были они люди не партии, а люди правды, и притом русской правды».[2]

Однако не менее нежели к И. Аксакову это удивительно емкое выражение — *люди русской правды* — приложимо и к Гилярову, и, безусловно, к самому Победоносцеву. Самоочевидное свидетельство тому — их живые голоса, которые сохранила нам двусторонняя переписка мыслителей, дошедшая до нас пусть и не в полном своем составе, но, судя по всему, с небольшими потерями. Этот один из наиболее важных для изучения биографии и творчества как Гилярова, так и Победоносцева эпистолярных комплексов позволяет реконструировать их взаимоотношения и является ценным источником прежде всего для исследования редакционной политики Гилярова-журналиста и его публицистической деятельности в целом.

Извлечения из этой переписки (с частичным пересказом) впервые были напечатаны в 1888 г. С. Ф. Шараповым в статье «Памяти Н. П. Гилярова-Платонова (13 октября 1887 года)»[3] и затем, в 1899 г., — князем Н. В. Шаховским во вступительной статье к подготовленному им двухтомнику сочинений

---

[1] ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 57. Л. 1.

[2] Там же. Л. 3.

[3] *РД*. 1888. 8 окт. № 41. С. 1—5. Здесь приведены шесть небольших выдержек из писем Гилярова к Победоносцеву за 1867—1875 гг. Дело в том, что сразу после кончины Гилярова эти письма Победоносцев передал их общему близкому другу фольклористу и археографу Е. В. Барсову, а тот познакомил с ними А. М. Гальперсон, которая и сделала копии для С. Ф. Шарапова. Ср.: *Тесля А. А*. Газетная история // *Гиляров: ИМБР*. С. 830.

мыслителя.[1] Однако полностью публиковать эту переписку Шаховской считал преждевременным — он сообщал в письме к другу юности Гилярова фольклористу П. А. Бессонову от начала сентября 1893 г.: «…К. П. Победоносцев — мне передал огромное количество пис<ем> к нему Н<икиты> П<етровича>, заключающих в себе большею частию материал, не подлежащий оглашению, но знание которого для биографа необходимо».[2] В 2010 г. шесть писем Победоносцева к Гилярову за 1873—1874 гг. напечатал В. В. Ведерников,[3] но он, к сожалению, не избежал ошибочных прочтений. В 2011—2013 гг. нами была предпринята публикация этой переписки в полном объеме.[4]

Охватывает переписка большой, 27-летний, период — с 1860 по 1887 г. Нам удалось обнаружить 94 письма (39 Гилярова и 55 Победоносцева); они хранятся разрозненно — в архивах Петербурга и Москвы, причем большинство их — в виде не только чистовых автографов, но и копий, выполненных князем Шаховским, а некоторые — также в черновых вариантах; не исключено, что дальнейшие архивные разыскания увенчаются успехом и в будущем удастся обнаружить недостающие письма, отсутствие которых иногда прерывает для нас нить оживленного разговора о самом главном, что волновало двух собеседников, — о России, о вере, о судьбе русского слова. Более всего этот эпистолярий ценен содержащимися в нем откровенными характеристиками различных лиц и событий и интереснейшими суждениями по острым церковно-общественным вопросам.

Заочно Гиляров и Победоносцев были знакомы со времен «Русской Беседы», автором и цензором которой был Гиляров и где Победоносцев, как известно, в 1859 г. опубликовал четыре стихотворения на религиозно-нравственные темы и статью по юриспруденции. О том, когда по-настоящему сблизились Гиляров с Победоносцевым, последний сообщал в письме к князю Шаховскому от

---

[1] См.: *Шаховской Н., кн.* Никита Петрович Гиляров-Платонов // *Сб. соч.* Т. I. С. XXVII—XXXI, XXXIV—XXXVI, LI—LII.

[2] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 68. Л. 6 об.

[3] См.: *Победоносцев К. П.* «Будь тверд и мужествен…»: Статьи из еженедельника «Гражданин», 1873—1876; Письма / Под ред. В. В. Ведерникова. СПб., 2010. С. 324—326.

[4] См.: *Разумевающие верой; Дмитриев А. П.* К истории благотворительности в России: (Неопубликованные письма Н. П. Гилярова-Платонова к К. П. Победоносцеву, 1866—1867) // *Гиляров: ИМБР*. С. 837—876.

29 января 1898 г., отвечая на его прямой вопрос: «Время моего знакомства с Гиляровым определяется годом издания “Христианского начала семейной жизни” — книги, которую цензуровал Гиляров».[1] Речь идет об анонимно опубликованном Победоносцевым переводе сочинения немецкого теолога Г. В. Тирша «Христианские начала семейной жизни» (М., 1861). Цензурное разрешение подписано Гиляровым, в тот период служившим в Московском цензурном комитете, 19 декабря 1860 г. Причем он, как ему было свойственно всегда, отнесся к делу далеко не формально: правил стиль, исключал некоторые «неудобные» места, а иные переписывал или снабжал подстрочными примечаниями.[2] Возвращая Победоносцеву его труд, в сопроводительной записке от 21 декабря 1860 г. Гиляров полушутливо пенял автору (видимо, по поводу их частых встреч и бесед в этот период), что все же остаются сомнения и «нужно смягчить или изменить места, но дума об этом отнимет еще несколько времени; а Вы и так зело мучили меня своим *хождением*».[3] Завязалось знакомство еще весной, и зиждилось оно тогда во многом на общности взглядов на цензуру — на том славянофильском убеждении, что Россия остро нуждается в свободе слова. 15 апреля 1860 г. Победоносцев писал К. Д. Кавелину: «Цензура у нас стала просто черным кабинетом. Щербинин вместе с зятем своим Прибылем терзают и режут все печатное; циркуляры сыплются один за другим из П<етер>бурга, и каждый из них дышит духом ancien re2gime.* Драшусова уж отставили. Единственный затем толковый цензор — Гиляров — убирается вон заблаговременно. Литературе нашей очень плохо приходится. Кажется, именно московская литература привлекает все эти громы. А какой-нибудь “Современник” с своими балаганными глумлениями, верно, будет процветать по-прежнему».[4]

В дальнейшем Гиляров и Победоносцев оставались приятелями: после переезда последнего в Петербург регулярно переписывались. По смерти Гилярова,

---

[1] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 148. Л. 11.

[2] См. републикацию примечаний Гилярова к этой книге: *Разумевающие верой*. С. 29—31.

[3] Там же. С. 29.

* старого режима (*фр.*).

[4] ИРЛИ. Сигн. 20 627. Л. 1 об.

с 1899 по 1906 г., Победоносцев — случай для него исключительный! — издал на свои личные средства восемь сборников статей и отдельных работ бывшего приятеля, подготовленных к печати князем Шаховским.[1]

Первое десятилетие приятельских отношений Гилярова и Победоносцева — наименее изученный период биографии Гилярова, когда он, неожиданно для всех отказавшись от стези писателя — и *учено-литературной* (а ранними трудами 1850-х гг. он заявил о себе как о многообещающем богослове, историке, социологе), и *публицистической* и *литературно-критической* **(**как упоминалось, его яркие статьи о творчестве С. Т. Аксакова, инока Парфения (Агеева) и Кохановской (Н. С. Соханской), помещавшиеся в «Русской Беседе», стали общепризнанными эстетическими манифестами славянофильства**),** — с головой ушел в сугубо практическую деятельность, которую понимал как честное служение отечеству и русскому народу. Такое служение в области литературы уже не могло вполне удовлетворять его, так как после кратковременной «эпохи гласности» зримо и неотвратимо сужались рамки дозволенной начальством *свободы слова.* Кое в чем нередко не соглашавшийся с друзьями-славянофилами, в этом требовании он был всегда с ними единомыслен.

Победоносцев начиная с 1861 г. жил в Петербурге — он, как известно, тогда начал преподавать законоведение наследнику цесаревичу Николаю Александровичу и великим князьям, в их числе будущему императору Александру III (позднее обучал и его старшего сына, венчанного на царство с именем Николай II). Гиляров, как говорилось, сначала, в августе 1862 г., был уволен от цензорской должности, а вскоре, в июне 1863 г., и вовсе выведен за штат Министерства народного просвещения. Знакомство с Победоносцевым, очное и по переписке, возобновилось, когда Гиляров с августа 1863 г. занял пост управляющего Синодальной типографией в Москве и, особенно, когда в марте 1865 г., по рекомендации Победоносцева и графини Блудовой, он, наряду с Победоносцевым, был избран великой княгиней Еленой Павловной одним из двух светских членов

[1] См. перечисление этих изданий во Введении. Обстоятельства подготовки гиляровских произведений к печати содержатся в сохранившейся в РНБ переписке Победоносцева и князя Шаховского (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 75—78, 147—155), публикуемой в Приложении к наст. изд.

учрежденного ею Московского комитета по вспомоществованию бедным лицам духовного звания (позднее Братство Святителя Николая).

О своей плодотворной и вместе с тем поистине титанической духовно-просветительской (хотя и не собственно научно-литературной) деятельности за те пять лет, что он руководил Синодальной типографией, Гиляров подробно писал, защищаясь от наговоров недоброжелателей, 8 ноября 1883 г. Победоносцеву, в то время уже обер-прокурору Св. Синода.[1] Это итоговое осмысление прежней деятельности служит хорошим комментарием к письмам 1867—1868 гг., которые интересны живым и непосредственным откликом на события, в частности на то и дело сгущавшиеся над ним «тучи» начальственного недовольства и интриг, о чем Гиляров регулярно ставил в известность Победоносцева — и дружески исповедуясь ему, и, одновременно, надеясь на его связи при Дворе и, стало быть, заступничество. Вместе с тем, не довольствуясь одним лишь административно-экономическим руководством Типографией, осуществлявшимся исключительно добросовестно и творчески, Гиляров немало времени посвящал редакторским трудам, которые, конечно, не имели отношения к его прямым обязанностям и за которые он брался, ставя перед собой задачу духовного просвещения. Особой его заслугой, как отмечалось выше, стало спасение им старинных книг и рукописей, а также начатая по его инициативе реставрация здания Печатного двора, возвращающая его исконный вид, и препятствование синодальным властям в продаже городу под торговые помещения типографских зданий — как памятников истории и культуры. В этот период Победоносцев по просьбе приятеля помогал в прохождении казусных дел в Сенате, обсуждал с ним перипетии еврейского вопроса в западных губерниях, проявлял интерес к положению дел в Синодальной типографии; Гиляров дорожил его мнением о своих передовицах в аксаковской газете «Москва» и др.

[1] Цитаты из этого письма приведены в разделе 1.7. Полностью: *Разумевающие верой*. С. 205—216.

Шесть обстоятельных писем Гилярова (с марта 1866 г. по январь 1867 г.)[1] позволяют судить о том, с какой душевной самоотдачей они как члены Братства Святителя Николая занимались благотворительностью, помогая недостаточным семьям священников и церковнослужителей, поскольку целью Братства было «попечение о нуждах воспитания беднейших детей духовного сословия, обучающихся в духовных училищах»,[2] и способствуя преодолению изоляционизма духовенства от остального общества.

Переписка Гилярова с Победоносцевым конца 1860-х гг., когда Гиляров приступил к изданию общедоступной ежедневной газеты «Современные Известия», содержит ценные свидетельства о том, с какими трудностями довелось столкнуться Гилярову на первых порах, когда его конкуренты, прежде всего «Русские Ведомости» В. М. Скворцова, пытались добиться льгот для своих изданий в ущерб гиляровскому, а он сам был брошен на произвол судьбы своим компаньоном литератором Н. А. Основским.

Главное же то, что именно Победоносцеву Гиляров решил поверить свои заветные мысли о том, с какой целью собирался издавать газету, — мысли, всецело проникнутые идеями самоотверженной любви к «малым сим». 20 октября 1867 г. он писал приятелю: «Молю Бога, чтобы Он дал мне успех, не потому только, что это выгодно, а и потому, что это общеполезно. Скромная, общенародная газета, это — мысль моя с юных лет».[3]

Плодотворное изучение истории «Современных Известий» и редакционной политики их издателя невозможно без учета переписки Гилярова с Победоносцевым ряда последующих лет (особенно интенсивной она была в первой половине 1870-х гг.), тем более что она носит односторонний характер: ее темы главным образом связаны со служебными и издательскими проблемами Гилярова. Победоносцев же, изначально не одобрявший планы товарища по изданию газеты, здесь выступает как необыкновенно преданный друг и неустанный ходатай по делам приятеля, чуть ли не как его Ангел-Хранитель: он специально

[1] *Гиляров: ИМБР*. С. 838—852.
[2] Устав Братства Святителя Николая. М.: В Синодал. тип., 1865. С. 2.
[3] *Разумевающие верой*. С. 61.

встречается с влиятельными петербургскими сановниками, дабы склонить их на сторону Гилярова, уберечь его издание от репрессий либо ослабить их действие. При этом он постоянно подсказывает, как избегать цензурных кар, а попутно делится своими суждениями о журналистике.

Так, 9 ноября 1872 г. Победоносцев сообщал: «Вот видите ли — Вам на днях дважды угрожала опасность — и именно за те самые статьи, на которые я Вам указывал. По статье о народных школах, именно о выражениях, мною замеченных, был о Вас особый доклад в Глав<ном> управ<лении> ценз<уры>. К счастью, незадолго перед тем была моя беседа с Лонгиновым,[1] так что впечатление его, еще свежее, побудило его пройти вскользь и оставить доклад без последствий. <...> Видите ли, любезный друг, как надо быть осторожным! Ради Бога, оглаживайте Ваши выражения. В последних нумерах Ваших все было гладко и в меру».[2]

В письме от 11—12 октября 1872 г.: «Смотрите за своей *иронией* и не доверяйтесь ей в коротких заметках. Так срывается иногда с языка неудобное слово... Имейте в виду, что люди надзирающие не знают *пропорций* и не умеют понять фразу *в связи* с *контекстом*. Этого от них не ожидайте и не спрашивайте. Они чувствуют только в том месте кожи, в которое их уколет».[3]

Снова в письме от 30 октября 1872 г.: «Ну, теперь проводите свою барку между шхерами осторожнее! Вы видите, кажется, с кем имеете дело. Я все не умею вас поставить на свою точку зрения, — что надо наблюдать более всего за *отдельными словами* и *фразами* и не успокаиваться на той мысли, что общую идею статьи или общее направление не оценят. Такой оценки не дождетесь и полагаться на нее наивно».[4]

В некоторых письмах Победоносцев, хорошо осведомленный о настроениях, господствовавших в Главном управлении по делам печати и

---

[1] Михаил Николаевич Лонгинов (1823—1875), библиограф, мемуарист, критик, поэт-любитель, библиофил, в 1871—1875 гг. занимал пост начальника Главного управления по делам печати.

[2] *Разумевающие верой*. С. 113.

[3] Там же. С. 101.

[4] Там же. С. 111.

в министерствах, давал своевременные практические советы. 11—12 октября 1872 г. он предупреждал: «Осторожнее обходитесь с вопросом о рабочих и об ассоциациях. Вы иногда приступаете к нему как-то патриархально, по началам филантропии. Так можно было прежде, а нынче дело это слишком горячо и деликатно поставлено. Не горячитесь очень из-за присяжных: по этому поводу у Вас срываются резкие и горячие слова. *Не стоит*, по правде Вам скажу».[1] Или совет в письме от 23—24 октября 1873 г.: «Берегитесь *Самарского голода*. Это предмет очень деликатный в настоящую минуту, равно как Земство вообще. <…> Об этом предмете теперь не терпят никаких намеков».[2] Победоносцев имел в виду то, что газете Гилярова сочувственно было прокомментировано опубликованное в «Московских Ведомостях» известное письмо Л. Н. Толстого от 28 июля 1873 г. «о бедственном положении крестьян Самарской губернии, вызванном неурожаем и близком к голоду» и отклики газет на него,[3] а также одну из передовых статей, которую Гиляров начал словами: «Голодающие самарцы — вопрос не одного сострадания, а предмет для размышления: каким образом это возможно? Всякий согласится, что голод в Архангельской губернии не представляет ничего удивительного; но <…> чтоб житница России и пол-Европы дошла до таких бедствий <…>».[4]

Любопытно, что Победоносцев и позднее, находясь уже на вершине власти, имел весьма невысокое мнение о чиновниках цензурного ведомства, считая их решения зачастую непоследовательными, а то и просто вздорными. 23 июля 1893 г. он писал П. И. Бартеневу по поводу подготавливавшихся последним к изданию в «Русском Архиве» писем историка Н. И. Костомарова: «Задержанную цензурой переписку Костомарова[5] я пропустил бы, снабдив оговорками в приме-

---

[1] Там же. С. 101.

[2] Там же. С. 111.

[3] <*Без подписи*>. По очередным вопросам // *СИ*. 1873. 25 авг. № 233. С. 2. См. также: Там же. 27 авг. № 235. С. 2; 29 авг. № 237. С. 2.

[4] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 23 сентября // Там же. 24 сент. № 263. С. 2.

[5] Предположительно, речь идет о переписке Н. И. Костомарова с И. С. Аксаковым о Малороссии, увидевшей свет только после значительных цензурных послаблений: *РА*. 1906. Кн. III, вып. 12. С. 537—548.

чании. Но ведь цензура “дышит где хочет”[1] — и про ее облака и тучи можно сказать стихами Лермонтова: “Куда они, зачем, откуда — кто их спросит?”[2]»…[3]

Победоносцев искренне переживает за друга и с тревогой открывает каждый свежий номер его газеты. 11 января 1874 г. он признается: «Удивительно, что я всегда чую по Вашим статьям опасность и что это чутье меня не обманывает. Прочтя в 1 № “Совр<еменных> Изв<естий>” Вашу политическую статью, я почувствовал опасение за Вас. Статья мне не понравилась, — в ней проведены штрихом резкие черты <…>».[4] 21 февраля 1874 г.: «Ах, любезнейший Никита Петрович, как Вы неосторожны, как Вы даете волю побуждению минуты. Вчерашняя Ваша статья, сейчас прочитанная мною, может Вас подвергнуть большой опасности и во всяком случае поставить Вас на черную доску в цензурн<ом> ведомстве».[5] Как читатель Победоносцев относился к гиляровской газете неоднозначно — по крайней мере, всегда отдавал предпочтение катковским «Московским Ведомостям» (о них и их редакторе-издателе приятели нередко спорят[6]). Некоторые публикации «Современных Известий» возмущали Победоносцева — особенно на церковные темы: серия статей об игуменье Митрофании (Розен), инспирировавших начало громкого судебного процесса о мошенничестве;[7] ряд корреспонденций из Костромы об игуменье Марии (Давыдовой), обличавших ее суетность, тщеславие и корыстолюбие;[8] передовицы о московском купце А. А. Пороховщикове и его нечистоплотных финансовых сделках с синодальными властями.[9]

Вместе с тем иные публикации Гилярова приводили Победоносцева в восторг: очень порадовали его, например, руководящие статьи рубежа 1870—1880-х гг. в защиту Добровольного флота и в поддержку Японской православной

[1] Евангельская цитата (Ин 3: 8).
[2] Из стихотворения «Памяти А. И. Одоевского» (1839); у Лермонтова пунктуация иная.
[3] РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 585. Л. 261—261 об.
[4] *Разумевающие верой*. С. 160.
[5] Там же. С. 164.
[6] См.: Там же. С. 82, 121, 131, 149—150, 164, 166, 194—195. См. об этом также, в частности, в разделе 2.1.
[7] См.: *Разумевающие верой*. С. 118, 122—123, 132.
[8] См.: Там же. С. 169.
[9] См.: Там же. С. 49, 101, 104—105, 111, 113, 115, 209—210.

миссии, возглавлявшейся епископом Николаем (Касаткиным). В обоих предприятиях Победоносцев принимал близкое участие и, по выходе газет из печати, просил приятеля выслать ему дополнительные экземпляры для раздачи высокопоставленным сановникам.[1] Некоторые статьи он давал читать друзьям. Так, 12 января 1879 г. Победоносцев писал Ф. М. Достоевскому, с которым в тот период особенно сблизился и нередко встречался субботними вечерами: «Почтеннейший Федор Михайлович. Рекомендую вам прочесть фельетон в прилагаемом <номере> “Соврем<енных> Известий”. В нем метко выражена основательная мысль и подмечено явление, слишком обыкновенное в нашем обществе».[2] И все же нередкое несовпадение во мнениях и суждениях пересиливало моменты гармонического согласия. Уже в середине 1870-х гг. сердечные приятельские отношения Победоносцева и Гилярова дали трещину. С начала же 1880-х гг. взаимоотношения стали портиться необратимо.

Когда Победоносцев занял пост обер-прокурора Св. Синода, Гиляров приветствовал в передовой статье его и вслед за ним получившего пост министра финансов Н. Х. Бунге: «Из всех назначений на государственные должности, состоявшихся за последнее время, особенным сочувствием приветствованы были назначения К. П. Победоносцева и Н. тХ. Бунге. Чему это приписать? Мы приписываем тому, что прежняя деятельность обоих сановников не ограничивалась одним повышением по ступеням бюрократической лестницы, а состояла в трудах, которыми выступали они на суд всенародный; кроме казенного формуляра чиновников, они имеют за собою еще другой формуляр — публичных деятелей».[3]

Гиляров, вероятно, надеялся, что теперь, кроме всего прочего, в лице сановного приятеля он получит и надежного защитника для своего издания и ему будет проще делиться со своими читателями задушевными идеями общенационального звучания. К тому же после трагического события Первого марта «Со-

---

[1] См.: Там же. С. 185.

[2] *Победоносцев К.* Церковь и государство: В 2 т. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2011. Т. I. С. 546.

[3] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 18 июля // *СИ*. 1880. 19 июля. № 197. С. 2.

временные Известия» приобрели как бы второе дыхание: их популярность и общественное влияние, как, впрочем, и других консервативных изданий, заметно возросли.

Однако Победоносцев уже не столь охотно выручал Гилярова из цензурных тенёт; порой же и сам предлагал начальнику Главного управления по делам печати Е. М. Феоктистову объявить «Современным Известиям» предостережение либо запретить их розничную продажу. [1] Свое недовольство некоторыми публикациями гиляровской газеты Победоносцев высказывал и в письмах к другим лицам. Так, 12 февраля 1884 г. он писал расколоведу Н. И. Субботину в связи с опубликованными в «Современных Известиях» материалами о старообрядцах: «Да и Гилярова, уже продавшего себя на газетные гроши, не убедишь, что он такой вздор не должен был печатать, да еще с почтением».[2] Когда же Субботин намеревался опубликовать возражение на очерк Гилярова «Логика раскола», Победоносцев отговаривал его: «Боюсь я, как бы статья Ваша против Никиты Гилярова <...> не подняла бестолковой полемической пыли. Никита молчать не будет, наговорит вздору и по бурсацкой привычке станет щипать и колоть».[3]

О резко изменившемся отношении Победоносцева к бывшему приятелю и, одновременно, о возросшей популярности Гилярова среди москвичей особенно красноречиво свидетельствует небольшое письмо сравнительно недавно назначенного обер-прокурором Победоносцева к министру внутренних дел графу Н. П. Игнатьеву — в жанре доноса-предостережения, которое стоит привести целиком:

«Достопочтеннейший

Граф Николай Павлович!

---

[1] См. письма Победоносцева от 3 апреля 1885 г. и 16 января 1887 г. (Литературное наследство. М., 1935. Т. 22/24. С. 517, 524).

[2] *Марков В. С., <прот.>*. К истории раскола-старообрядчества второй половины XIX столетия: Переписка проф. Н. И. Субботина, преимущественно неизданная, как материал для истории раскола и отношений к нему правительства (1865—1904 гг.). М., 1914. С. 366.

[3] Там же. С. 434.

Вчера читал в газетах телеграмму из Москвы, якобы предполагается там выбрать в головы Гилярова-Платонова, издателя “Современных Известий”, и ожидается в пользу его громадное большинство.

Я хочу по этому поводу предупредить Вас.

Выбор головы в эту минуту для Москвы весьма важен. Там в Думе идет неладно. Образовалась там какая-то черная сотня мещанская: мужики-горланы входят в силу и путают все дела, возбуждаемые газетчиками, в числе коих главную роль играл тот же Гиляров.

Гилярова я давно знаю. Он человек умный и добрый, но совершенно *бесхарактерный*, и *неряха* в материальном и в нравственном смысле. В свое время я крепко уговаривал его не браться за издание газеты, пророча ему, что он растратит свою силу и разменяется на дрянную мелочь. Он меня не послушал, и пророчество мое оправдалось.

Как голова он будет весьма вреден, ибо станет орудием всевозможной агитации. Как неряха он может допустить всяческие растраты, — хотя и нисколько в них не участвуя. Он был когда-то управляющим Синодальной типографией и оставил большие беспорядки в счетах. Затем, после Сербской войны, когда в Редакцию присылались деньги на пособие славянам, деньги, при беспорядке, расхищались, и, по доносу на Гилярова, начато было в Москве уголовное следствие о растрате.[1] Под него всегда подделываются проходимцы всякого рода и орудуют через него.

Предупреждаю Вас об этом: выбор Гилярова был бы несчастным выбором для Москвы.

Душевно предан<ный>

К. Победоносцев

22 декабря 1881 г.».[2]

---

[1] См. подробно: Документы следственного дела по доносу М. С. Сковронской о растрате сумм, пожертвованных на славян (1877—1879) / Публ. А. П. Дмитриева // *Гиляров: ИМБР*. С. 336—428, а также раздел 1.8.

[2] РГИА. Ф. 1561. Оп. 1. Д. 19. Л. 1—2.

Этим своим письмом Победоносцев будто бы хотел нейтрализовать другую, хвалебную, характеристику Гилярова, написанную для Игнатьева (о которой мог знать от графа же) их общим приятелем И. Аксаковым за полтора месяца до этого письма (9 ноября 1881 г.) в связи с предстоявшей аудиенцией Гилярова у Игнатьева:

«Многоуважаемый Граф.

Никита Петрович Гиляров-Платонов, редактор “Современных Известий”, просит у меня письма к Вам, не в смысле рекомендации, а с тем, чтоб удостоиться более продолжительной беседы с Вами. Он человек замечательных талантов и учености: был профессором, и блистательным, историк расколов в России в Троицкой Духовной Академии; потом, не поладив с духовным начальством, был, по ходатайству покойного графа Блудова, назначен цензором и участвовал в Редакционных комиссиях по составлению цензурных правил, — наконец, в течение 12 лет издает газету, занимающую в журналистике особое положение. Хотя эта газета принадлежит к разряду, который зовется la petite presse* и мало имеет читателей в высшем кругу общества, но бесспорно, что все передовые статьи, писанные самим Гиляровым, особенно же по вопросам церковным, всегда замечательны. Некогда он был сотрудником моих изданий — “Дня” и “Москвы”».[1]

Вместе с тем Победоносцев, действительно необычайно высоко ценя дарования Гилярова — исследователя и мыслителя, еще с того времени, как тот затеял издание газеты, неизменно считал, что ему следовало бы сойти со «скользкого пути журналиста» и заняться фундаментальной наукой. И. Аксаков, общий приятель Гилярова и Победоносцева и постоянный корреспондент того и другого, пытался изменить отношение последнего к газетной деятельности. Он объяснял Победоносцеву, каково должно быть требование правительства к искренней и

* малая печать (*фр.*).

[1] ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Ед. хр. 2258. Л. 13. Благодарю Д. А. Бадаляна, ознакомившего нас с содержанием этого письма.

серьезной патриотически-ориентированной прессе в условиях современной идейно-политической борьбы. При этом Аксаков не столько выступал с защитой своего еженедельника «Русь», сколько, по всей видимости, выгораживал именно издателя ежедневных «Современных Известий», материалы которых то и дело раздражали синодального обер-прокурора. Так, 12 февраля 1882 г. Аксаков писал Победоносцеву: «…частная, независимая газета, орган частного лица, имеет право быть и повольнее в своих речах. Почему Ты находишь нужным убеждать *меня* в необходимости поддерживать центральную власть, когда я только это и делаю, и кажется, энергичнее, чем кто-либо?! Но поддерживать не значит хвалить каждое ее деяние или утверждать ее в ложном направлении; напротив, надобно стараться вывести ее на прямой путь, и в честности моих отношений к власти никто сомневаться не может».[1]

И далее (продолжим цитировать это крайне важное письмо) Аксаков исповедует свои взгляды, из которых логически вытекает требование свободы слова и которым всегда сочувствовал и сам Гиляров: «Мне кажется, государственная мудрость состоит именно в том, чтоб признать *неизбежный* закон развития и прогресса [самой] истины в *человеческих обществах,* а закон этот таков: без ¼ пакости не обходится никакое явление добра. Где люди — там и пакость. Из 12 учеников Христа — нашелся Иуда. Мы любим вспоминать первые века Христианства, но они являются нам в перспективе времен, а если б Ты, любезный мой друг Константин Петрович, жил ну хоть бы в IV веке, как изныла бы Твоя душа, чутко слыша всяческую неправду в душе Константина! Если бы в те времена спросили Тебя — созывать ли вселенские соборы, которые мы признаем теперь святыми, Ты представил бы столько основательных исторических резонов против их созыва, что они бы, пожалуй, и не состоялись… Таково теперь Твое отношение и к печати. Страшный вред производит она, но и большое добро, — и добро это обусловливается допущением той свободы, которая дает место и вреду. Такова жизнь, и такого снаряда не существует, чтоб фильтрировать только одно добро, без примеси зла. Исторгая плевелы, не следует исторгать и пшени-

[1] РГБ. Ф. 230. Карт. 4391. Ед. хр. 4. Л. 1 об.

цу, и лучше [допустить] не исторгать плевел, чем исторгнуть хоть один колос пшеницы. Так и во всем. Твоя душа слишком болезненно чувствительна ко всему ложному, нечистому, и потому Ты стал отрицательно относиться ко всему *живому*, усматривая в нем примесь нечистоты и фальши. Но без этого ничто живое в мире и не живет, и нужно верить в силу добра, которая преизбудет лишь в свободе… А если дать силу унынию, нечем будет и осолиться».[1]

Победоносцев, в молодости, может, и сочувствовавший мечтам друзей-славянофилов о свободном слове, с начала 1880-х гг. все более утверждается в кардинально противоположных мнениях. Цесаревичу он писал 31 октября 1880 г. (как раз в период либеральной «диктатуры сердца»), что продолжает «обычные свои споры» с графом М. Т. Лорис-Меликовым, ослабившим цензурные вожжи, вот о чем: «Я думаю, что правительство не должно выпускать из своих рук надзор за печатью, не должно снимать с себя бремя этой ответственности. Сложить его на суд — значит снять с печати всякую узду; и тут будет великий вред для государства и для народа. Думаю, что правительство, которое знает, на чем оно стоит и чего оно хочет, не может признать печать какою-то силою, независимо от него действующею».[2]

Впрочем, позиция Победоносцева, тем не менее, оставалась в какой-то мере двойственной. Он, например, 3 февраля 1881 г. довольно взвешенно писал М. М. Стасюлевичу, в 1881-м — начале 1882 г. издававшему ежедневную газету «Порядок»: «Обличительных статей появляется много в газетах; но немногие пишутся с знанием дела и основаны на фактах, добросовестно проверенных. Действительного зла может быть и гораздо более того, на что указывают обличители, но, к сожалению, желающие обличать делают это сгоряча, без разбора и критики; я испытываю это ежедневно, ибо не оставляю без проверки ни одного значительного факта, на который указывается в газетах, и прихожу в изумление от той массы сплетней и фантастических выдумок, которые при том обнаруживаются. Очень жаль, — ибо корреспонденции подлинно серьезные могли бы

[1] Там же. Л. 2 об. Ср.: «Ибо всякий огнем осолится, и всякая жертва солью осолится» (Мк 9: 49).

[2] Письма Победоносцева к Александру III. <М.>: Новая Москва, 1925. Т. I. С. 302.

быть весьма полезны».[1] Однако по поводу вполне достоверных сообщений и корреспонденций в газете «Современные Известия» — о возмущавшем паству фактическом умалении Успенского собора по капризу митрополита Иоанникия (Руднева),[2] бесчинстве начальства Тифлисской семинарии,[3] недостойных провинциальных пастырях и др. — Победоносцев разражался филиппиками в адрес бывшего приятеля, не желал слышать никаких доводов, требовал наказаний для издания. То, что он, вопреки представляемым Гиляровым документальным подтверждениям, видел в неугодных ему материалах, по сути, сфабрикованные в угоду бульварной публики «газетные утки», следует расценить как печальный психологический факт, граничащий с девиацией сознания.

Перед тем как в 1887 г. в первый раз приехать в Петербург хлопотать об аренде «Московских Ведомостей»,[4] 20 августа, Гиляров писал к их общему знакомому, чиновнику Министерства народного просвещения И. П. Корнилову об охлаждении в отношениях к нему бывшего друга: «Победоносцев хотя и старый мой приятель и бывший всегдашний мой ходатай пред властями, теперь имеет против меня зуб. Незадолго до этого, Прошлым годом выходило было, что Нечаев-Мальцев[5] готов был принять материальное участие в моей газете. Но, не зная меня лично, он не вполне удостоверен был в моей политической благонадежности. Тогда посоветовали ему обратиться с запросом к Победоносцеву, а мне — предупредить об этом Победоносцева. Мой доверенный отправился с моим письмом к Константину Петровичу, но тот принял его, по его выражению, “как собаку”: раскричался, что ни слова не скажет в мою пользу. Раз газета моя была приостановлена именно по ходатайству Победоносцева».[6] И далее обращался к Корнилову с просьбой: «Я буду на днях в Петербурге, многоуважаемый Иван Петрович; мне нужно там быть за документами по одному судебному делу. Придется быть и у Победоносцева (не явиться к нему — оскорбить его). Но жела-

[1] ИРЛИ. Ф. 293. Оп. 1. Ед. хр. 1130. Л. 4—4 об.
[2] См.: *Разумевающие вер*ой. С. 238—250.
[3] См.: Там же. С. 339, 415.
[4] См. об этом подробно раздел 1.9.
[5] Известный меценат Юрий Степанович Нечаев-Мальцев (1834—1913).
[6] РНБ. Ф. 847. Ф. 377. Ед. хр. 592. Л. 5; цит. по: *Из пережитого. 2009*. Т. 2. С. 502.

тельно было бы, чтобы проложена была до того времени к его сердцу дорога; чтобы кто-нибудь выразил ему удивление на недоброжелательство его ко мне. Переданное мною выше я уполномочиваю не скрывать. Напротив, мне именно желательно, чтобы до него дошли жалобы мои на несправедливое ко мне его отношение. <…> P. S. А как же быть с Константином Петровичем? Толстой[1] хотя не будет за меня прямо, но не будет и против. А родные-то братья когда поссорятся, знаете — бывают злее чужих. Так и Победоносцев ко мне».[2]

В первую поездку Гилярову встретиться с Победоносцевым не удалось. Но сведения о его настроениях были самые неутешительные. 30 августа Гиляров писал Анне Гальперсон о сообщенном ему начальником Главного управления по делам печати: «Феоктистов сказал мне между прочим, что самый неприязненный мне господин есть Победоносцев; прочитал мне его письмо, с выражением негодования, что мне разрешена розничная продажа. “Это я получил, — сказал он, — на другой же день, как разрешена была продажа. Я не настолько компетентен в церковных вопросах, как Конст<антин> Петр<ович>; но советую бояться его и не раздражать. В цензурных делах (а он именно и есть верховный обер-цензор) Вы у него типун на языке”».[3]

Последняя встреча двух приятелей в Петербурге 13 октября 1887 г. внесла в их отношения немало драматизма, сделав Победоносцева невольным виновником внезапной смерти Гилярова спустя несколько часов после свидания.[4]

Любопытен такой эпизод. Профессор-расколовед Н. И. Субботин после кончины Гилярова дал ему откровенно неприязненную характеристику: «Его герменевтика, или, как называлась она, история екзегеса, состояла из насмешек над Свв. Отцами: студенты хохотали, слушая комическое изложение аллегорических толкований Климента, св. Кирилла Александрийского и др. <...> Конечно, дух отрицания и неверия проник бы и иным путем в Академию; но что первый внес его сюда Гиляров, это несомненно. <…> Если следовать правилу de

[1] Упомянут граф Д. А. Толстой, в 1882—1889 гг. министр внутренних дел.
[2] РНБ. Ф. 377. Ед. хр. 592. Л. 6, 7 об.
[3] *Из пережитого*. Т. 2. С. 223.
[4] См. об этом раздел 1.9.

mortius aut bene, aut nihil,* то в отношении к Гилярову было бы лучше избрать nihil <...>».[1] Победоносцев решительно вступился за приятеля: «Покойного Гилярова я знал близко, со всеми его достоинствами и недостатками, и *первые* я высоко ценил, сокрушаясь о последних. При глубине и остроте мысли ему вредило и испортило судьбу его *неряшество* той же самой мысли. Когда вспоминаешь о либеральных его выходках в прежнюю эпоху, то надобно припомнить, что был общий порок молодых академиков, — повинны в том были многие, увлекаясь веяниями, — многие и образумились. Гилярова сгубило то, что он разменялся на мелкую монету в журналистике, бросился, чая найти свободу, — и попал в рабство. Мир душе его!»[2]

Полное духовное примирение Победоносцева с покойным другом произошло уже спустя 10 лет после кончины последнего, когда Победоносцев (с помощью князя Н. В. Шаховского) приступил к переизданию его сочинений, с какой целью в 1897 г. официально стал собственником гиляровского архива,[3] однако, по требованию А. М. Гальперсон, на ограниченный (трехлетний) срок…

Еще, по-видимому, пахнущий свежей типографской краской первый том Победоносцев поспешил 11 мая 1899 г. послать Николаю II с припиской: «Позволю себе представить Вашему Величеству только что вышедшее из печати издание мое: Сборник сочинений Гилярова. Покойный Гиляров был человек большого ума и образования; в Москве известна его литературная деятельность в од-

---

* О мертвых либо хорошо, либо ничего (*лат.*).

[1] *Марков В. С., <прот.>*. К истории раскола-старообрядчества… С. 489.

[2] Там же. С. 489—490.

[3] Сначала 30 апреля 1888 г. вдова В. А. Гилярова-Платонова и сыновья продали права собственности на все литературные и научные труды Гилярова губернскому секретарю А. Н. Кроллау, другу С. И. Гальперсона, бывшего заведующего Конторой «Современных Известий» (см. Свидетельство об этом: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 201), и в дальнейшем архивом распоряжалась жена последнего А. М. Гальперсон. В сентябре 1897 г. А. Н. Гиляров, младший сын писателя, успевший подзабыть события 10-летней давности, попытался выяснить, принадлежат ли ему и его близким какие-либо права на бумаги отца, и обратился за разъяснениями к С. И. Гальперсону. Тот 11 октября 1897 г. напомнил обстоятельства, связанные с продажей архива Кроллау, и сообщил: «…для того, чтобы увековечить имя Никиты Петровича, поставить ему памятник на могиле и помочь в то же время и Вере Алексеевне, Анна Михайловна переуступила безвозмездно свои права, перешедшие к ней от Кроллау, К. П. Победоносцеву. Он с своей стороны обещал издать труды Никиты Петровича на свои средства, распространять их и на собранные деньги все устроить» (Там же. Ед. хр. 951. Л. 1 об.).

ном кружке с Самариным, Хомяковым и Аксаковым. Все, что он писал, носит на себе печать ума глубокого. Я знал его близко. И потому озаботился издать его сочинения в пользу бедной вдовы его и на сооружение ему памятника».[1]

Думается, что, несмотря на трещину, которую дали отношения Победоносцева и Гилярова в оставшиеся последнему лет двенадцать жизни, их идейная общность и нравственная близость при широте кругозора и энциклопедичности знаний делали их отношения взаимодополняющими. Однако если Гиляров все-таки дорожил дружбой с Победоносцевым во многом ввиду служебных возможностей и влияния последнего в правительственных сферах, то для Победоносцева приятельские отношения с Гиляровым были драгоценны, помимо всего прочего, и как реальная связь со славянофильскими надеждами молодости и задушевной атмосферой московской жизни. Победоносцев как раз в этом однажды признался Гилярову (в письме от 5 августа 1873 г.): «Я пробыл два месяца за границей, в Англии. Вернувшись, с большим интересом просматривал Ваши номера и как будто беседовал с Вами. Люблю запах московского жилья и через Ваше окошко точно заглядываю в любезную Москву».[2]

Впрочем, если Гиляров в своих отношениях к Победоносцеву и не испытывал подобных дуновений лирического чувства, то справедливости ради следует сказать, что видимая утилитарность этой приятельской привязанности с его стороны все же была лишена корыстно-эгоистической окраски. Ведь свою публицистическую деятельность Гиляров расценивал как Служение, всяческое содействие которому искренне считал благодеянием не себе лично, а общенациональному делу.

Изучение жизненных и творческих взаимоотношений Победоносцева и Гилярова,[3] нашедших отражение в их двусторонней переписке и публицистике, позволяет не только открыть неведомые ранее факты биографии двух выдаю-

---

[1] Письма Победоносцева к Александру III. <М.>: Новая Москва, 1926. Т. II. С. 318—319.

[2] *Разумевающие верой*. С. 139.

[3] См. подробнее: *Дмитриев А. П.* К. П. Победоносцев — приятель, оппонент, издатель Н. П. Гилярова-Платонова // Константин Петрович Победоносцев: мыслитель, ученый, человек. С. 127—136. В этой статье впервые цитируется ряд писем Победоносцева и Гилярова.

щихся «людей русской правды», но и по-новому взглянуть на их церковно-общественные взгляды в 1860—1880-е гг. и скорректировать представления как о личности обоих писателей, так и о существенных, но остававшихся до сих пор неведомыми и потому не изученными подробностях того переломного периода русской истории, в который им довелось жить и который имеет немало соответствий в нынешнем периоде развития России.

2.9. Н. П. Гиляров-Платонов и Т. И. Филиппов: нравственно-практические мотивировки журналистских убеждений (1872, 1882—1887)

О взаимоотношениях Гилярова с видным представителем консервативной мысли второй половины XIX в. Тертием Ивановичем Филипповым (1825—1899) сегодня можно получить представление исключительно из их писем, которыми они успели обменяться за свою сравнительно долгую жизнь. Сохранилось их совсем немного, в общей сложности четырнадцать,[1] да и едва ли намного больше было и написано. Возможно, в силу такой эпизодичности их эпистолярное общение, соединявшее две российские столицы, подчас сверх меры насыщено любопытными оценками современных им событий и людей и попутными экскурсами в историю — даже в тех случаях, когда иной раз запрос или ответ на него ограничиваются рамками краткой записки. А свойственное их авторам стремление, так сказать, историософски проживать факты быстротекущей жизни, осмыслять их в перспективе грядущих судеб России и мира, а то и заглядывать за эсхатологические горизонты — не дает их эпистолярию (наравне, впрочем, с другими сочинениями — прежде всего непосредственно историко-философской и богословской проблематики) утратить читательскую актуальность.

[1] Впервые в полном объеме опубликованы нами в 2009 г.: *Переписка с Филипповым.* Фрагменты ранее опубликованы в статье: *Фетисенко О. Л.* Н. П. Гиляров-Платонов, Т. И. Филиппов и К. Н. Леонтьев в их жизненных и литературных взаимоотношениях // *Возвращение.* С. 98—118.

Познакомились Гиляров и Филиппов, по всей видимости, году в 1855-м, когда славянофилами замышлялся журнал «Русская Беседа» и Гилярову планировалось предложить его редактирование.[1] Как известно, первым редактором тогда стал не Гиляров, а Филиппов, за которого как за помощника (соиздателя) А. И. Кошелева ратовал И. В. Киреевский («Для журнальной деятельности это клад»),[2] но чья кандидатура мало устраивала других славянофилов, так как церковно-общественные взгляды Филиппова казались им слишком косными, если не сказать — ретроградными. (При этом Гиляров, очевидно, изначально относился к Филиппову иначе: в своем письме к профессору Московской духовной академии А. В. Горскому от 4 октября 1856 г. он причислил Филиппова к представителям «оптинского» православия — подлинной церковности, отвергающей мертвенный формализм и одухотворяющей народно-бытовую жизнь во всех ее проявлениях.[3]) А вот убеждения изгнанного из Московской духовной академии (в том же 1855 г.) свободомыслящего Гилярова вполне отвечали принципиальным мировоззренческим установкам славянофилов. Однако плану сделать его ответственным редактором затевавшегося журнала не суждено было реализоваться — главным образом из-за возложенных на него с мая 1856 г. цензорских полномочий (Гиляров, впрочем, как отмечалось выше, поместил в «Русской Беседе» девять статей и одно время был ее цензором).

Впоследствии Филиппов переехал в Петербург и сделал блестящую чиновничью карьеру по ведомству Государственного контроля, которое в 1889 г. и возглавил. Гиляров же, напротив, пройдя последовательно поприща цензора, чиновника особых поручений при министре народного просвещения и, наконец, управляющего Московской Синодальной типографией, в августе 1868 г. навсе-

---

[1] См. об этом в письме Гилярова к И. Ф. Романову-Рцы от 2 ноября 1886 г.: *Письма к Рцы*. С. 248.

[2] Письма И. В. Киреевского к А. И. Кошелеву / Сообщ. М. В. Беэр // *РА*. 1909. Кн. II, вып. 5. С. 106.

[3] См.: *РО*. 1896. Т. 42, дек. С. 997.

гда оставил казенную службу, незадолго перед тем, в декабре 1867 г., основав частную газету «Современные Известия».[1]

Именно с публицистической деятельностью Гилярова и связано было возобновление давнего знакомства: в октябре 1872 г. Филиппов откликнулся на одну из передовиц своего приятеля о греко-болгарской церковной распре, сочувственно ее процитировав в своей статье «Определение Константинопольского собора по вопросу о Болгарском экзархате».[2] Речь шла о драматическом моменте в жизни Болгарской православной церкви, добивавшейся автокефалии от Константинопольского патриархата, зависимость от которого возникла в конце XIV в. в связи с потерей Болгарией государственности (без каких-либо церковно-юридических мотивировок) и действия которого в XIX в. во многом диктовались идеологией панэллинизма. Русская церковь заняла выжидательную позицию, призывая конфликтующие стороны к разумному компромиссу. 28 февраля 1870 г. османское правительство приняло решение прекратить спор, издав фирман об учреждении особого церковного округа — Болгарского экзархата; Константинопольский патриарх объявил этот фирман неканоничным и высказался за созыв Вселенского собора по Болгарскому вопросу, но это предложение было отклонено Русской церковью, советовавшей Константинополю принять фирман.

Все же Филиппов усмотрел в этих событиях нарушение основополагающего соотношения между национальным и вероисповедным: во Христе «несть еллин ни иудей» (Кол 3: 11) — и проявление апостасийного духа буржуазно-либерального времени, и потому поддержал идею созыва Вселенского собора. Во второй части своей статьи, посетовав на то, что не только его позицию никто не поддерживает, но и попросту игнорируются его суждения, он продолжал: «Но в настоящее время появляются уже по этому вопросу мнения, которые почти совершенно сходятся с нашими, что выводит нас из того одиночества, на которое мы были до сих пор обречены и которое, при всей его тягости, нужно было переносить из чувства долга, в ожидании той поры, когда захотят наконец взгля-

[1] См. об этом подробнее разделы 1.6 — 1.8.
[2] Гражданин. 1872. № 23, 24, 26, 27.

нуть Греко-болгарскому вопросу прямо в лицо и судить о нем на основании его истинной природы, а не по каким-нибудь случайным его очертаниям».[1] И далее сочувственно процитировал передовую Гилярова по той же проблеме от 18 июня 1872 г., не согласившись в ней только с тем, что собор не обязателен, если б Константинопольский патриарх, умерив властолюбие, из христианской любви даровал Болгарской церкви независимость. Гиляров писал: «Оно правда, без собора можно было обойтись; патриарх имел совершенное право отпустить и сам Болгарскую церковь на самостоятельность; но он сам просил братски рассудить распрю, принимавшую огорчительный ход. Не случись этого, — *разрыв должен был последовать*».[2]

20 октября 1872 г. в письме к Филиппову Гиляров подробно разъяснял свою позицию: «Вы между прочим не согласны со мною, что цареградский патриарх мог без собора обойтись. Я продолжаю быть в этом уверенным. Собор ли подчинил Болгарскую церковь Константинопольскому престолу? Не турецкая ли власть? С этой точки зрения даже магометанская власть могла и снова отложить. Но пусть это будет зайти слишком далеко. Чтоб отпустить болгар *совсем*, для этого достаточно было доброй воли <…> никто не мешал дать болгарам больше того, чем они просили, дать всё, больше чего нельзя желать, и для *этого* не нужно никакого собора. Собор оказывается нужным только по нежеланию патриархата дать всё, другими словами, по его властолюбию и корыстолюбию. Но освободиться от уз любочестия и корысти опять нет надобности в соборе».[3]

В ответном письме от 7 ноября 1872 г. Филиппов констатировал: «Мы во многом еще разномыслим по Греко-болгарскому вопросу (отчасти, может быть, и потому, что я видел все тайны этого дела из подлинных документов, которые были предоставлены в мое распоряжение); но весьма важно для меня то, что Вы стоите, за одно со мною, за собор, как за наилучшее, по моему же мнению даже единственное, средство: это — главное. Когда Церковь, собравшись вся,

---

[1] *Филиппов Т. И.* Современные церковные вопросы. СПб., 1882. С. 199.
[2] Цит. по: Там же. С. 201—202.
[3] *Переписка с Филипповым*. С. 334.

с полною свободою от посторонних влияний произнесет свое слово, то ему должны подчиниться как патриархия, так и болгаре».[1]

Он будет упрекать Гилярова и спустя 13 лет, в письме от 16 апреля 1885 г.: «Мне одно больно видеть в Вашем образе мыслей: в тех случаях, когда два начала — церковное и племенное — входят в столкновение, Вы отдаете перевес низшему над высшим и чрез то впадаете в общий недуг нашего времени, *порабощенного* идее народности до забвения того, что выше ее». Гиляров же это обвинение легко переадресовывал своему приятелю-оппоненту: «...еще нельзя судить, — писал он в издававшейся им газете сразу же по прочтении в филипповской статье 1872 г. скрытых упреков в свой адрес, — кто правильнее подпадает под осудительное определение: болгары ли, желавшие себе возврата древней церковной самостоятельности, или патриархат, отказывавший им в этом по пристрастию к греческой *национальности*».[2]

А в 1885 г. Гиляров, ничуть не поколебавшийся в своих убеждениях, опубликовал рецензию на вышедший тогда первый том сборника статей единомышленника Филиппова К. Н. Леонтьева «Восток, Россия и славянство», где, полемизируя с оценкой Леонтьевым греко-болгарской распри, словно бы отвечал одновременно и на упреки Филиппова в свой адрес: «Характеристика самих болгар и греков как национальностей, представляемая автором, верна и глубока. Верно и заключение, что болгары канонически неправы: в одном городе не может быть двух епископов. Но само это церковное правило безусловно? И оно останется таким и должно остаться до Второго пришествия? Мы сомневаемся. Сомневаемся, чтоб не наступило время, когда Церковь, собравшись вполне свободно от всех посторонних влияний, от необходимости приспособлять свое устройство к определенному строю определенного государства, — мы сомневаемся, повторим, чтобы Церковь тогда поставила одну *территориальность* верховным началом для своей иерархии. Болгары неправы, нечего и говорить; но неправы и греки, прикрывая собственный фелитизм каноническим правилом. Мы хотим ска-

[1] Там же. С. 338.

[2] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 16 октября // *СИ*. 1872. 17 окт. № 286. С. 1.

зать, что искать будущего в сохранении всего того, что выработано во внешнем устройстве Церкви под воздействием византийской, отчасти языческой, государственности — ошибка».[1]

Важно и другое суждение Гилярова в этой рецензии, также косвенно касавшееся и принципиальных взглядов Филиппова: «Мы верим в грядущий период всемирной культуры; верим в великое призвание России и вообще Востока (иначе история России и ее существование были бы бессмыслицей). Но если возрождение состоится (а по-видимому, должно бы), то никак не на византийском основании, а против него и с его разрушением. / Автор ошибется, если причислит наш отзыв филетизму и вообразит, что мы стоим на пошлом и узком преклонении пред началом племенной национальности. Напротив, мы вполне того же мнения, как и он, об этом, из ложного начала истекающем, хотя и превознесенном теперь этнографическом начале; славянство как славянство не заключает в себе никаких задатков никакой новой культуры. Ко всему, что он пишет против идеала буржуазной эгалитарности, готовы мы тоже подписаться обеими ру-

[1] *<Гиляров-Платонов Н. П.>*. Москва, 23 сентября: Дневное обозрение // *СИ*. 1885. 24 сент. № 245. С. 2; рецензия републикована нами: *Гиляров: ИМБР*. С. 651—653. О взаимоотношениях Гилярова и Леонтьева см.: *Фетисенко О. Л.* Из московских встреч: Леонтьев и Н. П. Гиляров-Платонов // *Фетисенко О. Л.* «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики: (Идеи русского консерватизма в литературно-художественных и публицистических практиках второй половины XIX — первой четверти XX века). СПб.: Пушкинский Дом, 2012. С. 186—197. Исследовательница также анализирует незавершенную статью Леонтьева «Кто правее?», в которой Леонтьевым дан «развернутый комментарий на рецензию Гилярова» (см.: Там же. С. 194—196), на наш взгляд, малоубедительный. Отметим, в дополнение к ценному исследованию О. Л. Фетисенко, что Гиляров, как и И. Аксаков, ответил отказом на просьбу Леонтьева перепечатать в «Руси» и «Современных Известиях» его известную рецензию на рассказ Л. Толстого «Чем люди живы?» — «Страх Божий и любовь к человечеству» (1882), справедливо увидев в ней «фарисейскую закваску», не оставляющую места истинной христианской свободе. В августе 1882 г. Гиляров написал письмо Леонтьеву с подробным обоснованием этого своего решения, где без обиняков предлагал: «Хотите, я вам скажу, как вкратце назвать основание вашего нравственного мировоззрения? Не обидьтесь: фарисейство, фарисейство не в смысле лицемерия, которого, разумеется, я не заподозреваю, а в смысле преувеличенного служения букве и форме. <…> В краткое пояснение я вам скажу только, что фарисейство (в том общемировом смысле, в котором я его беру) приводит к ниспровержению самых святейших начал и личной и общественной нравственности, к Лойоле и Торквемаде. “Повинуйся церкви”, “ее учение есть истина” — верно; но отсюда выводится, что Галилея сажают в тюрьму, других влекут на костер, третьим ломают члены за неосторожное слово, за добросовестное сомнение; а четвертого учат и воровству, и прелюбодеянию, ad maiorem Dei gloriam <к вящей славе Божией (лат.)> и на пользу церкви» (*Гиляров: ИМБР*. С. 655; впервые: *РА*. 1889. Кн. III, вып. 11. С. 425—428).

ками. Но мы не согласны в давно прошедшем искать будущего. Если будущее в православии (с чем мы согласны), то <будет> ошибкою, по нашему мнению, определять православную культуру только независимостью от романо-германских идей или от католичества-протестантства. Возьмите раньше, и нам кажется, нужно уйти очень далеко, до времен Константина».[1]

Гиляров, свободный от отвлеченной доктринальности и куда более профессионально, нежели Филиппов и Леонтьев, вникавший в церковно-исторические проблемы, видел и другую сторону медали — нетерпимое засилье в Болгарии греческого духовенства, которое выразилось, например, в вытеснении церковнославянского языка из богослужения и стало тормозом для национального возрождения страны. Гиляров при этом тоже ссылался на Новый Завет: «И апостол не проповедовал в Риме по-еврейски и к фессалоникийцам не писал по-латыни».[2] Тут на первый план, как всегда у Гилярова, выдвигаются нравственно-практические мотивировки.

Сближало Филиппова и Гилярова общее требование ими Вселенского собора, на котором могли бы быть решены, между прочим, и проблемы Русской церкви, получившей в Петровскую эпоху, по их убеждению, недолжное, неканоническое устройство. Филиппов, как чиновник столичного министерства (Государственного контроля), писал об этом глухо, полунамеками, например, в той же статье 1872 г.: ««Не говорим уже о том, что для самой Русской церкви созвание

---

[1] *Гиляров: ИМБР*. С. 651. Филиппову Леонтьев писал 1 октября 1885 г.: «…Гиляров-Платонов, который меня 10 лет “игнорировал”, напечатал теперь большую и очень лестную статью: “глубоко одно”, “верно другое” и т. д., хотя и с весьма странными возражениями (напр<имер>, что для настоящего Православия нужно не то, что я зову “Византизмом”, избави Боже! а надо вернуться ко временам *до Константина*, что же это? *Языческого* императора нужно? Гонения? *Политеиста*-государя непременно, мусульмане за веру собственно не гнали, они преследовали политические и даже просто гражданские поползновения христиан. Надо отвергнуть и Никейский Символ веры, ибо до Константина его не было и т. д. — чудно что-то?). А все-таки его статья доставила мне удовольствие» **(**Пророки Византизма: Переписка К. Н. Леонтьева и Т. И. Филиппова (1875—1891) / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. О. Л. Фетисенко. СПб.: Пушкинский Дом, 2012. С. 296—297**)**. Как видим, Леонтьев здесь (возможно, нечаянно) полностью исказил мысль Гилярова, предлагавшего вернуться «до времени Константина», когда христианство стало государственной религией, а никак не «ко временам *до Константина*» и далее, пустившись по ложному следу, дает волю своему богатому воображению.

[2] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 16 октября. С. 1.

собора было бы началом восстановления из того печального и униженного положения, в которое она повержена многими исторически сложившимися причинами и более всего лишением соборного начала, составляющего “исходища ее жизни” <…>».[1] Гиляров неоднократно писал о том же с осени 1868 г., но с куда большей свободой. Так, 30 сентября в № 269 своей газеты под рубрикой «Иностранные известия» он, откликаясь на известия о задуманном папой Пием IX Римском соборе, предлагал в противовес ему созвать Вселенский православный собор, между прочим — и для возвращения Русской церкви канонического, досинодального управления: «Се, ныне время благоприятно. На очереди церковный вопрос, на очереди давно; но теперь более, чем когда, приступить к очищению внешнего вида церкви от всего, случайно к ней приросшего, не церковного, было бы и славно, и достойно».[2] И в первом письме к Филиппову он отмечал: «Падение духовенства поразительно. Историческое воспитание принесло свои плоды. Если желали чиновников на место иерархов и пастырей, то получили, и уже более ничего как чиновников. Желал бы Вселенского собора именно потому, что на него нельзя явиться с теперешним устройством церкви».[3]

Эти смелость в суждениях и стремление к выяснению истины, что называется, в последней инстанции и провозглашению ее во всеуслышание берут начало, на наш взгляд, еще в задушевной атмосфере московской общественной жизни второй половины 1850-х гг., исполненной молодых славянофильских надежд на лучшее, в частности — на то, что народу (или «земле», согласно исторической концепции К. С. Аксакова) будет наконец-то предоставлено «полное право мнения и слова».[4] Позднее, в пореформенные годы, как справедливо отмечал Н. И. Цимбаев, именно Гилярову «была отдана» «философская часть» славянофильского учения.[5] Можно добавить, что и Филиппов, хотя его и не принято напрямую причислять к последователям славянофилов, тоже развивал в своей

---

[1] *Филиппов Т. И.* Современные церковные вопросы. С. 205.
[2] *Вопросы веры и церкви*. Т. I. С. 67.
[3] *Переписка с Филипповым*. С. 334.
[4] *Аксаков К. С.* Полн. собр. соч.: [В 3 т.]. М., 1861. Т. I. С. 296.
[5] См.: *Цимбаев Н. И.* Славянофильство: Из истории рус. обществ.-полит. мысли XIX в. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. С. 78.

публицистике 1860—1890-х гг. их мировоззренческую проблематику, особенно ее религиозно-общественные аспекты.

В первых письмах нащупываются и другие точки соприкосновения, прежде всего по готовившейся тогда реформе духовного суда, о чем Гиляров высказывался в том же письме от 20 октября 1872 г., имея в виду Синод: «…здесь совершается колоссальный подмен понятий. Всероссийским собором величают собрание 12 архиереев. Однако кем назначенных? — спрашиваю я».[1]

Любопытно, впрочем, что, высказываясь по этому вопросу в «Современных Известиях», Гиляров, к слову, будто бы давал урок приятелю, остававшемуся все-таки дилетантом в своих попытках безапелляционного решения сложных проблем канонического права с помощью ссылок (убедительных только на первый, поверхностный взгляд) на те или иные церковные правила, поскольку последние не обладали вневременной непреложностью: «Защитники епископского полновластия совершают <...> подмен, когда под именем правил церковных подставляют в виде указаний государству то, что было применением к государственным же требованиям, только требованиям иных времен и народов. Прежде чем прибегать за охраною епископского самовластия к поспешным ссылкам на церковные законы, необходимо было еще разъяснить себе, что в церковных законах принадлежит прямо церкви, что ее государственному положению; что к церкви безразлично и что, напротив, есть даже выражение внешнего гнета, остающегося, может быть по преданиям языческого права, в христианском государстве».[2] Впоследствии, уже в середине 1880-х гг., сходные упреки Гиляров будет адресовать Вл. Соловьеву и К. Леонтьеву.[3]

За обменом письмами в 1872 г. последовало десятилетнее молчание. Почему же переписка возобновилась, и именно в начале 1882 г., став при этом довольно оживленной? Дело в том, что, как мы видели, Гиляров в продолжение длительного периода имел преданного друга и неустанного ходатая по своим служебным и издательским делам, обретавшегося в петербургских коридорах

[1] *Переписка с Филипповым*. С. 333.
[2] *Вопросы веры и церкви*. Т. I. С. 309.
[3] См.: *СИ*. 1885. 14 февр. № 43. С. 2; 24 сент. № 245. С. 2.

власти, — в лице К. П. Победоносцева, тоже приятеля со времен «Русской Беседы». Победоносцев в 1870-х гг. специально встречался с влиятельными петербургскими сановниками, дабы склонить их на сторону Гилярова, уберечь его издание от цензурных репрессий. Однако вскоре после того как Победоносцев в 1880 г. возглавил Св. Синод, началось охлаждение в их отношениях и он уже не только не выручал Гилярова из цензурных ловушек, а порой и сам предлагал объявить «Современным Известиям» предостережение либо запретить их розничную продажу.[1]

Во взаимоотношениях же Филиппова и Победоносцева, особенно начиная с 1880-х гг., как известно, преобладали интриги и мелкое самолюбие.[2] И словно бы в пику своему сановному недоброжелателю теперь Филиппов становится деятельным заступником Гилярова в его невзгодах: хлопочет перед руководством Государственного банка о предоставлении ему кредита на выгодных условиях,[3] ходатайствует о разрешении ему издавать бесцензурную иллюстрированную газету («Радуга»),[4] даже помогает найти в Петербурге дельного корреспондента для «Современных Известий»,[5] а незадолго до кончины приятеля всячески обнадеживает, поддерживая его кандидатуру в качестве преемника М. Н. Каткова на посту редактора-издателя «Московских Ведомостей».[6]

Но главное, как и некогда Победоносцев, Филиппов делается словно бы Ангелом-Хранителем гиляровской газеты, предотвращая цензурные репрессии или ослабляя их силу, причем усматривая в этом не более не менее как дело «государственной важности». Филиппов признавался в письме к другу от 16 апреля 1885 г.: «Кроме личного моего участия к Вам, я дорожу Вашим изданием, как прибежищем пригнетенной истины в делах Церкви, которая из глубины потопляющих ее зол вопиет к нам о помощи, обязательной для чад во дни бед-

---

[1] См. подробнее в разделе 2.8.

[2] См. об этом: *Алексеева С. И.* К. П. Победоносцев в оценке Т. И. Филиппова // Константин Петрович Победоносцев: мыслитель, ученый, человек. С. 120—126.

[3] *Переписка с Филипповым*. С. 340—341, 343.

[4] Там же. С. 343—344, 348.

[5] Там же. С. 344—345, 348.

[6] Там же. С. 361.

ственных испытаний Матери».[1] И это притом, что Филиппов во многом согласен с Победоносцевым в оценке прессы. 19 сентября 1882 г. он писал Гилярову: «Победоносцев, действительно, очень озлоблен на газеты; человеку, уважающему что-либо, нельзя и не озлобиться. Разве оставлено что-нибудь во вселенной, чего бы не осквернило прикосновение газетного суждения?» И тут же, имея в виду «Современные Известия» Филиппов продолжал: «Но потому-то Правительству до крайности нужно если не поддерживать, то, по крайней мере, уважать и оставлять в покое и на свободе такие издания, которые именуют Имя Божие и брань творят со змием».[2]

Особенно же, как видно из переписки, сблизил их эпизод со временной приостановкой «Современных Известий» в апреле 1885 г. из-за публикации корреспонденции некоего К. К. «Из Тифлиса»,[3] причем не на месяц, как первоначально распорядился министр внутренних дел граф Д. А. Толстой, а — благодаря заступничеству Филиппова — с сокращением этого срока наполовину. В трагическом эпизоде избиения доведенным до отчаяния 24-летним семинаристом С. Джибладзе своего ректора протоиерея П. И. Чудецкого, бесчеловечно относившегося к своим воспитанникам, как Гиляров, так и его корреспондент увидели проявление остро ощущавшегося ими духовного кризиса. Помимо многолетней безнравственно-жесткой политики синодальных властей по отношению к Грузинской церкви,[4] вызывали особое неприятие неразумные русификаторские действия отдельных архиереев на этой и некоторых других имперских окраинах: тут подчас взамен любви и свободы культивировались далекие от христианства духовное насилие и угнетение.

Пунктирно в переписке 1880-х гг. возникают и новые темы для обсуждения, только подтверждающие существенное единомыслие Гилярова и Филиппо-

---

[1] Там же. С. 355.

[2] Там же. С. 348. В конце цитаты — отсылка к Апокалипсису (Откр 12: 17; 17: 14).

[3] *СИ*. 1885. 2 апр. № 88. С. 1.

[4] Развернутую гиляровскую оценку этой проблемы см.: *Р. С. Т. <Гиляров-Платонов Н. П.>*. Грузинская церковь под управлением Правительствующего Всероссийского Синода // Р. С. Т. Нечто о Русской церкви в обер-прокурорство К. П. Победоносцева. Лейпциг, 1887. Вып. 1. С. 114—124.

ва во взглядах на современную жизнь: оба отторгают утилитарную педагогику барона Н. А. Корфа, внеположную религиозно-национальным традициям;[1] сокрушаются о «падении духовенства»,[2] сосредоточившегося на вопросах материального благополучия (или, как это было принято тогда называть, — «улучшения быта»), и о «слепоте и упорстве в заблуждениях» «стоящих у кормила»;[3] об опасности из-за сиюминутных политических амбиций разрыва вековых связей с братскими церквами (в частности, с Константинопольским патриархатом в апреле 1885 г.);[4] о курьезах нового Университетского устава[5] и др. Краем касаются и болезненного «еврейского вопроса», причем в эсхатологическом плане («жиды» как «могущественнейшее орудие разложения христианских общежитий»), и проблемы развращающего влияния либерально-буржуазной прессы. Наиболее они были близки в своих требованиях — во искупление исторической несправедливости — официальной легализации старообрядчества и более продуманной государственной политики в отношении к единоверию, но эти важные темы остались за пределами их переписки. Оба они, в отличие от Победоносцева, крайне негативно оценивали деятельность митрополита Московского Иоанникия (Руднева) (проведение в храмах в Великий пост духовных концертов вместо служб, назначение священников в приходы вопреки пожеланиям паствы, окружение себя излишней роскошью и др.), видя, что ею справедливо оскорбляются религиозные чувства москвичей. В письме от 16 октября 1882 г. Филиппов упоминал его как синодального чиновника, далекого от идеалов архипастырства: «Иоанникий испугался, что его сочтут за клерикала: нет, брат! шалишь. Не по чину берешь! Феофаново семя — это так!»[6]

При этом оба собеседника — и противник каких-либо схем и застывших догм Гиляров, и склонный к некоторому, так сказать, начетничеству Филиппов, — как правило, деликатно избегают моментов несогласия, обходят острые

---

[1] *Переписка с Филипповым*. С. 350.
[2] Там же. С. 334.
[3] Там же. С. 356.
[4] Там же.
[5] Там же. С. 358, 359.
[6] Там же. С. 350.

углы, дорожа объединяющими их «случаями единомыслия».[1] Их двусторонняя переписка представляет важный материал для исследования ряда неоднозначных проблем общественно-политической и духовно-нравственной жизни России и, что особенно важно для нас, выявляет мировоззренческие позиции обоих мыслителей-журналистов, чему способствует дружеский настрой и искренняя приязнь корреспондентов.

* * *

Таким образом, в девяти изложенных в настоящей главе сюжетах из деятельности Гилярова-публициста были последовательно представлены разные грани его журналистского таланта: он в своих передовых статьях выступал как философ, богослов, социолог, религиовед, общественный деятель. В то же время многоплановое сопоставление его высказываний и взглядов с публицистическими высказываниями его коллег по консервативной журналистике позволило проследить, как происходило отстаивание многомерности и сложности славянофильской мысли, которую эпоха стремилась превратить в одну из идеологий (характерно, что сам Гиляров переживает некоторые публичные выступления М. Н. Каткова как «нигилизм»).

Анализ публицистики Гилярова выводит к важнейшей проблеме русской религиозно-философской мысли второй половины XIX—XX веков — к вопросу о социальном христианстве, об ответственности Церкви за исторический процесс, социальное устройство, культурное созидание. Именно этот круг вопросов представляется центром, связывающим в единое целое многообразную журналистскую деятельность Гилярова.

Важно и то, что на фоне современной ему журналистики его слово всегда выделялось своей оригинальностью — как неожиданными подходами к решению политических и общественно-нравственных вопросов, так и образной речью с живыми, задушевными интонациями. И. С. Аксаков, Ю. Ф. Самарин, М. П. Погодин, князь В. Ф. Одоевский, В. И. Даль, С. А. Юрьев и другие близкие

[1] Ср. в письме Филиппова от 7 ноября 1872 г.: «…я не гонюсь ни за чьим согласием (хотя случаям единомыслия бываю всегда рад до глубины души)…» (Там же. С. 339).

ему писатели высоко ценили его публицистику; ее достоинство часто казалось им столь высоким, имеющим значение для мирового общественного мнения, что нередко ему советовали печататься за границей. Так, Погодин, прочитав в июле 1874 г. передовицу Гилярова о внутреннем родстве ультрамонтанства и политического фанатизма поляков,[1] восторженно писал ему: «Статья в № 167 об ультрамонтанстве великолепная, государственная, европейская. Когда я читаю подобные статьи, мне всегда бывает жалко, что такой ум сильный разменивается на мелочи. Не говорю о том, как бывает досадно на правительство, которое не умеет находить людей и употреблять их с пользой. Я хотел о статье написать статью, но где напечатать ее: “Москов<ские> Ведом<ости>” ревнивы суть и боятся сказать лишнее доброе слово о ком бы то ни было, чтоб не унизить себя, а здесь как будто и лавочка отбивается в политическом пафосе. Такие вопросы у них как будто на откупу. Статью надо перевести на французский, английский, немецкий. На французский отдал перевести Софье Ивановне[2] и пошлю в “Le Nord”».[3]

Не случайно под рубриками «Среди газет и журналов», «Наша периодическая печать» и т. п. в самых разных по политическому направлению изданиях регулярно цитировались передовицы Гилярова — в палитру общественного мнения они всегда добавляли свои особенные краски. Его ученик публицист И. Ф. Романов-Рцы (сам незаурядный мастер литературной формы, у которого, как известно, немало перенял В. В. Розанов) в 1888 г. делился своими впечатлениями: «Когда вам попадается в *альбоме мыслей Никиты Петровича* (как остроумно называл газету, издаваемую Гиляровым, покойный И. С. Аксаков)[4] выражение вроде следующих (берем первый пришедший нам на мысль пример): “Польша есть *выдохшаяся* нация”, “католицизм — равно как магометанство и еврейство — есть *постоянный заговор против инославия*”, когда, говорим, вы с изумлением останавливаетесь на подобных выражениях, в которых не знаешь, чему более

[1] *Вопросы веры и церкви*. Т. II. С. 22—25.

[2] Софья Ивановна Погодина (1826—1887) — вторая жена М. П. Погодина (с 1860 г.).

[3] Материалы для биографии Н. П. Гилярова-Платонова // *РО*. 1896. Т. 42, дек. С. 995. В указанной газете отыскать статью Гилярова не удалось.

[4] *Аксаков в письмах.* Т. III. С. 442.

удивляться: необычайной ли меткости и остроумию с такой смелостью отчеканенного словечка, заставляющего бледнеть перед собою пресловутые французские *mots* — неважный плод бульварного балагурства, или гениальной находчивости автора, сумевшего в какую-нибудь одну-две строки вдавить сущность чуть не целого трактата[*] — вы, может быть, и не догадываетесь, что пойманная вами жемчужина есть только один из вырванных наудачу камней из той мозаичной стены, которая составляет одно нераздельное целое с величественным зданием, именуемым философской системой Гилярова».[1]

При этом нередко его позиция подвергалась умышленным искажениям, насмешкам, на него то и дело подавали в суд жалобы, нередко и облыжные доносы. Об этом Гиляров 21 сентября 1871 г. писал своему приятелю, литератору С. А. Юрьеву, в тот период предпринявшему издание журнала «Заря»: «А Вас возмущают лжи и клеветы! Я к этому уже привык и принимаю за специальный крест положение публициста у нас в России. Но утешает мысль, что образ лица слагается полный из совокупности явлений, а публицисту, слава Богу, дается способ дать современникам и потомству столько материалов к выведению заключения! Хотелось бы одно: пожить настолько, чтоб оставить достаточно — не по количеству, а по качеству. <…> Какая туча недоразумений! Один видит в тебе отсталого, другой открещивается, считая хуже безбожника. Подите тут!»[2]

И при жизни, а особенно в связи с кончиной даже идейные антагонисты признавали силу гиляровского слова, и это было совсем не этикетная дань некрологическому жанру. Так, автор умеренно-либеральных «Русских Ведомостей» отмечал: «Публицистические статьи Н<икиты> П<етровича> отличались всегда образным, живым слогом и производили сильное впечатление».[3] И при

---

[*] Припомним, кстати, знаменитое хомяковское определение Гегелевой философии: «воз пустых орехов, который пришлось расщелкать». — *Авт. <Рцы>*.

[1] *Рцы (Романов И. Ф.)*. Гиляров и Хомяков: Одна характеристическая особенность их творчества, в значительной степени затрудняющая изучение трудов названных писателей // Собр. соч.: В 2 т. / Изд. подгот. А. Дмитриев и Д. Федоров. СПб.: Росток, 2016. Т. I: Нагота рая. С. 50.

[2] РГАЛИ. Ф. 1000. Оп. 1. Ед. хр. 54. Л. 1 об.—2 об.

[3] <*Соболевский В. М.?*>. Н. П. Гиляров-Платонов: (Некролог) // *РВед*. 1887. 15 окт. № 284. С. 2.

этом, даже когда в 1900—1906 гг. в пяти сборниках было переиздано значительное количество передовых статей Гилярова, исследователь его публицистики Л. П. Лобов сетовал, что его современники вместо «непосредственного изучения славянофильства, основанного на серьезном, вполне историческом приеме» пробавляются «лишь популярным изложением этого учения, притом в крайне тенденциозной окраске». И потому Лобов заявлял: «Не видя никого, кто бы взял на себя почин в этом направлении, мы прежде всего устремляем внимание на своеобразного мыслителя, чьи мысли, высказываемые чуть ли не на пространстве двадцати лет, менее всего являются изученными <…>. Не думаем, чтобы эти мысли не заслуживали никакого внимания, так как имя Гилярова-Платонова, бывшего профессора, цензора и журналиста, достаточно популярное имя и не только для своего времени».[1] Однако сам Лобов ограничился четырьмя небольшими заметками.[2] Прошло восемь десятков лет, и А. Л. Осповат начал свою заметку о Тютчеве «Новые данные о сборнике 1868-го года» такими словами: «Внимание исследователей и библиографов до сих пор не привлекала газета “Современные Известия”, издателем которой был московский публицист (в прошлом — цензор) Никита Петрович *Гиляров-Платонов* (1824—1877)…»[3] Констатация факта прозвучала здесь упреком, поскольку далее исследователь поделился важными находками: на столбцах забытой газеты ему удалось обнаружить анонс о предстоящем издании сборника Тютчева с интересной характеристикой его поэзии, а позднее сообщение о выходе книги с уникальным указанием, каков был ее тираж.

Однако задача всестороннего исследования публицистики Гилярова и его любимого детища — «Современных Известий» — по-прежнему предлежит нашей историко-литературной науке.

---

[1] *Лобов Л. П.* Гиляров-Платонов: Публицистическая деятельность // Славянские Известия. 1907. № 1. С. 1.

[2] Вых. дан. см. во Введении и в Списке литературы.

[3] *Осповат А. Л.* Несколько заметок к литературной биографии Тютчева // Литературное наследство. М.: Наука, 1989. Т. 97: Ф. И. Тютчев; кн. 2. С. 501.

Глава III. Н. П. Гиляров-Платонов как мемуарист и литературный критик. Творческие диалоги с современниками

3.1. Ранняя беллетристика, семинарские опыты и дневниковая проза (1830—1840-е): становление речевой личности христианина

В мемуарах «Из пережитого» (1884—1887) Гиляров посвящает целую главу (XXXIX, озаглавленную «Письменные работы») своим юношеским беллетристическим опытам 1836—1840 гг. и, в частности, отмечает: «Масса писанного мною в течение первых двух лет изумительна для меня самого. Если измерять внешним объемом, то наберется не одна стопа писчей бумаги, переписанной начисто, чему предшествовали черняки. Я писал сочинения на заданные темы и на свои. Из них не одна сотня поданы в классе, большинство мною, часть моими клиентами, на которых я работал. Но добрая половина оставалась при мне, и никто о ней даже не догадывался. Нахожу перевод целой книги (латинской) гомилетического содержания,[1] историческую повесть,[2] дневники, которые неоднократно начинал и чрез несколько дней бросал,[3] критические отзывы о прочитанных книгах.[4] Я одержим был какою-то графоманией. За недостатком чистой бумаги писал на метрических графленых листах, должно быть, отмененного образца[5] и потому остававшихся у отца без употребления, писал даже на бумаге исписанной, братниных черняках, лавочных счетах, случайно попадав-

[1] Сохранилась исписанная мелким почерком сшитая тетрадь, на первой странице которой значится: «Наставления и правила для образования проповедников Слова Божия. Перевод с латинского. Сочинение Александра Наталя. Перевод Никиты Гилярова. Москва. 1840 года» (ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 19. 48 л.). Автор — близкий к галликанизму французский теолог и историк Александр Наталис (Natalis; 1639—1724).

[2] «Последние дни Помпеи. Картина нравов первого века» (см. об этой повести ниже).

[3] Свод дошедших до нас юношеских дневников Гилярова за 1837—1843 гг. — «Нечто, собрание кое-чего, или Мои мечты и думы» — опубликован нами: *Из пережитого*. Т. 2. С. 101—132.

[4] Эти отклики с более или менее пространными выписками из разных книг и периодических изданий Гиляров включал в поденные дневниковые записи.

[5] Т. е. на листах из метрической книги, предназначенной для официальной регистрации в церквах актов рождения, брака и смерти. Например, на таких листах, сложенных вдвое и прошитых, Гиляров написал свою повесть «Последние дни Помпеи»

шихся; переворачивал лист или четвертку боком и писал поперек строк».[1] До самого последнего времени предполагалось, что все эти пробы пера до нас не дошли, кроме разве что фрагментов дневника, опубликованных в 1903 г.[2] Но оказалось, что в не разобранном до сих пор архиве Гилярова, хранящемся в Рукописном отделе Пушкинского Дома, находятся рукописи его сочинений 1838—1842 гг.[3] — того периода, когда он, выпускник Коломенского духовного училища, обучался в Московской духовной семинарии и жил у своего старшего брата диакона (позднее священника) Александра в Поддевичьем; отдельные семинарские сочинения Гилярова отложились и в фонде князя Н. В. Шаховского в РНБ.[4] Когда же Никита в 1842 г. перебрался на жительство на Зацепу, в дом Богдановых, он некоторую часть семинарских тетрадей оставил у брата и впоследствии вернул их, именно они и сохранились.

Племянник Гилярова, Федор Александрович Гиляров, включивший выдержки из дядиного дневника 1840 г. в свои воспоминания, поначалу недоумевал: «Переписывая эти строки дневника Никиты Петровича, узнаю в них что-то очень знакомое, давным-давно когда-то читанное, но где?.. Так, не ошибаюсь: в детстве читал именно тот самый дневник, читал не раз, а много раз; иначе как бы через десятки лет могли запомниться эти отвлеченные риторические размышления? Припоминаю далее: в конце 70-х годов, будучи уже соредактором Никиты Петровича в издаваемой им газете “Современные Известия”, я, разбирая семейные бумаги, нашел в них этот самый дневник и отдал его автору. По внезапном разрыве младшего брата со старшим дневник остался у моего отца и, при великом уважении в нашем доме ко всякой книге и рукописи, легко сохранился с 40-

---

[1] *Из пережитого*. Т. 1. С. 264.

[2] Отрывки из дневника Н. Гилярова // Щукинский сборник. М., 1903. Вып. II. С. 498—521.

[3] Частично опубликованы нами в 2009 г.: *Гиляров-Платонов Н. П.:* 1) Юношеские опыты // *Из пережитого*. Т. 2. С. 101—178, 409—446; 2) Последние дни Помпеи: Семинарские опыты в стихах и прозе (1837—1843) / РАН. ИРЛИ; Вступ. ст., сост., подгот. текстов, коммент. А. П. Дмитриева; Отв. ред. Б. Ф. Егоров. СПб.: Пушкинский Дом, 2009. 528 с.

[4] Опубликованы нами в 2013 г.: *Дмитриев А. П.* Из ученических работ Никиты Гилярова: I. «Почему Церковь ветхозаветная ограничена была в одном народе еврейском, тогда как Бог всем хощет спастися и в разум истины прийти?» (1843—1844?); II. «О достоинстве искусства как чувственной формы знания» (1849?) // *Гиляров: ИМБР*. С. 234—244.

х по 70-е годы».[1] И далее: «Дневник этот был под руками у покойного Никиты Петровича, когда он писал свое “Из пережитого” <…> он извлек отсюда все нужное, фактическое <…>».[2]

Те же рукописи, что Гиляров забрал с собой в зацепский дом, по его собственному признанию, сгорели у него на даче (летом 1856 г.). В главе XXV («Новая атмосфера»), описывая события лета 1837 г., Гиляров вспоминал о своих несохранившихся дневниках: «Чрез полтора года ровно, под заглавием “Святочные досуги”, составлено было мною обстоятельное описание моего первого приезда в Москву. Это была довольно объемистая тетрадка, оканчивавшаяся целою страницей письменного, весьма лестного отзыва, данного о моем труде профессором. Тетрадка эта с другими бумагами погибла потом во время пожара, бывшего у меня».[3]

Несомненно, в юности Гиляров серьезно подумывал о будущем писательстве. В его дневниках исподволь традиционные записи уступают место беллетристическим наброскам. Но вскоре пришло разочарование от этих первых проб пера, — причем далеко не только из-за сознаваемой их несамостоятельности (Гиляров, между прочим, был увлечен фантастической прозой Осипа Сенковского). Семинарист словно бы опасается девальвации слова с его духовной наполненностью, которое, впрочем, он — если иметь в виду только формально-техническую сторону дела — довольно легко научился приручать, используя для своих художественных опытов.

Столь же решительно нравственно чуткий юноша преодолел искушение стать бойким светским публицистом, в мемуарах он прямо об этом говорит: «Если бы с риторической скамьи мне перескочить прямо в печать, я оказался бы не хуже многих других борзописцев. Но потому-то невысоко я ценю хлестких борзописцев, даже пользующихся известностью; я читаю в них близко знакомого мне ученика Риторики в Московской семинарии; ясен мне процесс, как заносятся к ним в голову слова, принимаемые ими за понятия, как усвоиваются без

[1] Воспоминания Ф. А. Гилярова // *РА.* 1904. Кн. I, вып. 3. С. 482.
[2] Там же.
[3] *Из пережитого.* Т. 1. С. 163.

мысли готовые положения, заслушанные и вычитанные ими и в механической перестановке предлагаемые публике под видом надуманных суждений».[1]

Тем не менее примыкающие к дневникам Гилярова его ранние художественные произведения представляют несомненный интерес, причем не только для изучения его собственного творчества, но и в общетеоретическом плане — как путь освоения светской культуры активно воцерковляющейся личностью. Очевидно, что, вопреки его увлеченности тем же Сенковским, со временем усиливалось неприятие молодым Гиляровым романтической беллетристики с ее любовными коллизиями и придуманной фантастикой. Привлекало его в этой литературе, пожалуй, ее мистическое напряжение; ситуация же двоемирия и исключительность героев притягивали их отдаленным сходством с агиографическими сюжетами и персонажами. Его интуитивно влекло к качественно иной прозе — откровенно христианской по содержанию, а в образно-стилевом отношении не уступающей лучшим образцам современной ему светской художественной литературы. Сверхъестественный элемент религиозного мировидения самым естественным образом вплетается в ткань его беллетристических опытов.

Ни в одном из юношеских произведений Гилярова нет любовного романтического конфликта, что в общем-то необычно во всех отношениях: и если иметь в виду его возраст, и с точки зрения литературных вкусов того времени. Очевидно, это ему претило, он инстинктивно видел неправду в художественном познании жизни не с точки зрения умственной и эмоциональной целомудренности, которую обеспечивает не распыляемая эротизмом всецелая собранность душевных сил. Не удивительно поэтому, что Гилярову так понравился социально-психологический роман Уильяма Годвина. 25 августа 1839 г. он записал в дневнике: «Я прочел вчера роман “Калеб Виллиамс”. Вот роман совершенно в моем вкусе. Тут есть страсти, но нет любви. Право, странно, почему во всяком романе все завязка одна — любовь. Исключения редки. И к чему в миллионный раз говорить об этой пошлой, истасканной материи, — не понимаю. “Калеб”

[1] Так же. С. 265.

принадлежит к исключениям, и очень мне понравился. Мне особенно нравятся романы и повести, в которых показывается глубокое знание сердца человеческого; где писатель разбирает ощущение души, рассматривает все изгибы сердца, следит за нашими движениями души и резкою картиною показывает следствия наших страстей».[1]

Тема эта, как никакая другая, выявляет своеобразие творческих установок Гилярова, делает их наиболее отчетливыми, и стоит поэтому посмотреть, каким образом затрагивается она в поздних мемуарах, важнейшей задачей которых было скрупулезное и беспощадно честное воссоздание своего же психологического облика в ранний период жизни.

Из детских лет Гилярову запомнилось то недоумение, с которым он читал и перечитывал «несколько раз» переводную книгу «Путешествие г. Вальяна во внутренность Африки, чрез мыс Доброй Надежды, в 1780, 81, 82, 83, 84 и 85 годах» (М., 1793). В главе XVIII мемуаров «Из пережитого» («Книжный мир») Гиляров пишет: автор, французский орнитолог Франсуа Левайан, «был женат; из путешествия это видно. Но с тем вместе он же сам говорил о своих близких отношениях супружеского свойства к одной готтентотке. Я поразился этим и никак не мог примирить несообразности. Да как же это, ведь он женат и у него жена во Франции? Так ли я понимаю?» И вывод: «Этим сказалась высокая целомудренность отца и вообще непорочная чистота нашей семьи. А не монастырски же мы воспитывались; всё мы свободно могли слышать и видеть, и несомненно слышали и видели, но в сознании преломлялись не те лучи, которые пускались. Душа просто не воспринимала многого, для чего в ней не было почвы».[2] И соответствующий уже не книжный пример, а из жизни: «На одном дворе с нами, в нашем же садике, в пяти шагах от нашего дома жил в своей избушке на нашей земле Петр Яковлевич, овчинник, которого я маленьким называл, картавя, “Покрака” <…>. С ним жила, заменяя ему кухарку и хозяйку, младшая тетка моя Татьяна Матвеевна. Какие их были отношения? <…> странное сожительство моей

[1] Там же. С. 112.
[2] Там же. С. 124.

тетки с чужим ей Покракой не возбуждало вопроса, хотя я точно знал, что они и не родные и не муж с женой».[1]

В 18-летнем же возрасте Гилярову уже не казалось необычным, что его товарищи по Семинарии «не все сознавали себя чистыми против седьмой заповеди»,[2] то есть «Не прелюбы сотвори» (Исх 20: 13). Тем не менее перед ним самим даже не возникало вопроса о ее нарушении. Видимо, во многом из-за этого нравственного обаяния к нему так тянулись некоторые соученики, причем далеко не безупречного поведения. Василий Покровский («Перервенец»), с его «склонностью начинать роман прямо прозаическим концом»[3] и на деле показывал, как надо соблазнять фабричных девушек: «Он увлек какую-то далее пределов, допускаемых девичьим целомудрием, и хвалился потом своею победой»,[4] и любил искушать Никиту, строя планы, как склонить к связи свояченицу Наташу, даже водил приятеля показать предмет своих воздыханий. Позднее Гиляров вспоминал: «И был я, и видел; действительно пышная, красивая женщина, и сердце мое сжалось. Цель ухаживания, понятно, была самая грязная; у приятеля был низкий замысел, между прочим, поймать свояченицу врасплох, даже подпоить ее. Я пытался представить ему всю гадость поступка, но говорил стене. “Не я, так другой”, — отвечал он. <…> Если б я не предохранен был всем внешним прошлым и внутренним самовоспитанием, скорее могло случиться, что я бы низвергся в бездну, увлеченный приятелем».[5]

Потому, видимо, Гилярову нетрудно было преобороть и прямой соблазн, когда он — благодаря услужливости «сострадательного» товарища (Н. А. Розанова) — оказался лицом к лицу с падшей женщиной. Гиляров пишет: «…он зазвал меня, и притом в грязный трактир, для того, чтобы посвятить меня во “взрослого”. <…> Николай Алексеевич провел меня в особенную комнату и <…> велел позвать “Пелагею”, представил ей меня и мне ее, поручая нас взаим-

[1] Там же. С. 124—125.
[2] Там же. С. 357.
[3] Там же. С. 336.
[4] Там же.
[5] Там же. С. 295.

ному вниманию. Это был первый раз в жизни, но он же был и последний, что я видел вблизи особу такого сорта. Р<озанов> рекомендовал ее как выделяющуюся из других своею степенностию; из его слов я понял, что он смотрел на нее как на ремесленницу, не отличая ремесла ее от других ремесл. Меня это поразило <…>».[1] В этом же ряду и эпизод с братниной кухаркой Евгешкой, пришедшей к Никите Петровичу в комнату ночью: «…среди сна слышу я прикосновение чьей-то руки к моей руке. Я мгновенно проснулся как ужаленный; негодование, омерзение, я не знаю, как и назвать это чувство, закипело во мне. “Прочь! прочь! пошла вон!” — закричал я, насколько позволяла ночная тишина».[2]

Конечно, в такой стойкости перед нечистыми эротическими искушениями можно усмотреть как раз воздействие и романтической модели поведения, не случайно юноше так врезались в память рассказы А. П. Талистова о несчастной, но всепоглощающей любви графа Г. Г. Орлова к своей кузине, статс-даме Е. Н. Зиновьевой: «…князь Григорий Григорьевич, везущий в Швейцарию свою молодую, едва расцветшую супругу <…>. Там она умрет, убьет ее именно любовь мужа, слишком страстная, и главный виновник переворота 1762 года будет тосковать по ней безутешный».[3] Но куда как более существенно другое — а именно полнейшая волевая и умственная непричастность, даже лучше сказать — внеположность, непреоборимым, казалось бы, требованиям естества: «Никогда ни малейший помысел не увлекал меня против целомудрия; никогда в отдаленнейших мечтах не грезились мне любовные похождения. Читая об них в романах, я верил им только наполовину, признавая в них отчасти украшенное скотоподобие или напыщенное описание чувства человеческого, но — по моему представлению — непременно более тихого, нежели описывается. Опьянеть от любовной страсти казалось мне прямо невероятностию. Муция Сцеволу, Стефана Первомученика, Галилея я понимал, но Вертера отказывался признать, а тем более уважать его или сочувствовать ему».[4] Такие умонастроение и душевная устремленность, та-

[1] Там же. С. 299.
[2] Там же. С. 343.
[3] Там же. С. 276.
[4] Там же. С. 342—343.

кая всецелая предрасположенность к возвышенному в личной сфере, безусловно, коренились в глубинной *воцерковленности*, каковым понятием, пожалуй, только и можно максимально точно обозначить их религиозно-нравственный источник.

Но помимо личностного настроя на телесную и умственную чистоту, важен еще один аспект этой проблемы — уже напрямую касающийся художественного творчества. Существенно, что, вкладывая опыт такого рода в свои пробы пера, юный Гиляров невольно касается узловых проблем зарождавшегося тогда реалистического метода. В этих своих эстетических склонностях он подчас упреждает самого Гоголя, который только через три года, в «Театральном разъезде после представления новой комедии» (1842), устами одного из персонажей сформулирует свое кредо (в связи со спорами вокруг «Ревизора»): «Да, если принимать завязку в том смысле, как ее обыкновенно принимают, то есть в смысле любовной интриги, так ее точно нет. Но, кажется, уже пора перестать опираться до сих пор на эту вечную завязку. Стоит вглядеться пристально вокруг. Все изменилось давно в свете. Теперь сильней завязывает драму стремление достать выгодное место, блеснуть и затмить, во что бы то ни стало, другого, отмстить за пренебреженье, а насмешку. Не более ли теперь имеют электричества чин, денежный капитал, выгодная женитьба, чем любовь?»[1]

Более того — 15-летний Гиляров в своих дневниках словно бы прозревает и более отдаленные горизонты русской культуры, — его литературные взгляды соотносятся с установками того же Салтыкова-Щедрина, вслед за Гоголем утверждавшего — в очерке «Что такое “ташкентцы”?» (1869), — что «роману предстоит выйти из рамок семейственности»: «Роман современного человека разрешается на улице, в публичном месте — везде, только не дома; и притом разрешается самым разнообразным, почти непредвиденным образом. Вы видите: драма начиналась среди уютной обстановки семейства, а кончилась бог знает

[1] *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: [В 14 т.]. [М.; Л.]: Изд-во АН СССР, 1951. Т. V. С. 142.

где; началась поцелуями двух любящих сердец, а кончилась получением прекрасного места, Сибирью и т. п.».[1]

Большинство дошедших до нас беллетристических и поэтических произведений Гилярова-семинариста — «Последние дни Помпеи», «Честолюбец», «Случай, каких немного», «Два бедняка», «Смерть грешника», «Страшный суд» — объединяет эсхатологическая тема, в основу их положена новозаветная по существу проблема греха, его искупления и воздаяния за него. Юного автора попросту не интересовали традиционные для светской литературы темы и сюжеты. Есть все основания говорить о том, что Гиляров всегда оставался на позициях христианского, духовного реализма.[2] И даже учебные упражнения по риторике носят следы этой внутренней работы духа: пусть приглушенно, но в них звучат мотивы приправленной теплым юмором покаянной исповедальности (рассказ «Беспечный семинарист»), прославления Богозданного природного мира (стихотворение «Летняя ночь»), жертвенного подвижничества (этюд «Леонид при Термопилах»).

Подзаголовок самого крупного гиляровского произведения семинарского периода, исторической повести «Последние дни Помпеи», — «Картина нравов первого века» — указывает на его добротную эпичность. Конечно, с точки зрения сюжетосложения (в основе — мотивы коварства и предательства, искупающихся драматической развязкой) и расстановки персонажей (отъявленный злодей Песцений, невинный страдалец Нумаций, идеально прекрасная Туллия и др.) это типично романтическое произведение.

Источником фактических сведений о быте и нравах римлян эпохи зарождения христианства послужило для Гилярова описание помпейских руин в книге

---

[1] *Салтыков-Щедрин М. Е.* Собр. соч.: В 20 т. М., 1970. Т. 10. С. 33—34. Эта же проблема волновала другого современника Гилярова — А. О. Осиповича-Новодворского в его рассказе «Роман» (1881). См. о нем: *Дмитриев А. П.* Возвращение А. О. Осиповича-Новодворского // Русская литература. 2007. № 2. С. 203—205.

[2] Используем термин, апробированный современной академической наукой. См., например: *Любомудров А. М.* Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б. К. Зайцев, И. С. Шмелев. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003; *Захаров В. Н.* Христианский реализм // *Захаров В. Н.* Проблемы исторической поэтики: Этнологические аспекты. М.: Индрик, 2012. С. 166—178; *Моторин А. В.* Духовные направления в русской словесности XIX века: Монография / НовГУ им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2012. 504 с.

Н. С. Всеволожского «Путешествие чрез Южную Россию, Крым и Одессу в Константинополь, Малую Азию, Северную Африку, Мальту, Сицилию, Италию, Южную Францию и Париж в 1836 и 1837 годах» (М., 1839. Т. I. С. 44—65): восторженная оценка этой книги содержится в юношеском дневнике Гиляровa: «Как просто и приятно, — наивно написано путешествие г-на Всеволожского, путешественника, как заметно, умного и скромного. Я читал его, и не раз».[1] Основным литературным источником стал одноименный с гиляровской повестью роман Э. Дж. Булвер-Литтона «Последние дни Помпеи» (1834), первый русский перевод которого (с французского) увидел свет в Москве в 1842 г. (цензурное разрешение от 19 ноября 1841 г.).

Возможно и то, что Гиляров пользовался самой обстоятельной русской книгой на эту тему — «Прогулки русского в Помпеи» А. И. Левшина (СПб., 1843): в «Последних днях Помпеи» немало мест, текстуально близких к соответствующим пассажам Левшина, например:

Гиляров. *Из пережитого*. Т. 2.	Левшин. Прогулки русского в Помпеи
«…Диомед <…>, наполнив вином кубок, сперва пролил несколько капель в честь Бахуса…» (с. 156).	«На столе увидим <…> изображение Бахуса. Мы должны сделать пред ними возлияния вином…» (с. 159).
«…испив немного, сам передал кубок сидевшему подле него Песцению, который, испив, передал следующему, и таким образом кубок обошел вокруг стола. Это служило символом братства пирующих» (с. 156).	«Царь пира начнет тем, что нальет круговую чашу и, первый отведав из нее виноградной влаги, пустит ее в ход от соседа к соседу. Это залог согласия, которое должно одушевлять собеседников во время обеда» (с. 162—163).

[1] *Из пережитого*. Т. 2. С. 110.

«…тут же из вежливости провозгласил любезному <хозяину> тост и сам первый выпил за его здоровье столько покалов *<так!>*, сколько букв в его имени» (с. 156).	«…когда дойдет до *здоровья* присутствующих почетных лиц или самого царя пиршества, то мы должны будем осушить по бокалу за каждую букву его имени» (с. 163).
«Смотритель <…> вышел с арены особым отгороженным входом; но, видя невозможность перепрыгнуть чрез решетку, отделявшую его от зрителей, возвратился в клетку…» (с. 173).	«Сверх стены была железная решетка <…>. Такая предосторожность была нужна для большей защиты зрителей от прыжков зверей из арены; с тою же целию и главные входы в арену были запираемы железными решетками» (с. 90).
«…из Везувия выходит огромное облако в виде исполинской сосны. Лесина вся черная, а ветви, час от часу распрост<раняясь> над их главами, горели разноцветными огнями, белыми, желтыми, красными, голубыми и зелеными» (с. 174).	«Оно подымалось кверху и распространялось в обе стороны наподобие сосны…» (с. 8).

Последнее описание, конечно, основано также на свидетельстве Плиния Младшего, отмечавшего, что вулканическое облако «по своей форме больше всего походило на пинию»,[1] а образ многоцветного дерева Гиляров составил по книге Всеволожского. Ср.: «появилось облако необыкновенной величины и фигуры; вид его уподоблялся ели, высоко возросшей и распространяющей ветви свои, белые, черноватые и разноцветные, далеко по пространству неба».[2]

[1] См.: Письма Плиния Младшего / Изд. подгот. М. Е. Сергеенко, А. И. Доватур. 2-е изд., перераб. М.: Наука, 1982. С. 105. (Лит. памятники).

[2] *Всеволожский Н. С.* Путешествие чрез Южную Россию, Крым и Одессу в Константинополь, Малую Азию, Северную Африку, Мальту, Сицилию, Италию, Южную Францию и Париж в 1836 и 1837 годах. М., 1839. Т. I. С. 45.

Однако предположение о книге Левшина как об одном из источников повести Гилярова позволяет отодвинуть верхнюю хронологическую границу при установлении датировки произведения. Кроме того, не исключено знакомство Гилярова с другими отечественными обработками помпейского сюжета — прежде всего поэмой А. В. Склабовского «Помпея» (Харьков, 1822) и повестью А. И. Шлихтера «Последний день Помпеи» (СПб., 1834), написанной под тем неизгладимым впечатлением, которое произвел на современников К. П. Брюллов своей знаменитой картиной.[1]

Во всех этих литературных произведениях для усиления драматизма используется совершенно недостоверное, как сегодня установлено, известие (встречающееся только в «Римской истории» Диона Кассия), будто бы в момент извержения Везувия помпеяне сидели в амфитеатре и наслаждались борьбой гладиаторов.[2] Применяет этот сюжетный ход в качестве кульминации и Гиляров. Однако если у Булвера-Литтона главный герой (Главк) должен быть прилюдно отдан на съедение льву за уголовное преступление (якобы совершенное им убийство), то у Гилярова собираются казнить трех христиан именно и прежде всего за исповедуемую ими новую веру. Правда, и у английского романиста потом к Главку присоединяется христианин Олинф, которого обрекают когтям тигра и который говорит речь о каменных языческих богах, что «не могут мстить»,[3] а потом, перед казнью, в темнице наставляет Главка в истинах христианства. Эти и другие сюжетные совпадения и переклички (особенно в подробном описании последней помпейской трагедии[4]), тем не менее, только больше оттеняют новаторство повести Гилярова.

Он принципиально сводит все сюжетные линии к событию *чуда,* поскольку извержение Везувия осмысляется им, конечно, не как обусловленный физиче-

---

[1] Возможный дополнительный источник гиляровских сведений о Помпее — сборник переводных статей: Собрание описаний картины Карла Брюллова «Последний день Помпеи». СПб., 1833.

[2] Ср.: «…пепел засыпал целиком два города: Геркуланум и Помпеи (в тот час все граждане Помпей сидели в театре)» (*Кассий Дион Коккейан*. Римская история // Поздняя греческая проза / Пер. с др.-греч. под ред. М. Е. Грабарь-Пассек. М.: ГИХЛ, 1960. С. 479).

[3] См.: *Бульвер*. Последние дни Помпеи. М.: Изд. Н. Степанова, 1842. Ч. III. С. 199—200.

[4] Там же. Ч. IV. С. 194—258.

скими причинами природный феномен, но как зримое участие высших сил в жизни человека, как проявление Божьего гнева, наказание за нечестие. И это чудо уже как элемент сюжетосложения, безусловно, имеет мало общего с эстетикой романтизма, но служит, по представлениям Гилярова, откровением о грядущем преображении человека и мира, возвратом к утраченной гармонии. Не случайно любимые герои Гилярова, Нумаций и Диомед, спасутся, вырвавшись — тоже *чудом* — из объятого огнем города. При этом последний, по ходу действия повести совершивший грех предательства друга, а потом, раскаявшись в содеянном, самоотверженно спасавший его из темницы, обретает новую жизнь в крещении. Этим повесть и завершается: «Драма, которой Диомед был действующим лицом, так сильно на него подействовала, что он сделал<ся> самым ревностным христианином».[1]

Гиляров написал произведение, сопрягающее в своей идейно-образной структуре церковно-историческое содержание, строго апологетическую трактовку изображаемых событий и развлекательную фабулу светской остросюжетной повести (не говоря уже о попытках — не всегда, правда, вполне успешных — создания психологического портрета, использования разного рода тропов и др.). Несколько затянутые, заметно замедляющие ход повествования проповеди старца Ипподрома, обличающего своих мучителей и их богов-истуканов и предрекающего наступление последних дней, а также его беседы с учениками в катакомбах и позже в темнице, убедительно свидетельствуют о существе литературных исканий юного автора.

Религиозные мотивы превалируют и в подчас наивно дидактических рассказах «Честолюбец» и «Случай, каких немного», включающих автобиографические мотивы. Сошедшему с ума от своего «необузданного честолюбия» герою первого из этих произведении, Евгению Д—скому, автор передоверяет свои собственные чувства и размышления «первого ученика» семинарии, которые позднее нашли частичное отражение и в книге «Из пережитого». При этом откровенно сатирические приемы, несколько утрированные описания и ремарки (к при-

[1] *Из пережитого*. Т. 2. С. 177.

меру: «Отчаяние грызло его грудь, чахотка точила сердце!»[1]) и при этом попытка изобразить психологическую драму жаждущего почестей, но неспособного стать «вкрадчивым изгибалом» героя — все это может свидетельствовать и о том, что в раннем творчестве Гиляров изживал собственные — реальные, а подчас и мнимые — свои несовершенства в процессе непрекращающегося самовоспитания. К рассказу «Честолюбец» тематически примыкает произведение «Я еще молод», построенное как саморазоблачение исповедующегося героя, но, к сожалению, оставшееся недописанным (либо несохранившимся) — до нас шел лишь черновой набросок начала.

Рассказ «Случай, каких немного», представляющий собой внутренний монолог умирающего от чахотки героя, который после кончины становится участником события Страшного суда, имеет традиционную мотивировку — сон героя, находящегося между жизнью и смертью, которому все только привиделось. Впрочем, если судить по варианту названия, отвергнутому позже, — «Письмо с того света»,[2] — не исключено, что первоначальный замысел Гилярова был куда более оригинален: послание свидетеля посмертного воздаяния как бы наводило мост из мира пакибытия в мир земной эмпирики. Следы сохранились и в окончательном тексте: в самом конце герой настаивает на реальности своего видения: «…это не мой суе<тный> вымысл, не за<тем> мне так снилось, что это *мечта*, *сон*!..»[3]

На замысел этого произведения несомненно оказало влияние чтение фантастической повести О. И. Сенковского «Записки домового» (1835), с которой Гиляров познакомился в августе 1839 г.:[4] ее начало также представляет собой монолог умирающего от чахотки; рассказ Гилярова изобилует образно-стилистическими соответствиями с повестью Сенковского. Однако вторая половина повести последнего с ее остросатирическими, гротесковыми образами мертвецов, чертей, домовых, а также любовными мотивами, как видно, оставила

[1] Там же. С. 137.
[2] ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 3. <№ 11>. Л. 12 об.
[3] *Из пережитого*. Т. 2. С. 144.
[4] См. дневниковую запись от 26 августа 1839 г. (Там же. С. 115).

равнодушным юного читателя-семинариста. Он насыщает свое произведение покаянно-автобиографическими чертами (герой умирает «на чужой стороне», хотя и у родных, к нему приезжает отец, — это соотносится с жизнью Гилярова в семье старшего брата в период обучения в Московской семинарии) и строит сюжет в духе христианского реализма: после смерти героя и по прошествии многих «лет, веков, тысячелетий» он становится свидетелем апокалипсических событий. В этой части произведения Гиляров широко использует свое учебное сочинение по риторике «Страшный суд».[1]

Упомянутые беллетристические опыты Гилярова интересны и своими стилистическими экспериментами, в которых он от ученического подражательства Карамзину, Гоголю, Сенковскому возвращается к читательским пристрастиям своего детства, к словоупотреблению и синтаксису церковной книжности — прежде всего житийной прозы и гомилий (особенно это очевидно для «Случая, каких немного» с его непосредственной опорой на Евангелие от Матфея), при этом как бы *воцерковляя* под своим пером современную ему светскую прозу. Тогда, во второй четверти XIX в., реформа литературного языка была как раз живым фактом. У Гилярова налицо попытка удержать смыслообразование и ценностный потенциал духовной литературы при переходе от традиционных, защищавшихся А. С. Шишковым и его единомышленниками, речевых норм к карамзинистско-пушкинским. При этом заметный порой у Гилярова переизбыток метафор и эпитетов в романтическом вкусе, подчас неумеренное использование образно-семантических клише, заимствованных из рядовой журнальной беллетристики, соприкасаясь с архаическими пластами речи, создают не вполне ровный и художественно оправданный, но весьма выразительный стиль.

Стихотворения «Два бедняка» и «Смерть грешника», наряду с пейзажной зарисовкой «Летняя ночь», — представляют собой единственные известные на сегодня версификаторские опыты Гилярова. Они прежде всего любопытны в свете высказываний Гилярова, что он никогда не сочинял стихов. В мемуарах (глава «Книжный мир») он писал: «Замечательная вещь: к стихам я вкуса

[1] ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 3. <№ 12>. Л. 1—2.

не имел и не имел терпения их читать. Признаюсь в своем недостатке: стихотворная форма до сих пор не находит отзвука в моей душе; хотя я не лишен способности ценить стих, но ценю его внешним образом. Никогда во всю свою жизнь не мог я выжать из себя стишонка и никогда к этому не чувствовал позыва».[1] Гиляров считал такое восприятие стихов своей личной особенностью и называл ее идиосинкразией. Показательна в этой связи одна ремарка историка и издателя П. И. Бартенева (литературного недоброжелателя Гилярова): «Чувство изящного слабо развито вообще у лиц происхождения духовного, может быть, от идеалов недостижимой святыни, в которых они вырастают. Вспомним, что Н. П. Гиляров, при всей своей даровитости, вовсе не ценил стихов Пушкина».[2] Д. А. Хомяков выступил с решительным опровержением этой легенды (о якобы чуть ли не патологическом нечувствии Гиляровым пушкинского поэзии).[3] Об этом, между прочим, самоочевидно свидетельствуют также пять гиляровских статей о «величайшем из наших поэтов»,[4] своими идеями предвосхитивших некоторые оценки Пушкина в знаменитой речи Достоевского 1880 г. и более поздних работах русских религиозных философов, как это убедительно показал Б. Ф. Егоров.[5]

Сюжетное стихотворение «Два бедняка» мелодическим рисунком напоминает духовные стихи, и прежде всего ту группу, которую принято называть «Праведники и грешники (раскаявшиеся и нераскаявшиеся)»,[6] и из них самое хрестоматийное — «Два Лазаря». Правда, у юного Гилярова налицо попытка выйти за рамки жанра — фабула его произведения ориентируется не столько на евангельскую притчу, сколько на басню с ее откровенно дидактической концовкой и насыщенностью посторонними, отнюдь не вневременными, деталями

[1] *Из пережитого*. Т. 1. С. 122.

[2] Цитируем подстрочное редакционное примечание к публикации мемуаров Ф. А. Гилярова в «Русском Архиве» (1904. Кн. II, вып. 6. С. 285).

[3] *Д. Х. <Хомяков Д. А.>*. Н. П. Гиляров о Пушкине // Там же. 1900. Кн. III, вып. 12. С. 640—642.

[4] См.: *Сб. соч*. Т. II. С. 476—492.

[5] См. об этом: *Егоров Б. Ф.* Православные мыслители о Пушкине // *Егоров Б. Ф.* От Хомякова до Лотмана. М.: Языки слав. культуры, 2003. С. 153—155.

[6] См.: Стихи духовные / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Ф. М. Селиванова. М.: Сов. Россия, 1991. С. 190—220.

(главный герой крестится на церкви, поселяется в избе, он разорен кредиторами и др.), и даже побочными персонажами (богач с говорящим именем Златон). Есть тут и попытка изобразить психологическую эволюцию героя (правда, не объясняя ее никак) — его нравственное падение. К тому же и справедливое воздаяние за него получает он не в загробном мире, а уже в земном.

Стихотворение «Смерть грешника», впрочем, по содержанию еще больше напоминает именно духовные стихи — вроде таких, как «Ожидание смерти», «Плач души грешной» и т. п. Но у Гилярова тут уже и формально не речитативный акцентный стих, а почти всюду последовательно выдержанный шестистопный ямб, да и покаянные мотивы стихотворения слишком проникнуты личным сознанием с его всеразъедающей рефлексией (размышлениями о бытии Божием, о реальности ада), что еще более отдаляет его от фольклорного источника. Интересны тут и языковые эксперименты: на фоне лексических и стилистических церковнославянизмов («приидет», «при дверях гроба», «на одре болезни смертной» и др.) повышенную эмоциональность приобретают немногие просторечия («бабий бред», «россказни»). Все это усиливает ощущение психологической достоверности предсмертного монолога лирического героя. То же можно сказать и об упоминавшемся выше этюде «Страшный суд» с традиционным для народной поэзии образом Христа как Божественного Судии. Любопытно, что одним из источников образно-стилистических заимствований и подражаний в «Смерти грешника» и «Страшном суде» стало описание помпейской трагедии в той же книге Н. С. Всеволожского «Путешествие чрез Южную Россию…» (М., 1839).

«Летняя ночь» — наиболее совершенный опыт гиляровской версификации. И безусловно, это восторженное, исполненное свежим, молодым чувством излияние не могло выйти из-под пера Гилярова, не будь он внимательным читателем не только Ломоносова, также размышлявшего в своей пейзажной лирике «о Божием величии», но и Жуковского с Пушкиным. Торжественно размеренное описание в начале:

Вот солнца луч чуть-чуть трепещет,

И бледный свет на небе блещет,
И тихо, тихо заходило
Великолепное светило —

исподволь переходит в бытовую зарисовку с прерывистым ритмом:

Потом вдруг вспыхнул огонек
На берегу большой реки,
Где ужинали рыбаки;
А тут прохладный ветерок
Пахнул, и в ту ж минуту вдруг
Преисполняется весь луг
Душистым запахом цветов.

Мир человеческий тут встроен в мир природный и сосуществует во взаимодополняющем единении с ним именно как элемент дарованной свыше гармонии.

Историко-публицистическое сочинение «Александр Благословенный, или Упование на Бога все побеждает» представляет собой черновой, не перебеленный текст, содержащий обильную правку (не исключено, что — хотя бы частично — не только самого Никиты Петровича, но и его брата о. Александра). Это типичное риторическое рассуждение по гражданской истории со всеми особенностями классической ораторской речи. Следует отметить, что здесь Гиляров проявляет свою обширную начитанность, в качестве дополнительных аргументов к доказательству выдвигаемых им тезисов упоминая многоразличные факты как Священной истории, так и современной ему всемирной (события наполеоновских войн). Завершается сочинение, выдержанное в высокоторжественном, витийственном стиле, несколько неожиданно — народной пословицей «Надейся на Бога, да и сам не плошай!», звучащей не как логически выверенный вывод, а как своего рода ответвление от темы, факультативный штрих.

Среди наиболее вероятных источников, на которые опирался Гиляров, называя те или иные факты из жизни Александра I, следует назвать упомянутые в его дневниках труды: 1) История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812-м году. С официяльных документов и других достоверных бумаг Российского и Французского генерал-штабов, сочиненная его императорского величества флигель-адъютантом полковником Д. Бутурлиным. С французского же на российский язык переведена Свиты его императорского величества по квартирмейстерской части, генерал-майором А. Хатовым. 2-е изд. СПб.: В Воен. тип., 1837. Т. I. <2>, XV, 415, 9 с.; 1838. Т. II. <4>, 418, V с.; 2) Записки о походе 1813 года А. Михайловского-Данилевского. 2-е изд. <СПб.: Тип. Рос. академии>, 1836. <4>, X, 559 с.,[1] а также: Письма русского офицера о Польше, австрийских владениях, Пруссии и Франции. С подробным описанием похода россиян противу французов в 1805 и 1806, также Отечественной и заграничной войны с 1812 по 1815 год. С присовокуплением замечаний, мыслей и рассуждений во время поездки в некоторые отечественные губернии. Писаны Федором Глинкою. М.: Тип. С. Селивановского, 1815. Ч. I—VII; 1816. Ч. VIII. Все эти дорогие издания Гиляров скорее всего брал на прочтение в библиотеке купца И. И. Мещанинова, в московском доме которого был нередким гостем.[2]

Если в «Александре Благословенном» на первый план выходит проблема безоглядной веры в Божественный промысл, то в центре сходного по замыслу сочинения (оба писались под впечатлением от чтения любимого Гиляровым Плутарха) — и тоже по гражданской истории — «Леонид при Термопилах» — идеи самопожертвования и патриотизма.

Очень интересно гиляровское упражнение по риторике — «параллель» «Две Цицероновы речи за Архия и за Марцелла». Как и сочинение о вожде спартанцев, оно принципиально лишено, казалось бы, напрашивающихся религиозных аллюзий (в случае с Леонидом, например, — христоподобные черты его подвига). Из двух знаменитых речей римского оратора Гиляров, как и следовало

[1] См.: *Из пережитого*. Т. 2. С. 110—112.
[2] См.: Там же. С. 104, 123.

ожидать, предпочитает не гладкую и досконально расчисленную речь «за поэта Архия», а сказанную без всякой подготовки эмоциональную речь за бывшего сенатора, изгнанника Марцелла. Тут сказалась, конечно, гиляровская любовь к вдохновенной импровизации, словесному творчеству здесь и сейчас, на глазах у слушателей, без предварительного обдумывания, превращающего, по его убеждению, публичное выступление в схоластическое упражнение, убивающее живую душу *трактации*, как было принято в семинарии называть ораторские речи и церковные гомилии (проповеди), созданные по всем правилам риторического искусства. «Эта речь говорена языком живого неприготовленного разговора. Та же сила и разительность в выражениях; та же живость в оборотах, какие слышим в изустной беседе» — в устах Гилярова это высшая похвала. Сознавая все же, что «в отношении расположения речь за Архия своею правильностию далеко превосходит речь, говоренную за Марцелла»[1] и что в апологии Архия «мы не найдем ни одного слова лишнего или стоящего не на месте; здесь все кстати, все к месту»,[2] — он тем не менее предпочитает именно речь в защиту Марцелла, ее цитирует обильно, а из речи за Архия приводит лишь три фрагмента, без которых не обойтись, — прежде всего знаменитый гимн о пользе наук и искусств, в русской культуре приобретший популярность благодаря Ломоносову. «На обертке каждой азбуки, — отмечает Гиляров, приводя неточную цитату, — вы найдете:

Науки юношей питают,
Отраду старости дают и проч.».[3]

Потому и о русском проповедничестве Гиляров всегда был невысокого мнения. В мемуарах (глава XVI «Приход») он пишет: «…церковное красноречие, начиная с киевских ораторов, наехавших в Москву двести лет назад, и до сего

[1] *Гиляров-Платонов Н. П.* Последние дни Помпеи: Семинарские опыты в стихах и прозе (1837—1843). С. 130.
[2] Там же.
[3] Там же. С. 133.

времени, было более риторством, нежели ораторством, не было сердечною, от души идущею проповедью. Исключений немного. И народ, сердцем прослышав это, в общем, холодно отнесся к проповеди, доселе не признав за нею существенного дополнения к богослужению».[1] В главе LII «Проповедничество» Гиляров подробно описывает свои страдания, когда требовалось составить церковное «слово», и шлейф, протянувшийся на всю жизнь от этих переживаний: «…меня десятки лет посещал кошмар в виде приближающейся обязанности писать проповедь. Беспокойство, страх, невероятное напряжение ума и... полное бессилие!»[2] Это была все та же внутренняя неспособность к фальши, к расчетливой декоративности, плетению словес, раз дело касалось сокровенной духовной жизни, и тут он ничего не мог поделать со своим врожденным максимализмом: «Проповедническая деятельность есть апостольская деятельность; Апостолы, разнесшие и утвердившие христианство, были, прежде всего, проповедники. Слово есть одно из двух естественных орудий, которым, наряду с примером, образом жития, возбуждается и воспитывается вера. <...> Пред вами законы слова и законы души человеческой в обоюдном подчинении законам истории <...>».[3]

Тем не менее сохранившиеся в архиве две проповеди Гилярова семинарского периода — «Слово в неделю XXXII по Пятдесятнице» и «Слово в день Святителя и Чудотворца Николая и тезоименитства благочестивейшего Государя Императора Николая Павловича» — представляют собою классические гомилетические рассуждения: первая — об «истинном милосердии» и вторая — о библейском понимании «радости» и «скорби». Не случайно ректор Семинарии архимандрит Алексий (Ржаницын), славившийся как раз как искусный проповедник, дал им довольно высокую оценку в своих рецензиях.

Собственно «рассуждения» на богословские темы представлены в уцелевших семинарских бумагах Гилярова наиболее широко, причем немалая их часть написана по-латыни. Беря за основу различные их жанровые модификации, условно (по ключевому аспекту, оказывающемуся в центре разбора) их

[1] *Из пережитого.* Т. 1. С. 113.
[2] Там же. С. 360.
[3] Там же. С. 363, 364.

можно классифицировать таким образом: *догматическое* («Каким образом Догматическое Богословие удовлетворяет стремлению человека к истине, добру и блаженству?»), *логическое* («Рассуждение о разделении свойств Божиих»), *экзегетическое* («О упразднении власти диавола крестом Иисуса Христа»), *церковно-историческое* («Что в продолжение трех первых веков христианства сделало для церкви более вреда: гонения или ереси?»), *филологическое* («Какой смысл выражений Священного Писания: *ходить во свете* и *ходить во тме*?»). Перечисленные здесь «рассуждения» опубликованы нами в 2009 г. в сборнике «Последние дни Помпеи».

Назначение своих дневников, которые Гиляров вел в 1837—1843 гг., он довольно точно определил присвоенным им названием в романтическом вкусе — «Нечто, собрание кое-чего, или Мои мечты и думы». Бóльшая их часть до нас не дошла, некоторые разрозненные страницы, как упоминалось выше, были опубликованы в 1903 г.; два фрагмента дневника — за 1839 и 1843 гг. обнаружены нами в архиве Гилярова.[1]

Эти дневники прежде всего давали ему самую простую возможность самовыражения, когда перехлестывало через край творческое возбуждение, переполняли душу впечатления от увиденного, услышанного и, особенно, прочитанного. 30 июля 1839 г. он записывал в дневнике: «Писать, писать беспрестанно, потому что письмо не может мне наскучить, не может утомить меня, и я их не сбываю куда-нибудь, — если это приятно, не только не тяготит меня, но еще облегчает мою голову, наполненную разными мечтами и думами. Итак, вот определение моего *нечто* и причина, по которой я начал его писать. Мое *нечто* есть сброд всех дум и мечтаний, теснящихся в моей голове <…> нечто, *собрание кое-чего*, сброд кое-каких мыслей, а если угодно, по моему определению, не может иметь строгого плана, ни особенной цели или сознательной необходимости. Это так.... *нечто*».[2]

---

[1] ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 32. Л. 1—6 об.; Ед. хр. 58. <№ 1>. Л. 1—3 об.

[2] *Из пережитого*. Т. 2. С. 107.

Однако помимо желания «облегчить голову» дневники выполняли и другие функции — прежде всего самопознания и исповеди. Вот 13-летний подросток впервые, укоряя себя в лености, формулирует нравственные принципы, звучащие пока по-детски наивно: «Я буду писать о других, а о себе ничего. Жалко потерять день понапрасну! Да, понапрасну! Болтать пустяки грех, а я читал *от нечего делать*, следствен<но>, пустяки! <…> Что же делать? Бог милостив! Что-то будет завтра? Такой ли день пустяшной или дельной какой?» (запись от 10 сентября 1837 г.).[1] И, к примеру, — спустя годы — в очередной раз предъявление требований к себе, сменяющееся отчаянием с апелляцией к евангельской мудрости (Мф 26: 41; Мк 14: 38): «Я намерен, или, лучше сказать, я желал бы, вести жизнь самую регулярную, в которой бы было все расчислено по часам, когда и чем заниматься, делом или бездельем, и даже если делом, то именно каким. Но — Боже мой! — сколько я давал себе таких обещаний?! Дух бодр, а плоть немощна» (запись от 1 января 1843 г.).[2] Есть здесь место и религиозным сомнениям. Юный Гиляров записывает: «Конечно, Св. Отцы во многом ошибались <…> они не везде правду говорили. Этому лучшим доказательством служит то, что мнения одного Отца противоречат другому. <…> И это ничуть не опровергает их святости. Эти добрые старики молились Богу и делали добро, и за это попали в святые...» (запись от 27 декабря 1840 г.).[3]

Задача запечатлеть свою эпоху («Как любопытно бы было мне писать историю моего времени»[4]) тоже ставилась Гиляровым, но она все-таки несколько отодвигалась на задний план. Да он и не способен был вести регулярный дневник-хронику по самому складу своей натуры, ему недоставало для этого необходимой меры педантизма. Поэтому он, с одной стороны, несколько раз начинал дневник и бросал его, а с другой — у него получалась какая-то смесь, действительно — «собрание кое-чего»: поденные записи в собственном смысле вперемежку с выдержками из книг и журналов, размышлениями, эмоциональными

[1] Там же. С. 106—107.
[2] Там же. С. 131.
[3] Там же. С. 130.
[4] Там же. С. 117.

выплесками, случайными заметками. Встречаются в юношеских дневниках упоминания о ближайшем окружении — о родных и знакомых, однако несомненно, что главным объектом Гилярова всегда была его собственная персона, он сам — погруженный в свои переживания, обретающийся в «фантастических полетах»,[1] стремящийся понять и объяснить себя.

Дневники подтверждают и то, что в юности Гиляров серьезно подумывал о будущем писательстве. Очевидно, что некоторые их фрагменты, прежде всего те, где особенно заметен налет романтической рефлексии и избыток тропов, подверглись тщательной художественной обработке и, видимо, были перенесены в дневник из предварительных черновиков. Не случайно же и его выписки из художественных произведений выглядят чаще как некие сюжетно-стилистические образцы, а не как подборка, к примеру, «мудрых мыслей». Исподволь традиционные дневниковые записи уступают место беллетристическим наброскам и приобретают жанровые приметы записных книжек, а то и вовсе писательских творческих рукописей.

Но поначалу юный автор вчитывается в журнальную прозу своего времени и проходит через искус подражательства, понемногу изживая на кончике своего пера литературные штампы рядовой беллетристики. Случай из собственной жизни, например, описывается им так, как требовал тогдашний «стилистический этикет»: «Кто вообразит мою радость? Я сам не могу этого описать и, по примеру многих писателей, сказал бы, что бросаю перо в такую минуту, если бы не было мне стыдно писать ложь пред читателями, которые тотчас заметили бы, что после самых слов *бросаю перо* — я начинаю продолжать. Часу во втором какой-то мальчик в сильно изношен<ном> сюртуке шел с кулечком по дороге из Поддевича к Рого<жской> заставе. Кто это? Это я, я сам, собствен<ною> своею особою» (запись от 30 июля 1839 г.).[2]

То и дело в дневниках воспроизводятся традиционные для литературы того времени образно-семантических клише. Однако при этом, прорываясь сквозь

[1] Там же. Т. 1. С. 138.

[2] Там же. Т. 2. С. 108. Здесь редакторы издательства «Наука» унифицировали «Поддевича», заменив его на «Поддевичья»

подобную, эпигонскую, по сути, словесную вязь, регулярно актуализируется христианский контекст: «Уж полночь! — подумал я. Как скоро летит время; я не видал, как прошел вечер. Да я и не заметил даже, как пролетела вакация!.. Завтра первое сентября, настал конец отдыха. *Кончилось, конец* — какие несносные слова! Они всегда напоминают мне тленность всего земного. Все здесь кончится; кончится и наша жизнь, и горе тому, кто не успел надлежащим образом располагать временем, кто во всю жизнь собирался только жить и просыпается лишь тогда, как грозная коса засверкает над его головою».[1]

Любопытно, что в юношеских дневниках находим и попытку Гилярова теоретически осмыслить свои эстетические искания. Он видит в усваиваемой им риторической культуре и литературном творчестве вообще исключительно средство душеспасения. При этом стилистически это его задушевное исповедание, естественным образом включающее в себя библейские реминисценции, приближается к проповеди: «Если я что-нибудь знаю и если я еще что-нибудь приобрету, еще сколько-нибудь уменья говорить красноречиво (а у меня его еще так мало!), то куда его употребить, как не на пользу ближним? <…> Если я обратил кого-нибудь к добродетели, значит, я умею убедить. Убедить — приятная мысль! Но в чем убедить? Убедить не в пустых каких-нибудь умозаключениях, сделать впечатление не суетное или даже порочное, возбудить страсти не злые и порочные, как некоторые писатели, хвастающие своим уменьем действовать на душу. О, нет! <…> внушить <...> любовь к добродетели и ненависть к пороку — вот истинная и славная победа над умом и сердцем человеческим, вот истинная слава красноречия!» И далее: «...я вижу одну только пользу от наук, и для одной только цели, думаю, должно учиться. Эта цель — Бог и добродетель. Все, что может способствовать к большему нашему познанию Бога и нашему приближению к Нему, то я считаю полезным, а что служит только к суетному надмеванию ума нашего, то — вред, жестокий яд <...>»[2] (запись за июнь 1840 г.).[3]

---

[1] Там же. С. 116.

[2] Там же. С. 119, 120.

[3] Подробнее о юношеских дневниках Гилярова см.: *Дмитриев А.* Становление речевой личности христианина (на материале дневников и писем молодого Н. П. Гилярова-Платонова)

Таким образом, определив для себя принципы писательского делания как некоей жизненной жертвы, подвижничества во имя ближних, Гиляров поначалу предпринял эксперимент: отталкиваясь от современной ему светской беллетристики, он искал новые пути в творчестве и интуитивно подходил к искусству дидактического, морализаторского характера. Между прочим, в том же русле шли духовные поиски и у великих — например, у Пушкина с его поздней молитвенной лирикой, у Гоголя с его «Выбранными местами из переписки с друзьями» или у Л. Толстого с его религиозно-нравственными трактатами. Даровитый семинарист сердцем ощутил тот предел, «где дышат почва и судьба» русской литературы, где для нее начинались не только названные произведения, но и, например, «Семейная хроника» С. Аксакова и романы Достоевского, где во весь голос звучал специфически русский ответ миру на вечные вопросы.

Ощущение некоей несовместимости изящной словесности с ее образно-стилистической игрой, услаждающей, но не просветляющей душу, и христианского мирочувствия, настраивающего ее на строгий, аскетический лад, видимо, явилось главной причиной того, что Гиляров впоследствии избрал строго аналитическую (научную и публицистическую) стезю в литературе. Причем до конца жизни, за малыми исключениями, вовсе не подписывал своих статей либо публиковал их под различными псевдонимами. Как уже упоминалось выше, делал это из принципиальных христианских соображений: он всегда хотел, чтобы истина говорила сама за себя, убеждая читателя самоочевидными доводами, а, к примеру, не давя на его сознание авторитетом дипломированного ученого и не служа источником авторского тщеславия.

Какого масштаба художника слова потеряла при этом русская литература, показала гиляровская книга «Из пережитого», которую от семинарских дневниковых и беллетристических опытов отделяло более сорока лет. В ней ярко и выпукло, как ни в каком другом русском мемуарном источнике, воссоздан исконный православно-русский быт, причем не со стороны, а изнутри, любовно и со

// Dzienniki, notatniki i listy pisarzy rosyjskich: Ego-dokument i literatura / Instytut Rusycystyki Uniwersytetu Warszawskiego. Warszawa, 2007. С. 47—62.

знанием дела. В сущности, эти мемуары с их принципиальной установкой на автобиографизм и выросли из звучащих в юношеских поденных записях религиозных сомнений и покаянных мотивов, с которых начинался длительный процесс самовоспитания, умственного и духовного саморазвития в духе христианского гуманизма, ставшего, по убеждению, например, Н. П. Аксакова, главным делом жизни Гилярова: «Вся жизнь его была посвящена выработке в себе полного, внутреннего человека, своеобразно и самобытно отзывающегося на все человеческое, чутко стоящего на страже всего человеческого, где бы таковое ни проявлялось».[1]

3.2. «Автобиографические воспоминания» «Из пережитого» (1884—1887): жанр, композиция, творческая история, прижизненная критика

В последнем письме к князю Н. В. Шаховскому (оно было прервано смертью и оказалось недописанным) Гиляров высказался о своем понимании религиозной веры как основы самосовершенствования и духовного возрастания человека, с одной стороны, и главного условия общественно полезного творческого делания и подлинной свободы, с другой: «Духовный мир есть мир свободы, и внутренний прогресс возможен только личный, истекающий из веры <...>».[2] И здесь же дал довольно суровую оценку нравственного состояния современного ему русского общества: «Вера утрачена или обращается в фетишизм; должно естественно при этом иссякать и творчество, и чувство свободы».[3]

Это был вкратце сформулированный гиляровский ответ на ключевой вопрос эпохи «Что делать?». В развернутом виде этот ответ получил впечатляющее воплощение в обширном мемуарном повествовании «Из пережитого», обладающем существенными жанровыми чертами эпопеи, поскольку хронологически

---

[1] Речь Н. П. Аксакова на могиле Н. П. Гилярова-Платонова // *СИ*. 1887. 21 окт. № 288. С. 2.

[2] Цит. по: *Шаховской Н. В.* Никита Петрович Гиляров-Платонов: Краткий публиц. очерк. Ревель, 1893. С. 70. См. полный текст письма во 2-м томе наст. диссертации.

[3] *Шаховской Н. В.* Никита Петрович Гиляров-Платонов. С. 69.

оно посвящено важному, кризисному периоду в духовно-нравственной жизни страны, пришедшемуся на вторую четверть XIX столетия и подготовившему национально-исторический переворот, связанный с эпохой Великих реформ. Гиляровские воспоминания являют собой, пожалуй, самую выразительную картину быта и нравов русского православного духовенства XVIII—XIX вв. В этом смысле они, соизмеримые по своим художественным достоинствам и познавательной ценности с лучшими образцами отечественной мемуарной прозы, представляют в определенном смысле параллель к такой, например, эпопее, как «Былое и думы» Герцена, только изображаемое Гиляровым дано изнутри православно-русского сознания, а не либерально-западнического. Впрочем, как справедливо считал Гиляров, «ни в одном космополите не вытравливается никогда дочиста народность; оттого и в Герцене, несмотря на его атеизм, сказывался православный и даже ближе — православный русской народности»,[1] что, очевидно, и стало внутренним источником эпического мироотношения в «Былом и думах».

Отметим, впрочем, что В. А. Котельников предпочитает более осторожное, образное определение жанра «Из пережитого» — «движение в сторону эпики». Он пишет: «Вдумчивая наблюдательность Гилярова, направленная и на оригинальные человеческие экземпляры, и на внешние и внутренние свойства разнообразных типов, с помощью даровитого пера его обогатила мемуары зарисовками самобытных личностей и характерных “анекдотов” того времени. <…> Таких тем, фигур, сюжетов у него оказывается очень много, и при чрезвычайной плотной и достоверной фактической основе, при углубленной нравственно-психологической рефлексии его мемуарное повествование очевидно движется в сторону настоящей автобиографической эпики».[2] Не менее важно учитывать и такую черту жанрового своеобразия «Из пережитого», как публицистический, или, лучше сказать, учительно-проповеднический, его элемент, конечно, ненавязчивый, далекий от сухой, нехудожественной дидактики. На это обратил внимание О. Г. Панаэтов: «Повествование Гилярова можно отнести к так называе-

[1] *Сб. соч*. Т. II. С. 218 (очерк «Логика раскола, 1885).

[2] *Котельников В. А*. Ἱστορία-historia-история: история и эпика в их единстве и раздельности // *Гиляров: ИМБР*. С. 30.

мой “одушевленной публицистике”. Так писали Н. В. Гоголь (“Выбранные места из переписки с друзьями”), Ф. М. Достоевский (“Дневник писателя”), Л. Н. Толстой (“Исповедь”), К. Н. Леонтьев (“Четыре письма с Афона”), В. В. Розанов (“Опавшие листья”, “Уединенное”)».[1]

Известно, что неудержимое развитие личностных жанров — воспоминаний, дневников, писем исповедального характера, — характерное для эпохи романтизма с его «апофеозом личности», во второй четверти XIX в., в период детства и юношества Гилярова, несколько тормозилось неподходяще суровыми для их публикации условиями Николаевского правления. И только с началом нового царствования, в эпоху либеральных реформ, начинается массовое печатание этих ценных материалов: они выходят отдельными изданиями и в составе сборников, их охотно публикуют «толстые» журналы, еженедельники и даже ежедневные газеты. В 1863 г. возникает особый журнал, специализирующийся на произведениях мемуарно-дневникового характера, — «Русский Архив»; позднее к нему добавляются «Русская Старина», «Исторический Вестник», «Киевская Старина» и др. Причем печатаемые здесь свидетельства прошедших времен находятся в центре общественного внимания, интерес к ним вовсе не ограничивается узким кругом архивистов и историков.

Любопытно, что Чернышевский, к примеру, в 1856 г. объяснял необыкновенный успех аксаковской «Семейной хроники» (который ему в целях литературно-партийной полемики, конечно же, хотелось несколько умалить) просто наличием в обществе «сильной потребности в мемуарах».[2]

Острое ощущение непреходящей ценности быстротекущей жизни во всех ее проявлениях и желание сохранить на бумаге многоразличные мелочные подробности своего времени были присущи Гилярову с раннего возраста. Первые попытки реализации этих творческих замыслов относятся еще к периоду обучения в Коломенском духовном училище (правда, дошли до нас только отдельные дневниковые записи за 1837 г.). В 16 лет, 1 января 1840 г. он, в очередной раз

[1] *Панаэтов О. Г.* Тема семьи в мемуарной прозе Н. П. Гилярова-Платонова // *Возвращение*. С. 47.

[2] *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч.: В 15 т. М.: Гослитиздат, 1947. Т. III. С. 699.

начиная свой дневник, высказывает свое заветное желание: «Как любопытно бы было мне писать историю моего времени».[1]

В эту семинарскую пору, особенно же с 1842 г., как упоминалось выше, близким другом Гилярова становится Василий Сперанский, который тогда же начинает писать свои мемуары под названием «История моей жизни». Первая часть, посвященная раннему детству[2] и учебе в духовном училище и семинарии, создавалась в 1844 г., вторая, описывающая годы учебы в Московской духовной академии, — в 1846, 1856—1857 и 1869 гг., а третья, посвященная преподавательской и пастырской службе в 1850-х гг., — в 1859 г.[3] По крайней мере, о существовании первой, недописанной, части этих воспоминаний не мог не быть осведомлен Гиляров. Любопытно, что одна из пяти главок должна была называться «Мои предки» (она не написана вовсе) — почти так же, как и глава II «Из пережитого» («Предки»).

Во «Вступлении» Сперанский декларировал: «…история каждого отдельного лица должна состоять не только из повествования о внешних обстоятельствах и происшествиях, имевших на него влияние, но и из раскрытия его внутренней, духовной жизни, т. е. должна еще показать, как постепенно развиваются в нем способности познавательные, чувствовательные и деятельные и как одна берет перевес над другою. Точно так и я стану изображать свою жизнь».[4] Можно предположить, что друзья в свое время обсуждали принципы, так сказать, образцового мемуарного повествования как некоего психологического исследования своей личности, особого «романа воспитания», основанного на процессе кропотливого самопознания, потому что гиляровские воспоминания, написанные 40 лет спустя, в общем-то не отступают от позиций, избранных в юности Сперанским. При этом необходимо заметить, что добросовестная, хотя и куда более скромная по своим задачам «История моей жизни» добавляет немало интересных подроб-

[1] *Из пережитого*. Т. 2. С. 117.

[2] Об этой части воспоминаний см. в разделе 1.1. См. также: *Панаэтов О. Г.* Тема семьи в мемуарной прозе Н. П. Гилярова-Платонова // *Возвращение*. С. 46—57.

[3] Воспоминания Сперанского отложились в РГБ (Ф. 649. Карт. 1. Ед. хр. 4—6). Объем, соответственно: 19, 48 и 34 л.

[4] Там же. Ед. хр. 4. Л. 1.

ностей к картине, созданной Гиляровым, однако, безусловно, проигрывает последней в художественном отношении.

Важные свидетельства о том, что Гиляров писал мемуары о своем детстве и юности в годы обучения или, во всяком случае, в период преподавательской деятельности в Московской духовной академии, содержат дневниковые записи Веры Аксаковой за 1854—1855 гг.

После одного из первых, судя по всему, визитов Гилярова в Абрамцево, 17 ноября 1854 г., она, находясь под сильным впечатлением от его устных воспоминаний, отмечает: «Гиляров — человек очень умный и замечательный; его рассказы чрезвычайно интересны; он знает жизнь с таких сторон, какие мало известны между нами. Он обещал прочесть свои записки».[1] Но тут же добавляет о какой-то безотрадности, повеявшей на слушателей, когда они вслед за своим речистым проводником прошлись по неведомым им ранее мрачным закоулкам духовного быта, и о сочувствии к драматическим изломам в судьбе талантливого молодого ученого: «Но личность его как-то делает тяжелое и унылое впечатление, и в характере его есть черты не очень приятные. Положение его, как лица, вышедшего из духовного звания и постоянно находящегося под гнетом духовной власти, давящей всякое свободное движение жизни в душе человека, весьма тягостное».[2]

Через 5 месяцев, 19 апреля 1855 г., — новая запись о Гилярове: «Много рассказывал он нам чрезвычайно любопытного о своем детстве, юношестве, о том, через какие темные стороны жизни должен был он пройти: у него есть записки его жизни, которые он давно уже обещает прочесть нам. Они должны быть чрезвычайно любопытны во всех отношениях».[3] Больше в дневнике В. Аксаковой об этих ранних гиляровских мемуарах не упоминается, да они и не сохранились.

Почему же Гиляров так и не показал Аксаковым свою рукопись, хотя неоднократно обещал сделать это? Можно предположить, что записки его в то

[1] *Аксакова.* С. 88.
[2] Там же.
[3] Там же. С. 192.

время только создавались, были в сыром, далеком от завершения виде. А потом, очевидно, погибли в огне. О пожаре, случившемся у Гилярова на даче летом 1856 г., он сообщал в вышецитированном письме к одному из своих бывших слушателей по Московской духовной академии Н. Ф. Глебову (от 25 октября 1857 г.): «…Вы, вероятно, знаете о моем прошлогоднем несчастии. На даче, где я жил прошлого года, у меня был пожар; и почти все мои бумаги сгорели. Потеря ужасная и почти невознаградимая».[1]

Подтверждает тот факт, что Гиляров в молодости действительно работал над своими воспоминаниями, и его признание в уже упоминавшемся письме к Суворину от 23 августа 1872 г. Говоря о годах своего обучения в начальной и средней духовной школе, он писал: «Эта часть жизни могла бы дать занимательное содержание мемуарам, которые было я и начал когда-то».[2]

Видимо, уже в первых вариантах отчетливо выявлялся автобиографизм как принципиальная черта этих воспоминаний. Продолжим выписку из дневника В. Аксаковой. Сразу же после пространных рассказов Гилярова о его детстве и юности разговор в абрамцевской гостиной «перешел как-то на то разнообразие самолюбия в каждом человеке <…> Константин сказал Гилярову откровенно и добродушно, что он, т. е. Гиляров, слишком постоянно занят самим, т. е. беспрестанно с самим собой возится, в себя самого погружен, что это ему мешает обращать внимание на других <…>».[3]

К написанию «Из пережитого», или, по первоначальному, более нейтральному названию журнальной публикации, — «Из прожитого»,[4] Гиляров приступил, казалось бы, по внешне случайному поводу в марте 1884 г. Оказавшись на грани разорения, он, как уже говорилось, обратился к Суворину за помощью. 8 февраля 1884 г. Гиляров писал ему: «В бытность в Петербурге я просил Вас в

---

[1] ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 4.

[2] *Из пережитого*. Т. 2. С. 208.

[3] *Аксакова.* С. 192.

[4] Самое первое название было и вовсе аскетически непритязательным — «Из прошлого», но уже в беловой рукописи начальных страниц мемуаров (переписчик, судя по почерку, вероятнее всего, старший сын Гилярова — Николай Никитич) оно зачеркнуто и сверху Гиляровым написано: «Из прожитого» (ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 28. Л. 1).

случае открыть моим трудам приют на столбцах “Нового Времени”. Случай этот наступил».[1] Суворин ответил 20 февраля, не проявив при этом особой радости от приобретения в лице Гилярова нового сотрудника.[2] Тот, видимо, не позднее начала марта отправил в Петербург свое письмо (оно сохранилось частично), где и содержатся первые упоминания о будущих мемуарах. Гиляров подтверждал здесь, что его обстоятельства беспросветны: «Я в положении критическом; чрез несколько дней могу очутиться *буквально* без куска хлеба и без крова на завтрашний день».[3] На комплимент Суворина, что слово Гилярова «веско» (тот, однако, понял это как упрек, опасение за возможную резкость гиляровской критики тех или иных явлений жизни), он отвечал: «Я резок тогда лишь, добрейший Алексей Сергеевич, когда пишу под собственною ответственностью. А потом, разве нет безобидных тем? Я некогда занимался еврейским вопросом, и у меня остались материалы. В портфеле моем есть наброски экономических статей. Давно думаю писать мемуары. Мог бы писать критические разборы. Неужели все это или хотя часть не могло бы найти у Вас места? <…> Не смею думать о себе слишком многого, но статьи мои во всяком случае не будут лишены занимательности <…>».[4]

Вскоре Гиляров, приступивший к написанию мемуаров, уже мог выслать Суворину начальные главы своего труда, — конечно же, с тайной надеждой, что тот их опубликует. В архиве князя Шаховского сохранилось недатированное черновое письмо Гилярова: «На днях я Вам пришлю две первые главы моих мемуаров. В сущности, им место было бы в какой-нибудь толстой книжке, но там проваляется несколько месяцев. Во всяком случае, мне любопытно слышать Ваш отзыв. Вы публику знаете и решите, сколь велик интерес найдет она в моих записках, по моему мнению, любопытных».[5] К сожалению, точно неизвестно, отправил ли Гиляров Суворину, как собирался, эти главы и даже предваряющее их

[1] РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 915. Л. 12.
[2] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 700. Л. 6—6 об.
[3] РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 915. Л. 13—13 об.
[4] Там же. Л. 13 об.
[5] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 483. Л. 7—7 об.

письмо (в суворинском архиве оно не обнаружено). Но уже в майской книжке «Русского Вестника» за тот же 1884 г. началась публикация мемуаров.

Редактор этого журнала, М. Н. Катков, с которым Гиляров во второй половине 1850-х — в 1860-х гг. находился в приятельских отношениях, впоследствии не раз становился мишенью довольно язвительной критики «Современных Известий» — за подчас обскурантистское содержание передовиц арендовавшихся им «Московских Ведомостей».[1] Но, несомненно, он, с одной стороны, не мог не оценить высокий художественный уровень гиляровской мемуарной прозы, а с другой — ему, видимо, было лестно оказать благодеяние собрату, редактору одной из крупнейших русских консервативных газет, и, судя по всему, он назначил Гилярову неплохой гонорар. Гальперсон вспоминала: «Работал он необычайно быстро. Каждая глава “Из пережитого”, из которых многие занимают более полулиста печатного, давалась ему в один присест. Он писал с увлечением, весь погружаясь в воспоминания, а написав, говорил: “Вот и еще сто рублей на покупку бумаги для газеты!” или “Теперь можно уплатить в типографию!” Эти переходы от нравственного и умственного наслаждения к денежным расчетам, притом расчетам не личным, а вызванным опасениями, что закроется единственный орган его мыслей, комментарий не требуют».[2]

Должен был понравиться Каткову и общий замысел мемуаров, как он вырисовывался из первых глав. Это была апология традиционной русской жизни с ее устойчивым укладом и многостороннее и вместе с тем любовное, какого до того, пожалуй, и не знала отечественная мемуаристика, изображение духовного быта. Он даже чуть ли не сразу заказал для «Московских Ведомостей» отзыв о гиляровских воспоминаниях (тот и назывался «К истории русского быта»), кото-

[1] Наиболее откровенно Гиляров высказался о «Московских Ведомостях» в своем письме к Победоносцеву от 24 октября 1880 г.: «Они были органом всякой реакции, глашатаем всякой репрессии, противником всякой свободы. Аракчеевщина — вот был их идеал». Там же о самом редакторе: «При своем несомненном таланте, при уме и образовании Катков движется только личным самолюбием, безграничным самолюбием» (*Разумевающие верой*. С. 194, 195). См. подробнее в разделе 2.1.

[2] <*Гальперсон А. М.*>. Москва, 20 октября // *СИ*. 1887. 21 окт. № 288. С. 1.

рый составил театральный критик и педагог С. В. Флеров[1] по первой их порции, опубликованной в майской книжке «Русского Вестника».[2] И это оказалась, пожалуй, лучшая статья о мемуарах, впоследствии особо ценимая Гиляровым (он будет цитировать ее в своей газете).

Безусловно, сходной, то есть достаточно высокой, была оценка воспоминаний и со стороны самого Каткова. Однако с самого начала сотрудничество с ним обернулось для Гилярова неожиданными для него огорчениями. Позже он поделился ими с Романовым-Рцы (в письме от 23 ноября 1886 г.): «Вы полагаете, что я мог бы писать в “Русском Вестнике”. Скрепя сердце я писал свою Автобиографию (деньги были нужны); но подвергался таким глупым вычеркам (от собственной руки Михайла Никиф<оровича>), что только руками разводил. Я терпел, имея в виду, что в издании книгою воспроизведу зачеркнутое».[3]

Любопытно признание Гилярова в письме к Романову-Рцы от 18 декабря 1886 г.: «…самые главы я писал большею частью в один присест каждую».[4] О том же он говорил и своему приятелю протоиерею П. А. Смирнову, а тот воспроизвел его слова в «речи пред панихидою»: «Он был не на своей дороге. Но и среди страшных и, подчас, безвыходных затруднений он сумел сохранить целыми и свою мысль, и свое чувство. Блестящее доказательство сего — его чудные “Воспоминания”. Можно ли поверить, что этому живейшему воспоминанию подробностей юности и детства самого раннего, этому тщательнейшему выяснению житейских отношений не помогала ни одна черта какой-либо записи, сделанной заранее? Все это воспроизводилось по памяти, по живому сердечному чувству. И иногда такою обильною рекою выливались из его сердца эти мысли и чувства, что один вечер давал целую главу “Воспоминаний” давно, давно про-

---

[1] *Z. <Флеров С. В.>*. К истории русского быта: «Из прожитого» Н. П. Гилярова-Платонова. Главы I—V. «Русский Вестник», 1884, май // *МВед.* 1884. 25 июня. № 174. С. 3. Краткий анализ этой статьи см. ниже.

[2] Возможно, Флеров читал воспоминания по рукописи, так как в тексте его отзыва они названы по первоначальному заглавию «Из прошлого».

[3] *Письма к Рцы*. С. 306. Подробно об искажении текста Гилярова Катковым см. в разделе 2.1.

[4] *Письма к Рцы*. С. 314.

шедшего, и столь картинных. Да, это было замечательное, необыкновенное дарование».[1]

Но на самом деле такая напряженная работа продолжалась только до тех пор, пока не были написаны коломенские главы, и вдохновение постепенно покинуло Гилярова, когда действие мемуаров было перенесено в Москву (так как в 1838 г. он поступил в Московскую духовную семинарию): в «Русском Вестнике» коломенская часть и самое начало московской напечатаны единым «куском» — с мая по ноябрь 1884 г., а потом наступил 4-месячный перерыв, после чего было опубликовано три главы — в апрельской книжке 1885 г., — и снова молчание до июльской книжки (еще четыре главы), на которой публикация была внезапно оборвана (об этом скажем ниже). Так что в катковском журнале Гилярову удалось напечатать только 53 из 63-х глав будущей книги, и то смиряясь с «идеологическими» вторжениями редактора в свой текст.

Он продумывал объем мемуаров и определялся, на чем должен остановиться. Начальнику Главного управления по делам печати Е. М. Феоктистову Гиляров писал 26 сентября 1884 г.: «Благодарю Вас за лестный отзыв о моих Воспоминаниях. Колеблюсь их далеко продолжать. Начнутся уже живые лица, о которых говорить затруднительно; да кроме того, цель моя главная: дать материал а) для истории быта, б) для психологии и в) педагогии. А там, где мой рост уже кончился, эти три интереса кончаются, начинаются другие, пусть не менее важные, но я не решил еще, благовременно ли выступать с ними в свет».[2]

На четыре месяца — с ноября 1884 г. по февраль 1885 г. — работа над мемуарами была приостановлена. Это вполне соответствовало неуемному характеру и разносторонней натуре Гилярова: ему претили регулярные, однообразные занятия, требовалось переключение на иные литературные труды. Его друзья встревожились. Князь Шаховской сетовал в письме Гилярову от 20 ноября

[1] Сочинения протоиерея Петра Смирнова, настоятеля С.-Петербургского Исаакиевского кафедрального собора. СПб., 1897. Вып. II. С. 259—260.

[2] ИРЛИ. Сигн. 9112. Л. 2.

1884 г.: «Искренно, душевно жаль, что Вы обрываете Ваши воспоминания на самом интересном. Если не для печати, то для друзей продолжите Ваши записки».[1]

Впрочем, у Гилярова были и более существенные причины для окончания мемуаров на описании семинарского курса. 17 ноября 1884 г. он подробно объяснял это тому же князю Шаховскому: «А все-таки я скоро должен остановиться. Вы недоумеваете, почему я хотел остановиться на предпоследней книжке. Потому, между прочим, что здесь начинаются живые лица; что Вы прикажете с ними делать? Совершенно объективное, беспристрастное изложение невозможно; поэтому при описании семинарского периода я не стал держаться хронологического порядка. Выходом из семинарии я уже должен остановиться, хотя, не утаю, для читателей, подобных Вам, самою интереснейшею должна стать именно дальнейшая половина. Здесь, в семинарском периоде, у меня была болезнь “искания формальной истины”, как я ее назвал. Но, начиная с конца семинарии (Богословского класса) и далее пойдет мучительный процесс истины уже не формальной, религиозно-философские сомнения, их процесс и выход из них».[2]

Пугала Гилярова и громадность будущей работы, — скакать же по верхам, писать крупными мазками, без тщательной прорисовки деталей он просто не мог по самому складу своей натуры. Он продолжал: «Но мне излагать свою исповедь по многим причинам неудобно; не говоря о других, потому уже, что потребовался бы не один том, а несколько. В конце одной из глав я намекнул, что по окончании учебного курса я переучивался. Это буквально. Так перечислять все работы, все чтения, которым я подвергал корифеев науки! Да перечислить мало: это самохвальство, а необходимо изложить, восстановить рецензии, слагавшиеся в уме по прочтении того или другого писателя… Да ведь это адский труд! Пришлось бы отчасти воспроизвести свои лекции, читанные в течение семи лет. Вот почему я должен остановиться, отчасти и к собственному сожалению».[3]

И уж принципиально отказывался Гиляров, даже в далекой перспективе, описывать пореформенное время, так как не желал привносить в свои мемуары

[1] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 720. Л. 8—8 об.
[2] Там же. Ед. хр. 503. Л. 10—10 об.
[3] Там же. Л. 10 об.

неизбежного субъективизма. Он высказывал это свое убеждение еще в 1867 г., в поминальной статье, посвященной митрополиту Филарету (Дроздову): «Мы не можем отрешиться от того, в чем сами живем, и потому не можем произнести ясного суждения. Суждение будет основано на впечатлении, на ограниченном личном опыте, и потому непременно будет односторонне, неполно и непременно пристрастно в ту или другую сторону».[1]

Главная вдохновительница воспоминаний Гальперсон 25 января 1885 г. с огорчением писала князю Шаховскому: «Никита Петрович ничего не пишет теперь: это я пишу уж по собственной инициативе. Ему даже неприятны напоминания о “Прожитом” и письмах для “Руси”.[2] Несколько дней занят был составлением записки в думскую финансовую комиссию о “неправильности в городской смете”».[3] Спустя 10 дней, в письме от 4 февраля, она поясняла: «…у него положительно разбрасывание происходит от внутреннего богатства, и дело это непоправимое. Сколько трудов у него начато, сколько статей, сколько сочинений дельных почти кончено, но он не завершает их, потому что является новый интерес, и он сосредоточивает на нем все свои силы. <…> Теперь мы заняты глаголами. <…> А воспоминания “Из прожитого” и письма для “Руси” пока остановились — не потому, впрочем, что не хватает у Никиты Петровича времени заняться ими, а потому, что он успел охладеть и к тому, и к другому и вдохновить его может случайное какое-нибудь обстоятельство. Я предлагаю ему съездить на Зацепу, где прошли первые его годы после окончания Академии: оживятся воспоминания, и мы услышим и увидим тогда продолжение “Прожитого”».[4]

Наконец, проходят еще две недели, и 17 февраля Гальперсон сообщает князю Шаховскому, что у Гилярова полный упадок сил из-за домогательств кредиторов: «Никита Петрович в последнее время очень расстроен. Я боюсь рас-

---

[1] *Сб. соч.* Т. II. С. 436.

[2] *Гиляров-Платонов <Н. П.>*. Откуда нигилизм? // Русь. 1884. 15 дек. № 24. С. 13—26. Предполагалось продолжение этого цикла «писем к И. С. Аксакову», так и не осуществленное Гиляровым.

[3] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 104. Л. 1 об.

[4] Там же. Л. 3 об.—4.

спрашивать, но думаю, что денежные дела играют не малую роль в этом настроении. Его рвут на части, ему приходится выносить невозможные вещи, и он поэтому никак не соберется с мыслями. Я употребляла все средства, чтобы привлечь его мысли к старым воспоминаниям или к вопросам, которые дали бы возможность написать отдельную статью. <…> Он утверждает, что отжил уже свой век, что он представляет собою выжатый лимон, что пора умирать, очищать место другим, и много такого, от чего сердце разрывается слушая».[1]

Но, возможно, как раз столь тяжелое финансовое положение в то время и подвигло Гилярова на продолжение хорошо оплачиваемых мемуаров, и он опубликовал еще семь глав в апрельской и июльской книжках «Русского Вестника». А вскоре разразилась гроза. Об этом Гиляров рассказывал Романову-Рцы в письме от 23 ноября 1886 г.: «Но потом вынужден был взять рукопись из редакции по следующему случаю. Помните, я обличил Мисаила, что произнес под именем своим чужую и притом уже *напечатанную* речь? За это в “Московских Ведомостях” буквально меня обругали и даже назвали *антихристом* (sic), и потом я услышал, что решено не печатать моей Автобиографии в “Русском Вестнике”. Видите, какие отношения! Если придется что серьезное печатать, то обращусь, делать нечего, к Стасюлевичу в “Вестник Европы”. Удивляетесь? Но Стасюлевич со мной хорош, а Пыпин выражался обо мне даже с отменнейшим уважением и любит читать “Современные Известия”».[2] (Следует, к слову, упомянуть: либерал М. М. Стасюлевич поместил в своем издании неподписанный некролог Гилярову, автор которого писал о его газете «Современные Известия», что он «всегда находил в ней больше практического смысла, чем в “Руси”, больше беспристрастия и уважения к противникам, чем в “Московских Ведомостях” <…>».[3] А. Н. Пыпин, постоянный, в течение многих лет, сотрудник «Вестника Европы», опубликовал обстоятельную одобрительную рецензию на воспо-

[1] Там же. Л. 7 об., 8.
[2] *Письма к Рцы*. С. 306.
[3] *ВЕ.* 1887. Т. 128, кн. 11. С. 452.

минания «Из пережитого»,[1] а позднее — и на посмертный «Сборник сочинений»[2]).

История же с прекращением печатания мемуаров в «Русском Вестнике» по духу вполне гиляровская. Понимая, что многим рискует, он не смог удержаться, чтобы не сообщить в своей газете (передовая «Москва, 9 сентября») о «психологическом факте»: викарий Московской епархии, епископ Мисаил (Крылов), открывая публичные собеседования со старообрядцами, «произнес *чужую* речь, сказанную при подобных же обстоятельствах в Калуге преосвященным Владимиром Калужским за год назад и даже напечатанную»;[3] при этом Мисаил не сослался на речь епископа Владимира (Никольского), что, по мнению Гилярова, могли использовать недоброжелатели московского викария из старообрядческой среды. Причем следует отметить, что он не первый предал гласности это событие, а перепечатал сообщение о нем из другого издания («Вестника Литературного, Политического, Научного, Художественного, с Афишами») и назвал поступок архиерея простой «оплошностью». Однако в благожелательном как будто тоне Гилярова было немало ядовитой иронии, да он и раньше критически высказывался о приемах, которые практиковал Мисаил в своей миссионерской полемике.

Уже через три дня в передовой статье «Московских Ведомостей» («Москва, 12 сентября») «Современные Известия» именовались Катковым «органом общественного безобразия», а сама «недостойная газетная выходка» была сделана, по его словам, «с нахальством, ожесточением и злобою, которые могут быть понятны только разве со стороны вожаков раскола».[4] В том же номере было опубликовано «Письмо к издателю».[5] Его автор, подписавшийся криптонимом «А. М.», истерично нападая на газету Гилярова («Это — печальная и позорная эмблема самой редакции: “отступничество и продажничество”. Редакция за-

[1] Там же. 1887. Т. 125, кн. 5. С. 392—396.
[2] Там же. 1900. Т. 204, кн. 7. С. 392—397.
[3] *СИ.* 1885. 10 сент. № 231. С. 2.
[4] *МВед.* 1885. 13 сент. № 253. С. 2.
[5] Там же. С. 3.

была, что она идет против святого дела, в угоду ослепленным тьмой неведения…»), переходил к личным оскорблениям в адрес издателя («…Церковь воспитала его на свои средства, дала ему возможность к жизни, а он вместо хлеба подает камень, вместо рыбы — змею, уязвляющую слабых и немощных в вере и жизни» и т. д.), но при этом прямо не называл его антихристом, а только «врагом Церкви», однако прибавлял: «…горько говорить, кто этот враг. Слова Св. Апостола Иоанна отвечают на это (1 посл. 2, 18—19)». Имелось в виду пророчество Иоанна Богослова о последних временах, в частности: «…придет антихрист, и теперь появилось много антихристов…»

Гиляров, перепечатав обе статьи в своей газете (такова изначально была его принципиальная позиция — давать место любым мнениям, а потом, если необходимо, аргументированно их опровергать), сопроводил их остроумным комментарием, завершающимся словами: «…а ведь из публики многие упрекают редакцию “Современных Известий”, наоборот, в клерикализме: вот и пойдите!»[1] Кроме того, Гиляров не сдержался и косвенно уколол Каткова, очень дорожившего репутацией своей газеты: «Не будем допытываться и о причинах, доведших А. М. до столь полного забвения и всяких приличий, и ответственности за печатное слово».

Вскоре Гиляров получил уведомление, что может забрать рукопись из редакции «Русского Вестника». Имеется свидетельство, что добивался этого личный секретарь Каткова, близкий его семье человек С. И. Соколов. Князь Шаховской предупреждал Гилярова в 1886 г. (письмо датируется по содержанию): «В редакции “М<осковских> В<едомостей>” есть человечек, небольшой, но как бы пришитый к особе Мих<аила> Ник<ифоровича>. Это его секретарь. Вот он имеет зуб против Вас, и зуб этот, помнится, вырос в тот самый день, как Вы продернули Мисаила за собеседование с раскольниками. Соколов величает Вас в редакции громогласно “Никитой Пустосвятом” — слов<ом>, старался Вас вышучивать».[2]

---

[1] *СИ*. 1885. 16 сент. № 237. С. 2.
[2] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 720. Л. 30.

Прошло более года, и в январской книжке журнала «Дело» за 1887 г., издававшегося в тот период приятелем Гилярова И. С. Дурново, увидели свет еще две главы воспоминаний: «Дядюшка Петр Иванович» — самая, пожалуй, художественно выразительная, заставляющая вспомнить о лучших образцах лесковской прозы, и «Дон Кихоты просвещения» — одна из наиболее глубоких, на наш взгляд, с точки зрения мировоззренческого наполнения. (Не случайно первую из названных глав Гиляров прочел 14 декабря 1886 г. в публичном заседании Общества любителей российской словесности.[1])

К этому времени, несмотря на то что ему все не удавалось завершить работу над мемуарами, уже была объявлена подписка на отдельное издание «Из пережитого»; причем выход в свет первого тома намечался на конец 1885 г. 9 апреля этого года Гиляров, имея в виду приостановку на месяц издания своей газеты, писал князю Шаховскому: «“Из прожитого”, первую часть которого я надеюсь <закончить> в неожиданно выпавшие мне неприятные каникулы, хотел бы я издать отдельной книгой, не возьмется ли Суворин? Наведите, родной, справку».[2] Однако этот план не удалось реализовать, и мемуары позже были отпечатаны в типографии не суворинской, а московского Товарищества М. Г. Кувшинова. Гиляров питал надежду, что, если он предпримет энергичные усилия, его сочинение принесет доход.

Объявление под названием «О подписке на книгу» он отпечатал на особом листке (цензурное разрешение от 6 ноября 1885 г.), где привел выдержки из ряда повременных изданий («Московских Ведомостей», «Нового Времени», «Южного Края», «Русских Ведомостей») с хвалебными отзывами в адрес мемуаров. В этом объявлении также отмечалось: «Вся книга будет состоять из двух частей, *свыше 20 листов в каждой*, на лучшей бумаге в 8 долю листа. Цена за обе части

---

[1] *Мендельсон Н. М.* Общество любителей российской словесности при Московском университете: Ист. записки и материалы за сто лет, 1811—1911. М., <1911>. Прил. С. 151. Московский обозреватель журнала «Дело» отметил, что «наиболее деятельным участником» публичных чтений в Обществе любителей российской словесности «в этот сезон явился г. Гиляров-Платонов, выступивший с рядом своих личных воспоминаний из дореформенной эпохи, причем им был обнаружен крупный художественный талант» (1887. № 1. Отд. III. С. 56—57).

[2] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 502. Л. 12.

3 руб., с пересылкою 3 руб. 50 коп. <…> Выписывающие вместе с “Современными Известиями” и книгу “Из пережитого” получают оную, при годовой подписке на газету, по уменьшенной цене — за 2 руб. (иногородные за пересылку прилагают 50 коп.)». Очевидно, что Гиляров делал ставку на своих постоянных подписчиков, потому и предоставлял им льготную скидку.

Эти расчеты, однако, не оправдались. Через год, в письме от 16 ноября 1886 г., Гиляров на похвалы Романова-Рцы в адрес своих мемуаров горько иронизировал: «Моя автобиография недурна? Даже очень, как все хвалили, все издания наперерыв. А Вы думаете, много раскупят книгу, когда она выйдет? Как Вы полагаете? А вот как. Я объявил заранее подписку, с тем именно, чтобы попытать. Несчастный, несмотря на предостережения жизни, надеялся, что ну хоть треть моих подписчиков захотят меня читать и воспользуются льготными условиями! А ведь подписалось-то, с Вами включительно, всего двадцать человек; да и того нет. Уразумевайте!»[1]

Чтобы привлечь внимание своих читателей, Гиляров пошел даже на такой, казалось бы, беспрецедентный шаг, как публикация в «Современных Известиях» авторецензии на свои же мемуары — под названием «О “Воспоминаниях” Н. Гилярова-Платонова»,[2] а также воспроизведение напечатанных в «Русском Вестнике» четырех разноплановых глав, дающих представление о мемуарах в целом.

Точно известно, когда Гиляров поставил точку в своей работе над воспоминаниями. Он тут же поспешил поделиться этим с Романовым-Рцы, которому писал 18 декабря 1886 г.: «Вторая часть “Из пережитого” мною кончена, с чем Вас, как подписчика, и имею честь поздравить. А с тем вместе почтительнейше уведомляю, что послесловие (Вы его увидите, оно под чертою, едва ли его будет строк пятьдесят) стоило мне почти *двух недель*, когда самые главы я писал большею частью в один присест каждую. Вот Вам наглядное объяснение, что я разумел под болезнью *систематики*. Сто раз обдумывал, десять раз черкал и рвал

[1] *Письма к Рцы*. С. 295—296.

[2] *СИ*. 1885. 17 окт. № 268. С. 2. Текст этой заметки, чрезвычайно важной для понимания авторского замысла, будет приведен ниже.

написанное. И до сих пор недоволен: не ясно, не точно, не вразумительно. А потому-то на десятой странице догматического серьезного изложения я и умер бы от истощения».[1] Через два дня, 20 декабря, о том же Гиляров сообщал князю Шаховскому: «Вторую часть своего “Пережитого” я кончил. Насчет послесловия сомневаюсь; если приедете в Москву, сочту долгом прочесть Вам и спросить совета. <…> Послесловие объясняет, почему я остановился на данном пункте и почему не могу в бытописательной форме передать хода моей умственной жизни в Академии».[2]

В первом очерке из цикла «Логика раскола» Гиляров вновь вернулся к этому вопросу: «Между прочим слышу ожидания (в числе других и от уважаемого А. М. Иванцова-Платонова), что в своих воспоминаниях, печатаемых под заглавием “Из прожитого”, я изложу свое отношение к кафедрам, которые занимал в Духовной академии. Этого не будет: в автобиографии курсам наук не место».[3]

Книга «Из пережитого» в полном объеме увидела свет в 1886—1887 гг. — она была издана в Москве товариществом М. Г. Кувшинова в двух частях. В отдельном издании Гиляров, как и собирался, восстановил исконный текст мемуаров и, кроме того, внес в него стилистическую правку. В 1977 г. это издание было воспроизведено репринтным способом в США, в г. Ньютонвилле, штат Массачусетс (текст снабжен небольшой вступительной статьей профессора Брандисского университета Грегори Фриза и составленной им краткой библиографией работ о Гилярове и духовном образовании в дореволюционной России вообще), а в 2009 г. по инициативе Б. Ф. Егорова воспоминания вышли в академической серии «Литературные памятники», в приложении опубликован свод мемуарной и дневниковой прозы Гилярова, причем некоторые тексты впервые,

[1] *Письма к Рцы*. С. 314.
[2] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 503. Л. 13—13 об.
[3] *Сб. соч.* Т. II. С. 195.

по архивным источникам (издание подготовлено А. П. Дмитриевым, И. Г. Птушкиной и Л. В. Дмитриевой).[1]

О времени выхода томов из печати можно судить по переписке Гилярова с Победоносцевым, которому книги высылались в первую очередь. 9 февраля 1886 г. тот благодарил Гилярова за первую часть, высоко оценив мемуары в целом и упомянув, что с их содержанием он «довольно уже знаком, ибо читал с живым любопытством многие из статей <…> в “Русском Вестнике”». При этом добавлял: «Вообще, мне некогда читать, но эти статьи так меня интересовали, что я всякий раз поджидал появления следующей. Авось либо Вы на этом не остановитесь».[2] 12 марта 1887 г. Победоносцев отправил Гилярову столь же лестное письмо: «Сердечно благодарю Вас за присылку мне второй части Ваших записок. Прочитав первую, могу представить себе, как интересна вторая, и надеюсь встретить в ней нечто подобное главе о Святославском. Положил книгу на первом месте, чтоб отдать ей первые свободные минуты».[3]

* * *

Несмотря на столь очевидную неудачу с подпиской на воспоминания Гилярова, нельзя сказать, чтобы они были обойдены вниманием критики и читателей. Печатались отклики на них во многих столичных и крупных провинциальных газетах уже по мере журнальной публикации отдельных глав. Как правило, все эти отзывы были очень благожелательными. Рецензенты с удовольствием пересказывали целые страницы из мемуаров, цитировали отдельные, наиболее колоритные места.[4] При этом высказывались весьма лестные для автора общие

---

[1] В академическом издании в полной мере был использован автограф воспоминаний, включающий черновые наброски большинства глав, беловые рукописи, подготовленные для издательства самим Гиляровым и близкими ему людьми (сыном Николаем, А. М. Гальперсон, неустановленными сотрудниками редакции «Современных Известий») и содержащие правку автора, — эти материалы (главы I—XXX, L, LII—LXIII) в значительной части сохранились в РО ИРЛИ (Ф. 71. Ед. хр. 28—31), так же как и автографы очерков «Урезанный документ» и «Возрождение Общества любителей российской словесности в 1858 году».

[2] *Разумевающие верой*. С. 228.

[3] Там же. С. 252. Упомянута глава XLII «Из пережитого» («Светский послушник»).

[4] См., например: Русская печать // Новости и Биржевая Газета. 1884. 4 июня. № 152. С. 3; Среди газет и журналов // *НВр.* 1884. 4 окт. № 3090. С. 2; 7 нояб. № 3124. С. 2; Русская печать // *СПбВед*. 1884. 5 июня. № 153. С. 3; 5 нояб. № 306. С. 3; 6 дек. № 337. С. 3; Обозрение

суждения, вроде такого: «Под его пером типы и сцены недавнего прошлого живо восстают перед нами».[1]

Порой, в зависимости от общественно-политической ориентации издания, эпизоды из воспоминаний могли служить поводом для выпада в адрес противников. Например, в консервативной харьковской газете «Южный Край» воспроизводился рассказ о первой встрече Гилярова со своим дальним родственником (племянником жены старшего брата) А. Н. Островским, тогда студентом университета, который, еще обучаясь в гимназии, «читал Софокла».[2] Рецензент с иронией восклицал: «Как будут изумлены гг. отрицатели эстетики, узнавши, что А. Н. Островский воспитался на великих произведениях греческой литературы, о которых “Профаны”, “Заурядные читатели” и т. п. корифеи “критики” привыкли отзываться не иначе, как с улыбкой снисхождения».[3]

Тогда же, в 1884 г., были опубликованы, помимо уже упоминавшейся статьи С. В. Флерова «К истории русского быта» в «Московских Ведомостях», еще три более или менее развернутых критических отзыва на мемуары Гилярова — в дружественной ему аксаковской «Руси» и в неприязненно настроенных к нему «Газете А. Гатцука» и «Русских Ведомостях».

Особенно важны непредвзятые оценки и довольно глубокие суждения, представленные в статьях Флерова и Аксакова.

Приводя обильные выдержки из текста «в высшей степени любопытных воспоминаний», Флеров подчеркивает их необычайную образно-семантическую многослойность, жанрово-стилистический синтетизм: «История перехода от одного строя к другому; описание этого исчезнувшего строя в картинах отдельных его типических групп и лиц; анекдотические рассказы о прошлом и рядом с ни-

---

газет и журналов // Южный Край. 1884. 21 нояб. № 1333. С. 1; Журнальное обозрение // *ЧОЛДП.* 1885. Кн. III/IV. Отд. II. С. 302—314.

[1] Обозрение газет и журналов // Южный Край. 1884. 30 нояб. № 1354. С. 1.

[2] *Из пережитого*. Т. 1. С. 316. О взаимоотношениях Гилярова и Островского см. нашу статью: *Дмитриев А. П.* Гиляров-Платонов Никита Петрович // А. Н. Островский: **Энциклопедия / Гл. ред. и сост. И. А. Овчинина.** *Кострома; Шуя, 2012. С. 105—106.*

[3] Обозрение газет и журналов // Южный Край. 1884. 11 дек. № 1365. С. 1. Подразумеваются сотрудники «Отечественных Записок», критики Н. К. Михайловский (автор цикла литературно-общественных обозрений «Записки профана», 1875—1877) и А. М. Скабичевский (печатался под псевдонимом «Заурядный читатель»).

ми психологические анализы, бытовые параллели, указания на причинную связь явлений; общее и частное, автобиография на фоне бытовых описаний и жанровых картин, эпическое повествование летописателя минувших дней и рядом с этою эпикой психологическое, историческое и критическое освещение минувшего — вот впечатление, которое производят воспоминания Н. П. Гилярова-Платонова».[1]

Любопытно, что с легкой руки Флерова, заявившего: «Это не мемуары и не записки; это *воспоминания*», — жанровая особость «Из пережитого» станет позже предметом обсуждения и других критиков. Он же сделал акцент на художественных достоинствах воспоминаний: «С точки зрения литературной они отличаются мастерски выработанным, живым слогом; с точки зрения исторической они представляют чрезвычайно интересный бытовой материал».[2] К тому же Флеров, как педагог, увидел немало ценного в прикладном значении «Из пережитого», помогающего зримо представить, как, по его словам, «индивидуальность привести к нужной цели».

Столь же высоко оценил гиляровские воспоминания и Аксаков в своей передовой «Москва, 1 июля»: «Это драгоценнейший материал для бытовой истории России. Рассказ, написанный живо и, разумеется, со свойственным автору умом и талантом, с правдивою, но, так сказать, теплою объективностью, без всякой предумышленной отрицательной закваски, досягает до прадедов, и читатель имеет, таким образом, пред собою очерк домашней жизни и быта четырех священнических поколений, составленный по семейным преданиям и личным детским впечатлениям и воспоминаниям автора».[3] Поразила Аксакова, однако, чрезвычайная неприхотливость и беспросветность правдиво изображенного быта духовенства XVIII — первой половины XIX в.: «…бедная, мелочная, будничная жизнь плетется себе потихоньку, с своими обычными радостями и невзгодами, бок о бок с крупными историческими событиями и крупными общественными

---

[1] *Z.* <*Флеров С. В.*>. К истории русского быта: «Из прожитого» Н. П. Гилярова-Платонова. Главы I—V. «Русский Вестник», 1884, май // *МВед.* 1884. 25 июня. № 174. С. 3.

[2] Там же.

[3] <*Аксаков И. С.*>. Москва, 1 июля // Русь. 1884. № 13. 1 июля. С. 4.

преобразованиями, подчас словно придавливаемая ими, но вообще туго и больше по внешности поддающаяся их воздействию».[1]

По всей видимости, Аксаков усмотрел в этом общий изъян духовной жизни как результат петровских преобразований: «Но если вспомнить, что пред вами развернута картина преемственного, чуть не в течение столетия, *пастырства и учительства церковного,* т. е. что дело идет о четырех поколениях приходских *священников,* — если к заглавию: “Из прожитого” прибавить заглавие: *“Около алтаря”,* то вы поразитесь отсутствием в этой картине всякого *идеализма,* всякого намека на высшие внутренние задачи святого звания: до такой степени мало отражалась в их домашнем обиходе духовная сторона их великой священнослужительской профессии!»[2]

Вместе с тем гиляровские мемуары, по убеждению Аксакова, позволяют поставить неутешительный диагноз состоянию церковноприходской жизни в пореформенный период: «А между тем лица, выставленные автором, большею частью достопочтенные и умом не обиженные, да и вообще нельзя признать за ними и за всем их жизненным строем достоинства бытовой кротости, верности церковному преданию и обычаю и полной искренней близости к народу, почти нераздельности с ним. Несравненно выше они, во всяком случае, священников новейшей формации, — модной “либеральной” окраски, весьма развязных по части церковного предания, чуждых душой и сердцем народу, даже презирающих его с высоты своего семинарского образования, почитывающих Писарева — и цинически “эксплуатирующих” народное “суеверие” и “невежество”».[3]

В сентябре в либеральных «Русских Ведомостях» появился отзыв Арс. И. Введенского (Аристархова), который, столь же высоко оценив мемуары, удивлялся авторскому отношению к изображаемым в них событиям: «В интересных воспоминаниях г. Н. Гилярова-Платонова («Р<усский> Вестн<ик>»), написанных с большим толком, представляющих ценный источник для характеристики старого быта русского духовенства и постепенного изменения этой среды, и

[1] Там же.
[2] Там же.
[3] Там же.

не только быта духовенства, а вообще старого уездного общества, читатель, однако же, не находит успокоения. <…> Г. Гиляров-Платонов останавливается из не особенно великолепных явлений тогдашнего времени только на бурсе, на семинарии и на не весьма приятных интригах и высшего, и низшего духовенства; но достаточно и их, чтобы сердце сжалось тоскою, чтобы вспомнились впечатления недавние, почти всеми нами испытанные. Сам автор относится к невеселым явлениям прошлой своей жизни добродушно — это дело темперамента».[1]

Особо задержался Введенский на описании бурсацкого быта, на его взгляд, «совершенно тождественном с “Очерками бурсы” Помяловского». И снова критик не смог согласиться с авторской позицией: «И единственное, чем можно отличить автора от Помяловского, это — то, что г. Гиляров-Платонов снисходительно относится к жестокому начальству и презрительно к своим бывшим товарищам-ученикам, считая их забитыми тупицами, а Помяловский — совершенно наоборот, — и, кажется, правее, — видел в учениках еще только забиваемых способных людей, а в жестоких начальниках — уже вполне забитых тупиц, потерявших даже элементарное представление о своих обязанностях к зависящему от них, молодому и неопытному люду, для которого нужно руководительство, а не жестокосердое истязание».[2]

Совершенно особняком стоит злопыхательская заметка литературного недруга Гилярова А. А. Гатцука, опубликованная в еженедельнике последнего. В недопустимо развязном тоне, вымещая какие-то свои личные обиды, он ядовито передергивал факты из жизни Гилярова и на все лады склонял первоначальное название мемуаров «Из прожитого»: «Прочтя это заглавие, мы думали, что дело идет *о прожитом* г. издателем-редактором чужом состоянии <…>».[3] Далее давалась очевидно несправедливая, нарочито предвзятая оценка самим воспомина-

---

[1] *Аристархов* <*Введенский А. И.*>. Литературные беседы: <…> Старина в воспоминаниях Гилярова-Платонова. — Помяловский и Гиляров-Платонов. <…> // *РВед*. 1884. 30 сент. № 271. С. 2.

[2] Там же.

[3] <*Гатцук А. А.*>. Воспоминания // Газета А. Гатцука. 1884. 18 авг. № 32. С. 528.

ниям, несмотря на то, что их идейный замысел, казалось бы, вполне удовлетворял охранительным началам, пропагандировавшимся «Газетой А. Гатцука»: «…перед нами какая-то идеалистическая размазня <…> воспоминания эти, на которые по имени автора было обращено некоторое внимание, по нашему мнению, пустоцвет <…>».[1] Уподоблялось же произведение Гилярова «замечательно бессодержательным» мемуарам Б. М. Маркевича со сходным заголовком «Из прожитых дней», публиковавшимся в «С.-Петербургских Ведомостях».[2] Вполне возможно, что поводом к изменению названия гиляровских воспоминаний (на «Из пережитого») и послужил разносный отзыв Гатцука.

Нравственно поддерживали Гилярова в таких ситуациях его читатели. Так, смоленский помещик Б. В. Балабин писал в редакцию «Современных Известий» 10 декабря 1884 г.: «Я, русский мужичок, с умилением сердца вычитываю воспоминания Гилярова в “Русском Вестнике” — и с каким же омерзением прочитал я у Гатцука статьи на эти же воспоминания — и у вас-то видно в борьбе за существование один для другого идет на все пакости — ужасно!»[3]

Отметим и некоторые другие оценки «Из пережитого», встречавшиеся в период их создания в эпистолярных источниках и, безусловно, оказывавшие влияние на творческий процесс.

Победоносцев писал Гилярову 5 сентября 1884 г., предостерегая от язвительных ноток, пробивающихся в авторской интонации: «Воспоминания Ваши, коих я успел прочесть 2 часть, весьма мне нравятся и интересуют меня очень. Конечно, в них есть некоторый тон иронической колкости, от которого редко бывают свободны *этого рода* описания, — но это неважно, вообще же тон благодушен. Непременно буду читать продолжение <…>».[4]

---

[1] Там же.

[2] См. там же. С. 529.

[3] ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 51. <№ 6>. Л. 1.

[4] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 680. Л. 11. «2 часть» — вторая порция глав, опубликованная в июньской книжке «Русского Вестника» за 1884 г.

Интересно одно анонимное письмо[1] — от 10 декабря 1885 г., — автор которого, подписчик «Современных Известий», интуитивно сравнивает «Из пережитого» с мемуарной книгой С. Т. Аксакова (ведь на нее, безусловно, ориентировался Гиляров): «Я так высоко ценю Ваш журнал и в особенности Вашу личность (особливо после написанных Вами мемуаров, которые мне живо напомнили “Семейную хронику” Аксакова), что готов бы вносить посильную лепту литературную и более крупную, хотя бы, например, в виде переводов с немецкого и французского».[2] Сходно мнение современного исследователя: «Сочинения С. Т. Аксакова близки мемуарной прозе Н. П. Гилярова-Платонова не только тематически (история семьи), но и по творческой установке — воспроизводить абсолютно достоверный жизненный материал».[3]

Обращались к Гилярову и с просьбой прислать журнальные публикации его воспоминаний. Так, публицист С. К. Эфрон писал 27 июня 1885 г. из Вильны: «Я был бы Вам очень признателен, если б Вы прислали мне продолжение Ваших, поистине полных интереса, замечательных записок. Я осмеливаюсь утруждать Вас этой просьбой потому, что в нашем краю не имею возможности достать “Русс<кий> Вест<ник>”, а между тем интерес, возбужденный во мне, да и во всех Ваших читателях чтением первых трех отрывков, заставляет меня почтительнейше просить Вас прислать мне продолжение записок».[4]

Впрочем, Гиляров и по своей инициативе посылал оттиски из «Русского Вестника» знакомым или людям, чье мнение было для него особенно важно. В своих мемуарах он, помимо воспоминаний С. Аксакова, несомненно учитывал и опыт автобиографической трилогии Л. Толстого. Поэтому отправил в Ясную

---

[1] Его автор (возможно, военнослужащий) оправдывался: «Своей фамилии я, по крайней мере до известного времени, обнаружить не могу всего более потому, что обращаюсь по обстоятельствам в такой сфере, где литературный труд считается чуть не смертельным грехом и наказывается очень сурово» (ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 51. <№ 3>. Л. 2).

[2] Там же. Л. 1—1 об.

[3] *Панаэтов О. Г.* Тема семьи в мемуарной прозе Н. П. Гилярова-Платонова // *Возвращение*. С. 46.

[4] ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 47. <№ 31>. Л. 1.

Поляну журнальные оттиски за 1884 г. (№ 5—11) и попросил дать отзыв.[1] Однако после кратковременного сближения в начале 1880-х гг. между Толстым и Гиляровым произошла серьезная размолвка (по поводу резко отрицательного отзыва последнего на «Исповедь»),[2] и знаменитый писатель не пожелал удовлетворить просьбу бывшего приятеля. Присланные Гиляровым оттиски сохранились в Яснополянской библиотеке,[3] их просмотр позволяет заключить, что Толстой если и читал, то только две первые из семи подборок (майскую и июньскую), особенно же внимательно главу X («Первый училищный искус») — лишь здесь почти на каждой странице выделены карандашом отдельные слова и на полях отчеркнуты заинтересовавшие писателя фрагменты.

Старший современник Гилярова А. Д. Галахов, филолог и мемуарист, родом из соседней Рязанской губернии, прочитав коломенские страницы «Из пережитого», так отзывался о них в письме к Гилярову от 24 марта 1886 г.: «Вы, Никита Петрович, очень скромны, говоря, что я прочитаю их без скуки. Нет, я прочитал их с жадностию, всласть».[4] И тут же вспоминал, как сам, учась в Московском университете, ежегодно ездил на каникулы из Москвы в Рязань: «Все станции Московско-Коломенского тракта могу перечесть и теперь».[5] При этом Галахов ревниво противопоставлял «купеческой» Коломне своей юности родную «дворянскую» Рязань: «Коломна, где останавливались часа на три или на четыре, казалась мне чрезвычайно скучным городом, несмотря на множество каменных домов. Сидишь, бывало, в жаркой, исполненной мухами комнате постоялого двора и слышишь только на дворе звон колокольчиков, а под окнами разговор ямщиков, сидящих у ворот на лавке. Прилечь на диване или на кровати нельзя — клопы искусают. Выйдешь на улицу (большую, проездную), пройдешь

[1] См. недатированное письмо Гилярова к Толстому: Материалы для биографии Н. П. Гилярова-Платонова // *РО*. 1896. Т. 42, дек. С. 1013—1014.

[2] См. подробнее: *Эфрон С.* Н. П. Гиляров-Платонов и гр. Л. Н. Толстой: (Из воспоминаний) // Русский Листок. 1902. 13 окт. № 281. С. 1.

[3] Шифр: 22в 1/48. Оттиски в плохом состоянии, с лисьими пятнами, потертостями, многие листы с загнутыми углами.

[4] Письма к Н. П. Гилярову-Платонову о воспоминаниях «Из пережитого» и очерке «Экскурсии в русскую грамматику» (1884, 1886) / Публ. А. П. Дмитриева // *Гиляров: ИМБР*. С. 472.

[5] Там же. С. 473.

по ней малую толику: окна во всех домах затворены, а если и отворено одно какое-нибудь, то в него высунулась какая-нибудь баба, большею частию кормилица в повойнике. Видно, что купеческий город (думал я) не то, что Рязань: в этой дома хоть большею частию деревянные, но дворянские — окна все подняты».[1]

Но таково уж обаяние творческой манеры Гилярова — его пристрастия к любовному перечислению многоразличных бытовых примет, его умения вжиться в события уходящей эпохи, его ясного, прозрачного языка, кажущегося лишенным какой-либо отделки, нарочитой образности, а потому очень естественного, исполненного свежести и красоты исконной народной речи, меткой и живой, — что заурядный как будто уездный городок Коломна стал в его изображении восприниматься как средоточие русского традиционного быта, духовной культуры и исторической памяти.

Но, конечно, самым главным советчиком и вдохновителем мемуаров, помимо Гальперсон, был молодой князь Н. В. Шаховской.[2] В своих письмах к Гилярову он его подбадривает, восхищается отдельными сценами и рассуждениями, дает советы, делится мыслями по поводу прочитанного. Так, 15 ноября 1884 г. он писал: «Ваши воспоминания возбуждают во мне все больший и больший интерес. Странно, почему Вы хотели их оборвать на предыдущей книжке. Я не знаю в настоящее время ни одного произведения, которое отличалось бы такою талантливостью, такою глубиною и серьезностью, такою наблюдательностью, как Ваши статьи “Из прожитого”. Грех в себе таить такие сокровища».[3]

Особенно ценными казались князю Шаховскому философско-публицистические и историософские отступления от основного сюжета, как бы импровизационно появлявшиеся в тексте: «Я почему-то глубоко убежден, что многие остроумные и блестящие отступления — эти искры ума, разбросанные повсюду, — приходили Вам в голову кстати по поводу написанного, некоторые,

---

[1] Там же.

[2] Знакомство Гилярова и Шаховского состоялось в 1874 г. (см.: *Шаховской Н. В.* Никита Петрович Гиляров-Платонов: Краткий публиц. очерк. С. 39); последний тогда учился еще в гимназии, где ему преподавал словесность Ф. А. Гиляров, племянник мыслителя.

[3] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 720. Л. 1.

быть может, тут же впервые. Не сосредоточивайся Вы на прошлом, на пережитом, пожалуй, все эти перлы, которые, я думаю, иногда для Вас самих кажутся загадкой, возникают как бы по волшебству, совершенно бы пропали для нас, не избалованных по части новых мыслей, оригинальных наблюдений, блестящих сопоставлений».[1]

Активно поддерживал Шаховской и саму идею «автобиографических» воспоминаний. В том же письме он указывал на воспитательное их значение для молодого поколения: «Главное, не смущайтесь тем, что Вам приходится о себе самом говорить. Много ли есть людей на свете, которые могли бы о себе самих что-либо сказать? Образец жизни человека мыслящего и талантливого, его внутренняя школа и дисциплина не та, в которой нас учили чему-нибудь и как-нибудь, — право, это уже *одно* для нашего хилого, беспринципного, безжизненного, материалистического поколения должно иметь громадное отрезвляющее значение, должно возбуждать высокие интересы».[2] И снова та же просьба: «Дай Бог Вам здоровья, Никита Петрович, на продолжение Ваших записок и да не смутится сердце Ваше писать их неустанно и неослабно. Вы еще сами не знаете, сколько сокровищ в Вас сидит».[3]

В другом письме, от 20 ноября 1884 г., Шаховской снова возвращается к характеристике гиляровских отступлений: «Ну как же это не искры? Если их начинаешь раздувать, то получаешь яркое пламя, которое озаряет предметы, которые рядом с нами, но которых мы не замечали, мимо которых проходили без внимания, погруженные в суету».[4] И далее говорит о выгодном отличии «Из пережитого» от других воспоминаний: «Мне много приходилось читать мемуаров, но наблюденья, в них встречающиеся, имеют, так сказать, археологический, антикварный интерес и попадут, быть может, в будущую инкрустацию истории. Всякий замечает, что способен, что в силах заметить».[5]

---

[1] Там же. Л. 1—1 об.
[2] Там же. Л. 1 об.—2.
[3] Там же. Л. 2.
[4] Там же. Л. 5 об.
[5] Там же. Л. 5 об.—6.

Для молодежи, по убеждению Шаховского, основная ценность воспоминаний — «пример саморазвития, искания истины, труды, ошибки, муки, победы».[1] Он пояснял свою мысль: «Самое же интересное и для нашего брата дорогое — это Ваше искание формальной истины. Правдивое, скромное изложение истории человеческой души, развития человеческого мышления, — без рисовки, без идеальничанья, без того таинственного жреческого покрывала, которым окружают себя обыкновенно выдающиеся таланты, — да что может быть более и интереснее этого?»[2] Заслугу Гилярова он и видел в раскрытии тайн духовной жизни, в углубленном психологизме, которого, по его мнению, недоставало художественной литературе того времени: «Романисты показывают нам человека уже готового — в борьбе, в действии. Но самый процесс роста человеческого духа остается загадкой. Выработка нормальных условий развития человека есть еще вопрос будущего. По крайней мере, до сих пор, насколько я понимаю, есть истины модные, но настоящих нет. Всех детей воспитывают и обучают так, как воспитывается и обучается — без определенного плана и без понимания последствия того или другого приема».[3]

Позже князь Шаховской будет говорить о гиляровских мемуарах как о высокохудожественном произведении и настаивать на этом: «Эти воспоминания достойны занять место рядом с “Семейной хроникой” Аксакова по живости красок, правдивости рассказа, наблюдательности, бытовым чертам недавнего, но далекого уже от нас прошлого, по тонкому психологическому анализу собственной души и ее последовательного раскрытия».[4] И его поддержит Гальперсон в своем письме к нему от 20 апреля 1893 г.: «Я, помнится, тоже говорила, что “Пережитое” дает мало биографического материала и может быть рассматриваемо только как замечательное литературное произведение».[5]

---

[1] Там же. Л. 7—7 об.
[2] Там же. Л. 6 об.
[3] Там же. Л. 6 об.—7.
[4] *Шаховской Н. В.* Никита Петрович Гиляров-Платонов: Краткий публиц. очерк. С. 4.
[5] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 105. Л. 2 об.

Уже упоминалось об авторецензии «О “Воспоминаниях” Н. Гилярова-Платонова», напечатанной в «Современных Известиях» в октябре 1885 г. Ею, с одной стороны, рекламировались мемуары, запланированные к выходу в свет отдельным изданием, с другой — автор объяснял, какие задачи ставил перед собой. Приведем полностью текст этой любопытной заметки, приоткрывающей в творческую мастерскую Гилярова:

«Раз, минувшим летом, именно 25 июня, был помещен у нас фельетон, под заглавием “Бегство”,[1] который без сомнения привел в недоумение многих. Какой-то отрывок, неизвестно откуда, и притом относился ли к вымыслу или к были, — объяснения об этом не было присоединено. Это была одна из тех комических случайностей, которая почти неизбежна в газетном деле, что попадает иногда 2-я страница на место 3-й, перебиваются строки и т. д. Рассказ “Бегство” предназначался не для печати в “Современных Известиях”, а для произнесения в публичном заседании Общества любителей российской словесности (где он и был прочитан).[2] Но рукопись лежала рядом с другою, назначенною в фельетон, написанною тем же почерком, на той же бумаге, в том же формате; по недосмотру сдана была в типографию вместо фельетона, набрана и напечатана. Ошибка усмотрена была, когда поправить ее было уже поздно.

Читатель вправе недоумевать и на это позднее объяснение. Но его недоумение рассеется, когда мы скажем, что

1) Рассказ, им прочтенный, есть отрывок из автобиографических Воспоминаний редактора “Современных Известий”.

2) Воспоминания эти печатались в “Русском Вестнике” прошлым и нынешним годом, под заглавием “Из прожитого”.

---

[1] *СИ*. 1885. 25 июня. № 157. С. 1—2. Впервые: *РВ*. 1885. Т. 176, апр. С. 648—658.

[2] Гиляров прочел главу «Бегство» в 371-м публичном заседании Общества любителей российской словесности, состоявшемся 7 марта 1885 г. (см.: *Мендельсон Н. М.* Общество любителей российской словесности... Прил. С. 147).

3) С добавлением нескольких глав, в печати еще не явившихся, и с дополненным по местам текстом тех, которые напечатаны, автор предполагает их издать отдельною книгою.

Писать себе рекламу неприлично; но и оставлять постоянных своих читателей в неведении о труде, принадлежащем тому же перу, которое вот уже почти 18 лет руководит изданием, ими получаемым, тоже невежливо по крайней мере.

С этою целию, помимо рассказа “Бегство”, случайно попавшего в фельетон, мы передадим также под чертою еще несколько глав “Из прожитого”, которые могут дать понятие о характере и цели Воспоминаний. О том и другом между прочим объясняет сам автор на первых же страницах:

“После тесной родительской храмины с лежанкой, полатями и светелкой; после этой невозмутимой тишины, где шел один день за другим, ничем не разнообразясь, кроме того, что сегодня скоромный, а завтра постный день, а вот скоро наступит храмовой праздник или «Светлый день»; после школы с ее секциями, кулачными боями и насекомыми; после мира, в котором горячий, оживленный интерес возбуждали вопросы, как править службу, когда сойдутся Благовещение, храмовой праздник и Великая Пятница в один день; после умственной почвы, где на фоне Четьих-Миней, легенд, бытовых песен, улегались как-то и последняя книжка «Телеграфа», и латинская грамматика; после этого и из этого — участие в водовороте быстро текущей всемирной жизни, ученая и отчасти полная арена, аудитория, кабинеты министров и дворцовые залы, знакомство с лицами, имевшими историческое значение для отечества, круги литературные и ученые, собственное, хотя и маловажное участие в немаловажных событиях. После полувека оглядываешься назад и на прадедушку Болону, и на тетушку Марью Матвеевну, на эту семью, в которой чай был редкость, а кофе знаком был только по слухам, для которой городничий представлял грандиозную фигуру, а семинарист «первого разряда» почтенную величину; припомнишь мир, посеявший в тебе первые духовные зерна, задумаешься о всем ходе твоего развития: нет, мне кажется, это не должно пропасть; нужно поделиться с другими”.

Как отчасти можно судить и из приведенной выписки, автором руководило желание дать материал: 1) для истории быта; 2) для педагогии; 3) для психологии. Ввиду последних двух целей, автор смотрит на себя как на лицо постороннее и следит, как совершился духовный его рост среди данного быта, при данных пособиях и помехах.

Ввиду тех же целей книга, предлагаемая к изданию, остановится на моменте перехода из отроческого возраста в юношеский. Хотя не вполне точно, этот переход был одновременен переступлению из среднего учебного заведения в высшее (Духовную академию). С поступлением в Академию начался совершенно новый период, — период самовыработки, углубление в научные данные и выводы, с их критическою переверкою и усвоением основных убеждений, богословских, философских, социальных и политических, послуживших окончательным фундаментом дальнейшего, продолжившегося в зрелом возрасте. Это время, как и период служебной и литературной деятельности автора, отлагается до будущего, если время позволит. А иное при жизни даже явиться не может.

Помимо случайно выпущенного рассказа “Бегство”, выбираем из 57 глав, уже напечатанных, еще три. Каждая из них представляет особое целое. — Глава “Бегство” была в тесном смысле биографическою; в ней описывалось, как 16-летнему мальчику довелось скитаться несколько дней без приюта и даже провести ночь без крова. Предлагаемая сегодня под заглавием „Цивилизация“ имеет в виду интерес преимущественно *бытовой*. Будут потом представлены еще две, из которых одна — из мира *педагогического*; другая — очерк одной оригинальной семьи, которую довелось автору зазнать в детстве.[1] Представить главу, которая бы имела специальный психологический интерес, затрудняемся; такие главы без связи с другими будут не вполне освещены».[2]

Любопытно, что Гиляров настаивает здесь на утилитарном значении своих воспоминаний: они предназначены, по его словам, дать материал для истории

[1] Позже Гиляровым были републикованы главы XXIX («И. И. Мещанинов») и XXXIII («Воспитание воли»): *СИ*. 1885. 22 окт. № 273. С. 1—2; 23 нояб. № 305. С. 1—2.

[2] Там же. 1885. 17 окт. № 268. С. 2.

быта, педагогии и психологии. Но эта декларация исключительно прикладного значения мемуаров не должна вводить в заблуждение, скорее она объясняется особенной смиренностью, отсутствием претензии на лавры писателя-беллетриста. Вместе с тем интересно здесь определение книги «Из пережитого» как некоего научно-экспериментального исследования, которое правильнее, однако, было бы назвать «романом воспитания» особого рода. Чувствуется здесь влияние позитивистских веяний эпохи, породивших, между прочим, творчество Золя.

В том же 1885 г. выступил со своими воспоминаниями ученик Гилярова по Московской духовной академии, а позже его сослуживец и близкий друг протоиерей Г. П. Смирнов-Платонов. Начинает он их с сопоставления разных образцов мемуарной прозы и при этом высказывает любопытные суждения о жанровом своеобразии «Из пережитого». Он пишет: «Я никогда не думал писать моих мемуаров — ни по примеру старцев, которые, будучи чужды современной действительности, удовлетворяют только естественной потребности поговорить о прошлом или, отвращаясь от современности, жить душою в минувшем, но, во всяком случае, пишут, совсем не сознавая того, что делают, — ни по примеру серьезных деятелей, которые ведут важное общественное или даже государственное дело и своевременно ведут о том свои “записки”, — ни по тенденциозному способу людей, заглавляющих свои мемуары так: “Былое и думы”, т. е. факты и тенденции, — ни по новому, замечательному способу, каким написаны печатающиеся в “Русском Вестнике” воспоминания “Из прожитого”, которые можно сравнить с дневником путешественника, описывающего свой дальний путь и впечатления, — с тою особенностию, что при каждом воспоминании о бывшем на длинной дороге жизни, хотя бы относилось оно к годам детства, автор смотрит на каждый факт как на вызывающий вопрос, к каждому случаю прилагает всю массу шестидесятилетнего опыта и пускает во всю ширь рефлексию сильно-

го ума, еще в молодости, во времена студенчества, выходившего на ратоборство с тогдашним “царем мысли” Гегелем».[1]

Гиляров печатал тома своих воспоминаний с более чем годовым интервалом, но верил в финансовый успех предпринятого издания все меньше. Незадолго до выхода в свет второй части «Из пережитого» он спорил на этот счет с Романовым-Рцы (в письме от 31 декабря 1886 г. — 1 января 1887 г.): «Я продолжаю быть совершенно несогласным относительно “Пережитого”. Да хоть бы аршинными буквами на всех перекрестках публиковали, ничего не выйдет. Не выписывают и не будут покупать не от того, что не знают о выходе, а от того, что не слыхали о достоинстве содержания. Правда, отзывались хорошо; да мало ли что хвалят? Русскому интеллигенту нужен специальный мотив, чтобы заинтересоваться книгой. Кто же ему толковал? Ну, вот возьмитесь Вы быть таким толкователем, когда выйдет вторая часть. Пошлите в какой-нибудь журнал; Вы же так прекрасно и горячо пишете».[2] Таким «специальным мотивом», как хорошо понимал Гиляров, могла стать разве что антиправительственная тенденция, вообще политически запретная начинка литературного произведения, но никак не правдивое воспроизведение в нем национального быта и честный разговор о судьбе традиционных ценностей.

Тем не менее, он не сдавался и ввиду будущего отдельного издания и сразу после выхода двухтомника в свет рассылал в редакции крупных газет и журналов письма с просьбой поместить отзывы «пообстоятельней».[3]

Надо сказать, что вышеприведенной своей авторецензией, в общем-то повторявшей, но более концентрированно, аналитически формулировку общего замысла, данную Гиляровым во Вступлении к мемуарам, он предопределил содержание и даже композицию большинства критических откликов на отдельное

---

[1] *Смирнов-Платонов Гр., прот*. «Curriculum vitae»: Из области воспоминаний и мечтаний // *Смирнов-Платонов Гр., прот*. «Детская Помощь»: К читателям и сотрудникам. М., 1885. С. 19.

[2] *Письма к Рцы*. С. 320.

[3] См., например, его переписку по этому поводу с А. С. Сувориным («Новое Время»), Г. П. Данилевским («Правительственный Вестник»), Л. Н. Майковым («Журнал Министерства Народного Просвещения»): РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 915. Л. 15—15 об.; ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 50. <№ 11>. Л. 1; Ф. 166. Оп. 3. Ед. хр. 338. Л. 1—1 об.

издание «Из пережитого». Их авторы видели в книге прежде всего материал для истории быта, а затем высоко оценивали ее педагогическое и психологическое значение. По-разному высказывались они, пожалуй, только о художественных достоинствах мемуаров.

Из семи выявленных нами рецензий, опубликованных в апреле — августе 1887 г., самая сдержанная и сухая принадлежит перу анонимного рецензента суворинского «Нового Времени». Хотя он и избегает прямых негативных оценок, но общий неприязненный тон его заметки, реплики вроде: «Там и сям автор впадает в мистицизм <…>»[1] — недвусмысленно свидетельствуют о его в целом недоброжелательном отношении к книге.

Сдержанным оказался и отзыв А. Н. Пыпина в «Вестнике Европы», мягко упрекнувшего Гилярова за чрезвычайные «привязанности к старине» и несочувствие «взглядам людей “сороковых годов”», то есть либералов-западников. Но важно, что критик почувствовал во многих размышлениях мемуариста приближение к исконно народной точке зрения и объяснил это его происхождением из духовного сословия: «…иногда ему действительно случается ставить вопросы на ту почву здравого смысла, которую способна давать непосредственная близость с народом, хотя бы только в пору воспитания».[2] Если Пыпин с немалой долей недоумения отнесся к тому, что Гиляров, описывая духовную школу, «горячо защищает многие ее достоинства, и нравственные, и дидактические»,[3] то рецензенты большинства других изданий, особенно церковных,[4] именно это и ставили ему в заслугу.

---

[1] <*Без подписи*>. Из пережитого. Автобиографические воспоминания Н. Гилярова-Платонова. В двух частях // *НВр.* 1887. 1 мая. № 4011. С. 3. (Библиография).

[2] *А. П.* <*Пыпин А. Н.*>. «Из пережитого». Автобиографические воспоминания Н. Гилярова-Платонова. В двух частях. М., 1886—87 // *ВЕ.* 1887. Т. 125, № 5. С. 393. (Лит. обозрение).

[3] Там же.

[4] См., например: <Без подписи>. Летопись общественной жизни // Церковный Вестник. 1887. № 17. 25 апр. Ч. неоф. С. 303.

Так, в неподписанной рецензии «Правительственного Вестника», составленной, очевидно, самим главным редактором этой газеты Г. П. Данилевским,[1] «Из пережитого» предстает как раз «лучшим осуждением односторонности» обличительной литературы о бурсе и духовном быте вообще (называются имена Н. Г. Помяловского и священника И. С. Беллюстина). Критик убежден в полной беспристрастности Гилярова: «В его сочинении, полном искренности и столько же далеком от панегиризма, как и от глумления, быт и характер нашего духовенства, в более или менее близкое к нам время, и состояние духовных учебных заведений представлены с наглядною и несомненною правдою, от которой автор не уклоняется ни в темной, ни в светлой стороне своих личных впечатлений».[2] Одно из главных педагогических достоинств старой семинарии рецензент вслед за Гиляровым видит в развитии «самодеятельности учащихся», относительно чего, замечает он, «в настоящее время с автором согласны многие педагоги, как у нас, так и за границею».[3]

Сходно рассуждает и критик «Исторического Вестника», скрывший свое имя за криптонимом «С. Т—в» (предположительно, это историк и дипломат С. С. Татищев). Он констатирует, что духовная школа, «несмотря на огромные недостатки, в изображении г. Гилярова выходит гораздо привлекательнее печальной бурсы Помяловского».[4] По мнению критика, «подобных талантливых автобиографий не много наберется в русской литературе».[5]

Проблемы обучения будущих священнослужителей и в центре неподписанной рецензии, помещенной в журнале «Северный Вестник». Ее автор глубже других воспринял гиляровскую идею о том, что «дурные стороны» старой педагогической системы («главным рычагом» которой был страх, а «главным мето-

---

[1] См. его обещание в письме к Гилярову от 28 марта 1887 г.: «Отзыв об издании непременно напечатаю вскоре» (ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 50. <№ 11>. Л. 1).

[2] *<Данилевский Г. П.>*. «Из пережитого». Автобиографические воспоминания Н. Гилярова-Платонова. Две части. Москва, 1886—87 гг. // *ПВ*. 1887. 1 мая. № 92. С. 2. (Библиография).

[3] Там же.

[4] *Т—в С. <Татищев С. С.?>*. Из пережитого. Автобиографические воспоминания Н. Гилярова-Платонова. В двух частях. Москва, 1887 // *ИВ*. 1887. Т. 29, авг. С. 453. (Критика и библиография).

[5] Там же.

дом» — «отупляющая долбня») искупаются тем, что она «носила характер семейный, была чужда сухого, бюрократического формализма».[1] Критик, кроме того, восхищается «описаниями быта средних обывателей в уездных городах начала нынешнего столетия»;[2] он убежден: «В отношении бытовом и культурном книга г. Гилярова-Платонова представляет особенный интерес и может принести большую пользу нашим беллетристам».[3] Таким образом, здесь «Из пережитого» рассматривается как источник ценных исторических сведений, вопрос же о художественном значении самих мемуаров даже и не ставится.

Иначе взглянул на этот вопрос рецензент «Исторического Вестника». Он пишет: «…г. Гиляров подчас возвышается до истинно художественной изобразительности, делая меткие и рельефные характеристики то своих друзей (глава “Три друга”) и самого себя в разные периоды жизни (“Фантастические убежища”, “Временное отупение”, “Раздумье”, “На оселке жизни”), то своих товарищей по училищу и семинарии (“Товарищи” и “Состав учащихся”, “Богословский класс”), своих родственников (“Предки”, “Родительское гнездо”, “Два брата”), то начальствовавших и учителей (“Два ректора”, “Поп Захар и поп Родивон”), то, наконец, близких знакомых — особенно типичных и почему-либо интересных. Таковы, например, главы “И. И. Мещанинов”, “Дядюшка Петр Иванович”, “Дон Кихоты просвещения” <…>».[4] Однако это перечисление «художественных» глав не влечет за собой дальнейших обобщений на сей счет, ибо критика смущает необычайная безыскусственность стиля, и далее он утверждает: «Полноте содержания и ценности соответствует сжатый, точный, хотя несколько сухой и бледный язык, которым г. Гиляров владеет весьма бойко, как талантливый публицист, но не как художник слова».[5] То же отмечали и другие рецензенты, например Г. П. Данилевский: «Что касается изложения автобиографических вос-

---

[1] *<Без подписи>*. «Из пережитого», автобиографические воспоминания Н. Гилярова-Платонова, в двух частях. Москва, 1886—87 гг. // Северный Вестник. 1887. № 7. Отд. II. С. 124. (Новые книги).

[2] Там же. С. 125.

[3] Там же. С. 127.

[4] *Т—в С. <Татищев С. С.?>*. Из пережитого. С. 454.

[5] Там же.

поминаний г. Гилярова-Платонова, то оно отличается полною безыскусственностью и вместе с тем простотою литературной формы, как в описательной, так и в диалогической части рассказа».[1]

Но уже тогда появились критические отзывы, в которых говорилось о вкладе Гилярова в русскую художественную литературу. Автор хвалебной заметки о его воспоминаниях в «Русской Мысли» (не исключено, что им был бывший соредактор этого журнала и близкий друг Гилярова и Гальперсон С. А. Юрьев) называет «Из пережитого» «одним из очень заметных и талантливых произведений нашей теперешней литературы».[2] Даже «рассказы о давно минувшем житье-бытье провинциального духовенства, городского и сельского, — удивляется критик, — выходят настолько живыми и яркими, что их нельзя отличить от личных его воспоминаний, от виденного и пережитого им самим».[3] К слову сказать, в письме к Гилярову от 3 октября 1887 г. Юрьев писал о необычайном успехе его воспоминаний у священнослужителей: «А какую пользу приносит в среде духовенства здесь Ваша автобиография! У меня ее просто расхватали».[4]

О художественном значении «Из пережитого» впоследствии (в том же 1887 г., в связи с безвременной кончиной Гилярова) писали составители некрологов. Так, автор «Журнала Министерства Народного Просвещения» (вероятно, друг Гилярова и редактор этого издания Л. Н. Майков) констатировал: «После того как в “Русском Вестнике”, в коем Н. П. Гиляров-Платонов, в начале шестидесятых годов, был постоянным сотрудником, начался и затем закончился уже отдельным изданием замечательный автобиографический труд покойного “Из прожитого”, в коем проявился впервые беллетристический талант Н. П. Гиляров-Платонова, давшего в этом произведении превосходную характеристику эпохи

---

[1] *<Данилевский Г. П.>*. «Из пережитого». С. 2.

[2] *<Юрьев С. А.?>*. Из пережитого. Автобиографические воспоминания Н. Гилярова-Платонова. В двух частях. Изд. Товарищества М. Г. Кувшинова. Москва, 1886—1887 гг. // Русская Мысль. 1887. Кн. 5. С. 287. (Библиогр. отдел).

[3] Там же. С. 286.

[4] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 723. Л. 4.

своей молодости».[1] Ему вторил автор «Вестника Европы» (возможно, А. Н. Пыпин или сам редактор М. М. Стасюлевич): «Недавний автобиографический труд Гилярова-Платонова “Из прожитого” обнаружил в нем способность бытописателя и бросил яркий свет на целую область русской жизни, в двадцатых и тридцатых годах нынешнего века».[2]

К своду печатных критических суждений о гиляровских воспоминаниях добавим некоторые интересные оценки, встречающиеся в письмах его друзей и знакомых. Видный чиновник Министерства народного просвещения, член Совета Главного управления по делам печати Н. Н. Новиков писал Гилярову о своем впечатлении от первых глав, печатавшихся в журнале (в письме от 26 октября 1884 г.): «“Рус<ский> Вестник” получаю и прежде всего читаю “Из прожитого”, а прочитавши, досадую, что продолжения придется ждать целый месяц. В безутешном содержании описываемой жизни Вы сумели мастерски выставить таившийся в нас спасительный дух, неудержимо творивший и характеры, и светлое миросозерцание в людях с характером. Яркими красками написали Вы и картину печального духовного саморазрушения, которым жили и учителя, и ученики в пройденных Вами училищах; но еще ярче и светлее вышли блики индивидуального самоспасения талантливых людей. Но сердце сжимается при мысли, сколько же гибло ординарных сил».[3] И далее Новиков проницательно пишет о Гилярове как о художнике слова, и особенно *русского* слова, и мастере литературной формы: «Не пишу я ни литературного разбора, не льщу вам и панегириком. Но мастера литературного слова должны позавидовать русскости Вашего слова. Глубоко же Вы черпнули в родниках родного языка и красоту, и меткость, и пластичность, и силу выражений: ни единого признака побиратель-

[1] <*Майков Л. Н.?*>. Н. П. Гиляров-Платонов // *ЖМНП.* 1887. Ч. 254, нояб. Отд. IV: Соврем. летопись. С. 38. Гиляров писал Майкову 24 марта 1887 г., высылая ему в дар свой двухтомник: «Так как одна из целей книги — педагогическая, то, может быть, нашлась бы возможность почтить ее отзывом на страницах издаваемого Вами “Журнала”» (ИРЛИ. Ф. 166. Оп. 3. Ед. хр. 338. Л. 1—1 об.).

[2] <*Без подписи*>. Н. П. Гиляров-Платонов // *ВЕ.* 1887. Т. 128, кн. 11. С. 452. (Из обществ. хроники).

[3] Письма к Н. П. Гилярову-Платонову о воспоминаниях «Из пережитого» и очерке «Экскурсии в русскую грамматику» (1884, 1886) / Публ. А. П. Дмитриева // *Гиляров: ИМБР*. С. 466.

ства в чужих языках — ни единой черты и намеренного крохоборства в родном: каждое Ваше слово в свою силу стоит на своем месте в Вашем бытовом, столько же философски-мудром, сколько поэтически-увлекательном рассказе и о своем быту, и о бытовом саморастлении окружавшей нас среды. Завидное вышло произведение по форме, манере и приемам литературным. Люди с самомалейшею долею понимания художественных и стилистических красот в словесных произведениях не могут не любоваться Вашим живым и полным, захватывающим душу содержанием очерком. Очень буду польщен, и непременно перечитаю, когда подарите меня отдельною книжкою».[1]

Историк и публицист И. П. Корнилов выявлял «славянофильский» нравственный подтекст мемуаров (в своем письме от 18 августа 1887 г., где благодарил за полученный в дар двухтомник): «С живейшим интересом читал Вашу исповедь. Какой богатый материал для бытовой нашей истории, так мало еще разработанной. Глубокое Вам спасибо за высокое наслаждение, которое испытываю. Так и веет родной русской стариной, в которой столько прекрасного и доброго, несмотря на ее иногда грубоватую, неказистую внешность. Как грустно, что в нашей неразборчивой погоне за Европою мы воспользовались главнейшим образом только ее фраками, прическами и разговорными языками, но утратили многие свои положительные серьезные качества и нравственно понизились и опошлились».[2]

Бывшая гимназическая учительница Гальперсон, М. И. Гозадинова, писала ей из Херсона 27 марта 1887 г., ставя «Из пережитого» в контекст европейской мемуаристики и раскрывая своеобразие книги Гилярова: «Что же касается “Воспоминаний”, то нельзя не признаться, что среди многочисленных и не всегда бесцветных воспоминаний, появлявшихся в последнее время на страницах европейских журналов, эти “Воспоминания” выдаются не только как живая картина недавнего прошлого, но и — скажу так — как психологический этюд».[3] Существенно и то, как, будучи начитанной и вообще высокообразованной женщиной,

[1] Там же.
[2] РНБ. Ф. 377. Ед. хр. 347. Л. 1.
[3] ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 50. <№ 10>. Л. 1 об.

Гозадинова определяла место Гилярова в русской литературе: «Я не говорю, что по слогу мы можем судить о человеке: слог может только показать — и то не всегда — его темперамент; но миросозерцание человека показывает нам его душу; и если б я читала “Воспоминания” лет десять тому назад, я бы сказала, что уважаемый Никита Петрович есть последний из идеалистов. В настоящее время я не могу сказать „последний“, так как я вижу появление нового поколения людей, имеющих идеальные стремления».[1] Творчество Гилярова, как можно судить, автору этого письма казалось неким связующим звеном между лучшими образцами литературы 1840—1850-х гг. (в одной из передовых статей 1882 г. Гиляров писал: «Мы, те люди, которых зовут людьми сороковых годов <…>»[2]) и теми ее достижениями, что подготавливали расцвет культуры на рубеже веков.

***

Выше говорилось о «Былом и думах» Герцена как некоей «либерально-западнической» параллели к воспоминаниям Гилярова. Но если вести речь о прямых предшественниках Гилярова, то, как уже упоминалось, прежде всего следует назвать «Семейную хронику» и «Воспоминания» С. Аксакова, а также автобиографическую трилогию и «Исповедь» Л. Толстого.

В своей рецензии 1856 г. на аксаковские произведения Гиляров высоко оценил явленное в них «беспристрастное сочувствие к народной жизни в высшем ее смысле, отсутствие отвлеченности и условности в воззрении, стремление художественно примирить высшие начала жизни с формами народной действительности».[3] Спустя три десятилетия в книге «Из пережитого» он показал, несомненно, собственный опыт такого художественного примирения и гармонизации «высших духовных начал с осмеянными, оплеванными, презренными формами жизни».[4]

---

[1] Там же.

[2] *Сб. соч.* Т. II. С. 500.

[3] *Гиляров-Платонов Н. П.* Семейная хроника и Воспоминания. С. Аксакова. Москва. 1856 // *Сб. соч.* Т. I. С. 82.

[4] Там же. С. 94.

Определяющей для Гилярова становится глубоко прочувствованная нравственная оценка разнообразных событий исторической и частной жизни, имеющая, между прочим, педагогическую задачу, то есть как раз то, чем он восхищался, читая С. Аксакова: «Да, в этой книге слышите вы столько художественно воспроизведенной правды, столько нравственной чистоты, столько, чувствуете, положено в ней сочувствия к доброму, и единственно к доброму, что не обинуясь мы поставили бы ее в число первых книг к нравственному воспитанию юношества».[1]

Гиляров же и адресовал «Из пережитого» прежде всего молодому поколению России. Не забудем, что 1860—1880-е гг. стали печально знамениты как период политического террора, период разрыва связи времен. Гиляров написал книгу, высветляющую самое главное и лучшее в русской культурной традиции и в русском национальном характере — как раз то, что, сами не сознавая того, представители «передового» молодого поколения обрекали на гибель в пучине революционного хаоса. Он писал князю Шаховскому 17 ноября 1884 г.: «Я бы очень утешен был, если бы мои Воспоминания оказали на молодежь влияние. Ах, как бы я этого желал! Не поверите моему восторгу, когда мне сказали вчера, что студент, живущий в одних со мною нумерах, зачитался, начав читать одну из последовательных частей; то есть зачитался буквально, не дохлебывал чая и потом стал умолять Евдокию Ивановну[2] дать ему начало и продолжение. <…> Я мечтаю о том, чтобы книга, когда она выйдет вполне, не только читалась, но оказала просветительное влияние».[3]

Еще один важный аксаковский урок, хорошо усвоенный Гиляровым, касается — воспользуемся его же словами — «естественности слововыражения».[4] Противопоставив прозрачный и ясный стиль Аксакова «резкой свежести» оригинального гоголевского стиля, Гиляров продолжал проводить аналогичные па-

---

[1] Там же. С. 103.

[2] Речь идет о сироте, дочери трагически погибшего мастерового, строившего дачу Гилярову, Е. И. Орловой, которая жила в доме Гиляровых на правах приемной дочери и помогала в занятиях по конторе.

[3] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 503. Л. 11.

[4] *Гиляров-Платонов Н. П.* Семейная хроника и Воспоминания. С. Аксакова. С. 114.

раллели и дальше. Он писал: «Язык г. Аксакова напоминает нам аккуратную прозу Пушкина и Лермонтова, но отличается, однако ж, от нее опять отсутствием тщательной выделки, которая, как ни искусно скрыта у обоих этих писателей, однако все-таки слышна и представляет, правда мало заметную, какую-то напряженность».[1] (Как раз необычайная безыскусность образного и живого слова Гилярова ставила некоторых его критиков в тупик, вынуждала, словно против их воли, отказывать его мемуарам в художественности.[2])

О сложных взаимоотношениях, личных и творческих, связывавших Гилярова с Л. Толстым, еще пойдет речь. Несомненно, сугубый психологизм, отличающий лепку автобиографического образа в мемуарах «Из пережитого», восходит к художественным достижениям раннего Толстого. Внимательно читал Гиляров и роман «Война и мир», возможно способствовавший воспитанию в нем вкуса к эпичности, и в одном из первых номеров своей газеты поместил очень теплую рецензию на отдельное издание произведения.[3] О толстовской же «Исповеди», отзыв Гилярова о которой так оскорбил богословствовавшего писателя,[4] есть интересное упоминание в его письме к князю Шаховскому от 17 ноября 1884 г. Он тогда колебался, стоит ли ему описывать последние годы пребывания в семинарии и учебу в Академии, ибо это был период «религиозно-философских сомнений», но был уверен: «Исповедь об этом представила бы параллель жалкой исповеди Толстого, который был и есть, при всем таланте, все-таки игнорант прежде всего».[5]

Вместе с тем в художественных поисках Гилярова можно видеть предвозвестие будущих достижений писателей новой генерации — того же Марселя Пруста («По направлению к Свану») и Ивана Бунина («Жизнь Арсеньева»), правда, без их изысканной образности и подчас причудливо оригинальной вы-

---

[1] Там же. С. 116.

[2] См. рецензии Г. П. Данилевского (*ПВ.* 1887. 1 мая. № 92. С. 2) и С. С. Татищева (*ИВ.* 1887. Т. 29, авг. С. 454).

[3] *<Гиляров-Платонов Н. П.>*. Новые книги: <Рец. на: Толстой Л. Н. Война и мир. М., 1968. Т. I—III> // *СИ.* 1868. 11 янв. № 10. С. 1—2.

[4] *Гиляров-Платонов Н. П.* Письмо к С. А. Юрьеву об исповеди гр. Л. Н. Толстого // *Сб. соч.* Т. II. С. 287—291. Републиковано нами: *Гиляров: ИМБР*. С. 644—648.

[5] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 503. Л. 10—10 об.

делки слога. Прежде всего имеем в виду элементы импрессионизма, пристрастие к необычным ассоциациям, эмоциональную утонченность и поглощение вещной конкретики всепроникающим интеллектуальным началом, возводящим отдельные жизненные явления к их метафизическим азам. А главное, что позволяет говорить об этом, — то, что в воспоминаниях Гилярова не менее, чем воссоздание прошлого, важен авторский голос, постоянно звучащий в повествовании, причем предметом изображения становится сама память и авторское сознание (чаще это проявляется в многочисленных «лирических» отступлениях писателя). Впрочем, это качество мемуарной прозы Гилярова, вероятно, восходит опять же к «Семейной хронике» С. Аксакова. Сошлемся на утверждение Н. Г. Николаевой из ее диссертации, где оно всесторонне доказывается: «Тенденции, которые ведут к феноменологической прозе XX века И. Бунина, А. Белого, В. Набокова, М. Пруста, обнаруживаются уже и в произведениях С. Аксакова, где мы наблюдаем наслоение разных временных планов и игру точек зрения».[1]

Гиляровский «роман воспитания», как и произведения Аксакова и Толстого, основан на абсолютно достоверных событиях, конечно, из тех, что удержаны и отсортированы памятью. В то же время неприкрашенные житейские реалии не превращают воспоминания Гилярова в подобие обличительных «Очерков бурсы» Помяловского или же ироничных «Мелочей архиерейской жизни» Лескова. Заслуга Гилярова в том и состоит, что он сумел при возможно более полном беспристрастии очень искренно, главным образом на примере своей семьи, рассказать о судьбе духовного сословия через столетие после коренного перелома русской жизни, связанного с петровскими преобразованиями. При этом реальное содержание мемуаров с первых же страниц переросло рамки семейной хроники.

В одном из писем к Романову-Рцы (от 23 ноября 1886 г.) Гиляров заметил: «Христианство, известным образом понятое и усвоенное, и составляет один из элементов русской народности. В связи с этими, физиологически духовными, как я сказал, или, точнее, этнопсихическими задатками, вера с народностью со-

[1] *Николаева Н. Г.* «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука» С. Т. Аксакова: формы письма и традиции жанра: Автореф. дисс. … канд. филол. наук / Ин-т филологии ОИИФиФ СО РАН. Барнаул, 2004. С. 17.

ставляет целое, нераздельное. Без так называемого Православия исчезает русская народность как таковая <…>».[1] Отсюда понятно, что глубокое и всестороннее изображение Гиляровым православной среды было одновременно и даже по преимуществу попыткой отобразить русский национальный характер.

Свои взгляды на то, как следует изображать русский быт и жизнь русского народа, если не забывать при этом о нравственной ответственности за печатное слово, Гиляров высказывал в 1867 г. в одной из неопубликованных передовых статей (для газеты «Москва»). Здесь он полемизировал с либерально-обличительной и радикальной литературой своего времени. Приведем обширную выдержку из этой программной статьи: «Бесплодно и гибельно было отрицательное направление, недавно у нас господствовавшее и еще не совсем исчезнувшее, — законное дитя колоссального отрицания, которое совершено над нами самою историею. Но тем ли оно было и бесплодно, и гибельно, что относилось к явлениям русской жизни отчасти с презрением, отчасти с негодованием? Тогда члены английского парламента, расписывающие по временам в мрачных красках свои общественные неустройства, были бы жестокими нигилистами; а пустозвонство француза, восхищающегося всем французским, было бы признаком высокой положительности. Наши отрицатели протестовали против явлений русской жизни, но во имя явлений же, только чужой жизни, или во имя исторических начал, но чужих, или во имя начал даже не исторических, а во имя отвлеченных идей и фантастических упований. Это было и безумно, и бесплодно, потому что народная жизнь может здраво развиваться только на собственном корню. Наконец, это было и гибельно: все сырое чужое и все неорганическое отвлеченное, вводимое в организм народный, действует на него так же разрушительно, как разрушительно действуют чужие, не перебродившие соки или минеральные кислоты, вводимые в организм растительный».[2]

Понимание и любовное приятие коренных основ национальной жизни и дает нравственное право на критическое отношение к ее несовершенствам и по-

[1] *Письма к Рцы*. С. 302.
[2] Там же. Ед. хр. 352. Л. 2 об.

рокам: «Но отличите начала от явлений, но признайте русский народ, его веру, его язык, его историю, его бытовой и нравственный склад. Из-за этих идеалов протестуйте потом, сколько хотите, против явлений русской же жизни: ваш протест, ваше отрицание будут возбуждением к жизни, созиданием, а не разрушением; они способны разрушить только ложь и призрак, одно то, что само в себе носит зерно разрушения. И чем выше будете вы чтить свои начала, тем строже и беспощаднее отнесетесь вы к самой жизни, тем сильнее будет ваше негодование и тем оно будет плодотворнее <…> строго потребуете гораздо большего, сознавая высокие задатки нашей истории, сознавая высокий долг, наложенный ими на нас, и памятуя по сему, что русский народ (скажем словами Хомякова, которые он говаривал) выше всех *возможных,* как английский выше всех *действительных*».[1]

Глубокому же воплощению Гиляровым русского национального характера способствовало то, что в центре его внимания оказывается уездное коломенское духовенство, живущее будто во вневременном континууме, «многоярусном быте». Время тут словно бы остановилось. Гиляров пишет: «Духовенство же есть вообще особенный мир; а семья, среди которой я вырос, была и среди особенных особенная: она жила в XVII веке, по крайней мере на переходе в XVIII».[2]

Патриархальностью отличался и учебный процесс в Коломенском духовном училище. Любопытно, что в русской церковной школе — при всех ее недостатках, которых автор и не думает скрывать, — успешно апробировались педагогические приемы и методы, вставшие на повестку дня в светской школе по-настоящему, пожалуй, только в XX в.: уважение личного достоинства ученика, дифференцированное обучение в зависимости от способностей ребенка, приучение к самостоятельности и самодисциплине. Причем в духовном училище, в общем-то, была та же обстановка семейственности, очень теплая, основанная на чувстве взаимопонимания и справедливости («Справедливость, — замечает пи-

[1] Там же. Л. 2—2 об.
[2] *Из пережитого*. Т. 1. С. 6.

сатель, — своего рода конституция»[1] духовной школы).[2] Характерны здесь примеры, приводимые Гиляровым: о протесте бурсаков против жестокого учителя Малинина, — протесте, который в любой светской школе был бы принят за бунт и привел бы к наказанию самих ребят, или об озорных насмешках шалуна над отцом ректором (в духе библейского Хама), исправленных почти тут же приношением корзины с фруктами.

И вообще, яркие, выпуклые образы, глубокие, далеко не тривиальные мысли и задушевный тон повествования Гилярова, присущие первоклассным художественным произведениям, покоряют читателя с первых же страниц. Чего стоит изображение пустых страхов, когда жители покинули Коломну, опасаясь нашествия французов в 1812 году! И замечательное по художественной точности и лаконичности описание возвращения с использованием такого вот образа: «Было не только все спокойно, но оказалось и все сохранно. Не дохваченный на дорогу кувшин с молоком, случайно оставшийся на крыльце, стоял в том же положении; только вместо молока в нем была уже сметана».[3]

Талант опытного публициста-философа проявился в мемуарах в полной мере, и прежде всего там, где реалии полузабытого и уходящего в прошлое сопоставляются с деталями эпохи, современной Гилярову в последний период его жизни — 1880-х годов. Впрочем, зачастую такое сопряжение *старого* и *нового* наделяется возможностью порождать универсальные ассоциации и спорадически приобретать актуальное звучание. Например, как не задуматься о мертвящем воздействии на нас сегодняшних тотальной «казарменной» стандартизации, когда читаешь у Гилярова об административных преобразованиях в Коломне, упразднивших в ней епископскую кафедру в 1799 г.: «Опустела родина. Она подошла под тот тип казенщины, который там раньше, там позже, но неуклонно повсюду овладевает Россией, стирая все бытовое, местное, историческое,

[1] Там же. С. 51.

[2] См. об этом подробнее: *Дмитриев А. П.* Вопросы веры у Гилярова-Платонова // *Возвращение*. С. 31—45; *Егоров О. Г.* Духовная школа в России 1820—40-х гг. в трудах Н. П. Гилярова-Платонова // Педагогика. 2014. № 8. С. 83—92.

[3] Там же. С. 54.

не щадя ни одного уголка, ни одного отправления общественной жизни. Раньше развенчаны Ростов и Переславль, позже или одновременно с Коломной Белгород и Переяслав».[1]

Или сравнение русских приверженцев Наполеона в 1812 году с либералами, для которых слова *родина*, *патриотизм* — пустой звук: «В числе тогдашнего образованного общества были сочувствовавшие Наполеону, и молодежь преимущественно. Сличая с настоящим временем, приравниваю тогдашних поклонников Наполеона к теперешним либералам-космополитам. То были тоже либералы и тоже космополиты. Наполеон — не только великий человек, но чадо революции, наследник великих идей свободы и восстановления человеческих прав. Грубая, невежественная, рабская Россия получит свет и свободу от всемирного гения».[2]

Следует отметить и то, что, хотя в центре внимания Гилярова — родственная ему с рождения духовная среда, его мемуары претендуют на некоторую энциклопедичность в изображении русской жизни 1780—1840-х годов. Перед нами галерея не только представителей белого и черного (монашествующего) духовенства, но и дворян (самодуры князья Черкасские; помещик Похвиснев, вольнодумец «Новиковской школы»; широко образованный, но спившийся Талистов), купцов (прежде всего Мещаниновы, соседи и благодетели семейства священника Петра Никитского, отца Гилярова), чиновников (дядя Гилярова Федор Матвеевич мало чем отличается от старых подьячих из щедринских «Губернских очерков»), полицейских (например, замечательный сыщик дядюшка Петр Иванович), ямщиков, печников, лакеев... Точно сказал в одной из своих статей коломенский поэт и краевед Р. В. Славацкий: «Мы бродим по старой Коломне, по гиляровскому городу. Но улицы молчат, они мертвы для нас — давно исчезли старики, что хранили предания XVIII и XIX столетий… Но стоит взять первый том “Из пережитого”, и, словно полуденное солнце, вспыхивают видения давних дней — то забавные, то страшные, то таинственные. Идут надменные купцы,

[1] Там же. С. 32.
[2] Там же. С. 57.

юркие стряпчие, степенные батюшки, их говором, их насмешливыми присказками наполняются древние улицы. Прошлое возвращается».[1]

Существуют косвенные сведения, будто Гиляров время от времени приезжал в Коломну, после того как уже обосновался в Москве. Они не подтверждаются, однако, свидетельством вдовы Гилярова Веры Алексеевны, которая в 1893 г. рассказывала князю Шаховскому, что только один раз они с мужем побывали в Коломне, «приезжали поклониться могиле родителей его».[2] И если это действительно так, то, значит, Гиляров относился к тому разряду людей, которые свято и трепетно берегут в душе свои детские представления и ощущения и не хотят их перемешивать с новыми впечатлениями, словно бы суеверно опасаясь за их неповрежденную целостность. Образ родины, города детства остался в сознании Гилярова как бы застывшим в вечности, светлым и праздничным, не тронутым разъедающей рефлексией зрелых лет. Поэтому, видимо, так легко легли на бумагу воспоминания о Коломне и так увлекательно их читать. Впрочем, Гиляров всегда поддерживал связи с коломенскими родственниками и знакомыми, и коломенская тема никогда не иссякала в его газете.

Надо подчеркнуть, что симпатии славянофилов, исходя из их мировоззренческих установок, всегда были на стороне *провинции*, в идеале воплощавшей близость к природе, средоточие нерастраченных народных сил, полноту христианской духовности, — в противоположение *столице*, по их представлениям, нравственно порабощенной экспансией чуждой, европейской цивилизации. Не случайно провинциальный топос предрасполагал к разрешению наиболее существенных, проклятых вопросов русской действительности («разговоры в Подмосковной»), а Абрамцево и Богучарово предпочитались для жизни обеим столицам, но прежде всего, конечно, Северной. Безусловно, Гиляров всецело сочувствовал славянофильской реабилитации русской провинции, что и подтверждается его книгой «Из пережитого», в самой двухтомной структуре которой *провинция* (Коломна, где родился автор и прожил до 12 лет) уравнена со *столи-*

[1] *Славацкий Р.* Гиляров // Благовестник. <Коломна>, 2004. Июль. № 7. С. 2.

[2] *Шаховской Н. В., кн.* Матерьялы для биографии Н. П. Гилярова-Платонова // РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 49. Л. 46 об.

цей (Москвой, в отличие от Петербурга, «хорошей, славянофильской» столицей). Причем коломенские страницы согреты большей сердечной теплотой, повествование здесь исполнено эпической свободы, ощущения внутреннего покоя и защищенности (несмотря на изображение мрачных сторон жизни в период обучения в Коломенской бурсе); от московской же части, сюжеты которой более динамичны, где на смену провинциальному простодушию приходят эгоистический расчет и жесткость во взаимоотношениях людей, веет тревогой, холодом, чувством бездомности.[1]

Вместе с тем в московской части воспоминаний повествование становится более сюжетным, это особенно касается страниц, где Гиляров увлекательно рассказывает о своих блужданиях по Москве (после «бегства» из Поддевичья от старшего брата), последующей жизни на Зацепе, в доме священника Богданова, и о сближении с его семьей.

Удивительно выразительна, красочна и своеобычна гиляровская Москва — она стремительно меняет свой облик, то и дело перестраивается, но при этом не отказывается от своей вековечной роли — быть средоточием русской духовности. Вместе с тем памятники, дома, площади, улицы, сады увидены как бы впервые — глазами приехавшего покорять столицу провинциального юноши. Все его впечатления очень свежи и непосредственны. К тому же мемуаристу важно показать городские реалии в потоке времени. То и дело встречаются упоминания тех или иных объектов с добросовестным перечислением имен их владельцев, которые удержались в памяти автора, — вроде таких: «в сад Чижова (прежде Милюковой, а теперь Ганешина)», «в доме князя Белосельского-Белозерского, на Тверской (дом Малкиеля потом, теперь Носовых)».[2]

Обучение в столичной семинарии отличалось большой интенсивностью, потому что, помимо выполнения обязательных письменных работ и других зада-

---

[1] См. подробнее: *Дмитриев А. П.* Апология провинции у славянофилов (черновой набросок статьи К. С. Аксакова «Провинция и столица» и воспоминания Н. П. Гиляров-Платонова «Из пережитого») // Печать и слово Петербурга: Петербургские чтения-2016: XVIII Всерос. науч. конф.: Сб. науч. тр.: В 2 ч. СПб., 2017. Ч. 2: Литературоведение. Лингвистика. С. 50—55.

[2] *Из пережитого*. Т. 1. С. 279, 295

ний профессоров, Гиляров занялся самообразованием, окунулся в мир «большой» философии и богословия. У него началась выработка сознательных убеждений, неизбежно проходивших через «горнило сомнений». Это был благотворный опыт, позволивший впоследствии находить все новые аргументы в пользу дореформенной семинарской системы (правда, под пером Гилярова она несколько идеализируется). В одной из передовых статей 1868 г. он сетовал: «…в обществе никакой умственной устойчивости; видим увлечения, почти не видим убеждений». И тут же предлагал рецепт: «Не то бы было, если бы школьное образование было не простым усвоением, а сопровождалось размышлением и критикою, с полною свободою сомнений направо и налево. Ничто тогда не застращало бы молодого ума, ничто не увлекло; ничего бы он не допустил до себя без критической проверки, и всего менее те теории, которые идут наперерез преданиям».[1]

Если в бытии коломенского духовенства само понятие «общественная жизнь» было чем-то абсолютно не актуальным и даже неведомым (Гиляров пишет: «Обойду ли молчанием общественную жизнь родного города в более обширных пределах, нежели приход? Ее не было; но в том и дело»[2]), то в Москве юноша мало-помалу проникается сознанием непреложной силы духовного единства, которое реально связывает его с соотечественниками всех социальных слоев снизу доверху, а средства этой связи — отеческая вера, родной язык, народные обычаи, исторические легенды и предания, проверенный временем государственный строй. И все это одухотворяет интимное человеческое бытие и, исполняя его религиозно-практическим идеализмом, придает ему действенный смысл. В мемуарах этот процесс обобщается в лапидарной формулировке: «Но кроме школьной подготовки была другая, жизненная; кроме умственной выправки — другая, духовная; кроме образования — культура».[3] Настоящий же прорыв совершается, когда герой книги, выходя из скорлупы герметического самопознания и самолю-

---

[1] *<Гиляров-Платонов Н. П.>*. Москва, 24 мая // *СИ*. 1868. 24 мая. № 140. С. 2.
[2] *Из пережитого*. Т. 1. С. 113.
[3] Там же. С. 302.

бования, вдруг задается нетерпеливым вопросом: «Чем живет душа квартального?»[1]

Конечно, от такого выдающегося участника литературно-общественного движения, как Гиляров, современники вправе были ожидать дальнейшего развития мемуарного действия, портретов и характеристик видных деятелей культуры, с которыми его сталкивала жизнь, оригинальных оценок важных религиозно-общественных и литературных явлений и событий. Об этом прямо писали рецензенты его воспоминаний: «Может быть, когда-нибудь автор нам расскажет о своей деятельности на ученой и политической арене, на своем издательском, журнальном поприще? Будем надеяться»;[2] «От всей души желаем, чтоб уважаемый автор, не откладывая вдаль, принялся за этот новый труд, который, несомненно, представит собою весьма ценный материал для истории просвещения и движения идей в России за последние пятьдесят лет».[3] Выше уже упоминалось, почему Гиляров даже не планировал такого продолжения «Из пережитого», к тому же поначалу предполагал завершить книгу, написав только 46 глав (всего же их оказалось 63).

Тем не менее, если и не учитывать два мемуарных очерка, описывающих события 1852 и 1858 гг., уже в «автобиографических воспоминаниях» встречаем и развернутые характеристики, и отдельные штрихи, складывающиеся в запоминающиеся портреты таких замечательных деятелей истории и культуры, как митрополит Филарет (Дроздов) и его личный секретарь А. П. Святославский, А. С. Хомяков, опальный богослов архимандрит Феодор (Бухарев), юродивый И. Я. Корейша, профессора Московской духовной академии Ф. А. Голубинский, П. С. Делицын, А. В. Горский и многие другие.

Да и в целом меткость и оригинальность гиляровских суждений, живописность изображения давнопрошедшего, точность психологических мотивировок и словесно-стилистическое изящество делают книгу «Из пережитого» уникальным мемуарным источником и замечательным литературным памятником.

---

[1] Там же. Т. 2. С. 49.

[2] *Т—в С. <Татищев С. С.?>*. Из пережитого. С. 454.

[3] *<Юрьев С. А.?>*. Из пережитого. С. 287.

Самой же ценной интеллектуальной посылкой, берущей свое начало еще из опыта первой юности и не утратившей своего значения в перспективе всей последующей жизни Гилярова, была буквально выстраданная им мысль о вожделенной свободе человеческого духа. В Послесловии он призывает своих читателей к осознанию именно этого: «А вечная, неотступная боль о формальной истине <…> гнала неугомонный ум от писателя к писателю, от вопроса к вопросу, не останавливая на авторитете, подвергая критике каждого; не останавливаясь и на критике, а для каждого явления, мнения, верования ища оснований в жизни; поселив окончательно убеждение, ставшее потом для меня коренным: в призрачности всех формул; в добросовестном самообмане всех мнений, как бы ни казались они бесспорными; в зависимости всех мнений и верований от душевных требований нравственного или животного порядка, смотря по обстоятельствам».[1]

* * *

Примыкают к основному корпусу «Из пережитого» два мемуарных очерка, написанных Гиляровым в тот же период: «Урезанный документ» (1884) и «Возрождение Общества любителей российской словесности в 1858 году» (1886; опубл. 1891). Первый из них имел подзаголовок «Отрывок из воспоминаний», указывающий на фрагментарность изображаемых событий: взят один лишь эпизод, происшедший в июле 1852 г., в период преподавательской деятельности автора в Московской духовной академии. О втором очерке (первоначально — *речи* в заседании Общества) библиограф Д. Д. Языков говорил: «Эта “Речь” любопытна как важный материал для истории Общества любителей российской словесности <…> и как живая характеристика нескольких литературных деятелей, особенно Константина Сергеевича Аксакова, М. Н. Лонгинова и А. С. Хомякова. Кроме того, ее можно считать интересным продолжением автобиографических “Воспоминаний” Н. П. Гилярова-Платонова».[2]

---

[1] *Из пережитого*. Т. 2. С. 98.

[2] *Языков Д. Д.* Обзор жизни и трудов покойных русских писателей. М., 1893. Вып. 7. С. 21—22.

В очерке «Урезанный документ» при сохранении увлекательной живости мемуарного повествования автор сумел с необычайной, афористической емкостью изобразить суть двухвековой полемики со старообрядчеством и гонений на него. Это, наряду с циклом «Логика раскола», была своего рода апология принципиальных научных и — более того — гражданских убеждений, выработанных еще в 1840-е гг. Гиляров упорно шел вразрез с государственным репрессивным курсом (правда, ставшим либеральнее в пореформенный период). Стоит ли удивляться силе негодования его противников, прямо утверждавших о Гилярове: «На страницах своего издания — “Современные Известия” — он выступал не менее прилежным защитником религиозных прав “старообрядчества”, чем Н. С. Лесков. Мало этого, “Современные Известия” были прямо-таки органом раскольников, в них появлялись то и дело раскольнические “протесты”, “недоумения”, “жалобы” и проч.».[1]

Хотя в центр очерка поставлена фигура Филарета (Дроздова) и он первоначально (в черновом автографе) имел название: «Аутодафе митрополичьего мнения»,[2] — владыка здесь мало похож на инквизитора. Гиляров вспоминал, как вольно обращался Филарет с историческими документами, в частности уничтожив письменное свидетельство митрополита Платона (Левшина) — резолюцию на книге старообрядческого инока Никодима «О преданиях церковных» — о его опыте полемики с раскольниками, приведшем к убеждению в тщете этих попыток переубеждения инаковерующих, тем более путем репрессий (текст рецензии успел скопировать любимый ученик Гилярова И. А. Вениаминов, и впоследствии его анализировали, в частности, Вл. С. Соловьев и В. В. Розанов[3]). В нить рассказа, воспроизводящего диалоги сослуживцев по Академии, перемежаемые их оценками, Гиляров мастерски вплетает краткий исторический очерк противо-

---

[1] *Марков В. С., <прот.>*. К истории раскола-старообрядчества второй половины XIX столетия: Переписка проф. Н. И. Субботина, преимущественно неизданная, как материал для истории раскола и отношений к нему правительства (1865—1904 гг.). М., 1914. С. 90.

[2] ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 29. <№ 1>. Л. 2.

[3] См.: *Соловьев Вл.* Вопрос о «самочинном умствовании» // *ВЕ*. 1892. Т. 158, кн. 12. С. 866—867; *Розанов В.* Папская «непогрешимость» как орудие Реформации без революции // *НВр*. 1902. 19 февр. № 9326. С. 2.

раскольничьей полемики в России. Поначалу Гиляров послал свой очерк в «Русскую Старину», но ее редактор М. И. Семевский не решился его опубликовать, посчитав нецензурным. И тогда положение спас И. С. Аксаков, напечатавший воспоминания друга в № 19 своей газеты «Русь» от 1 октября 1884 г.

В очерке «Возрождение Общества любителей российской словесности в 1858 году» Гиляров опирается на статью М. Н. Лонгинова «Общество любителей российской словесности при Императорском Московском университете»,[1] некоторые фактические сведения для которой в свое время поставлял автору он сам.[2] Прочитанный в публичном заседании в качестве юбилейного доклада (Обществу исполнялось 75 лет), да и приуроченный специально к этой дате, он первоначально имел точно такой же подзаголовок, что и «Урезанный документ», — «Отрывок из воспоминаний».[3] В письме к Романову-Рцы от 18 декабря 1886 г. Гиляров упоминал об успехе, выпавшем на его долю: «Два воскресенья сряду (7 декабря и 14) я читал в Обществе любителей словесности <…> в первое — о пробуждении упомянутого Общества в 1858 году, чему я был свидетелем и отчасти участником. Общество замирало на 24 года, потом встало. Инициаторами были: К. и С. Аксаков и Хомяков, а с ними и Лонгинов. Пришлось коротенько сказать о всех четырех. Эта речь будет напечатана в Сборнике, который издает Общество по поводу своего 75-летнего юбилея (то же обстоятельство послужило к произнесению речи). Приняли меня *очень* хорошо; неумолкаемыми рукоплесканиями проводили чтение, оценив, впрочем, сколько мог заметить, только *юмор*, которым, видите, я богат».[4]

И действительно, описание Гиляровым переломного момента в существовании одного из наиболее почтенных русских литературных сообществ оказалось необыкновенно ярким, эмоциональным и вместе с тем изобиловало многими ценными подробностями. Оно проникнуто тем воодушевлением и свет-

---

[1] *РВ*. 1858. Т. XV, июнь, кн. 2. С. 596—612.

[2] См. недатированное письмо Гилярова к Лонгинову с сообщением об изменениях цензурных требований к изданию Трудов Общества любителей российской словесности в 1842 и 1854 гг.: ИРЛИ. Сигн. 23147. Л. 11.

[3] *Мендельсон Н. М.* Общество любителей российской словесности... Прил. С. 151.

[4] *Письма к Рцы*. С. 313—314.

лым оптимизмом, которое испытывало его поколение в период подготовки либеральных реформ.

Да и впоследствии Гиляров не был разочарован в деятельности Общества и помогал ему, как мог, например, с 1871 г. бесплатно помещал в своей газете его объявления.[1] А в передовой, посвященной итогам Пушкинского праздника 1880 г., он писал о воспитательном значении Общества, преодолевающего «разложение нравственное и умственное», которому подверглась русская жизнь в 1840—1870-е гг., «как, в сущности, ни мал размер его деятельности и его обычный личный состав»: «Но в течение двадцати лет со времени его восстановления ни разу оно не потеряло такта, ни разу не уронило своего достоинства перед публикой; ни разу не изменяло своему призванию. Скажем более: как ни скудны бывали, по временам, литературные силы и средства Общества, ни разу не были пусты залы его собраний и ни об одном из его публичных заседаний нельзя было сказать, чтобы оно прошло без впечатлений на общество, и впечатлений чистых, высоких, благородных».[2] Именно с высоты прошедших трех десятилетий Гиляров смотрел на событие 1858 г. как на одно из самых отрадных из тех, непосредственным участником которых он был.

К ярким образцам гиляровской мемуарной прозы относятся также его речь о Хомякове («О судьбе убеждений»)[3] и многочисленные поминальные статьи, посвященные умершим политическим и церковным деятелям, а также писателям, художникам, артистам и ученым, в качестве передовых печатавшиеся в «Современных Известиях» на протяжении всех 20 лет их издания.[4] Особенно важны публикации о близком друге и единомышленнике Гилярова в течение более 40 лет И. С. Аксакове (о них еще скажем ниже), позволяющие дополнить книгу «Из пережитого» воспоминаниями о наиболее значительном, особенно

---

[1] См.: *Клеймёнова Р. Н.* Общество любителей российской словесности, 1811—1930. М.: Academia, 2002. С. 106.

[2] *Сб. соч.* Т. II. С. 490.

[3] См. об этой речи в разделе 1.4.

[4] Частично републикованы князем Шаховским: *Сб. соч.* Т. II. С. 435—523.

волновавшем самого Гилярова и составлявшем существенное содержание его жизни в 1870—1880-е гг., когда он был редактором ежедневной газеты.

3.3. Н. П. Гиляров-Платонов и С. Т. Аксаков: к истории знакомства и взаимоотношений (1852—1859)

Гиляров в конце своей жизни оказался последним из тех, кто входил в тесный славянофильский кружок в 1850-х — начале 1860-х годов (это, между прочим, подтверждается и составом московского кружка славянофилов, восстанавливаемым по 23 портретам литераторов и ученых, которые были размещены по линии карниза в знаменитой «голубой гостиной» хомяковского дома в Богучарове[1]), — наряду разве что со своим приятелем И. С. Аксаковым, которого пережил всего на полтора с небольшим года. Им двоим прежде всего и выпало быть наиболее авторитетными исповедниками и, если можно так выразиться, нравственными гарантами того творческого, живого консерватизма, которым характеризовалось мировоззрение их старших единомышленников — прежде всего отца и сына С. Т. и К. С. Аксаковых, братьев И. В. и П. В. Киреевских, А. С. Хомякова.

Вместе с тем в кругу славянофилов, как выше упоминалось, Гиляров всегда оставался своего рода «белой вороной», что проявлялось в разногласиях и принципиальных (отношение к панславизму, к расстановке политических сил на мировой арене и др.)[2] и в некоторых частных, ситуативных. Так, он писал С. А. Юрьеву 7 февраля 1886 г. в связи с кончиной И. Аксакова по поводу панславистской идеологии: «В *этнографическом родстве* я *не признаю родства духовного*, не считаю его основанием к *братству*. Единоплеменник может быть *союзником*, но какой же он *брат*? В силу чего? В силу того, что говорит он языком, похожим на мой? Только? Это наконец смешно. *Братство* условливается единством Культуры <…> я не утверждаю того, чтобы мы обязаны были нравственно слу-

[1] См.: *Троицкий Н. И.* С<ело> Богучарово. Родина Ал. Ст. Хомякова: Ист.-археол. записка. Тула, 1914. С. 21.

[2] См. об этом, в частности, во Введении.

жить болгарам (мнение Аксакова). Я ничуть не славянофил в Аксаковском смысле, опять по тому самому, что единоплеменности и единоязычию не придаю существенной цены».[1] Играло немаловажную роль и социальное положение Гилярова. В отличие от большинства славянофилов, отпрысков довольно родовитых дворянских семейств, он был выходцем из священнической среды, причем провинциальной, коломенской, и преподавателем духовной академии.

Уже говорилось, что быстрое сближение Гилярова со славянофильским кружком произошло прежде всего благодаря свежести мысли молодого бакалавра при внутренней глубине и основательности его познаний. Его авторитет как богослова и, кроме того, основательного знатока Гегеля был непререкаем в славянофильском кругу. Вскоре после знакомства со славянофилами он уже оказался востребованным автором ряда программных статей в «Русской Беседе» по эстетике, методологии истории, литературной критике, философии; а получив в мае 1856 г. место цензора, ограждал любимое детище славянофилов от репрессивных мер.[2]

При этом многие убеждения изгнанного из Духовной академии свободомыслящего преподавателя вполне отвечали мировоззренческим установкам его новых друзей. Д. Ф. Самарин во время беседы с биографом Гилярова, князем Н. В. Шаховским, состоявшейся 28 сентября 1893 г., вспоминал: «Славянофил<ов> поразило сходство в убеждениях молодого бакалавра, который совершенно особым, своим путем дошел до поразительного сходства даже в выражен<иях> и некоторы<х> убежден<иях> с ихними. После переезда в Москву были постоянно свидания и обмен мыслей».[3]

Когда же познакомились с Гиляровым С. Аксаков и все его семейство и при каких обстоятельствах это произошло?

Князь Шаховской в одной из своих биографических статей зафиксировал: «А. С. Хомяков и Аксаковы познакомились с Гиляровым-Платоновым в одно из

---

[1] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 510. Л. 2. Копия князя Н. В. Шаховского.

[2] См. об этом раздел 1.4.

[3] *Шаховской Н. В., кн.* Матерьялы для биографии Н. П. Гилярова-Платонова // РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 49. Л. 56.

посещений Троице-Сергиевой лавры, куда особенно часто езжали Аксаковы ввиду близости от Троицы их имения Абрамцева, находящегося около Хотькова. Из сохранившегося в семье Гилярова предания об этом знакомстве мы узнали, что оно состоялось после того, как либо Константин Аксаков, либо Хомяков, попав на лекцию Гилярова в Московскую духовную академию, поразился сходством направления, которое проводилось с кафедры молодым бакалавром, с тем, которое высказывалось славянофилами».[1] Основывался Шаховской, как выясняется по его записям 1893 г., на свидетельствах трех человек: 1) приятеля Гилярова в 1850-х гг. (а позднее его литературного недоброжелателя) историка и издателя П. И. Бартенева: «Со славянофилами Аксаковыми, Погодиным (?) и Хомяковым, а равно и гр. Блудовым, Гилярова познакомил П. И. Бартенев»;[2] 2) племянника Ф. А. Гилярова, филолога и журналиста: «Он же говорил, что знакомство К. С. Аксакова с Гиляровым началось, еще когда Н<икита> П<етрович> был профессором *Академии*. Аксаков попал к нему на лекцию и был изумлен сходству его воззрений с своими»;[3] 3) супруги В. А. Гиляровой-Платоновой: «С Аксаковым Н<икита> П<етрович> познакомился у Троицы, еще когда он был профессором. К<онстантин> С<ергеевич> восхитился его лекцией, случайно попадя на нее, — и тут же самого познакомил со старико<м> Аксаковы<м>, с ним познакомились. — Впоследствии — двое сынов<ей> Ник<олай> и Алексей были крестниками Ольги Семеновны Аксаковой».[4] Получается, что знакомство состоялось сначала с К. Аксаковым на лекции в Духовной академии, куда тот попал по подсказке Бартенева (о «случайности» их встречи говорила только вдова Гилярова — более других двух респондентов далекая от славянофильского кружка).

Важное свидетельство, которое князь Шаховской упустил из виду, еще раньше, сразу после смерти Гилярова, оставил Н. П. Аксаков со слов Ю. Ф. Са-

---

[1] *Кн. Н. В. Ш. <Шаховской Н. В.>*. Н. П. Гиляров-Платонов и А. С. Хомяков: (По сочинениям и письмам Гилярова) // *РО*. 1895. Т. 36, нояб. С. 14.

[2] *Шаховской Н. В., кн.* Матерьялы для биографии… Л. 44 об.

[3] Там же. Л. 45 об.—46.

[4] Там же. Л. 46 об.—47.

марина, сказанных ему при первом знакомстве летом 1868 г. (он тоже определенно указывает на К. Аксакова как «открывателя» Гилярова для славянофильского кружка): «Заговорив о Гилярове, Юрий Федорович рассказал и историю знакомства “славянофилов” с Гиляровым. К. Аксаков во время жизни семейства Аксаковых в Абрамцеве под Троицей (во время остракизма Сергея Тимофеевича) посещал по временам и духовную академию и, однажды, возвратился домой восхищенный и вдохновленный. Он слышал лекцию молодого еще тогда профессора, Н. П. Гилярова-Платонова. С этого времени и началось, собственно говоря, знакомство. Позднее открылось и еще одно удивительное обстоятельство. Ни Хомяков, ни Гиляров-Платонов еще не видали друг друга; но Хомяков в Москве и Гиляров у Троицы высказывали зачастую одни и те же оригинальные мысли и чуть ли не в одних и тех же типических и своеобразных выражениях. Очевидно, с разных путей приближались они к истине и одинаковым образом постигали ее. В Гилярове сразу оценили и самобытный, замечательный ум, замечательную, выдающуюся эрудицию и с этой поры славянофилы глубоко уважали его и высоко его ценили».[1]

В каком же году это было? Ставший крестником О. С. Аксаковой старший сын Гилярова Николай Никитич, родился 21 ноября 1854 г. В известном Дневнике В. С. Аксаковой первые упоминания о Гилярове — госте в Абрамцеве — датированы 17 ноября 1854 г.,[2] однако они содержатся чуть ли не в самых начальных записях Дневника. В письмах к кузине М. Г. Карташевской в Петербург, которые Вера Сергеевна писала с завидной регулярностью не реже одного раза в неделю, нам удалось обнаружить упоминание о первом посещении Гиляровым имения Абрамцево, состоявшемся 24 января 1853 г. Оно зафиксировано в письме Веры от 26 января (правда, имя Гилярова здесь не названо): «…в субботу у нас были гости от Троицы, наш доктор с одним профессором Академии, необыкновенно умным и замечательным человеком, так что мы с любопытством его слушали. — Он сам воспитанник Троицкой академии, разумеется, че-

[1] *Аксаков Н.* Воспоминание о Н. П. Гилярове-Платонове // Русский Курьер. 1887. 19 окт. № 288. С. 1.

[2] *Аксакова*. С. 87—88.

ловек без состояния, даже без здоровья и с больной женой. — Хотя речь его и отзывается несколько изложением профессорским, но все его рассказы про тот мир духовных людей, который для нас неизвестен, и про некоторые замечательные лица нас очень заинтересовали».[1] Впоследствии поездки Константина Аксакова в Сергиев Посад не обходились без встреч с Гиляровым. Например, в письме С. Т. Аксакова к сыну Ивану от 18 декабря 1853 г. как бы невзначай сообщается: «Вчера Константин ездил к Троице: был у Горского, у Гилярова и заходил на почту <…>».[2]

И еще одно значимое мемуарное свидетельство выпало из поля зрения князя Шаховского, а оно позволяет датировать знакомство Аксаковых с Гиляровым, по крайней мере, весной 1852 г.; причем инициатором знакомства с ним называет С. Т. Аксакова.[3] Публицист и педагог А. П. Владимиров, обучавшийся в Московской духовной академии в 1848—1852 гг., вспоминал: «Скоро слава лекций Никиты Петровича стала выходить за стены Академии. В один день мы были удивлены, увидевши пред началом его лекции вошедшего в аудиторию и севшего между студентами человека патриаршего облика. Взошел затем Никита Петрович и, раскланявшись со студентами, немедленно начал свою лекцию, не обращая внимания на “постороннего”. Ударил звонок, — Никита Петрович раскланялся со студентами и, подошедши к “постороннему”, дружественно поздоровался с ним рукопожатием, и оба вместе вышли из аудитории. Этот “посторонний” был Сергей Тимофеевич Аксаков, автор пленявшей тогда все умы “Семейной хроники” и глава славянофилов».[4] **(**А. П. Владимиров по окончании Академии в 1852 г. некоторое время преподавал греческий язык в Касимовском духовном училище, а потом жил в Лондоне, куда попал в качестве переводчика при одном коммерсанте, в Москву вернулся только в 1854 г. Так

[1] ИРЛИ. Сигн. 10620. Л. 5 об.—6. Упомянутый доктор — А. А. Брызгалов.

[2] ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 14. Л. 3. Упомянут профессор А. В. Горский, впоследствии, в 1862—1875 гг., ректор Московской духовной академии.

[3] Отметим, что это ценное свидетельство не было учтено в недавнем справочном издании: Летопись жизни и творчества С. Т. Аксакова (1791—1859 гг.) / Сост.: В. В. Борисова, Е. П. Никитина. Уфа: Изд-во БГПУ, 2010. 236 с. Тираж 100 экз.

[4] *Владимиров А*. Памяти Никиты Петровича Гилярова-Платонова // *РО*. 1897. Т. 47, окт. С. 851—852.

что ошибка памяти (если бы, допустим, Владимиров побывал на лекции в Академии в 1853 г. и увидел там С. Аксакова) невероятна.**)**

Интересен дальнейший рассказ Владимирова, показывающий необыкновенно теплое отношение С. Аксакова к Гилярову. Он вспоминает: «В последовавшую за лекцией Никиты Петровича перемену я с несколькими товарищами гулял по Академическому саду; навстречу нам идет Сергей Тимофеевич Аксаков и, поздоровавшись с нами, вступил с нами в разговор, восхваляя Академию вообще и в заключение сказавши: “Я завидую вам, господа, что можете слушать такого великолепного профессора, как Никита Петрович, вполне достойный принадлежать к плеяде наших академических знаменитостей. Прошу вас не быть на меня в претензии, если еще несколько раз я *стесню* вас своим присутствием на лекциях Никиты Петровича, пока я буду жить в вашем соседстве”. Мы, естественно, отвечали, что посещение им нашей аудитории почитаем за честь и гордимся этим».[1]

Через некоторое время С. Аксаков перестал бывать в Академии — причем, по сведениям Владимирова, чтоб не навредить молодому бакалавру в глазах властей. Приведем и это свидетельство: «И действительно, Сергей Тимофеевич, проводивший это лето в своем имении, не в далеком расстоянии от Сергиевского посада, еще несколько раз был на лекциях Никиты Петровича, но потом скоро перестал посещать их, убежденный к тому, как мне после сделалось известно, славянофилами, чтобы не компрометировать молодого профессора в глазах московского генерал-губернатора Закревского, имевшего на подозрении всех славянофилов, почитая их ультракрасными, а самого Сергея Тимофеевича Аксакова демагогом».[2] «Однозначно враждебное»[3] отношение графа А. А. Закревского к славянофилам было в Москве притчей во языцех, их характеристики в его секретных доношениях на Высочайшее имя пестрели явно неправдоподобными

[1] Там же. С. 852.

[2] Там же.

[3] См.: *Егоров Б. Ф.* Старшие славянофилы о власти и обществе // Власть, общество и реформы в России в XIX — начале XX века: Исследования, историография, источниковедение / Отв. ред. А. Н. Цамутали. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 90—102.

определениями: «красный», «готовый на всё» и т. п.[1] Но в последнем из приведенных мемуарных фрагментов любопытно еще то, что, как считал Владимиров, Гиляров к середине 1852 г. был известен всему славянофильскому кружку, представители которого его оберегали.

Взаимоотношения Гилярова с Аксаковыми, несомненно, окрепли осенью 1854 г., и вот по какой причине. В эти годы их особенно волновал вопрос, связанный с гонениями властей на старообрядцев; интерес к нему подогревался служебными командировками И. Аксакова в 1848—1851 гг. в Бессарабскую область и Ярославскую губернию по изучению положения раскольников. А Гилярову, как отмечалось выше, 21 сентября 1854 г. было поручено преподавание русской церковной археологии и истории раскола в России на только открытом при Академии Миссионерском отделении (первая лекция состоялась 3 октября). Несомненно, эти курсы не могли не заинтересовать славянофилов, и прежде всего Ивана Аксакова. Не случайно, получив по неофициальным каналам первое известие о нем еще за год до его учреждения, Гиляров тут же извещает его через Константина в письме от 20 сентября 1853 г. (оно повреждено по краям, утраты восстановлены по смыслу): «<Если> бы Иван Сергеевич был в Абрамцеве, мне переговорить с ним было бы необходимо, хотя, кажется, уже и поздно. В чем дело, можно рассказать в двух словах. / *По требованию светского начальства, будут открыты специальные курсы для миссионеров против раскола*; но…… / Впрочем, не говори<те об этом> пока слишком громко: <пред>писан строжайший *секрет*, даже от меня. Остальное угадываете».[2]

Вскоре после этого письма (кстати, первого из сохранившихся гиляровских писем, адресованных им в Абрамцево), той же осенью 1853 г., Гиляров составил Записку о расколе, о которой писал П. И. Бартеневу 16 марта 1855 г.: «Мое письмо писано было в октябре 1853 г., при первых только слухах о затевавшихся новостях и, с другой стороны, после уже того, как сделаны были общие предначертания предположенной меры. Кроме этого, письмо косвенно

[1] См.: ИРЛИ. Р. I. Оп. 10. Ед. хр. 9.
[2] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 362. Л. 1—1 об.

предназначалось лицу, которому в то время я был совсем или почти совсем неизвестен».[1] Тут упоминается, безусловно, учреждение 13 февраля 1853 г. Секретного комитета «для пересмотра постановлений о расколе и составления новых правил». Из письма Гилярова к И. Аксакову от 17 марта 1855 г. (год не указан; установлен по содержанию) становится ясно, что именно он был адресатом Записки о расколе, которая была составлена по просьбе И. Аксакова, видимо заочной, переданной Гилярову через Сергея Тимофеевича или Константина. Гиляров писал: «Третьего дня я получил письмо такого содержания, что “из Петербурга настоятельно просят о доставлении моего известного письма к Вам. Сказывают, в теперешнее время оно может быть очень полезно”».[2] Как выше говорилось,[3] Записку о расколе в 1855 г. просил прислать граф Д. Н. Блудов (через Бартенева) — ввиду разрабатывавшихся в начале нового царствования мер по умиротворению старообрядцев. Гиляров несколько обновил ее содержание и переправил в Петербург. Там с ней, судя по письму графини А. Д. Блудовой к Гилярову от 12 июля 1855 г., была ознакомлена молодая императрица.[4]

Гиляров предлагал бороться с расколом не запретительными мерами, а просвещением, «внешней терпимостью», устройством школ для детей старообрядцев, урегулированием гражданского брака и другими практическими шагами со стороны государства.[5] Безусловно, точно так же относились к старообрядчеству и его новые друзья-славянофилы. Ценные рекомендации Гилярова несмотря на их историческую перспективность, конечно, были несбыточны при его жизни.

Упоминавшиеся оценки супругов Гиляровых в Дневнике и в письмах В. Аксаковой несколько неприязненны. Но они важны, поскольку, несомненно, представляют собой общее мнение всего семейства и, следовательно, его главы Сергея Тимофеевича. Приведем некоторые из этих характеристик по письмам

---

[1] РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 552. Л. 85—85 об. Это письмо опубликовано в другой редакции: *РА*. 1912. Кн. II, вып. 6. С. 317.

[2] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 359. Л. 25 об.

[3] См. раздел 1.3.

[4] См.: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 592. Л. 1.

[5] См. об этом: *Водолазко В. Н.* Н. П. Гиляров-Платонов о пореформенном старообрядчестве // Старообрядчество: история, культура, современность: Материалы V науч.-практ. конф., г. Москва, 20—21 ноября 2000 г. М., 2000. С. 39—45.

В. Аксаковой к кузине от 15 и 19 мая 1855 г.: «Гилярова жена крайне болезненная и телом и духом женщина, неглупая, но со всеми понятиями и привычками[1] губернских духовного звания, она дочь священника. — Гиляров тоже хворый, всегда расстроен, унылый, хотя очень умный и даровитый человек, но много пострадавший от своего духовного воспитания, я тебе, кажется, говорила о нем, впечатление, производимое им, всегда как-то болезненно»;[2] «Вчера опять приезжал Гиляров, жалкой человек во многих отношениях».[3] Как бы подытоживая наблюдения членов своего семейства над новым знакомым, ставшим уже довольно близким им, И. Аксаков давал Гилярову такую беспощадную характеристику в письме к своему казанскому приятелю Б. И. Ордынскому от 28 октября 1858 г.: «…нерешительность — есть свойство, общее всем даровитым семинаристам. В самом деле семинарское воспитание такого рода, что человек выходит или пошлым дураком, забитым, или же с головой — отлично вышколенной, с эрудицией необыкновенной, но весь нравственно надломанный, болезненный, расколотый, нервный, мнительный, нерешительный… Таков, между прочим, у нас в Москве Никита Петрович Гиляров».[4]

Сам С. Т. Аксаков обычно высказывался о Гилярове сходным образом, однако с большей сердечностью. Вот первая реакция на перемену в его судьбе — в письме к И. Аксакову от 29 сентября 1854 г.: «Вчера у нас был Гиляров: он должен оставить службу при Академии; подлые враги его, злоба и невежество, постарались о том. Я очень этому рад, потому что он сам никогда бы не решился на такой поступок и, будучи не в состоянии опошлиться, — непременно бы погиб. Боюсь только, не поздно ли? не носит ли он и теперь в себе семя неизлечимой болезни духовной и телесной. Он очень смущен и жалок».[5] И еще: «Натура его так болезненна и телесно и духовно, что я даже не знаю, способен ли он на что-

---

[1] *Далее зачеркнуто*: москов<ских>.

[2] Крымская война в истории России и в жизни славянофильского семейства: Переписка Веры Аксаковой и Марии Карташевской, 1853—1856 / ИРЛИ РАН; Изд. подгот.: А. Дмитриев и Д. Федоров. СПб.: Росток, 2016. С. 159.

[3] Там же. С. 165.

[4] *«Русская Беседа»*. С. 379.

[5] Там же. Оп. 3. Ед. хр. 14. Л. 102 об.

нибудь»,[1] — цитируем письмо к тому же адресату от 5 января 1856 г. Впрочем, тут важно отметить, что написано оно еще до того, как Гиляров опубликовал свою знаменитую рецензию на мемуарную книгу С. Т. Аксакова. Есть и другое свидетельство — зафиксированное в Дневнике В. Аксаковой под 19 апреля 1855 г., когда в абрамцевской гостиной зашел нелицеприятный разговор о том, что Гиляров «слишком постоянно занят самим, т. е. беспрестанно с самим собой возится, в себя самого погружен <…>».[2] Вера отметила: «Гиляров расспрашивал отесеньку о впечатлении, сделанном им в первый раз, и очень удивлялся, что оно было выгодно».[3] Впрочем, не исключено, что С. Т. Аксаков, пожалев самокритичного гостя, решил сгладить впечатление от довольно резких оценок своих детей, прежде всего Константина.

Для Гилярова же довольно частое посещение Абрамцева было своего рода отдушиной. Здесь он — чуть ли не впервые в своей жизни — попадал в родственную, теплую атмосферу, причем проникнутую высокими духовными интересами, где мог высказать задушевные мысли, поделиться самым сокровенным. Вера, например, записывает (19 апреля 1855 г.), что он «сообщал любопытные свои расследования и открытия в памятниках древнего церковного пения», «много рассказывал <…> чрезвычайно любопытного о своем детстве, юношестве».[4] Известно, что, обучаясь в семинарии, Гиляров серьезно подумывал о будущем писательстве, в его архиве сохранились историческая повесть, рассказы, стихотворения.[5] Во многом именно поэтому наиболее притягательным для него членом семейства был, конечно, С. Т. Аксаков, пред талантом которого он преклонялся и в молодости, и на склоне лет.

Если не считать богословских сочинений, публиковавшихся в специальном академическом журнале «Прибавления к Творениям Св. Отцов», то гиляровским дебютом в печати стала открывшая критический отдел первой книги «Русской

---

[1] Цит. по: *Аксакова*. С. 429—430.
[2] Там же. С. 192.
[3] Там же. С. 193.
[4] Там же. С. 192.
[5] См. раздел 3.1.

Беседы» обстоятельная рецензия на «Семейную хронику» и «Воспоминания» С. Т. Аксакова, которой была уготована роль литературного манифеста славянофильства. Не случайно впоследствии, в 1860 г., И. Аксаков решил перевести именно эту статью на немецкий для предполагавшейся хрестоматии славянофильских материалов **(**изданы Фр. фон Боденштедтом только первые два тома из задуманной серии под названием «Русские фрагменты. К познанию государственной и народной жизни в ее историческом развитии» (Лейпциг, 1862)**)**. 3 апреля 1860 г. И. Аксаков набросал для брата Константина примерный план этого издания, в котором значились лишь две литературно-критические статьи — самого К. Аксакова («Обозрение современной русской литературы», 1857) и «критическая статья Гилярова, по поводу “Семейной хроники”; несколько сокращенная. Она важна своею общею частью. (“Б<еседа>” 1856. Т. I)».[1]

На написание этой рецензии Гилярова (снабженной — по образцу подобных же программных статей у Белинского — экскурсом в предыдущие этапы развития русской литературы, причем с вынесением довольно нелицеприятных оценочных приговоров даже великим — Пушкину, Лермонтову, Гоголю), безусловно, Гилярова благословили сами Аксаковы, и она предназначалась поначалу для «Русского Вестника». 9 февраля 1856 г. Сергей Тимофеевич писал, беспокоясь, сыну Ивану: «Гиляров взялся написать статью для Каткова, но статья не готова и едва ли поспеет в четвертую книжку».[2] Чуть позднее, 23 февраля, сообщал: «Скоро явится большая статья о моей книге».[3]

Однако эта рецензия, как отмечалось выше, послужила дополнительным стимулом для размежевания литературных партий. С. Т. Аксаков писал Ивану 1 марта 1856 г.: «Статья Гилярова о моей книге не принята в “Русский Вестник”: ибо содержит в себе резкие славянофильские убеждения… итак, Катков выведен

[1] ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 53. Л. 2. Опубликовано мною: *«Русская Беседа»*. С. 363—369.

[2] ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 14. Л. 123 об.

[3] Там же. Л. 125 об.

на свежую воду и наши имена должны быть исключены из числа участников».[1] Однако в неопубликованной переписке сестер Веры Аксаковой и Марии Карташевской содержатся подробности этой истории, свидетельствующие о том, что М. Н. Катков и П. М. Леонтьев хотели опубликовать рецензию Гилярова, но потребовали снять ряд «славянофильских» высказываний, на что не пошел автор. В. С. Аксакова писала об этом кузине в начале апреля 1856 г.: «Мы знаем, что статья Гилярова, назначенная для “Вестника”, об отесенькиной книге, подверглась некоторым замечаниям со стороны редакторов, они просили исключить многие места, в которых слишком резко выражалось его направление, вследствие чего Гиляров отдает ее в “Беседу”».[2]

Гиляров увидел в произведениях С. Т. Аксакова «стремление художественно примирить высшие начала жизни с формами народной действительности»[3] и позднее в книге «Из пережитого» шел по пути, проторенному старшим товарищем. Не исключено, что именно беседы в Абрамцеве, где Гиляров, судя по дневниковым записям В. Аксаковой, охотно рассказывал о своем детстве и юности, способствовали кристаллизации замысла мемуаров и впоследствии его воплощению в жизнь.

После публикации рецензии Гилярову ставили в вину слова: «Поэзия Пушкина, — это была поэзия игривая и беззаботная <…>. Художественной кистью поэт рисовал все, что ему попадалось под руку, без ярко очерченных духовных интересов, без определенно выдержанных нравственных стремлений».[4] Однако разговор о поэте начинается с утверждений, которые в тот период еще не всем казались безусловными: «Пушкин был первым народным поэтом. <…> Пушкин был эпохой в нашей литературе».[5] А в выше приведенных словах критика о поэзии «без ярко очерченных духовных интересов» очевиден публици-

---

[1] *Аксаков в письмах*. Т. II. С. 448. Уточнено по автографу: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 14. Л. 127 об.

[2] ИРЛИ. Сигн. 10623. Л. 202 об.—203.

[3] *Гиляров-Платонов Н. П.* Семейная хроника и Воспоминания. С. Аксакова. Москва. 1856 // *Сб. соч*. Т. I. С. 82.

[4] Там же. С. 88.

[5] Там же. С. 87.

стически заостренный прием — пушкинское творчество здесь выступало как отражение заемной жизни общества, подражавшего иноземным образцам, и по контрасту противополагалось творчеству С. Т. Аксакова, сумевшего «художественно примирить высшие духовные начала с осмеянными, оплеванными, презренными формами жизни»[1] и потому, по мысли Гилярова, открывшего новую литературную эпоху.

Выше говорилось, о том, какое значение придавал Гиляров прозрачному и ясному стилю прозы С. Аксакова, когда писал о присущей ему по преимуществу «естественности слововыражения»[2] и противопоставлял его в этом отношении стилю Гоголя, Пушкина и Лермонтова, который, по словам Гилярова, «представляет, правда мало заметную, какую-то напряженность».[3]

Правда, некоторые частные оценки Гилярова огорчили С. Аксакова, показались ему несправедливыми придирками, объясняемыми чисто вкусовыми пристрастиями начинающего критика и его субъективными ощущениями художественной пропорциональности в описаниях. С. Аксаков выделил три таких места в рецензии Гилярова. Во-первых, тот счел, что в главе «Добрый день Степана Михайловича» природные зарисовки оказались самодовлеющими, смещая героя «на второй план»: «Описание прекрасной оренбургской природы, которой столько сочувствует автор, заслоняет несколько пред нами самого Степана Михайловича. Читая это в высшей степени превосходное само в себе описание, вы более видите пред собой добрый день Оренбургской губернии, а не добрый день Степана Михайловича, — тихий, ясный июньский день, с припекающим солнцем, с жужжаньем комаров, с поспевающей клубникой, со свежо взрытыми пашнями и с прудом, на котором так весело удить...»[4] С. Аксаков возражал, полагая, что никаких пропорций в описании героя и его обстановки он не нарушил: «…мне кажется, что старик Багров настолько окружен описанием природы, как атмосферы, в которой он жил, насколько это необходимо для полноты изобра-

[1] Там же. С. 94.
[2] Там же. С. 114.
[3] Там же. С. 116.
[4] Там же. С. 133.

жения».[1] Во-вторых, идентичная претензия была предъявлена Гиляровым к обрисовке Куролесова: «Напрасно автор скупится на рассказы о действиях своего героя. “Я рассказал”, говорит он, “десятую долю того, что знаю”, и действительно касается поступков Куролесова более только общими описаниями <…> автор хотел пощадить читателей, уволить их от созерцания действий, возмущающих чувство человечества. Но с художественной точки зрения этот расчет не совсем верен».[2] Критик увидел в такой недоговоренности о поступках Куролесова с «ясно выраженным судом о них» приближение «к искусству ораторскому», возбуждающему страсти, и опять-таки нарушение пропорций «поэтического описания». С. Аксаков парировал: «…я остаюсь убежденным, что частностей о Куролесове рассказано довольно и что если б их было более, то художественность впечатлений была бы нарушена».[3]

Наконец, особенно задело С. Аксакова подозрение критика, что в раннем рассказе «Буран» (1834) он оказался под «влиянием риторической эпохи» и потому детали его описания здесь недостоверны: «неестественность языка», «расчет на внешние эффекты и отсутствие внутренней необходимости в ходе действия»,[4] «отвне навязываемая мораль»[5] и др. Для С. Аксакова, хорошо понимавшего природу своего дарования, признававшегося сыну Ивану в письме от 17 сентября 1856 г.: «Я ничего не могу выдумывать: к выдуманному у меня не лежит душа, я не могу принимать в нем живого участия, мне даже кажется это смешно, и я уверен, что выдуманная мною повесть будет пошлее, чем у наших повествователей. Это моя особенность <…>», — такое критическое суждение было равнозначно облыжному обвинению. Приведя из статьи Гилярова обширную цитату о «Буране», С. Аксаков писал: «На все это я скажу, что происшествие, мною рассказанное, — действительный факт, случившийся неподалеку от моей деревни, слышанный мною со всеми подробностями от самих действовав-

[1] *Аксаков С. Т.* Буран: Вступление // Собр. соч.: В 4 т. М.: ГИХЛ, 1955. Т. 2. С. 403.

[2] *Гиляров-Платонов Н. П.* Семейная хроника и Воспоминания. С. Аксакова. С. 131—132.

[3] *Аксаков С. Т.* Буран: Вступление. С. 404.

[4] *Гиляров-Платонов Н. П.* Семейная хроника и Воспоминания. С. Аксакова. С. 120.

[5] Там же. С. 121.

ших в нем лиц».[1] Призывая читателя стать арбитром в этом споре, С. Аксаков приведенные выше возражения предпослал републикации рассказа в своем сборнике «Разные сочинения» (М., 1858. С. 329—344).

Важен тот факт, что, довольно категорично возражая Гилярову на эти его претензии, С. Аксаков не преминул показать свою доброжелательную готовность принять критику справедливую и доказательную: он «совершенно согласен и искренно благодарен» «рецензенту за его замечания о “втором периоде гимназии и об университете”».[2]

Этой публичной размолвке добавляло психологической остроты то, что Гиляров для Сергея Тимофеевича был близким, домашним человеком, к тому же принадлежал к кружку единомышленников, и услышать от него упреки с позиций отвлеченной эстетической теории было обидно; молодой же критик в своем первом литературно-критическом опыте впадал в преувеличения, во-первых, из-за присущей ему склонности к перфекционизму, а во-вторых, потому, что в юности сам находился под сильным влиянием «риторической эпохи», сочинял рассказы во вкусе эпигонского романтизма, теперь же его литературные взгляды кардинально переменились.

Неправоту Гилярова остро почувствовал Ап. Григорьев, вдобавок еще ревниво отнесшийся к тому, что славянофилы избрали на роль ведущего критика «Русской Беседы» не его, а «семинариста» Гилярова. Чуть позже, около апреля 1857 г., Григорьев писал М. П. Погодину: «Н. П. Гиляров: огромная ученость по его части, ум смелый, прямой и честный, но воспитанный в семинарских словопрениях, ради ergo готовый на всякий парадокс — и главное, с отсутствием всякого носа, т. е. всякого чувства изящного».[3]

Вместе с тем в 1850-е гг. у Гилярова с С. Т. Аксаковым находились особо объединявшие их общие темы разговоров и обсуждений. Так, в одном из писем к К. Аксакову (вероятно, от января 1854 г.) Гиляров сообщал: «Исполняя желание

---

[1] *Аксаков С. Т.* Буран: Вступление. С. 404.

[2] Там же. С. 405.

[3] *Григорьев Ап.* Письма / Изд. подгот. Р. Виттакер, Б. Ф. Егоров. М.: Наука, 1999. С. 129. (Лит. памятники).

Сергея Тимофеевича, посылаю для него отрывок, который весь, от начала до конца, писан с муками рождения неописанными. Предмет отрывка — историческое краткое изложение отступления Армянской церкви — то же самое, о чем беседовал я с Вами прошлый раз».[1]

В Дневнике В. Аксаковой сообщается о какой-то записке Гилярова, посланной им в Абрамцево 19 апреля 1855 г.,[2] которая, очевидно, не сохранилась. Объяснить это можно ее формальным характером: Гиляров жил неподалеку в Сергиевом Посаде, и его записки скорее всего не содержали сведений о чем-либо значительном — о таком он всегда мог рассказать лично во время визита. Известно и о нескольких посещениях его дома представителями семейства Аксаковых,[3] помимо упомянутого выше (в письме С. Т. Аксакова к сыну Ивану от 18 декабря 1853 г.).

Поэтому трудно переоценить значение двух писем Гилярова к С. Аксакову, хранящихся в архиве князя Шаховского:[4] вероятнее всего, они были переданы ему О. Г. Аксаковой уже после кончины Гилярова и А. Ф. Аксаковой, когда Шаховской приступил к написанию обстоятельной биографии своего учителя и друга и начал сбор материалов. В том, что эти письма были единственные, едва ли можно сомневаться, поскольку второе из них (от 24 июля / 5 августа 1857 г. из Эмса) начинается с фразы: «Ни раза не доводилось мне даже из Москвы посылать Вам письма, достопочтеннейший Сергей Тимофеевич <…>»,[5] то есть это было настолько исключительным явлением в их отношениях, что Гиляров напрочь забыл о первом письме, посланном в Абрамцево в разгар Крымской войны.

---

[1] Цит. по: *Шаховской Н., кн.* Н. П. Гиляров-Платонов и К. С. Аксаков: (По статьям и письмам Гилярова) // *РО*. 1895. Т. 36, дек. С. 538.

[2] См.: *Аксакова*. С. 191.

[3] См.: Там же. С. 98 (6 декабря 1854 г.), 111 и 162 (8 января и 11 марта 1855 г.).

[4] Опубликованы нами: *Дмитриев А. П.* Н. П. Гиляров-Платонов и С. Т. Аксаков (к истории знакомства и взаимоотношений) // Русская литература. 2010. № 4. С. 194—210. Извлечения из первого письма были опубликованы князем Н. В. Шаховским в составе одной из его статей (см.: *Шаховской Н., кн.* Н. П. Гиляров-Платонов и К. С. Аксаков. С. 540—541), однако с существенной правкой стилистического характера, сглаживающей как раз то в языке Гилярова, что он особенно ценил в литературе.

[5] Там же. С. 207.

Написано оно было рано утром 1 сентября 1855 г. (Гиляров сообщал: «…спешу в класс»[1]) — по довольно случайному поводу: он давал совет, как быть, если сын знакомого Аксаковым церковнослужителя не явится вовремя в семинарию с вакаций (1 сентября — начало индикта — приступали к занятиям), но затем — на едином дыхании — им высказывались чувства и мысли человека, врасплох застигнутого вестью о трагическом переломе в ходе войне, граничащем с поражением своей страны. В тот же день это письмо было получено адресатом, о чем не преминула записать в Дневнике Вера: «Сегодня получил отесенька от Гилярова письмо отчаянное, в котором он высказывает все свои мрачные предчувствия и соображения и совершенную безнадежность отвратить грядущие бедствия. Он ожидает внутренних страшных возмущений, видит в народе недовольство; письмо его вполне выражает настоящую тягостную минуту, и мы хотим его сохранить».[2]

Из этого письма и пришедших с той же почтой газет Аксаковы и узнали про падение Севастополя. Потому-то чуть ли не дословно совпадают некоторые фразы в письмах Гилярова, с одной стороны, и С. Аксакова и его дочери — с другой, — написанных в тот же день, 1 сентября, близким людям. Так, Гиляров пишет: «Севастополь взят, или отдан, — как хотите назовите... <…> давно ждал такого исхода… <…> чрезвычайно тяжело дожить до исполнения своих ожиданий».[3] С. Т. Аксаков сообщал сыну Ивану в Черниговскую губернию, где тот находился в ополчении: «Сегодня поутру получили мы горестное известие о взятии или об отдаче Севастополя. Нельзя сказать, чтоб я не ожидал этого, особенно после несчастного нападения на Федюхины горы, где 12 т<ысяч> французов отбили и разбили 40 т<ысяч> русских.[4] <…> Я верю, что частных явлений храб-

[1] Там же. С. 205.

[2] *Аксакова*. С. 201.

[3] Цит. по: *Дмитриев А. П.* Н. П. Гиляров-Платонов и С. Т. Аксаков… С. 204.

[4] Имеется в виду ожесточенный бой на Федюхиных высотах (расположены между Сапун-горой и рекой Черной в 7 км к юго-востоку от вершины Севастопольской бухты) в период Черноречeнского сражения 4 августа 1855 г., которому посвящена известная «солдатская» песня Л. Толстого «Как четвертого числа...»: «На Федюхины высоты / Нас пришло всего три роты, / А пошли полки!..».

рости было много, но общего духа — не было, да и быть не могло».[1] И обреченно обобщает: «Вера русского человека тиха и спокойна, он может за нее умирать, а не побеждать».[2] Вера Аксакова в своей комнате в тот же день так начинает очередное письмо к кузине Марии Карташевской: «Друг мой милый, пишу тебе под влиянием[3] ужасного, тягостного известия,[4] которое поразило нас сегодня: Севастополь взят или лучше отдан; напрасны были все неимоверные усилия, труды, все страшные потери <…>».[5]

Свое разочарование и тревожные предчувствия Гиляров, сознавая, что пишет к художнику слова, передает в виде живописной картины: «Мне кажется, что я как будто бы теперь в лесу; чрезвычайная тишина в воздухе и удушье; но слышу отдаленные раскаты грома, чувствую, что уже трещат и валятся недалекие деревья, вот тихий ветерок уже пронесся по вершинам; падают сухие листья. Жду страшной грозы <…>».[6]

Ответа на это письмо, судя по всему, не было, да и Гиляров его едва ли ждал, тем более что уже вскоре, 25 сентября, посетил Абрамцево.[7]

Второе письмо Гиляров написал С. Аксакову из-за границы спустя два года, 5 августа (24 июля) 1857 г. Оно также отличается необычной для эпистолярного жанра художественной отделкой. В формулярном списке Гилярова отмечено: «Высочайшим приказом по гражданскому ведомству, 31-го маия 1857 года № 118, уволен в отпуск за границу в Германию, Италию и Францию на 3 месяца для пользования минеральными водами и морским купаньем, в каковом отпуске находился с 28 июня по 5-е сентября».[8] Ехал он с женой и, действительно, из-за сильно расстроенного напряженной работой здоровья. Поскольку в связи с распоряжениями правительства жалованье чиновникам в период таких отпусков не

---

[1] ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 14. Л. 98, 98 об.

[2] Там же. Л. 98 об.—99.

[3] *Далее зачеркнуто*: такого.

[4] *Слово* известия *вписано сверху над зачеркнутым*: события.

[5] Крымская война в истории России и в жизни славянофильского семейства… С. 213.

[6] Цит. по: *Дмитриев А. П.* Н. П. Гиляров-Платонов и С. Т. Аксаков… С. 205.

[7] См. упоминание об этом в письме В. Аксаковой к кузине от 29 сентября: Там же. С. 224.

[8] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 197. Л. 2.

выплачивалось, то, как уже говорилось, всегдашний покровитель Гилярова граф Д. Н. Блудов, возглавлявший Еврейский комитет, придумал для него задание «собрать точные сведения об устройстве заграничных училищ еврейских и особенно раввинских, а также о литературной деятельности евреев, с выдачею на путевые издержки единовременно 700 руб. сер. из еврейского училищного капитала, состоящего в ведении Министерства народного просвещения».[1] Гиляров, однако, вместо формального отчета-отписки в течение трех лет работал над историко-публицистической книгой: «В каком смысле могут принадлежать евреям права гражданства в христианских государствах: На основании сочинений Паулуса составил и собственными примечаниями дополнил Н. Г.» (М., 1860), однако это издание так и не состоялось.[2]

С. Аксаков сочувственно следил за сборами Гилярова в дорогу, о чем сообщал в письме к сыну Ивану от 4 мая 1857 г.: «Всё собирается в чужие края; даже Гилярова отпускают с жалованьем, но ему совестно и он не будет уметь этим воспользоваться».[3]

Но, как ни странно, в его письме к С. Аксакову ни слова не говорится о служебном задании по еврейскому вопросу. Проводя бóльшую часть времени в немецком курортном городке Эмсе, знаменитом своими термальными минеральными источниками, Гиляров много гуляет по живописным окрестностям и талантливо их описывает. При этом любопытно одно поразившее его наблюдение. Создается даже впечатление, что ради того, чтоб поделиться им, и было написано все письмо. Гиляров ни в самом Эмсе, ни в лесах, которыми поросло окружающее город низкогорье, не видит птиц и не слышит их пения. Он изумлен: «Ничто не вспорхнет, ничто не отзовется; все пусто. Странно, какое-то неприятное впечатление мертвенности…» И при этом вспоминает родину: «…признаюсь, мне, как русскому человеку, привыкшему везде встречать голу-

[1] Там же. Л. 4 об.

[2] Подробнее см.: *Шаховской Н., кн.* Н. П. Гиляров-Платонов о евреях // *РО*. 1897. Т. 43, янв. С. 148—185.

[3] ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 14. Л. 138 об.

бей, галок, воробьев, приятно было бы видеть хоть одно вольное созданье Божие <…>».[1]

Надо сказать, что тут Гилярова подвело его семинарское образование, почти начисто в годы его обучения (1830—1840-е) лишенное естественнонаучного компонента. Ведь как раз в августе большинство птиц замолкает: они поют в мае—июне, когда «столбят» участки, выбирают партнеров и ухаживают за ними, строят гнезда и пока самка сидит на яйцах; у нескольких видов есть осенняя песнь, уже перед отлетом в теплые края.

Но для Гилярова это непонятное ему природное явление вырастает в самоочевидное подтверждение славянофильских представлений о «загнивающем» Западе. И более того — Гиляров не случайно пишет об этом именно С. Аксакову. Причем не только потому, что в свое время, уверенно говоря в упоминавшейся выше рецензии о влиянии его на Гоголя, приводил колоритную цитату из «Записок ружейного охотника Оренбургской губернии»:[2] «На ветвях дерев, в чаще зеленых листьев и вообще в лесу живут пестрые, красивые, разноголосые, бесконечно разнообразные породы птиц: токуют глухие и простые тетерева, пищат рябчики, хрипят на тягах вальдшнепы, воркуют, каждая по-своему, все породы диких голубей, взвизгивают и чокают дрозды, заунывно, мелодически перекликаются иволги, стонут рябые кукушки, постукивают, долбя деревья, разноперые дятлы, трубят желны, трещат сойки; свиристели, лесные жаворонки, дубоноски и все многочисленное крылатое, мелкое певчее племя наполняет воздух разными голосами и оживляет тишину лесов <...>».[3]

Именно в изображении С. Аксаковым природы, равно как и в его бытописании русской жизни, Гиляров несомненно усматривал то, что соответствовало его пониманию народного своеобразия — в отличие от представлений других членов славянофильского кружка — на его взгляд, больше отвлеченных теоретиков, нежели объективных мыслителей, каковым он считал себя, или интуитивных художников, каким был для него С. Аксаков.

---

[1] Цит. по: *Дмитриев А. П.* Н. П. Гиляров-Платонов и С. Т. Аксаков… С. 208.
[2] См.: *Гиляров-Платонов Н. П.* Семейная хроника и Воспоминания. С. Аксакова. С. 79.
[3] *Аксаков С. Т.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1956. Т. 4. С. 381.

Об этом кардинальном своем отличии от приятелей-славянофилов (впрочем, сближающем его с С. Аксаковым) он писал Романову-Рцы 2 ноября 1886 г.: «Многое есть в письме вашем, на что бы нужно ответить. Между прочим нашел слово *самосознание*, да еще подчеркнутое. Ой, подумал я, по прямой линии это идет от К. Аксакова через И. С. Аксакова. А это пункт, в котором я коренным образом расходился с Константином Сергеевичем и об нем-то без устали спорил. Схема такова (гегелевская): с народными началами порвано; пойдет потом возврат, усвоение их *сознанием*.[1] Я это в основании отвергаю, утверждая напротив, что сознание народных начал есть предвестие смерти. А я не думаю, чтобы русский народ умер. Вы понимаете, что при таком моем воззрении я должен во многом расходиться с славянофилами в понимании истории вообще и русской в частности».[2]

3.4. Н. П. Гиляров-Платонов и спиритизм. Из истории трактата К. С. Аксакова «О так называемом чудесном, или сверхъестественном» и его Всеподданнейшей записки «О внутреннем состоянии России» (1853—1856, 1884)

Из семьи Аксаковых ближе всех к Гилярову был Константин. Когда они познакомились (в 1852 г.), им было соответственно 28 и 35 лет. Они регулярно навещали друг друга, но жажда общения была столь велика, что и переписывались, причем эта переписка была вполне откровенной, поскольку ее содержание не контролировалось почтовыми чиновниками-перлюстраторами (письма из Абрамцева в Сергиев Посад и обратно доставлялись посыльными). До наших дней дошли только ответы Гилярова за 1853—1857 гг. (хранятся в РНБ и ИРЛИ) — их ровно 12 (письма К. Аксакова сгорели во время пожара на даче Гилярова в 1858 г.). На их основе князь Н. В. Шаховской в свое время составил уже неоднократно цитировавшийся нами очерк «Н. П. Гиляров-Платонов и К. С. Аксаков

[1] См. об этом, например: *Аксаков И. С.* О взаимном отношении народа, государства и общества // *Аксаков И. С.* Отчего так нелегко живется в России? М., 2002. С. 132—156.

[2] *Письма к Рцы*. С. 250.

(По статьям и письмам Гилярова)».[1] Поэтому здесь обратимся лишь к двум сюжетам, не затронутым в этом очерке.

В литературе пока не освещался тот факт, что 1853 год в семье Аксаковых был отмечен повышенным интересом к спиритическим явлениям, так что вечерами с ранней весны по позднюю осень гостиная Абрамцева нередко отдавалась под опыты по столоверчению и стологаданию. Впрочем, эта увлеченность Аксаковых была непродолжительна, имела характер модной «салонной» забавы и была вызвана не какими бы то ни было внутренними потребностями, а общим поветрием того времени. Современный историк отмечает, что в этот период спиритизм «перекочевал и в Россию» в «сложившейся форме — в виде столоверчения», причем с «поистине эпидемической силой»: «Увлечение спиритизмом охватило не только Петербург и Москву. В том же 1853 году спиритические сеансы устраивались уже в Харькове, Уфе, Воронеже, Херсоне и других городах. Несколько позже эпидемия столоверчения проникла и в глубинку».[2] На нее откликнулся авторитетнейший церковный деятель эпохи митрополит Филарет (Дроздов) — брошюрой «О стологадании» (М., 1853). Позднее, как известно, эти медиумические развлечения обыграл Л. Толстой в своей комедии «Плоды просвещения» (1890).

Кратковременный интерес к спиритизму в семье Аксаковых послужил Константину Сергеевичу темой для его трактата «О так называемом чудесном, или сверхъестественном» (1854). Он не был опубликован — возможно, не в последнюю очередь из-за серьезной критики, которой его подверг Гиляров. Рукопись статьи К. Аксакова находится в архиве Пушкинского Дома[3] и еще ждет своей публикации (текст подготовлен нами для Собрания сочинений К. Аксакова), а отзыв Гилярова, составивший его подробное письмо к другу (автограф — в Российской национальной библиотеке[4]), был почти целиком, правда с некоторыми неточностями, опубликован в 1895 г. в составе исследования князя

---

[1] *РО*. 1895. Т. 36, дек. С. 509—545.
[2] *Винокуров И. В*. Духи и медиумы. М.: Олимп; ООО «Изд-во АСТ-ЛТД», 1998. С. 76.
[3] ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 7. Ед. хр. 24. 70 л.
[4] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 362. Л. 19—22 об.

Н. В. Шаховского,[1] однако без какого-либо комментария (далее выдержки из писем Гилярова цитируются по автографам).

Но сначала приведем свидетельства о столоверчении в Абрамцеве,[2] сохранившиеся в единственном известном нам источнике подобного рода сведений — в переписке Веры Аксаковой с ее двоюродной сестрой Марией Карташевской (эти свидетельства важны для понимания как трактата К. Аксакова, так и рецензии Гилярова).

Первые спиритические опыты состоялись в Абрамцеве, по-видимому, в апреле 1853 г. 4 мая Вера сообщала: «Я забыла тебе написать в последнем письме о наших опытах над столами, они были совершенно удачные с первого раза; разумеется, я в них не участвую. Столы, тарелки ходят, кружатся и т. д. — Пробовали и над людьми с таким же успехом. — У нас даже все девушки делают эти опыты. — Признаться, мне уж они надоели. — Разумеется, интересно было убедиться в новых проявлениях известной уже магнетической силы, но повторение этих опытов наскучает; у нас, впрочем, никто не испытал никакого особенного расстройства, кроме некоторой усталости. В Москве также все этим занимаются».[3] Как видим, Вера изначально дистанцировалась от этих сеансов и смущалась даже говорить о них. Мария откликнулась 13 мая 1853 г.: «Неужели и у вас вертели столы, мой милый друг, я едва поверила своим глазам, когда это прочла. Никто, кажется, у вас не отличается крепким здоровьем; я говорю про сестер, и они решились делать опыт, признанный вредным. У нас маменька не соглашается, а я бы желала. Теперь рассказывают чудеса все более и поразительнее. Но так как эти опыты тебе надоели, то мы не будем говорить об этом более».[4]

---

[1] См.: *Шаховской Н., кн.* Н. П. Гиляров-Платонов и К. С. Аксаков. С. 518—521.

[2] См. об этом: *Дмитриев А. П. Столоверчение в усадьбе Абрамцево (по неопубликованной переписке В. С. Аксаковой с М. Г. Карташевской и К. С. Аксакова с Н. П. Гиляровым-Платоновым) // Абрамцево. Материалы и исследования: Сборник докладов науч. конф. 15—16 октября 2015* / Гос. ист.-худож. и лит. музей-заповедник «Абрамцево». *Абрамцево (Моск. обл.), 2017. С. 40—51.*

[3] ИРЛИ. Сигн. 10620. Л. 38 об.

[4] Там же. Сигн. 10647. Л. 46.

В письме от 23 июня Вера, однако, возобновляет разговор о столоверчении — в Абрамцево тогда приехали петербургские гости: давний, еще со времен учебы в Казанской гимназии и университете друг Сергея Тимофеевича А. М. Княжевич, в тот период директор Департамента государственного казначейства, с племянниками Максимом и Антонином (32-х и 27-ми лет соответственно). Вера пишет: «Столы у нас опять пошли в ход и не только двигались, но даже и прорицали. В самом деле Антон<ин> Княжевич заставлял их отвечать; приведя стол в движение, он одним словом заставлял его останавливаться и делал вопрос такого рода: сколько Оличке лет или сколько книг на такой-то полке? Стол начинал качаться на одну сторону, подымал ножку и ударял столько-то раз ею, иногда поразительно верно, иногда же, надобно правду сказать, совершенно ошибочно».[1] Иным было отношение старшего племянника, скептически настроенного к этим опытам. Вера продолжает: «Но вот что, строгий Макс Княж<евич> не верит движению столов, уверяя, что это движение сообщают столу сами люди, бессознательно передавая его столу, и как мы ни спорили с ним, надобно, однако ж, согласиться, что он имеет полное право это утверждать, потому что с ним ни один опыт не удается, когда он его делает вдвоем с кем-нибудь, в нем есть какая-то противодействующая сила».[2]

Развлечения со стологаданиями продолжались в Абрамцеве все лето и вечерами составляли любимое времяпрепровождение семьи — судя по письму Веры от 9 августа, где она сообщала сестре: «Мне приходит в голову, что вы, может быть, будете в Петерб<урге>, когда Иван приедет и тогда уже он вряд ли поедет к вам в Кобрино, потому что, вероятно, будет спешить воротиться. Он тебе расскажет про все предсказания столов».[3] Иван Сергеевич несколько раз тогда приезжал в Северную столицу хлопотать о разрешении ему участвовать в трехлетнем кругосветном плавании на фрегате «Диана», в чем ему было отказано из-

[1] Там же. Сигн. 10620. Л. 41 об.—42. Упомянутая Оличка — 5-летняя дочь среднего сына Аксаковых Григория и его жены Софьи, оставленная родителями в Абрамцеве на время их заграничного путешествия.

[2] Там же. Л. 42.

[3] Там же. Л. 52 об.

за цензурной истории с «Московским сборником» (1852), который он редактировал. Зато в его пользу оказалось решение Русского Географического общества — он, как известно, получил задание описывать ярмарки Малороссии, чем и занимался в 1854 г. 29 августа 1853 г. Мария описывала посещение И. Аксаковым усадьбы Кобрино и упоминала: «Ваничка столько чудесного рассказывал нам про столы, что мы чуть-чуть не принялись за опыт с его помощию, хотя все мы немного трусим».[1]

Спустя без малого три недели, 17 сентября (И. Аксаков тогда в очередной раз выехал в Петербург), Вера рассказывала сестре о новых спиритических новостях из Абрамцева: «Верчение столов после отъезда Ивана у нас усовершенствовалось. Сестры делали разные опыты, вертелся даже большой круглой стол в гостиной и даже подымали его только на больших пальцах, по приказанию поднятся он начинает отделяться от пола то с той, то с другой стороны и, наконец, подымается совсем и, поддерживаемый только большими пальцами, идет по воздуху, куда ему угодно. Несомненно, это сила, действующая даже на неодушевленные предметы, но, разумеется, все его <стола> предсказания и ответы вздор и только забавляют и не страшны. Иногда стол так распляшется, что его остановить трудно».[2] Вера спрашивала: «Отчего же вы боитесь попробовать? Впрочем, это иным может быть вредно? — Сестры было пробовали делать опыты друг над другом, но это очень страшно, и отесенька запретил. Человек приходит в род какого-то со<м>намбулума, сам не понимая, почему и как исполняет мысленные приказания тех, которые его держат. — Наденька заставляет стол бить такт своему пению, и он это делает очень верно».[3] Мы видим, что в спиритических сеансах деятельно участвовал С. Т. Аксаков, удерживавший, впрочем, дочерей от крайностей из опасения повредить их душевному здоровью. Мария откликнулась 29 сентября: «Вот какие чудеса ты пишешь о столах и какие открытия! Здесь говорят, столы пишут с помощию карандаша, воткнутого сбоку

[1] Там же. Сигн. 10647. Л. 64.
[2] Там же. Сигн. 10620. Л. 58 об.—59.
[3] Там же. Л. 58—59 об.

как-то».[1] И призналась, что у Карташевских тоже предпринимались попытки заставить стол двигаться, правда безуспешные: «А у нас без Ванички стол и обыкновенным образом не хотел вертеться. Будем ждать его возвращения для ответов и сообщения нам новых открытий по этому предмету».[2]

Вера, судя по дальнейшим ее письмам, все более увлекается спиритическими опытами. Так, 9 октября она сообщает: «Столы и у нас пишут, и это поразительно, только у нас нет удобного снаряда, и потому слово выходит и вкось и вкривь»,[3] на что 18 октября отзывается Мария: «Вот как вы усовершенствуете движение столов, у нас же решительно не клеится».[4] 27 октября, по поводу приезда в Абрамцево общей кузины Марии Воейковой, собравшейся в то время замуж за Н. В. Петровского, Вера отправила в Петербург письмо с рассказом о новых спиритических экспериментах: «Вообрази же, какой забавный случай: перед приездом Машеньки сестры вертели тарелку с карандашом и спросили, с кем мы познакомились еще в продолжение года. Тарелка написала между прочими известными нам именами: Петровский, это имя Машенькиного жениха, — надобно тебе знать, что столы теперь заменены тарелкой, в край которой воткнут карандаш и который пишет иногда целые ответы, совершенно неожиданные, истинно удивительно».[5] Далее Вера высказывается о сути этих сеансов, и в ее словах слышатся не только ее собственные выводы о виденном, но и умозаключения старшего брата Константина, который тогда уже работал над исследованием о столовращении. Вера писала: «Нет сомнения, что сила движущая есть магнетизм и что ответы не что иное, как отражение наших собственных мыслей или представлений воображения, справедливо сравнивают или объясняют это явление теми же неисследуемыми законами, которые двигают и располагают представлениями сна. — Также странно, почему мы видим именно иногда не то, о чем думаем. Между тем оно не может быть не что иное, как отражение же нас самих.

---

[1] Там же. Сигн. 10647. Л. 75.
[2] Там же.
[3] Там же. Сигн. 10620. Л. 64.
[4] Там же. Сигн. 10647. Л. 83 об.
[5] Там же. Сигн. 10620. Л. 67.

Мы сами не можем всегда сознавать, что у нас происходит в голове и соследить за всеми образами, промелькающими в нашем воображении. Но, конечно, это может быть вредно и не должно долго упражняться в этом. — Предсказания, или ответы, имеют также всю правдоподобность сна».[1]

В ответном письме от 29 октября Мария Карташевская восклицала: «Каков стол и каков сюрприз нам сделала Маш<енька> Воейкова. <…> В самом деле ответы столов совершенно изумительны <…>».[2] Вместе с этим в окружении сестер были и люди, непримиримо относившиеся к увлечению спиритизмом, например, их общая знакомая Катерина Петровна Липранди, о которой Мария писала, что она «о столах же просто говорить не может, и чуть-чуть на этом пункте не сходит с ума»: «Религиозно возмущается способностию стола говорить! Как бы она поразилась этой еще новой подробностию, и в самом деле странно!» Сама же Мария, тем не менее, надеялась осуществить у себя абрамцевские опыты под руководством И. Аксакова: «Будем ждать Ваничку, чтобы сделать ответ; без него стол нас не слушается». [3] И уже 5 ноября Мария писала в Абрамцево о пребывании у них Ивана Сергеевича, который оказался превосходным учителем: «Разумеется, мы воспользовались Ваничкиным приездом, чтобы вертеть тарелку, которая оказалась послушною и написала несколько ответов весьма явственно».[4]

Вера отвечала 6 ноября, солидаризуясь с Е. П. Липранди: «Пожалуйста, мой милый друг, не придавай значение этому пустому случаю, что тарелка нашла у нас имя Петровский прежде, это только вздор, на котором не стоит останавливаться; и как скоро придавать этим явлениям таинственное значение и верить их предсказаниям недолжно, то недолжно и заниматься этим. Многие дошли до того, что задают вопросы о будущей жизни, вызывают давно отживших и т. д. и сами почти помешались; это неизбежное наказание дерзости человеческого ума. — Совершенно согласна с Кат<ериной> Петр<овной>, нельзя не

[1] Там же. Л. 67—67 об.
[2] Там же. Сигн. 10647. Л. 86.
[3] Там же. Л. 86 об.
[4] Там же. Л. 89.

возмущаться таким святотатством».[1] Далее Вера сообщает о визите супругов Путят, Николая Васильевича и Софьи Львовны (свояченицы Е. А. Баратынского), которым принадлежало имение Мураново, в 8 верстах от Абрамцева: «У нас на днях были наши соседи Путята, муж с женой. Жена, урожденная Энгельгардт, и хотя умная женщина, но с способностью с ума сойти, и, право, я боюсь, чтоб она не помешалась на своем столике, к которому она уже чувствует привязанность (ее слова), как к милому ребенку; этот столик дал себе имя, употребляет в разговоре с ними разные ласковые слова и т. п. Как ее ни уговаривала оставить этот столик, не может решиться».[2] Очевидно, что в отношении Аксаковых к С. Л. Путяте ощутима доля самокритики: видя перед собой пример карикатурно-уродливого пристрастия к столоверчению, они уже готовы отказаться от модного развлечения. И действительно, в дальнейшей переписке эта тема все более сходит на нет, чему способствовала и начавшаяся Крымская война.

В очередном письме (от 13 ноября) Мария предлагала взглянуть на столоверчение с другой, светлой стороны, видя в нем один из аргументов в пользу бытия потустороннего мира, а также и неисчерпаемости даров, ниспосланных Свыше человеческой природе: «Вижу, мой милый друг, что ты встревожена столами, или, лучше, последствиями этого открытия, и желаешь успокоить тоже меня. Но это явление наводит на меня самые успокоительные, религиозные мысли. Конечно, предосудительно и соблазнительно не самое явление, а то употребление, какое осмеливаются из него делать».[3] В ответном письме (от 18 ноября) Вера подхватила слова сестры «Я очень желаю знать, мой милый друг, твои мысли по поводу столов, тарелок и т. д. — Я с тобой согласна, что не самое явление предосудительно, а употребление, которое из него делают; само же по себе оно делается совершенно праздной забавой».[4]

Вызванная на этот разговор Мария объяснялась в письме от 25 ноября: «Ты спрашиваешь мое мнение о столах, моя милая Верочка, но я тебе все сказала

---

[1] Там же. Сигн. 10620. Л. 73 об.—74.
[2] Там же. Л. 74—74 об.
[3] Там же. Сигн. 10647. Л. 91 об.—92.
[4] Там же. Сигн. 10620. Л. 80 об.

в предыдущем письме. Я считаю предосудительным то злоупотребление, которое из них делают; преступным — обращать это открытие в серьезное гадание, — наконец, больно видеть, какой всеобщий почти соблазн производит это явление, — но само по себе может ли оно быть предосудительно? Вредно для здоровья, — это так. Я никак не умею себе объяснить это явление иначе, как проявлением человеческой же силы, способности, уже не раз являвшейся и в магнетизме, и в снах, и в предчувствиях. В них искра Божества, — кому и где поведаны ее пространство и сила, и знает ли кто-нибудь из нас, *что̀* именно покрывает эта телесная оболочка. Для меня это явление более назидательно, чем соблазнительно. Оно вместе с тем нисколько не наводит меня на какие-нибудь гордые мысли о человеке, которого заслуга не есть в громадности им полученных даров, а в приложении их и любви. Но забавно видеть, как многие, поражаясь этим явлением и не зная, как его объяснить, считают для себя обидно сказать: “не знаю” и вопреки всякой очевидности утверждают, что не пишет и не двигается стол, что все это плутни».[1] При этом Марию разочаровала выше упоминавшаяся брошюра митрополита Филарета «О стологадании» — отсутствием глубокого анализа духовного явления, занимавшего общество; об этом она сообщает далее: «Слышала ли ты о каком-то письме Филарета, из которого выписка напечатана по поводу столов. Нам прислали эту выписку. Слышав столько от тебя похвал Филарету, мой милый друг, я принялась читать с жадностию. Но обманулась на этот раз; что тут сказано весьма слабо, неудовлетворительно, далеко не художественно; не удовлетворяет даже весьма простым требованиям, — не нападает на корень зла. Может быть, даже это ошибка, что Филарета. Читала ли ты, мой милый друг?»[2]

2 декабря Вера отвечала: «Мы также прочли выписку из письма Филарета, но это, мой милый друг, не может дать ни малейшего понятия об его проповедях. Кроме того, что с взглядом можно спорить во многом, но и написано, конечно, оно слишком неполно. — Об столоверчении и вообще об такого рода явлениях я

[1] Там же. Сигн. 10647. Л. 95 об.—96 об.
[2] Там же. Л. 96 об.

тебе, может быть, хотя нескоро, пришлю целую статью, впрочем, я тебе все только обещаю. — Магнетизм, конечно, есть одна из сил нашей природы, но эта сила не духовная, а материальная и потому весьма может быть злоупотреблена, но теперь не время пускаться в эти рассуждения».[1] «Целая статья», о которой говорит Вера, — первое упоминание об трактате К. Аксакова «О так называемом чудесном, или сверхъестественном». Скорее всего, к тому времени Константин познакомил сестру с первым вариантом этого произведения, озаглавленном «О чудесном».[2] Впоследствии оно было переработано автором и получило название «О чудесном, или сверхъестественном».[3] Наконец, его переписала Вера, а Константин в этот экземпляр снова внес правку,[4] обозначив в конце, после подписи, принципиальный для него хронотоп трактата: «1854 года. Абрамцево». Именно эту редакцию, как будет показано, в сентябре 1854 г. К. Аксаков прислал на просмотр Гилярову, а позднее, в мае 1856 г., — на суд цензору Н. Ф. фон Крузе.

Впоследствии Вера регулярно сообщала об трактате брата: 11 декабря 1853 г.: «*…перепишу тебе статью Хом<якова> и тогда перешлю. Статья же о столоверченьи не готова»;*[5] *18 декабря:* «Статья о чудесном готова, но еще должна быть поправлена, и потом я пришлю тебе ее на прочтение, мой милый друг»;[6] 25 декабря: «Очень желаю тебе послать статью по этому поводу, но она еще не переписана»[7] *— здесь Вера явно сообщает о себе, поскольку именно она переписывала окончательный текст;* 22 января 1854 г.: «…статья не списана еще <…>»;[8] наконец, 4 февраля: «Я могла бы прислать статью о чудесном, с тем чтоб ты ее тотчас же возвратила по прочтении, но как и с кем это сделать?»;[9] 14 февраля: «С ним <художником К. А. Трутовским> пришлю я тебе статьи, давно

[1] Там же. Сигн. 10620. Л. 85 об.—86.
[2] Там же. Ф. 3. Оп. 7. Ед. хр. 24. Л. 19—32.
[3] Там же. Л. 1—18 об.
[4] Там же. Л. 33—52 об.
[5] Там же. Сигн. 10620. Л. 90 об. Упомянут трактат А. С. Хомякова «Церковь одна» (в письмах девушек он именуется «О вере»).
[6] Там же. Л. 96 об.
[7] Там же. Л. 98 об.
[8] Там же. Сигн. 10621. Л. 9 об.
[9] Там же. Л. 14.

обещанные, но только для прочтения, потому что не успеем переписать»;[1] 20 февраля: «…думала вместе и всё прислать с Трутов<ским>. Но он решился не ехать; и так опять все мои посылки остались, не знаю, кого найти для передачи их тебе, мой милый друг»; [2] 15 марта: «Статью о чудесном, если успею, пошлю завтра, но возврати ее немедленно по прочтении, у нас другого экземпляра нет»;[3] 29 марта: «…получила ли ты статью о чудесном; не могу понять, отчего ты не пишешь».[4] 25 марта Мария сообщала о своем впечатлении: «Благодарю тебя очень за статью о чудесном; мне было чрезвычайно любопытно ее прочесть. Взгляды на магнетизм как на явление не духовное, а материальное мне нов, и я буду теперь себе задавать вопросы с этой точки и поверять ее; что же касается до того, что в столах говорим *мы*, с этим я совершенно согласна и точно так же говорила и сама об этом явлении. Отошлю немедленно статью <А. Ф.> Гильфердингу <…>».[5] Хотя в письме от 4 мая она рассказывала о новых злоключениях, связанных с трактатом: «Теперь, мой друг, жалуюсь вам на Гильфердинга и очень сожалею, что вас послушалась и отдала ему статью. Стоит он! До сих пор он еще не всю прочитал!!!! Как вам это покажется, три недели она у него!!»[6] и т. д.

В конце 1853 г. в переписке сестер в последний раз упоминаются спиритические сеансы. В письме от 20 декабря Мария затронула эту тему, чтоб рассказать сестре о негативном влиянии на мать семейства Надежду Тимофеевну Карташевскую случайного предсказания о младшей дочери Надежде: «Надобно тебе сказать, что стол сказал Наде, что она в Опере никогда не будет. Разумеется, сначала это не произвело ни малейшего впечатления; но, когда сначала маменькино нездоровье, потом то, другое, наконец, беспокойство и огорчение о Яше, все отделяло от нас мысли о Театре, — маменька начала сильно смущаться этим предсказанием. Разумеется, все восстали против такого суеверия, но уговоры в

[1] Там же. Л. 17.
[2] Там же. Л. 19—19 об.
[3] Там же. Л. 35.
[4] Там же. Л. 40 об.
[5] Там же. Сигн. 10648. Л. 30—31 об.
[6] Там же. Л. 38.

таких случаях не действительны, и потому надобно было истребить зло в самом основании. Мы решились заставить стол солгать и послали за билетом в первую предстоящую оперу. Давали Moise, — под названием Zora»,[1] т. е. оперу Дж. Россини (1818). Вера откликнулась 25 декабря: «Я очень рада, мой милый друг, что вы доказали милой тетеньке ложь стола, в этом сомневаться нельзя».[2]

Но вернемся к трактату К. Аксакова. Когда рукопись вернулась из Петербурга в Абрамцево, автор решил дать ее на отзыв Гилярову, авторитет которого как богослова был необыкновенно высок в московском кружке славянофилов. Гиляров позже, в письме к И. Ф. Романову-Рцы от 3 ноября 1886 г., вспоминал: «...Хомяков, Константин Аксаков подвергали моей предварительной критике свои сочинения <...>».[3]

Довольно обширный трактат К. Аксакова «О так называемом чудесном, или сверхъестественном» требует отдельного сосредоточенного исследования, здесь же взглянем на него только сквозь призму критики Гилярова (существенно дополняющей вышеприведенные краткие оценки из переписки В. Аксаковой с М. Карташевской). Скажем только, что трактат выдержан в жанре научного рассуждения, имеет двухчастную структуру с анализом гаданий и столоверчения, которые объясняются не потусторонними причинами, а воздействием на духовную природу человека «чувственной стихии», выражающейся в особой «магнетической силе». Описание спиритических сеансов К. Аксаков основывает на личном опыте. Здесь он безапелляционен в своих выводах: «…что бы ни писали столик или тарелка, пишут они то, что проходит через человека бессознательно для него, — и все ответы столика и тарелки есть непременно отражение или инстинкта, или же собственной фантазии человека».[4] Оказывается, он ставил эксперименты с тарелками наедине самим собой и только тогда мог противостоять наваждению: «Когда гадаешь один тарелкой, особенно когда следишь за собой, то видишь, что пишешь собственное свое убеждение; когда же силишься от него

[1] Там же. Сигн. 10647. Л. 102—102 об.
[2] Там же. Сигн. 10620. Л. 98 об.
[3] *Письма к Рцы*. С. 256.
[4] ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 7. Ед. хр. 24. Л. 51.

освободиться и гонишь всякую мысль свою, а между тем анализ напряжен — то тарелка чертит, и больше ничего».[1] «Вообще же, — заключает К. Аксаков, — весь этот необъятный мир чувственной силы — есть мир темный, и предаваться ему — значит отдавать себя чувственности, материи. Путь человека есть иной — путь духа, сознательный и ясный. В это великое ведение темной силы не стоит простого силлогизма — малейшего отблеска сознательной мысли, малейшей искры того духовного мира, где горит свет Разума и Премудрости, свет Свободы и Бессмертия».[2]

Когда именно Константин передал свой трактат о столоверчении Гилярову, можно судить по письму последнего об этом, которое хоть и не датировано, но содержит упоминание: «Благодарю за коротенькое известие об Альминской битве. Жажду услышать подробности, о которых Вы намекаете».[3] Как известно, это сражение произошло 8 сентября 1854 г.; значит, около середины сентября рукопись оказалась в руках Гилярова, а спустя два дня он написал свой отзыв (см. в начале следующего письма: «Статью Вашу пробежал я третьего дня»[4]). Но, уже только взглянув на первые фразы, Гиляров был неприятно удивлен терминологией К. Аксакова: при толковании о духовных реалиях тем использовался понятийный аппарат гегельянства, а не православного богословия. Гиляров пишет: «…на самый первый раз, взглянув на Вашу статью, я почувствовал, что с первых же слов меня покоробило. Вы говорите, что человек есть *бесконечный* дух. Извините меня, человек есть дух конечный. Выражение, подобное Вашему, идет вопреки христианству. Знаю, что Вы придаете своему выражению не совсем тот смысл, какой оно имеет само по себе; Вы взяли его из словоупотребления спиритуалистически-абстрактной философии, которая, играв словами целые полтора столетия, наконец в Гегеле нашло свое высшее выражение и конечный результат, к которому должно было необходимо прийти односторонне-взятое направление мышления, начатое механическим идеализмом Лейбница, продол-

[1] Там же.
[2] Там же. Л. 52—52 об.
[3] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 362. Л. 17.
[4] Там же. Л. 19.

женное трансцендентальным идеализмом Канта, субъективным — Фихте, объективным — Шеллинга и, наконец, — абсолютным — Гегеля».[1] К. Аксаков, как известно, в молодости испытал сильное влияние гегелевской формальной логики; вполне справедлива оценка С. А. Венгеровым его диссертации о Ломоносове: «…вся сущность книги гегелианская, потому что задача автора только в том и состоит, чтобы в истории русской литературы вообще и в истории литературной деятельности Ломоносова в частности найти моменты, установленные германским философом в качестве абсолютных и непреложных условий всякой истории литературы <…> представить иллюстрацию теорий излюбленного учителя <…>».[2] Поэтому критика Гилярова, убежденного во внеположность гегельянства теизму, имела самоочевидный педагогический акцент. Он продолжал: «Итак, вы сознательно не идете вопреки христианству, и в нем положенному миросозерцанию, и в частности — психологии. Но таково Ваше миросозерцание само в себе: последовательно проведенное, оно разрушает религиозный элемент в мышлении».[3]

При этом Гиляров заранее просил К. Аксакова приготовиться к самому нелицеприятному разбору его трактата, в чем особенно ярко проявилась присущая Гилярову-критику категоричность в подходе к рецензируемым либо цензурируемым им сочинениям, в следовании известному правилу «Amitus Plato, sed magis amica veritas»: «Сделаю, что могу, и попрошу у Вас извинения за откровенность, с какою буду спорить с Вами, как прошу извинения и теперь. / Будьте уверены, что откровенность, довольно грубая, есть следствие моей искренней любви и уважения к Вам».[4]

Следующее письмо, уже целиком посвященное трактату, Гиляров начинает обобщающей оценкой рукописи К. Аксакова (ее композиции и концепции): «Если Вы хотите знать о построении статьи, то, откровенно говоря, я недоволен.

---

[1] Там же. Л. 17—18.

[2] *Венгеров С. А.* Собр. соч. СПб.: Прометей, 1912. Т. III: Передовой боец славянофильства — Конст. Аксаков. С. 131—132.

[3] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 362. Л. 18—18 об.

[4] Там же. Л. 18 об.

Недовольство это основывается впрочем на несогласии, собственно, в общих понятиях».[1] Затем кратко излагает ее план: «О чем ваша статья? Заглавие “О чудесном или сверхъестественном”, а рассуждает она, если мне не изменяет память, следующим образом:

1. В мире вещественном есть общая связь *симпатии.*

2. Симпатия эта является на высшей степени как *инстинкт.*

3. Далее является как *чутье.*

4. Высшее выражение и проявление чутья есть *магнетизм.*

5. Одним из явлений должно быть почтено *движение столов.*

Затем следует рассуждение о том, что явления столодвижения прилагаются к магнетизму и объясняются им.

Итак, таков скелет Вашей статьи».[2]

Из чего Гиляров заключает, что содержание рукописи не соответствует ее названию: «Спрашивается: говорите ли Вы о чудесном? — Нисколько. <...> Собственно говоря, вы рассуждаете о столах, и все предыдущее подогнано для объяснения столов <...>. Итак, что касается до постройки, по моему мнению, всю статью должно бы озаглавить: “Объяснение столодвижения” или как там угодно, вроде этого».[3] И не возражая на предложенную К. Аксаковым аргументацию, опять-таки оспаривает применяемые им определения: «Слов *чудесное* и *сверхъестественное*, ради Бога, не употребляйте. Если Вы мне доверяете сколько-нибудь, то прошу на первый раз уважения хоть по этому, — разумеется, самому в себе недостаточному и не совсем разумному, — моему личному для Вас авторитету. Оба термина — термины христианские, и в христианстве должны найти объяснение: они суть выражения откровенного элемента в религии. <...> Философия и вообще образование, прогрессивно движущееся в мирознании, почасту дает название чудесного и сверхъестественного всему, что не подходит под законы природы, состроенные им на основании *узнанного — уже*».[4] По словам Ги-

[1] Там же. Л. 19.
[2] Там же. Л. 19—19 об.
[3] Там же. Л. 19 об.—20.
[4] Там же. Л. 20—21.

лярова, «животное самодовольство ума» называет «все недоведомое для него именем суеверия, будет ли это магнетизм, явление лешего или воскрешение мертвых через Христа».[1] Не менее вредно такое «безразличие» в наименовании духовных явлений, если их огулом отнести к области чудесного. Критикует Гиляров и основной прием К. Аксакова, сводящего анализ столоверчения к ссылке на «магнетизм», «чутье», «инстинкт» и «симпатию»: «…Вы невольно впадаете в иллюзию; воображаете, будто объясняете, а объяснения никакого не даете. Даете общее понятие, но понятие это *непонятно,* потому самому, что нечем его поверить на действительности <…>»;[2] «Я мог бы выдумать другое слово, совершенно бессмысленное, сказав, что это слово будет обнимать как понятие общее все факты внешних явлений, не объяснимых современно-ведомыми законами природы, — например, хоть слово: *нервизм.* Результат будет один и тот же».[3] И главная цель, преследуемая К. Аксаковым, по мнению рецензента, не достигается: «Эта цель — уверение тех, кто ничему выходящему из круга будничной жизни не верит. Но Ваши рассуждения их не уверят, если эти люди сколько-нибудь последовательны <…>».[4]

Критика Гилярова возымела действие: Константин Сергеевич изменил название трактата, добавив слова «О так называемом…», т. е. в самом заглавии выказав свое ироническое отношение к обывательским суждениям о непознанном вообще и, в частности, о столоверчении, и — положил рукопись в долгий ящик (впрочем, тогда еще действовал цензурный запрет на публикации славянофилов). Весной 1856 г., когда готовились к печати первые книжки журнала «Русская Беседа», К. Аксаков послал рукопись на отзыв московскому цензору Н. Ф. фон Крузе, славившемуся своим либерализмом. Тот 19 мая одобрил очерк к печати,[5] оставив на полях несколько карандашных ремарок с доброжела-

[1] Там же. Л. 21.
[2] Там же. Л. 21 об.
[3] Там же. Л. 21 об.—22.
[4] Там же. Л. 22.
[5] Там же. Л. 52 об.

тельными советами по улучшению текста.[1] Однако К. Аксаков передумал публиковать свое произведение: наступила эпоха нового царствования, жизнь требовала больших социальных преобразований; столоверчение же, потеряв всякую актуальность, было вытеснено из общественного сознания более насущными проблемами.

Хотя нелишне упомянуть, что именно семейство Аксаковых и дало впоследствии России крупнейшего специалиста в области спиритизма — Александра Николаевича Аксакова, племянника Сергея Тимофеевича. Гиляров же в 1870—1880-х гг. сблизился с ним на почве интереса к явлениям из области таинственного и непознанного, о чем свидетельствовал С. И. Уманец, живший в семье Гилярова — своего опекуна. Он вспоминал, что тот, бывая в Петербурге, «заезжал <…> всегда» к его крестной матери Т. П. Пассек (она же приходилась, как известно, кузиной Герцену и двоюродной теткой Ип. А. Пашкову, чиновнику МИДа, с 1877 г. публиковавшегося в «Современных Известиях», близкого Гилярову человека). И далее: «У нее нередко встречался Никита Петрович с А. Н. Аксаковым, известным, ныне здравствующим поборником спиритизма. К спиритизму Н<икита> П<етрович> чувствовал, особенно в конце жизни, особенное влеченье и очень уважал А. Н. Аксакова за его смелость упорно бороться с иронией и даже злобой, замечаемыми в интеллигентном обществе против явлений, не поддающихся рассудочному анализу. <…> В Москве, у себя в доме, он иногда устраивал спиритические сеансы, но я не помню, чтобы на них было что-нибудь выдающееся».[2] Уманец также вспоминал: «Н<икита> П<етрович> очень любил рассказывать о разных странных, таинственных явлениях жизни и был мастер в этом деле: он так, бывало, рассказывал разные страшные истории, что невольно мороз подирал по коже».[3] Несколько подобных историй приведено и в книге «Из пережитого», печатались они и на столбцах «Современных Известий»,

[1] Там же. Л. 48 об., 52.

[2] *Уманец С.* Кое-что из воспоминаний о Никите Петровиче Гилярове-Платонове // *РО.* 1897. Т. 47, окт. С. 858.

[3] Там же.

за что Гилярову попадало от авторов либерально-позитивистских изданий.[1] По свидетельству М. С. Сковронской, к спиритическим опытам приобщил Гилярова один из сотрудников «Современных Известий» начала 1870-х гг. (его имя не названо): «Развлекая его, он незаметно наводил его на любопытство заняться спиритическими сеансами. Терпеливо в течение двух или трех часов держал с редактором руки на тарелке, и духи писали им, например, продолжение “Мертвых душ” Гоголя <…>».[2]

Свою позицию по отношению к спиритизму Гиляров наиболее определенно высказал в связи с небольшой полемикой о сверхъестественном в жизни, которой дал место в своей газете в мае 1884 г.[3] Начал ее постоянный сотрудник «Современных Известий» В. Ф. Пелешевский очерком «Из области не совсем объяснимого»,[4] где с увлечением восхвалял спиритов: «Есть одно замечательное свойство людей, верящих в спиритизм, — людей, признающих существование на земле сверхъестественного; это — то, что во всех них есть страх Божий. Спириты, вообще, люди более или менее нравственные, сердечные и любящие ближнего; следовательно, с этой стороны распространение спиритизма — желательное явление. <…> Их идеализм ни за что не снизойдет до подлости, до чего зауряд доводит крайний реализм и материализм верующих в положительное только. Как там ни глумятся герои духа времени над бреднями спиритизма, а все же нужно сказать правду, что спириты — это лучшие люди нынешнего века, люди, живущие в душе на основании высших принципов, люди, не запятнанные жаждою наживы и хищения».

Спустя две недели Гиляров опубликовал развернутую реплику киевлянина И. Ф. Романова-Рцы, своего будущего корреспондента и ученика, подписанную названием первой буквы его фамилии «Эр», под названием «Солнце и сальная

---

[1] См.: *Скромный наблюдатель <Лукин А. П.>*. Наблюдения и заметки: Гиляровская чертовщина. Вещие сны // *РВед*. 1884. 13 мая. № 131. С. 2.

[2] *Сковронская М. С*. Быль и думы. М., 1900. С. 312

[3] См. ее изложение: *Рцы <Романов И. Ф.>*. Н. П. Гиляров-Платонов о спиритизме: (Неизд. письмо покойного <от 15 августа 1884 г.>) // *РД*. 1888. 22 апр. № 17. С. 20—21 (републ. нами: *Возвращение*. С. 343—351).

[4] *СИ*. 1884. 5 мая. № 120. С. 3.

свеча».[1] Рцы отталкивался от противопоставления спиритов материалистам и утверждал: «Вникая в сущность спиритизма, я прихожу к заключению, что это тот же материализм, но утонченный, подкрашенный, замаскированный, это та же религия безнравственности, или необходимости, апофеоз бессмысленной неволи над могилой заживо погребенной разумной свободы». Пояснял он это заключение тем, что спириты якобы властны над духами умерших людей и, значит, с точки зрения спиритизма, потусторонний мир — «настоящее царство неволи, самой бессмысленной, унизительной, постыдной. В юдоли земной мы еще тяготимся фикцией свободы, там — полное торжество необходимости. <…> Подуем мы на уголек, ты начнешь стучать под столом, прошепчем заклинания, станешь паясничать за ширмою, выкинем магическое коленце, понесешь всякую белиберду при посредстве “автоматического письма”, непременно белиберду, ибо неволя неразумна».

Итоги спора подвел Гиляров в сопроводительной передовой статье, заняв золотую середину: он выступил, как пояснил в первом письме к Рцы (от 15 августа 1884 г.), против и «поклепа на спиритов, которого они не заслуживают», и «поклонения, им возданного Пелешевским».[2] Согласившись с Рцы, что спиритизм «есть только переодетый материализм», Гиляров оспорил «замечание, что будто, по учению и практике спиритов, разные манипуляции живых имеют силу вызывать умерших хочешь не хочешь <…>».[3] В последовавшем затем обмене письмами Гиляров по просьбе Рцы уточнял свой взгляд на спиритизм. Приведем пространную цитату из того же письма от 15 августа: «Наряду с другими и это явление мне приходилось изучать в истории человечества. <…> Сущность спиритизма заключается в положении, что *между загробным миром и здешним возможно и бывает сообщение*. Это есть основание, а далее идет разноголосица и

[1] Там же. 1884. 18 мая. № 133. С. 2.

[2] *Письма к Рцы*. С. 232.

[3] *<Гиляров-Платонов Н. П.>*. Москва, 17 мая: Дневное обозрение // *СИ*. 1884. 18 мая. № 133. С. 2.

толкования. Аллан Кардек, Оуен, Вагнер[1] — каждый придумывает свою теорию. Я, положим, имею свою догадку, хотя в ней не уверен, а тем менее согласен с Кардеком. Филарет объяснял спиритические явления злым духом,[2] что по мне тоже односторонне. Вопрос в том, есть ли, бывают ли сообщения? Несомненные факты спиритизма, которых бесчисленное множество, означают ли реальное выступление умерших или собственное наше, потенцированное видение? Я себе ставлю так вопрос и признаюсь, не берусь решать его. Покойный В. И. Даль[3] получил “откровение” (назову так) от умершего Вышеславцева (в первый раз слышанная им фамилия) с просьбою написать известного рода утешение здравствующему сыну такому-то, в таком-то селе (ни то, ни другое не было Далю известно). Даль написал письмо к лицу, в существовании которого не был уверен, и в село, незнамо, действительное или мнимое. Написал и получил ответ. Вот Вам факт из бесчисленных, мне лично известных. Факт фактом, а объяснение стройте, какое угодно. Поэтому-то спирита обвинять с решительностью в материализме или в отрицании свободы непозволительно, по моему мнению: обвиняйте в том и другом того из спиритов, кто явления, им дознанные, объяс-

---

[1] Аллан Кардек (Allaine Cardec; наст. имя — Ипполит-Леон Денизар Ривайль; 1803—1869) — французский спирит, театральный режиссер. Перевод на русский язык наиболее известного его сочинения, изданного в Париже в 1858 г., был литографирован в Москве уже в 1861 г.: Книга духов, заключающая в себе правила спиритского учения о бессмертии души, о природе духов и их отношениях к людям, о нравственных законах, о настоящей жизни и о будущности человечества, составленная из наставлений высших духов, полученных чрез посредство многих медиумов, приведенная в систематический порядок Аллан Кардеком: (Пер. с фр.). [730] с. Однако эта же книга, подготовленная к изданию в 1889 г. (под названием «Спиритуалистическая философия»), была запрещена цензурой. Роберт Дейл Оуэн (Owen; 1801—1877) — английский спирит. В русском переводе К. Полянского опубликована его книга «Спорная область между двумя мирами: Наблюдения и изыскания в области медицинских явлений» (СПб., 1881. 282 с.; 2-е изд., доп. СПб., 1901. 312, V с.). Николай Петрович Вагнер (1829—1907) — зоолог, прозаик. Заметки в защиту спиритизма помещал главным образом в журнале «Ребус», на страницах которого полемизировал с Д. И. Менделеевым, Ф. М. Достоевским, Н. Н. Страховым и др.

[2] Свои суждения о спиритизме митрополит Филарет (Дроздов) высказывал главным образом в письмах к своему духовнику архимандриту Антонию (Медведеву). См.: * <*Смирнов А. П.*>. Митрополит Филарет в его отношениях к миру таинственных явлений // *ДЧ*. 1883. Ч. 2, май. С. 3—33. О его брошюре «О столоверчении» упоминалось выше.

[3] Известно, что В. И. Даль увлекался спиритизмом и учением Э. Сведенборга. Гиляров посвятил Далю прочувствованный некролог (Москва, 23 сентября // *СИ*. 1872. 24 сент. № 263. С. 2) и впоследствии неоднократно в своих статьях и очерках упоминал о встречах, беседах и спорах с ним.

няет материалистически, но это не единственное объяснение, для них возможное».[1]

Путь Гилярова к подобным выводам, основанным на длительном опыте осмысления сверхъестественных явлений, вероятно, и начался с рецензирования рукописи трактата К. Аксакова, который как раз «явления, им дознанные, объяснял материалистически», и только, что не могло удовлетворить взыскательного Гилярова ни в 1854 г., ни в 1884-м.

* * *

Вскоре после того как в разгар Крымской войны, 18 февраля 1855 г., скончался Николай I и на престол взошел Александр II, К. Аксаков, как известно, обратился к нему с запиской «О внутреннем состоянии России». Она вполне встраивалась в традицию, идущую от Н. М. Карамзина с его трактатом «О древней и новой России в ее политических и гражданских отношениях» (1811; опубл. 1861), и впоследствии, будучи напечатана его братом Иваном спустя два месяца после цареубийства 1881 г.,[2] послужила напутствием и для очередного императора, Александра III.

Предваряло публикацию письмо К. Аксакова на Высочайшее имя, датированное, судя по автографу, 8 апреля 1855 г.[3] Впоследствии И. Аксаков собирался напечатать в своей газете «Русь» еще два письма брата к Александру II, первое из которых сохранилось в двух редакциях. Каждая из них, наряду с подлинником (черновым отпуском), имеет и копию с расшифровкой, выполненной в свое время Верой Аксаковой, а позднее уточненной и подготовленной к набору Иваном. Этот проект тогда не состоялся (видимо, по цензурным условиям). Письма К. Аксакова к Государю опубликованы нами.[4]

---

[1] *Письма к Рцы*. С. 232—233.

[2] Записка К. С. Аксакова «О внутреннем состоянии России», представленная Государю Императору Александру II в 1855 г. // Русь. 1881. 9 мая. № 26. С. 11—15; 16 мая. № 27. С. 17—20.

[3] ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 7. Ед. хр. 27. Л. 3.

[4] *Дмитриев А. П.* Неизвестные проекты писем К. С. Аксакова к Александру II в связи с потерей Севастополя (по переписке Н. П. Гилярова-Платонова, В. С. Аксаковой и М. Г. Карташевской) // *Аксаковские чтения: (Материалы XV Аксаковских чтений. Уфа, 24—26 сентября 2015 г.). Уфа: Изд-во БГПУ, 2015.* С. 81—96.

Неоднократные обращения Константина к Государю в год его восшествия на престол, исполненные надежд на скорую победу в кровопролитной войне и упований на счастливое будущее отечества, зиждились на стремлении, наконец, превратить славянофильское книжное слово в реальное дело, в практику решительного преобразования российской жизни, прежде всего на путях борьбы с ее бюрократизацией, с засильем чиновничества.

Толчком, на наш взгляд, послужила история с отказом предводителя московского дворянства А. Д. Черткова подать адрес Александру II с изъявлениями своих чувств. 24 февраля Вера Аксакова с возмущением писала в Петербург двоюродной сестре Марии Карташевской: «…все наше общество, именно наш круг, особенно одушевлен в настоящую минуту, так искренно желает выразить Государю свое горячее сочувствие, и что же не допускают исполнить это желание! Таких минут не надобно стеснять, и мы уверены, что Государю приятнее было бы видеть искренние, а не казенные выражения сочувствия своих подданных».[1] Мария так откликнулась на слова Веры в письме от 3 февраля: «Как досадно, что ваш предводитель берет смелость так распоряжаться. Разумеется, весьма хорошо бы было вам отозваться на слова Государя Александра Николаевича».[2] Чуть позднее, 10 марта, Вера снова вернулась к разговору о молодом царе: «…всё, что мы ни читаем, ни узнаем со всех сторон о новом Государе, — всё радует и наполняет душу отрадными надеждами. Да поможет ему Бог. В сочувствии и содействии России он не может сомневаться».[3]

Но в регулярной переписке сестер, видимо из опасения перлюстрации, ничего не сообщается о посланиях Константина к Государю, кроме разве что глухого упоминания в письме Веры от 19 мая: «Константин также ждет из Петерб<урга> Трушковского, которому поручал известное вам дело; может быть, его известия будут такого рода, которые заставят Константина ехать самого, это должно решиться на днях».[4] Дело в том, что записку «О внутреннем состоянии

---

[1] ИРЛИ. Сигн. 10622. Л. 35—35 об.
[2] Там же. Сигн. 10649. Л. 21.
[3] Там же. Сигн. 10622. Л. 41—41 об.
[4] Там же. Л. 88 об.—89.

России» отвез в Петербург племянник Гоголя Н. П. Трушковский, передавший ее там графу Д. Н. Блудову, который уже препроводил ее Александру II.

Но был в ближайшем окружении К. Аксакова человек, которому он сообщал в письмах о работе над своей запиской и, возможно, советовался в связи с конкретными ее формулировками. Это — Гиляров. До наших дней, как уже говорилось, дошли только его ответные письма, в которых и содержатся сведения о ходе работы над запиской на Высочайшее имя. 14 марта 1855 г. Гиляров писал: «…благодарен судьбе и за то, что по приезде домой, нашел у себя Вашу записку. Вы говорите о своей теперешней работе, об *уроке*, который Вы желали бы кончить, и это уже подействовало благодетельно на меня, по обыкновению страшно расстроенного».[1] Не прошло и недели, как Гиляров нашел и писца с каллиграфическим почерком (скорее всего, из студентов Вифанской семинарии или Духовной академии) и тот уже готовил список записки для царя: сестры Константина писали довольно разборчиво, однако не так изящно, как требовалось. 20 марта 1855 г. Гиляров сообщал: «О статье Вашей могу сказать, что она немного не переписана, и переписывается хорошо, очень хорошо. (Я призывал писца, понукал его, и видел переписку.) Больше ничего не могу сказать. Сегодня и завтра опять буду справляться».[2] 8 апреля, как выше упоминалось, Константин подписался под сопроводительным письмом к записке.

Тогда же в письме Гилярова от 20 марта проскальзывает любопытная нотка, позволяющая говорить о том, что у Константина с ним подчас было больше точек соприкосновения, нежели даже с Верой.

Гиляров жалуется другу, поборнику «свободного слова»,[3] на формализацию проповедничества, требуемую начальством: «Нам, профессорам, велено писать и говорить *военные* проповеди, по случаю современных обстоятельств… А? как Вам это кажется? Вы скажете: это хорошо. Оно почти так, если взять отвлеченно самое приказание высшего начальства, т. е. Синода. Но если бы Вы знали, что выходит из среднего начальства, т. е. митрополита <Филарета (Дроздова)>, и

[1] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 362. Л. 10—10 об.
[2] Там же. Л. 8 об.
[3] Ср. название стихотворения К. Аксакова «Свободное слово» (1854).

из низшего!.. т. е. при столкновении с рутиной. Митрополит подробно изъяснил, *что* и *как* мы должны говорить, — и это ужас!... (Вера Сергеевна, впрочем, должна этому радоваться)».[1] Гиляров пояснял: «Вот что: “война посылается в наказание за грехи; теперешнее продолжение ее показывает, что Бог еще находит в нас нечто стропотное: итак, молитесь и кайтесь, православные…” и проч. Заключение со стороны нашего, и без того чересчур смиренного народа, следовательно, будет вот какое: “А, война поделом, за грехи наши. Ну так уж доброго для нас ничего из этого не выйдет. Так что ж уж тут и противиться. Пусть Бог карает; буди Его Всесвятая воля”. Словом, результат — противоположный цели, уныние, а не воодушевление».[2] Однако подобные несогласия всё же редки, маргинальны.

Основные оценки событий, звучащие в письмах как Гилярова, так и В. Аксаковой с М. Карташевской, весьма сходны,[3] а отражение их в посланиях К. Аксакова к Александру II позволяет утверждать, что он стремился воплотить в них, конечно, не отдельное частное убеждение, а поистине «глас народа». Не случайно письмо к Государю с просьбой назначить А. П. Ермолова начальствующим над русским войском в Крыму (сентябрь—декабрь 1855 г.) он начал словами: «Позвольте Вашему подданному сказать несколько слов со всею прямотою правды. — Настоящие обстоятельства требуют всего более — правды от Государя к народу и от народа к Государю. Молчание в настоящую минуту есть вина перед Россиею и Вами»,[4] и закончил еще более категорично: «Но какое право имею я говорить своему Государю то, что почитаю истинным и полезным для России? Я русский и Ваш подда<нный>, вот мои права. / Пишучи эти строки, я исполняю свой долг перед совестью, Россией и Вами».[5]

---

[1] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 362. Л. 8 об.

[2] Там же.

[3] См., например, в разделе 3.3 их отклики на известие о падении Севастополя.

[4] *Дмитриев А. П.* Неизвестные проекты писем К. С. Аксакова к Александру II в связи с потерей Севастополя... С. 88.

[5] Там же. С. 89.

3.5. Н. П. Гиляров и И. С. Аксаков: сотрудничество на фоне психологической дисгармонии (1853—1886)

Сохранившаяся двусторонняя переписка И. Аксакова и Гилярова охватывает 30-летний период дружеского общения и творческого сотрудничества — с 1855 по 1885 год — и затрагивает широкий тематический спектр от вопросов международной политики, проблем цензурного ведомства и противодействия революционному движению — до обмена сведениями о близких родственниках и друзьях. Письма отложились в нескольких архивохранилищах: ИРЛИ, РНБ, РГАЛИ. Однако при этом следует учитывать, что корреспонденты жили в одном городе, 1—2 раза в неделю встречались (известно, что Гиляров регулярно посещал «субботы» Аксаковых, а И. Аксаков бывал на гиляровских «воскресеньях»). Поэтому обнаруженные в архивах 53 письма — это довольно большой эпистолярный комплекс.

Взаимоотношения Гилярова и Аксакова не всегда были безоблачными, они переживали периоды охлаждения, порой довольно резкого (когда Гиляров цензуровал славянофильские издания и не хотел, рискуя своей должностью, отстаивать те или иные материалы, непроходимые в цензурном отношении[1]). Но все же цену они друг другу всегда знали. Мемуарные оценки, данные Гиляровым Аксакову,[2] по праву относятся к лучшему, что написано о нем. Не менее одобрительно обычно высказывался (причем заглазно) о Гилярове Аксаков.

Вот одна из оценок из раннего периода их общения. 17 декабря 1861 г., при первых известиях, что происходит смена министров народного просвещения и графа Е. В. Путятина заменит А. В. Головнин, И. Аксаков пишет князю Д. А. Оболенскому: «…спешу попросить тебя отрекомендовать Головнину — *Гилярова*. Ты, если не знаешь его лично, то хорошо знаешь, что он наш, из нашего кру-

[1] См. об этом разделы 1.4, 1.5 и 1.6, посвященные цензорской деятельности Гилярова вообще и его надзору над «Русской Беседой» и «Днем» в частности.

[2] Переизданы нами: *Гиляров-Платонов Н. П.* <Воспоминания об И. С. Аксакове>: I. <Речь на первом заседании Славянского благотворительного общества 2 мая 1877 года>; II. <Некролог>; III. <Похороны И. С. Аксакова> // *Из пережитого*. Т. 2. С. 214—219, 487—497. См. анализ этих произведений в разделе 3.6.

га, сотрудник “Беседы” и “Дня”, и теперь вместе с Юр. Самариным работает над богословскими сочинениями Хомякова. — Человек необыкновенно умный, талантливый и ученый. — Он был профессором Академии, но по некоторым неприятностям с Филаретом вышел оттуда и сделан был Цензором <…> ты обязан <…> обратить его внимание на этого замечательного человека».[1] То же было и в последующем. Их современник, публицист А. Н. Молчанов вспоминал (о событиях, судя по контексту, 1883 г.): «Однажды я получил от Н. Гилярова-Платонова в подарок его портрет и показал Аксакову. И<ван> С<ергеевич> взял портрет в руки и сказал: “Вот человек, про которого можно смело сказать, что он никогда и ничего не эксплоатировал… Большой талант, прекрасное перо, огромная начитанность, масса разнородных познаний… Но Русь матушка еще не умеет ценить по части грамоты”…»[2]

Как было установлено по письму В. Аксаковой к М. Карташевской от 26 января 1853 г., первое посещение Гиляровым Абрамцева состоялось 24 января,[3] и там в это время жил Иван: в усадьбе он встретил Новый год, а в Москву выехал только 29 января.[4]

Можно выделить четыре больших этапа их творческих взаимоотношений. Условные названия для них сориентируем на биографию Гилярова, причем в той мере, в какой это было связано с их взаимными интересами:

1) *Раскольнический* (1853—1855). Знакомство с Гиляровым, представителем духовно-академического мира, в тот период оказалось для Ивана как нельзя более кстати в связи с его изучением старообрядческих поселений. Как известно, он в 1849 и 1851 гг. составил три служебные записки о раскольниках в Бессарабской и Ярославской губерниях и о секте странников, или бегунов. Благоприятствовало общению соседство Абрамцева и Троице-Сергиевой лавры, где в Академии Гиляров преподавал на кафедре библейской герменевтики и учения о ве-

[1] ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 30. Л. 52—53.
[2] *Молчанов А*. Воспоминания об И. С. Аксакове // *ИВ*. 1886. Т. 25, июль. С. 379.
[3] ИРЛИ. Сигн. 10620. Л. 5 об.—6. См. выше, в разделе 3.3.
[4] См.: Аксаков Иван Сергеевич: Материалы для летописи жизни и творчества / Под ред. С. В. Мотина; сост.: С. В. Мотин, И. И. Мельников, А. А. Мельникова. Уфа: УЮИ МВД России, 2011. Вып. 3: В 2 ч. Ч. 1: 1851—1857. С. 57—59.

роисповеданиях, ересях и расколах, а затем, в сентябре 1854 г., был назначен преподавателем русской церковной археологии и истории раскола в России на Миссионерском отделении Академии. Для И. Аксакова в октябре 1853 г. Гиляров составил Записку о расколе.[1] В некрологе И. Аксакову Гиляров писал о встречах в том же 1853 году: «Вспоминаются тогдашние беседы наши о расколе, который только что перед тем был предметом служебных занятий Ивана Сергеевича».[2] Тема старообрядчества живо интересовала и Константина: в 1850 г. он пишет записку «<Расколы в России>», до последнего времени остававшуюся неопубликованной.[3]

2) *Цензорский* (1856—1862). Гиляров — цензор «Русской Беседы», «Паруса», «Дня» (и автор первого и третьего изданий), которые редактировал И. Аксаков.[4]

3) *Типографский* (1863—1867). Гиляров — управляющий Синодальной типографией. Он тогда подвергся оговору со стороны бывшего инспектора Типографии фольклориста П. А. Бессонова и его приятеля П. И. Бартенева, а также Н. Н. Новикова, распространявших сплетни о нем в московском обществе (это была своего рода месть Бессонова, болезненно воспринявшего назначение Гиляров, человека со стороны, управляющим Типографией, где сам Бессонов служил с 1858 г.; были и другие причины для конфликта). Биограф Гилярова князь Н. В. Шаховской записал в 1893 г.: «Бартеневу рассказывали Бессонов и Новиков о злоупотреблениях Н<икиты> П<етровича> по управлению Синод<альной> типограф<ией>, что будто он типографски<х> рабочих употреблял для постройки своей дачи в Петровск<ом>-Разумов<ском> и что на увезенном из Типографии шрифте основал свою типографию. / = Это надо тщательно проверить и

[1] См. об этом подробно в разделе 3.3.

[2] *Из пережитого*. Т. 2. С. 217.

[3] Напечатано нами: *Дмитриев А. П.* Неопубликованные статьи К. С. Аксакова о расколах в России и национальной русской идее: К 200-летию со дня рождения писателя // Текст и традиция / РАН. ИРЛИ, Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна»; гл. ред. Е. Г. Водолазкин. СПб.: Росток, 2017. Т. 5. С. 429—442.

[4] См. о взаимоотношениях Гилярова и И. Аксакова в этот период в разделах 1.4, 1.5 и 1.6.

опроверг<нуть>».[1] И. Аксаков тогда взял сторону Гилярова и помогал ему устроить нечто вроде «очной вставки» с его врагами, о чем свидетельствует его недатированная записка (написанная до февраля 1865 г., поскольку с этого времени Бессонов уже служил в Вильне, а в настоящем письме он упомянут как живущий в Москве): «Истинно, любезный Никита Петрович, ничего больше не знаю, как то, что «говорили о даче» и т. п. Бартенева я разругал, и вообще мы с ним почти не видимся. Разумеется, мне никто не станет бранить и обвинять Вас, иначе как общими словами. Но про *случай* подумаю. Я позову г. Бартенева, а с Бессоновым мы не говорим. Ваш *И. А.*».[2] Кроме того, как упоминалось,[3] Гиляров в 1867 г. стал автором ряда передовых статей в газете И. Аксакова «Москва».

4) *Издательский* (1867—1886). Гиляров как издатель-редактор ежедневной московской газеты «Современные Известия», а Аксаков (с 1880 г.) — «Руси». Внутри этого периода был важный этап подъема славянского движения, связанный с Русско-турецкой войной 1877—1878 гг., в который Аксаков как один из его признанных общественных лидеров работал рука об руку с Гиляровым, а тот бесплатно публиковал в своем издании многочисленные воззвания и объявления Славянского благотворительного общества и сведения о доброхотных пожертвованиях населения.

Вместе с тем у Аксакова было немало претензий к редакционной политике Гилярова в его «Современных Известиях», которые в 1870-е гг. фактически были единственным славянофильским органом. Аксаков писал матери 26 октября 1875 г.: «Говорят, Гиляров, получивший на днях второе предостережение, получил еще и третье, или еще имеет получить; тогда на некоторый срок приостановится издание газеты. Надобно признаться, что в последнее время она издавалась очень дурно и наполнялась статьями самыми бестактными, особенно относи-

---

[1] *Шаховской Н. В., кн.* Матерьялы для биографии Н. П. Гилярова-Платонова // РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 49. Л. 44 об.—45.

[2] ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 13. Л. 40 (копия князя Н. В. Шаховского: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 580. Л. 6).

[3] См. об этом раздел 1.7.

тельно банков; не только не успокаивала публику, но еще более тревожила ее и подрывала доверие к банкам, ни в чем не повинным, так что Чижов и я, мы посылали к нему нарочного, чтоб унялся. К тому же, по разным своим соображениям, Гиляров остался жить на своей даче и издает газету оттуда; он намерен и всю зиму остаться там, что̀ для редактора ежедневной газеты просто нелепость».[1]

Ряд сюжетов, связанных со взаимоотношениями Аксакова и Гилярова, освещался в литературе последних лет. В частности, Д. А. Бадалян опубликовал часть их переписки, а также некоторые другие документы о проекте, по слову Гилярова, «русского “Times”» на средства московского купечества (1884),[2] мы делали обзор статей Гилярова, помещенных им в аксаковской газете «День» (1862),[3] писали об отношении Аксакова к социологическим взглядам Гилярова в связи с переводом его статьи «Личное и общественное» на немецкий язык (1860),[4] о переписке Гилярова с Аксаковым по поводу первых поэтических опытов Алеши Гилярова (1874),[5] о неприязненном отношении их к личности и поведению Победоносцева после его назначения на пост синодального обер-прокурора (1883),[6] о печатном отклике Гилярова на «Биографический очерк Ф. И. Тютчева» (1886)[7] и др.

В письмах содержится немало других интересных сюжетов, которые, правда, часто даются полунамеками, потому как обмен письмами совершался лишь в крайнем случае при наличии регулярного живого общения. Именно по-

---

[1] ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 15. Ед. хр. 17. Л. 12.

[2] *Бадалян Д. А.*: 1) Н. П. Гиляров-Платонов и И. С. Аксаков в 1880-е годы: К истории взаимоотношений двух журналистов // *Возвращение*. С. 119—129; «Мы с вами — последние могикане…»: (Н. П. Гиляров-Платонов, И. С. Аксаков и проект новой общероссийской газеты в письмах и документах 1884 г.) // *Гиляров: ИМБР*. С. 614—635.

[3] *Дмитриев А. П.* Н. П. Гиляров-Платонов — цензор и автор газеты «День» // *«День» Аксакова*. Ч. 1. С. 52—80.

[4] *Дмитриев А. П.* Жизнь есть подвиг или наслаждение?: Православная социология и «русская идея» в оценке «либерального консерватора»: Н. П. Гиляров-Платонов versus И.-К. Блюнчли // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2007. Т. 8, вып. 1. С. 104—116.

[5] См.: *Гиляров: ИМБР*. С. 698—703.

[6] См.: *Разумевающие верой*. С. 216—221.

[7] См.: *Гиляров: ИМБР*. С. 685—697.

этому в сохранившихся письмах упоминается о возникавших конфликтах и недоразумениях и то и дело выясняются отношения между друзьями. Это были как раз те поводы, которые требовали немедленного разрешения, и они писали друг другу, не дожидаясь встречи.

У этих размолвок были свои психологические причины, и прежде всего — нерешительность, склонность к самокопанию и сомнениям, иногда капризность в чем-то женственной натуры Гилярова (в этом он признавался себе сам в мемуарах «Из пережитого») противостояла твердости и максимализму мужественного Аксакова, во взаимоотношениях с друзьями и единомышленниками доходящего подчас до нравственного деспотизма.

Выше цитировалось письмо Аксакова Б. И. Ордынскому от 28 октября 1858 г., в котором Гиляров характеризовался так: «…с эрудицией необыкновенной, но весь нравственно надломанный, болезненный, расколотый, нервный, мнительный, нерешительный <…>»,[1] приводились сходные оценки в письмах С. Т. Аксакова к сыну Ивану, например, от 5 января 1856 г.: «Натура его так болезненна и телесно и духовно, что я даже не знаю, способен ли он на что-нибудь».[2] Совершенной противоположностью был Аксаков, который, по сообщению Романова-Рцы (в его книге «Листопад», 1891), даже «говорил густым basso profundo».[3] Хорошую иллюстрацию этого психологического противоположения представляет письмо И. Аксакова к Гилярову по поводу Кирилло-Мефодиевских торжеств 1885 г. (оно опубликовано в томе писем И. Аксакова, изданном Публичной библиотекой в 1896 г., правда, с неверной датировкой — «1885 г. (Май?)», а также с неточностями и даже изменениями текста[4]).

Гиляров в передовой статье № 52 «Современных Известий» от 23 февраля высказался за возрождение Московского славянского общества, не без иронии упомянув, что оно провинилось «лишь своим патриотизмом»: «Но патриотизм

---

[1] *«Русская Беседа»*. С. 379.

[2] РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 3. Ед. хр. 2. Л. 24 об.

[3] *Рцы (Романов И. Ф.)*. Собр. соч.: В 2 т. / Изд. подгот. А. Дмитриев и Д. Федоров. СПб.: Росток, 2016. Т. I: Нагота рая. С. 112.

[4] *Аксаков в письмах*. Т. III. С. 447.

не такое же преступление, за которое даже прощения не полагается».[1] Аксаков в тот же день пишет Гилярову, будто начальник подчиненному, по пунктам жестко предписывая, как надо действовать: «Статья Ваша очень хороша, но нужно бы что-нибудь забористее, побольше бы задеть самолюбие московское городское. — Должен непременно устроиться какой-нибудь Комитет для празднования. Ну хоть бы по инициативе Общ<ест>ва Пения.[2] Этот Комитет должен тотчас объявить в газетах: “Приглашаются-де бывшие члены Слав<янского> общ<ест>ва на совещание туда-то”. Как соберутся, так и предложить: “Подать прошение о восстановлении Московск<ого> Славянск<ого> общ<ест>ва г<осподину> М<инист>ру Вн<утренних> Дел” — с присоединением, пожалуй, титула: “Кирилло-Мефодиевского”. Тем лучше, что моего участия и имени не будет. В члены комитета выберите Л. Майкова. Он меня терпеть не может (из зависти), и тем охотнее будет действовать, что меня тут не будет и вся честь — ему. Да и Долгоруков меньше будет артачиться: Майков ему свой. А восстановление Общ<ест>ва будет иметь значение бомбы в чужих краях».[3] О Майкове, в тот период помощнике директора Императорской Публичной библиотеки, конечно, не могли напечатать слова «терпеть не может (из зависти)» и заменили фразой «не особенно долюбливает».[4] Порой И. Аксаков просто разражался ругательствами, если Гиляров поступал не так, как, по мнению Аксакова, было необходимо. Например, в вышеприведенной записке конца 1861 г. Гилярову адресовались следующие слова: «Чорт Вас возьми совсем, скоты вы все и более ничего! <…> Вы отвратительны просто».[5]

Гиляров, философ по своей натуре, накопившееся уже за первые годы знакомства разочарование такой бесцеремонностью друга обобщил в непубликовавшемся письме, написанном в связи со спорами о программе газеты «Парус» и проекте объявления о ней в октябре 1858 г. Приведем большую

---

[1] *Вопросы веры и церкви*. Т. II. С. 478.

[2] Имеется в виду учрежденное в Москве 6 декабря 1880 г. Общество любителей церковного пения.

[3] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 580. Л. 8.

[4] *Аксаков в письмах*. Т. III. С. 447.

[5] ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 13. Л. 39. См. эту записку целиком в разделе 1.6.

выдержку из этого письма (оно пострадало от огня, его поля обгорели, конец отсутствует): «Вы говорите, что в положении моем относительно пропуска Вашего объявления не может быть вопроса о честности. Почему? Потому ли, что это Ваше объявление и что Вы его составили так, а не иначе? <…>. Итак, что я делаю, когда я подписываю такое объявление? Не правда ли, я лгу, обманываю, назовите, как хотите, — но, во всяком случае, я действую против совести. Или, скажу опять, когда дело коснется до угод<н>ого Вам, это ничего! <…> Оставляю в стороне Ваши замечания о том, что <…> *Вы* мной *недовольны*. <…> я <…> не раз заявлял Вам свое мнение об этом тоне, — как сказать? указов или грамот, которыми Вы объявляете свои благоволения. <…> Я прибавлю к сказанному только одно. Свобода и рабство выражаются разным образом. Кто громко восклицает о свободе, и в то же время не умеряет собственной личности насупротив других, тот не жрец свободы, а деспот. Свобода состоит в уменье уважать других столько же, сколько в собственном самоуважении. Одно на другом основывается. Необузданность собственных личных стремлений, к чему бы они ни относились, есть такое же рабство, как и рабство пред чужою волею, и тем опаснее, что тут очень легок путь к самообольщению».[1] Упрек в эгоизме, психологическом насилии над окружающими был справедлив, и, думается, Аксаков нуждался в таком беспристрастном воспитательном воздействии со стороны друга.

Таким образом, взаимоотношения Гилярова и Аксакова складывались непросто, однако всегда оказывались плодотворными. Думается, известные психологические расхождения этому только способствовали. Они вели себя как люди родные, из одной семьи, когда внезапно вспыхнувшая ссора вела не к углубляющемуся со временем ожесточению, а к скорому примирению. Аксаков, пусть и не сознавая того, нуждался в урезонивании со стороны Гилярова, в его умных советах, а тот, часто несобранный, сомневающийся, — в руководстве энергичного и властного Аксакова.

[1] ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. ед. хр. 2. Л. 1—2 об.

3.6. И. С. Аксаков в литературной критике и мемуарной прозе Н. П. Гилярова-Платонова (1877, 1886)

Хотя славянофилы и придавали литературной критике немалое значение, они, как известно, занимались ею эпизодически. Тем не менее оставили своего рода шедевры этого жанра — весьма выдающиеся даже на фоне более известных и в свое время, и сегодня сочинений Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Писарева. Стоит только вспомнить такие статьи, как «Нечто о характере поэзии Пушкина» (1831) И. В. Киреевского, «О мнениях “Современника” исторических и литературных» (1847) Ю. Ф. Самарина, «Обозрение современной литературы» (1857) К. С. Аксакова. Во многом благодаря этому стали возможны высшие достижения собственно национальной русской критики, представленной именами Ап. А. Григорьева, Н. Н. Страхова, Ю. Н. Говорухи-Отрока, В. В. Розанова.

В ряду лучших памятников славянофильской эстетической мысли стоит и обширная рецензия Гилярова на «Семейную хронику» и «Воспоминания» С. Т. Аксакова, которой в 1856 г. открывался критический отдел первой книжки журнала «Русская Беседа». Это был одобренный московским кружком литературный манифест всего идейного течения.[1] В дальнейшем Гиляров — и в этом, первом периодическом, органе славянофилов, и затем в своей ежедневной газете «Современные Известия», которую издавал в Москве в 1867—1887 гг., — не прекращал литературно-критической деятельности, изредка посвящая передовые статьи творчеству Пушкина и Л. Толстого, Достоевского и Тургенева, Герцена, К. Леонтьева, Вл. Соловьева и др. При этом он был знаменит тем, что чуждался так называемого «культурного лицемерия» и даже о недавно умерших писателях говорил зачастую до такой степени нелицеприятно, что его оценки и характеристики порождали подчас оживленную газетную полемику.

[1] См. об этом подробнее в разделе 1.4.

Поэтому, когда по кончине И. Аксакова его вдова Анна Федоровна переиздала книгу мужа о своем отце, Ф. И. Тютчеве,[1] и попросила Гилярова откликнуться на нее в «Современных Известиях», можно было не сомневаться, что его рецензия, несмотря на теплые отношения, связывавшие его с семейством почившего писателя, будет написана со знанием дела и вполне беспристрастно. Вот почему тем более показательно, что свой отзыв Гиляров начинает эпитетами в превосходной степени: «Историко-критическое исследование о Тютчеве, скромно и даже не совсем соответственно названное “Биографиею”, безусловно, есть лучшее из всех произведений покойного публициста, глубокое и блестящее».[2] А далее оно прямо ставится на пьедестал: «…“Биография Тютчева” есть не только лучшее произведение Аксакова, но, без преувеличения сказать, лучший критический труд по истории русской литературы вообще. Мы, по крайней мере, не знаем монографии ни об одном из наших писателей, которая по глубине, тонкости и обстоятельности разбора равнялась бы с произведением Аксакова о Тютчеве».[3]

Как известно, оно впервые увидело свет под названием «Федор Иванович Тютчев (Биографический очерк)», причем заняло всю октябрьскую книжку журнала «Русский Архив» за 1874 г., было издано и отдельно.[4] Но тогда книга подверглась цензурному запрещению.[5] Гиляров не сразу ее прочел, хотя и получил экземпляр в дар. Еще до публикации очерка Аксаков 20 января 1874 г. в Обществе любителей российской словесности конспективно изложил суть своих представлений о месте Тютчева в отечественной культуре и — шире — о русской поэзии вообще. Сожалея, что Гиляров не присутствовал на этом заседании,

---

[1] *Аксаков И. С.* Биография Федора Ивановича Тютчева. М.: Тип. М. Г. Волчанинова, 1886. 327 с.

[2] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. <Рец. на кн.:> Биография Федора Ивановича Тютчева. Сочинение И. С. Аксакова. Москва, 1886 г. // *СИ*. 1886. 30 окт. № 299. С. 1.

[3] Там же.

[4] *Аксаков И. С.* Федор Иванович Тютчев: (Биогр. очерк). М.: Тип. В. Готье, 1874. 406 стб.

[5] См. об этом: *Бадалян Д. А.* Книга И. С. Аксакова «Биография Федора Ивановича Тютчева» и цензура (по материалам Главного управления по делам печати) // Аксаковские чтения: Материалы XI Всерос. науч. конф. (Уфа, 2 октября 2009 г.) / Ред. В. В. Борисова и др. Уфа, 2009. С. 69—74.

Аксаков в письме к нему от 3 февраля того же года сообщал: «Я излагал тут целый трактат о судьбе русской поэзии, или русского стихотворчества, и гадал о его будущем <…>. Я думаю, что поэзия в стихотворной форме (заметьте притом: чужой и заемной) у нас — момент отжитой. Поэзия пушкинского периода носит на себе *исторический признак* — именно признак исторической *необходимости*, — искренности, не только личной, авторской, но и исторической. Она запечатлена *свежестью* формы, на самой форме слышна *победа* над материалом искусства (словом), — чувствуется радость художнического обладания. — Она была “священнодействием”; отношение к искусству походило на *веру* в искусство».[1] Затем, по Аксакову, начинается упадок поэзии: «От отрицательного до тенденциозного направления (где поэзия обращается в средство, отодвигается на задний план) — один только шаг».[2] Тут под «отрицательным» направлением подразумевается поэзия Лермонтова, а под «тенденциозным» — Некрасова и его школы. И далее Аксаков, так сказать, «весьма по-славянофильски» предвещает: «Очень может быть, для нашей поэзии настанет период возрождения, новый период искренности, в новой, более *оригинальной*, более *народной* форме».[3]

И, наконец, приведем из этого же письма суждение Аксакова о современном ему (в 1870-е гг.) состоянии поэзии — суждение, которое его вдова в свое время не решилась предать гласности в полном объеме из-за известной смелости слововыражения. Потому и публикуем его по автографу: «Стихотворная форма, в наше время, — это проститутка, публичная женщина, которую только ленивый не употребляет»,[4] — писал Аксаков Гилярову. И еще: «…стихи новейшие как-то не нужны».[5] В книге эта мысль будет облечена в облагороженную формулировку: «На стихотворениях нашего времени уже не лежит, кажется нам, печати этой *исторической необходимости* и искренности, потому что самая историческая миссия стихотворства, как мы думаем, заверши-

[1] *Аксаков в письмах*. Т. III. С. 429.
[2] Там же. С. 430.
[3] Там же.
[4] ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 13. Л. 13 об.
[5] *Аксаков в письмах*. Т. III. С. 430.

лась. Они могут быть, они и действительно более или менее талантливы, но или звучат как отголоски знакомого прошлого, уже лишенные прежнего обаяния, или же преисполнены внешних, чуждых искусству, тенденций».[1]

Эти и другие положения, подробно развитые уже в самой аксаковской книге, оказываются и в центре внимания Гилярова в его рецензии 1886 г. Ознакомился же он с книгой друга летом 1875 г., когда откликнуться на нее в печати из-за ее цензурного запрещения не представлялось возможным. В письме от 15 января 1876 г. Гиляров сообщал Аксакову: «Книгу Вашу о Тютчеве я удосужился прочитать только летом».[2] [7; 1005]. Загруженный поденной работой по редактированию газеты, он и взял в руки это исследование, по-видимому, чтоб составить собственное мнение о нем в связи с пересудами недоброжелателей из окололитературных кругов: «Вы говорите об успехе в Общ<естве> люб<ителей> словесности. Я слышал другое: что “слишком длинно”, что Аксаков “расписывает Тютчева, потому что он его тесть”. <…> Когда я прочитал книгу, я увидел, что отзыв совершенно несправедлив; но как угодно, он был произнесен».[3]

Но, отведя обвинения завистников, Гиляров с огорчением пишет о некоем «смешении жанров» как о существенном, на его взгляд, недостатке аксаковского труда: «…я пожалел глубоко, что столько художественного чутья и тонкого разбора, можно сказать, убито в книге. Неизмеримо более силы и практического плода имели бы все Ваши замечания, если бы они явились вне биографии Тютчева: одно другим заслонено, и то и другое пропало».[4] Гиляров сетует, что не мог оценить книгу до ее выхода в свет (этот фрагмент письма приведем по автографу, поскольку он опубликован с погрешностями): «Жаль, что я не был тогда на заседании Общества, когда происходило чтение. Это бы мне в свое время дало возможность сказать что-нибудь о Вашей книге. Вольно Вам было не позна-

---

[1] *Аксаков И. С.* Биография Федора Ивановича Тютчева. М., 1886. С. 82.

[2] Материалы для биографии Н. П. Гилярова-Платонова / Сообщ. кн. Н. В. Шаховской // *РО*. 1896. Т. 42, дек. С. 1005.

[3] Там же.

[4] Там же.

комить с нею раньше! Читали же ее Самариным во время писания; это хорошо, но и другим сообщить не мешало, вроде меня, например, особенно».[1]

Первоначальное впечатление Гилярова от книги Аксакова было, таким образом, не вполне благоприятно. Согласно логике его замечаний, следовало бы разделить книгу на два независимых исследования: *историко-теоретическое* о судьбе русской поэзии на широком фоне мировой культуры (у Аксакова, например, Лермонтов довольно убедительно типологически соотнесен с Гейне) и *собственно биографическое*.

Однако этот упрек можно переадресовать самому Гилярову, стоит вернуться к его уже упоминавшейся рецензии на произведения С. Т. Аксакова: там они анализируются подобным же образом — их детальный разбор предваряется обстоятельным обозрением русской литературы «под теоретическим углом зрения», и при этом «главными принципами» выступают: «приоритет нравственного начала, утверждение положительных основ жизни, пафос народности искусства».[2] Более того — заметно, что Аксаков, может и безотчетно, отталкивался от концепции Гилярова, впрочем кардинально ее корректируя: если у последнего к отрицательному направлению причисляется не только Лермонтов, но и Пушкин, поскольку он, по мнению критика, «не покорял в своем поэтическом представлении жизнь ее высшей нравственной, тем менее — религиозной истине»,[3] а далее, начиная с Гоголя, усматривается прорыв к воплощению в литературе положительных начал жизни, за дальнейшее развитие которого и ратует Гиляров, — то у Аксакова Пушкинский период в литературе, к которому относится и творчество Тютчева, осмысляется, так сказать, «с точностью до наоборот» — как время, когда поэзия носила характер «бескорыстной, самой для себя, свободной, личной, не обращенной в средство для достижения посторонней цели, — поэзии, не знающей тенденций»,[4] и только с Лермонтова, наследие которого отличается

---

[1] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 359. Л. 16—16 об.

[2] *Егоров Б. Ф.* Н. П. Гиляров-Платонов как эстетик и литературный критик // *Гиляров: ИМБР*. С. 40.

[3] *Сб. соч*. Т. I. С. 88.

[4] *Аксаков И. С*. Биография Федора Ивановича Тютчева. М., 1886. С. 80.

«отрицательным характером содержания»,[1] начинается падение искусства как такового и превращение его в «средство», — падение, достигшее своей низшей точки в явлении «тенденциозной поэзии» 1860—1870-х гг. Впрочем, указанное различие между концепциями Гилярова и Аксакова во многом сглаживается тем, что первый ставит во главу угла религиозно-нравственный критерий, а второй — эстетический.

В книге Аксакова Гиляров особенно отмечает несколько аспектов, заметно выделяющих ее из современной ей литературной критики.

Во-первых, считая достоинством, казалось бы, вовсе излишнюю для литературоведческих исследований художественную форму и образность его стиля, Гиляров пишет об Аксакове: «В своем критическом отчете приводя отрывки из разбираемого поэта, он сопровождает их объяснениями, дышащими такою художественностью, что недоумеваешь иногда, прекраснее ли стихотворная поэзия Тютчева или поэтическая проза Аксакова?»[2] В качестве примера Гиляров приводит его комментарий к «Весенней грозе»: «Так и видится молодая, смеющаяся вверху Геба, а кругом влажный блеск, веселье природы и вся эта майская *грозовая потеха*».[3]

Во-вторых, Гиляров делает акцент на таком достижении Аксакова, как многоступенчатость его анализа (произведение — автор — общество — народ — время), обеспечивающая содержательную всеохватность исследования: «Он рассматривает произведения в связи с внутреннею и внешнею историею личности автора и в связи с характером общества, среди которого он жил и действовал, в связи с характером народа, на котором висело это общество, и с характером исторического периода, который оно проживало».[4]

В-третьих, Гиляров отмечает мастерство идейного анализа при разборе политических и исторических воззрений Тютчева, заставляющее вспомнить лучшие передовые статьи самого Аксакова в его изданиях («День», «Москва»,

---

[1] Там же. С. 81.

[2] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. <Рец. на кн.:> Биография Федора Ивановича Тютчева. Сочинение И. С. Аксакова. Москва, 1886 г. С. 1.

[3] Там же.

[4] Там же.

«Русь»), а также рассуждает о «тонкости» психологического анализа «с его художественно меткими определениями»[1] и о «критической чуткости Аксакова, обнаруженной в разборе отдельных стихотворений, отдельных картин, даже эпитетов».[2]

Наконец, приводя обширные цитаты из той части книги, где Аксаков характеризует «состояние общества, современное Тютчеву», Гиляров пишет: «…достойно замечания, между прочим, объективное отношение критика к направлению, которого в последние годы он сам служил главным представителем».[3] И цитирует слова Аксакова о славянофильстве, которое, по словам последнего, есть не «учение, воспринимаемое в полном объеме послушными адептами, а направление, освобождающее русскую мысль из духовного рабства перед Западом и призывающее русскую народность стать на степень самостоятельного просветительного органа в человечестве <…>».[4]

Особенно же поразительным считает Гиляров необычайное беспристрастие Аксакова, звучащее в следующих его словах: «Самое прозвище “славянофильство” может быть покинуто и забыто <…>. Но тем не менее раз возбужденное народное самосознание уже не может ни исчезнуть, ни прервать начатой работы и оправдает, конечно, со временем многие высказанные славянофильством положения, кажущиеся теперь мечтательными».[5] Гиляров констатирует: «Замечательна скромность этого отзыва тем именно, что сам Иван Сергеевич как публицист оставался свято верен всем формулам, которые высказаны были родоначальниками славянофильства (К. С. Аксаковым между прочим). Но здесь, как критик целого периода литературы, он поднимается беспристрастием выше собственных личных мнений».[6]

---

[1] Там же.
[2] Там же. С. 2.
[3] Там же.
[4] *Аксаков И. С.* Биография Федора Ивановича Тютчева. М., 1886. С. 62.
[5] Там же. С. 62, 63.
[6] *<Гиляров-Платонов Н. П.>*. <Рец. на кн.:> Биография Федора Ивановича Тютчева. Сочинение И. С. Аксакова. Москва, 1886 г. С. 2.

Кроме того, Гиляров говорит и о не проясненных Аксаковым (а может, и в принципе неразрешимых) проблемах, связанных с творчеством Тютчева: «Как объяснить этот недостаток популярности при несомненном общественном значении? Эту несоразмерность внешнего объема литературной деятельности с обнаруженной автором силой дарований?.. Но и здесь еще не конец недоумениям, нередко возбуждаемым именем Тютчева. Ко всем единодушным отзывам нашей периодической печати об его уме и таланте, раздавшимся вслед за его кончиной вместе с выражениями искренней скорби, мы позволим себе прибавить еще и свой: Тютчев был не только самобытный, глубокий мыслитель, не только своеобразный, истинный художник-поэт, но и один из малого числа носителей, даже двигателей нашего русского, народного самосознания».[1]

Заканчивая рецензию, Гиляров признает: «Указание всех достоинств этой книги не может уместиться в пределах газетной статьи».[2]

Таким образом, Гиляров на примере исследования И. Аксакова о Тютчеве (к которому вполне можно применить известное выражение Фета — «томов премногих тяжелей») первый по достоинству оценил его выдающийся вклад в русскую литературную критику и литературоведение.

* * *

Как известно, помимо биографического очерка о Тютчеве, а также «Сборника стихотворений» мужа, А. Ф. Аксакова сразу после кончины мужа приступила к изданию его публицистического наследия — главным образом передовых статей из трех его газет: «День», «Москва» («Москвич») и «Русь», а также его речей в разных публичных собраниях. Первым двум томам, получившим названия соответственно «Славянский вопрос» и «Славянофильство и западничество», предпосланы неподписанные предисловия. До самого последнего времени было неизвестно, кто их автор. В 2015 г. переиздавая в составе 12-томного собрания сочинений И. Аксакова первый том (в двух книгах), мы републиковали и Предисловие к нему, обозначив его предположительными авторами О. Ф. Мил-

[1] Там же.
[2] Там же.

лера и С. Ф. Шарапова.[1] Мы в этом случае доверились мнению авторитетнейшего аксаковеда Н. И. Цимбаева, писавшего, что «основная работа легла на плечи Ор. Ф. Миллера и С. Ф. Шарапова, публицистов, наиболее близких к Аксакову в последние годы его жизни. Именно они приводили в порядок архив Аксакова после его смерти и ликвидировали дела газеты “Русь”»;[2] также (вслед за Т. Ф. Пирожковой[3]) мы упомянули, что «активное участие в подготовке томов принимали А. Д. Давыдович и М. А. Стахович, взявшие на себя основную черновую работу».[4] Впрочем, об авторстве предисловий Цимбаев ничего не говорил.

Уже после выхода в свет 1-й книги тома член Редколлегии, петербургский аксаковед Д. А. Бадалян засомневался как в предположенной атрибуции Предисловия, так и в целом — в том, что Миллер и Шарапов готовили Собрание сочинений И. Аксакова, и провел небольшое исследование, опубликованное нами в конце 2-й книги 1-го тома.[5] Выяснилось, что в разных исследованиях царит разнобой: помощниками А. Ф. Аксаковой в подготовке издания назывались А. Д. Давидович и М. А. Стахович (Т. Ф. Пирожкова, 1988), Вл. С. Соловьев (А. А. Носов, 1991), «вероятно»: О. Ф. Миллер и С. Ф. Шарапов (В. Н. Греков и Н. А. Смирнова, 2002). Затем Бадалян приводит целый ряд эпистолярных, дневниковых и мемуарных данных, в том числе архивных, надежно свидетельствующих о том, что Шарапов не мог участвовать в подготовке издания, а Миллер если и помогал вдове, то незначительно, эпизодически. Окончательный вывод исследователя таков: «…единственным составителем Сочинений мы можем считать только А. Ф. Аксакову, а ее помощниками в этом деле — секретаря редакции «Руси» в 1883—1886 гг. А. Д. Давидовича и М. А. Стаховича, будущего политика, члена

---

[1] См.: <*Миллер О. Ф., Шарапов С. Ф.*?>. Предисловие (1886) // *Аксаков И. С.* Собр. соч.: В 12 т. Т. 1: Славянский вопрос. Кн. 1 / ИРЛИ РАН; Изд. подгот.: А. П. Дмитриев и Д. А. Федоров. СПб.: Росток, 2015. С. 13—14.

[2] *Цимбаев Н. И.* И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М.: Изд-во МГУ, 1978. С. 9.

[3] *Пирожкова Т. Ф.* Примечания // *Аксаков И. С.* Письма к родным, 1844—1849. М.: Наука, 1988. С. 554. (Лит. памятники).

[4] *Аксаков И. С.* Собр. соч.: В 12 т. Т. 1, кн. 1. С. 8.

[5] *Бадалян Д. А.* О составителе посмертного Собрания сочинений И. С. Аксакова и Предисловия к его первому тому // *Аксаков И. С.* Собр. соч.: В 12 т. Т. 1: Славянский вопрос. Кн. 2. СПб., 2015. С. 669—672.

Первой Государственной думы и Государственного совета». А тот факт, что в 7-м томе было помещено Предисловие, подписанное Вл. Соловьевым, позволил Бадаляну «сделать вывод: если бы автором Предисловия к первому (а также и ко второму) тому был кто-то другой, А. Ф. Аксакова, также как и в седьмом томе, указала бы его имя, а раз это не было сделано — Предисловие написано именно ею».[1]

Помещая статью Бадаляна, мы первоначально снабдили ее примечанием, в котором соглашались, что приведенные доводы вполне позволяют предположительно атрибутировать Предисловие к первому тому Собрания сочинений Аксакова 1886 г. его вдове Анне Федоровне и вместе с тем — поправляют оплошность, допущенную при републикации этого Предисловия. Вместе с тем, мы указали на небезусловность главного, хотя, казалось бы, и довольно сильного, аргумента — отсутствия подписи под Предисловием в первом томе, поскольку оно, по мнению исследователя, написано составительницей, и наличия подписи Вл. С. Соловьева в Предисловии к седьмому тому.

Дело в том, что существует, так сказать, амбивалентный аргумент, хотя опять-таки косвенный. Это публичное заявление самой Анны Федоровны, напечатанное в газете «Новое Время» еще во время подготовки Собрания сочинений. Оно начинается так: «Друзья и почитатели Ивана Сергеевича Аксакова просят меня, чтобы независимо от воспроизведения сочинений, уже видевших свет, была обнародована и его обширная *переписка*. Находя это и с своей стороны полезным, намереваюсь приступить к этому делу вслед за окончанием продолжающегося теперь полного издания сочинений».[2] Анна Федоровна этим заявлением предупреждала появление в печати писем Аксакова, не согласованное с нею (прежде всего со стороны С. Ф. Шарапова, претендовавшего на роль «продолжателя дела Аксакова»), хотя и, тем самым, поступала наперекор существовавшей практике: рукописи покойного принадлежат наследникам, но его письма — собственность адресатов. (Это ее решение как необычайное своеволие осудил Н. С.

[1] Там же. С. 672.
[2] *Аксакова Анна*. Письмо в Редакцию // *НВр*. 1886. 1 дек. № 3865. С. 3.

Лесков в заметке «Небывалая строгость», опубликованной в № 332 «Петербургской Газеты» от 3 декабря 1886 г.) Однако, помимо того что А. Ф. Аксакова упоминала о своей работе по подготовке Собрания сочинений, существенен тот факт, что не она автор текста заявления, под которым подписалась, — его составил как раз Гиляров: он включен в состав его письма к князю Н. В. Шаховскому от 8 ноября <1886 г.>, который и взялся согласовать его с Анной Федоровной.[1] Отсюда, отмечали мы, она вполне могла попросить кого-либо из друзей или учеников мужа написать и краткое Предисловие к первому тому. Завершая примечание, мы от лица Редколлегии выразили надежду, что «будущие архивные находки могут преподнести нам еще не один сюрприз».

И эти сюрпризы не замедлили. Когда уже был готов макет 2-го полутома, в Рукописном отделе Пушкинского Дома удалось обнаружить исключительно важные для нашей темы документы. Книга была задержана печатанием. И вот что нам удалось выяснить.

В архиве Гилярова (фонд 71), пока еще не прошедшем полной систематизации, научно не описанном, а разобранном лишь предварительно, нашлись шесть небольших листочков (10,5x13,5 см), на которых рукой Гилярова карандашом был написан полный текст Предисловия к первому тому (небольшая стилистическая правка дополнительно позволяет атрибутировать текст именно ему). Буквально точно это Предисловие было воспроизведено в Собрании сочинений. Исключение составляет подстрочное примечание, в рукописи Гилярова начинавшееся так: «Книжка стихотворений, на днях изданная для подписчиков “Руси” в вознаграждение за недополученные №№ газеты, не относится к настоящему изданию». В вышедшем томе эта фраза была слегка изменена: «Книжка стихотворений, напечатанная для подписчиков “Руси” в вознаграждение за недополученные №№ газеты и на днях вышедшая вторым изданием, не относится к настоящему изданию».[2] 2-е издание «Сборника стихотворений» Аксакова увидело свет не ранее 9 апреля 1886 г., но уже 2 апреля оно печаталось одновремен-

[1] См.: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 503. Л. 8—9 об.
[2] *Аксаков И. С.* Собр. соч.: В 12 т. Т. 1, кн. 1. С. 13.

но с томом «Славянский вопрос» (см. об этом письмо А. Ф. Аксаковой к деверю Г. С. Аксакову от 2 апреля 1886 г.[1]) — это позволяет датировать Предисловие серединой — второй половиной апреля.

Косвенно подтверждает такую датировку «Оговорка» на с. III 1-го тома 1886 г., объявлявшая, что одна из статей, по ошибке включенная в том, «принадлежит Н. П. Гилярову-Платонову, как бывшему сотруднику “Москвы”».[2] То есть Анна Федоровна, отпечатав основной корпус тома, препроводила его Гилярову, согласившемуся написать Предисловие. Пробегая том приятеля, он и обнаружил свою статью о значении русского языка как средства межславянского общения, напечатанную в свое время в качестве передовицы,[3] и сообщил об этом А. Ф. Аксаковой. Отношение же Гилярова к подписи под его напечатанными сочинениями, как упоминалось выше, было всегда особое и в чем-то сродни взгляду на этот вопрос древнерусского книжника: истина должна самоочевидно свидетельствовать о своей непреложности — без опоры на авторитет автора и без потакания его честолюбию. Поэтому он обыкновенно либо вовсе не подписывал свои произведения, либо ограничивался инициалами и псевдонимами.

В небольшом Предисловии к тому «Славянский вопрос» Гиляров делает три основных акцента: во-первых, на неутраченной свежести публикуемых статей и речей, актуализованной новой фазой волнений на Балканах в 1885 г., во-вторых, на непреходящем значении принципиальных славянофильских воззрений по Восточному вопросу, которые, однако, мало усвоены русским общественным сознанием, в-третьих — на личной роли И. Аксакова как незаурядного деятеля славянского движения. Гиляров пишет в свойственной ему афористичной манере, с точными, нередко неожиданными эпитетами, о «современном интересе к восточным делам, оживившемся после сухой Филиппопольской революции и последовавших за нею событий, не улегшихся вполне и до сих пор»,[4] имея в виду народное восстание, произошедшее в сентября 1885 г. в Филиппо-

[1] Там же. Кн. 2. С. 675.
[2] Там же. Кн. 1. С. 6.
[3] Москва. 1867. 2 авг. № 97. Стб. 6—9.
[4] *Аксаков И. С.* Собр. соч.: В 12 т. Т. 1, кн. 1. С. 13.

поле (ныне Пловдив), в ходе которого было провозглашено объединение Восточной Румелии с Болгарией, и Сербско-болгарскую войну в ноябре того же года; а в 1886 г. — союзническое соглашение между Турцией и Болгарией в январе и отречение от престола болгарского князя Александра Баттенберга в августе. Статьи Аксакова «о славянском значении России и налагаемой отсюда на нее обязанности» даже 25-летней давности, по мнению Гилярова свежи, и «ни одна строка по восточным делам не только не потеряла своей современности, но многие, даже из самых первых, как будто писаны вчера».[1]

Гиляров считает необходимым подчеркнуть роль Аксакова как поборника и выразителя национального самосознания и продолжателя дела старших славянофилов. Он пишет: «Но важнее меткости тех или других частных замечаний общая идея, связывающая все статьи и речи: освежение ее в современном сознании тем важнее, чем одностороннее судят еще о славянофильстве многие», выделяя, между прочим, «общие суждения о связи между народностями и верою, о действии, оказываемом на молодые балканские народы соблазном внешней цивилизации, о неразрывной зависимости, в которую поставлена историческая жизнь славянских народов от России и обратно» и подчеркивая: «все это не настолько еще вошло в кругооборот общественного сознания, чтобы утратить свою свежесть».[2] особо выделяется Гиляровым сплав слова и дела в жизненном кредо Аксакова: «Характер деятеля, впрочем, проходит по всему периоду. “День” уже застает Аксакова секретарем того Комитета, которого он был потом столь славным председателем; сколько нам известно, самое учреждение Славянского комитета состоялось не без прямых внушений Ивана Сергеевича, с которыми он обращался к своим старшим друзьям после впечатлений и наблюдений, вынесенных им из путешествия по славянским землям в 1859 году».[3] Последнюю цитату приводим по первопубликации Предисловия Гилярова, чтоб указать на нечаянные фактические ошибки автора, которые едва ли допустили бы специалисты-славяноведы вроде О. Ф. Миллера, но которых не избежал Гиляров, вы-

[1] Там же.
[2] Там же.
[3] *Аксаков*. Т. I. С. VI—VII.

ступающий здесь как вдохновенный оратор, а потому позволяя себе делать ошибки памяти. Так, путешествие Аксакова по славянским землям он датирует 1859 годом, а не 1860-м; учреждение Славянского благотворительного комитета относит ко времени после возвращения Аксакова в Москву, а не к 1858 г., а его речи на Славянском съезде 1867 г. фактически объявляет неопубликованными, отметив, что они «могут увидеть свет только после полного разбора бумаг, оставшихся от издателя "Руси"», хотя они были в свое время напечатаны неоднократно[1] и Гиляров просто забыл об этом.

Предисловие ко второму тому («Славянофильство и западничество») еще более интересно. Композиционно оно делится на три части: в первой дается краткий тематический обзор материалов, составивших том, во второй определяется специфический вклад И. Аксакова в развитие славянофильского учения и, наконец, в третьей он характеризуется как писатель, художник слова. Гиляров отмечает, что в томе помещены статьи, в которых «по преимуществу раскрывались самые основы славянофильского учения о русской народности, о русской самобытности, о развитии народного самосознания, об отношениях России к западноевропейскому миру, о различии начал и задач русской и западноевропейской жизни, о различии древнерусского допетровского и нового послепетровского строя и развития русской жизни, о жалких последствиях отступления от народных начал, искажениях народности, подделке под народность и т. под.»,[2] добавляя, что И. Аксаков находил разъяснение этих проблем «в высшей степени необходимым для развития общественного самосознания».[3]

Назвав имена основных представителей московского кружка, чье учение разрабатывал и популяризировал, по словам Гилярова, «горячий пропагатор»[4] И. Аксаков, автор Предисловия, скептически относившийся к идеям панславизма, не случайно называет старших славянофилов «незабвенными деятелями са-

---

[1] См., помимо газет, сборники: Всероссийская этнографическая выставка и Славянский съезд в Москве 1867 года. М., 1867. С. 251—252, 340—342; *Русский славянин*. Первый Всеславянский съезд в России, его причины и значение. М., 1867. С. 63, 110—112.

[2] *Аксаков*. Т. II. С. III.

[3] Там же.

[4] Там же. С. IV.

мобытной русской жизни»,[1] без упоминания их славянских симпатий. И описывает методологию публицистической деятельности И. Аксакова как разнонаправленный, но, по сути, двуединый подход к осмысляемым явлениям — от общего к частному («Но поистине никто более И. С. Аксакова не сделал для развития основ славянофильского учения и распространения их в общественном сознании, для применения их к самым разнообразным сферам и вопросам общественной и политической жизни»[2]) и обратно — от частного и преходящего к «корням» («По поводу каждого сколько-нибудь значительного общественного события, по поводу каждого частного вопроса он, не ограничиваясь ближайшими частными разъяснениями общественных явлений, старался приводить читателей к самым корням — самым основам народного самосознания, на которых он сам неуклонно держался»[3]). Поэтому, по мнению Гилярова, «в полном собрании и отдельном издании публицистические статьи И. С. Аксакова получают особенный характер, какой едва ли могли бы иметь собранные вместе статьи какого-нибудь другого публициста».[4] Говорит Гиляров и о педагогическом значении публицистики И. Аксакова для национального сознания, прогнозируя в этом смысле их непреходящее значение: поскольку раскрываемое им «учение в высшей степени самобытное и народно-русское», эти статьи «не только могли иметь значение для современных ему читателей, но, может быть, еще более будут иметь для поколений позднейших, воспитывая их в духе самобытного, народного русского воззрения».[5]

Собственно литературная деятельность И. Аксакова характеризуется в этом Предисловии с двух сторон. Он для Гилярова, прежде всего, мастер художественной формы: «Наследник лучших литературных традиций, человек с высоко развитым эстетическим вкусом и природным, можно сказать, наследственным литературным талантом, строгий чтитель и блюститель достоинства

[1] Там же. С. III.
[2] Там же. С. IV.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] Там же. С. V.

литературной формы, чистоты и изящества языка, И<ван> С<ергеевич> в своих статьях <…> никогда не допускал неряшливости, небрежности, необработанности и тем более чего-либо нравственно-нечистого и недостойного».[1] Но важнее для Гилярова иные свойства деятельности И. Аксакова-писателя, «так отличавшие ее в ряду других произведений публицистической литературы»:[2] он говорит «о постоянно возвышенном духовном настроении, с каким он писал свои статьи, о серьезнейшем, можно сказать — благоговейном отношении к служению *публициста*, непреклонной честности, гражданском мужестве, свободе, искренности, независимости убеждений, горячности и одушевлении, с какими он раскрывал свои задушевные идеи и отстаивал дорогие народные интересы».[3] Поэтому, убежден Гиляров, переизданием публицистического наследия И. Аксакова «выполняется серьезный литературный и общественный долг».[4]

Б. Ф. Егоров, автор наиболее обстоятельной статьи о Гилярове-критике, справедливо отмечал: «В обширном творческом наследии Гилярова литературная критика занимает весьма скромное место. Собственно говоря, *чистой* литературной критикой он занимался только в начале своей журналистской деятельности, в 1850-х гг. А затем отдельные литературно-критические характеристики и оценки перешли в научные исследования гуманитарного плана, в юбилейные журнальные и газетные статьи, в некрологи».[5] И именно последнее — газетные передовицы поминального характера[6] и, крайне редко, речи, полемические статьи и рецензии (их Гиляров писал, как правило, по настоятельным просьбам друзей, которым не мог отказать) и стали основными литературно-критическими жанрами в зрелый период его творческой деятельности — в 1860—1880-е гг. На примере рассмотренных выше, впервые атрибутируемых Гилярову предисловий к двум первым томам посмертного Собрания сочинений И. Аксакова и рецензии

---

[1] Там же.
[2] Там же. С. V—VI.
[3] Там же. С. VI.
[4] Там же.
[5] *Егоров Б. Ф.* Н. П. Гиляров-Платонов как эстетик и литературный критик // *Гиляров: ИМБР*. С. 40.
[6] В значительной части собраны князем Н. В. Шаховским: *Сб. соч*. Т. II. С. 437—524.

на его книгу о Тютчеве хорошо видны черты его литературной критики, в которой он остается публицистом-философом и отчасти проповедником; мастером эпидейктической речи, добивающимся изящества и художественности в изложении (уже приводилась восторженная оценка И. Аксаковым очерка Гилярова «Откуда нигилизм?» в письме от 26 ноября 1884 г.: «Ваша статейка — это [брю<ссельские>] алансонские тончайшие кружева, и как Вы хотите, чтоб я этой многоценной тончайшей кружевной работе мысли, к которой не знаю человека способнее Вас <...> не дал места?»[1]); его оценки, обычно лапидарные и обобщающие, всегда точны и убедительны в системе национально-религиозных традиционалистских ценностей, поскольку их непредвзятость обеспечивается принципиальной установкой на эти последние.

Этими же, в сущности, особенностями отличаются и характеристики писателей и литературных явлений в мемуарной прозе Гилярова. И. Аксакову были посвящены три таких очерка: первый в жанре речи (на первом заседании Славянского благотворительного общества, состоявшегося 2 мая 1877 г., когда правительство запретило наименование «комитет»), а два других — в жанре некролога, или, точнее, поминальной передовой статьи.[2]

В торжественной речи 1877 г., не лишенной интимных, теплых интонаций, Гиляров от имени остальных членов Славянского общества приветствовал «нового» председателя И. Аксакова (он же был и «прежний» председатель Славянского комитета) и говорил о «семье Аксаковых, державшей вместе с Хомяковым, Киреевскими и Погодиным знамя славянского направления», о «великом движении христиан на Балканском полуострове».[3] При этом оратор не преминул деликатно поправить позицию друга, слишком большой упор делавшего на *славянском* единстве, на *славянских* интересах, назвав его «не просто славянистом, но чтителем русской народности, прежде всего оценивающим славянство сквозь

[1] *Аксаков в письмах*. Т. III. С. 444. Уточнено по автографу: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 13. Л. 30.

[2] Републикованы нами: *Из пережитого*. Т. 2. С. 214—219, 487—497.

[3] Там же. С. 214.

призму русских начал, русских чувств, русских интересов»,[1] а в конце речи, продолжая настаивать на этой своей мысли (приоритете русского альтруизма и, одновременно, русских интересов над идеологией панславизма) помянул «всех русских», «чьи благословения провожают теперь родных наших братьев и сынов, кровью запечатлевающих на Дунае и за Кавказом вековое призвание России, современное всенародное чувство Руси».[2] Гиляров, таким образом, переносил акцент на свое собственное неизменное убеждение, — напомним уже приводившиеся нами довольно жесткие и прямолинейные слова из его письма к И. Ф. Романову-Рцы от 3 ноября 1886 г. по поводу принципиальных взглядов старших славянофилов на славянский вопрос: «Говоря “Славянская держава”, как бы предполагают нечто высшее и во всяком случае более обширное и общее, нежели Русская держава; как будто Русь (народ) и Россия (государство) суть часть какого-то более обширного и более высокого целого. Ведь это вздор <...>: Русская держава и русский народ суть русские и не более того; им принадлежат мировое значение и мировое будущее, не славянам, хотя они и порываются кичиться чем-то».[3] Этот прием сродни как раз добротной литературной критике, автор которой стремится не к разносу писателя, замеченного в погрешностях и заблуждениях, а к тому, чтобы отечески, ненавязчиво вразумить его.

Поминальные статьи Гилярова об И. Аксакове особенно богаты мемуарным элементом, но они обладают и выразительной художественной формой. В первой из них, написанной сразу по получении известия о смерти («Москва, 28 января»), даны филигранно отточенные оценки-характеристики, подчас приобретающие форму афоризма: «И. С. Аксаков был не только литератор, публицист, общественный деятель: он был знамя, он был общественная сила»;[4] «он подвергал вопросы общественные и политические оценке с точки зрения народной, а не казенной, московской, а не петербургской»; «честен, как Аксаков; это почти была пословица»; «он не льстил никому и не подлаживался ни в верху, ни в низу,

[1] Там же. С. 215.
[2] Там же.
[3] *Письма к Рцы*. С. 257.
[4] *Из пережитого*. Т. 2. С. 215.

ни с боков»; «его слово для иных звучало укором совести, для других служило нравственною уздою»; «памятный 1876 год <…> преобразил его из вещателя в деятеля»; «не он вызвал народное движение, но народное движение нашло в нем чуткое орудие»; «народное движение к освобождению балканских христиан нашло своего Минина»[1] и др. И. Аксаков предстает в этой статье действительно как народный вождь, если и возглавляющий «партию», «славянофильскую или панславистскую, как они ее называют», то такую, в которой (Гиляров приводит его ответ «одному иностранному путешественнику») состоит «вся Россия».[2]

Для жанра некролога более чем уместными оказались напоминания о преследованиях И. Аксакова со стороны властей — и за независимую журналистскую позицию, и за руководство славянским движением в России («…Славянский комитет представлялся революционным гнездилищем, готовым и способным низвергнуть государства»), и особенно за цензурные гонения вследствие якобы «недостаточного патриотизма» И. Аксакова: Гиляров применяет здесь впечатляющую метафору: «Но когда к физической болезни сердца присоединяются еще нравственные удары, бьющие в то самое, чем жил и для чего жил человек, — сосуд не устоит, и нравственное страдание прекратит физическую жизнь.

Во второй поминальной статье, приуроченной к похоронам писателя («Москва, 31 января»), подача мемуарных свидетельств отдаленно напоминает литературный прием «потока сознания», типичный для литературы модерна, — в небольшом объеме текста конспективно, набегая одно на другое, отразились многочисленные встречи, впечатления, оценки, запечатлевшиеся в памяти за 33 года довольно тесного общения и поддерживаемые структурно лирическим «вздохом» посередине статьи: «А время бежит, бежит…»[3] При этом все эпизоды поданы выпукло, наделены художественными деталями, остаются в памяти, а два из них представлены особо рельефно, как сценки. Приведем первую из них,

[1] Там же. С. 216.
[2] Там же. С. 217.
[3] Там же. С. 219.

датируемую предположительно мартом 1857 г.:[1] «Припоминается и еще вечер, — нет, это было днем, когда исследователь, окончив предисловие к своему статистическому труду <«Исследование о торговле на украинских ярмарках» (СПб., 1858)>, читал его в кругу близких, а вечно памятный родитель его, Сергей Тимофеевич, бывший в числе слушателей, вечно юный, несмотря на свои семидесятые годы, всегда отзывчивый, восторженный, отозвал пишущего эти строки, среди самого чтения, в другую комнату. “Вы запомните это слово, запомните, — сказал он, — Иван будет *великим* писателем, *великим*!” Старца поразила основательность и глубина исследования; поразило в особенности мастерство, с каким *поэт* (а только поэтом числился пока его сын в литературе) справился с сухим предметом, с данными, состоявшими из мертвых цифр, только из цифр — и умел осветить их не только точно, но и художественно».[2]

Вторая «сценка» (приведем только ее начало) — с напутственным словом Хомякова И. Аксакову, отбывающему в ополчение, важным для Гилярова в связи с обыкновенными и, конечно, несправедливыми упреками в адрес славянофилов (продолжающимися поныне), что они не люди дела, а непрактичные краснобаи-празднословы: «Но вот и отъезд в ополчение, и напутствие друзей, и благословение А. С. Хомякова, отвечавшего на возражение некоторых о бесполезности Ивана Сергеевича в этой новой деятельности. “Нет, *должно*, чтобы из нас, людей слова и мысли, *делом* засвидетельствовали свое слово и мнение”».[3]

В конце статьи Гиляров мастерски возвращается к обоим этим эпизодам, следуя принципу композиционного кольца: «Предсказание отца сбылось. “Иван” сделался великим писателем, но не писателем только, а деятелем, чего не предвидел, по крайней мере, не предсказывал ни Сергей Тимофеевич, ни Хомяков».[4]

---

[1] Датируем по письму И. Аксакова к родным от 13 марта 1857 г. и предуведомлению А. Ф. Аксаковой к его публикации (Аксаков в письмах. Т. III. С. 3—4).

[2] Там же. С. 218.

[3] Там же.

[4] Там же. С. 19.

Как видим, то «возвышенное духовное настроение <…> непреклонная честность, гражданское мужество, свобода, искренность <…> горячность и одушевление»,[1] а также «высоко развитый эстетический вкус»,[2] которые Гиляров-критик находил в публицистике И. Аксакова, в полной мере были присущи и ему самому.

3.7. Н. П. Гиляров-Платонов и А. С. Хомяков: случаи разногласия в общении единомышленников

Личные и творческие взаимоотношения с современниками А. С. Хомякова — тема сравнительно неплохо изученная.[3] При этом ее более тщательное исследование, безусловно, актуально ввиду той роли, которую Хомяков играл в русской культуре как один из создателей национально ориентированной идеологии и поэтического стиля, отличающегося высокой ораторской патетикой, утверждающей возвышенные идеалы. Особый интерес представляет изучение его литературных и научных контактов с младшим единомышленником Гиляровым. Их личное общение продолжалось в течение семи последних лет жизни Хомякова и оказалось весьма плодотворным для развития мировоззренческих установок их обоих. Вскоре после кончины Гилярова этой теме посвящались статьи их идейных последователей: князя Н. В. Шаховского[4] и И. Ф. Романова-Рцы.[1] Они

---

[1] *Аксаков*. Т. II. С. VI.

[2] Там же. С. V.

[3] См. некоторые из работ: *Князев Г. М.* Хомяков и граф А. Толстой // *РВ*. 1901. Т. 276, нояб. С. 136—156; Дек. С. 515—530; *Соколов Н. М.* А. С. Хомяков и Н. Я. Данилевский // Там же. 1904. Т. 292, июль. С. 137—193; *Маймин Е. А.* «Борис Годунов» Пушкина и исторические драмы Хомякова // Пушкинский сборник. Псков, 1972. С. 3—16; *Дробат Л. С.* Л. Н. Толстой — читатель А. С. Хомякова // Толстовский сборник. Тула, 1978. С. 115—122; *Анненкова Е. И.* Исторический путь и этика православия в концепции А. С. Хомякова и Н. В. Гоголя // Христианство и русская литература: Сб. ст. СПб., 1994. <Сб. 1>. С. 209—223; *Благова Т. И.* Родоначальники славянофильства: Алексей Хомяков и Иван Киреевский. М., 1995. 352 с.; *Каплин А. Д.* А. С. Хомяков и С. М. Соловьев: два подхода к русской истории // Московский журнал. 1996. № 1. С. 4—7; *Каменский З. А.* Философия славянофилов: Иван Киреевский и Алексей Хомяков. СПб., 2003. 536 с.; *Кошелев В. А.* Хомяков и граф А. К. Толстой русская историческая мифология в литературном осмыслении // Русская литература. 2004. № 4. С. 85—105.

[4] *Кн. Н. В. Ш.* <*Шаховской Н. В.*>. Н. П. Гиляров-Платонов и А. С. Хомяков: (По сочинениям и письмам Гилярова) // *РО*. 1895. Т. 36, нояб. С. 14—32.

опирались главным образом на имевшуюся в их распоряжении переписку Гиляров, а также его статьи и мемуары 1870—1880-х гг., где он высказывается о Хомякове как о своем оппоненте в спорах и вместе с тем единомышленнике во многих религиозных, исторических и литературных вопросах. Документов 1850-х гг., которые могли бы свидетельствовать о взаимоотношениях Хомякова и Гиляров, не сохранилось. Выявленные в архивах новые материалы позволяют уточнить и существенно расширить сложившиеся научные представления об изучаемой проблеме.

Об истории сближения Гилярова со славянофильским кружком, произошедшим в 1852—1853 гг., подробно говорилось выше. Сам Гиляров позже вспоминал в письме к князю Н. В. Шаховскому от 2 февраля 1886 г., особо подчеркивая свою связь именно с Хомяковым: «…для Хомякова я был даже *единственным* человеком, с которым он признавал полное свое согласие»,[2] а И. Ф. Романову-Рцы писал 3 ноября того же года: «...Хомяков, Константин Аксаков подвергали моей предварительной критике свои сочинения <...>».[3]

Приведем непубликовавшийся отзыв, зафиксированный князем Н. В. Шаховским, который в 1893 г. сумел пообщаться со знакомыми и родственниками писателя (он предполагал опубликовать сборник писем Гилярова и мемуарных свидетельств о нем[4]) и, в частности, нанес визит его вдове В. А. Гиляровой-Платоновой: «С Хомяковым Н<икита> П<етрович> тоже познакомился в бытность его профессором в Моск<овской> духов<ной> академии у Троицы; бывало, идет, расск<азывает> Вера Алексеевна, небольшого роста человек в тулупчике, кушаком подпоясанный, в крест<ьянской> шапке. — Увидит его

---

[1] *Рцы*. Гиляров и Хомяков: Одна характеристическая особенность их творчества, в значительной степени затрудняющая изучение трудов названных писателей // *РД*. 1888. 15 окт. № 44. С. 3—5 (совр. переизд.: *Рцы (Романов И. Ф.)*. Собр. соч.: В 2 т. СПб.: Росток, 2016. Т. 1: Нагота рая. С. 47—54).

[2] *Из пережитого*. Т. 2. С. 489.

[3] *Письма к Рцы*. С. 256.

[4] См. об этом подробнее: *Шаховской Н. В., кн*. Проект матерьяла, который может войти в Сборник <памяти Н. П. Гилярова-Платонова> (1893) / Публ. А. П. Дмитриева // *Гиляров: ИМБР*. С. 479—482.

Гиляров: “Ах, да это Алек<сей> Ст<епанович>” — и сейчас бежит опередить его, встречает. Пройдут в кабинет и часы целые сидят, разговаривают».[1]

Видимо, наиболее интенсивно общение Хомякова и Гилярова и происходило в Сергиевом Посаде до переезда семьи последнего в Москву в конце ноября 1855 г. Оба заядлые спорщики и энциклопедически образованные люди, они здесь оставались один на один друг с другом и получали полную свободу для удовлетворения потребности страстных своих натур в выяснении истины — прежде всего в обсуждении сложных религиозно-философских проблем.

Первоначальному сближению как раз и способствовало разительное сходство преимущественных философских и богословских интересов Хомякова и Гилярова.

Известно, что оба они, можно сказать, досконально изучили «Науку логики» Гегеля, оба дали глубокую критику гегелевского рационализма, осудив его вненравственность, и у них не оказалось в этом никаких существенных разногласий. Печатно они высказались о Гегеле в «Русской Беседе», причем Хомяков двумя годами ранее Гилярова — в статье, опубликованной в первой книжке за 1857 год: «По поводу отрывков, найденных в бумагах И. В. Киреевского», а затем в первой книжке за 1859 год — в статье, написанной в форме открытого письма к Ю. Ф. Самарину «О современных явлениях в области философии». Гиляров в третьей книжке за тот же 1859 год поместил обстоятельный очерк «Рационалистическое движение философии новых времен». Правда, он представлял собой часть его полукурсовой философской диссертации «Об онтологии Гегеля размышление», написанной 14-ю годами ранее, в 1846 г. (за нее, как отмечалось, Гиляров получил почетную прибавку к своей фамилии — «Платонов»).

Гиляров, фактически ставший первым переводчиком на русский «Науки логики» и «Феноменологии духа», с позиций православной этики вскрыл односторонность гегелевского панлогизма. Система Гегеля, по его определению, «есть освящение всякого насилия теории над жизнью, фаталистически-

[1] *Шаховской Н. В., кн.* Матерьялы для биографии Н. П. Гилярова-Платонова // РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 49. Л. 47 об.

бездушный оптимизм по отношению к каждому ничтожному факту, соединенный с полнейшим нравственным безразличием»;[1] «…нельзя найти во всей философии Гегеля ни одного пункта, согласного с мнениями христианской философии; если и найдем такой, то он не будет иметь достаточной общности для того, чтобы служить критерием. Все, чем бы мы ни стали опровергать эту философию, все это там уже объяснено так, как выгодно для нее».[2]

Сходные формулировки находим и у Хомякова: «*Сущее* должно быть совершенно отстранено. Само понятие, в своей полнейшей отвлеченности, должно было все возродить из собственных недр. Рационализм или логическая рассудочность должна была найти себе конечный венец и Божественное освящение в новом создании целого мира».[3] «Корень же общей ошибки Гегеля лежал в ошибке всей школы, принявшей рассудок за целость духа. Вся школа не заметила, что, принимая понятие за единственную основу всего мышления, разрушает мир: ибо понятие обращает всякую ему подлежащую действительность в чистую, отвлеченную возможность».[4]

Это поразительное сходство в оценке системы Гегеля, с осуждением ее «полнейшего нравственного безразличия», было проявлением и кардинального родства основных воззрений Хомякова и Гилярова. Перу последнего принадлежит наиболее яркая поминальная речь о Хомякове («О судьбе убеждений»), в которой, формулируя суть его взглядов, Гиляров, безусловно, декларировал и свои убеждения: «Если б спросили меня, как вкратце выразить воззрения Хомякова, я бы отвечал одним словом: *любовь*. Любовь — это, действительно, первое и последнее слово, к которому сводились все его убеждения. В любви Хомяков признавал не только высшее начало деятельности в практическом смысле, но и высшее начало знания, единственное твердое обеспечение истины»,[5] отсюда, по Гилярову, глубокое обоснование Хомяковым церкви как «сферы, где осуществ-

[1] *Сб. соч*. Т. 1. С. 362.
[2] Там же. С. 372.
[3] *Хомяков А. С*. Полн. собр. соч.: [В 8 т.]. 3-е изд., доп. М., 1900. Т. 1. С. 267.
[4] Там же. С. 299.
[5] *Сб. соч*. Т. II. С. 44.

ляется это начало»: «Вне общения с церковию он отрицал всякую полноту жизни нравственной и даже умственной».[1] Справедливо наблюдение В. А. Кошелева, разбиравшегося, по его выражению, в «разветвленной идеологической и поэтической системе» этой речи Гилярова, что в основе ее лежит «целая система» же парадоксов, вместе с тем являющихся «основной формой, в которой проявлялось “убеждение” Хомякова».[2]

Известно, что присущие Гилярову и Хомякову энциклопедизм и универсализм воплощались, так сказать, в творческой экспансии на многие сферы жизни. Если перечислить основные занятия, которым предавался в продолжение своей жизни Хомяков (социология, богословие, публицистика, философия, историософия, политэкономия, гомеопатия, лингвистика, литературная критика), то придется признать, что во всех этих областях знания несомненны достижения и Гилярова. Так, последний, в свое время опубликовавший большую статью о гомеопатии,[3] 15 ноября 1886 г. писал Романову-Рцы: «…Хомяков и лечился, и лечил гомеопатиею и другой медицины не хотел знать. Но я столько же сочувствую гомеопатии, сколько лечению животным магнетизмом, сколько верю спиритизму. Ничего этого не отвергаю (и даже изучал), но ни за что не держусь».[4]

Даже в сферах сельскохозяйственного производства и технического изобретательства они оба достигли заметных результатов. Хомяков увлеченно занимался винокурением и сахароварением, получил патент на изобретенную им паровую машину,[5] разработал дальнобойное ружье. Успехи Гилярова были не столь впечатляющи, но и после его кончины на рынках Москвы долго продавал-

---

[1] Там же. С. 47.

[2] *Кошелев В. А.* «Любовь это действительно первое и последнее слово…»: Н. П. Гиляров о Хомякове // *Возвращение*. С. 83—94.

[3] *Вес. Долгий <Гиляров-Платонов Н. П.>*. Что такое гомеопатия и аллопатия? // *СИ*. 1876. 28 янв. № 26. С. 1—2; 2 февр. № 31. С. 1—2; 8 февр. № 37. С. 1—2; 22 февр. № 50. С. 1—2. Псевдоним состоит из перевода с латинского фамилии автора (Вес<елый> = Гиляров) и указания на его высокий рост. О гомеопатии Гиляров писал и позднее. См., например, передовую «Москва, 28 октября. Дневное обозрение» (*СИ*. 1886. 29 окт. № 298. С. 2).

[4] *Письма к Рцы*. С. 288.

[5] См.: Description of the «Moskovka», a new Rotatory Steam Engine, invented and patented by A. Khomiakoff of Moscow. L., 1851 (пер.: Описание «Московки», новой вращательной паровой машины, изобретенной и запатентованной А. Хомяковым из Москвы).

ся выведенный им сорт «гиляровской клубники»,[1] вполне профессионально он занимался пчеловодством.[2] А управляя писчебумажной фабрикой, проводил в лаборатории химические опыты с еловыми иголками ради производства дешевой бумаги,[3] активно интересовался местной железистой водой и торфоразработками.

Об этих последних предметах интереса Гилярова вспоминал его сын Николай (приведем это любопытное свидетельство как характерное для многих других его увлечений): «При Брынковской фабрике имелся колодезь с железистой водой. <Н. И.> Шумов говорил, что он якобы думал устроить *курорт*. Льстецы уверяли Н<икиту> П<етровича>, что колодезь — клад. Н<икита> П<етрович> произвел сам химический анализ воды и убедился, что вода содержит окись железа, и на этом остановился. В 1879 г. Н<икита> П<етрович> задумал паровую машину в типографии топить торфом. Кто-то порекомендовал склад Никитинского на Покровке. Отопление торфом длилось недолго, не привилось. Деньги за торф получал сын Никитинского, бывший студент Технического училища, и как-то познакомился с Н<икитой> П<етровичем>. Н<икита> П<етрович> любил ездить на фабрику в компании, повез и молодого Н<икитинск>ого. Н<икитин>ский узрел торфяные болота около фабрики на земле крестьян. Торф годился для отопления фабричного паровика, а потому Н<икита> П<етрович> задумал арендовать эти болота у мужиков, но толку из аренды не вышло ровно никакого».[4]

Единственными сферами, недоступными Гилярову, остались живопись (Хомяков был неплохим портретистом и иконописцем) и поэзия: Гиляров при-

---

[1] См.: <*Гальперсон А. М.*>. Москва, 20 октября // *СИ.* 1887. 21 окт. № 288. С. 2.

[2] См. об этом: *Дмитриев А. П.* Н. П. Гиляров-Платонов как пчеловод // *Гиляров: ИМБР*. С. 428—437.

[3] См. свидетельство П. И. Бартенева, зафиксированное князем Шаховским в 1893 г.: «Бартенев сам попался на проек<т>ерстве и обольстительн<ой> речи Гилярова-Платонова о выгоде изделия бумаги из еловых игол, что он по собственной инициативе производил на своей фабрике. Бартенев законтрактовал Гилярову и пострадал на этом деле: бумага вышла отвратительная <…>» (*Шаховской Н. В., кн*. Матерьялы для биографии Н. П. Гилярова-Платонова // РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 49. Л. 19—19 об.).

[4] <*Гиляров Н. Н.* Воспоминания об отце (1893)> / Публ. А. П. Дмитриева // *Гиляров: ИМБР*. С. 513.

знавался в книге «Из пережитого»: «…к стихам я вкуса не имел и не имел терпения их читать. Признаюсь в своем недостатке: стихотворная форма до сих пор не находит отзвука в моей душе; хотя я не лишен способности ценить стих, но ценю его внешним образом».[1] Вместе с тем нельзя отрицать, что в своей мемуарной прозе, а отчасти и в публицистике Гиляров выступает как художник слова.

Причем из-за этого универсализма, нежелания сосредоточиться на одном деле жизни — как его оборотная сторона — и Хомякову, и Гилярову был присущ элемент дилетантизма. Например, в письме Гилярова к И. Ф. Романову-Рцы от 23 ноября 1886 г. содержится такая иллюстрация к этому тезису: «Самарин, послушник и почитатель Хомякова, скорбел за своего учителя, когда тот пытался говорить об экономических вопросах: он называл рассуждения Хомякова в этой области детскими, и они были действительно таковы. Думаю, что даже в письмах Самарина должны сохраниться следы почтительной мольбы, с которою он обращался к учителю не отдавать себя на смех вторжениями в незнакомую область».[2] Многие проекты и замыслы Гилярова и Хомякова реализовывались лишь отчасти (впрочем, для Романова-Рцы это не более и не менее, как «тайная характеристическая особенность русской народности», именуемая им «мозаичностью творчества»[3]). Ю. Ф. Самарин осудил поминальную речь М. П. Погодина, который нетактично упомянул об этом недостатке Хомякова.[4] Еще более эта особенность, или «контрапунктный строй личности» (выражение В. А. Викторовича[5]), была свойственна Гилярову.

Наиболее же существенные разногласия между ним и Хомяковым затрагивали область богословия и в полной мере выявились при подготовке к изданию 2-го тома Полного собрания сочинений Хомякова в 1860-х гг.

---

[1] *Из пережитого*. Т. 1. С. 122.

[2] *Письма к Рцы*. С. 304.

[3] *Рцы (Романов И. Ф.)*. Собр. соч. Т. 1. С. 50. Рцы образно пояснял свою мысль: «При этом выражении нам рисуется такая картина: груда камней, из которых каждый по своей замысловатой художественной отделке заслуживает удивления знатока, но из этой груды беспорядочно друг на друга наваленных камней *можно* восстановить целое величественное здание, каждая стена которого в свою очередь представляет чудо искусства, в виде ли художественно задуманного барельефа, или артистически сложенной мозаики...» (Там же).

[4] См. об этом в разделе 3.8.

[5] *Ред. <Викторович В. А.>*. Предисловие // *Возвращение*. С. 7.

И это при том, что в середине 1850-х гг. они удивлялись своему «умственному родству». Гиляров писал в мемуарах: «И я, и Алексей Степанович часто поражались до буквальности иногда доходившим сходством некоторых наших воззрений и отыскивали причину. Привожу два особенно поразительные примера. Когда вышла первая из богословских брошюр Хомякова (по поводу Тютчева и аббата Лоранси), я прочел в ней сравнение индульгенций с банковыми чеками. Это было мое сравнение, которое я передавал слушателям на лекциях. На целых двух страницах ход мыслей и почти выражения были у нас тождественны».[1] Упомянутая работа «Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях. По поводу брошюры г. Лоранси» была опубликована Хомяковым в Париже в 1853 г. на французском языке. Поводом к ее написанию послужило сочинение видного католического публициста П. С. Лоранси «Папство, ответ г. Тютчеву, советника Е<го> В<еличества> императора России» (1852), полемизировавшего со статьей Ф. И. Тютчева «Папство и Римский вопрос с точки зрения Санкт-Петербурга» (1849). Упоминаемое Гиляровым сравнение содержится и в этой, и в более развернутом виде — во второй брошюре Хомякова: «Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях. По поводу одного окружного послания парижского архиепископа», опубликованной в 1855 г. в Лейпциге также на французском языке. Ее перевод, выполненный Гиляровым, увидел свет в январской и февральской книжках журнала «Православное Обозрение» за 1864 год (см. эти места в переводе, переработанном Ю. Ф. Самариным[2]).

Гиляров продолжал: «В другой раз, беседуя с Алексеем Степановичем, я сказал, что евангелист, если бы теперь жил, употребил бы не *Логос*, а, пожалуй бы, *субъект-объект*, говоря о Второй Ипостаси Божества. Хомяков рассмеялся и сказал: именно это самое я пишу теперь и на это выражение *субъект-объект* указываю (в одной из следующих брошюр)».[3] Речь идет о сочинении «Еще не-

[1] *Из пережитого*. Т. 1. С. 206.

[2] *Хомяков А. С.* Полн. собр. соч.: [В 8 т.]. 4-е изд. М., 1900. Т. 2. С. 53, 117, 122, 123, 126.

[3] *Из пережитого*. Т. 1. С. 206.

сколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях. По поводу разных сочинений латинских и протестантских о предметах веры», опубликованном Хомяковым в 1858 г. отдельной брошюрой в Лейпциге также на французском языке. Перевод был впервые опубликован в составе 2-го тома Полного собрания сочинений Хомякова (Прага, 1867), но его автор не Гиляров, а Самарин, правда пользовавшийся консультациями первого.[1] Однако здесь в триадологических рассуждениях Хомякова применительно к Богу-Слову употребляется лишь термин «Объект».[2] Об «объект-субъективации» мыслитель говорит по отношению к третьей Божественной ипостаси — Святому Духу — в латинской заметке о Св. Троице.[3] Хомяков указывает и источник терминологии — «философские системы, подобные нынешним, германским».[4]

В письме к И. Ф. Романову-Рцы от 23 ноября 1886 г. Гиляров также упоминает этот эпизод: «Я говорил на лекциях: Христа назвали Логос, а теперь совершенно правильно назвали бы его Субъект-Объект. Прихожу к Хомякову, между прочим говорю это. А он мне в ответ: вообразите, это самое я говорю в брошюре, которую пишу».[5] Кроме того, в рецензии на богословские сочинения Хомякова, опубликованной в газете «Современные Известия» от 11 сентября 1880 г., Гиляров отмечал: «В предисловии читается, что трудившимся в переводе Хомякова был Н. П. Гиляров-Платонов. Следы своего косвенного участия усматриваем до некоторой степени даже в содержании; определение, которое дает Хомяков некоторым из таинств, и заметка об условном значении термина “Логос” напоминают нам о наших изустных беседах и прениях. Затем — оценка, которую дает Хомяков католичеству и протестантству (в первых своих брошюрах) сошлась с собственною нашею, которая, независимо от того, раскрывалась

[1] См. об этом подробнее в разделе 3.8.
[2] См.: *Хомяков А. С*. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 238—239, 241—242.
[3] Там же. С. 513.
[4] Там же. С. 238.
[5] *Письма к Рцы*. С. 302.

на лекциях в Духовной академии, до поразительного, до буквального тождества примеров и сравнений».[1]

Отметим, что подобный модернизм в богословской терминологии оскорблял некоторых их единомышленников. В связи с этим, например, археограф Н. П. Барсуков, по свидетельству князя Шаховского, «считает его <Гилярова> человеком неверующим, да и в Хомякове он не видит крепкой веры. — О Св. Троице, которой он поклоняется с верою, они толковали ежедневно, жонглируя логическими тонкостями мысли “Субъект-Объект” 2-е лице Св. Троицы».[2] К тому же, как вспоминал Гиляров в письме к Романову-Рцы от 11 января 1887 г., «Алексей Степанович был острослов, любил рассказывать комические анекдоты (особенно из религиозной сферы, что значительно смущало верующих людей, не знавших его ближе; не иначе как с негодованием отзывались они об этом неистощимом кощунстве над святынею)».[3]

Так вот Гиляров, работая над переводом богословских брошюр Хомякова, не согласился с терминологией, используемой Хомяковым, и предложил Самарину обратиться к традиции издания на русском языке сочинений византийских церковных писателей (служа в Московской духовной академии, Гиляров редактировал новые переводы святоотеческих творений для академического журнала[4] и, стало быть, обладал известным опытом в этой сфере литературно-богословской деятельности). О подробном его письме к Самарину на эту тему (от 13 ноября 1866 г.) будет сказано ниже.[5]

О других своих несогласиях с Хомяковым Гиляров упоминал в письмах к ученикам Романову-Рцы и князю Шаховскому. Интересно такое воспоминание в письме к первому из них от 12 ноября 1886 г.: «Сам Хомяков сказал раз, когда

---

[1] *Вопросы веры и церкви*. Т. II. С. 212.

[2] *Шаховской Н. В., кн*. Матерьялы для биографии Н. П. Гилярова-Платонова. Л. 27 об.

[3] *Письма к Рцы*. С. 326.

[4] Гиляров, наряду, в частности, с архимандритом Феодором (Бухаревым), в журналах Редакционного комитета Московской духовной академии назван в числе преподавателей, принимавших участие «в трудах по переводу святоотеческих творений, начатому изданием с 1843 года» (*Корсунский Иван*. К истории изучения греческого языка и его словесности в Московской духовной академии. Сергиев Посад, 1894. С. 45).

[5] См. раздел 3.8.

по обыкновению своему спорил я с ним: “А знаете ли, гг., изо всех нас Н<икита> П<етрович> всех одномысленнее со мною, и ни с кем между нами не бывает столь постоянных и столь частых споров”. Он выразился даже как-то сильнее о тождестве наших взглядов. Они действительно тождественны, но и различны».[1] Важны и другие признания Гилярова Романову-Рцы: «А мне, главное, хочется поставить Вас на точку, откуда идет мое разногласие с Хомяковым при согласии с ним. Я назвал его *односторонним*; точнее будет выразиться, что он *неполон*»[2] (письмо от 23 ноября 1886 г.); «Вы обращались ко мне, в надежде видеть комментатора Хомякова. Но я от Хомякова совершенно независим и потому взаимные объяснения наши будут только взаимными недоразумениями».[3]

Сближало его с Хомяковым свободное отношение к церковным обрядам. В феврале 1886 г. он писал князю Шаховскому: «Хомяков, благоговейнейший [исполнитель] хранитель всей обрядности, сводил исполнение церковных уставов к требованию любви, [следовательно] придавал им условную нравственную обязательность, чтобы “не оскорбить братьев по вере”».[4] Но Гиляров считал неприемлемой некоторую идеализацию Хомяковым «исторического православия». 3 ноября 1886 г. он писал Романову-Рцы: «Но я нахожу оценку исторического Православия, сделанную Хомяковым, узкою и отчасти неверною. Слишком искусственным и произвольным находил я особенно толкование таинств; также — определение свободы личного критического разума. Последнее верно в идее, но не верно в применении к *историческому* Православию, как и толкование таинств, которых Хомяков не досчитался. Да и понятно: седмеричное число — католическое изобретение XI-го века.[5] Говорю это к тому, что *историческое* Православие, как оно развилось в Восточной Церкви, я не признаю абсолютом, хотя и ценю его».[6]

---

[1] *Письма к Рцы*. С. 271.
[2] Там же. С. 305.
[3] Там же. С. 325.
[4] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 505. Л. 15—15 об.
[5] Формула седмеричного числа таинств впервые зафиксирована в завещании епископа Оттона Бамбергского (ок. 1062—1139), обращенном к жителям Померании.
[6] *Письма к Рцы*. С. 260.

23 ноября 1886 г. Гиляров возвращался к этой теме, поясняя суть своих богословских расхождений со старшими славянофилами: «В понятии о Православии мы с Вами разойдемся, как расходился я с И. В. Киреевским и отчасти с Хомяковым. Я Вам писал уже, что различаю Православие историческое и Православие in se;* последнее охотно назову Христианством просто. Как бы Вам сказать это покороче? Истина Божественная (боюсь недоразумения) неописуема; чтобы принять оболочку *явления*, стать фактом историческим и житейским, она должна заимствоваться от чисто человеческого элемента истории. Отсюда она, воплощаясь в народах и отдельных лицах, принимает разные формы, не переставая быть тою же. А отсюда как вера может одухотворять народность и ее специфировать духовно, так и, наоборот, народные задатки, духовно-физиологические, выражусь так, видоизменяют веру, не вводя ее этим, однако, на ложную дорогу. <...> Христианство, известным образом понятое и усвоенное, и составляет один из элементов русской народности. В связи с этими, физиологически духовными, как я сказал, или, точнее, этнопсихическими задатками, вера с народностью составляет целое, нераздельное. Без так называемого Православия исчезает русская народность как таковая; но и Православие в таком виде, как усвоено русским народом, есть не то, что было и есть у греков etc.».[1]

Именно поэтому Гиляров не мог принять основную идею «Семирамиды» Хомякова о механическом заимствовании верований народами. 12 ноября 1886 г. он писал: «Дойдя *своим умом* до признания основного фактора в истории в известном антитезе *свободы* и *необходимости*, определяя совершенно или почти тождественно *дух* и *материю*, я восставал (и восстаю) против механичества преемства верований, которое проводил Хомяков в “Семирамиде” (“Записках о всеобщей истории”). Это *существеннейшее* разногласие; о некоторых частных я уже писал Вам. Поэтому на вопрос: “Неужели и Хомяков узок?” — я отвечу: и *да*, и *нет*. Правильнее будет ответить, что нахожу некоторую односторон-

* само по себе (*фр*.).
[1] *Письма к Рцы*. С. 302.

ность».[1] Спустя десять дней, 23 ноября 1886 г., Гиляров по просьбе Романова-Рцы возвратился к этой теме: «Механическое заимствование что такое? Вы спрашиваете. Хомяков радовался, находя у какого-нибудь народа верования, схожие с верованием другого, древнего, и начинались догадки о переселении и тому подобное. Я этому переносу духовных поверий придаю третьестепенное значение. Воплощения Вишны списаны с Христа или наоборот? По-моему, ни то, ни другое. Так и во всем. Народ как духовная личность всякий способен к творчеству; силы у всех одни и те же, хотя материал разный. Однородность обстановки создает однородный материал, а отсюда может создаться и однородное верование».[2] Нельзя не признать, что, получив систематическое образование в лучшей православной богословской школе, Гиляров имел надежный критерий поверки религиозно-исторического учения Хомякова, а творчески развивая его, оказывался подчас прозорливее и глубокомысленнее своего старшего товарища…

Романов-Рцы в одной из мемуарных статей («Как я нашел Никиту Петровича», 1898) сравнил своих учителей Хомякова и Гилярова. Приведем в заключение это его сопоставление: «Хомяков был все-таки поэт, и не в стихах, а именно в своей чарующей прозе, Гиляров, наоборот, — прозаик. Инстинкт реального, чувство действительности было глубоко присуще последнему. Этим он был выше Хомякова и ниже, сильнее и слабее его. Хомяков манил, возвышал, увлекал. Трезвый прозаик, Гиляров не мог улететь в заоблачные пространства, но зато его идеал, хотя и тождественный с хомяковским, действовал отчасти расхолаживающим образом».[3] В чем-то этот отзыв сходен с образным же противопоставлением мыслителей, сделанным профессором Киевской духовной академии В. З. Завитневичем в письме к князю Шаховскому от 10 ноября 1898 г.: «Хомяков и Гиляров — ягоды одного поля, но разных разновидностей; у Хомякова голова больше созидающая: он больше строит, чем разрушает; у Гилярова больше ум критический, отрицающий: он больше разрушает, нежели

[1] Там же. С. 271.
[2] Там же. С. 303.
[3] *Рцы (Романов И. Ф.).* Собр. соч. Т. 1. С. 299—300.

строит».[1] Там же Завитневич сопоставил Гилярова и Хомякова в их отношении к духовно-академической науке XVIII—XIX вв.: «Их сходство особенно рельефно выступает в отрицательном отношении к нашей старой богословской школе схоластического направления, более видным представителем которого является Макарий. Будущий историк поставит их в основу возрождения нашей богословской науки, которая, к нашему стыду, все еще никак не может “выбиться из старой своей колеи” <…>».[2]

Еще более убедителен был Романов-Рцы, когда в статье «Гиляров и Хомяков» (она выше уже цитировалась) привел довод, сближающий позиции мыслителей — им обоим, как мало кому другому, был присущ специфически «русский взгляд на вещи». Он писал: «Духовная близость Хомякова и Гилярова при всем их индивидуальном различии заключается, по нашему, в необычайной *руссости* того и другого, в их глубоком, до последних изгибов души, проникновением духом русской народности. В Хомякове и Гилярове всего осязательнее, всего, так сказать, рельефнее отразился русский гений, русская душа, *русский взгляд на вещи*. Оттого и сходство такое между ними, оттого они так близки, дороги и понятны нам, или, если угодно — с какой горечью это выговариваешь! — наоборот... Если бы дремлющие, подспудные силы темной России могли богословствовать, они, без сомнения, выразили бы свой символ веры не чуждыми и малопонятными нам формулами католико-протестантских учебников, но чудными словами богословских брошюр Хомякова; если бы они могли философствовать, то вопросы исторические, социальные, политические были бы ими поставлены и разрешены не иначе, как ставил их и разрешал Гиляров...»[3]

Таким образом, творческие и дружеские взаимоотношения писателей-славянофилов и религиозных мыслителей Хомякова и Гилярова, оказались довольно плодотворны для обоих. Это общение содействовало развитию и уточне-

---

[1] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 121. Л. 4—4 об. Выше, в разделе 1.8, уже цитировалось это письмо.

[2] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 121. Л. 4 об. Упомянут митрополит Макарий (Булгаков). См. подробнее в *Приложении 3*.

[3] *Рцы (Романов И. Ф.).* Собр. соч. Т. 1. С. 48—49.

нию их взглядов по широкому кругу проблем от отношения к системе Гегеля и «историческому православию» до выработки адекватной богословской терминологии, учитывающей как новейшие достижения немецкой философии, так и традицию переводов на русский язык святоотеческого наследия.

3.8. Н. П. Гиляров-Платонов и Ю. Ф. Самарин в работе над изданием богословского наследия А. С. Хомякова (1860—1867)

Когда именно состоялось личное знакомство Ю. Ф. Самарина и Гилярова, точно неизвестно, но предположительно — уже после начала издания журнала «Русская Беседа» (1856—1860), автором и цензором которого был Гиляров и в котором деятельно сотрудничал Самарин. Наиболее близким себе по основным мировоззренческим интуициям (особенно во взглядах на религию, историю и современную им философию) оба считали Хомякова, да и тот нередко отдавал предпочтение именно им, призывая их к творческой полемике — как в устной форме (дружеский споры в гостиной), так и в печати.[1] Не случайно после кончины Хомякова Гиляров и Самарин по-настоящему сблизились, и прежде всего — в связи с подготовкой к изданию его литературного наследия.

Регулярного обмена письмами между Гиляровым и Самариным, жившими в разных городах, не было — они предпочитали общаться через И. Аксакова. Фрагментарно сохранившаяся переписка (7 писем Самарина и 7 — Гилярова) частично опубликована князем Н. В. Шаховским и П. И. Бартеневым.[2] Настоящий раздел основан главным образом на впервые вводимых в научный оборот эпи-

---

[1] См.: *Дмитриев А. П.* А. С. Хомяков и Н. П. Гиляров-Платонов (к истории знакомства и творческих взаимоотношений) // Исследовательский журнал русского языка и литературы. Тегеран, 2015. Vol. 6, № 2. С. 91—106, а также раздел 3.7.

[2] *Сб. соч*. Т. II. С. 63—67; *Кн. Н. В. Ш. <Шаховской Н. В., кн.>*. Н. П. Гиляров-Платонов и А. С. Хомяков: (По сочинениям и письмам Гилярова) // *РО*. 1895. Т. 36, нояб. С. 23—26; <*Бартенев П. И.*>. Н. П. Гиляров о «Семирамиде» А. С. Хомякова // *РА*. 1901. Кн. I, вып. 1. С. 175.

столярных материалах, хранящихся в фонде Шаховского в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки.[1]

Как известно, Гиляров выступил 6 ноября 1860 г. в заседании Общества любителей российской словесности, посвященном памяти Хомякова, с яркой речью «О судьбе убеждений. По поводу смерти А. С. Хомякова».[2] Самарин, не присутствовавший на заседании, ознакомился с поминальными выступлениями месяц спустя. Его возмутила речь М. П. Погодина «Воспоминание об Алексее Степановиче Хомякове», нетактично, в бравурном тоне исчислявшая многие области знания, интересовавшие покойного, не желавшего сосредоточиться на одном деле жизни, отчего его творческие замыслы реализовывались лишь отчасти.[3] 13 декабря 1860 г. он сообщал Гилярову: «Вчера прислал мне Вяземский речь Погодина об А. С. Хомякове. Крепко она мне не нравится. Тон ее несерьезен, многое неточно, много сказано и ради красного словца и ефекта <*так!*>, а главное — тема совершенно ошибочно взята. Мы все знаем, а особенно враги покойника, — что он рассыпался во все стороны и брался за всё. Об этом нечего толковать; а напротив, для тысяч, кто не близко знал его или не хотел понимать его, нужно воссоздать его духовный образ в его цельности и единстве. Погодин это-то и упустил из виду».[4]

Гиляров, как следует из его ответного письма Самарину от конца декабря, учел эту критику, дорабатывая свою речь для печати: «Вспомните Ваше письмо и высказанное Вами неудовольствие на речь Погодина: оно совершенно право, по моему мнению. Но иного и трудно было ждать от Погодина. Я своею речью думал именно восполнить недостаток, который так чувствителен у Погодина. Мне именно хотелось было воссоздать цельный образ Хомякова…»[5]

---

[1] *Гиляров-Платонов Н. П.* Письма к Ю. Ф. Самарину, 1860—1868 // РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 474. 11 л.; *Самарин Ю. Ф.* Письма к Н. П. Гилярову-Платонову, 1860—1868 // Там же. Ед. хр. 686. 18 л. (Копии князя Н. В. Шаховского).

[2] См. о ней в разделе 3.7.

[3] *Погодин М. П.* Воспоминание об Алексее Степановиче Хомякове // *РБ*. 1860. Кн. II (20). Отд. VI. С. 2—28.

[4] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 686. Л. 7.

[5] Цит. по: <*Бартенев П. И.*>. Н. П. Гиляров о «Семирамиде» А. С. Хомякова // *РА*. 1901. Кн. I, вып. 1. С. 175.

Но, вместе с тем, известный своим перфекционизмом Гиляров писал: «Сейчас кончил исправление своей речи, читанной в Обществе Любителей. Затем присел читать присланный Вами отрывок “Семирамиды”, а после того прочитал лист цензурируемого теперь мною Белинского… Какое странное сочетание! А не без плода между тем оно осталось, и плод его первый перед Вами — мое письмо. Да, с каким глубоким интересом прочитал я отрывок “Семирамиды”! Как пуст и мелок показался мне Белинский, теперь в особенности (и, как нарочно, пришлась статейка о Славянофильском направлении)! А, наконец, чрезвычайно гадка мне показалась моя собственная речь. Далеко не то следовало бы и не то хотелось бы мне сказать. <…> Но в настоящую минуту я, право, начинаю бояться, не написал ли я Луку Федотом. Я судил о Хомякове по тем впечатлениям, которые оставили мне личные сношения с ним, частью печатные сочинения. Но я, конечно, слишком мало его знал (т. е. сравнительно с людьми ближайшими, например, Вы), а потом я совсем не читал прежде “Семирамиды”. Теперь, как я прочитал этот отрывок, он произвел на меня такое впечатление, как будто я заглянул в отверстие колодезя, чрезвычайно глубокого и даже страшного. После этого мое изображение Хомякова показалось мне такою пошлостью, что, просто, становится стыдно и даже боязно, не подбавлю ли я, с своей стороны, еще материала к составлению фальшивого и отчасти оскорбительного суждения о покойном».[1] Здесь упомянута XI часть «Сочинений В. Белинского» (М.: Изд. К. Т. Солдатёнкова и Н. М. Щепкина, 1861), в которой впервые без цензурных изъятий, по рукописи был напечатан его «Ответ “Москвитянину”», полемизирующий с известной статьей Самарина «О мнениях “Современника”, исторических и литературных» (1847) и содержащий многочисленные выпады против «славянофильского направления», а также пересланный Гилярову на цензуру для публикации в последней книжке «Русской Беседы» обширный фрагмент из «Се-

[1] Там же.

мирамиды» («Записок о всемирной истории») Хомякова, снабженный предуведомлением Самарина («От редакции»).[1]

В письме от 23 января 1861 г. Самарин откликается на речь «О судьбе убеждений», в целом солидаризуясь с Гиляровым в его оценках Хомякова и, особенно, в его обобщающих отступлениях философского характера: «Ваша статья превосходна. Если уж придираться, то я сказал бы, что в начале в изложении заметна некоторая неповоротливость; видно, что перо еще не расходилось; но середина и конец безукоризненны. Вы прелестно возвели вопрос об отношении лица к его обстановке на степень общего вопроса об отношении живого убеждения к мертвой общественной среде; но разумеется, Вы не исчерпали и не могли исчерпать полной характеристики. Нам еще придется многое сказать».[2]

Тут же Самарин, отталкиваясь от призыва Гилярова, «чтобы теперь же составлен был полный план издания сочинений Х<омякова> и чтоб работа роздана была по рукам», предлагает свое видение томов с «Семирамидой» и богословскими сочинениями, а также план-конспект предисловия к последним,[3] впервые (в этом письме 1861 г.) называя Хомякова «учителем Церкви нашего времени» и настаивая на необходимости самоотверженного сотрудничества в издании его трудов: «…возможность для меня этой работы представляется мне не иначе, как при Вашей помощи. Одно я считаю необходимым: это полнейшую правдивость, даже до грубости, без всякого снисхождения и без недомолвок. Дело слишком серьезно <…>».[4]

Подумывал Самарин и о продолжении собственных богословских исследований, начатых магистерской диссертацией «Стефан Яворский и Феофан Про-

---

[1] *Хомяков А. С.* Отрывок из Записок А. С. Хомякова о всемирной истории: Распадение Римской империи. — Движение германских и славянских народов. — Религиозные споры на Востоке // *РБ*. 1860. Кн. II (20). Отд. II. С. 101—178.

[2] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 686. Л. 1.

[3] Там же. Л. 1—3; опубл.: *Кн. Н. В. Ш. <Шаховской Н. В., кн.>*. Н. П. Гиляров-Платонов и А. С. Хомяков. С. 23—26.

[4] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 686. Л. 3.

копович» (1844), в свое время сочувственно встреченной Хомяковым;[1] чьи идеи и должно было развивать новое сочинение. Об этом он признавался брату Д. Ф. Самарину в письме от 27 февраля 1875 г.: «Мысль бросить все и поднять с земли нить размышлений, выпавшую из рук умиравшего Хомякова, меня много раз занимала; но я сознаю слишком глубоко, что до этой задачи я далеко не дорос умственно и неподготовлен душою (это главное)».[2]

Но, кроме того, здесь кроется и основная причина, почему Самарин стремился заручиться поддержкой Гилярова в подготовке к печати богословских сочинений Хомякова, и прежде всего — в переводе с французского трех знаменитых брошюр 1850-х гг.: Самарин критически относился к собственным богословским познаниям и потому обращался к Гилярову, воспитаннику и бывшему преподавателю Московской духовной академии. Тот вспоминал на склоне лет, в письме к князю Н. В. Шаховскому от 2 февраля 1886 г.: «…покойный Ю. Ф. Самарин склонялся предо мной (по моему мнению, даже сверх заслуженного); для Хомякова я был даже *единственным* человеком, с которым он признавал полное свое согласие».[3]

По поводу «Семирамиды» (после того как А. Ф. Гильфердинг подготовит ее текст по рукописям) Самарин предлагал Гилярову: «…чтоб Вы просмотрели все, касающееся до истории Церкви и ересей, а также сделали бы нужные пояснения и поправки».[4] Сначала планировалось, что богословские брошюры переведут старшие дети Хомякова Дмитрий и Мария, Самарин писал: «…я рассчитывал, что Вы возьмете пополам со мною труд исправить эти переводы. Издать надобно текст с переводом вместе».[5] 7 ноября 1861 г., однако, Гиляров сообщал Самарину: «…спешу Вас уведомить, что перевод французских богосл<овских> сочинений мною окончен вчерне, за исключением нескольких страниц письма к

---

[1] См. подробнее в монографии: *Хондзинский Павел, протоиерей*. «Церковь не есть академия»: Русское внеакадемическое богословие XIX века. М.: Изд-во ПСТГУ, 2016. С. 209—220.

[2] *Самарин Ю. Ф.* Сочинения. М.: Изд. Д. Ф. Самарина, 1887. Т. 6: Иезуиты и статьи богословско-философского содержания. С. 485.

[3] Цит. по: *Из пережитого*. Т. 2. С. 488—489. См. об этом подробнее в *Приложении 1*.

[4] *Кн. Н. В. Ш. <Шаховской Н. В., кн.>*. Н. П. Гиляров-Платонов и А. С. Хомяков. С. 24.

[5] Там же. С. 25.

Бунзену. <…> Вопреки обещанию, перевода своего к Вам не посылаю; напротив, нахожу даже нужным, вопреки уговору, отдать здесь переписать свой перевод. Дело в том, что конченный вчерне, он требует поправки: тогда переписчик может разобрать только при моем непосредственном смотрении. Да потом, опять нужно будет промыть перевод, и тогда я уже пришлю Вам, и — вместе с предисловием, которое у меня довольно сложилось в голове».[1]

Самарин поначалу так откликнулся на присланную ему Гиляровым рукопись (назовем ее *1-м вариантом*): «Вашего перевода я не имел времени сверить; он мне показался совершенно удовлетворительным».[2] Перевод первых двух брошюр увидел свет в журнале «Православное Обозрение» (1863. № 10—11; 1864. № 1—2); публикацию третьей брошюры запретила цензура. Автор перевода здесь не указан, но В. М. Лурье, комментируя современное издание богословских сочинений Хомякова, уверенно называет переводчиком Гилярова,[3] и это подтверждается эпистолярными свидетельствами. Поправим, кстати, неточность В. М. Лурье, считавшего, что «публикация первой брошюры прошла мимо внимания цензуры, скорее всего, потому, что именно в 1864 г. Н. П. Гиляров-Платонов перестает быть членом Московского цензурного комитета».[4] На деле Гиляров был уволен из цензоров 11 августа 1862 г.;[5] к тому же «Православное Обозрение» было подведомственно не светской цензуре, а духовной, и Гиляров, даже если б оставался в своей должности, никак не мог влиять на этот журнал и его цензоров.

Однако потом, по внимательном прочтении и сверке с оригиналом, Самарин разочаровался в переводе Гилярова, очевидно заметив и распространение «сжатых хомяковских фраз», и «явное изменение смысла — то ли по непонима-

---

[1] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 474. Л. 3.

[2] Там же. Ед. хр. 686. Л. 2.

[3] *Хомяков А. С.* Сочинения: В 2 т. М.: Моск. филос. фонд; изд-во «Медиум»; журн. «Вопросы философии», 1994. Т. 2: Работы по богословию. С. 352, 353, 355 и сл.

[4] Там же. С. 352. Та же ошибка закралась и в статью: *Кошелев В. А.* «Любовь это действительно первое и последнее слово…»: Н. П. Гиляров о Хомякове // *Возвращение*. С. 91.

[5] *Из пережитого*. Т. 2. С. 543.

нию или несогласию, то ли по цензурным соображениям»,[1] и решил сам перевести все три брошюры. Связано это было с необыкновенной суггестивной образностью и, вместе с тем, изысканностью стиля брошюр, парадоксально сочетавшего, по оценке аббата Гюстава Мореля, синтаксис XVII в. с лексиконом XIX-го: «…французский язык Хомякова не просто правилен и даже изящен, в нем не только различаются наитончайшие оттенки смысла слов, но более того, предложения — всегда остающиеся легкими, несмотря на свою длину — развиваются с гармонией и плодовитостью, напоминающей лучших прозаиков великого столетия».[2]

Самарин позднее (26 октября 1866 г.) сообщал княгине Е. А. Черкасской, переводившей с английского письма Хомякова к В. Пальмеру, о своих муках слова: «Со времени переводов из Тацита, которые задавал мне Шевырев, я не испытывал такой мучительной возни со словом. Как ни переворачивай и ни прикидывай, а все выходит как-то бесцветно и вяло, или чересчур топорно и как-то свинчено. Обыкновенно, кто пишет не на родном языке или не на том, на котором обыкновенно думает, тот довольствуется общечеловеческими конструкциями и оборотами, свойственными всем языкам; поэтому и перевод дается легко; но у Хомякова было не то. Он употребил в дело все идиотизмы французского языка и не то что одел в него свою мысль, а точно извлек ее из него, так что оторвать мысль от выражения становится почти невозможным».[3]

Завершив свой перевод брошюр (условно: *2-й вариант*), вероятно, в начале 1864 г., Самарин послал его на суд Гилярову. Однако тот не спешил исполнить просьбу приятеля: возглавив 20 августа 1863 г. Синодальную типографию, он был поглощен другими заботами. О том, как идет работа Гилярова над сверкой перевода Самарина с оригиналом хомяковских брошюр и над предисловием к ним (поначалу предполагалось, что его напишет Гиляров) Самарин в течение всего 1864 г. неоднократно запрашивал его через Аксакова и неизменно получал

---

[1] *Хомяков А. С.* Сочинения: В 2 т. Т. 2. С. 352.

[2] Пер. В. М. Лурье; цит. по: Там же. С. 351.

[3] Из писем Ю. Ф. Самарина // *Нольде Б.* Юрий Самарин и его время. М.: Эксмо, 2003. С. 535—536.

неутешительные ответы: Аксаков, 31 мая: «Гиляров купил себе дачу, переехал туда <…>. Понукаю его всячески насчет хомяковских сочинений: все дело за ним»;[1] Самарин, 16 июля: «…окончил ли Гиляров исправление перевода брошюр Хомякова и написал ли он предисловие?»;[2] Аксаков, 27 июля: «Гиляров <…> уверяет, что работает, что предисловие у него в голове совсем готово, и т. д. Этого человека ничто не берет»;[3] Самарин, 7 сентября: «Что делает Гиляров с переводом? Неужели придется бросить всякую надежду на его содействие?»;[4] Самарин, 5 октября: «А что Гиляров? Неужели не окончил предисловия и исправления перевода?»;[5] Самарин, 24 декабря: «А что делает Гиляров? Чует мое сердце, что он и не приступал к делу и что по приезде я застану его в том же положении, в каком оно было год тому назад».[6]

Наконец, Самарин, вернувшись из-за границы весной 1865 г. и добившись от Гилярова поправок к своему переводу, перебрался в имение брата Васильевское на Волге (ныне с. Приволжье Самарской обл.), где с лета того же года по позднюю осень 1866 г. интенсивно работал над брошюрами Хомякова, поставив перед собой трудноразрешимую задачу создания русского текста, конгениального французскому оригиналу. В том же письме от 26 октября 1866 г. Самарин сообщал княгине Е. А. Черкасской: «Поселившись в деревне на харчах у брата и не имея решительно никаких хозяйственных забот, я принялся за приготовление к печати второго тома богословских сочинений Хомякова <…> с тем, чтобы на этот раз непременно окончить этот труд. Трудом можно его назвать без всякого преувеличения. У меня перед глазами было два перевода, сделанный Гиляровым и мой; оба были два раза прочтены и проверены им и мною, и все-таки, при окончательной сверке, я забраковал почти всё без остатка и принялся переводить вновь. <…> По-настоящему, надобно бы все передумать сызнова и передать по-

[1] *Переписка Аксакова и Самарина*. С. 185.
[2] Там же. С. 192.
[3] Там же. С. 194.
[4] Там же. С. 201.
[5] Там же. С. 206.
[6] Там же. С. 209.

русски, так, как бы он передал, но, разумеется, это уж был бы не перевод, и я за это не возьмусь».[1]

Гиляров не остался в стороне и, как мог, помогал приятелю в создании этого *3-го варианта* перевода. Об этом можем судить по его письму к Самарину от 13 ноября 1866 г.,[2] где он делился своим переводческим опытом. Еще только приступая к работе над брошюрами Хомякова, Гиляров столкнулся с тем, что его терминология, хотя и была свободна от схоластической закваски, свойственной русскому богословию того времени, однако мало учитывала традицию издания на русском языке святоотеческого наследия. Гиляров писал: «Терминология Хомякова и, кажется, Киреевского <…> по-моему мнению, — неправильная. Они называли *разумом* противоположность вещественному; человек, поколику он невещественное, есть разум. Это неверное означение, и притом означение путающее. Противоположность веществу есть дух <…>».[3]

Объяснялось это тем, что Хомяков исходил из закономерностей французского языка: «…ему представлялось прежде всего все-таки l'intelligence, удивительно убогое слово этого убогого на высшие понятия языка», а также «мешала правильному словоупотреблению гегелевщина. Der Geist, хоть и есть собственно дух, у Гегеля превратился в нечто собирательное <…> например, *дух писателя* или *дух времени*».[4] Удачным заимствованием из церковных сочинений могло бы стать «умный» в значении «духовный»: «…слова *умный*, в смысле отеческом, не только не следует избегать, но необходимо вводить его понемногу из литературы чисто церковной в обыкновенную, житейскую».[5] Гиляров продолжал свои новаторские экскурсы в лингвистику: «Выражение "вера *осмысленная*", по моему разумению, неправильно. Осмысленным должно быть названо то, чему дается смысл отвне, со стороны <…>. Но вера непременно смыслящая (в действительном залоге), коль скоро с нею соединяется *собственное ее* разу-

[1] Из писем Ю. Ф. Самарина. С. 535, 536.
[2] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 474. Л. 7—8 об. Не вполне точно опубл.: *Сб. соч*. Т. II. С. 63—67.
[3] Там же. С. 65.
[4] Там же.
[5] Там же. С. 65—66.

мение. В страдательном залоге можно употребить в этом смысле слово *просветленная*».[1]

Том богословских сочинений, как известно, Самарин сумел напечатать только за границей (Прага, 1867), и он не был одобрен к выходу в России как раз из-за терминологии: в синодальном определении 1869 г. отмечалось, что в нем «много выражений неопределенных и темных, могущих подать повод к неверным заключениям о мысли автора, будто бы не согласной с православным учением»,[2] разрешение «к обращению в России» этого тома было получено только в 1879 г.

И хотя позднее, в письме к баронессе Э. Ф. Раден от 20 декабря 1869 г., Самарин самокритично упоминает свои «крайне несовершенные переводы французских брошюр Хомякова»,[3] все же эти переводы, впервые опубликованные в 1867 г. (*3-й вариант*), — плод коллективного творчества, что сам Самарин указал в подстрочном примечании к Предисловию: «Перевод с французского текста сделан Ю. Ф. Самариным и Н. П. Гиляровым-Платоновым <…>»,[4] где неалфавитный порядок расположения имен определяет, чье участие было основным. Поэтому некорректны попытки представить единственным переводчиком брошюр в издании 1867 г. либо Н. П. Гилярова-Платонова, пусть и с оговоркой, что они «редактировались Ю. Ф. Самариным и Д. А. Хомяковым» (как это делает В. М. Лурье[5]), либо Ю. Ф. Самарина (например, в комментариях Т. Ф. Пирожковой и В. Ю. Шведова[6]).

В заключение упомянем о другом важном проекте, творчески объединившем Гилярова и Самарина в те же годы и развивавшем критику Хомяковым католичества. Когда 2 мая 1864 г. живший в Париже иезуит И. М. Мартынов написал письмо И. Аксакову в защиту своего ордена (в ответ на передовую статью

---

[1] Там же. С. 66.

[2] Цит. по: *Хомяков А. С.* Сочинения: В 2 т. Т. 2. С. 353.

[3] *Самарин Ю. Ф.* Собр. соч.: В 5 т. СПб.: Росток, 2016. Т. 3: Русское самосознание. С. 661.

[4] Там же. СПб., 2014. Т. 2: Церковь и общество. С. 595.

[5] *Хомяков А. С.* Сочинения: В 2 т. Т. 2. С. 351.

[6] *Переписка Аксакова и Самарина*. С. 406, 491.

газеты «День» в № 12 от 21 марта, при републикации в VII томе Собрания сочинений Аксакова в 1887 г., озаглавленную: «По поводу слуха об учреждении иезуитской коллегии при католической церкви в Петербурге»[1]), редактор «Дня» обратился к Гилярову с просьбой написать ответ отцу иезуиту. 31 мая Аксаков сообщал Самарину: «Письмо Мартынова поставило меня в немалое затруднение. Отвечать его <*так!*> мог бы вполне удачно Хомяков, затем ты. Я просил Гилярова написать ответ, — по крайней мере, как материал для ответа, и он взялся, но, кажется, надувает. <…> Тут дело идет не обо мне лично и не о *“Дне”* <…> тут *“День”* является пред лицом всего иезуитства как бы представителем православия, и это придает делу особенную важность, налагает тяжелую нравственную ответственность».[2] По убеждению Аксакова, без ответных возражений публикация письма Мартынова была невозможна. Но и осенью дело не сдвинулось с мертвой точки, о чем Аксаков жаловался в письме к Соханской от 12 сентября: «…так как я не специалист-богослов, то я поручил было составить ответ бывшему профессору Троицкой духовной академии Гилярову, он и взялся, но ничего до сих пор не сделал, так что письмо осталось без ответа и до сих пор».[3]

Спас положение Самарин, и в № 45/46 «Дня» от 20 ноября 1865 г., наконец, было опубликовано письмо Мартынова в составе передовой статьи Аксакова[4] в сопровождении первого из пяти «писем об иезуитах» Самарина. Однако Гиляров участвовал в публикации как этого, так и последующих писем, сообщения о чем содержатся в переписке Аксакова и Самарина. Например, 9 августа Самарин просил: «…ускорь печатание второго письма и заставь Гилярова прочесть его в корректуре; я уже распорядился, чтоб к нему посылали. Мне его замечания нужны»;[5] 17 августа: «Теперь все зависит от тебя; ускорь печатание и присылку, потребуй от Гилярова, чтоб он доставил замечания».[6]

---

[1] <*Аксаков И. С.*>. Москва 21 марта // День. 1864. 21 марта. № 12. С. 1—3; перепеч.: *Аксаков*. Т. VII. С. 475—483.

[2] *Переписка Аксакова и Самарина*. С. 186.

[3] *Переписка Аксаковых и Кохановской*. С. 326.

[4] День. 1865. 20 нояб. № 45/46. С. 1061—1065.

[5] *Переписка Аксакова и Самарина*. С. 216.

[6] Там же. С. 217.

Одновременно, для ускорения дела, Самарин написал и Гилярову, который ответил ему 16 августа: «Душевно благодарю Вас, любезнейший Юрий Федорович, за Ваше письмо. Воспоминание о Вас и представление о Вашем труде несколько оживило меня среди пошлой, мелкой, бесплодной деятельности, которую теперь я веду и которая способна довести меня до одурения (да и начинает доводить уже). Нет нужды говорить, что поручение Ваше я исполню с великим удовольствием, и с нетерпением ожидаю времени, когда статья Ваша будет получена здесь».[1] Аксаков сообщал Самарину 29 августа: «…2-го письма может быть набрано только тысяча строк, которые и пошлются к тебе в Самару и нынче или завтра отсылаются к Гилярову. Но, конечно, ты бы не этого желал. Ты хотел бы, вероятно, иметь и самому возможность, дать и Гилярову возможность прочесть статью всю, в ее полном объеме, а не по частям»;[2] 2 сентября: «Гилярову экземпляр корректуры доставлю».[3] Снова Самарин — 15 октября: «…пришлю тебе корректуру на будущей неделе. Но где же обещанные замечания Гилярова? Неужели он и в этом случае поленится и не сдержит обещания? А мне его совет нужен, почти необходим»;[4] 20 октября: «…попросил бы поручить продержать корректуру кому-нибудь из надежных и знающих латинский язык. Всего бы лучше было Гилярову. Его бы я мог уполномочить даже на поправки; но ведь на него нельзя положиться».[5] Сам Гиляров в конце жизни, в письме к И. Ф. Романову-Рцы от 2 ноября 1886 г., упоминал об этих событиях: «Ю. Ф. Самарин, слагавший предо мной оружие, умолявший писать “Иезуитов” и только после моего решительного отказа взявшийся писать (и написавший монографию, по глубине и ясности не имеющую подобия) <…>».[6] Названо отдельное издание писем Самарина, вышедшее под заглавием «Иезуиты и их отношение к России» (М., 1866.

[1] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 474. Л. 5.
[2] *Переписка Аксакова и Самарина*. С. 217.
[3] Там же. С. 219.
[4] Там же. С. 228.
[5] Там же. С. 229.
[6] *Письма к Рцы*. С. 248.

304 с.; 2-е изд.: 1868. 480 с.; 3-е изд.: 1870. 510 с.)[1] и позднее высоко оцененное Гиляровым в некрологе Самарину: «Какое тонкое понимание, какой прорезающий анализ в его “Иезуитах”! Лучшей оценкою силы этого сочинения служит то, что орден Лойолы не дерзнул даже выступить с ответной полемикой <…>».[2]

В конце 1860-х или в начале 1870-х гг. между Самариным и Гиляровым случилась серьезная размолвка по поводу одной корреспонденции из Праги, опубликованной в «Современных Известиях»,[3] поскольку в ней был задет племянник Самарина граф Ф. Л. Соллогуб, якобы в нарушение приличий не пришедший вместе с А. А. Пороховщиковым на представление, устроенное специально для них чешскими друзьями. Самарин отчитывал Гилярова: «Свидетельством Пороховщикова, моего племянника и президента Общества доказано: 1) что русские гости никакого приглашения на представление, *специально для них устроенное*, ни от кого не получали, 2) что *предугадать* намерение членов общества и задуманного последними приготовления они не могли, не имея к тому никакого повода, 3) что они не давали никому *такого обещания*, которое бы налагало на них *обязанность* явиться или, в случае невозможности, предупредить о своей неявке и оправдать ее. Из этого логически вытекает, что взведенное на Пор<оховщикова> и Сол<логуба> обвинение в нарушении приличия есть чистая напраслина».[4] После обмена несколькими письмами: негодующими Самарина, оправдательными Гилярова — Самарин, спохватившись, извинился, напомнив товарищу совместную работу над переводами хомяковских брошюр и книгой об иезуитах (приводим целиком это непубликовавшееся письмо, как нельзя лучше характеризующее духовную высоту их взаимоотношений):

---

[1] Поправим ошибку Т. Ф. Пирожковой и В. Ю. Шведова, утверждающих, что было только два издания (1866 и 1868) и что второе из них якобы вышло в Петербурге (см.: *Переписка Аксакова и Самарина*. С. 482).

[2] *Сб. соч*. Т. II. С. 467—468.

[3] Выявить эту статью не удалось, ее содержание известно нам по недатированной двусторонней переписке Гилярова и Самарина, хранящейся в РНБ (Ф. 847. Ед. хр. 474, 686).

[4] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 686. Л. 10. Копия князя Шаховского.

«“Даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждати” [1] и т. д. — Эта молитва, к которой мы все давно прислушались, иногда задевает и совесть, заставляя человека оглядываться на себя. Не запрещается *судить*, запрещается *осуждать*, а еще хуже осуждения — оскорбление без предшествовавшего суда, наносимое другому для удовлетворения собственной нашей досады. Прав ли я был, осуждая Вас по законам литературного и общественного приличия? — оставим это; дело идет о правде иного рода, перед которою виноватым выхожу я, а не Вы. Мы вместе работали над одним делом, которым оба одинаково дорожили, вместе и согласно передумали многое, были у нас и общие скорби. Все это ставило нас настолько близко друг к другу, что когда я почувствовал на Вас досаду, следовало бы прийти объясниться, не давая нависать этому чувству. Повторяю: я виноват перед Вами, виноват в дурном побуждении, а не в недодуманном слове, и чистосердечно прошу у Вас прощения. Зная Вас, не сомневаюсь, что получу его, и потому заочно братски Вас обнимаю.

Преданный Вам душевно

Юрий Самарин».[2]

3.9. Н. П. Гиляров-Платонов — критик педагогических идей Л. Н. Толстого (1862, 1884)

В последние годы сделаны первые подступы к теме «Л. Толстой и Гиляров»,[3] безусловно нуждающейся в кропотливой проработке и требующей привлечения новых, пока еще не введенных в литературоведческий круг архивных и газетных материалов.

Во взаимоотношениях писателей выделяются два периода: ранний, ограничивающийся 1862 годом, когда Гиляров был цензором журнала «Ясная Поля-

[1] Из молитвы преподобного Ефрема Сирина «Господи и Владыко живота моего…».

[2] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 686. Л. 9. Копия князя Шаховского.

[3] См., например: *Панаэтов О. Г.* Н. П. Гиляров-Платонов и К. Н. Леонтьев: Споры о Толстом. Краснодар: КубГУ, 2002. 75 с.; *Краснов Г. В.* В полемике с Л. Н. Толстым // *Возвращение*. С. 95—97.

на», и более продолжительный поздний период (1882—1887), когда Гиляров издавал в Москве ежедневную газету «Современные Известия». В настоящем разделе диссертации предпринята попытка осветить события 1862 года, воссоздав оригинальную позицию Гилярова по отношению к толстовской педагогике в контексте его собственных педагогических идей, а также представив по архивным документам обстоятельства цензурного прохождения статей Толстого.

Хотя Гиляров был только цензором (а впоследствии также издателем и критиком) некоторых толстовских сочинений, он — по своей отзывчивой натуре — не мог не сделать попытку стать доброхотным советчиком молодого писателя, как и вообще всех тех авторов, публикация сочинений которых зависела от него. В славянофильском кругу эта участливость Гилярова всегда приветствовалась: ему давали на рецензию рукописи новых сочинений К. С. Аксаков, Ю. Ф. Самарин, А. С. Хомяков. Советы Гилярова были дельными и полезными — шла ли речь о сути рассматриваемых проблем либо о форме их изложения.

Однако всегда независимый в своих идейных поисках Л. Толстой, как увидим далее, и не собирался принимать интеллектуальное содействие Гилярова, оказывавшегося нередко первым читателем его статей в январе — августе 1862 г. Познакомил Гилярова с Толстым М. Н. Катков, дружественно настроенный по отношению к писателю, однако не сочувствовавший его стремлению издавать педагогический журнал, видевший в этом его измену своему истинному предназначению. Прочтя в рукописи программную статью, написанную для первой книжки «Ясной Поляны» («О народном образовании»), Катков 7 января 1862 г. делился с автором своими впечатлениями: «…я окончательно убедился, что вы грешите против своего призвания, предпринимая это издание. С основаниями статьи, конечно, я не согласен. <…> Мне было бы легче наговорить вам по поводу этой статьи тысячу комплементов, но я не хочу кривить душой, да и вы, без сомнения, желаете услышать от меня не ложь, а искреннее мое мнение».[1] Далее Катков сообщал, что уже похлопотал о журнале Толстого в отношении надзира-

[1] Переписка Толстого с М. Н. Катковым / Публ. Ф. В. Буслаева // Литературное наследство. М., 1939. [Т.] 37/38: Л. Н. Толстой; [кн.] II. С. 189.

ющих органов: «Цензура, как я думаю, не сделает затруднений, кроме, может быть, двух-трех выражений. Я уже писал к Гилярову, прося его взять цензуру вашего издания».[1] То есть Катков частным образом предложил взять «Ясную Поляну» под свое крыло человеку, не только имевшему репутацию одного из наиболее либеральных цензоров (Гиляров служил в Московском цензурном комитете в 1856—1862 гг.), но и лично высоко ценимому им литератору и редактору: в тот же период он по просьбе М. Н. Каткова и П. М. Леонтьева принял на себя заведование литературной частью редакции «Русского Вестника».[2]

Первую, январскую, книжку «Ясной Поляны» Гиляров подписал довольно оперативно, 18 января 1862 г. Материалы же последующих номеров нередко задерживались, поскольку цензор не видел возможности публикации некоторых мест без нарушения должностных инструкций. Позднее, в 1884 г., полемизируя в печати с Ю. Н. Говорухой-Отроком (об этом подробнее ниже), Гиляров вспоминал: «…автору “Ясной Поляны” лично высказывали мы свое мнение об его педагогических воззрениях еще в самый момент, когда “Ясная Поляна” издавалась, более 20 лет назад <…>».[3] В другой мемуарной статье Гиляров тепло писал о тех впечатлениях, что стимулировали интерес писателя к сельской школе: Толстой, по его словам, «поразился этою непочатою почвою, этими неизмятыми душами, этою чистою любознательностью, ничем не засоренною, найденною им в крестьянских детях. Он учредил школу (в Ясной Поляне), начал даже издавать журнал педагогический; но потом остыл, по-видимому, о чем и жалеть, впрочем,

---

[1] Там же. Публикатором ошибочно вместо «к Гилярову» прочтено «к Галахову» и прокомментировано: «известный составитель учебников по русской литературе, профессор Петербургского университета». На деле Алексей Дмитриевич Галахов (1807—1892), во-первых, в университете не преподавал, а в 1856—1892 гг. возглавлял кафедру русской словесности при Николаевской академии Генерального штаба, одновременно (1865—1882) будучи профессором русской словесности Историко-филологического института; во-вторых же, к Цензурному ведомству он в этот период никакого отношения не имел и потому не мог никакого издания (тем более московского) взять для цензуры.

[2] См. письмо к нему М. Н. Каткова и П. М. Леонтьева от 1 марта 1862 г.: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 654. Л. 1—2.

[3] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 22 мая: Дневное обозрение // *СИ*. 1884. 23 мая. № 138. С. 2.

не приходится».[1] И далее разъяснял суть своих претензий, предъявляемых к журналу, которые оказались напрямую связаны с его славянофильскими убеждениями: «Как во всем увлекающийся, основатель Яснополянской школы довел до абсурда уважение к детской свободе и веру в любознательность ребят, возлагая всё на природу, на манер Жан Жака Руссо, и не считаясь с историею, а отсюда и с душою народа, взятого в его совокупности. Дети, хотя и крестьянские, суть не просто человеческие существа, но русские люди, и русские не по физическому только происхождению и окружающей непосредственно природе, а дети народа, прошедшего известную историческую жизнь, и дети определенной церкви».[2]

Как видим, лаконично формулированное здесь мнение Гилярова в первой своей части (об увлечении крайностями руссоизма) совпадало с тем, в чем Толстого-педагога упрекали наиболее проницательные критики его журнала «Ясная Поляна»: Н. Г. Чернышевский и Д. И. Писарев, А. Н. Пыпин и Е. Л. Марков. Вместе с тем Гиляров словно бы вторил Н. Н. Страхову, писавшему: «Положительная сторона “Ясной Поляны” состоит в необыкновенном поэтическом чутье всех явлений души русских детей».[3] Оригинальным же в критике Гилярова, кроме всего прочего, было выдвижение на первый план национально-религиозного критерия в оценке народной педагогии Толстого и утверждение, что тот в своей воспитательной системе не опирается на специфику русско-православной психо- и пневматологии.

Столкновение, о котором больше всего сегодня известно, произошло из-за статьи «Воспитание и образование», датированной 2 июля 1862 г. Толстой предполагал напечатать ее в задержавшейся июньской книжке, но из-за неуступчивости Гилярова та вошла только в июльскую книжку, притом подписанную в печать лишь 20 сентября. Именно спорами об этой статье объясняется комментаторами единственное упоминание Гилярова в Дневнике Толстого (под 30 августа

---

[1] *<Гиляров-Платонов Н. П.>*. Москва, 16 мая: Дневное обозрение // Там же. 1884. 17 мая. № 132. С. 1.

[2] Там же.

[3] *Страхов Н.* Новая школа // Время. 1863. № 1. С. 151—152.

1862 г.): «Утро работал. Помешал Тимирязев. Разозлил Гиляров. Дома обедал, заснул <…>».[1] Впрочем, когда статья, уже к тому же исправленная, наконец увидела свет, она огорчила даже близких Толстому людей, каков был помещик И. П. Борисов, сообщавший 22 ноября 1862 г. И. С. Тургеневу: «В июльской книжке “Ясн<ой> Поляны” есть громовая статья против университетов наших вообще, и профессоров казнит без пощады».[2]

Компромисса без привлечения третьих лиц цензору журнала и его издателю достичь так и не удалось. 11 августа Гиляров был вынужден оставить цензорское место из-за того, что, по убеждению управляющего Министерством народного просвещения А. В. Головнина, «неприлично быть цензором человеку, находящемуся в дружеских отношениях с редакторами и участвующему в литературе».[3] 5 сентября 1862 г. было датировано отношение № 564 Московского цензурного комитета «О статье гр. Толстого “Воспитание и образование”», подписанное его председателем М. П. Щербининым. Составил текст, судя по его стилю и содержанию, сам Гиляров,[4] а не цензор Ф. И. Рахманинов, ставший его преемником, хотя характерно, что отношение было отправлено в Петербург через два месяца после создания Толстым статьи и уже после ухода Гилярова из Цензурного ведомства (однако по вышецитированной записи из Дневника Толстого видно, что Гиляров не был сразу отстранен от курирования «Ясной Поляны»). Очевидно, что председатель Московского цензурного комитета, посылая в

---

[1] *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: [В 90 т.]. М.: Гослитиздат, 1952. Т. 48. С. 42.

[2] Письма к И. С. Тургеневу и письма о нем. И. П. Борисов / Публ. Е. М. Хмелевской // Тургеневский сборник. Л.: Наука, 1967. Т. III. С. 365.

[3] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 378. Л. 10 об. (письмо Гилярова к графине А. Д. Блудовой от 1 августа 1862 г.).

[4] Отношение было отправлено в Главное управление цензуры в копии переписчика: РГИА. Ф. 773. Оп. 1. Д. 240. 1862 г. Л. 1—2; получено там 10 сентября. По копии воспроизведено в Полн. собр. соч. Л. Н. Толстого в 90 т. (Т. 8. С. 556). Характерно следующее разночтение. В подлиннике РГИА: «Автор ни за кем не признает права воспитания в принципе и только в виде уступки утвердившимся веками традициям оставляет его за семьею, Церковью и Государством и безусловно отнимает его у общества» (л. 1). В опубликованной копии в этой фразе вместо «традициям» стоит: «и обычаем (предрассудкам?)». Тут встречаем типично гиляровский концепт «предрассудок» не в привычном бытовом смысле, а в значении: «*до*рассудочное знание», «основа человеческой морали и регулятор общественного порядка»; Гиляров, по убеждению современного исследователя, дал «наиболее откровенную в русской философской традиции реабилитацию “предрассудка”» (*Межуев Б. В.* Вл. Соловьев, Н. П. Гиляров-Платонов и «разложение славянофильства» // История философии. 2000. № 6. С. 51, 50).

Петербург донесение по начальству со списком претензий к статье «Воспитание и образование», не разрешил ее печатать без серьезных поправок и стремился обезопасить себя.

Либерально же настроенный министр А. В. Головнин счел возможным пропустить в статье Толстого все его обличения, направленные против воспитания, если оно «опирается на насилие и произвол», и защиту только того образования, что основано на «полной свободе». Министр пояснял свою позицию: подобные суждения должны инициировать плодотворную полемику, «так как в университетах и гимназиях многие лица будут отвечать автору и объяснять, в чем он ошибается».[1] Особенное внимание министра привлекли следующие слова Гилярова: «…автор статьи силится ниспровергнуть всю систему общественного образования, принятую не только в России, но и в целом мире <…> он не ограничивается одними теоретическими рассуждениями, но делает при них практические выводы в применении ко всем существующим общественным учебным заведениям в России <…>».[2] В «запретительной» части своей резолюции Головнин полностью соглашается с этим заключением Гилярова: «…из этой статьи следует исключить все, что порицает учебные заведения других ведомств <…>».[3]

Как известно, в 1862 г. за периодическими изданиями надзирали чиновники не одного только Министерства народного просвещения, но и Министерства внутренних дел, поскольку по предложению Головнина готовилась передача цензуры в ведение последнего. Бурная полемика в печати по поводу педагогических нововведений, предлагавшихся в «Ясной Поляне», насторожила ведомство графа П. А. Валуева (находился во главе Министерства внутренних дел в 1861—1868 гг.), тем более что ходили слухи о том, что в Яснополянской школе учительствуют неблагонадежные студенты. В связи с этим 6—7 июля 1862 г. в поместье был произведен *обыск, безуспешно искали типографский станок и про-*

[1] РГИА. Ф. 773. Оп. 1. Д. 240. 1862 г. Л. 1.
[2] Там же. Л. 1 об.—2.
[3] Там же. Л. 1.

кламации. Когда же полицейский поход был предпринят против самого журнала Толстого, Головнин встал на его защиту. И помог ему именно Гиляров.

3 октября 1862 г. в своем официальном отношении, адресованном Головнину,[1] Валуев ставил в вину журналу, что тот «распространяет такие идеи, которые, независимо от их неправильности, по самому направлению своему, оказываются вредными» (л. 1). И далее разъяснял, что эти «направление и дух» издания Толстого «нередко низвергают самые основные правила религии и нравственности» (л. 1—1 об.). Отягчающим обстоятельством оказывалась художественность изложения. Валуев подчеркивал: «…издатель, обладая замечательным и, можно сказать, увлекательным литературным дарованием, не может быть заподозрен ни в злоумышленности, ни в недобросовестности своих убеждений. Зло заключается именно в ложности и, так сказать, эксцентричности этих убеждений, которые, будучи изложены с особенным красноречием, могут увлечь на этот путь неопытных педагогов и сообщить неправильное направление делу народного образования» (л. 1 об.).

Получив это отношение 9 октября, Головнин тут же встретился с Валуевым, о чем на следующий день на левом поле документа была сделана запись: «Его Пр<евосходительство> г. Упр<авляющий> М<инистерством> Н<ародного> Пр<освещения> изволил отозваться, что он переговорил уже с г. М<инист>ром Вн<утренних> Д<ел> и отдал распоряжение о рассмотрении “Ясной Поляны”. Настоящую бумагу приказал принять к сведению. 10 октября 1862» (л. 1). Головнин смог дать официальный ответ Валуеву только 24 октября. Он сообщал о «Ясной Поляне»: «…вышедшие до настоящего времени книжки этого издания, несмотря на то, что М<инистер>ство Нар<одного> Пр<освещения> своевременно следило за оными, снова, по моему распоряже-

[1] Отношение (за исходящим № 598 и входящим № 1540) сохранилось в деле Особенной канцелярии Министерства народного просвещения «По отношению Министра Внутренних Дел, о направлении журнала “Ясная Поляна”» (РГИА. Ф. 773. Оп. 1. Д. 283а. 1862 г. Л. 1—26 об.). Это дело было опубликовано В. С. Спиридоновым в составе его статьи «Л. Н. Толстой-педагог на суде цензуры и критики шестидесятых годов» (Ученые записки / Ленингр. гос. пед. ин-т им. М. Н. Покровского. Л., 1940. Т. IV: Фак. яз. и лит. Вып. 2. С. 93—119), однако с пропусками и рядом неверно прочитанных слов, поэтому далее оно цитируется в настоящем разделе по подлинникам с указанием прямо в тексте порядкового номера листа.

нию, были подвергнуты тщательному пересмотру, и я долгом считаю препроводить у сего к Вам, Мил<остивый> Гос<ударь>, копию с донесения мне по этому предмету. Из этого донесения Ваше Пр<евосходительст>во изволите усмотреть, что в направлении помянутого издания нет ничего вредного и противного религии, но встречаются крайности педагогических воззрений, которые подлежат критике в ученых педагогических журналах, а никак не запрещению со стороны цензуры» (л. 2—2 об.).

Обстоятельное донесение, составленное в промежуток между 10 и 24 октября, не было подписано и имело заголовок «Мнение о “Ясной Поляне”, педагогическом журнале, издаваемом графом Л. Н. Толстым». В. С. Спиридонов, опубликовавший его, замечает: «Автор “Мнения” нам неизвестен. <…> Автор был довольно объективен в оценке Толстого, но вместе с тем на протяжении всего “Мнения” он определенно стремился реабилитировать Толстого от обвинений, взведенных на него Министерством внутренних дел. <…> “Мнение” — одна из лучших статей об “Ясной Поляне”, написанных в 60-х годах».[1]

Кто же автор «Мнения»? Безусловно, Гиляров. Даже если бы в архивном деле находилась копия переписчика, а не автограф, отличающийся характерным почерком и присущим автору обыкновением писать довольно узкими столбцами, оставляя большие поля, — все равно и содержание «Мнения», и его специфичные синтаксические обороты, и лексические особенности, и особое внимание, уделенное религиозным аспектам статей Толстого, — все указывает на авторство Гилярова, к тому времени снискавшего известность и как неординарный литературный критик, и как богослов. Да и кто, кроме Гилярова, более полугода надзиравшего за журналом «Ясная Поляна», мог в короткий срок (не более чем за неделю, учитывая пересылку бумаг из Петербурга в Москву и обратно) дать всестороннюю пространную оценку этого издания? К нему и обратиться было очень просто, поскольку с 11 августа 1862 г. он в течение года состоял чиновником особых поручений V класса при Головнине; причем тот, не решив пока окончательно, чем бы занять Гилярова, 14 августа велел ему приступить к составлению

[1] *Спиридонов В. С.* Л. Н. Толстой на суде цензуры... С. 106.

истории Министерства народного просвещения по архивным документам.[1] Так что Гиляров имел досуг, чтоб написать обширную служебную записку.

Исходя из того, что автор «Мнения», «хорошо осведомленный в истории педагогики, устанавливает связь педагогических воззрений Толстого с воззрениями Монтеня, Локка и Руссо»[2] биограф Толстого Н. Н. Гусев приводит версию о том, что «автором был К. К. Сент-Илер, впоследствии директор Петербургского учительского института и член Отдела Ученого комитета по рассмотрению книг для народного чтения».[3] Однако 28-летний зоолог Сент-Илер состоял чиновником Министерства действительно «впоследствии», в 1877—1897 гг., а педагогическими проблемами увлекся только в 1863 г., когда и опубликовал свою первую статью по этой тематике. Вместе с тем В. С. Спиридонов справедливо отмечал: «Критики 60-х годов, рассматривавшие “Ясную Поляну”, указывали на связь Толстого с Руссо, но никто из них не ставил вопроса о связи его воззрений с воззрениями Монтеня и Локка. Это впервые сделал автор “Мнения”».[4] Таким ученым, глубоко осведомленным, между прочим и в истории педагогической мысли, в то время и был Гиляров, которого не случайно близкий ему по взглядам современник назвал «гением-энциклопедистом».[5]

Как раз в тот переломный для страны период начала 1860-х гг., когда на повестку дня встали вопросы о судьбах будущих поколений,[6] Толстой основал Яснополянскую школу и задумал свой журнал, а Гиляров, конечно независимо от него, предложил свой план реформирования всей системы начального образо-

---

[1] Сохранился план этого фундаментального исследования, к сожалению не осуществленного; он опубликован кн. Н. В. Шаховским: *Сб. соч*. Т. II. С. 141—147.

[2] *Гусев Н. Н*. Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1855 по 1869 год. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 562.

[3] Там же. С. 561.

[4] *Спиридонов В. С*. Л. Н. Толстой-педагог на суде цензуры… С. 106.

[5] *Рцы <Романов И. Ф.>*. Памяти Н. П. Гилярова-Платонова // *РД*. 1887. 7 нояб. № 15. С. 3.

[6] Гиляров так и писал в 1860 г., упоминая о подготавливавшихся реформах: «…теперь вопрос о народном обучении есть вопрос <…> о будущем целой России, вопрос более важный, чем все вопросы о финансах, судопроизводстве, полиции и вообще о государственных учреждениях. Ибо как ни плохи будут учреждения, но когда дух народа цел, государство останется непоколебимо; а когда последовало в народе нравственное разложение, тогда самые превосходные учреждения не удержат государство от гибели» (*Гиляров-Платонов Н. П.* О первоначальном народном обучении // *Сб. соч*. Т. II. С. 139).

вания в России. Замечательно, однако, это единодушное совпадение у них, почти сверстников (Толстой был моложе Гилярова на четыре года), внутренних душевных потребностей послужить обществу на одном из самых сложных поприщ, пожертвовав на время решением основных своих жизненных задач, лежащих в первом случае в художественно-эстетической сфере и во втором — в области философии и богословия.

Как говорилось выше, Гиляров стоял у истоков создания церковноприходской школы — того именно типа и значения, какие получила она уже в следующее царствование, при Александре III. Свои мысли на сей счет он во второй половине 1850-х гг. неоднократно высказывал в устных беседах и переписке с графиней А. Д. Блудовой, а та передавала императрице Марии Александровне. В конце декабря 1861 г. по просьбе последней, переданной через Блудову, Гиляров составил для Высочайшего семейства «Записку о первоначальном образовании народа», как он ее сначала называл, и через графиню отправил ее в Зимний дворец,[1] 3 января 1862 г. та ему сообщала: «Ваша записка об обучении народа была прочтена самому Государю, который ею очень доволен, разделяет Ваш образ мыслей и, как я достоверно узнала, твердо убежден, что в руках духовенства должно оставаться образование первоначальное».[2]

Митрополит Филарет (Дроздов), в свое время, в 1855 г., фактически изгнавший Гилярова из Московской духовной академии, где тот преподавал учение о расколе (слишком объективно, а не «обличительно»),[3] — ознакомившись с его рассуждениями об обновлении системы образования, всецело согласился с ними. 1 января 1862 г. Гиляров писал графине Блудовой о своей Записке: «Читал я ее, между прочим, Филарету, и он был так доволен, что принимался несколько

---

[1] Эта Записка приложена к письму Гилярова к Блудовой от 23 декабря 1861 г. (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 377. Л. 8—12 об.). Через неделю, 30 декабря, графиня отвечала: «Благодарю Вас искренно за записку о школах, которую читала с истинным душевным наслаждением» (цит. по: *Шаховской Н., кн.* Н. П. Гиляров-Платонов как инициатор церковноприходской школы // *РО*. 1896. Т. 37, февр. С. 572).

[2] Цит. по: Там же.

[3] См. подробнее: *Дмитриев А. П.* История одного увольнения: (Митрополит Филарет и Н. П. Гиляров-Платонов в 1855 году) // Филаретовский альманах. М.: Изд-во ПСТГУ, 2008. Вып. 4. С. 158—183.

раз благодарить и в заключение спросил: нельзя ли бы ее напечатать?»[1] Владыка передал ее для публикации в ближайшей книжке академического журнала (мартовской за 1862 г.), где она и увидела свет под названием «О первоначальном народном обучении».[2] Важностью Записки проникся и М. Н. Катков, тут же перепечатавший ее в приложении к «Русскому Вестнику».[3]

Существенно и то, что, подобно Толстому, открывшему школу у себя в имении, Гиляров сумел уже в 1860-х гг. частично воплотить свои идеи в жизнь. В своих мемуарах «Из пережитого» (1884—1887) он писал: «...я предложил одному протоиерею дать совет благотворителю, недоумевавшему, как употребить капитал, назначенный им на церковь: “Советуйте учредить церковноприходскую школу”. Совет принят, и я достиг, что сама Императрица присутствовала при открытии заведения».[4] Речь идет о протоиерее В. И. Романовском и купце первой гильдии Б. В. Глинском, отделавшем на свои средства церковь Параскевы Пятницы на Пятницкой улице (д. 23) и пожертвовавшем на богоугодные цели 16 тыс. рублей. Построенная им по инициативе Гилярова первая в Москве церковноприходская школа нового типа (Пятницкая), одноклассная, для детей обоего пола, была открыта 14 декабря 1862 г.;[5] в это время Толстой еще издавал свой журнал.

Так что критиковал Толстого специалист, заслуги которого в назревших преобразованиях системы образования получили признание и правительства, и церкви, и — отчасти — общества. Возвращаясь к «Мнению» Гилярова, уклонимся от его всестороннего анализа (в рукописи насчитывается 46 страниц, и подобный анализ должен в будущем стать предметом сосредоточенного историко-педагогического исследования) и отметим только наиболее важные моменты полемики Гилярова с идеями Толстого, отразившиеся в документе.

---

[1] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 377. Л. 14.

[2] *ПкИТСО*. 1862. Ч. 21. С. 165—180.

[3] Современная летопись «Русского Вестника». 1862. № 30 (Июль). С. 17—19.

[4] *Из пережитого*. Т. 2. С. 78.

[5] См.: *Романовский В., свящ.* Открытие церковноприходской Пятницкой школы в Москве, в присутствии Ея Императорского Величества Государыни императрицы Марии Александровны, 14 декабря 1862 года // *ДЧ*. 1863. Ч. I, февр. Отд.: Изв. и заметки. С. 27—33.

По своему обыкновению, сначала Гиляров как бы предоставляет слово автору, сочувственно излагая его воззрения относительно «а) метода образования, б) отношения учащихся к учащим и в) соответствия народных школ с характером и потребностями народа» (л. 4). Отвлекаясь от «исключительности и крайности некоторых взглядов» (л. 9), критик усматривает главное достоинство толстовской педагогики в ее демократизме и опоре на любовь как на идеал отношений, родственных семейственным. Он заключает: «Положить в основу народного воспитания природу детей вообще и природу русского простолюдина в особенности <...> освободить уроки от всякого принуждения и механизма; устроить из школы как бы семейство, где начальники заступают место добрых, попечительных отцов и матерей, — что может быть лучше этого, желательнее и плодотворнее?..» (л. 9—9 об.).

Гиляров к тому же, скрыто отсылая к неприязненному мнению из отношения Валуева о языке педагогических сочинений Толстого, подходит к вопросу с другой стороны и подчеркивает, что художественность стиля, напротив, является их существенным достоинством: по его словам, писатель «рассказам своим о самом, по-видимому, сухом и неблагодарном предмете, каково чтение или письмо, умеет сообщать жизнь, увлекательность и поэтический колорит» (л. 10).

Рассматривая педагогические суждения Толстого в контексте воззрений прежде всего М. Монтеня, Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо и И. И. Бецкого, а также И.-Г. Песталоцци, И.-Б. Базедова, Ж.-Ж. Жакото и Дж. Ланкастера, Гиляров находит и тут нечто положительное и достойное оправдания — он приходит к выводу, что пренебрежение, высказываемое Толстым к этим его предшественникам, говорит только о том, что писатель «дорожит своим предметом как русский и частию как славянофил» (л. 15), но на деле во многом повторяет сказанное до него. «Существенно новое» в педагогических взглядах Толстого, считает Гиляров, — это, во-первых, то, что у него «нет никакой предначертанной системы; следов<ательно>, здесь и рассуждать не о чем» (л. 12), кроме как похвалить графа за его *поиски* «системы народного русского образования» (л. 12 об.); во-вторых, «Толстой предоставляет учителю совершенно пассивную роль», «по требованиям “Ясной

Поляны", преподаватель в своих уроках покорно и даже рабски следует за учащимися…» (л. 12), и, наконец, «педагогические опыты и наблюдения» производятся «над русскою простонародною молодежью» (л. 13 об.), а не над отпрысками образованных классов, как обыкновенно делалось прежде. Главным образом в этом, кстати, Гиляров и усматривает свидетельство того, что Толстой как педагог близок к славянофилам. Развивая свою мысль, Гиляров пишет: «По славянофильским воззрениям, он думает, хотя и не высказывает прямо своей мысли, что славянам вообще, и русским славянам преимущественно, суждено заявить миру последнее, самое истинное слово во всех науках, в том числе и в педагогии. Этим объясняются невыгодные, даже презрительные отзывы "Ясной Поляны" о заграничной педагогической литературе и о заграничных народных школах» (л. 15).

Несмотря на возложенную на себя Гиляровым задачу написать апологию толстовской педагогики, он не уклоняется от указания ее «неудобств и недостатков».

Во-первых, он считает идеи Толстого утопическими, неприменимыми в условиях народной школы: «Так учить, как хочет учить "Ясная Поляна", можно только одного, двух, трех. Школа, которую она хочет устроить, может существовать только в семье, под надзором чадолюбивых родителей…» (л. 16 об.). Фактически, по мысли Гилярова, Толстой психологически отталкивается от методов жесткого воспитания своего гувернера француза П. А. Сен-Тома (St.-Jerome из «Отрочества») и создает нечто противоположное им, но пригодное для дворянской семьи. Гиляров подтверждает свой вывод остроумной ссылкой на «педагогический» роман Руссо, находившегося «в выгоднейшем положении: у него был один питомец — Эмиль, и тот воображаемый» (л. 17).

Второй ошибкой Толстого Гиляров называет неучет им психологии учебного процесса — его «усилия передавать науку шутя или с незаметною для учащихся работою» (л. 18 об.—19), тогда как «вся жизнь наша есть труд» (л. 18 об.). Более того: «Труд есть обязанность учащегося. Пусть в этой обязанности привыкает он находить и удовольствие и награду» (л. 19 об.). Гиляров утверждает:

«…непрочны для умственного развития и положительно вредны в нравственном отношении те приемы и способы, которыми мы хотим освободить детей от всякого труда и передать им знания легко, приятно и даже сладко» (л. 18 об.).

В-третьих, заблуждением Толстого Гиляров называет его подход к воспитанию эстетического вкуса, имея в виду довольно экстравагантные суждения писателя на сей счет из его статьи «Яснополянская школа за ноябрь и декабрь месяцы». Критик пишет: «Безусловно доверяясь детской натуре и почти вовсе не доверяя тому, что сделала до сих пор педагогия, он каждое требование ученика считает законным, каждое понятие его правильным, и его неразвитым вкусом определяет хорошее или дурное в области поэзии. <…> …ставит лирические стихотворения Пушкина и симфонию Бетховена ниже простонародных русских песен и напевов, на том основании, что эти напевы и песни доступны чувству крестьянского мальчика, а Пушкин и Бетховен нет, забывая, что для усвоения красоты истинно-художественных произведений необходимо пройти чрез низшие и высшие школы, что к пониманию и художественной и нравственной красоты восходят постепенно, путем долгих упражнений» (л. 19 об.—20).

Самое же существенное в своей критике Толстого (как для себя самого, так и в связи с запросом министра внутренних дел) Гиляров оставил напоследок. Не без горечи он пишет о том, что Толстому оказалась чуждой всесторонне обоснованная им идея доверить начальное образование народа приходским священникам: «В “Ясной Поляне” есть несколько неблагоприятных отзывов о духовных лицах <…>. Она — против поручения народных школ духовному ведомству» (л. 25 об.). И тут же Гиляров встает на защиту писателя, позволившего себе критику сельских причтов: «Но смешивать понятия журнала о духовенстве с его понятиями о религии и нравственности не только не благовидно, но и решительно несправедливо. Служитель веры и сама вера не одно и то же. Предмет, которому служат, непреложен и свят; а те, которые служат, могут, по общечеловеческой слабости, быть более или менее достойны, могут быть вполне достойны, равно как и вовсе недостойны. Великие святители церкви, проповедуя чистоту и непо-

колебимость христианства, весьма часто обличали грехи священства и монашества» (там же).

Гиляров выделяет еще два аспекта той же темы — об «отношении народного образования к религии» (л. 21 об.).

Приведя пространную цитату из статьи Толстого «О народном образовании» (в частности: «Но какое положение школы нашего времени, оставшейся на тех же догматических принципах, когда, рядом с классом заучивания истины о бессмертии души, ученику стараются дать уразуметь, что нервы, общие человеку и лягушке, суть то, что прежде называли душою; когда после истории Иисуса Навина, переданной ему без объяснений, он узнает, что солнце никогда не ходило вокруг земли…»), критик настаивает, что Толстой здесь использует художественный прием, аналогичный несобственно-прямой речи: «Разве автор говорит здесь от себя и о себе? Он говорит от лица духа времени и о духе этого времени. Он замечает только существующий и видимый многими, если не всеми, факт — ослабление веры в непогрешимость того или другого знания, упадок религиозного чувства. Не он, конечно, думает, что нервы и душа — одно и то же: это есть учение материализма» (л. 22 об.).

Кроме того, Гиляров находит в статье «Яснополянская школа за ноябрь и декабрь месяцы» такие рассуждения писателя, которые могут смутить «иных читателей»-пуристов, — взгляд Толстого на Библию как на художественное произведение: «Не как христианин только, но и как поэт, он приходит в восторг от поэтического достоинства Библии, говоря, что каждое слово в ней “справедливо как откровение и справедливо как художество”; что нет ни одного произведения, которое “соединяло бы в себе в столь сжатой поэтической форме все стороны человеческой мысли”» (л. 24). Гиляров вынужден пояснять таким, «фарисейски» настроенным, читателям «Ясной Поляны», что имел в виду издатель: «…слово “поэтический” прилагается гр. Толстым не к содержанию, а к форме Откровенного Писания <…> оно употреблено не как синоним “вымышленного”, “фанта-

стического”, а в смысле красоты выражения, передающего Откровение» (л. 24—24 об.).[1]

В окончательном своем выводе Гиляров категоричен: «Нет, не антирелигиозные тенденции видны в журнале гр. Толстого, а скорее совершенно противные, т. е. религиозные. Современный материалист и нигилист не сойдется с ним ни под каким видом. Он не сойдется с “Ясной Поляной” ни за ее благоговение перед книгами Св. Писания; ни за ее уважение к религиозному настроению народа, которое она вовсе не признает за невежество и суеверие; ни за ее мнения об историческом ходе народной судьбы, в котором нигилизм видит ряд ошибок и кривых путей и который поэтому считает бесполезным изучать; ни за ее стремление развивать фантазию дитяти и пробуждать в нем чувство изящного — пустое и ненужное в современной жизни, по словам нигилистов…» (л. 24 об.—25).

Гиляров, как отмечалось выше, завершил разбор книжек «Ясной Поляны» не позднее 20 октября 1862 г. И именно в октябре писатель принял окончательное решение о прекращении издания. Еще в десятых числах этого месяца Толстой писал свояченицам Татьяне и Елизавете Берс: «По правде сказать, журнальчик мой начинает тяготить меня, особенно необходимые условия его: студенты, корректуры et cet. А так и тянет теперь к свободной работе <…>»,[2] а 15 октября записал в Дневнике: «Журнал решил кончить, школы тоже — кажется».[3]

Толстой тогда заметно охладел к практической реализации своих педагогических идей, хотя в первой половине 1870-х гг., как известно, вернулся к преподаванию в Яснополянской школе, написал «Азбуку» (1871—1872), позднее «Новую азбуку» и «Русские книги для чтения» (1874—1875).

---

[1] В качестве авторитетных прецедентов такого разбора Библии с эстетической точки зрения Гиляров приводит раздел «Лирические песнопения религиозные» в «Чтениях о словесности» И. И. Давыдова (М., 1837. Курс 3. С. 56—73) и статью Е. В. Амфитеатрова «Общий характер св<ященной> поэзии евреев» (*ПкИТСО*. 1847. Ч. 5. С. 331—362), опубликованную, как особо подчеркнул Гиляров в своем «Мнении», «под надзором митрополита Филарета» (л. 24 об.).

[2] *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: [В 90 т.]. Т. 60. С. 451.

[3] Там же. Т. 48. С. 47.

Однако Толстой своим почином «разбудил» 29-летнего московского профессора, биолога и математика С. А. Рачинского, которому суждено было на практике сначала опробовать его педагогические идеи, а затем посвятить жизнь осуществлению того плана церковноприходского образования, что наметил в своей Записке 1861 года Гиляров. 22 мая 1862 г. Рачинский писал Толстому: «Во многих из Ваших положений, которые кажутся парадоксами в силу привычки к совсем иному, лежит неотразимая истина. Я, конечно, не могу говорить об этом предмете с авторитетом опыта, но у меня нет педагогических предрассудков, и я помню собственное детство и детство моих товарищей <…>».[1] Этот опыт появился у Рачинского через десятилетие, начиная с 1872 г., когда он вернулся в родовое село Татево Смоленской губернии и вскоре построил первую в России сельскую школу с общежитием. Начав как последователь идей Толстого, с которым к тому времени близко сошелся, и немецкого педагога-новатора К.-Ф. Стоя, Рачинский к началу 1880-х гг. выступил как главный идеолог начального образования под сенью церковных приходов; его всемерно поддержали К. П. Победоносцев и Александр III. В изданных же Рачинским «Заметках о сельских школах» (СПб., 1883) в качестве приложения, на с. 111—123, была републикована Записка Гилярова (статья «О первоначальном народном обучении»), правда, как и в 1862 г., без указания автора, анонимно.

Гиляров с полным правом утверждал в своих мемуарах: «...я проектировал церковноприходские школы по той программе, какая, несколько уже анахронически, усвоена теперь...», имея в виду Высочайше утвержденные 13 мая 1884 г. «Правила о церковноприходских школах». Как известно, если в то время их численность составляла 4,4 тысячи со 105 тысячами учеников, то уже через 10 лет возросла до 30 тысяч школ с 917 тысячами учеников. Современники видели в этом заслугу прежде всего Победоносцева и Рачинского, хотя те воплощали в жизнь проект, изложенный Гиляровым в его Записке.

В том же 1884 году Гиляров подвел черту под своим критическим осмыслением педагогии Толстого — довольно резкой по тону репликой.

---

[1] Письма Толстого и к Толстому: Юбил. сб. М.; Л.: Госиздат, 1928. С. 212.

Идею церковноприходского образования горячо поддержал М. Н. Катков. В своих «Московских Ведомостях» он поместил обширную корреспонденцию о сельской школе последователя Рачинского, педагога-энтузиаста Н. М. Горбова (1859—1921),[1] впоследствии автора учебных пособий по русской истории и искусствоведа. Гиляров тут же перепечатал эту публикацию у себя в газете,[2] а в передовой статье отметил, что Рачинский «по справедливости должен быть признан отцом истинной русской народной школы. По его стопам идет г. Горбов…» И тут же сопоставил их «высокое нравственное служение» с педагогической деятельностью Толстого в начале 1860-х гг.: по его словам, оно, это служение, «остается подвигом, именно подвигом, а не игрушкою, чем служило некогда то же занятие для одной из наших знаменитостей, Л. Н. Толстого».[3]

Уже через неделю Гиляров был вынужден извиняться. Дело в том, что обозреватели нескольких газет обвинили его в «глумлении» над почтенным писателем по поводу его педагогической деятельности. Особенно жестко и непримиримо полемизировал видный публицист и литературный критик Ю. Н. Говоруха-Отрок (в тот период ведущий сотрудник харьковской газеты «Южный Край»), заявлявший: «…злостная клевета, будто то дело, в которое Л. Толстой клал свою душу, было для него лишь “игрушкою” <…>».[4] Гиляров, оспаривая своих критиков, по этому поводу объяснялся: «В своем отзыве мы согласны смягчить разве одно слово “игрушка”, употребленное нами, впрочем, не в том смысле, в каком, по-видимому, приняли его наши возражатели. Л. Н. Толстой искренен и отдается с пылом всему, но переходчив. Нисколько он не думал играть детьми; напротив, скорее поклонялся им и служил. Но какую долю его деятельности и его души занимала Яснополянская школа сначала и какое после? Придумывайте название, но во всяком случае отношение его было другое, а не тот подвиг, на который об-

[1] *Горбов Н.* Из села Глухова. Апрель 1884 // *МВед*. 1884. 15 мая. № 133. С. 3.
[2] Письмо г. Горбова // *СИ*. 1884. 17 мая. № 132. С. 1—2.
[3] *<Гиляров-Платонов Н. П.>*. Москва, 16 мая: Дневное обозрение. С. 1.
[4] *Никто <Говоруха-Отрок Ю. Н.>*. Взгляд и нечто // Южный Край. 1884. 20 мая. № 1170. С. 2.

рек себя С. А. Рачинский, на что мы и хотели собственно указать».[1] Вместе с тем Гиляров настаивал, что применительно к 1862 году вполне справедливо говорить об «экзальтации» «скоропоспешливого мыслителя», и «если знаменитый писатель не остался при тогдашних увлечениях, жалеть об этом, повторим, нечего; напротив, нужно отдать честь Л. Н. Толстому».[2]

Далее Говоруха-Отрок упрекал Гилярова в непризнании «огромных заслуг» Толстого, хотя разговор о заслугах принципиально оставался за рамками краткой передовой статьи; тем не менее редактор «Современных Известий» обвинялся обидной гамлетовской фразой: «Презренных душ презрение к заслугам». По словам Говорухи-Отрока, в процессе педагогической деятельности «великий мастер» «именно лишь под непосредственным воздействием народной стихии мог воплотить свое огромное дарование в целом ряде колоссальных и глубоких созданий, которые несомненно послужат одним из краеугольных камней для создания русской культуры».[3] Помимо этой «стороны дела, самой главной и важной», критик указывал и на другие его аспекты: «Яснополянская школа графа Л. Толстого воспитала несколько поколений крестьянских детей — это во-первых; а во-вторых, несмотря ни на какие увлечения, столь свойственные людям даровитым да еще предпринимающим совершенно новое дело, все же эта школа является первою попыткою выработать тип своей, оригинальной школы. И попыткой, предпринятой в какое время? Среди самого разгара различных педагогических неистовств, во имя которых только разве ленивый не глумился тогда над Л. Толстым и его делом. В конце же концов гр. Толстой все же первый указал на необходимость учить крестьянских детей тому и так, чему и как хочет сам народ».[4]

И все же разгоревшийся между Гиляровым и Говорухой-Отроком спор был вызван во многом недоразумением, поскольку оба настаивали, что Толстой-педагог, образно говоря, «славянофильствовал». Критик «Южного Края», имев-

---

[1] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва 22 мая: Дневное обозрение. С. 2.
[2] Там же. С. 1, 2.
[3] *Никто* <*Говоруха-Отрок Ю. Н.*>. Взгляд и нечто. С. 2.
[4] Там же.

ший репутацию раскаявшегося нигилиста (в разгар «хождения в народ» он подвергся аресту и длительному одиночному заключению, впрочем не сопоставимому с его реальной виной), увидел в педагогических опытах Толстого признаки здорового умаления интеллигенции перед народной «правдой». Говоруха-Отрок поэтому оспаривал тезис Гилярова о том, что Толстой-педагог, проповедуя «культ детской свободы», «не считался с историею, а отсюда и с душою народа, взятого в его совокупности».[1] У писателя, по словам харьковского критика, является «черта робкой неуверенности», и «именно вследствие глубокого сознания, что народ имеет свой органически-выработанный тип, свое твердосложившееся миросозерцание, свое вековое просвещение, с которым необходимо считаться, которое необходимо понять и усвоить нам, людям, оторванным от почвы, от преданий, от народа».[2] Но при этом сам же Говоруха-Отрок, не замечая того, утверждал гиляровскую мысль о том, что педагогическая деятельность Толстого в конечном счете имела не самоценный, а подсобный характер: «…знаменитый автор “Войны и мира”, столь глубоко постигший самую глубокую сущность души русского человека, в качестве школьного учителя не столько учил, сколько учился сам <…>».[3]

В начале того же 1882 года начался четырехмесячный период тесного общения Гилярова и Толстого. Современник свидетельствовал: «Не меньше двух-трех раз в неделю заезжал он к нему. Визиты графа были довольно продолжительны»; первыми же словами Толстого были следующие: «Давно-таки мы с вами не виделись. <…> Я вас никогда не забывал, Никита Петрович».[4] В «Современных Известиях» увидело свет известное воззвание Толстого «*О переписи* в Москве», было условлено о публикации там же задуманной в то время повести «Смерть Ивана Ильича».[5] Но в апреле Гиляров одним из первых прочел толстовскую «Исповедь», по просьбе С. А. Юрьева и с ведома Толстого, однако, вместо

---

[1] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 16 мая: Дневное обозрение. С. 1.

[2] *Никто* <*Говоруха-Отрок Ю. Н.*>. Взгляд и нечто. С. 2.

[3] Там же.

[4] *Эфрон С.* Н. П. Гиляров и гр. Л. Н. Толстой // Русский Листок. 1902. 13 окт. № 281. С. 1.

[5] Там же.

того чтобы написать пояснительное предисловие, которое позволило бы беспроблемно опубликовать произведение, оценил его резко отрицательно.[1]

Наступившее охлаждение затем сменилось и прямо враждебным отношением Толстого к Гилярову. Писатель не сменил гнев на милость ни когда Гиляров осудил разбор К. Н. Леонтьевым рассказа «Чем люди живы» (за «фарисейские», псевдохристианские тенденции этой критики),[2] ни когда в конце 1884 г. дружески прислал в Ясную Поляну журнальные оттиски своих воспоминаний «Из пережитого»,[3] а потом, в начале 1885 г., прочитав статью Толстого «В чем счастье?», отправил ему оттиск ранней статьи «Личное и общественное» (1859), надеясь на диалог по вопросам политэкономии и социологии, ни когда в 1886 г. печатал в «Современных Известиях» статьи в защиту народных рассказов Толстого от огульного обличения их в духовной журналистике.[4] И уж совсем сократились шансы на примирение, когда Гиляров, взволнованный, как ему покажется, оскудением художественного дара Толстого, первым бросит в одной из своих заметок словцо «юродство»: «Автор “Войны и мира” способен к юродству и проявлял его и в деятельности своей и в сочинениях. В детских рассуждениях об

---

[1] По Москве ходило несколько списков гиляровского письма к С. А. Юрьеву, отличающихся многочисленными разночтениями, поскольку их изготовил сам Гиляров, подходивший к переписыванию своего письма творчески. Известно, что он послал копии Толстому в Ясную Поляну и своему московскому приятелю М. Н. Лопатину, отцу философа. Впервые напечатано А. М. Гальперсон под названием «Н. П. Гиляров к *** (Об “Исповеди” графа Л. Н. Толстого)»: *РА*. 1889. Кн. 3, вып. 11. С. 428—432. Вновь опубликовано князем Н. В. Шаховским по другому списку под названием «Письмо к С. А. Юрьеву об исповеди гр. Л. Н. Толстого»: *Сб. соч*. Т. II. С. 287—291.

[2] См. письмо Гилярова к Леонтьеву (по содержанию датируется августом 1882 г.), с обоснованием отказа перепечатывать в «Современных Известиях» статью, позднее озаглавленную автором «Страх Божий и любовь к человечеству». Впервые опубликовано А. М. Гальперсон под назв. «Письмо к ***: (О рассказе “Чем люди живы”)» (*РА*. 1889. Кн. III, вып. 11. С. 425—428).

[3] См. об этом: недатированное письмо Гилярова к Л. Толстому, начинающееся словами: «Я послал вам оттиски своих воспоминаний (“Из пережитого”), желая слышать ваш отзыв и прося о нем. Вы мне не отвечали. Не знаю, получили ли вы, прочли ли» (Материалы для биографии Н. П. Гилярова-Платонова // *РО*. 1896. Т. 42, дек. С. 1013). Толстой получил посланное, но прочел только начальные страницы: оттиски сохранились в его библиотеке. См. подробнее: *Дмитриев А. П.* Н. П. Гиляров-Платонов и его «автобиографические воспоминания» // *Из пережитого*. Т. 2. С. 295, 324—325, 335, 337.

[4] Републикованы нами в изд.: *Гиляров: ИМБР*. С. 639—648, 659—682, 703—706. Наиболее важная из этих статей написана самим Гиляровым и носит знаковое название «За что гонение?» (*СИ*. 1886. 10 февр. № 40. С. 1—2; републиковано нами: *Гиляров: ИМБР*. С. 659—668).

историческом фатализме, которыми, в нарушение художественного единства, прошпикована “Война и мир”, то же юродство, что в журнале “Ясная Поляна”, что в позднейших сочинениях, претендующих на философское и богословское мышление, и во всей теперешней деятельности».[1] Это словцо из ходовой московской газеты было сразу же подхвачено современниками и вплоть до Ульянова-Ленина неоднократно переосмыслялось ими.

Вместе с тем, в этот же период Гиляров встречался с Л. Толстым в обществе, даже в столь узком кругу, о каком читаем в письме философа Н. Я Грота к брату от 14 февраля 1887 г.: «В четверг вечером у меня были Л. Н. Толстой, А. А. Фет и Гиляров, и я им читал свой реферат о *свободе воли* для Психологического общества. Толстому он очень понравился».[2] И очевидно, что хозяин дома, пригласивший к себе Гилярова вместе с именитыми писателями, поостерегся бы это делать, если б, например, Толстой высказал недовольство перспективой оказаться в одной компании с Гиляровым.

Но все эти факты, как и ряд других — малоизвестных и вовсе пока еще не введенных в научный оборот, — требуют отдельного сосредоточенного исследования, которое, собственно, и явит во всех подробностях не лишенную драматизма историю взаимоотношений великого писателя с его выдающимся современником.

3.10. Н. П. Гиляров-Платонов об А. Н. Островском и русском театре как «пособнике христианской нравственности» (1867—1886)

Гиляров приходился свойственником знаменитому драматургу: его старший брат, священник Александр Гиляров, состоя диаконом Новодевичьего монастыря в Москве, 17 февраля 1829 г. женился на тетке будущего драматурга Татьяне Федоровне Островской. На свадьбе, как упоминается в письме отца братьев Гиляровых священника П. М. Никитского к сыну Александру от 31 октября

[1] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. [Рец.:] Первый винокур. Комедия Льва Толстого. Издание фирмы «Посредник» // *СИ*. 1886. 5 июля. № 182. С. 1.

[2] Цит. по: *Толстой Л. Н*. Полн. собр. соч.: [В 90 т.]. Т. 26. С. 752.

того же года, коломенцы познакомились с московской родней, в том числе с Николаем Федоровичем и Любовью Ивановной (ур. Саввиной), в будущем родителями драматурга.[1] В изложении Ф. А. Гилярова: «Дед благодарит моих родителей “за угощение и ласковый прием”, по-видимому на свадьбе моих родителей. “Сестры[2] также Вас благодарят за присланный гостинец; а Никита (ему тогда шел 6-й год) Татьяну Федоровну, как он говорит, любит очень, очень-преочень, да только не видал ее и не знает, какая она; братца же Сашу немного поменьше”».[3]

Как говорилось выше, обучаясь в Московской духовной семинарии, Гиляров в 1838—1842 гг. жил в доме своего брата Александра близ Новодевичьего монастыря на Малой Царицынской улице. Юный Островский приезжал в дом тетки; по семейному преданию, она любила театр и способствовала приобщению к нему племянника.[4] Академик Н. П. Кондаков, первым браком женатый на племяннице Гилярова Вере Александровне, в своих мемуарах создал колоритный портрет своей тещи: «…я лично ее обожал и, приходя, целовал много раз ей руки и щеки. Правда, все дети этой семьи также обожали мать, и я никогда не видывал столько любви в действительности, так как в то же время Татьяна Федоровна напоминала собою заботливую наседку и, неподвижно сидя при этом на диване — она страдала сердечной болезнью, — клохтала и кукарекала при появлении каждого члена семьи, наседая на него с укорами, попреками, заботами и хлопотами, а все они в то же время к ней лезли, как к маменьке».[5] Тестя Кондаков жаловал куда меньше, и это объяснимо: по его утверждению, о. Александр был

[1] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 740. Л. 41. Это письмо приведено в выдержках в рукописных мемуарах племянника Гилярова и сына о. Александра Федора Гилярова. Две первые главы этих воспоминаний опубликованы нами: *Гиляров Ф. А.* <Главы о коломенской старине из «Воспоминаний»> / Публ. А. П. Дмитриева // *Гиляров: ИМБР*. С. 199—226.

[2] Мария, Авдотья и Анна Петровны Никитские.

[3] *Гиляров Ф. А.* <Главы о коломенской старине из «Воспоминаний»>. С. 217.

[4] См.: *Лакшин В. Я.* Александр Николаевич Островский. 2-е изд., испр. и доп. М.: Искусство, 1982. С. 32.

[5] *Кондаков Н. П.* Воспоминания и думы. Prague, 1927. С. 44.

«полный алкоголик», обладавший, помимо «пристрастия к вину», еще и «непокорным нравом».[1]

Но личное знакомство с Островским тогда не состоялось из-за болезненной застенчивости Гилярова, о чем тот вспоминал в своих мемуарах «Из пережитого»: «Был и еще студент; раза два, три он даже приезжал в дом брата, близкий его родственник, родной ему племянник по жене. Но я сидел в своем углу при этих визитах; никто меня не вызывал, никто не представлял гостю, и гость едва ли ведал о моем существовании, хотя я сильно им интересовался. Я знал, что он кончил курс с отличием в гимназии; слышал, что он в гимназии читал Софокла. Но что он теперь? Девочка-племянница[2] сказала мне раз, что гость-студент привез, между прочим, ноты и сидит теперь, их читает. Это известие окончательно повергло меня в ничтожество: читает ноты как книгу! Этот гость-студент, племянник моей невестки, был А. Н. Островский, столь известный теперь драматург».[3]

С весны 1852 г. Гиляров, будучи бакалавром Московской духовной академии, как выше говорилось, сближается с кружком славянофилов, становится своим человеком в доме Аксаковых в Абрамцеве и после увольнения из Академии, в 1856—1860 гг., принимает ближайшее участие в издании журнала «Русская Беседа». На одном из редакционных вечеров он и познакомился с драматургом. В мемуарах Гиляров сообщал: «Для “Русской Беседы” в одну из начальных ее книжек назначалась пьеса Александра Николаевича, и автор должен был прочесть ее в кругу ближайших к редакции лиц, к которым и я принадлежал. Кроме Кошелева и Филиппова, тут были Хомяков и Константин Аксаков. Кто был еще и где это происходило? У Кошелева и Хомякова? Нет. У Елагиных, у Аксаковых? Не помню. Но это было в 1856 году, и событие запечатлелось во мне, может быть, именно по воспоминанию о студенте, читавшем про себя ноты в том доме, где другой юноша, ему незнаемый, так сильно им интересовался, между прочим, из желания знать поближе, какие такие бывают студенты, кончившие

[1] Там же. С. 44, 42.
[2] Вера Александровна Гилярова (1839—1913), дочь о. Александра.
[3] *Из пережитого*. Т. 1. С. 316.

курс с отличием в гимназии».[1] Речь идет о комедии «Доходное место», работа над которой была завершена 20 декабря 1856 г., а чтение состоялось предположительно в конце декабря.[2] Пьеса была опубликована в первой книжке «Русской Беседы» за 1857 г., вышедшей в марте.

Средний брат Гилярова, Сергей, также обучавшийся в Московской духовной семинарии (в 1824—1830 гг.), по родственной протекции за год до окончания курса поступил приходящим домашним учителем в дом Н. Ф. Островского на Малой Ордынке и в течение шести лет давал уроки чтения и письма племянникам своего брата: будущему драматургу (ему было всего 6 лет) и его сводному брату Михаилу (2 года); впоследствии о. Сергий стал священником Успенской церкви в с. Черкизово Коломенского уезда и благочинным. В мемуарах Гилярова брату дана колоритная характеристика (для него «обычаи светского и именно высшего общества были верховным кодексом <…>»;[3] «конец своей учебной жизни он проводил в приятном и приличном обществе; знаком был, между прочим, с артистами театров и с артистами-музыкантами. Он нравился женщинам, рассказывали о его похождениях с крылошанками в Новодевичьем монастыре <...>»[4]), но вряд ли правомерно отсюда заключать, будто Н. Ф. Островский «имел основание быть недовольным им как учителем и стал приискивать сыновьям другого наставника»:[5] Сергей, окончив в июне 1830 г. семинарию, пять лет жил у брата, однако в сентябре 1835 г. должен был ехать к месту новой службы и потому оставил своих воспитанников.

Воспоминания Гилярова содержат также ценные подробности о жизни родни драматурга в 1830—1840-е гг., в частности его деда монаха Феодорита (Островского), отца, дяди Геннадия Федоровича, обеих теток (Татьяны Гиляровой и Марии Груздевой) и их мужей. Дополнительный материал об этом представлен в мемуарах двоюродного брата драматурга, племянника Гилярова, фи-

---

[1] Там же. С. 317.

[2] См.: *Коган Л. Р.* Летопись жизни и творчества А. Н. Островского. <М.>: Госкультпросветиздат,, 1953. С. 80.

[3] *Из пережитого*. Т. 1. С. 103.

[4] Там же. С. 203.

[5] *Лакшин В. Я.* Александр Николаевич Островский. С. 20.

лолога, публициста и издателя Ф. А. Гилярова[1] (к слову сказать, не только он, но и его старший брат Петр активно сотрудничал в «Современных Известиях»).

Несмотря на известное сходство эстетических воззрений и наличие родственных связей, творческого сближения Гилярова с Островским не произошло. Не исключено, что тут сыграло свою роль неприятие личности Гилярова другом драматурга Ап. Григорьевым. (Последний при всем своем почтении к М. П. Погодину постоянно осуждал его за любовь к Гилярову и веру в него как в серьезную литературную силу, в частности, из-за выраженного в статье о С. Аксакове сомнения насчет нравственного достоинства пушкинского творчества. В сентябре 1860 г. Григорьев писал Погодину: «Для Гилярова, равно как для тушинцев и равно как для попов, и равно как для славянофилов, — вообще для всех теоретиков, Пушкин — скорее предмет ненависти, чем любви и почтения»,[2] а в ноябре того же года подтверждал свою позицию: «Не верю я ни в Вашего Гилярова, купно с его 5000 попами <…>. В попов как в деятелей я вообще мало верю — а в Гилярова верить Вы меня ничем не заставите (относительно нашего дела)».[3])

Однако, когда в конце 1867 г. Гиляров решил издавать ежедневную газету «Современные Известия», предполагалось, что драматург станет в ней курировать вопросы театральной жизни. 20 октября 1867 г. Гиляров спрашивал своего приятеля К. П. Победоносцева: «...позволите ли Вы назвать Ваше имя в объявлении, по поводу того, что у меня предполагается Юридическая хроника?»,[4] а в письме от 24 октября пояснял: «...я и полагал назвать троих, советами которых предполагаю пользоваться; каждым по своей части: *Далем* для народного быта, *Островским* для театра и Вами».[5] Ответные письма Победоносцева неизвестны. Однако по каким-то причинам это сотрудничество не состоялось.

---

[1] *Гиляров Ф. А.* Воспоминания // *РА*. 1904. Кн. I, вып. 1—4; Кн. II, вып. 5—6.

[2] *Григорьев Ап.* Письма / Изд. подгот. Р. Виттакер и Б. Ф. Егоров. М.: Наука, 1999. С. 234. (Лит. памятники).

[3] Там же. С. 241.

[4] *Разумевающие верой*. С. 62.

[5] Там же. С. 65.

В газете Гилярова, вопреки ее репутации в либеральном обществе как реакционного «органа попов»,[1] всегда уделялось большое внимание театру как важному средству воспитания общественной нравственности. Имея в виду, между прочим, творчество Островского, Гиляров писал: «Многими, и притом наилучшими своими произведениями, драматическое искусство является несомненным пособником высшей нравственности, и именно христианской».[2]

То и дело появлялось на страницах газеты и имя драматурга. В апреле 1880 г. была помещена заметка «Отказ А. Н. островского от должности» (председателя Общества русских драматических писателей», по болезни).[3] В дни Пушкинских торжеств была републикована его речь о поэте.[4] Регулярно сообщалось о новых пьесах Островского и постановках старых, например, только с октября 1880 г. по март 1881-го в «Современных Известиях» появилось шесть таких статей, по большей части неподписанных: «Новая комедия А. Н. Островского» («По гроб одолжил»),[5] «“Светит да не греет”. Драма в 5 действиях Островского и Соловьева»,[6] «Новая пьеса А. Н. Островского и Невежина» («Блажь»),[7] «Два слова о комедии Невежина и А. Н. Островского “Блажь”»[8] (автор двух последних — М. А. Дмитриев, под псевдонимом «Заурядный зритель»), «Исполнение комедии “Лес” труппой театра б. п. Пушкину»,[9] «Восстановленная пьеса» («Свои люди — сочтемся»).[10] В связи с аудиенцией, данной драматургу Александром III, и пожалованием ему пенсии Гиляров писал о необходимости государственных субсидий для деятелей культуры; в этих событиях он усматри-

---

[1] См.: *Рцы <Романов И. Ф.>*. Как я нашел Никиту Петровича // Русский Труд. 1898. 3 янв. № 1. С. 16—17.

[2] *СИ*. 1871. 30 авг. № 238. С. 1.

[3] Там же. 1880. 3 апр. № 92. С. 2.

[4] Там же. 1880. 12 июня. № 160. С. 2.

[5] Там же. 1880. 22 окт. № 292. С. 2.

[6] Там же. 1880. 12 нояб. № 313. С. 2—3.

[7] Там же. 1880. 22 окт. № 292. С. 2.

[8] Там же. 1880. 22 дек. № 354. С. 2.

[9] Там же. 1881. 22 янв. № 21. С. 2.

[10] Там же. 1881. 2 марта. № 60. С. 2.

вал отрадный знак, что «служение идее не осуждено у нас на полное сиротство» и что «труженики искусства» «не пасынки государства».[1]

В траурные июньские дни 1886 г. в газете Гилярова появляется большое количество корреспонденций, связанных с поминовением усопшего драматурга: сообщения о его последних днях, кончине, похоронах, панихидах по нему. В своей поминальной передовой статье в № 153 «Современных Известий» от 6 июня Гиляров стремится, по своему обыкновению, непредвзято, избегая каких-либо этикетных славословий, оценить жизненный путь выдающегося современника. Островский — для Гилярова это несомненно — «авторитет, который задавал тон драматической литературе», «достойный преемник Гоголя на драматическом поприще».[2] При этом критик подчеркивает его внутреннюю связь со славянофильством, восходящую к участию в «молодой редакции» «Москвитянина».

Однако отношение к творчеству Островского у Гилярова было весьма неоднозначным. Типологически он уподобляет драматурга Д. В. Григоровичу: «Толчок, данный Островским, можно сравнить с подобным же, произведенным повестью “Антон Горемыка”. Но Григорович был счастливее нашего драматурга: он если повел к преувеличениям, то в смысле идеализации крестьянина, тогда как изображатели купеческого и подьяческого быта остались на карикатуре».[3] То есть Островский как талантливый мастер «жанровых пьес» из замоскворецкого быта породил, по убеждению Гилярова, целую школу поденщиков-эпигонов, в сочинениях которых купеческий быт «с изуродованною речью и с грубостью нравов» чересчур утрирован и далек от действительности. Заслугой Островского Гиляров считает то, что он все-таки впоследствии преодолел эту жанровую узость и «стал пробовать силы на характерах и драматических положениях более общего значения и на пьесах исторического содержания»,[4] которые, однако, не были ему так «сродны», как ранние комедии. Другим достоинством Островского Гиляров счел тот факт, что под влиянием «сценического успеха», обычно пор-

[1] Там же. 1884. 13 марта. № 70. С. 2.
[2] *Сб. соч*. Т. II. С. 519.
[3] Там же. С. 520.
[4] Там же. С. 519.

тящего писателей, «драматург наш совсем не обратился в ремесленника» и сумел в полной мере выразить себя в искусстве: «Как автор, едва ли бы Александр Николаевич подарил нас еще чем-нибудь замечательным».[1] И, тем не менее, Гиляров заключает: «Но потеря, во всяком случае, очень велика: оркестр потерял капельмейстера. Сцена остается при посредственностях, которые, однако, чуть не лезут в Шекспиры, но не возвышаясь, разумеется, далее риторических деклама-ций и голой морали».[2]

Любопытно следующее наблюдение в одной из последующих передовиц «Современных Известий» (автор — не сам Гиляров, а один из его сотрудников, однако, судя по тексту, редактирование этой статьи со стороны издателя было творческим, на грани соавторства) — в № 166 от 19 июня 1886 г., — написанной по поводу предполагавшегося назначения Н. А. Чаева преемником Островского в должности начальника репертуара московских театров: «По странному совпадению случилось то, что ожидаемое возрождение театра и возвращение ему его истинного и прямого назначения как кафедральной школы нравов и трибуны, от чего он так было уклонился в сторону опереточности и скандалезности, досталось на долю костромичей. Островский был костромич-кинешемец; Потехин (управляющий репертуаром в Петербурге) — костромич-юрьевец; Чаев — костромич-нерехотец».

3.11. Н. П. Гиляров-Платонов и Н. С. Лесков: полемическое противостояние и моменты единомыслия в церковно-общественных вопросах (1869—1885)

Одна из недостаточно изученных тем лесковедения — взаимоотношения писателя с его современниками. И наиболее интересны тут, на наш взгляд, параллели с представителями церковных кругов, религиозно-общественными деятелями, литераторами славянофильского направления — именно к ним внутренне тяготел Лесков, особенно начиная со второй половины 1860-х гг., когда после

[1] Там же. С. 520.
[2] Там же.

выхода в свет романа «Некуда» он, как известно, оказался в положении изгоя в литературном мире.

Гиляров, выходец из провинциального духовенства, как уже говорилось, с 1848 г. преподавал в Московской духовной академии библейскую герменевтику и учение о вероисповеданиях, ересях и расколах, а с 1854 г. — русскую церковную археологию и историю раскола в России — богословские дисциплины, которые особенно живо интересовали Лескова. Впоследствии газета Гилярова имела в обществе стойкую репутацию «органа попов» — именно за то, что шла против позитивистского мейнстрима. Правда, сам издатель на склоне жизни в письме к ученику И. Ф. Романову-Рцы (от 23 ноября 1886 г.) писал об этом так: «И Вам говорили, и сами Вы думали, что это “орган попов”. Вы теперь видите, что я не орган попов; но газета не игнорирует ни Бога, ни Церкви, и этого достаточно».[1] Как видим, и в этом отношении точек соприкосновения Лескова с Гиляровым намечалось предостаточно.

Кроме того, в 1856—1862 гг. последний был цензором в Москве и, одновременно, активным участником славянофильских изданий: журнала «Русская Беседа» и газеты «День», а позже и газеты «Москва». Тесные дружеские и деловые отношения начиная с 1853 г. связывали его с И. Аксаковым,[2] который, как известно, состоял в переписке с Лесковым и в своей газете «Русь» опубликовал несколько его программных произведений.

Нам неизвестно, встречались ли Гиляров и Лесков. Вполне могли — например, в период до 1861 г. в какой-либо литературной гостиной Москвы; впоследствии Лесков обосновался в Петербурге, куда Гиляров наезжал редко, но и там не исключено было личное общение в публичных собраниях.

Одним их первых случаев, сведших их в печати, была газетная полемика о старообрядческих училищах, в которой Лесков не просто участвовал, но которую он несколько раз инициировал и возобновлял. В июле — августе 1863 г. Лесков по поручению «либерального» министра А. В. Головнина был команди-

[1] *Письма к Рцы*. С. 301.
[2] См. разделы 3.5, 3.6, 3.10.

рован от Министерства народного просвещения к псковским и рижским старообрядцам, чтобы обследовать устроенные ими — в нарушение существовавшего законодательства — тайные школы для детей, но не в видах будущих репрессий (как это могло быть в предыдущее, Николаевское, царствование), а для изучения на месте вопроса о возможности — с учетом этого рижского опыта — организации правительственных общеобразовательных школ для детей раскольников по всей России. В итоге была составлена служебная записка «О раскольниках г. Риги, преимущественно в отношении к школам» (СПб., 1863), а также написан ряд статей, из которых выделяются: заметка «Раскольничьи школы» (1863), цикл «Искание школ старообрядцами» (1869), очерки «С людьми древлего благочестия» (1863—1865), «Иродова работа» (1882) и «Народники и расколоведы на службе» (1883).

В упомянутом цикле из четырех статей об «искании школ», печатавшемся с января по май 1869 г. в «Биржевых Ведомостях», Лесков подводил читателя к сочувственному восприятию убеждения, к которому в тот период пришли старообрядцы: «…они видят, что настал час борьбы *за существование* и стремятся хотя бы насильно загнать свою “египетскую тьму” в училище <…>».[1] Ту же позицию занял и Гиляров. В передовой статье № 223 «Современных Известий» от 16 августа 1869 г., оценивавшей взгляды как противников, так и защитников этих училищ, он писал о ведущем стремлении их учредителей «быть просвещенным и оставаться старообрядцем», отмечая, что «для большинства старообрядцев, ценящих и веру и образование, видится это только чрез посредство особых старообрядческих школ».[2]

В тот же период Лесков нередко солидаризируется с Гиляровым, рассуждая о скопцах и при этом цитируя материалы «Современных Известий». Например, в свою передовую статью «Санкт-Петербург. 1-го февраля»[3] Лесков целиком включил корреспонденцию из Моршанска, подписанную криптонимом «Никак не-скопец», помещенную в № 28 «Современных Известий» от 30 января

[1] *Лесков Н. С.* Полн. собр. соч.: В 30 т. М.: Терра, 1999. Т. VI. С. 423.
[2] *Вопросы веры и церкви*. Т. I. С. 168.
[3] *Лесков Н. С.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. VI. С. 442—446.

1869 г., а в передовой «Санкт-Петербург. 15-го февраля»[1] поддержал Гилярова в той его мысли, что детям старообрядцев необходимо преподавать Закон Божий, чтобы они не дошли «до полного безверия или, по крайней мере, до индифферентизма», — в мысли, не раз им высказываемой и при этом подвергавшейся насмешкам других газет, авторы которых иронизировали в том духе, что «заботливость “Современных Известий” о религиозном образовании раскольников весьма почтенна, но едва ли не излишня».[2] Возвращаясь в передовице «Санкт-Петербург. 8-го марта» к нашумевшему «Моршанскому делу» о скопческой секте, Лесков решительно не соглашается с высказанным в газете «Голос» мнением о нежелательности предавать гласности некоторые подробности из истории скопчества (прежде всего о том, что скопцы выдавали своего главу Кондратия Селиванова за спасшегося Петра III). И снова обращается к газете Гилярова: «“Современные Известия” гораздо справедливее смотрят на это дело, когда говорят, что потемки, в каких держалась скопческая секта доселе, всего более способствовали ее успеху».[3] Лесков здесь имеет в виду слова из передовых статей Гилярова 1869 г. — в № 28 от 30 января: «…более всего нужна гласность. Только тогда можно быть уверенным, что распутаются все узлы <…>»;[4] в № 44 от 15 февраля: «…таинственность самой секты… Мрак впереди, мрак сзади, мрак кругом <…>».[5]

Спустя без малого три месяца уже Гиляров в № 60 от 3 мая, обращаясь к газетным откликам на «Моршанское дело», выделяет неподписанные статьи Лескова (не зная, конечно, об его авторстве) как самые дельные: «…на столбцах “Нового Времени”, “Биржевых Ведомостей” и отчасти “Голоса” являются от времени до времени сведения и общие рассуждения о скопческой секте; некоторые, и между прочим в “Биржевых Ведомостях”, обличают знающую руку».[6] А месяцем позже, в № 93 «Современных Известий» от 5 июня 1869 г., Гиляров с

---

[1] Там же. С. 463—468.
[2] Цит. по: Там же. С. 468.
[3] Там же. С. 492.
[4] *Вопросы веры и церкви*. Т. I. С. 100.
[5] Там же. С. 106.
[6] Там же. С. 108.

похвалой откликается на передовицу «Биржевых Ведомостей», автор которой ратует за обязательное преподавание Закона Божия в единоверческих школах и использование в них старопечатных книг: «Нельзя не сочувствовать мысли “Биржевых Ведомостей” <…>».[1] Не исключено, что эта передовица тоже принадлежала перу Лескова (по содержанию она соотносится с вышеупомянутой его статьей «Санкт-Петербург. 1-го февраля»), хотя в настоящее время ему не атрибутирована и не включена в издаваемое ныне Полное собрание его сочинений.

Все эти переклички, несомненно, свидетельствуют о единомыслии Лескова и Гилярова в их восприятии раскола — как национальной трагедии, с которой бессмысленно бороться репрессивными мерами, но можно совладать на путях терпеливого миссионерского просвещения, основанного на началах христианского гуманизма.

Когда в начале 1870 г. в Лондоне умер Герцен, Гиляров опубликовал в своей газете (№ 10 от 11 января 1870 г.) обширный некролог ему, где сетовал: «Нерадостная судьба! <…> Пожалеем о несомненном таланте, погибшем для России и вместо громадной пользы, которую способен был бы принести, доставившем вред, вред существенный, ощущаемый доселе»,[2] отмечая, однако, что он «своею судьбою доказал на деле всю благотворность свободной печати, всю опасность от ее принужденного молчания».[3] Лесков откликнулся на эти оценки в статье из цикла «Русские общественные заметки», посчитав, что в последнем случае слово «судьба» неуместно, ибо «она совсем не свидетельство о его “косвенной полезности”: она только поучение для тех “бесповоротных” увлечений, которым служил Герцен…»[4] В остальном в своих отзывах об умершем оба публициста были единодушны, особенно в изображении его душевной драмы, указании на внутренние противоречия, мучившие его в конце жизни («Воля его и ложный стыд шли бунтом против его чувств и рассудка…»[5]).

---

[1] Там же. С. 116.
[2] *Сб. соч.* Т. II. С. 448.
[3] Там же. С. 444.
[4] *Лесков Н. С*. Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 2007. Т. X. С. 208.
[5] Там же. С. 209.

На протяжении 1870-х гг. других таких встреч Лескова и Гилярова на газетных столбцах, видимо, не было, если не считать откликов рецензентов «Современных Известий» на новые произведения Лескова. Например, в № 51 от 28 февраля 1878 г. был опубликован подробный пересказ рассказа «Некрещеный поп», а в № 338 от 7 декабря 1880 г. — очерка «Неуловимый многоженец».

Молчание было прервано в 1881 г. передовицей Гилярова в № 308 от 7 ноября 1881 г., в которой он откликнулся на статью Лескова «Безбожные школы в России», под криптонимом Z напечатанную в «Новом Времени» (№ 2044 от 5 ноября).[1] При этом он, не называя имени писателя, прозрачно указывает на него: «По перу узнаем ее автора и принимаем к сердцу его упрек, нами, может быть, более других заслуженный, что не отозвались в свое время на книгу, разосланную от Министерства народного просвещения по всем редакциям, с изложением безотрадного положения, в которое поставлено множество народных школ по отношению к преподаванию в них Закона Божия».[2] Речь идет о составленном Лесковым по поручению своего начальства по Ученому комитету докладе «О преподавании Закона Божия в народной школе» (СПб., 1880), вышедшем ограниченным тиражом (80 экз.) и в продажу не поступавшем.

Приведя статистические данные, свидетельствовавшие о том, что Закон Божий не преподается священниками в 20 % школ, Лесков предлагал дозволить это обучение светским лицам. Гиляров увидел в этом предложении «превратную постановку дела», поскольку «начальное обучение народа, и притом не одному Закону Божию, а вообще, есть *обязанность* духовенства <…>».[3] Он так подытоживал сказанное Лесковым: «Причины, почему в требуемом числе не отыскивается законоучителей из священников, сводятся к следующим трем: 1) *они не могут*; 2) *они не хотят*; 3) *они не умеют. Они не могут*, где завалено их время или где училищ настолько больше числом, что законоучительского персонала не до-

---

[1] Статья републикована: *Майорова О. Е.* «…Жаль наших православных…»: (О затерянной статье Н. С. Лескова «Безбожные школы в России») // Путь: Междунар. филос. журнал. 1994. № 5. С. 183—193.

[2] *Вопросы веры и церкви.* Т. II. С. 297.

[3] Там же. С. 299.

стает. *Они не хотят*, когда торгуются, находят другие занятия или даже безделье более для себя приятным и выгодным. *Они не умеют* <...> обучить тому, чему способна обучить каждая благочестивая мать семейства, даже нянька, даже простая баба, сколько-нибудь развитая».[1] Таким образом, в этом случае Гиляров и Лесков парадоксально разошлись в своих практических рецептах исправления нетерпимой ситуации. Первый шел от идеала (истинный священник призван к законоучительству), однако настаивал на *принуждении* к этому несознательного духовенства, а второй стоял на почве реальности, но призывал к *добровольному* приходу в школы энтузиастов из мирян.

Ответил Лесков Гилярову спустя полтора года в статье «Вероисповедная реестровка», опубликованной в № 65 «Новостей и Биржевой Газеты» от 7 июня 1883 г.,[2] где снова поднял вопрос о священниках — «нежелателях» учить детей. Поводом к ее написанию послужила передовица в 148 «Современных Известий» от 1 июня 1883 г., в которой Гиляров приветствовал издание Высочайше утвержденного мнения Государственного совета от 3 мая 1883 г. «О даровании раскольникам некоторых прав гражданских и по отправлению духовных треб». В связи с послаблениями старообрядцам и освобождением православного духовенства от полицейских по существу функций надзора за ними Лесков вслед за Гиляровым отмечает нехватку пастырей для преподавания Закона Божия в сельских школах. Обеспечение этими учителями, на его взгляд, напрямую связано с нравственным состоянием и материальным достатком священства. При этом Лесков вводит тему свободы совести — как потребности в живой вере, которую из опасения гонений приходится сберегать ценой лицемерия. Правда, на сей раз иллюстрация этой темы у Лескова — такие секты протестантского типа, как редстокизм. Лесков, кроме того, предлагает упразднить «исповедные росписи», имеющие в виду исключительно фискальные задачи, далекие от душепопе-

[1] Там же. С. 300.

[2] Републиковано нами: *Лесков Н. С.* Иродова работа: Русские картины, наблюдения, опыты и заметки: Историко-публицистические очерки по Прибалтийскому вопросу, 1882—1885 / Вступ. ст., сост., подгот. текстов и коммент. А. П. Дмитриева. СПб.: Пушкинский Дом, 2010. С. 322—327, 490—500.

чительных, и ссылается при этом на практику других христианских конфессий («…совершенное уничтожение исповедных росписей, без коих благополучно обходятся церкви католическая и протестантская»[1]), чему всегда сочувствовал Гиляров, проводя эти идеи и в публицистике, и в книге «Из пережитого».

Вернувшись в этот период к разговору о положении старообрядцев Риги, начатому после поездки в этот город в 1863 г., Лесков в очерках «Иродова работа» (1882) и «Русские деятели в Остзейском крае» (1883) отталкивается от помещенных в № 41 «Современных Известий» от 11 февраля 1882 г. оценок губернатора князя А. А. Суворова. Лесков не уточняет, что заинтересовавшая его публикация являлась дословной перепечаткой передовой статьи из газеты «Рижский Вестник» (№ 28 от 5 февраля 1882 г.), автором которой, вероятно, был редактор этого издания Е. В. Чешихин. Она называлась «Генерал-губернаторство князя Суворова в Прибалтийском крае» и, в свою очередь, излагала содержание статьи, опубликованной в связи с кончиной князя в одной из рижских немецкоязычных газет.[2] Тем не менее, Лесков именно Гилярову приписывает нелицеприятную характеристику князя, прежде всего — «недоброжелательство Суворова русским людям, интересами которых он в Остзейском крае постоянно жертвовал в пользу немцев».[3]

В том же 1882 г. Лесков упоминает о Гилярове в статье «Вечерний звон и другие средства к искоренению разгула и бесстыдства (Справка для сведущих людей)», рассуждая об общественных язвах: «…язвы эти, по справедливому выражению г. Гилярова, у нас хотят лечить не правильными приемами медицинской науки, а только одними старинными лекарствами, имевшими место у знахарей… Это не действует и, как в старину же говорили, — только “загоняет болезнь внутрь”».[4] Здесь, как видим, внимание Лескова привлекло образное публицистическое слово Гилярова.

---

[1] Там же. 325.
[2] Zeitung für Stadt und Land. 1882. № 26—28.
[3] *Лесков Н. С*. Иродова работа. С. 89.
[4] *ИВ*. 1882. Т. 8, июнь. С. 602.

Наиболее продуктивно для русской культуры было, на наш взгляд, противостояние Лескова и Гилярова в области художественного изображения быта духовенства. Для нас несомненно, что одним из важнейших импульсов к созданию последним мемуарной книги «Из пережитого» (1884—1887) послужили «Мелочи архиерейской жизни» (1878—1880) Лескова. Однако этот вопрос требует тщательной проработки и выносится за рамки настоящего исследования.

Наконец, последнее из обнаруженных нами обращений Лескова к статьям Гилярова и другим материалам его газеты — неподписанная острополемическая заметка «Безобразная утка».[1] Лесков возвращается к теме, непосредственно касающейся рижских старообрядцев, и, не скрывая раздражения, пытается опровергнуть информацию сенсационного характера, помещенную в «Современных Известиях», — о московском Преображенском старообрядческом кладбище, центре беспоповцев-федосеевцев.[2]. В своем искреннем возмущении («…откуда автор статьи “Совр<еменных> Известий” почерпнул сведение об умерщвлении, или утоплении, беспоповцами младенцев? Без сомнения, он смешал их со скопцами…»[3]) Лесков, однако, противоречит своему принципу предпочитать реальную жизненную практику — теоретизированию о ней: он отказывается верить представленным в статье неоспоримым доказательствам и объявляет их «безобразной уткой».[4] При этом Лесков показывает знание биографии своего оппонента, в течение шести лет служившего в Московском цензурном комитете: «Нельзя не удивляться, как г. *Гиляров-Платонов,* бывший очень долго цензором и *считавшийся цензором самым взыскательным,* может допускать подобные дикие статьи в своей газете?»[5]

Таким образом, в общении двух писателей, происходившем главным образом по инициативе Лескова, случаи полемического противостояния объяснялись,

---

[1] Петербургская Газета. 1885. № 158. 12 июня. С. 1.

[2] *Д—ъ И. <Дьяконов И. В.>*. Греховодники: (Из жизни федосеевцев и филипповцев). XXVII. Недоумение федосеянки; *<Гиляров-Платонов Н. П.>*. Москва, 6 июня // СИ. 1885. № 139. 7 июня.

[3] *Лесков Н. С*. Иродова работа. С. 353.

[4] См. об этом подробнее в разделе 2.4.

[5] *Лесков Н. С*. Иродова работа. С. 353.

как правило, не различием принципиальных позиций, а психологическими мотивами или недоразумениями и уравновешивались моментами единодушия по важным церковно-общественным вопросам. Прежде всего объединяло их деятельное сочувствие гонимым властями старообрядцам.

3.12. Н. П. Гиляров-Платонов и И. С. Аксаков о Ф. М. Достоевском: расхождения, несогласия, совпадения (1880—1886)

В первые десятилетия после кончины Достоевского в печати происходила, как известно, его заметная идеализация, и совершалась она в ходе невиданной по размаху критической войны, разгоревшейся по поводу религиозно-философских сочинений Л. Толстого, когда два крупнейших писателя стали восприниматься как антиподы.

В этой связи несомненный интерес представляет восприятие позднего Достоевского И. Аксаковым и Гиляровым, религиозными мыслителями и консервативными журналистами, которые, подобно К. Н. Леонтьеву, негативно встретили философскую публицистику Л. Толстого, однако, вместе с тем, критически отнеслись и к богословствованию Достоевского.

Аксакову показался неприемлемым подмеченный им стилистический разнобой «Дневника писателя» (то, что он называл «тоном»), чреватый, как ему казалось, профанацией святыни. 23 августа 1880 г. он писал Достоевскому: «Мы с Вами стоим под знаменем Христа и хотим непостыдно, гласно исповедовать его имя. Но это имя — святыня; но оно налагает на исповедовающего его перед другими обязанность сообразоваться, приводить в некоторое соответствие с этой святыней — и свое собственное настроение и свое *слово* <...> есть что-то негармоничное между исповедованием, частым поминанием Христа и умышленно-оскорбительною для Вашего противника речью <...>».[1] Вместе с тем Аксаков имел высокие представления об учительстве Достоевского: «...Вы, мне кажется,

[1] Письма И. С. Аксакова к Ф. М. Достоевскому / Публ., вступ. ст. и коммент. И. Л. Волгина // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. М., 1972. Т. XXXI, вып. 4. С. 356.

призваны *популяризировать* в общественном сознании нравственную истину христианства, переводя ее из *храма* — на *улицу*, в жизнь, — следя и раскрывая ее в нашей ежедневности, во всех крупных и мелких случаях <...>».[1] Это доброжелательство Аксакова, на наш взгляд, объясняется тем, что его учителем в богословии, как и большинства славянофилов, а также и Достоевского, был Хомяков.[2] При этом представители духовно-академической науки, сторонники старых катехизических формул, в 1860—1870-е гг. отзывались о хомяковском богословии обыкновенно негативно, хотя признавали положительное значение за его стремлением религиозно просвещать общество. Так, профессор Московской духовной академии П. С. Казанский писал в 1868 г.: «Хомяков создал свое понятие о Церкви, и все раскольнические, даже еретические мысли свои, наивно себя обманывая, прикрывал голосом Церкви».[3] Указывал Казанский и на источники таких отклонений Хомякова от православной догматики: «Он изучал христианское учение по тем же западным книгам, и на нем отразилось влияние вместе и католичества, и протестантства. У первого он заимствовал преданность Церкви, а у второго — свободомыслие, неуважение к Церкви на деле. <...> Он невольно надышался атмосферою своих противников. Сделав этот винегрет из двух исповеданий Запада, бессознательно для себя самого он назвал его православием».[4] Как известно, сходным образом характеризовал богословские сочинения Хомякова и ректор Московской духовной академии протоиерей А. В. Горский.[5]

---

[1] Там же.

[2] См. в этой связи глубокие работы В. М. Лурье: 1) Догматические представления А. С. Хомякова: (Очерк становления и развития) // Славянофильство и современность: Сб. ст. СПб.: Наука, 1994. С. 158—176; 2) Догматика «религии любви»: Догматические представления позднего Достоевского // Христианство и русская литература. СПб.: Наука, 1996. Сб. 2. С. 290—309.

[3] Переписка профессора Московской духовной академии Петра Симоновича Казанского с Александрой Николаевной Бахметевой / Сообщил прот. А. Беляев // У Троицы в Академии, 1814—1914 гг.: Юбил. сб. ист. материалов. М., 1914. С. 545.

[4] Там же. С. 546.

[5] См.: *<Горский А. В., прот.* Замечания на богословские сочинения А. С. Хомякова> // Славянофильство: pro et contra: Творчество и деятельность славянофилов в оценке рус. мыслителей и исследователей: Антология. СПб.: Изд-во РХГА, 2006. С. 541—564.

Иначе относился к религиозным построениям Хомякова Гиляров. Но если взаимоотношения Достоевского с Аксаковым достаточно выяснены в науке,[1] то жизненные и творческие связи писателя с Гиляровым пока мало привлекали внимания исследователей; отрадное исключение — исследование В. А. Викторовича «Перепутья русского консерватизма (Ф. М. Достоевский и Н. П. Гиляров-Платонов)».[2] И это понятно: Гиляров упоминается лишь в одном письме Достоевского (к вдове поэта графине С. А. Толстой от 13 июня 1880 г.), и то по случайному поводу. В то же время Достоевский, несомненно, следил за материалами на церковно-общественные темы, находившими место в «Современных Известиях»: у него встречаются ссылки на газету Гилярова, причем чаще писатель не полемизирует, а соглашается с доводами московского публициста (анализ некоторых таких перекличек представлен в работе В. А. Викторовича).

Тем не менее А. С. Долинин, комментируя в свое время это письмо с упоминанием имени Гилярова, имел все основания предполагать: «Достоевский был, по всей вероятности, с ним лично знаком; он должен был встречать его у Ив. Аксакова, в газетах и журналах которого Гиляров был неизменным и всегда очень высоко ценившимся сотрудником. Нам неизвестно, что именно читал Достоевский из его писаний, но по целому ряду вопросов (отношение к чиновникам официальной церкви, к духовенству, к расколу) у них много общего; единомыслие, может быть, установилось у них благодаря личным беседам».[3]

На своих разногласиях с Хомяковым (а косвенно — и с Достоевским) по богословским вопросам сам Гиляров останавливается по просьбе своего ученика, молодого публициста И. Ф. Романова-Рцы, в письмах к нему (1886).[4] Важнее, однако, моменты удивительного сходства Достоевского и Гилярова в их религиозной публицистике.

---

[1] См.: *Белов С. В.* Энциклопедический словарь «Ф. М. Достоевский и его окружение». СПб.: «Алетейя»; РНБ, 2001. Т. I. С. 21—24 (библиогр.).

[2] *Гиляров: ИМБР*. С. 47—95.

[3] *Достоевский Ф. М.* Письма: В 4 т. / Под ред. и с примеч. А. С. Долинина. М.; Л.: Госиздат, 1959. Т. IV. С. 428.

[4] *Письма к Рцы*. С. 209—364. См. об этом в разделе 3.7.

Б. Ф. Егоров недавно установил, что некоторые суждения Достоевского в его Пушкинской речи во многом совпадают с положениями передовой статьи гиляровских «Современных Известий», посвященной открытию памятника поэту в Москве:[1] «Автор изложил здесь свои главные “пушкинистские” идеи, оказавшиеся удивительно созвучными, даже конгениальными идеям Достоевского, которыми тот насытит свою блистательную речь два дня спустя».[2] Гиляров оставил свои непосредственные впечатления от речи Достоевского в передовой статье от 9 июня (№ 157): «Никогда с такою глубиною не анализирован был наш великий поэт отчасти, а отчасти и идеалы русского народа. Это была молния, прорезавшая небо».[3] Главное значение Пушкинской речи Гиляров усматривал в вызванном ею «подъеме русского духа», примирившего представителей «разногласных, по-видимому, направлений» (прежде всего западников и славянофилов): «Это был праздник действительно совершившегося единства в сознании».[4]

Но, когда Гиляров прочел Пушкинскую речь в августовском выпуске «Дневника писателя»,[5] он несколько скорректировал свое мнение (в письме к И. Аксакову от 22 августа 1880 г.): «Речь Достоевского в печати оказалась далеко не тем, чем казалась в чтении. Как чтец, Достоевский действует магнетически (сила искренности и глубины убеждения). Вы можете быть несогласны со мною, но меня не привлекает *мессианизм* его. Это экзальтация, лишенная реальной основы, праздная и потому развращающая. Гадать можно о чем угодно, но решительно утверждать такое или другое историческое призвание народа можно только *после* пройденного им поприща. Мыслящий русский человек может взвешивать сравнительные условия, географические, исторические, этнографи-

---

[1] *СИ*. 1880. 6 июня. № 154. С. 2.

[2] *Егоров Б. Ф.* Православные мыслители о Пушкине // *Егоров Б. Ф.* От Хомякова до Лотмана. С. 154. Отметим, что целую систему таких совпадений в творчестве Достоевского и Гилярова выявляет В. А. Викторович в своем недавнем исследовании: *Викторович В. А.* Перепутья русского консерватизма: (Ф. М. Достоевский и Н. П. Гиляров-Платонов) // *Гиляров: ИМБР*. С. 47—95.

[3] *Сб. соч*. Т. II. С. 486.

[4] Там же. С. 486, 487.

[5] Любопытно, что речь Достоевского (впервые опубликованная в «Московских Ведомостях») была перепечатана в гиляровских «Современных Известиях» 14 июня (№ 162. С. 1—2), но тогда ее «магнетизм» был еще слишком силен и она не вызывала возражений.

ческие, социальные, под которыми мы поставлены, и отсюда предвидеть, что может быть впоследствии, но определять назначение русского человека так решительно, как делает Достоевский, это чересчур смело».[1]

Важно, что И. Аксаков, судя по всему, был вполне солидарен с Гиляровым. Он не считал идеи Пушкинской речи оригинальными и в письме к О. Ф. Миллеру от 17 августа 1880 г. утверждал, что они «не новы ни для кого из славянофилов. Глубже и шире поставлен этот вопрос у Хомякова и у брата Константина Сергеевича».[2] Самому же Достоевскому И. Аксаков писал через три дня, 20 августа, развивая образ из июньской гиляровской передовицы: «...речь сверкнула молнией, которая мгновенно пронзила туман голов и сердец и так же быстро, как молния, исчезла, *прожегши души немногих*».[3] Еще не зная мнения Гилярова о «мессианизме» и «праздной экзальтации», Аксаков также упрекает Достоевского в том, что, выступая как мыслитель, он остается художником: его пассажи религиозно-профетического содержания слишком многозначны: «Иногда у Вас в скобках, между прочим, скачок в такой отдаленный горизонт, с перспективою такой новой дали, что у иного читателя голова смущается и кружится, — и только скачок».[4] Особенно же ценен взвешенный вывод Аксакова (в том же письме к Миллеру) о том, что «ошибочно считать речь Достоевского за трактат, за какое-то догматическое изложение и подвергать в этом смысле критике».[5]

Но в одном существенном вопросе мнения Аксакова и Гилярова по поводу религиозной публицистики Достоевского разошлись. В письме к Миллеру Аксаков, делясь своими впечатлениями от посвященных поэту торжеств, оговаривался, что автор Пушкинской речи «отважился в упор публике, совсем не под лад ему и его направлению настроенной, высказать несколько мыслей, резко противоположных всему тому, чему она только рукоплескала <…>».[6] (Имелись в виду

---

[1] Материалы для биографии Н. П. Гилярова-Платонова. III. Письма к И. С. Аксакову // *РО*. 1896. Т. 42, дек. С. 1007. Исправлено по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 359. Л. 19.

[2] Литературное наследство. М., 1973. Т. 86. С. 515.

[3] Письма И. С. Аксакова к Ф. М. Достоевскому. С. 353.

[4] Там же. С. 354.

[5] Литературное наследство. Т. 86. С. 514—515.

[6] Там же. С. 515.

характеристики Пушкина в речах либеральных литераторов и общественных деятелей.) Через 6 лет, 13 ноября 1886 г., Гиляров, сравнивая себя как публициста с Достоевским, заметит в письме к Романову-Рцы: «Приходило и мне не раз в голову издавать “Дневник” вроде Достоевского: но что возможно было Достоевскому и даже Аверкиеву,[1] то недостижимо для меня. Вы уверяете, что я в накладе не остался бы; но я опытом убежден в противном».[2] В следующем письме (от 15 ноября) Гиляров пояснит свою мысль: «Вы меня сочли чистым славянофилом, тогда как с ними со всеми я спорил горячо. Что же Вы мне ставите в пример Достоевского? Тот был плоть от плоти общества. Я знаю, меня читают, потому что я не обделен художественным даром и умею излагать ясно. Но целые пучины недоразумений неотступно преследуют меня, потому что я одинок, самородок, если хотите».[3]

Характерный пример. Уже спустя пять лет после кончины Достоевского, 3 ноября 1886 г., Гиляров в письме к Романову-Рцы возвращался к известному тезису писателя «Константинополь должен быть наш» (между прочим, и по поводу философско-политической концепции К. Леонтьева): «Скажу еще, что собственно Константинополя Россия, по моему мнению, не только не должна добиваться, но обладание им принесет нам если не кончину и разложение, то величайшее бедствие и крайнее изнурение. <...> С нравственной стороны стремление к Константинополю есть чувство лакея, мечтающего поспать на постеле барина. “Москва есть третий Рим”: слышите в этом изречении наших предков и гордость, и лакейство вместе? Тщеславиться преемством чему? Риму и Византии! Фу! Народ, так рассуждающий (представители этого направления — старообрядцы), отказывается от собственной личности в истории, отрицает существование собственных задач».[4] Как видим, возвышенные представления о предназначении России и русского народа, свойственные как Гилярову, так и

---

[1] Драматург, прозаик, театральный критик и публицист Дмитрий Васильевич Аверкиев (1836—1905) ежемесячно в Петербурге издавал свой «моножурнал» «Дневник писателя» (1885—1886).

[2] *Письма к Рцы*. С. 281.

[3] Там же. С. 287.

[4] Там же. С. 262.

Достоевскому, могли находить диаметрально противоположную тактическую реализацию в их историософии. «Плоть от плоти общества» в устах Гилярова и означало, что Достоевский в своей публицистике 1870-х — начала 1880-х гг. выражал глубинные нравственно-религиозные подвижки в общественном сознании, не удовлетворявшемся более идеями социального радикализма, причем озвучивал их языком и в манере, доступными широкому кругу его читателей и «магнетически» на них действовавшими; выстраданное им слово было в тот период особенно востребовано.

Кстати, во многом сходную оценку дал Достоевскому в связи с его кончиной их общий «ближний приятель»[1] К. П. Победоносцев — в письме к И. Аксакову от 30 января 1881 г.: «*Тяжко*, пишешь ты, еще не знав о кончине Ф. М. Достоевского. А вот, у его гроба и вдвое тяжко. Я близко знал этого человека. <…> В нынешнюю пору как раз он пришелся ко времени. И теперь незаменим, ибо *стоял сам по себе*».[2] Однако, как видим, Победоносцев словно в чем-то и поправляет будущее мнение Гилярова, настаивая на признании писателя вполне независимым нравственным авторитетом.

Впрочем, и нелицеприятная гиляровская оценка нисколько не умаляла заслуг Достоевского, хотя и указывала на мировоззренческую высоту, до которой, по мнению редактора «Современных Известий», русское общество с его «писателем-пророком» еще не доросло. К Достоевскому, тем не менее, Гиляров относился с пиететом, что рельефно отразилось в поминальной статье, написанной в день погребения писателя, причем эта передовица вообще уникальна для Гилярова — обыкновенно он давал своим выдающимся современникам в связи с их кончиной весьма нелицеприятные характеристики, никак не укладывавшиеся в традиционные жанровые рамки некролога: он считал делом принципа дать сразу

[1] 2 февраля 1881 г. Победоносцев писал своему брату Александру: «Кончина Достоевского очень огорчила меня: это был мой ближний приятель. Он нередко ходил ко мне, для чего у меня был отведен ему тихий час в субботу после всенощной, и мы засиживались за полночь в уединенной беседе» **(**Из писем Победоносцева / <Сообщ. П. П. Николаев> // Русская Мысль. 1911. Кн. V. С. 138, 137 (паг. 2-я)**)**. Приводим пространную выдержку в связи с тем, что этот эпистолярный комплекс остался вне поля зрения составителей «Летописи жизни и творчества Ф. М. Достоевского».

[2] ИРЛИ. Сигн. 22 583. Л. 14 об.—15.

максимально точную градацию реальных заслуг и недостатков покойного и отказывался от его двоедушного превознесения. Здесь же он подчеркивал: «Не все разделяли его образ мыслей, но никто не мог отказать в почтении тому, *что мысли эти выстраданы, куплены ценою не одного отвлеченного, праздного кабинетного умствования, но ценою незаслуженной каторги,* каторги во всем ее буквальном смысле, *ценою Мертвого Дома.* И к этому художественный талант с глубиною и проницательностью психического анализа, от которого каждому читателю его творений становилось подчас страшно! Не просто художественная, но *нравственная сила* <...>».[1]

Уклоняясь от разговора о конкретных достижениях Достоевского в области богословского знания, Гиляров ставит его в один ряд с Пушкиным, Гоголем, К. Аксаковым, Хомяковым, И. Киреевским, имея в виду сходство их творческого развития, в одиночку преодолевающего общественную косность и потому содержащего «*пропасть трагического*»: «*...они искали внутреннего нравственного и даже прямо религиозного идеала, его признавали право на господство и к нему взывали*».[2]

Любопытно, что Гиляров, тяготевший к прозе С. Аксакова («Семейная хроника») и молодого Л. Толстого (автобиографическая трилогия) и к их стилю, так сказать, естественного дыхания, вероятнее всего, внутренне не принимал эстетику Достоевского и его, как однажды выразился Победоносцев, «тяжелые, болезненные книги», к примеру, одна из которых — «Преступление и наказание» — «во многих местах производит слишком сильное впечатление и действует на нервы».[3] Тем не менее, проницательно определив истинный масштаб Достоевского и его роль в русской культуре, Гиляров опубликовал в своей газете, не считая перепечаток из других изданий, 15 посвященных покойному писателю оригинальных статей, мемуарных заметок, писем в редакцию из провинции

[1] *Сб. соч*. Т. II. С. 493.
[2] Там же. С. 495.
[3] Из писем Победоносцева. С. 138, 137. Цитируются письма к брату А. П. Победоносцеву от 23 декабря 1886 г. и 21 января 1879 г.

(в том числе очерк библиографа А. В. Смирнова[1] и четыре корреспонденции из Петербурга журналиста Ф. Ф. Серно-Соловьевича[2]).

Отдельно скажем об одной публикации в «Современных Известиях», ставшей существенным контраргументом в спорах о якобы «розовом православии» Достоевского. В 1880-е гг. возмущение церковных публицистов вызвала та часть брошюры К. Н. Леонтьева «Наши новые христиане» (М., 1882),[3] в которой язвительной критике с точки зрения православной аскетики подверглась Пушкинская речь Достоевского. Предвзятость леонтьевских аргументов, по мнению законоучителя Катковского лицея священника И. И. Соловьева, становится явной, стоит лишь вспомнить Катехизис: Достоевский прав, считая залогом спасения и счастья любовь, а не страх Божий (плод любви).[4] С. А. Пономарев более обстоятельно выясняет смысл «всепрощающей любви», ключевого понятия в воззрениях Достоевского, показывая (главным образом на материале «Братьев Карамазовых»), что она никоим образом не сводится к гуманности, лежащей в основе утилитарного прогресса. Мировоззрение писателя, убежден Пономарев, «вполне и строго православно»: «Называть его сентиментальным или розовым православием неуместно и несправедливо».[5]

В связи с этой полемикой, то и дело оживляющейся и по сей день, в особенности же с утверждениями К. Леонтьева в его поздних работах и

---

[1] *Сми—в А.* <*Смирнов А. В.*>. Ф. М. Достоевский: (Биогр. сведения) // *СИ*. 1881. 12 февр. № 42. С. 1—2.

[2] *С—ч Ф.* <*Серно-Соловьевич Ф. Ф.*>: 1) На панихиде по Ф. М. Достоевском // Там же. 1 февр. № 31. С. 2; 2) Перенесение тела Ф. М. Достоевского // Там же. 2 февр. № 32. С. 2; 3) Проводы тела Ф. М. Достоевского // Там же. 3 февр. № 33. С. 2; 4) Погребение Ф. М. Достоевского // Там же. 4 февр. № 34. С. 2.

[3] Литературу о полемике К. Леонтьева с Достоевским см.: *Дмитриев А. П., Дмитриева Л. В.* Христианство и новая русская литература XVIII—XX веков: Библиогр. указ., 1800—2000 / Под ред. В. А. Котельникова. СПб.: Наука, 2002 (по Алфавиту имен).

[4] *ЧОЛДП*. 1883. Кн. III/IV, ч. II. Отд. II. С. 163—177. Рецензия подписана криптонимом «У—в» и потому приписывалась Н. А. Уманову; авторство священника Иоанна Ильича Соловьева установлено по публикации: *Леонтьев К. Н.* Тетради с наклейками / Сост. и подгот. текста (в соавт. с Е. В. Ивановой), коммент. А. П. Дмитриева // В. В. Розанов и К. Н. Леонтьев Материалы неизданной книги «Литературные изгнанники». Переписка. Неопубликованные тексты. Статьи о К. Н. Леонтьеве. Комментарии / РАН. ИМЛИ. СПб.: Росток, 2014. С. 478.

[5] *Пономарев С.* Любовь как начало единения: (По поводу брошюры о Ф. М. Достоевском) // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. 1884. Кн. I, ч. I. Отд. I. С. 101.

в переписке с В. Розановым о том, что насельники Оптиной критически отнеслись к картине монастырской жизни в «Братьях Карамазовых»,[1] и важен уникальный документ, увидевший свет в газете Гилярова 9 февраля 1881 г. Это письмо из Оптиной пустыни,[2] напечатанное как корреспонденция с редакционным, по всей видимости, названием:[3]

«Из Козельска, Калужской губ.

5 февраля

Памяти Ф. М. Достоевского

Какое светлое впечатление оставил Ф. М. Достоевский в бытность свою в Оптиной пустыне, Козельского уезда! Это было три года тому назад, когда он приехал с В. С. Соловьевым, доктором философии, сыном известного историка, погостить в нашу обитель. Прожили дня четыре.[4] Федор Михайлович познакомился между прочим с уважаемым известным многим старцем о. Амвросием и некоторыми монахами. О. Амвросий — это одно из действующих лиц в «Братьях Карамазовых». Достоевский описал его так верно и правдиво, что многие, знающие Амвросия, узнавали его в образе художника.[5]

---

[1] См. об этом, с приведением убедительных контраргументов: *Котельников В.* Православные подвижники и русская литература: На пути к Оптиной. М., 2002. С. 281—282.

[2] Впервые републиковано нами в составе статьи: *Дмитриев А. П.* «Муж Креста Христова» или «плоть от плоти общества»?: (Духовные писатели и религиозные мыслители 1880-х — начала 1890-х гг. о Достоевском) // Достоевский и мировая культура: Альм. / О-во Достоевского. Моск. отд-ние; Гл. ред. К. А. Степанян. М., 2009. № 25. С. 445—470.

[3] Перед началом текста — по обычаю, заведенному в редакции, — поставлен символ якоря, означавший, что за этот материал ответственен один из сотрудников редакции (предполагаем, что Ф. П. Преображенский), возможно подвергший его некоторой стилистической обработке.

[4] Ошибка памяти: Достоевский и Вл. Соловьев пребывали в Оптиной три дня — с 25 по 27 июня 1878 г. (см.: Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского. СПб.: Акад. проект, 1995. Т. III. С. 278).

[5] Ср. в письме К. Леонтьева к Розанову от 8 мая 1891 г.: «В Оптиной “Братьев Карамазовых” *правильным правосл<авным> произведением не признают, и старец Зосима ничуть ни учением, ни характером* на *отца Амвросия не похож.* Достоевский описал только его наружность, но *говорить* его заставил совершенно *не то,* что он говорит, и не в *том стиле,* в каком Амвросий выражается» (*Розанов В. В.* Литературные изгнанники: Н. Н. Страхов. К. Н. Леонтьев. М.: Республика, 2001. С. 337. (Собр. соч.; <Т. 13>)).

Когда дошла до нас весть о кончине Федора Михайловича, мы истинно пожалели писателя-психолога, симпатичного человека и истинного христианина. Монастырское начальство, узнав о смерти Достоевского, распорядилось поминать его на литургии, и мы в обедню на Сретение услышали ектенью протодиакона, молившегося о рабе Божием Феодоре, и многие, знавшие, кого поминают, и хотя несколько слышавшие о нем, усердно молились. Горько, горько мне стало за обедневшую семью наших писателей, лишившуюся таких столбов русской литературы, как Писемский[1] и Достоевский. С каждым годом все уменьшается эта семья».[2]

Как видим, эта корреспонденция, составленная от имени всей братии Оптиной пустыни и, вероятно, с благословения настоятеля обители, содержит уникальное свидетельство о том, как в знаменитой обители восприняли кончину Достоевского, и дает основание заподозрить в определенной пристрастности К. Леонтьева, а также исследователей, развивавших и пропагандировавших его суждения на сей счет, прежде всего Н. А. Бердяева, протоиерея В. В. Зеньковского, Л. А. Зандера, К. В. Мочульского, И. М. Концевича, В. М. Лурье. Впрочем, как и в церковных проповедях, Достоевский здесь не объявляется ни богословом, ни православным учителем, а только «писателем-психологом, симпатичным человеком и истинным христианином»…

Позиция Гилярова, убеждения которого основаны на прочном фундаменте традиционного богословского образования, кажется нам особенно плодотворной на фоне высказываний духовных писателей и церковных публицистов о Достоевском в первое десятилетие по его кончине:[3] Гиляров, как никто другой из них, сумел деликатно оценить реальный вклад почившего в духовную жизнь

[1] А. Ф. Писемский скончался за неделю до Достоевского, 21 января 1881 г.

[2] *СИ*. 1881. 9 февр. № 39. С. 3.

[3] См. их обзор: *Дмитриев А. П.* «Муж Креста Христова» или «плоть от плоти общества»?: (Духовные писатели и религиозные мыслители 1880-х — начала 1890-х гг. о Достоевском). С. 445—470.

России, не превращая того в некоего «отца Церкви» или «мирского святого», но и не умаляя значения его религиозного вдохновения.

3.13. Н. П. Гиляров-Платонов и И. Ф. Романов-Рцы: история переписки с учеником и ее публикации (1884—1904)

В 1897 г. ученик и биограф Гилярова князь Н. В. Шаховской приступил к подготовке двухтомника основных произведений мыслителя, издание которого решил профинансировать обер-прокурор Св. Синода К. П. Победоносцев и который вышел в свет в Москве в 1899—1900 гг. под названием «Сборник сочинений».[1]

За десятилетие, минувшее со дня кончины Гилярова, благодаря усилиям его почитателей и единомышленников, прежде всего близкого друга и бывшей заместительницы по редакции А. М. Гальперсон, а также молодых публицистов князя Н. В. Шаховского, И. Ф. Романова и С. Ф. Шарапова, были опубликованы самые важные из оригинальных трудов покойного, сохранившихся в его архиве, и значительная часть его эпистолярия — в виде отдельных подборок писем или обильного их цитирования в статьях, посвященных Гилярову[2]. Однако наиболее ценный, по общему мнению, эпистолярный комплекс — переписка Гилярова с публицистом славянофильского направления Иваном Федоровичем Романовым-Рцы[3] (1861—1913) — оставался все еще неопубликованным (не считая больших фрагментов трех из 16-ти писем, напечатанных с небольшими изменениями текста А. М. Гальперсон в 1890 г.[4]).

---

[1] О взаимоотношениях Победоносцева и Гилярова см. раздел 2.8. О переписке князя Н. В. Шаховского и К. П. Победоносцева см. подробнее в *Приложении 3*.

[2] См. об этом подробно в материалах *Приложений 2 и 3*.

[3] Хотя этот писатель вошел в историю культуры под своим псевдонимом *Рцы*, однако в тот период, к которому относится его переписка с Гиляровым, он делал только первые шаги в литературе и в гиляровском кругу его называли только настоящим именем. Потому в дальнейшем в настоящем разделе при его упоминании, как правило, указывается его подлинная фамилия *Романов*.

[4] Из бумаг Н. П. Гилярова-Платонова: Письма к одному из его читателей // *РА*. 1890. Кн. I, вып. 2. С. 316—324.

В подготавливаемое князем Шаховским издание гиляровских сочинений не предполагалось включать архивные материалы, однако он, тем не менее, 12 ноября 1897 г. послал Победоносцеву для ознакомления список гиляровских писем к Романову, делая легкий акцент на их значении как бы предсмертного «духовного завещания» мыслителя: «Глубокоуважаемый Константин Петрович, не пожелаете ли прочитать замечательные письма Гилярова к И. Ф. Романову, писанные им незадолго до смерти?»[1] Уже через неделю, 17 ноября, Победоносцев отвечал: «Премного благодарен вам за сообщение крайне интересных писем Гилярова. Много тут разбросано искрами глубокой мысли, которую никогда не удавалось Гилярову соединить в одно целое вместилище... Но потому-то именно это — чтение *для немногих*.[2] Для многих будет отчасти непонятно, отчасти соблазнительно». И далее находит формальную причину, чтоб не предавать гласности гиляровские письма: «Итак, не вижу возможности включить это или часть этого в наше издание, тем более что в него войдут лишь напечатанные уже статьи».[3] Завершается письмо Победоносцева вопросом: «Кто этот Романов? Я не слыхал об нем».[4]

Сказано это о литераторе, сочинения которого отмечены запоминающейся индивидуальной манерой слововыражения, который к тому же уже около 15 лет активно сотрудничал со столичными периодическими изданиями консервативно-охранительного направления («Русь», «Русское Дело», «Современные Известия», «Благовест», «Русский Труд», «Гражданин» и др.). И. С. Аксаков 15 июня 1884 г. писал ему, 23-летнему юноше, лестные слова: «Хотя Вы и ученик Хомякова, Константина Сергеевича,[5] Самарина и др., но Вы самостоятельно восприняли основы их мировоззрения и Ваши заметки блещут оригинальностью, свидетельствуют о силе и глубокой искренности Ваших убеждений».[6]

---

[1] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 75. Л. 27.

[2] С такой отметкой — «Для немногих» — сам Победоносцем опубликовал, например, «Отрывки из школьного дневника. 1842—1845 гг.» (СПб., 1885).

[3] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 148. Л. 7.

[4] Там же. Л. 8.

[5] Аксакова, старшего брата Ивана Сергеевича.

[6] Письмо И. С. Аксакова к И. Ф. Романову // *РД*. 1886. 5 июня. № 6. С. 13.

Впрочем, как и Гиляров, почти до конца жизни подписывавший свои статьи либо инициалами, либо криптонимами, Романов-Рцы практически не был известен русскому читателю под своей настоящей фамилией.[1]

Впоследствии в некрологе Романову В. В. Розанов, его многолетний корреспондент и друг, так будет объяснять, отчего творческое наследие почившего оказалось невостребованным при его жизни: «Он отличался необыкновенно сильным и проницательным умом, обширной начитанностью в литературе, истории и богослужении, но эти качества, которые могли бы выдвинуть его в первые ряды публицистической литературы, сопровождались слишком капризной и оригинальной формою выражения, формою письма, которая была очень хороша “на любителя”, но сыграла роковую роль в признании его вообще читающим обществом». И далее — о своеобразии мировоззрения и литературного самоопределения Романова: «С трагедией в душе, он вечно шутил; он хотел рассказать анекдот среди крови и гробов, сам истекая в сердце кровью. “Рцы” и “шутка” неотделимы: тогда как мало было умов среди современников его, которые были бы так преданы самым высоким темам бытия, религии и истории. <...> Он вообще был истомленная душа, измученная душа».[2]

При некоторых чертах различия (особенно проявляющихся в склонности Романова к довольно причудливой шутке, к стилевому эпатажу либо нарочито провокационному эстетству) нельзя не признать, что в лице молодого талантливого «совопросника» Гиляров, столь же одинокий, нравственно истомленный и измученный, встретил родственную душу.

Именно этим и объясняется, почему в переписке с еще вчера незнакомым читателем вышла на поверхность подспудная жажда высказать вдруг и с беспощадной откровенностью глубоко потаенное и очень личное. Ведь в какой-то мере и сам Гиляров воспринял эту «встречу в письмах» как прови-

---

[1] Победоносцев, согласно позднему свидетельству самого Романова, все же был знаком с его публицистикой и, писал он, «дарил нас своим сочувственным вниманием еще в самую раннюю эпоху нашей литературной деятельности» **(**Рцы: Литературная газета. 1912. № 15 (Нояб.). С. 4**).**

[2] *Розанов В. В.* Иван Федорович Романов («Рцы»): (Некролог) // Полн. собр. соч.: В 35 т. СПб.: Росток, 2017. Т. 5. С. 125.

денциальное для своей жизни событие. Заваленный беспросветной работой по редактированию ежедневной газеты, ощущая себя подчас каторжником, «прикованным к тачке», он регулярно отправляет в Киев, где в то время жил Романов, длинные письма и с некоторым удивлением признается: «Ваши письма меня трогают <...>. И вот Вам доказательство, как я ценю Ваши откровенные, горячие упреки. Я обыкновенно *никому* не пишу писем. Вы можете хвалиться моим автографом, потому что едва ли после моей смерти найдется по России еще десяток подобных <...>»[1] (письмо от 2 ноября 1886 г.). А через день поясняет: «Мне хочется с Вами говорить. Я так мало избалован, не скажу отзывами о моих способностях, а о значении моем для общественного самосознания, что совершил бы великий грех, когда бы оставил в недоумении одного из тех весьма немногих, которые от меня ожидают большего, чем я оказываю, и признают меня, пользуюсь Вашим выражением, “хозяином” и “мастером” в области высшего мышления».[2]

Возможность *исповеди* — и интеллектуальной, мировоззренческой (причем во многих аспектах: богословском, философском, общественно-литературном, политическом), и задушевно-личной, позволившей с высоты прожитых лет по-новому осветить изломы собственной судьбы и наиболее важные моменты пережитого, — была полностью реализована Гиляровым в этой переписке. Впрочем, порой он болезненно реагировал на очередное пространное послание своего киевского корреспондента: «Вы меня приводите в отчаяние своими письмами. В них столько души, что совестно на них не отвечать, а временем я не очень располагаю; отвечать же полусловами совестно»[3] (письмо от 15 ноября 1886 г.) — или: «Довольно. Пишите покороче»[4] (от 16 ноября).

Иногда Гиляров, пытаясь немногословно и вместе с тем как можно четче пояснить то или иное свое убеждение, выражается очень сухо, афористически. Осознавая это, он извиняется: «Пишу отрывочно, едва ли ясно. Но, может быть,

---

[1] *Письма к Рцы*. С. 247.
[2] Там же. С. 256.
[3] Там же. С. 287.
[4] Там же. С. 296.

не удастся в другой раз высказать»[1] (письмо от 23 ноября 1886 г.). Здесь сквозь конкретную приуроченность вежливой оговорки прорывается весьма существенное. Не будет большим преувеличением, если скажем, что в письмах к Романову Гиляров запечатлел свой «символ веры». И он торопится высказаться по самым основополагающим вопросам своего мироотношения.

Поэтому не удивительно, что эти письма представляют богатый материал как для изучения жизни и творчества самого Гилярова, так и для исследования ряда сложных богословских и философских понятий, а также ряда неоднозначных проблем общественно-политической и духовно-нравственной жизни России, причем не только второй половины XIX в. Уже последователи Гилярова (князь Шаховской, Шарапов, Романов, иногда и Розанов) указывали на профетическое значение и серьезных научных трудов Гилярова, и его текущей, злободневной, казалось бы, публицистики. А. М. Гальперсон в одном из писем к князю Н. В. Шаховскому (от 18 февраля 1894 г.) спрашивала: «Но отчего же всё, что он предсказывал, всё, что советовал, впоследствии осуществилось само собой? Так во внешней политике, так во внутренней, так в вопросах городского благоустройства и т. п. <…> В письме к Романову, кажется, Н<икита> П<етрович> говорит, что впоследствии, перечитывая его статьи, какой-нибудь читатель подивится, что “это не утратило значения и для нашего времени”. У меня все время такое чувство, когда я читаю его статьи в “Совр<еменных> Изв<естиях>”».[2]

Внешняя канва взаимоотношений Гилярова и Романова намечена в мемуарных очерках последнего, напечатанных в издававшихся С. Ф. Шараповым газетах «Русское Дело» и «Русский Труд».[3] Новонайденное письмо Романова в контору гиляровской газеты, датируемое предположительно маем — июнем 1884 г., когда проходила подписка на второе полугодие, позволяет уже уверенно

---

[1] Там же. С. 305.

[2] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 109. Л. 6, 7.

[3] *Рцы*: 1) Н. П. Гиляров-Платонов о спиритизме: (Неизданное письмо покойного) // *РД*. 1888. 22 апр. № 17. С. 20—21; 2) Как я нашел Никиту Петровича // Русский Труд. 1898. 3 янв. № 1. С. 16—17; обе статьи републикованы нами дважды: 1) *Возвращение*. С. 343—351; 358—364; 2) *Рцы (Романов И. Ф.)*. Собр. соч.: В 2 т. / Изд. подгот. А. Дмитриев и Д. Федоров. СПб.: Росток, 2016. Т. I: Нагота рая. С. 298—300, 364—371.

закрепить за этим временным промежутком хронологическую черту, за которой рядовой провинциальный читатель стал благодарным учеником, корреспондентом «Современных Известий», единомышленником и сподвижником Гилярова. Приведем это небольшое письмо полностью: «Прилагая при сем *шесть* руб<лей>, покорнейше прошу Контору редакции “Совр<еменных> Известий”:

1) Выслать мне и в следующее полугодие газету.

2) Выслать (если возможно) следующ<ие> пять №№ “Совр<еменных> Известий” за *прошлый 1883 год*: №№ 314, 315, 316, 317 и ***342.*** Романов».[1]

Но еще раньше, в январе того же года, произошел обмен письмами, правда не личными, а открытыми, между Романовым и Гиляровым. Это удалось выяснить благодаря письму Романова к В. В. Розанову от 28 февраля 1901 г., которое начиналось словами: «Анафематствование Льва Толстого не делает ли своевременным ознакомить публику с “чином православия”? Этим чином я занимаюсь с 1883 года. С этого чина началось мое заочное знакомство с Гиляровым. Статьей об анафеме я дебютировал в “Совр<еменных> Известиях”».[2] Имеется в виду открытое письмо Рцы к Гилярову, опубликованное тем в составе его передовой статьи «Москва, 27 января».[3] Здесь, кстати, Романов призывал редактора к обличению Вл. Соловьева, «ревностного адепта папского престола», «ученого проповедника унии истины с ложью», и защите «гиганта Хомякова» от духовно-академических профессоров, которые «с гаденьким зубоскальством издеваются» над его творениями (видимо, подразумевая протоиерея А. В. Горского), и др. — эта тема пройдет красной нитью через всю их будущую переписку. Гиляров, не

---

[1] ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 78. Л. 1. Вопрос, почему именно эти номера газеты понадобились Романову, нуждается в дополнительном изучении. Если иметь в виду редакционные статьи, то их содержание весьма разнообразно: тут материалы и «славянофильской» проблематики: о похоронах А. И. Кошелева (16 нояб. № 316. С. 2) и о Кохановской комиссии (17 нояб. № 317. С. 1—2), и вероисповедной — в связи с положением старообрядчества (12 дек. № 342. С. 1—2), и по сугубо частным, практическим вопросам московского быта: о мерах по борьбе с пьянством (14 нояб. № 314. С. 1—2) и о водоснабжении Первопрестольной (15 нояб. № 315. С. 1). Не исключено, что уже в каком-либо из этих выпусков «Современных Известий» участвовал Романов — допустим, в качестве анонимного корреспондента.

[2] *Рцы (Романов И. Ф.)*. Собр. соч.: В 2 т. СПб.: Росток, 2016. Т. II: Плюсы жизни. С. 526.

[3] *СИ*. 1884. 28 янв. № 27. С. 2. Репубриковано нами: *Рцы (Романов И. Ф.)*. Собр. соч. Т. II. С. 354—355.

ввязываясь в объяснения «о Вл. Соловьеве, проповедующем унию, о том, какие есть шатающиеся в правоверии профессора духовных академий», раскрывает сущность церковной анафемы не как проклятия и «зложелательства», а только как констатации факта: «ты не со мной — стало быть, ты — не мой».[1]

Но это, повторимся, была обычная для Гилярова практика полемики со своим читателем, которому он позволил высказаться на столбцах газеты, и затем оспорил его мнение. Настоящее, личное знакомство, опять-таки заочное (Гиляров и Рцы никогда не встречались) произошло в мае того же года в связи с полемикой о спиритизме и сверхъестественном в жизни вообще, когда Рцы отправил в газету философское эссе «Солнце и сальная свеча. Заметка по поводу статьи г. Пелешевского “Из области не совсем объяснимого”» и оно было опубликовано.[2]

Переписка с Романовым прошла два этапа: обмен письмами летом 1884 г. по поводу упомянутой полемики о спиритизме и — основной период (сюда относятся 15 из 16-ти гиляровских писем), датируемый октябрем 1886 г. — февралем 1887 г. и затрагивающий большой круг проблем, начиная от вероучительных и геополитических и вплоть до частных вопросов гомеопатии, языкознания или откровенных признаний автобиографического характера.

Важно, что отправной точкой многих размышлений обоих собеседников послужило религиозно-историософское учение А. С. Хомякова, горячим приверженцем которого был в те годы Романов. Кроме того, вся переписка носит отчетливо полемический характер: корреспондент Гилярова не из тех людей, кто будет почтительно, без выражения несогласия и выдвижения своих контраргументов, внимать пусть даже и очень авторитетному корреспонденту. В ходе этих бесед Гиляров делится воспоминаниями и откровенно высказывается по целому ряду литературно-философских, политических и богословских проблем (эти его письма цитировались в нашей книге). При этом, как покажет будущая публицистическая деятельность Романова, эти споры были для него весьма плодотворны: многое из того, с чем он никак не мог согласиться, против чего восставал со всей

---

[1] См.: *СИ*. 1884. 28 янв. № 27. С. 1—2.

[2] Там же. 1884. 18 мая. № 133. С. 2. Подпись: Эр. Републиковано нами: *Рцы (Романов И. Ф.)*. Собр. соч. Т. I. С. 364—371.

горячностью молодого темперамента, станет для него позднее непреложным и само собой разумеющимся (об этом, впрочем, он и сам свидетельствовал, публикуя некоторые из гиляровских писем в 1904 г.).

Обрывается переписка будто бы на полуслове — письмом от 13—14 февраля 1887 г. Но в предыдущем — от 9 февраля — содержится, по-видимому, и разъяснение. Гиляров несколько раздражен неуступчивостью собеседника, он устал от безуспешных попыток переубедить его. И пишет: «С Вашими рассуждениями о *государстве* я тоже наполовину не согласен, как и о *рассудке*. Но оставляю без возражения, которое будет для обоих бесполезно. Пойдем каждый своею дорогой: Ваши мнения, вижу, тоже *выношены*, а не случайно схвачены».[1]

А. М. Гальперсон, которую в свое время Гиляров знакомил с письмами Романова (потом сам Романов дал ей переписать ответы Гилярова), позже, поссорившись с последним, так его характеризовала князю Н. В. Шаховскому в письме от 13 апреля 1893 г.: «Романов — человек несомненно ненормальный, и эта ненормальность в нем теперь сильнее, нежели прежде. Но и тогда она проявлялась настолько, что Ник<ита> Пет<рович> потерял терпение и просил его прервать переписку».[2] И — чуть выше — вспоминала, что Гиляров возлагал на Романова немалые надежды (в одном из писем — от 23 ноября 1886 г. — он прямо звал его в Москву, предлагая место сотрудника в своей газете и помощника в подготовке к изданию сочинений Гилярова). Гальперсон писала князю Шаховскому: «Вы, естественно, не можете себе представить, как это Ник<ита> Пет<рович> такого человека принимал всерьез. Однако он не только всерьез его принимал, но не раз шутя высказывал, что завидует его талантливости, и многого ждал от него в будущем».[3]

О нравственно-психологическом конфликте, разведшем в разные стороны и сделавшем чужими друг другу Романова, Гальперсон и князя Шаховского, скажем ниже. Сразу же после кончины Гилярова общее горе их объединило, и Романов виделся поначалу чуть ли не ключевой фигурой — тем, кому суждено

[1] *Письма к Рцы*. С. 335.
[2] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 104. Л. 14—14 об.
[3] Там же. Л. 13 об.—14.

поднять «упавшее знамя». Ведь известно, что Гиляров высоко оценивал его статьи («Вы прекрасно владеете пером, способны излагать очень умные вещи в очень художественной форме; Вы литературная сила, и применить ее к делу ближе подходило бы к Вашему призванию»[1] — в письме от 23 ноября 1886 г.), даже те из них, которые не публиковал у себя, справедливо отмечая: «...ежедневная газета вовсе не место для философских (равно как и богословских) рассуждений: ими большинство скучает»[2] (письмо от 15 августа 1884 г.). Вместе с тем, помещая, например, почти вслед за своей поминальной передовой, посвященной М. Н. Каткову, сходный по основным мыслям некролог, составленный Романовым, Гиляров писал в сопроводительной заметке: «С изображением трех могильных крестов вместо заглавия получили мы следующее письмо от уважаемого корреспондента, подписывающегося псевдонимом *Рцы*. Печатая это письмо, присоединяемся всем сердцем к каждой его букве. Некоторые строки представляют даже буквальное повторение сказанного нами вчера. Читатели оценят, надеемся, всю глубину и всю правду этого горячего некролога».[3] Романов, републикуя его впоследствии, отмечал: «Никогда с большею силою не свидетельствовал покойный Н<икита> П<етрович> о полном нашем с ним единомыслии...»[4]

Впрочем, Романов постоянно в беседах с друзьями и в письмах к ним настаивал на своем особенном духовном родстве с почившим учителем. 30 июня 1893 г. он, в частности, писал князю Шаховскому: «Безо всякой сентиментальной скромности скажу, что я имею претензию воображать, что я *глубочайшим образом* понимаю Никиту Петровича, понимаю *дух* его трудов, т. е. способен был бы выразить взгляд о событии сегодняшнего или завтрашнего дня приблизительно так, как бы на него взглянул Гиляров, или, наоборот, о событиях ми-

[1] *Письма к Рцы*. С. 305.
[2] Там же. С. 231.
[3] *СИ*. 1887. 26 июля. № 203. С. 2
[4] *Рцы*. Листопад: Неповременное издание. М., 1891. С. 15.

нувшего повторить Никиту Петровича, не читая его статьи по данному вопросу».[1]

В завязавшейся в тот период переписке с В. В. Розановым Романов прежде всего хочет открыть ему Гилярова, увлечь им, для чего высылает оттиски статей последнего. Он сообщает 29—30 сентября 1891 г.: «Писал я у Гилярова. Знаете? Никита Петр<ович> Гиляров, что издавал 20 лет газету “Современные Известия”? Это ***почти*** двойник Хомякова, и во всяком случае второй по нем, его родной брат — колоссальное явление... Так вот, у него писал. Хвалил даже до очевидного пристрастия, до явного заблуждения насчет моих сил».[2] Спустя год (в письме от 7 октября 1892 г.): «Я, напр<имер>, наблюдал поразительное сходство *умов* между собою и покойным Гиляровым — (само собою, с соблюдением настоящей пропорции, как 1:1 000 000): пишет он, напр<имер>, передовую статью в Москве, а я ему из Киева шлю корреспонденцию, в которой не только мысли (по поводу одного и того же события), но даже и выражения повторялись. Или раз я задумал целую философскую систему построить на словечке *“так”*. <...> Буквально те же мысли 20 лет тому назад высказаны Гиляровым в одной из его какой-то абсолютно никому неведомой журнальной статье! Это поразительно! А между тем мы отлично разбирали друг друга. Он свободно дешифровал мой почерк, я — его».[3] И далее Романов говорит о «сродстве душ, сердец, *пафоса*, что ли».[4]

Глубоко прочувствованными некрологами почтили уход Гилярова и Романов, и Гальперсон, и Шарапов. Однако монолог Романова о почившем учителе оказался таким вдохновенным панегириком, что, по настоянию младшего сына Гилярова, Алексея Никитича, его не опубликовали в последнем номере «Современных Известий»,[5] а Шарапов, давший ему место на страницах своего «Русско-

---

[1] *Рцы (Романов И. Ф.)*. Собр. соч. Т. II. С. 364.

[2] Там же. С. 395.

[3] Там же. С. 429—430.

[4] Там же. С. 431.

[5] С. К. Эфрон писал А. М. Гальперсон 5 ноября 1887 г.: «Полагаю, что, если Ал<ексей> Ник<итич> наложил свое veto на письмо Рцы, когда Вы хотели его напечатать в последнем выпуске “Совр<еменных> Изв<естий>”, то это не может служить нам препятствием видеть

го Дела»,[1] вынужден был сопроводить романовский некролог своей подстрочной ремаркой: «Молодой автор, искренность чувства которого так трогательна, впадает, сдается нам, в некоторое преувеличение, возвышая покойного Н<икиту> П<етрови>ча до степени чуть ли не мирового гения».[2] Не был напечатан в «Современных Известиях» и первый отклик Романова на смерть Гилярова — его телеграмма от 15 октября, также увидевшая свет в издании Шарапова: «И его не стало! Этот мало кому ведомый публицист, этот удивительный гений, лучи которого некогда озарят вселенную, этот писатель, этот человек-загадка, непонятый, непризнанный, назвавший лишь первый слог нового великого слова, а остальные унесший в могилу, этот великий русский ум, честь, слава и гордость России — его уже нет! Знает ли, поймет ли православная Русь, кого она лишилась вчера, кого завтра опустит в могилу? Знает ли кто на Руси, что после Хомякова большего не рождала Земля Русская? Безумное, не правда ли, слово? Но его вспомнят и повторят, когда через сто лет станут всем русским миром воздвигать памятник великому русскому человеку».[3] Шарапов поддержал тогда своего сотрудника: «Один из немногих в России, г. Рцы верно разгадал значение и размер духа покойного. Нет, не безумно его слово! Гилярова поймут и оценят лишь много лет спустя и благоговейно преклонятся пред его памятью».[4]

Вскоре после кончины Гилярова А. М. Гальперсон, ставшая собственницей его архива, надеялась именно Романова приобщить к трудам по расшифровке черновых рукописей и подготовке к изданию как их, так и разбросанных по газетам и журналам многочисленных статей покойного. Фактически она исполняла пожелание самого Гилярова, который в свое время писал Романову: «Если бы Вы были здоровы, я бы Вас непременно перетащил в Москву, где Вы между прочим помогли бы мне и в систематизации моих многочисленных статей, по-

---

напечатанными драгоценные строки, уясняющие так много <…> в другом издании» (ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 47. Л. 1).

[1] *Рцы*. Памяти Н. П. Гилярова-Платонова // *РД*. 1887. 7 нояб. № 15. С. 3—4. Републиковано нами: *Рцы (Романов И. Ф.)*. Собр. соч. Т. I. С. 25—28.

[2] *РД*. 1887. 7 нояб. № 15. С. 3.

[3] Там же. 1887. 17—24 окт. № 12/13. С. 1

[4] Там же.

могли бы мне и указаниями, что нужно где дополнить и выяснить»[1] (письмо от 23 ноября 1886 г.). В неотправленном письме от 10 марта 1888 г. Гальперсон тоже зовет Романова в Москву: «Если бы Вы знали, с каким нетерпением я жду Вас сюда. Что письма? Вот прошло две недели, я не могла написать ни строчки. Лично мы скорее сговорились бы; Вы дали бы мне совет, увидав ясно положение мое. На днях я перечитывала письма ко мне Никиты Петровича. Какие надежды возлагал он на мою заботу о его трудах и каким упреком звучит это теперь для меня! Мне приходится разбрасываться: я перечитываю статьи в “Современных Известиях”, перечитываю и переписываю филологический труд, читаю политическую его экономию! Но как мало времени приходится на каждое в отдельности, не говоря о том, что громадная переписка остается неразобранною, что *фрагментикам*, как пренебрежительно отзывался Шарапов, грозит гибель у Барсова,[2] что, наконец, ни одна строка не увидала еще света!»[3]

Однако Романов уклонился от этой кропотливой текстологической работы, причем — по идейным основаниям. Свои обязательства перед памятью Гилярова он усматривал в ином. В уже упоминавшемся письме к князю Шаховскому от 30 июня 1893 г. Романов рассуждал так: «Другое дело, могут ли единомысленники ограничить свой долг из памяти этого во всяком случае великого человека *только* добросовестным изданием его сочинений? Не естественно ли было бы, чтобы у единомысленников предносилась мысль о создании той *школы*, о которой мечтал Н<икита> П<етрович>? Не логично ли было бы с их стороны стремиться *продолжить его дело*? Поднять знамя, которое вывалилось из его охладевших рук? Каждодневно в сознании общественном растворять его мысли, вместо того чтобы на полку антиквария сложить вновь перепечатанные томы его соч<инений>, которых все равно читать никто не станет? Немцы, конечно, так

[1] *Письма к Рцы*. С. 305.

[2] Имеется в виду Елпидифор Васильевич Барсов (1836—1917), фольклорист, археограф; близкий друг Гилярова с 1860-х гг.

[3] ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 44б. Л. 4 об.

бы и сделали... Но у нас нет энергии, нет сплоченности, нет организаторского таланта...»[1]

Здесь же он высказывает свое мнение, как надо публиковать переписку Гилярова: «Относительно издания писем я полагал бы так: чем больше сам Гиляров будет говорить о себе, тем лучше. Давать лишь необходимые реплики для уяснения его письма — ничего больше!»[2]

Дело в том, что к 1893 г. уже, по крайней мере, дважды предпринимались попытки напечатать гиляровские письма к Романову. Первый такой опыт, как уже упоминалось, был осуществлен А. М. Гальперсон в 1890 г., причем, судя по ее письму к Романову от 10 марта 1888 г., к подготовке издания она приступила в первые месяцы по смерти Гилярова: «С этой же почтой посылаю Ваши письма к Никите Петровичу и его к Вам. Между присланными мне письмами Н<икиты> П<етровича> нет письма от 11 января 1887 г., а между бумагами Н<икиты> П<етровича> я нашла копию с него, написанную рукою Сенатова.[3] Что это значит? Было ли оно Вами получено? Начинается оно словами: “Итак, Вы, рьяный антипапист...”».[4] То есть, как можно понять, Анна Михайловна за четыре месяца, прошедшие с похорон, успела скопировать присланную ей Романовым переписку и вернуть ее ему. При этом он никак не оградил своих авторских прав, а предоставил право свободно распоряжаться письмами (об этом — в письме Гальперсон к князю Шаховскому периода ссоры с Романовым, от 14 июня 1894 г.: «Романов поразителен. Не махнуть ли действительно на него рукой. Лично он ничего не прибавит к имеющимся у Вас материалам, а широко пользоваться письмами к нему Никиты Петровича он давно уже разрешил. И Бог с ним

---

[1] *Рцы (Романов И. Ф.)*. Собр. соч. Т. II. С. 364—365.

[2] Там же. С. 365.

[3] Василий Гаврилович Сенатов — бывший старообрядец, присоединившийся к Православию вместе с отцом из федосеевского беспоповского согласия 29 марта 1887 г. В этот период Сенатовы сблизились с Гиляровым и были частыми гостями на его обедах. См.: *Эфрон (Литвин) С.* Миссионеры и начетчики. М., 1908. С. 7, 24—59. В. Г. Сенатов, впоследствии обучавшийся в Московской духовной академии, оставил о Гилярове интересные воспоминания: *Сенатов В. Г.* Философия истории старообрядчества. М., 1908. Вып. 1. С. 5—7, 22—25.

[4] ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 44б. Л. 5 об.

самим!»[1]). Впрочем, первоначально Романов сам собирался издать письма Гилярова — через месяц после его кончины, 13 ноября 1887 г., он писал издателю «Русского Архива» П. И. Бартеневу об этих письмах, по его словам, «представляющих не только биографический, но также высокий философский и исторический интерес».[2] И добавлял: «Надеюсь со временем привести в порядок эти замечательные письма и, снабдив надлежащим комментарием (без которого они не могут быть поняты), издать их».[3] Поскольку Бартенев с середины 1860-х гг. неприязненно относился к Гилярову и ему претили восторженные оценки Рцы, поместить их в «Русском Архиве», к чему тактично подводил Рцы, было невозможно. Позднее Бартенев так писал о Гилярове: «…ученостию и дарованиями превосходил и Каткова, и Аксакова; но к нему можно отнести сказанное мне про графа Л. Н. Толстого одним из бывших у него в Ясной Поляне учителей сельской школы: очковая змея, овладеет в человеке всем, что в нем есть, а потом кидает его как совершенно ненужное».[4]

Гальперсон в 1890 г. ограничилась публикацией всего лишь трех из 16-ти писем Гилярова, да и то с пропусками и небольшими изменениями текста, поэтому в 1891—1893 гг. Романов вернулся к своему замыслу их издания. Но начать он хотел, видимо, со своих писем к Гилярову. В 1891 г. им планировалось выпустить, по меньшей мере, два оригинальных публицистических сборника, по своему жанру предвещающих розановские «Опавшие листья» и «Мимолетное». В первом из них — «Листопад: Неповременное издание» (М., 1891. [4], 150 с.) — он с грустью констатировал: «…со времени кончины Н. П. Гилярова-Платонова, всегда радушно открывавшего нам страницы своей газеты, издателю настоящей книжки писать более *негде*. Негде нам писать. Вот причина возникновения настоящего издания...» (с. 149). Все последующие планировавшиеся книжки были, однако, запрещены цензурой, что, впрочем, предвидел сам Романов. Он писал В. В. Розанову 29—30 сентября 1891 г.: «Вот затеял я изданьице. Хочу выпу-

[1] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 109. Л. 17 об.
[2] ГИМ. Ф. 368 (Материалы редакции журнала «Русский Архив»). Ед. хр. 1. Л. 34 об.
[3] Там же.
[4] *РА*. 1912. Кн. II, вып. 6. С. 312.

стить серию маленьких книжечек, хочу открыть подписку <…> но разве цензура не арестует? Обязательно арестует!»[1] Позднее, в январе — феврале 1892 г., когда предвидение сбылось, писал об уже набранном в типографии объявлении о подписке: «Но одним ударом п<одле>ц Феоктистов[2] разрушил мечты и надежды мои. Объявление было запрещено».[3]

Тем не менее, Рцы опубликовал «Содержание» второго из запланированных сборников — в анонсе, напечатанном на 4-й странице обложки романовской брошюры «Тексты перепутал! По поводу “Крейцеровой сонаты” Л. Н. Толстого. Из черновых набросков Рцы. Отд. отт. из повременного издания “Благовест”» (Пг., 1891. 8 с.). Здесь говорится: «В непродолжительном времени выйдет в свет новая книга того же автора “Славянофильство и славяномания”. Сборник статей Рцы» и далее расписывается «Содержание». Любопытно, что значительная часть материалов так или иначе связана с Гиляровым: «Статьи полемические. <…> Смысл Восточного вопроса. Статьи разного содержания. <…> Заметка о спиритизме. Поминальные статьи. † И. С. Аксаков. — † М. Н. Катков. — † Н. П. Гиляров-Платонов. Хомяков и Гиляров». Самое же для нас важное — раздел «Из переписки», в котором планировался подраздел «Из писем к Н. П. Гилярову-Платонову (Сознание и самосознание. — Круговая порука. — Кто двигает народное сознание? — Глупая голова. — Мозаичность творчества. — Хомяков и Гиляров. — В чем трагизм? — Плач о разделении Болгарии. — Что такое народ? — Народно-церковные организмы. — Conditio sine qua non.[4] — Из-за чего и с кем война? — Вавилонское столпотворение.— О призвании России. — Как узнать желания народа. — “Бесовский силлогизм”. — Роковая дилемма. — Лингвистическая народность. — Призыв к высшей деятельности. — Катков. — Узка ли точка славянофилов? — Заключение)». Таким образом, бла-

[1] *Рцы (Романов И. Ф.)*. Собр. соч. Т. II. С. 396.

[2] Евгений Михайлович Феоктистов (1828—1898), начальник Главного управления по делам печати в 1883—1896 гг.

[3] *Рцы (Романов И. Ф.)*. Собр. соч. Т. II. С. 400.

[4] Необходимое условие (лат.).

годаря этой росписи можно получить некоторое представление о содержании не выявленных на сегодняшний день писем Романова к Гилярову.

В этот же период Романов готовил к печати и письма самого Гилярова. Упоминания об этом встречаем в переписке Гальперсон с князем Шаховским. Так, 13 июня 1993 г. она писала о Романове: «…я слышала, что он уже готовил как-то к печати переписку свою с Никитою Петровичем и что хотя проект его в исполнение приведен не был, но рукопись вполне готова. Говорил он Вам об этом? Мне помнится, он обещал Вам “приготовить”, а не передать уже готовое».[1] И далее: «Мне кажется, придется уже снова прибегнуть к Вашему личному или письменному с ним общению и тем или иным способом испросить у него то, что им сделано. Возможно, конечно, что в готовой рукописи у него приведены не все письма Никиты Петровича. Вообще, я с каждым разом убеждаюсь, что Романов — человек, с которым обыкновенный образ действий не приводит ни к чему: для себя он не признает никаких законов общежития. Если бы не так ценны были письма к нему Н<икиты> П<етровича>, на него давно следовало бы махнуть рукой. Он даже не поинтересовался тем письмом Н<икиты> П<етровича>, которое я для него привезла, и я, должно быть, отвезу его обратно. Конечно, я могла бы передать ему через третьи руки, но меня просто злит его поведение, и это будет маленькой местью».[2]

Чуть позже, 6 июля, Гальперсон добавляла: «Романов со своей болезненною раздражительностью гораздо опаснее; притом письма к нему Н<икиты> П<етровича>, очевидно дружеские, придают ему апломб, которого ни у Шарапова, ни у многих других быть не может».[3]

Поводом к выяснению отношений, как становится понятно из письма Рцы к П. И. Бартеневу от 13 ноября 1887 г., послужила история с неосуществленной публикацией в «Русском Архиве» статьи «Н. П. Гиляров-Платонов о спиритизме», включающей его письмо к Романову от 15 августа 1884 г. Хотя эта статья мемуарного характера о недавно почившем писателе вполне соответствовала

[1] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 106. Л. 4.
[2] Там же. Л. 4 об.—5.
[3] Там же. Л. 8 об.—9.

профилю его издания, давний недоброжелатель Гилярова Бартенев отказал, и спустя пять месяцев эта статья увидела свет в газете С. Ф. Шарапова.[1] Бартенев в ответном письме рассказал Романову нечто такое, что заставило его разочароваться в учителе. 28 ноября он отвечал издателю «Русского Архива»: «Приношу Вам глубочайшую благодарность за письмо Ваше, способствовавшее рассеянию сомнений, лежавших тяжелым камнем на моей душе. Не знаю чувства обиднее, больнее, как чувство разочарования… Этому именно последнему чувству суждено, по-видимому, сменить во мне высокое мое мнение о Гилярове. С разных сторон, даже с таких, откуда всего бы менее можно было ожидать, долетают до меня отзывы не вполне благоприятные для памяти покойного; видно, придется — хотя это и очень больно — помириться с мыслью, что нравственный уровень Гилярова был ниже его умственной высоты…»[2] В том же письме Романов предлагал прислать Бартеневу в полное его распоряжение «злосчастное», по его слову, письмо Гилярова от 11 января 1887 г., где упоминалось, что Хомяков «был острослов, любил рассказывать комические анекдоты (особенно из религиозной сферы, что значительно смущало верующих людей <…> с негодованием отзывались они об этом неистощимом кощунстве над святынею)»,[3] намекая на то, что такое мемуарное свидетельство лучше бы уничтожить. Бартенев, имевший в московском обществе нелестную репутацию сплетника, познакомил с письмами, присланными ему, Анну Гальперсон.

Последовало ее объяснение с Романовым. Дальнейшее его поведение уже совсем вывело ее из себя. Она, в частности, писала князю Шаховскому 13 апреля 1893 г.: «Посылаю Вам, многоуважаемый Николай Владимирович, письмо ко мне Романова о злополучном письме Ник<иты> Пет<ровича>. Я снова перечитала его и снова вижу, что мне Романов представил поступок свой не в том виде, как он выясняется из писем его к Бартеневу. <…> Из письма Романова ко мне Вы увидите, что в Бартеневе он видит злейшего врага Н<икиты> Пет<ровича>, а ему, то есть Бартеневу, сколько мне помнится, он пишет, что благодаря ему гла-

[1] *РД*. 1888. 22 апр. № 17. С. 20—21.
[2] ГИМ. Ф. 368. Ед. хр. 1. Л. 36.
[3] *Письма к Рцы*. С. 326.

за его открылись и теперь Гиляров для него как нравственная величина перестал существовать. <…> Я до сих пор не могу прийти в себя от этого поступка Романова, которому не нахожу названия».[1]

В письме от 20 апреля она добавляла новые подробности: «Романов в Н<икиту> П<етровича> верит — это несомненно. Все письма его после злосчастной истории с письмом к Бартеневу до самых последних дней были тому свидетельством. Но сфинксом он тем не менее остается. В то время как из письма к Бартеневу видно, что он разочарован в нравственном облике Н<икиты> П<етровича>, мне он пишет полное негодования письмо по адресу Алексея Никитича, осмелившегося в беседе с ним закидывать грязью доброе имя Н<икиты> П<етровича>. Я не могу себе представить, каким путем размышления человек доходит до того, что принимает на веру слова чужого человека, голословно называющего кого-либо клеветником, и отворачивается от речей сына, приводящего “факты”, подтверждающие будто бы греховность отца. Если тут нет лицемерия, а я его допустить не хочу, то что же это?»[2]

Накладывалась на это и обида на изменившееся отношение Романова к Гилярову, его «отступничество», чем он запросто делился с князем Шаховским (в письме от 30 июня 1893 г.): «…Вы *чувствуете* его не только не хуже моего, но даже лучше, это — несомненно. Главное, у Вас сохранилась та восторженность к памяти покойного, которую я — увы! — частью растерял… Вас, верно, способен оскорбить отзыв Филарета о Гилярове: “возбужденный, но не управленный”, а меня не коробит».[3] Но еще до этого признания Романова Гальперсон дала ему едкую психологическую характеристику (в письме к князю Шаховскому от 6 июня 1893 г.): «Я уже давно стала замечать, что Романов принадлежит к тем непризнанным художникам слова, которые в просторечии называются вралями, хотя это слово не вполне их характеризует. Эти люди, очерчивая, например, чью-нибудь худобу, не остановятся до тех пор, пока не уподобят ее толщине почтового листа; желая сказать, что кто-нибудь толст, они не помирятся на

[1] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 104. Л. 13—13 об.
[2] Там же. Ед. хр. 105. Л. 1—1 об.
[3] Там же. Ед. хр. 159. Л. 5.

меньшем, нежели объем земного шара. Уловив один ничтожный штрих, они со страстностью набрасывают целую картину и не успокоятся, пока она не получит самой крайней яркости и выпуклости. <…> Перечитайте письма Романова <…> ничуть и ни в чем он не останавливается на средине».[1] И позднее (в письме от 17 октября того же года): «Удивительное направление мыслей у Романова! Он, кажется, теперь отмщает памяти Н<икиты> П<етрови>ча за прежнее свое поклонение».[2]

Следует сказать, что гораздо более беспощадно характеризовал Романова В. В. Розанов в одном из писем к С. Ф. Шарапову, предположительно датируемом ноябрем-декабрем 1898 г.: «…ведь какой даровитый человек **(**хоть и ужасный подлец, даже до гадости, весь сплетенный из зависти, недоброжелательства, лени, притворства и благочестия, истинный Тартюф или, вернее, “племянник Рамо” (философская повесть Дидро)**)**, какой проницательный, как умеет заглядывать в самую глубь предметов и явлений, хотя по местам — ужасно наивен, до отрочества <…>».[3]

Во всяком случае, как можно судить по сохранившимся архивным материалам, довольно тесное общение Гальперсон и князя Шаховского с Романовым в 1893—1894 гг., приведшее в конце концов к полному разрыву отношений, объясняется третьей, правда, столь же безуспешной попыткой издать переписку Гилярова с Романовым. 13 апреля 1893 г. Гальперсон писала князю Шаховскому о Романове: «Из писем Ник<иты> Пет<ровича> к нему, копии с которых я рассчитываю переслать Вам в скором времени, Вы увидите, что вопросы, которые затрагивал в своих письмах Романов, оправдывали это серьезное к нему отношение. Оно оправдывается еще и тем, что Романов — страстный хомяковец, а в виду умственного своего родства с Хомяковым Ник<ита> Пет<рович> мог ждать от него такого же к себе отношения, да таково оно и было».[4] В ряде писем Галь-

[1] Там же. Ед. хр. 106. Л. 6—6 об.

[2] Там же. Ед. хр. 107. Л. 8 об.

[3] Переписка В. В. Розанова и С. Ф. Шарапова (1893—1910) / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. О. Л. Фетисенко // Русская литература. 2009. № 1. С. 193.

[4] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 104. Л. 14.

персон к князю Шаховскому этого периода содержатся свидетельства о том, что она проводила текстологическую работу, готовя гиляровские письма к Романову к печати, например в письме от 9 июня 1893 г.: «Представьте себе! Письмо к нему Никиты Петровича, которое мы с Вами нашли в последнее наше свидание, оказалось без конца или, вернее, с концом от другого какого-то письма, тоже, по-видимому, очень интересного. Может быть, конец одного и начало другого письма находятся в числе тех, которые взяты Вами в последний раз для просмотра <…>»[1] (сложности с выявлением точного состава текста каждого конкретного письма были связаны с тем, что Гиляров любил писать даже весьма длинные письма на маленьких листочках, число которых, таким образом, могло достигать нескольких десятков).

В 1896 г. резко осложнились отношения между Гальперсон и князем Шаховским, публиковавшим в тот период свое большое биографическое исследование о Гилярове и использовавшего для него копии материалов из архива, хранившегося у Гальперсон. Анна Михайловна сочла, что сама сможет лучше распорядиться бумагами Гилярова и, как жаловался князь Шаховской Победоносцеву в письме от 7 февраля 1897 г., лишила его «права пользоваться копиями».[2]

В том же году, как упоминалось выше, князь Шаховской предлагал Победоносцеву опубликовать письма к Романову в «Сборнике сочинений» Гилярова. При этом он советовался, можно ли разрешить профессору Киевской духовной академии В. З. Завитневичу, готовившему к печати свою докторскую диссертацию об А. С. Хомякове,[3] использовать в ней богословские суждения Гилярова из этих писем. Он писал: «Завитневич пришел от них в восторг и умолял меня позволить ему привести в примечаниях к богословским воззрениям Хомякова параллельно взгляды Гилярова. Он говорил, что при сопоставлении их со взглядами Хомякова явится возможность представить целое самостоятельное и живое

[1] Там же. Ед. хр. 106. Л. 3.
[2] Там же. Ед. хр. 75. Л. 21 об.
[3] Опубликовано: *Завитневич В. З.* Алексей Степанович Хомяков. Киев, 1902—1913. Т. I—II.

направление русской богословской мысли».[1] Далее князь Шаховской объяснял свои опасения: «Без Вашего совета и указания я не решусь представить в распоряжение Завитневича разбросанные в письмах отрывки богословских мнений Гилярова, вследствие некоторой радикальности их и недостаточного развития, хотя думаю, что специальная богословская подготовка Завитневич может служить порукою тому, что он сумеет избежать соблазна в распоряжении мнениями Никиты Петровича».[2]

Победоносцев отвечал уклончиво: «Что касается до сообщения Завитневичу, то право не знаю что сказать. Завитневича не знаю и не могу судить о пропорциях ума его. Он издает 2 тома о Хомякове,— и на эту тему можно много фантазировать».[3] И тут же предложил новый план публикации гиляровских писем к Романову (тоже не осуществившийся): «Однако жаль, если пропадут эти письма. Мне приходит на мысль — не напечатать ли их особою брошюркою за границей, в Берлине? В небольшом количестве. Это можно бы устроить».[4]

Последняя попытка опубликовать письма Гилярова была предпринята самим Романовым в 1904 г. в издававшемся им малотиражном журнале «Летописец». Розанов в поминальной заметке писал: «Бедный и милый Рцы: *кое-кто* вечно не забудет его. Ни его “Летописца”, с картинками, пустяками и глупостями — главного “сокровища” его литературного сердца. Он издавал его, почти секретно от всех, и печатал что-то в семидесяти экземплярах, за недостатком подписчиков, читателей и денег. Скорбел, нуждался — и все-таки печатал».[5]

В «Летописце» (№ 1/2, 3/4, 9, 10, 12) Романову удалось опубликовать лишь четыре гиляровских письма — от 31 октября — 12 ноября 1886 г., из них ни одно не было напечатано Гальперсон в 1890 г. Издание писем сопровождалось не только лаконичными эмоциональными пояснениями Романова, но и особым

---

[1] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 75. Л. 27—27 об.
[2] Там же. Л. 27 об.
[3] Там же. Ед. хр. 148. Л. 7—8.
[4] Там же. Л. 8
[5] *Розанов В. В.* Иван Федорович Романов («Рцы»). С. 126.

приложением «Из письма Ив. Ф. Романова к Н. П. Гилярову-Платонову».[1] Кроме того, уже в самом первом выпуске своего журнала Романов дал под названием «Автограф Н. П. Гилярова-Платонова» фототипическое изображение первой странички письма от 12 ноября 1886 г. Сопоставление с авторской рукописью изданного Романовым текста, с одной стороны, и копии, сделанной Гальперсон, — с другой, показывает, что Романов лучше понимал почерк Гилярова (у Гальперсон — только на этой странице три некорректно прочитанных слова).

Местонахождение автографов писем к Романову установить не удалось. В связи с этим, когда в 2007 г. мы предприняли полную публикацию сохранившейся переписки Гилярова и Рцы,[2] хотя за основу ее взят текст наиболее полного рукописного списка, выполненного Гальперсон,[3] при подготовке писем, изданных в 1904 г. Романовым, более авторитетным считался именно этот печатный текст. При этом все существенные разночтения были отмечены в подстрочных примечаниях.

В заключение следует сказать, что Романов надеялся в дальнейшем полностью опубликовать свою переписку с Гиляровым. В предпринятом им опять-таки камерном, малотиражном издании «Рцы. Литературная Газета» (1907—1912) (в год выходил, как правило, один номер объемом в четыре страницы)[4] он напоминал о переписке, напечатанной в «Летописце», добавляя: «О письмах покойного Н. П. Гилярова-Платонова к Ив. Ф. Романову К. П. Победоносцев, бесспорно умный критик и тонкий ценитель, отозвался кратко, но метко: “Сокровище!”, — сказал он, прочтя названные письма в рукописном списке. Начатую в журнале “Летописец” переписку Никиты Петровича Гилярова-Платонова предполагается

---

[1] Републиковано нами: *Возвращение*. С. 352—357; *Рцы (Романов И. Ф.)*. Собр. соч. Т. II. С. 355—358.

[2] См.: *Письма к Рцы*.

[3] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 469. 142 л.

[4] См. подробнее: *Дмитриев А. П.* Санчо Панса русской журналистики И. Ф. Романов (Рцы) и его «Литературная Газета “Рцы”» // Петербург газетный, 1711—1917 / Под ред. Е. С. Сониной; С.-Петерб. гос. ун-т, Ин-т «Высш. шк. журн. и масс. коммуникаций». СПб.: Свое издательство, 2016. Вып. II. С. 186—203.

продолжить на страницах “Литератур<ной> Газеты”».[1] Однако это намерение так и осталось нереализованным.

Важно, однако, то, что Романов-Рцы к концу жизни вернулся к Гилярову и снова, как и в молодости, мог сказать: «…мы следуем заветам незабвенного Н. П. Гиляров-Платонова, которого считаем своим учителем и в важнейших принципиальных случаях и посейчас — мудрым руководителем на многотрудном пути публицистики».[2]

В последнем номере газеты «Рцы», вышедшем в свет за полгода до его кончины, он вспоминал свои первые шаги в литературе и отсчет начинал с двух статей о болгарских событиях,[3] напечатанных Гиляровым в «Современных Известиях»: «Собственно эти две последние статьи должны почитаться по отношению к нашей литературной деятельности как *юбилейные*, т. е. полагающие известный “предел от коего” — terminus a quo.[*] Эти статьи впервые подписаны псевдонимом “Рцы”, который и удержался до настоящего времени, и даже, как наиболее к нам как-то приросший… С точки зрения личных воспоминаний, отмечу, что названные статьи попали в “обзоры” печати, например в “Нов<ое> Вр<емя>”, и послужили затем темою нескольких прекрасных статей самого Никиты Петровича Гилярова-Платонова, писавшего в “передовой” того же № 227 основанной им газеты “Современные Известия”, между прочим, следующее: “Русское общество несомненно взволнованно болгарскими событиями; доказательством, в числе прочих, служат и приводимые ниже рассуждения г. Рцы, служащие продолжением к напечатанной вчера заметке того же автора” и проч.

---

[1] От редакции // Рцы: Литературная Газета. 1908. № 7/8 (Нояб./дек.). С. 3.

[2] <*Романов И. Ф.*>. Горé сердца! // Там же. 1908. № 3 (Февр.). С. 2.

[3] Имеется в виду публикация в двух номерах газеты: *Рцы* <*Романов И. Ф.*>. По поводу болгарских дел. Антракт // *СИ*. 1886. 18 авг. № 226. С. 2; 19 авг. № 227. С. 2. Гиляров сопроводил ее передовицей «Москва, 17 августа. Дневное обозрение» (Там же. 19 авг. № 227. С. 1—2), в которой мотивировал публикацию необычной по своему экспрессивному стилю статьи Романова уже первой фразой («Русское общество, несомненно, взволновано болгарскими событиями…») и, споря с автором, критически оценивал позицию болгарской интеллигенции («надули им уши о их возможном величии»). Свою полемику Гиляров продолжил и в последующих передовых, см.: *СИ*. 1886. 20 авг. № 228. С. 1—2; 21 авг. № 229. С. 1—2. См. также обстоятельный критический отклик С. Ф. Шарапова на эти передовые: Москва, 29 августа // *РД*. 1886. 29 авг. № 19. С. 1—4.

[*] хронологическая граница, исходная точка (*лат*.).

Отсюда же, т. е. всё по поводу указанных статей, у нас возникла несколько позднее крайне любопытная переписка с покойным Никитою Петровичем <…>».[1]

Как видим, этот эпистолярный диалог с учеником, ставшим Гилярову по сути «духовным сыном», позволил ему ретроспективно взглянуть на свой путь в науке и журналистике; подытожить сделанное на разных поприщах, и прежде всего на литературном; проясняя для собеседника, уточнить и для себя самого внутреннюю связь своего мировоззрения со взглядами наиболее близких ему мыслителей и художников слова (Хомякова, отца и братьев Аксаковых, Самарина, Даля и др.) и вместе с тем расхождение с ними в некоторых существенных моментах, доходившее до ощущения трагического одиночества и при их жизни, и, тем более, когда Гилярову довелось их всех пережить.

3.14. К. П. Победоносцев и князь Н. В. Шаховской в работе над изданием сочинений Н. П. Гилярова-Платонова (1887—1906)

После кончины Гилярова в октябре 1887 г., как говорилось выше, ближайшие его ученики филолог и экономист князь Н. В. Шаховской и журналист и переводчица А. М. Гальперсон задумались над изданием собрания его сочинений и писем. К работе предполагалось привлечь киевского публициста И. Ф. Романова-Рцы, с которым в последние три года жизни Гиляров обменивался письмами исповедального характера; он также надеялся привлечь его к постоянному участию в «Современных Известиях».[2]

Перед учениками Гилярова были примеры: в 1861 г., вскоре после смерти И. Киреевского, Хомякова и К. Аксакова, И. Аксаков и Кошелев издали первые тома их Полных собраний сочинений (в случае Киреевского сразу два тома); в 1886 г., не прошло и двух месяцев со дня кончины И. Аксакова, как его вдова

[1] Рцы: Литературная газета. 1912. № 15 (Нояб.). С. 3.
[2] См. об этом подробнее раздел 3.13.

Анна Федоровна приступила к изданию 7-томного Собрания сочинений, выпустив его в течение полутора лет.

Романов-Рцы, разрешив князю Шаховскому и Гальперсон публиковать гиляровские письма к нему, от текстологической работы уклонился, оправдывая себя (в письме к князю Шаховскому от 30 июня 1893 г.) тем, что «вместо того чтобы на полку антиквария сложить вновь перепечатанные томы его соч<инений>, которых все равно читать никто не станет», важнее «стремиться *продолжить его дело*»,[1] проводя в публицистике его идеи.

В 1893 г. князь Шаховской, в то время чиновник особых поручений при министре внутренних дел, начал подготовку к изданию сборника воспоминаний о Гилярове и его писем, которые надеялся выпустить у К. Т. Солдатёнкова или И. Д. Сытина (издание не состоялось),[2] и тогда же князь Шаховской поместил в июльском выпуске «Русского Архива» статью «Из приготовительных работ по биографии Гилярова», которой начал целый цикл биографических исследований о мыслителе, основанных на публикации его переписки, и где отмечал: «Писания Гилярова надо исследовать и объяснять; о нем по-настоящему надо читать лекции».[3] Редактор журнала П. И. Бартенев в предуведомлении к статье князя Шаховского писал: «…надеемся, что со временем выйдет в свет и собрание сочинений Н. П. Гилярова».[4]

Хранящаяся в Отделе рукописей РНБ переписка князя Шаховского с К. П. Победоносцевым начинается как раз с недатированного письма последнего, в котором он благодарит князя Шаховского за присланный оттиск этой статьи из «Русского Архива». Всесильный сановник Победоносцев, приятель Гилярова с начала 1860-х гг. и его многолетний корреспондент, в этот период присматривался к его ученику князю Шаховскому и протежировал его по службе, неожи-

---

[1] *Рцы (Романов И. Ф.)*. Собр. соч. Т. II. С. 365.

[2] См. его план: *Шаховской Н. В., кн.* Проект матерьяла, который может войти в Сборник <памяти Н. П. Гилярова-Платонова> (1893) / Публ. А. П. Дмитриева // *Гиляров: ИМБР*. С. 479—482.

[3] *Шаховской Н. В., кн.* Из приготовительных работ по биографии Гилярова // *РА*. 1893. Кн. II, вып. 7. С. 430.

[4] Там же. С. 427.

данно для многих выдвинув его в 42-летнем возрасте в председатели С.-Петербургского цензурного комитета, через год — в члены Совета Главного управления по делам печати, а еще через год — в исполняющего обязанности начальника цензурного ведомства. Победоносцев откликнулся на статью князя Шаховского так: «Я прочел ее с величайшим интересом — Вы знаете, как и мне дорога память покойного Никиты Петровича. По Вашему слову, от Вас слышанному, жду с нетерпением появления первого Тома Статей его».[1] За этот же 1893 год сохранился еще фрагмент чернового письма князя Шаховского от середины декабря, в котором он просил Победоносцева посодействовать прошению вдовы Гилярова Веры Алексеевны о назначении ей пожизненной пенсии.[2]

В последующие три года и Анна Гальперсон (в газете «Русское Дело» и журнале «Русский Архив»), и князь Шаховской (главным образом в журнале «Русское Обозрение») опубликовали целый ряд документов из гиляровского архива. Причем, поскольку основные материалы находились у Гальперсон, князь Шаховской периодически брал у нее те или иные бумаги для списывания. В конце 1896 г. Гальперсон неожиданно запретила князю Шаховскому что-либо публиковать из тех документов, что находились у нее. Помимо ревности к памяти друга-учителя, играл свою роль корыстный мотив — полагавшийся за публикации в журналах гонорар (впрочем, князь Шаховской все эти деньги отдавал вдове Гилярова). В письме от 17 декабря князь жаловался Победоносцеву: «…г-жа Гальперсон извещает меня, что она собирается сама распорядиться письмами и рукописями Гилярова, у нее хранящимися» и просил забрать у нее подлинники его переписки с Гиляровым («бóльшая часть коей <…> вряд ли в настоящее время подлежала бы оглашению»), поскольку она не может быть ее собственностью (эти письма Победоносцев передал своему общему с Гиляровым другу историку Е. В. Барсову, а тот отдал Гальперсон).[3] Победоносцев обратился к Гальперсон, и

[1] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 156. Л. 2 об.

[2] Там же. Ед. хр. 78. Л. 12—12 об. Датировано по указанию, что 10 декабря пришлось на пятницу (это было в 1893 и 1899 гг.), и упоминанию хлопот по назначению пенсии В. А. Гиляровой-Платоновой.

[3] См.: Там же. Ед. хр. 75. Л. 1—2 об.

та предъявила нотариальный акт, согласно которому она обладала правами литературной собственности на все писанное Гиляровым. Оказалось, что сразу после кончины мыслителя и вдова, и оба сына, оказавшись в сложном положении, отказались от прав на бумаги покойного за вознаграждение в 200 рублей и впоследствии эти права перешли к Гальперсон.

Уже 10 декабря 1897 г. письма Гилярова к Победоносцеву последний забрал у Гальперсон и переслал князю Шаховскому в Москву, где тот занимал цензорскую должность.[1] При этом Победоносцев предложил на свои средства издать репрезентативный том сочинений Гилярова. Соревнование между Гальперсон и князем Шаховским продолжалось — они оба представили Победоносцеву списки статей, которые могли бы составить такой сборник. Список Гальперсон нами не обнаружен в архивах, но в письмах князя Шаховского имеется его уничижительная критика; список же его самого полностью совпадает с опубликованным Д. Д. Языковым в его известном «обзоре жизни и трудов покойных русских писателей».[2] Из письма князя Шаховского от 17 января того же 1897 г. узнаем, что Победоносцев вплоть до своего назначения обер-прокурором Св. Синода отбирал передовые статьи Гилярова по церковным вопросам и еще в 1894 г. передал эту коллекцию князю Шаховскому.[3]

В письме от 11 января 1897 г. Шаховской сообщал Победоносцеву: «По моему вычислению, объем книги, если в нее включить все 26 статей, превысит 600 страниц».[4] Однако тут же оговаривался: «Издавать ли? Во всяком случае, думается мне, не иначе, как заручившись *правом* безотчетного употребления материала, который г-жа Гальперсон Вам доставит, и притом на основании *твердого*, во всех потребных местах скрепленного, *документа*. Иначе не оберетесь хлопот». Позднее, когда Победоносцев попросил князя Шаховского заняться подготовкой тома Гилярова, тот продолжал сомневаться: «…я с радостью готов слу-

---

[1] Там же. Л. 3—4 об.

[2] *Языков Д. Д.* Обзор жизни и трудов покойных русских писателей. М., 1892. Вып. 7: Русские писатели, умершие в 1887 году. С. 19—22.

[3] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 75. Л. 12 об.

[4] Там же. Л. 6 об.

жить своим трудом делу издания сочинений Гилярова, раз Вы будете полным его хозяином. Только во всех отношениях было бы спокойнее и надежнее, если бы г-жа Гальперсон *про*дала, а не *пере*дала Вам свое право <…>. В Ваше распоряжение я готов отдать не только свой труд, но и все собранные *мною* статьи лишь при том непременном условии, что Вы *купите* (хотя бы за 5000) у Гальперсон все ее права, совершенно таким образом с нею развяжетесь и устраните всякое ее участие в деле издания Гиляровских статей».[1]

Наконец, 4 февраля Победоносцев сообщил князю Шаховскому: Гальперсон «принесла бумагу с переуступкою мне всех прав на издание всех *напечатанных* сочинений Гилярова, с тем что ежели в 3 года я не воспользуюсь, то право возвращается к ней. Могущие быть прибыли назначаются — на памятник и на пособие вдове. За собой она оставляет статьи “Соврем<енных> Известий”.

Вот положение. Если я готов взяться за это дело, то единственно из интереса памяти Гилярова и литературного; ибо иначе все может погибнуть или достаться к<акому>-нибудь промышленнику. Вы сами, видите, лишены прямой возможности взяться за это дело по отношениям к владетельнице прав, но можете из-под меня руководствовать делом издания».[2]

7 февраля князь Шаховской уже предлагал свой план: «Издание придется сделать в 2-х томах, потому что для одного материала слишком много и пришлось бы употребить слишком мелкий и неприятный для чтения шрифт. Как назвать издание? Я над этим долго ломал голову и не мог придумать иного названия, как: “Сочинения Н. П. Г<илярова>-П<латонов>а. — Статьи, напечатанные там-то”».[3] При этом он просил включить не только статьи из журналов и газет, но и некоторые письма, в том числе письмо к С. А. Юрьеву по поводу «Исповеди» Л. Н. Толстого.[4] И сетовал: «…я было задумывал широко поставить дело: мне хотелось предпослать статьям краткий биографический очерк и снабдить самые статьи примечаниями, в коих заключались бы не только указания от-

[1] Там же. Л. 13, 15 об.
[2] Там же. Ед. хр. 148. Л. 1—1 об.
[3] Там же. Ед. хр. 75. Л. 22 об.
[4] Там же. Л. 22.

носительно времени напечатания статей, но и сообщение обстоятельств, при которых некоторые из них были написаны, толков и отзывов, которые они вызывали, и мнений о них самого Гилярова. Но теперь, после “гнева” на меня г-жи Гальперсон, лишившей меня пользования имеющимися у меня копиями Гиляровских бумаг, подобная задача вовсе неосуществима».[1] В ответном письме (от 12 февраля) Победоносцев соглашался, что «если бы могли быть присоединены к тексту примечания, <…> это могло бы лишь возвысить значение всего издания» и предлагал свой вариант названия: «*Сборник* сочинений и статей Н. П. Гилярова-Платонова»,[2] который, с усечением слова «статей» и стал окончательным.

В дальнейших письмах содержатся подробные расчеты Синодальной типографии о себестоимости двухтомника с избранным форматом и шрифтом, в зависимости от тиража. В итоге был избран довольно большой тираж — 3 тысячи экземпляров и цена двухтомника составила в продаже 2 рубля. В январе 1898 г. были готовы образцы корректурных листов.

Однако тут случилась и небольшая размолвка. Восторженный поклонник Гилярова, князь Шаховской стал предлагать к публикации неопубликованные письма, собранные им у адресатов либо у их родственников: в письме от 13 февраля 1897 г. он пишет Победоносцеву: «…позвольте предложить для Сборника замечательное письмо Н<икиты> П<етровича> к Ю. Ф. Самарину о философской терминологии Хомякова».[3] Победоносцев разрешил. 31 октября князь Шаховской выслал отрывки из писем Гилярова к архимандриту Вениамину (Карелину), его младшего товарища по Московской духовной академии, содержавшие отклики на споры в духовной среде о бытии Божием.[4] Тут уж Победоносцев отказал, обосновав это так: «Потому именно что это *отрывки* <…> неудобно пустить их в обращение. Иное дело, когда бы это было цельное и всестороннее

[1] Там же. Л. 21—21 об.
[2] Там же. Ед. хр. 148. Л. 3—3 об., 4.
[3] Там же. Ед. хр. 75. Л. 24 об.
[4] Там же. Л. 26 об.

рассуждение».[1] Наконец, 12 ноября князь Шаховской предлагает Победоносцеву ознакомиться с письмами Гилярова к Романову-Рцы и каким-то большим письмом к о. Вениамину (Карелину), посвященными богословским вопросам. Теперь Победоносцев отрезал: «…это — чтение *для немногих*. Для многих будет отчасти непонятно, отчасти соблазнительно. Итак, не вижу возможности включить это или часть этого в наше издание, тем более что в него войдут лишь напечатанные уже статьи»[2] впрочем, предлагал напечатать эти письма «особою брошюркою за границей, в Берлине <…> в небольшом количестве».[3] Кроме того, Победоносцев отверг ряд докладных записок Гилярова: о цензуре, о преобразовании духовной школы и др.

С начала января 1898 г. приступили к набору первого тома «Сборника сочинений» Гилярова, причем князь Шаховской постоянно присылал на согласование примечания, которыми собирался снабдить публикуемые статьи, с конца февраля началось печатание первого листа. Победоносцев не всегда соглашался с главным цензором, но свое несогласие выражал тактично, например в письме от 24 июля 1898 г.: «Думаю, что предполагаемые Вами примечания весьма могут быть включены в книгу. Может быть, удобнее выпустить некоторые строки, мною замаранные».[4] Одновременно Победоносцев посылал гранки Гальперсон («дабы она знала, что дело не стоит»), которая не без ревности следила за ходом издания.[5]

Попутно, зная, как интересует Победоносцева журнал «Русское Обозрение», князь Шаховской кратко излагал содержание новых его выпусков, поступавших к нему на цензуру,[6] а также уточнял детали жизненных связей Гилярова и Победоносцева.

В самом конце 1898 г. князь Шаховской отправил Победоносцеву биографический очерк, которым должен был открываться двухтомник, а 2 января полу-

---

[1] Там же. Ед. хр. 148. Л. 6.
[2] Там же. Л. 7.
[3] Там же. Л. 7 об.
[4] Там же. Л. 18.
[5] См.: Там же. Л. 19.
[6] См.: Там же. Ед. хр. 77. Л. 1—2 об.

чил его с пометами цензорского характера и пояснением: «…я предложил бы некоторые, думаю, незначительные изменения ради осторожности и в том еще соображении, что издание соединено с моим именем». Например: «На стр. 37 лучше выпустить 3 строки о Каткове. Они <…> могут подать повод к недоразумениям и возбудить полемику. Катков натура сложная, и в 3 строках его не охарактеризуешь, а тут требуется лишь показать в общих чертах отличие его как публициста от Гилярова. Тут же в письме Аксакова я выпустил бы несколько слов», «в конце изменил поклонника на почитателя. Ничьим поклонником еще не называл себя».[1]

Приведем выдержки из наиболее характерных рецензий на двухтомник. Поэт и критик Д. П. Шестаков писал: «В двух лежащих перед нами больших томах, с превосходным изяществом изданных одним из литературных друзей Гилярова, заключено обширное наследство его газетных и журнальных статей, и сейчас не утративших своего интереса и привлекательности. Можно сказать более: в наше время, когда в современной печати все более распространяется печальный тип писателя без убеждений и видимой горячности слова, без внутреннего тепла, тем ярче и звучнее слово старого писателя, проникнутого всей убедительностью искреннего чувства и самостоятельной мысли».[2]

Далее он указывал как на самое существенное в творчестве Гилярова — на его отношение к русскому слову как к святыне, живому источнику и средоточию национально-религиозной идентичности, нуждающейся в заботливом охранении, — отношение особенно целомудренное, не допускавшее духовной девальвации языка и употребления его в нечистых целях. Шестаков писал: «...все отрасли литературной деятельности Гилярова, как и у всякого подлинного писателя, сводятся к небольшому, но уже кровно близкому ему и до глубины продуманному зерну. Это писатель-историк, писатель — богослов и националист, которому русское слово дорого, как старинная народная святыня, и который в каждом новом писателе ищет того же охранения этой бесценной старины во всей ее

[1] См.: Там же. Ед. хр. 149. Л. 1—2 об.

[2] Литературное приложение к «Литературно-Промышленной Газете». 1900. 10 сент. № 35. С. 2. (Критика).

чистоте и святости. Оттого так понятны и близки Гилярову простодушные и прозрачно-светлые, как огонек вечерней лампады, семейные рассказы старика Аксакова. Оттого он с таким наслаждением упивается ароматом старины во внешне-потешных иногда повествованиях о странствиях благочестивого инока Парфения. И по той же самой причине с долею нравственной брезгливости отзывается Гиляров, как критик, о некоторых писателях, владевших красивым словом, но употреблявших его не в неукоризненно-прекрасных целях. С неумытыми руками, с мелкими и своекорыстными страстишками нельзя подходить к чистой, как невозмущенный родник русского леса, святыне народного слова».[1]

Профессор Б. В. Никольский, автор, пожалуй, самых глубоких статей, выяснявших место Гилярова в русской культуре, писал: «Он был и ученым, и публицистом, и чиновником, но это была только внешность: он, в сущности, всегда и везде был только философом в лучшем, благороднейшем смысле этого слова. Он всем своим существом участвовал в жизни русского духа, он всем существом своим ощущал, носил в себе и отражал дух нашей жизни. <…> Все было у него всеобщее, во всем он был сердцем со всеми. <…> Надо притом заметить, что трудно представить себе более увлекательное чтение. Прелестный язык, прозрачный слог, неотразимо прекрасное сердце автора, которое чувствуется в каждой строке, им написанной, возвышенный и благородный строй его мыслей — все в нем покоряет читателя, все возбуждает мысль, все увлекает сердце. Евангельская чистота ума и безупречная искренность мысли соединяются в нем с совершенно исключительною широтой и беспристрастием воззрений»;[2] «Гиляров-Платонов — первоклассный ум, выдающийся писатель, которого если сравнивать, то только и можно сравнивать с Хомяковым, Киреевским, Страховым. <…> Тут не только богатство мысли, роскошь ума, цвет просвещения: тут родной нам дух, тут речь, идущая прямо к сердцу русского человека».[3]

---

[1] Литературное приложение к «Литературно-Промышленной Газете». 1900. 10 сент. № 35. С. 2.

[2] *Никольский Б.* Философ духа жизни // *НВр.* 1900. 25 июля. № 8767. С. 2.

[3] *Никольский Б.* <Рец. на кн.: *Сб. соч.* Т. I—II> // *ИВ.* 1900. Т. 81, июль. С. 271, 272.

И даже недолюбливавший Гилярова П. И. Бартенев отдавал ему справедливость, воздвигая его в русской истории на пьедестал: «Этот писатель не умрет в потомстве, благодаря самобытности своих мыслей, их широте и в то же время психологической чуткости. Н. П. Гиляров — лицо вполне историческое. В нем довольно сходства со Сперанским, но Гиляров глубже знаменитого деятеля, и если бы случай открыл для него поприще государственное, он оставил бы по себе след в русской жизни еще более решительный и, может быть, благодетельный».[1]

Но вернемся к переписке Победоносцева и князя Шаховского. В их позднейших письмах за 1903—1906 гг. речь идет о других пяти изданиях Гилярова, предпринятых ими уже после смерти Гальперсон: «Университетский вопрос» (1903), «Вопросы веры и церкви» (1905—1906), «Откуда нигилизм?» (1904), «Экскурсии в русскую грамматику» (1904) и др., и о памятнике на могиле Гилярова, поставленном 21 июня 1904 г. на деньги, вырученные за «Сборник сочинений» Гилярова («саркофаг в греческом стиле, сделанный из темного мрамора с крестом наверху»[2]); остальной доход был направлен в качестве вспоможения вдове Гилярова и его сыновьям.

Последнее письмо, адресованное Победоносцевым князю Шаховскому, датировано 3 августа 1906 г., а 12 августа он приехал на дачу П. А. Столыпина, для того чтобы испросить себе отпуск. Был тяжело ранен при взрыве на даче и спустя неделю скончался от заражения крови. Публикация литературного наследия Гилярова прервалась более чем на столетие.

Таким образом, подготовке первого научного собрания сочинений Гилярова сопутствовала уникальная ситуация, когда чиновники такого уровня, как обер-прокурор Св. Синода (К. П. Победоносцев) и начальник Главного управления по делам печати (князь Н. В. Шаховской), получив на три года у наследников права на издание трудов Гилярова, придерживавшегося на многие проблемы внутренней и внешней политики России далеко не официозной точки

---

[1] *П. Б.* <*Бартенев П. И.*>. Новые книги: <Рец. на кн.: *Сб. соч.* Т. I> // *РА*. 1899. Кн. II, вып. 6. С. 2 обл.

[2] *РВед*. 1904. 22 июня. № 172. С. 3.

зрения, приступили к кропотливой составительско-редакторской работе, в результате чего в непродолжительном времени (1898—1906 гг.) увидели свет 5 обстоятельных томов и 3 небольшие книги Гилярова, подготовленные на достаточно высоком для своего времени профессиональном уровне.

Заключение

Собранный и исследованный в диссертации материал, представляющий многостороннюю личность Н. П. Гилярова-Платонова в историко-культурной перспективе, свидетельствует о том, что вклад этого писателя, ученого и оригинального мыслителя в русскую литературу середины и второй половины XIX в. — прежде всего в мемуаристику, публицистику и литературную критику — отличался значительным разнообразием и его творческое наследие представляет богатый материал для изучения общественно-политической и духовно-нравственной жизни России XIX в. Вместе с тем существенно, что этот писатель проявил себя не только на собственно литературном поприще, но и в сфере формирования общественного мнения, литературного вкуса читающей публики.

В рамках диссертационной работы была впервые комплексно проанализирована деятельность Гилярова как ученого, публициста, мемуариста и литературного критика, прослежена история публикации его литературного наследия и его освоения критической и исследовательской мыслью. Современное состояние изученности его жизни и творчества охарактеризовано как далеко не достаточное, а личность писателя в связи с этим — как недооцененная.

Одной из основных задач диссертационного исследования было составление научной биографии Гилярова, основанной на принципах научного историзма и безусловной достоверности сообщаемых фактов. При этом невозможно было не сознавать, что процесс структурирования многомерного жизненного пути писателя в процессе повествования неизбежно несет элемент некоторого исследовательского субъективизма, как и предлагаемое биографом прояснение исторического смысла конкретной человеческой судьбы.

В биографическом очерке жизненный путь Гилярова рассмотрен хронологически последовательно с акцентом на его практической деятельности (преподавательской, цензорской, общественной, административно-распорядительной и журналистской), которую он понимал как «Служение» стране и народу, и прежде всего в области литературы. Особое внимание уделено наименее изученным

периодам жизни Гилярова и ее ключевым эпизодам. При этом — благодаря введению в научный оборот большого корпуса архивных материалов — уточнены датировки, конкретные обстоятельства, внесены поправки в исследования о Гилярове, освещавшие соответствующие события.

Реконструкция раннего периода жизни писателя, в частности его обучения в Коломенском духовном училище и Московской семинарии (1824—1844), построена на основе семейных документов этого периода, мемуаров «Из пережитого» и опубликованных мною воспоминаний его племянника, Ф. А. Гилярова, педагога, историка и журналиста. Показано, что, описывая будни бурсацкой жизни, Гиляров-Платонов, в отличие от многих своих современников — таких, например, как Н. Г. Помяловский, Д. И. Ростиславов, священник И. С. Беллюстин, — свидетельствовал, что укорененная в религиозно-педагогическую традицию, проверенная временем «конституция духовной школы» (название одной из глав его мемуаров «Из пережитого») обладает потенциалом, зачастую дающим ей известное превосходство перед системой гражданского образования.

Обучаясь, а потом и служа баккалавром (преподавателем) в Московской духовной академии, Гиляров стал одним из первых русских переводчиков Гегеля и критиком его системы с позиций православного теизма, ему удалось показать внеположность философской системы Гегеля христианской онтологии и этике. Работая над магистерской диссертацией, ставшей столь же новаторской для его времени научной работой, он пошел на неприемлемый для духовно-академической традиции модернизм — применение к богословским исследованиям методологии новейшего философского рационализма. Неизвестные доселе обстоятельства этих событий выяснены благодаря привлечению сохранившихся в архивах свидетельств современников (протоиереев М. С. Боголюбского и В. М. Сперанского, архиеп. Саввы (Тихомирова) и А. П. Владимирова). Материал для изучения педагогической деятельности Гилярова дали конспекты лекционных курсов писателя и почти не привлекавшие внимания исследователей мемуары прот. Г. П. Смирнова-Платонова и Е. Е. Голубинского.

Во всех подробностях с опорой ранее неизвестные документы (письма П. И. Бартенева, гр. Д. Н. Блудова и гр. А. Д. Блудовой к Гилярову и Гилярова к И. С. Аксакову и Н. Ф. Глебову о Записке о расколе, составленной Гиляровым по просьбе гр. А. Д. Блудовой для Августейшего семейства) проанализирован перелом в судьбе Гилярова в связи с конфликтом со святителем Филаретом (Дроздовым). Показано, что взаимоотношения Гилярова с московским митрополитом прошли несколько этапов: покровительство владыки — его раздражение из-за увлечения Гилярова философией — полный разрыв из-за диаметрально противоположного взгляда на расколоведение — примирение — сотрудничество. Доказывается, что Гилярова, преподававшего в Академии учение о вероисповеданиях, ересях и расколах, митрополит Филарет уволил не за сочувствие взглядам старообрядцев, а за то, что он протестовал против попыток правительства искоренять раскол исключительно полицейскими, бесчеловечно-жесткими мерами. Это был вопрос более политический, чем духовный.

Детально рассмотрено участие Гилярова как автора и цензора в журнале «Русская беседа» и газетах «День» и «Москва», где он опубликовал более 20 программных для него и всего славянофильского кружка работ по эстетике, методологии истории, литературной критике, философии и публицистических статей на церковные темы и по славянскому вопросу (авторство некоторых из них устанавлено впервые). Для выстраиваемой Гиляровым концепции истории литературы, ориентирующейся на позднего Н. В. Гоголя и С. Т. Аксакова, характерен взгляд на отечественную словесность под углом зрения ее национального своеобразия и утверждения религиозно-нравственных идеалов и представление о том, что героем может быть не только мучительно рефлексирующий индивид, но и люди «житийного типа», которых отличает «цельность жизни», что литература призвана не критиковать действительность, а являть высший идеал. Эта позиция оказалась плодотворна для дальнейшего литературного развития (творчество Ф. М. Достоевского, Н. С. Лескова, Б. К. Зайцева, И. С. Шмелева, Е. Г. Водолазкина и др.).

Издание Гиляровым ежедневной газеты «Современные известия», продолжавшееся 20 лет и способствовавшее росту национального самосознания, стало главным делом его жизни, его личным органом, тем более что по творческому темпераменту и внутренним склонностям Гиляров был призван к публицистическому поприщу более, чем к какому-либо иному: именно в публицистике, в ежедневном общении со своим читателем на самые разные темы политики, религии, морали, московского быта и т. д. он нашел свое настоящее призвание. Особое внимание уделено сложным взаимоотношениям Гиляров-издателя с цензурой. Прослежена история издания Гиляровым иллюстрированного еженедельника для семейного чтения «Радуга» (1883), ранее не привлекавшего внимания исследователей. Впервые освещены (опубликованные ранее мною) и проанализированы материалы уголовного дела «О статском советнике Н. П. Гилярове-Платонове, обвиняемом в растрате сумм, пожертвованных на славян» (1877—1879), инициированного по облыжному доносу бывшей помощницы Гилярова по редакции М. С. Сковронской.

Исследованные материалы позволяют выявить и церковно-историческое измерение личности Гилярова, демонстрируя его вклад в религиозную жизнь России не только теоретический (осмысление проблем церкви Синодального периода, в первую очередь, вопросов восстановления патриаршества, созыва поместного собора и налаживания приходской жизни, расшатанной либеральными реформами рубежа 1860—1870-х гг.), но и практический (организация церковноприходских школ и благотворительных фондов, сбор денег на кафедральный собор в Токио и др.).

Сосредоточенный анализ публицистической деятельности Гилярова показал, что на фоне современной ему журналистики его слово выделялось своей оригинальностью — как неожиданными, но всегда опиравшимися на русский менталитет подходами к решению политических и общественно-нравственных вопросов, так и образной речью с живыми, задушевными интонациями, стилистически удерживавшей смыслообразование и ценностный потенциал духовной литературы, и в частности церковной гомилетики.

В самых разных по политическому направлению изданиях регулярно цитировались передовицы Гилярова — в палитру общественного мнения они всегда добавляли свои особенные краски. В диссертации отчетливо определено место Гилярова в современной ему журналистике, выявлена специфика его охранительно-демократической общественно-политической позиции, показаны отличия его установок как публициста от установок других представителей консервативного лагеря (М. Н. Каткова, Т. И. Филиппова, К. Н. Леонтьева и др.), а также журналистов либерального и радикального направлений. Проанализированы наиболее важные, на наш взгляд, проблемы, связанные с журналистской деятельностью писателя, прежде всего — обойденные вниманием как критиков при его жизни, так и современных исследователей, причем эти проблемы рассмотрены не сами по себе, не отвлеченно, а в пространстве диалогов, притяжений — отталкиваний с видными журналистами, писателями, общественными деятелями своей эпохи — в большом «хоре» общественной жизни России.

Так, сопоставление редакторских стратегий двух основных консервативных газет, издававшихся в Москве в 1860—1880-х гг. («Московских ведомостей» и «Современных известий»), позволяет заключить, что если Гиляров в сфере публицистики оставался утонченным философом, порой несколько замысловатым для широкой публики, то М. Н. Катков воплощал образец по-настоящему востребованного журналиста-практика — «властителя дум», поборника национально ориентированной государственной политики; если первый больше воздействовал на ум читателей, то второй — на их волю. С опорой на ранее неизвестные архивные источники описаны жизненные и творческие контакты Гилярова и М. Н. Каткова и прослежена эволюция их взаимоотношений — от дружеских, сопровождавшихся сотрудничеством Гилярова в «Русском вестнике» (в конце 1850-х гг. он был автором и цензором, а в начале 1860-х гг. — заведующим редакцией журнала), до неприязненных, объяснявшихся углублявшимися со временем идейными разногласиями.

Проанализирован сюжет, связанный с участием Гилярова в забытой ныне, но важной для своего времени немецкой хрестоматии, объединившей под своей

обложкой избранные славянофильские статьи по истории, философии, социологии и эстетике, выходившие в свет в 1850-е гг. Выяснено, что ее замысел принадлежал братьям К. С. и И. С. Аксаковым, но издана она была Фр. Боденштедтом под названием «Русские фрагменты: К познанию государственной и народной жизни в ее историческом развитии» (Лейпциг, 1862) и что наиболее заметной публикацией хрестоматии стал перевод статьи Гилярова «Личное и общественное» (1859), сопровождаемый полемическими примечаниями швейцарского правоведа И.-Г. Блюнчли. Изучена и реакция рецензентов (П. И. Бартенева и Л. П. Блюммера) на публикацию Гилярова.

Особенности общественно-религиозной позиции Гилярова-публициста выявлены на основе анализа его публикаций о митрополите Филарете (Дроздове) 1867 и 1882—1883 гг. — в сопоставлении со статьями на ту же тему М. Н. Каткова и И. С. Аксакова. В частности, доказывается, что передовая статья Гилярова о Филарете, увидевшая свет в № 356 «Современных известий» от 25 декабря 1882 г., дала толчок киевскому историку Ф. А. Терновскому для написания его очерка «Митрополит Филарет. Его научное и общественное значение» для «Нового времени» (1883. 9—11 янв., № 2466—2468), спровоцировавшего общественный скандал и имевшего существенное значение для публицистики Н. С. Лескова.

Кроме того, в работе показано, как деятельное сочувствие, выраженное к старообрядчеству Вл. С. Соловьевым, И. С. Аксаковым, Гиляровым, Н. С. Лесковым, а вслед за ними и другими литераторами, содействовало преодолению психологической ксенофобии по отношению к старообрядцам. Анализ программного очерка Гилярова «Логика раскола» (1884) позволил сделать вывод, что, полемизируя с «внешней» точкой зрения на раскол со всеми ее разновидностями (*полемической*, присущей митрополиту Филарету; *полицейской*, свойственной Ф. В. Ливанову и отчасти П. И. Мельникову-Печерскому; *культурной*, идеализирующей раскол, характерной для Н. С. Лескова и И. С. Аксакова), Гиляров рассматривал старообрядчество «изнутри» — как религиозное верование, «цельное, живое явление», а не только мнение. В целом же, доказывается, что в

своей религиозной публицистике Гиляров противодействовал распространенному в тот период «клерикально-бюрократическому направлению». Проанализированы критика Гиляровым реформ обер-прокурора Св. Синода графа Д. А. Толстого, программа которых, по его мнению, была задана либеральной публицистикой священника И. С. Беллюстина и Д. И. Ростиславова, и предложенные Гиляровым конкретные меры по воссозданию должных взаимоотношений между клиром и мирянами, бытовавших до конца XVII в., и преодолению кастовости духовного сословия.

На материале многочисленных откликов Гилярова на различные постановления Цензурного ведомства (и печатные, и более откровенные и резкие — в частных письмах) выяснена неоднозначная позиция писателя по отношению к цензуре. Показано, что Гиляров скептически оценивал возможности цензуры остановить реальное зло, распространяемое печатью, считал, что цензурные стеснения породили нелегальную печать, пропагандировавшую терроризм, и всегда выступал за возможно большую независимость печатного слова, в чем смыкался с публицистами либерального лагеря.

Впервые исследовано отношение Гилярова к панславизму. Выяснено, что своеобразие его взгляда (на фоне суждений К. П. Победоносцева, А. С. Суворина и др.) выразилось, с одной стороны, в предельно заостренной постановке этой проблемы в макроисторическом и широком геополитическом контексте, а с другой — в том, что его историософским построениям сопутствовали общественно значимые предложения практического порядка. Обосновывается гипотеза о том, что одна из статей Гилярова по кирилло-мефодиевской проблематике (в № 43 «Современных известий» от 14 февраля 1885 г.) вызвала полемический ответ Вл. Соловьева — статью «Церковные дела. Письмо первое», опубликованную в «Голосе Москвы» (14 марта. № 73) под псевдонимом Варсонофий Максимов.

Реконструированы жизненные и творческие взаимоотношения Гилярова и К. П. Победоносцева (в основном на материале их двусторонней переписки, изданной мною и насчитывающей 94 письма). Анализируются впервые вводимые в научный оборот суждения о журналистике, которыми делились друг с другом

корреспонденты. Показано, что идейная общность и близость нравственных установок Гилярова и К. П. Победоносцева при широте кругозора и энциклопедичности знаний делали их отношения взаимодополняющими.

Сходный по методологии анализ переписки Гилярова и Филиппова (сохранилось 14 писем, опубликованных мною) позволил заключить, что Гиляров, свободный от отвлеченной доктринальности, более профессионально, нежели Т. И. Филиппов и его единомышленник К. Н. Леонтьев (оправдывавшие, например, претензии Константинопольского патриархата по отношению к болгарам), вникал в церковно-исторические проблемы. Проанализированы оценки Гиляровым и Филипповым реформы духовного суда, русификаторских действий церковных властей на имперских окраинах, утилитарной педагогики барона Н. А. Корфа.

Впервые на материале обнаруженных в РО ИРЛИ сочинений Гилярова семинарского периода рассмотрен процесс формирования его эстетических взглядов. Выяснено, что большинство дошедших до нас беллетристических и поэтических произведений Гилярова-семинариста — «Последние дни Помпеи», «Честолюбец», «Случай, каких немного», «Два бедняка», «Смерть грешника», «Страшный суд» — объединяет эсхатологическая тема, в основу их положена новозаветная по существу проблема греха, его искупления и воздаяния за него.

Сосредоточенное исследование мемуарного повествования Гилярова «Из пережитого» показало, что оно имеет сложную жанровую природу: обладает чертами эпопеи и, одновременно, романа воспитания, в нем заметен учительно-проповеднический элемент и особенности, свойственные «экспериментальному роману» Э. Золя. Гиляровское сочувствие славянофильской реабилитации русской провинции подтверждается двухтомной структурой книги, в которой *провинция* (Коломна, где родился автор и прожил до 12 лет) уравнена со *столицей* (Москвой, в отличие от Петербурга, «хорошей, славянофильской» столицей). Подробно освещена творческая история книги, устанавлены ее возможные претексты и источники-«образцы» (в частности, рукописные мемуары однокурсника Гилярова по Академии В. М. Сперанского), проанализированы многочисленные

отклики на нее в печати, по большей части газетные, не выявленные библиографами, а также отзывы читателей в частной переписке.

Благодаря привлечению значительного количества неизвестных архивных и редких газетных материалов реконструирована история знакомства Гилярова с С. Т. Аксаковым и его семьей (оно датируется весной 1852 г.; ранее считалось, что оно произошло в 1855 г.). Рассмотрена творческая полемика Гилярова с С. Т. Аксаковым, инициированная отзывами первого на очерк «Буран» и «Семейную хронику». Проанализированы высказывания Аксаковых о Гилярове, зафиксированные дневниковых записях В. С. Аксаковой и в ее письмах к М. Г. Карташевской, и опубликованные мною письма Гилярова к С. Т. Аксакову 1855 и 1857 гг.

Интерес Гилярова к спиритическим явлениям, как выяснилось в ходе исследования, во многом был инициирован увлечением столоверчением в усадьбе Абрамцево в 1853 г., свидетельства чему обнаружены мною в переписке В. С. Аксаковой с М. Г. Карташевской: эти данные важны для понимания как трактата К. Аксакова «О так называемом чудесном, или сверхъестественном» (1854) и эпистолярной рецензии Гилярова на это произведение, так и осмысления взаимоотношений последнего с известным исследователем медиумизма А. Н. Аксаковым в 1870-х гг. и более позднего обмена мнений с И. Ф. Романовым-Рцы о спиритизме (1884). Также установлено, что записка К. Аксакова «О внутреннем состоянии России» создавалась с участием Гилярова.

Проанализировано творческое сотрудничество Гилярова и И. С. Аксакова в славянофильских изданиях, в Славянском благотворительном комитете и Обществе любителей российской словесности, а также дружеское общение, остававшееся довольно тесным на протяжении более 30 лет, — главным образом на основе опубликованных мною 53 писем, которые затрагивают широкий тематический спектр от вопросов международной политики, проблем Цензурного ведомства и противодействия революционному движению — до обмена сведениями о родственниках и друзьях. Взаимоотношения Гилярова и И. С. Аксакова переживали периоды охлаждения, но все же И. С. Аксаков, пусть и не сознавая того, нуждался в урезонивании со стороны Гилярова, в его умных советах, а вто-

рой, часто несобранный, сомневающийся, — в руководстве энергичного и властного Аксакова. Анализ рецензии Гилярова на посмертное переиздание книги И. С. Аксакова «Биография Федора Ивановича Тютчева» (М., 1886) показал, что Гиляров первый по достоинству оценил его вклад в русскую литературную критику и литературоведение. На примере этой рецензии, впервые атрибутируемых Гилярову предисловий к двум первым томам посмертного Собрания сочинений И. С. Аксакова (М., 1886), а также трем мемуарным очеркам о нем (первый в виде речи был озвучен 2 мая 1877 г. на заседании Славянского благотворительного общества, два других напечатаны как поминальные передовые статьи в связи с кончиной и похоронами И. С. Аксакова 29 января и 1 февраля 1886 г.) выявлены особенности литературной критики Гилярова, в которой он остается публицистом-философом и отчасти проповедником, мастером лапидарных, точных и убедительных оценок.

Обстоятельства творческих контактов Гилярова и А. С. Хомякова выяснены по архивным источникам, впервые введенным в научный оборот. В частности, показано, на каких основаниях Гиляров оспаривал терминологию, использовавшуюся Хомяковым в его богословских брошюрах на французском языке, и не принимал основную идею «Семирамиды» о механическом заимствовании верований народами. На материале переписки Гилярова, Ю. Ф. Самарина и И. С. Аксакова, в том числе неопубликованной, выяснены неизвестные подробности подготовки к изданию богословских сочинений Хомякова в 1860—1867 гг., а также работы Самарина над книгой «Иезуиты и их отношение к России» (1866), развивающей идеи Хомякова. Установлено, что существовало три варианта перевода с французского богословских брошюр Хомякова, авторами которых были Гиляров и Самарин, но мера участия каждого из них была различна (окончательный вариант на двух основе предыдущих создан Самариным, пользовавшимся консультациями Гилярова).

В диссертации исследованы взаимоотношения Гилярова и Л. Н. Толстого в 1862 г., когда первый был цензором журнала «Ясная Поляна». Воссоздана оригинальная позиция Гилярова по отношению к толстовской педагогике

в контексте его собственных педагогических идей; представлены по архивным документам обстоятельства цензурного прохождения статей Толстого, предназначенных для «Ясной Поляны». Благодаря текстологической экспертизе установлено, что автором докладной записки в жанре литературно-критической статьи под названием «Мнение о “Ясной Поляне”, педагогическом журнале, издаваемом графом Л. Н. Толстом» (1862) является именно Гиляров, а не К. К. Сент-Илер (версия Н. Н. Гусева).

Выяснено сложное отношение Гилярова к А. Н. Островскому, которому он приходился свойственником, и к его произведениям: высоко оценивая его как «достойного преемника Гоголя на драматическом поприще», Гиляров считал, что своими «жанровыми пьесами» из замоскворецкого быта драматург породил целую школу поденщиков-эпигонов, в сочинениях которых купеческий быт утрирован и далек от действительности.

Творческий диалог Н. С. Лескова с Гиляровым реконструирован в контексте изучения контактов Лескова с религиозно-общественными деятелями. Выяснено, что в общении двух писателей случаи полемического противостояния объяснялись психологическими мотивами или недоразумениями и уравновешивались моментами единодушия по важным церковно-общественным вопросам: об организации начального образования для детей старообрядцев, об осуждении ритуальных практик скопческой секты и др.

Анализ малоизвестных критических суждений Гилярова и И. С. Аксакова о Ф. М. Достоевском позволил заключить, что позиция Гилярова оказалась плодотворной на фоне высказываний духовных писателей и церковных публицистов о Достоевском в первое десятилетие по его кончине: Гиляров сумел объективно оценить реальный вклад почившего в духовную жизнь России, не умаляя значения его религиозного вдохновения.

Исследование писем Гилярова к И. Ф. Романову-Рцы, в которых писатель в полной мере реализовал свою потребность в учительстве и исповеди — и интеллектуальной, мировоззренческой, и задушевно-личной, позволило рассмот-

реть исповедальную интенцию в качестве одной из отличительных черт не только эпистолярного наследия Гилярова, но и его мемуаристики.

Проанализирован процесс посмертного (в 1880—1910-х гг.) изучения и издания наследие писателя — прежде всего на материале обширного корпуса опубликованной мною переписки князя Н. В. Шаховского с К. П. Победоносцевым, а также с целым рядом современников Гилярова. Констатируется хорошая степень сохранности его наследия, находящегося в архивохранилищах страны, чего нельзя сказать об изученности этого наследия. Показано, что всей совокупностью своей научной, публицистической, литературно-критической деятельности Гиляров стремился выразить точку зрения на культуру, которая рассматривала бы ее с глубоко самобытных позиций, и, таким образом, внес весомый вклад в разработку понятий, выражающих историческое своеобразие и призвание русского народа, — в то, что принято обозначать концептом «русская идея».

Все это позволяет подтвердить выдвинутую нами гипотезу, что причина забвения Гилярова не в недостатках или просчетах его собственного творчества, что именно его религиозная вера и консервативная политическая позиция предопределили его изъятие советским литературоведением из общей картины литературного процесса XIX столетия. Вот почему в наше время нужно не только исследование Гилярова, но и издание его собрания сочинений и писем. Проведенный в диссертации анализ жизненного пути и творчества Гилярова открывает перспективу дальнейшего изучения его творческого феномена как немаловажной составляющей процесса развития русской литературы 1850—1880-х гг. Объективно нуждающимися в дальнейшем исследовании представляются поэтика мемуарной прозы Гилярова и различные аспекты его диалога с современниками.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Архивохранилища

ГАРФ — Федеральное казенное учреждение «Государственный архив Российской Федерации» (М.).

ГИМ — Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный исторический музей». Отдел письменных источников (М.).

ГЛМ — Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный литературный музей». Отдел рукописных фондов (М.).

ИРЛИ — Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук». Рукописный отдел (СПб.).

РГАЛИ — Федеральное казенное учреждение «Российский государственный архив литературы и искусства» (М.).

РГБ — Федеральное государственное бюджетное учреждение «Российская государственная библиотека». Отдел рукописей (М.).

РГИА — Федеральное государственное учреждение «Российский государственный исторический архив» (СПб.).

РНБ — Федеральное государственное бюджетное учреждение «Российская национальная библиотека». Отдел рукописей (СПб.).

ЦИАМ — Государственное бюджетное учреждение г. Москвы «Центральный исторический архив Москвы».

Произведения печати

Аксаков — Аксаков И. С. Полн. собр. соч. М., 1886—1887. Т. I—VII.

Аксаков в письмах — Иван Сергеевич Аксаков в его письмах: Эпистолярный дневник 1838—1886 гг. с предисл., коммент. и воспоминаниями А. Ф. Акса-

ковой / Сост., подгот. текста, примеч. Т. Ф. Прокопова. М.: Рус. книга, 2003—2004. Т. I—III.

Аксакова — Аксакова Вера. Дневники. Письма / Изд. подгот. Т. Ф. Пирожкова. М., 2013. (Славянофильский архив; Кн. II).

БВ — журнал «Богословский Вестник» (Сергиев Посад, 1892—1918).

Беляев — Беляев А. А., прот. Профессор Московской духовной академии П. С. Казанский и его переписка с архиепископом Костромским Платоном. Сергиев Посад, 1910—1911. Вып. I—II.

ВЕ — журнал «Вестник Европы» (СПб., 1866—1918).

Возвращение — Возвращение Гилярова-Платонова: Сб. ст. и материалов / Коломен. гос. пед. ин-т; Отв. ред. В. А. Викторович. Коломна, 2007.

Вопросы веры и церкви — Гиляров-Платонов Н. П. Вопросы веры и церкви: Сб. ст. 1868—1887 гг. / Под ред. <и с предисл.> кн. Н. В. Шаховского. М.: Изд. К. П. Победоносцева, 1905—1906. Т. I—II.

ВФиП — «Вопросы Философии и Психологии» (М., 1889—1918).

Гиляров: ИМБР — Никита Петрович Гиляров-Платонов: Исследования. Материалы. Библиография. Рецензии / ИРЛИ РАН; Под общ. ред. А. П. Дмитриева. СПб.: Росток, 2013.

«День» Аксакова — «День» И. С. Аксакова: История славянофильской газеты: Исследования. Материалы. Постатейная роспись / ИРЛИ РАН; Под общ. ред. Н. Н. Вихровой, А. П. Дмитриева и Б. Ф. Егорова. СПб.: Росток, 2017. Ч. 1. (Славянофильский архив; Кн. 5).

ДЧ — журнал «Душеполезное Чтение» (1860—1917).

ЖЗ — «Журнал Земледельцев» (СПб., 1858—1860).

ЖМНП — «Журнал Министерства Народного Просвещения» (1834—1917).

ИВ — журнал «Исторический вестник» (СПб., 1880—1917).

Из пережитого — Гиляров-Платонов Н. П. Из пережитого: Автобиографические воспоминания / Изд. подгот.: А. П. Дмитриев, И. Г. Птушкина, Л. В.

Дмитриева; Отв. ред. Б. Ф. Егоров. СПб.: Наука, 2009. Т. 1. 614 с.; Т. 2. 714 с. (Лит. памятники / РАН).

МВед — газета «Московские Ведомости» (1756—1917).

НВр — газета «Новое Время» (СПб., 1868—1917).

ПВ — «Правительственный Вестник» (СПб., 1869—1917).

Переписка Аксакова и Самарина — Переписка И. С. Аксакова и Ю. Ф. Самарина (1848—1876) / Изд. подгот. Т. Ф. Пирожкова, О. Л. Фетисенко и В. Ю. Шведов. СПб.: Пушкинский Дом, 2016. 710 с. (Славянофильский архив; Кн. III).

Переписка Аксаковых и Кохановской — Семья Аксаковых и Н. С. Сохранская (Кохановская). Переписка (1858—1884) / ИРЛИ РАН; Сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. О. Л. Фетисенко. СПб.: Пушкинский Дом, 2018. 600 с. (Славянофильский архив; Кн. IV).

Переписка с Филипповым — Дмитриев А. П. «Случаям единомыслия бываю всегда рад…»: Переписка Н. П. Гилярова-Платонова с Т. И. Филипповым // Историко-философский ежегодник’2008 / РАН. Ин-т философии; Отв. ред. О. В. Голова. М.: Наука, 2009. С. 326—369.

Переписка с Шаховским — «…У Вас есть преданные люди, способные Вас оценить…»: Переписка Н. П. Гилярова-Платонова с кн. Н. В. Шаховским / Вступ. ст., подгот. текстов и коммент. А. П. Дмитриева // Христианство и русская литература / ИРЛИ РАН; Отв. ред.: В. А. Котельников и О. Л. Фетисенко. СПб.: Наука, 2012. Сб. 7. С. 55—95.

Письма к Рцы — «Многое тут разбросано искрами глубокой мысли…»: (Письма Н. П. Гилярова-Платонова к И. Ф. Романову-Рцы) / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. А. П. Дмитриева // Возвращение Гилярова-Платонова: Сб. ст. и материалов / Коломен. гос. пед. ин-т; Отв. ред. В. А. Викторович. Коломна, 2007. С. 209—342.

ПкИТСО — «Прибавления к Изданию Творений Святых Отец в русском переводе» (Сергиев Посад, 1843—1891).

ПО — журнал «Православное Обозрение» (М., 1860—1891).

РА — журнал «Русский Архив» (М., 1863—1917).

Разумевающие верою — Разумевающие верой: Переписка Н. П. Гилярова-Платонова и К. П. Победоносцева (1860—1887); Прил.: *Н. П. Гиляров-Платонов*. Нечто о Русской церкви в обер-прокурорство К. П. Победоносцева / Вступ. ст., сост., подгот. текстов и коммент. А. П. Дмитриева. СПб.: Росток, 2011. (Славянофильский архив; Кн. 2).

РБ — журнал «Русская Беседа» (М., 1856—1860).

РВ — журнал «Русский Вестник» (М., 1856—1887; СПб., 1888—1906).

РВед — газета «Русские Ведомости» (М., 1863—1918).

РД — газета «Русское Дело» (М., 1886—1890).

РО — журнал «Русское Обозрение» (М., 1890—1898; СПб., 1901, 1903).

«Русская Беседа» — «Русская Беседа»: История славянофильского журнала: Исследования. Материалы. Постатейная роспись / ИРЛИ РАН; Гос. музей-заповедник «Абрамцево»; Под ред. Б. Ф. Егорова, А. М. Пентковского и О. Л. Фетисенко. СПб.: Пушкинский Дом, 2010. (Славянофильский архив; Кн. 1).

Сб. соч. — Гиляров-Платонов Н. П. Сборник сочинений. М.: Изд. К. П. Победоносцева, 1899—1900. Т. I—II.

СИ — газета «Современные Известия» (М., 1867—1887).

СПбВед — газета «С.-Петербургские Ведомости» (1703—1917).

ХЧ — журнал «Христианское Чтение» (1821—1918, 1991—).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

I. Источники

1. *Гиляров-Платонов, Н. П.* 1 декабря 1867 года (№ 1); 5 января 1868 года (№ 4); 1 декабря 1885 года : <передовые статьи> / Н. П. Гиляров-Платонов ; предисл., подгот. текста и коммент. Д. Ю. Балашова // Возвращение Н. П. Гилярова-Платонова : сб. ст. и материалов / КПГИ. — Коломна, 2007. — С. 179—181.

2. *Гиляров-Платонов, Н. П.* <Архивные материалы> / Н. П. Гиляров-Платонов // ОФР ГЛМ. — Ф. 23: Н. П. Гиляров-Платонов. — 101 ед. хр.

3. *Гиляров-Платонов, Н. П.* <Архивные материалы> / Н. П. Гиляров-Платонов // РО ИРЛИ. — Ф. 71: Н. П. Гиляров-Платонов. — 971 ед. хр.

4. *Гиляров-Платонов, Н. П.* <Архивные материалы> / Н. П. Гиляров-Платонов // ОР РГБ. — Ф. 847: Н. В. Шаховской. — 1016 ед. хр.

5. *Гиляров-Платонов, Н. П.* Библиографическая заметка <о статье А. Н. Муравьева «Обличение на книгу “О возможном соединении Церкви Российской с Западною”», содержавшей критику на сочинение Н. Б. Голицына> / Ц. // Русский вестник. — 1859. — Т. XX, апр., кн. 1. — Отд. II. — С. 245—250.

6. *Гиляров-Платонов, Н. П.* Вопросы веры и церкви : сб. ст. 1868–1887 гг.: в 2 т. / Н. П. Гиляров-Платонов. М.: изд. К. П. Победоносцева, 1905—1906 (репринт. изд.: СПб.: Альфарет, 2011). — Т. I. —532 с.; Т. II. — 628 с.

7. *Гиляров-Платонов, Н. П.* Воспитание воли: (отрывок из автобиогр. воспоминаний) / [Н. П. Гиляров-Платонов] // Современные известия. — 1885. — 23 нояб., № 305. —С. 1—2.

8. *Гиляров-Платонов, Н. П.* «Да, много Вы моей души занимаете»: письма Н. П. Гилярова-Платонова к А. М. Гальперсон / Н. П. Гиляров-Платонов ; публ. А. П. Дмитриева // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007—2008 годы / РАН. ИРЛИ. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. — С. 171—251.

9. *Гиляров-Платонов, Н. П.* Два письма к А. Д. Желтухину (об издании газет и служении сословию, о положении сословий накануне крестьянской реформы,

о лубочных картинах) <1859> / Н. П. Гиляров-Платонов ; сообщ. князь Н. В. Шаховской // Русское обозрение. — 1896. — Т. 42, нояб. — С. 460—470.

10. *Гиляров-Платонов, Н. П.* Дело о запрещении сочинения Н. П. Гиляро-ва-Платонова «В каком смысле могут принадлежать евреям права гражданства в христианских государствах» как ставившей вопрос, не разрешенный к обсуждению в общественном порядке (25 февраля — 21 апреля 1861 г.) / Н. П. Гиляров-Платонов // РГИА. — Ф. 772. — Оп. 1. — Д. 5630. — 20 л.

11. *Гиляров-Платонов, Н. П.* Дело о назначении Н. П. Гилярова-Платонова цензором Московского цензурного комитета (1 октября 1855 г. — 9 ноября 1856 г.) / Н. П. Гиляров-Платонов // Там же. — Ф. 772. — Оп. 1. — Д. 3728. — 21 л.

12. *Гиляров-Платонов, Н. П.* Дело о поручении цензору Московского цензурного комитета Н. П. Гилярову-Платонову во время заграничного отпуска ознакомиться с устройством заграничных раввинских училищ и еврейской литературой (18 мая 1857 г. — 4 марта 1860 г.) / Н. П. Гиляров-Платонов // Там же. — Ф. 772. — Оп. 1. — Д. 4144. — 35 л.

13. *Гиляров-Платонов, Н. П.* Доклад Гилярова Московскому цензурному комитету о разрешении к печати «Полного собрания сочинений Грибоедова» <от 8 февраля 1857 г.> / Н. П. Гиляров-Платонов ; сообщ. князь Н. В. Шаховской // Русское обозрение. — 1896. — Т. 42, нояб. — С. 454—456.

14. *Гиляров-Платонов, Н. П.* Докладная записка — попечителю Московского учебного округа по поводу предложения занять в Московском университете кафедру философии / Н. П. Гиляров-Платонов ; сообщ. князь Н. В. Шаховской // Там же. — 1896. — Т. 42, нояб. — С. 456—458.

15. *Гиляров-Платонов, Н. П.* Докладная записка в Московский цензурный комитет (июня 26 дня 1859 года) цензора Никиты Гилярова-Платонова <по поводу издания книги П. В. Жадовского «Житейские сцены»> / Н. П. Гиляров-Платонов // Там же. — 1898. — Т. 49, февр. — С. 911—917; отд. отт.: [М., 1898]. — 8 с.

16. *Гиляров-Платонов, Н. П.* Докладная записка Н. П. Гилярова-Платонова <в Московский цензурный комитет от 9 марта 1859 г., по поводу «Московских ведомостей»> / Н. П. Гиляров-Платонов ; публ. Н. А. Любимова // Русский вестник. — 1888. — Т. 195, март. — С. 422—426.

17. *Гиляров-Платонов, Н. П.* <Дополнения к статье В. Лешкова «Русские экономические вопросы»> («Труд есть напряжение сил, а работа есть их проявляющееся действие») / *Н. Г—в* // День. — 1862. — 3 нояб., № 44. — С. 8.

18. *Гиляров-Платонов, Н. П.* Еврейский вопрос в России / Н. П. Гиляров-Платонов ; составлено на основании статей и писем Гилярова-Платонова <князем Н. В. Шаховским>. — СПб. : тип. А. С. Суворина, 1906. — 63 с.

19. *Гиляров-Платонов, Н. П.* «Жизнь есть подвиг, а не наслаждение…» / Н. П. Гиляров-Платонов ; сост. и коммент. Ю. В. Климакова. — М.: Ин-т рус. цивилизации, 2008. — 717 с.

20. *Гиляров-Платонов, Н. П.* Записка Гилярова-Платонова о надписи на антиминсах (23 октября 1863 г.) / Н. П. Гиляров-Платонов // Алфавитный указатель к Собранию мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам и к переписке его с разными учреждениями и лицами духовными и светскими. — СПб.: Синодал. тип., 1891. — Ч. II. — С. 58—65.

21. *Гиляров-Платонов, Н. П.* И. И. Мещанинов : отрывок из автобиогр. воспоминаний / [Н. П. Гиляров-Платонов] // Современные известия. — 1885. — 22 окт., № 273. — С. 1—2.

22. *Гиляров-Платонов, Н. П.* Из бумаг Н. П. Гилярова: письмо к графине NN (1861) <А. Д. Блудовой от 6 октября 1861 г.> / Н. П. Гиляров-Платонов ; <публ. А. М. Гальперсон> // Русский архив. — 1889. — Кн. 3, вып. 10. — С. 264—266.

23. *Гиляров-Платонов, Н. П.* Из бумаг Н. П. Гилярова: письмо к князю Ш. <Н. В. Шаховскому от 2 февраля 1887 г. / Н. П. Гиляров-Платонов ; публ. А. М. Гальперсон> // Там же. — 1889. — Кн. 3, вып. 10. — С. 267—269.

24. *Гиляров-Платонов, Н. П.* Из бумаг Н. П. Гилярова-Платонова: письма к одному из его читателей <И. Ф. Романову-Рцы, от 13, 15 и 16 нояб. 1886 г.> / Н. П. Гиляров-Платонов ; <публ. А. М. Гальперсон> // Там же. — 1890. — Кн. 1, вып. 2. — С. 316—324. — В огл. назв.: Из бумаг *Н. П. Гилярова-Платонова*: три его автобиографические письма.

25. *Гиляров-Платонов, Н. П.* Из передовых статей Н. П. Гилярова-Платонова: Папа и султан (6 дек. 1868); Задачи публициста (1 янв. 1869);

О забивании молодежи (14 апр. 1872); О праздничной торговле (18 янв. 1883, 7 сент. 1883, 30 янв. 1883); О городском доме (11 янв. 1871); Аристократия и парии (8 нояб. 1871) / Н. П. Гиляров-Платонов // Русское дело. — 1888. — 15 окт., № 42. С. 12—14.

26. *Гиляров-Платонов, Н. П.* Из пережитого: автобиогр. воспоминания: [в 2 ч.] / Н. П. Гиляров-Платонов. — М.: Т-во М. Г. Кувшинова, 1886 (во 2-м т. на обл. дата: 1887). — [Ч. 1]. — 345 с.; [Ч. 2]. — 349 с.

27. *Гиляров-Платонов, Н. П.* Из пережитого : автобиографические воспоминания / Н. П. Гиляров-Платонов ; изд. подготовили А. П. Дмитриев, И. Г. Птушкина, Л. В. Дмитриева ; отв. ред. Б. Ф. Егоров. — СПб.: Наука, 2009. — Т. 1. — 614 с.; Т. 2. — 714 с. — (Лит. памятники / РАН). — Подгот. текстов (в соавт. с И. Г. Птушкиной и Л. В. Дмитриевой), статья, комментарий, указатели А. П. Дмитриева.

28. *Гиляров-Платонов, Н. П.* Из прожитого: Бегство / [Н. П. Гиляров-Платонов] // Современные известия. — 1885. — 25 июня, № 157. — С. 1—2.

29. *Гиляров-Платонов, Н. П.* История Русской Церкви Макария, епископа Винницкого. Том I, II и III. СПб., 1857 г., в 12 / Н. Г—в // Русская беседа. — 1859. — Кн. III (XV). — Отд. III : Критика. — С. 1—36.

30. *Гиляров-Платонов, Н. П.* К читателям / Н. П. Гиляров-Платонов // Радуга. — 1883. — № 48. — С. 1087—1088.

31. *Гиляров-Платонов, Н. П.* Личное и общественное: (по поводу статьи г. Дубенского «Свобода и рабство». «Ж<урнал> з<емлевладельцев>. № 22) / Н. П. Г—в // Журнал землевладельцев. — 1859. — Т. VI, № 24. — Отд. I. — С. 411—438.

32. *Гиляров-Платонов, Н. П.* Логика раскола : письма И. С. Аксакову / Гиляров-Платонов // Русь. — 1885. — 17 авг., № 7. — С. 15—17; 24 авг., № 8. — С. 8—10; 7 сент., № 10. — С. 10—14.

33. *Гиляров-Платонов, Н. П.* Логика раскола : (письма к И. С. Аксакову): письмо IV / Н. П. Гиляров-Платонов ; предисл. Князя Н. Ш<аховского> // Русское обозрение. — 1895. — Т. 35, окт. — С. 456—466.

34. *Гиляров-Платонов, Н. П.* «Многое тут разбросано искрами глубокой мысли…»: (письма Н. П. Гилярова-Платонова к И. Ф. Романову-Рцы) / Н. П. Гиляров-Платонов ; вступ. ст., подгот. текста и коммент. А. П. Дмитриева // Возвраще-

ние Н. П. Гилярова-Платонова : сб. ст. и материалов / КГПИ. — Коломна, 2007. — С. 209—342.

35. *Гиляров-Платонов, Н. П.* Москва, 1 января: <О призвании журналистики> / [Н. П. Гиляров-Платонов] // Современные известия. — 1869. — 2 янв., № 1. — С. 1—2.

36. *Гиляров-Платонов, Н. П.* Москва, 14 января: <об издании творений свт. Тихона Задонского> / [Н. П. Гиляров-Платонов] // Там же. — 1876. — 15 янв., № 14. — С. 2.

37. *Гиляров-Платонов, Н. П.* Москва, 20 декабря: <увлечение Гегелем в Московской духовной академии> / [Н. П. Гиляров-Платонов] // Там же. — 1870. — 21 дек., № 351. — С. 2.

38. *Гиляров-Платонов, Н. П.* Н. П. Гиляров к ***: (об «Исповеди» графа Л. Н. Толстого): <письмо к С. А. Юрьеву от апреля 1882 г.> / Н. П. Гиляров-Платонов ; <публ. А. М. Гальперсон> // Русский архив. — 1889. — Кн. 3, вып. 11. — С. 428—432.

39. *Гиляров-Платонов, Н. П.* <Некролог М. Н. Каткову> / Н. П. Гиляров-Платонов // *Катков М. Н.* Собр. соч. : в 6 т. / М. Н. Катков ; под общ. ред. А. Н. Николюкина. — СПб. : Росток, 2012. — Т. 6 : Михаил Никифорович Катков: pro et contra. — С. 258—260.

40. *Гиляров-Платонов, Н. П.* Необходимое объяснение «герою нашего времени» / Н. Г—в // День. — 1862. — 24 нояб. № 47. — С. 17—18.

41. *Гиляров-Платонов, Н. П.* Несколько слов о механических способах в исследовании истории / Н. Г—в // Русская беседа. — 1858. — Кн. 1 (9). — Отд. III : Критика. — С. 66—87.

42. *Гиляров-Платонов, Н. П.* Новые объяснения по старому спору / Н. Г—в // Там же. — 1857. — Кн. IV (VIII). — Отд. IV: Смесь. — С. 171—194.

43. *Гиляров-Платонов, Н. П.* О новой повести г-жи Кохановской: «Из провинциальной галереи портретов» («Рус<ский> вест<ник>». 1859 г. Март, книга 1) / Н. Г—в // Там же. — 1859. — Кн. III (XV). — Отд. V: Смесь. — С. 65—86.

44. *Гиляров-Платонов, Н. П.* О папе Формозе / [Н. П. Гиляров-Платонов] // Приб. к изд. Творений Св. Отцов. — 1855. — Ч. XXV, кн. 2. — С. 239—277; отд. изд.: М., 1855. — 39 с.

45. *Гиляров-Платонов, Н. П.* О папе Формозе и латинском перстосложении / [Н. П. Гиляров-Платонов] // Православный собеседник. — 1863. — Ч. I. Янв. — С. 1—34; Февр. — С. 102—141.

46. *Гиляров-Платонов, Н. П.* О первоначальном образовании народа / [Н. П. Гиляров-Платонов] // Приб. к изд. Творений Св. Отцов. 1862. — Ч. XXI. — С. 165—180; то же: Современная летопись. — 1862. — № 30. — Июль. — С. 17—19; то же с подзагол. «Извлечено из 2-й кн. прибавлений к “творениям Св. Отцов”, 1862 года»: *Рачинский С. А*. Заметки о сельских школах / С. А. Рачинский. — СПб.: Синодал. тип., 1883. — С. 111—123.

47. *Гиляров-Платонов, Н. П.* О первоначальном образовании народа; Личное и общественное: <фрагменты статей> / Н. П. Гиляров-Платонов // Современные религиозные и церковно-общественные вопросы в решении их выдающимися духовными и светскими православно-русскими писателями. — СПб., 1905. — Вып. II. — С. 140—143, 160—163.

48. *Гиляров-Платонов, Н. П.* О судьбе убеждений: по поводу смерти А. С. Хомякова: (речь, произнесенная в заседании Общества любителей российской словесности 6 ноября 1860 г.) / *Н. Г—в* // Русская беседа. — 1860. — Кн. II (XX). — [Отд. VII]: В память об Алексее Степановиче Хомякове. — С. 61—88.

49. *Гиляров-Платонов, Н. П.* Он же к ***: (о рассказе «Чем люди живы»): <письмо к К. Н. Леонтьеву о его критике рассказа Л. Толстого от августа 1882 г. / Н. П. Гиляров-Платонов; публ. А. М. Гальперсон> // Русский архив. — 1889. — Т. III, вып. 11. — С. 425—428.

50. *Гиляров-Платонов, Н. П.* Онтология Гегеля / Н. П. Гиляров-Платонов; <публ. А. М. Гальперсон> // Вопросы философии и психологии. — 1891. — Кн. 8. — Отд. I. — С. 1—27; Кн. 10. — С. 19—40; 1892. — Кн. 11. — С. 24—45.

51. *Гиляров-Платонов, Н. П.* Основные начала экономии: посмерт. труд / Н. П. Гиляров-Платонов; с предисл. проф. И. Т. Тарасова. — М.: изд. А. М. Гальперсон, 1889. — [2], XII, 142 с.

52. *Гиляров-Платонов, Н. П.* Откуда нигилизм? / Н. П. Гиляров-Платонов // Возвращение Н. П. Гилярова-Платонова : сб. ст. и материалов / КГПИ. — Коломна, 2007. — С. 365—393.

53. *Гиляров-Платонов, Н. П.* Откуда нигилизм? // Русь. — 1884. — 15 дек., № 24. — С. 13—26; отд. изд.: М.: изд. К. П. Победоносцева, 1904. — 43 с.

54. *Гиляров-Платонов, Н. П.* Отрывки из дневника / Н. Гиляров // Щукинский сборник. — М., 1903. — Вып. II. — С. 498—521.

55. *Гиляров-Платонов, Н. П.* Передовая статья Н. П. Гилярова-Платонова: «Современные известия», № 121, воскресенье 5 мая 1868 г., «Внутренние известия» / Н. П. Гиляров-Платонов // Неизданное письмо Н. И. Ильминского о способах обучения инородцев / предисл. С. Рыбакова. — СПб.: Синодал. тип., 1900. — С. 2—4; впервые: Прибавление к Церковным ведомостям. — 1900. — 8 янв., № 2. — С. 58—59.

56. *Гиляров-Платонов, Н. П.* Письма к К. П. Победоносцеву (3 марта 1866 г. — 25 января 1867 г.) / Н. П. Гиляров-Платонов // РГИА. — Ф. 1574: К. П. Победоносцев. — Оп. 1. — Д. 73. — 14 л.

57. *Гиляров-Платонов, Н. П.* Письма к А. В. Никитенко от 27 января 1856 г. / Н. П. Гиляров-Платонов // РО ИРЛИ. — Сигн. 18483.

58. *Гиляров-Платонов, Н. П.* Письма к Бартеневу / Н. П. Гиляров-Платонов // Русский архив. — 1912. — Кн. II, вып. 6. — С. 312—320.

59. *Гиляров-Платонов, Н. П.* Письма к В. М. Сперанскому и И. А. Александровскому / Н. П. Гиляров-Платонов // РГБ. — Ф. 649. — Карт. 1. — Ед. хр. 17.

60. *Гиляров-Платонов, Н. П.* Письма к М. Н. Лонгинову / Н. П. Гиляров-Платонов // РО ИРЛИ. — Сигн. 23147.

61. *Гиляров-Платонов, Н. П.* Письма Н. П. Гилярова-Платонова к С. Т. Аксакову / Н. П. Гиляров-Платонов ; публ. и коммент. А. П. Дмитриева // Русская литература. — 2010. — № 4. — С. 204—210.

62. *Гиляров-Платонов, Н. П.* Письма Н. П. Гилярова-Платонова к М. П. Погодину / Н. П. Гиляров-Платонов ; вступ. ст., подгот. текста и коммент. Т. Ю. Соколовой // Возвращение Н. П. Гилярова-Платонова : сб. ст. и материалов / КГПИ. — Коломна, 2007. — С. 200—208.

63. *Гиляров-Платонов, Н. П.* Письмо к А. И. Кошелеву / Н. П. Гиляров-Платонов // ГЛМ. — Ф. 23. — Оп. 1. — Ед. хр. 6.

64. *Гиляров-Платонов, Н. П.* Письмо к В. Д. Кудрявцеву-Платонову от 18 января 1857 г. / Н. П. Гиляров-Платонов // Там же. — Ф. 23. — Оп. 1. — Ед. хр. 10. — 4 л.

65. *Гиляров-Платонов, Н. П.* Письмо к Штекеру о социальном значении еврейства <1880> / Н. П. Гиляров-Платонов ; сообщ. князь Н. В. Шаховской // Русское обозрение. — 1896. — Т. 42, нояб. — С. 458—459.

66. *Гиляров-Платонов, Н. П.* Письмо Н. П. Гилярова-Платонова митрополиту Сербскому Михаилу / Н. П. Гиляров-Платонов ; сообщ. А. Г<альперсон> // Русский труд. — 1898. — 3 янв., № 1. — С. 5—7.

67. *Гиляров-Платонов, Н. П.* По поводу будущего суда присяжных / Н. Г—в // День. — 1862. — 10 нояб., № 45. — С. 1—3; 17 нояб., № 46. — С. 1—4; 8 дек., № 49. — С. 1—3 (не окончено).

68. *Гиляров-Платонов, Н. П.* Последние дни Помпеи: семинарские опыты в стихах и прозе (1837—1843) / Н. П. Гиляров-Платонов ; вступ. ст., сост., подгот. текстов, коммент. А. П. Дмитриева; отв. ред. Б. Ф. Егоров. — СПб.: Пушкинский Дом, 2009. — 528 с.

69. *Гиляров-Платонов, Н. П.* Прозорливица: из автобиогр. воспоминаний / Н. П. Гиляров-Платонов // Читатель. — 1896. — № 50. — Дек. — С. 49—62.

70. *Гиляров-Платонов, Н. П.* Рационалистическое движение философии новых времен: Очерк / *Н. Г—в* // Русская беседа. — 1859. — Кн. III (XV). — Отд. II: Науки. — С. 1—64.

71. *Гиляров-Платонов, Н. П.* <Рец. на:> Современные идеи православны ли? С.-Петербург. 1858 г., ст. 1-я и 2-я / Н. Г—в // Там же. — 1859. — Кн. 1 (13). — Отд. III: Критика. — С. 47—56.

72. *Гиляров-Платонов, Н. П.* <Речь в собрании Славянского благотворительного общества> / Н. П. Гиляров-Платонов // Современные известия. — 1877. — 2 мая, № 118. — С. 2.

73. *Гиляров-Платонов, Н. П.* Речь Н. П. Гилярова-Платонова на праздновании юбилея 50-летней литературной деятельности И. И. Лажечникова / Н. П. Гиля-

ров-Платонов // Празднование юбилея 50-летней литературной деятельности Ивана Ивановича Лажечникова 4-го мая 1869 года. — М.: тип. «Соврем. изв.», 1869. — С. 39—41; то же под назв. «Речь на праздновании 50-летия литературной деятельности И. И. Лажечникова 4 мая 1869 года» / Н. П. Гиляров-Платонов ; вступ. ст., подгот. текста О. В. Викторовича // Дом Лажечникова: Ист.-лит. сб. / ред.-сост. В. А. Викторович. — Коломна: КГПИ, 2004. — Вып. 1. — С. 192—196.

74. *Гиляров-Платонов, Н. П.* Родной город: отрывок из автобиогр. воспоминания «Из пережитого» / Н. П. Гиляров-Платонов // Коломенский альманах : лит. ежегодник. — Коломна, 2004. — Вып. 8. — С. 375—380.

75. *Гиляров-Платонов, Н. П.* Сборник сочинений: [В 2 т.] / Н. П. Гиляров-Платонов. — М.: изд. К. П. Победоносцева, 1899 (во 2-м т. на обл. дата: 1900). — Т. 1. — LX, 479 с.; Т. 2. — 526 с.

76. *Гиляров-Платонов, Н. П.* Свод четырех Евангелий (Луки, Матфея, Марка, Иоанна) <с обозначением параллельных мест> / Н. П. Гиляров-Платонов // РНБ. — Ф. 847. — Ед. хр. 335.

77. *Гиляров-Платонов, Н. П.* Семейная хроника и Воспоминания. С. Аксакова. Москва. 1856 / Н. Г—в // Русская беседа. — 1856. — Кн. I. — Отд. III: Критика. — С. 1—45.

78. *Гиляров-Платонов, Н. П.* Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле постриженика Святыя горы Афонския инока Парфения. В четырех частях. Москва. 1855 / Н. Г. // Там же. — 1856. — Кн. III. — Отд. III: Критика. — С. 1—45.

79. *Гиляров-Платонов, Н. П.* Современные идеи православны ли? С.-Петербург. 1858 г., ст. 1-я и 2-я / Н. Г—в // Там же. — 1859. — Кн. I (XIII). — Отд. III: Критика. — С. 47—56.

80. *Гиляров-Платонов, Н. П.* Университетский вопрос: («Современные известия» 1868—1884 гг.) / Н. П. Гиляров-Платонов. — СПб.: изд. К. П. Победоносцева, 1903. — VIII, 290 с.

81. *Гиляров-Платонов, Н. П.* Урезанный документ: отрывок из воспоминаний / Н. П. Гиляров-Платонов // Русь. — 1884. — 1 окт., № 19. — С. 33—41.

82. *Гиляров-Платонов, Н. П.* Фрагменты / Н. П. Гиляров-Платонов // Просветитель: вестник духов. просвещения. — 1994. — № 1. — С. 197—208.

83. *Гиляров-Платонов, Н. П.* Цивилизация : отрывок из автобиогр. воспоминаний / Н. П. Гиляров-Платонов // Современные известия. — 1885. — 17 окт., № 268. — С. 1—2.

84. *Гиляров-Платонов, Н. П.* Экскурсии в русскую грамматику / Н. Г—в // Радуга. — 1883. — № 7, 22 февр. — С. 142—144; № 22, 5 июня. — С. 498, 500, 502; № 25, 26 июня. — С. 564, 567—568; № 28, 17 июля. — С. 636—638; отд. отт.: [М., 1883]. — 26 с.; то же: М.: изд. К. П. Победоносцева, 1904. — 63 с.

85. *Гиляров-Платонов, Н. П.* Переписка И. С. Аксакова и Н. П. Гилярова-Платонова (1855—1885) / Н. П. Гиляров-Платонов, И. С. Аксаков ; публ. А. П. Дмитриева // Люди русской правды: переписка И. С. Аксакова с государственными и общественными деятелями (1855—1886) : тексты, комментарии, адресаты / ИРЛИ РАН; под общ. ред. Б. Ф. Егорова; сост. А. П. Дмитриев. — СПб.: Росток, 2018. — С. 215—326. — (Славянофильский архив; кн. 4).

86. *Гиляров-Платонов, Н. П.* Разумевающие верой: переписка Н. П. Гилярова-Платонова и К. П. Победоносцева (1860—1887); Прил.: *Н. П. Гиляров-Платонов*. Нечто о Русской церкви в обер-прокурорство К. П. Победоносцева / Н. П. Гиляров-Платонов, К. П. Победоносцев ; вступ. ст., сост., подгот. текстов и коммент. А. П. Дмитриева. — СПб.: Росток, 2011. — 548 с.

87. *Гиляров-Платонов, Н. П.* Из переписки с Н. П. Гиляровым-Платоновым / Н. П. Гиляров-Платонов, И. Ф. Романов-Рцы // Летописец. — 1904. — № 1/2. — С. 63—64; № 3/4. — С. 137—143; № 9. — С. 297—302; № 10. — С. 345—349; 1904/1905. — № 12. — Дек./март. — С. 407—419.

88. *Гиляров-Платонов, Н. П.* «Случаям единомыслия бываю всегда рад…» : переписка Н. П. Гилярова-Платонова с Т. И. Филипповым / Н. П. Гиляров-Платонов, Т. И. Филиппов ; публ. А. П. Дмитриева // Историко-философский ежегодник’2008 / РАН. Ин-т философии. — М.: Наука, 2009. — С. 326—369.

89. *Гиляров-Платонов, Н. П.* «…У Вас есть преданные люди, способные Вас оценить…» : переписка Н. П. Гилярова-Платонова с кн. Н. В. Шаховским / Н.

П. Гиляров-Платонов, кн. Н. В. Шаховской ; публ. А. П. Дмитриева // Христианство и русская литература. — СПб.: Наука, 2012. — Сб. 7. — С. 55—95.

90. *Gilyrov-Platonov, N. P.* Iz perezhitago: Avtobiogr. vospominaniya: 2 parts. — Newtonville (Mass.), 1977 (репр. переизд. книги: М., 1886—1887). — 712 с. разд. паг.

II. Литература

91. *А.* Никита Петрович Гиляров-Платонов: Некролог / А. // Московские ведомости. — 1887. — 17 окт., № 286. — С. 3.

92. *Абрамов, А. И.* Гегель и славянофилы об отношении философии к религии / А. И. Абрамов // Актуальные проблемы истории русской философии XIX века. — М.: ИФАН, 1987. — С. 48—81.

93. *Абрамов, А. И.* Гегель в России // Русская философия: малый энцикло-пед. словарь / А. И. Абрамов. — М.: Наука, 1995. — С. 117—120.

94. *Адо, В. И.* Выступление И. С. Аксакова против Берлинского конгресса 1878 г. и отклики на него в России и в Болгарии / В. И. Адо // История СССР. — 1962. — № 6. — С. 125—139.

95. *Аксаков, И. С.* Переписка И. С. Аксакова и С. Ф. Шарапова (1883—1886) / И. С. Аксаков, С. Ф. Шарапов ; вступ. ст., подгот. текста и коммент. О. Л. Фетисенко // Русская литература. — 2005. — № 1. — С. 149—179.

96. *Аксаков, И. С.* <Письмо к А. С. Суворину от 17 февраля 1884 г. о Н. П. Гилярове-Платонове и его газете> / И. С. Аксаков // Письма русских писателей к А. С. Суворину / Подгот. к печати проф. Д. И. Абрамович. — Л.: ГПБ, 1927. — С. 16—17.

97. *Аксаков, И. С.* <Предуведомление к публикации: *Кохановская Н. С.* Ответ г-ну Г<иляро>ву на критический отзыв о повести «Из провинциальной галереи портретов»> // Русская беседа. — 1859. — Кн. VI (18). — Отд. III: Критика. — С. 123—124.

98. *Аксаков, И. С.* «Издание “Беседы” тревожило меня как кошмар…»: (письмо Ивана Аксакова к брату Константину от 14 (2) июля 1857 г.) / И. С. Акса-

ков ; вступ. заметка, публ. и коммент. А. П. Дмитриева // «Русская беседа»: история славянофильского журнала : исследования, материалы, постатейная роспись / ИРЛИ РАН; Гос. музей-заповедник «Абрамцево». — СПб.: Пушкинский Дом, 2010. — С. 363—369.

99. *Аксаков, И. С.* Биография Федора Ивановича Тютчева / И. С. Аксаков. — М.: изд. А. Ф. Аксаковой, 1886 (репр. переизд.: 1997). — 337 с.

100. *Аксаков, И. С.* Два письма к графу Д. Е. Остен-Сакену <от 14 и 30 мая 1877 г. о публикации сказки «Неведомый гость» в газете Н. П. Гилярова-Платонова «Современные известия»> / И. С. Аксаков ; сообщ. Л. С. Мацеевич // Русский архив. — 1903. — Кн. 1, вып. 1. — С. 608—609.

101. *Аксаков, И. С.* Иван Сергеевич Аксаков в его письмах: в 2 ч., 4 т. / И. С. Аксаков. — М.: тип. М. Г. Волчанинова, 1888—1896.

102. *Аксаков, И. С.* Из бумаг Н. П. Гилярова-Платонова: письмо И. С. Аксакова <к Н. П. Гилярову-Платонову о поэтическом даровании его сына Алексея от 3 февраля 1874 г.> / И. С. Аксаков ; <публ. А. М. Гальперсон> // Русский архив. — 1889. — Кн. 3, вып. 11. — С. 421—425.

103. *Аксаков, И. С.* Наказ редактора-славянофила : (от И. С. Аксакова при сдаче им Н. А. Попову управления редакции «Москвы» на летние месяцы 1868 г.) // Голос минувшего. — 1916. — № 11. — С. 205—206.

104. *Аксаков, И. С.* Об издании в Москве без предварительной цензуры, еженедельной газеты «Русь» / И. С. Аксаков // Новое время. — 1880. — 2 окт., № 1651. — С. 1; то же: Голос. — 1880. — 5 окт., № 275. — С. 5.

105. *Аксаков, И. С.* От издателя «Дня» редактору-издателю «Нашего времени» <о конфликте с Н. П. Гиляровым-Платоновым> / И. С. Аксаков // День. — 1862. — 1 дек., № 48. — С. 17.

106. *Аксаков, И. С.* Отчего так нелегко живется в России? / И. С. Аксаков ; сост., вступ. ст. В. Н. Грекова. — М.: РОССПЭН, 2002. — 1008 с.

107. *Аксаков, И. С.* Письма И. С. Аксакова к К. П. Победоносцеву / И. С. Аксаков // Русский архив. — 1907. — Кн. III, вып. 10. — С. 163—192.

108. *Аксаков, И. С.* Письма И. С. Аксакова к Ф. М. Достоевскому / И. С. Аксаков ; публ., вступ. ст. и коммент. И. Л. Волгина // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. — 1972. — Т. 31, вып. 4. — С. 349—362.

109. *Аксаков, И. С.* Письма И. С. Аксакова Александру III и К. П. Победоносцеву / И. С. Аксаков // *Бадалян Д. А*. Газета И. С. Аксакова «Русь» и цензура // Русская литература. — 2006. — № 1. — С. 112—115.

110. *Аксаков, И. С.* Письма И. С. Аксакова периода основания им газеты «Русь» (сентябрь–октябрь 1880 года) / И. С. Аксаков ; вступ. ст., подгот. текста и коммент. Д. А. Бадаляна // Там же. — 2007. — № 2. — С. 139—157.

111. *Аксаков, И. С.* Письма к Гилярову-Платонову (1862—1886) / И. С. Аксаков // Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. — М.: Рус. книга, 2004. — Вып. 3. — С. 426—435.

112. *Аксаков, И. С.* Письма к родным, 1849—1856 / И. С. Аксаков ; изд. подгот. Т. Ф. Пирожкова. — М.: Наука, 1994. — 653 с. — (Лит. памятники).

113. *Аксаков, И. С.* Письмо И. С. Аксакова о Московских праздниках по поводу открытия памятника Пушкину / И. С. Аксаков // Русский архив. — 1891. — Кн. II, вып. 5. — С. 90—99.

114. *Аксаков, И. С.* План издания : (письмо И. С. Аксакова к К. С. Аксакову от 3 апреля 1860 г. о славянофильской антологии на немецком языке); Содержание антологии / И. С. Аксаков ; публ. и коммент. А. П. Дмитриева // «Русская беседа» : история славянофильского журнала : исследования, материалы, постатейная роспись / ИРЛИ РАН ; Гос. музей-заповедник «Абрамцево». — СПб.: Пушкинский Дом, 2010. — С. 301—311.

115. *Аксаков, И. С.* По поводу «Нашего времени» / И. С. Аксаков ; с публ. письма Н. П. Гилярова-Платонова // День. — 1862. — 8 дек., № 49. —— С. 17.

116. *Аксаков, И. С.* Полн. собр. соч. / И. С. Аксаков. — М.: тип. М. Г. Волчанинова, 1886—1887. — Т. I—VII.

117. *Аксаков, И. С.* Переписка двух славянофилов — И. С. Аксаков и В. И. Ламанский / И. С. Аксаков, В. И. Ламанский ; сообщ. О. В. Ламанская // Русская мысль. — 1916. — Кн. 9. — С. 1—32; Кн. 12. — С. 85—114. <О Г.-П. — с. 105.>

118. *Аксаков, И. С.* «…Мне необходим… человек, знакомый с славянскими наречиями…» : (переписка И. С. Аксакова с Б. И. Ордынским (1858)) / И. С. Аксаков, Б. И. Ордынский ; вступ. ст., публ. и коммент. А. П. Дмитриева // «Русская беседа»: история славянофильского журнала : исследования, материалы, постатейная роспись / ИРЛИ РАН; Гос. музей-заповедник «Абрамцево». — СПб.: Пушкинский Дом, 2010. — С. 370—397.

119. *Аксаков, И. С.* «…Вы очень мне нужны здесь, нужны т. е. “Русской беседе”» : (переписка И. С. Аксакова с М. П. Петровским (1858—1866)) / И. С. Аксаков, М. П. Петровский ; вступ. ст., публ. и коммент. А. П. Дмитриева // Там же. — С. 398—450.

120. *Аксаков, И. С.* И. С. Аксаков — Н. Н. Страхов. Переписка / И. С. Аксаков, Н. Н. Страхов ; ИМЛИ; сост. М. И. Щербакова. — Ottawa; М., 2007. — 192 с.

121. *Аксаков, К. С.* Полн. собр. соч. / К. С. Аксаков ; под ред. И. С. Аксакова. — М., 1861—1880. — Т. I—III.

122. *Аксаков, К. С.* Эстетика и литературная критика / К. С. Аксаков ; сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. В. А. Кошелева. — М.: Искусство, 1995. — 525 с.

123. *Аксаков, К. С.* Литературная критика / К. С. Аксаков, И. С. Аксаков ; вступ. статья, коммент. А. С. Курилова. — М.: Современник, 1981. — 383 с.

124. *Аксаков, К. С.* Об издании «Русской беседы»: (Записка К. С. Аксакова с ответом А. И. Кошелева (1856)) / К. С. Аксаков, А. И. Кошелев ; публ. и коммент. А. П. Дмитриева // «Русская беседа» : история славянофильского журнала : исследования, материалы, постатейная роспись / ИРЛИ РАН ; Гос. музей-заповедник «Абрамцево». — СПб.: Пушкинский Дом, 2010. — С. 249—254.

125. *Аксаков, Н. П.* Воспоминания о Н. П. Гилярове-Платонове / Н. П. Аксаков // Русский курьер. — 1887. — 19 окт., № 288. — С. 1.

126. *Аксаков, Н. П.* Речь Н. П. Аксакова на могиле Н. П. Гилярова-Платонова / Н. П. Аксаков // Там же. — 1887. — 21 окт., № 290. — С. 2.

127. *Аксаков, Н. П.* Иван Сергеевич Аксаков / Н. П. Аксаков // Благовест. — 1891. — Вып. 17. — 1 мая. — С. 502—513. <О Г.-П. — с. 510—511.>

128. *Аксакова, В. С.* Дневник Веры Сергеевны Аксаковой / В. С. Аксакова ; ред. и примеч. кн. Н. В. Голицына и П. Е. Щеголева. — СПб.: Огни, 1913. — 174 с. <О Г.-П. — с. 6, 7, 13, 14, 17, 30, 48, 73, 83, 84, 111, 112, 113, 120, 145, 146.>

129. *Аксаковы.* Переписка Аксаковых с Н. С. Соханской (Кохановской) / Аксаковы, Н. С. Соханская (Кохановская) ; сообщ. О. Г. Аксакова // Русское обозрение. — 1897. — Т. 43, февр. — С. 569—616; Т. 48, дек. — С. 467—485. <О Г.-П. — с. 598—604, 574, 582, 584.>

130. *Аксенов, А. А.* Особенности мышления Н. П. Гилярова-Платонова : (к постановке проблемы) / А. А. Аксенов // Возвращение Н. П. Гилярова-Платонова : сб. ст. и материалов / КГПИ. — Коломна, 2007. — С. 67—72.

131. *Аксенов, А. А.* Педагогическая концепция Н. П. Гилярова-Платонова / А. А. Аксенов // Там же. — С. 153—166.

132. *Аксенов, А. А.* Ценностно-педагогический смысл творчества Н. П. Гилярова-Платонова / А. А. Аксенов // Никита Петрович Гиляров-Платонов : исследования, материалы, библиография, рецензии / ИРЛИ РАН; под общ. ред. А. П. Дмитриева. — СПб.: Росток, 2013. — С. 147—148.

133. *Алабовский, М. П., свящ.* Никита Петрович Гиляров-Платонов : <крат. биогр. очерк : с прил. записки Н. П. Гилярова-Платонова «О первоначальном народном обучении»> / *свящ. М. А—ий* // Западно-русская начальная школа. — 1909. — № 10. — С. 79—96; отд. отт.: Киев: тип. АО Н. Т. Корчак-Новицкого, [1909]. — 18 с.

134. *Алексеев, А. А.* В. В. Розанов о Н. П. Гилярове-Платонове / А. А. Алексеев // Возвращение Н. П. Гилярова-Платонова : сб. ст. и материалов / КГПИ. — Коломна, 2007. — С. 394—397.

135. *Алексеев, А. А.* Взгляды Н. П. Гилярова-Платонова на еврейский вопрос / А. А. Алексеев // Там же. — С. 136—152.

136. *Алексеев, А. А.* Возвращение Н. П. Гилярова-Платонова / А. А. Алексеев // Коломенская правда. — 2006. — 30 мая. — С. 5.

137. *Алексеев, А. А.* Русское богатырство в понимании Н. П. Гилярова-Платонова / А. А. Алексеев // Славянский мир: общность и многообразие : материа-

лы Междунар. науч.-практ. конф. — Коломна: ГОУ ВПО МО «Коломенский гос. пед. ин-т», 2007. — С. 26—31.

138. *Алексеев, А. А*. Смысл слова «так» у Н. П. Гилярова-Платонова и его значение для творчества В. В. Розанова / А. А. Алексеев // Возвращение Н. П. Гилярова-Платонова : сб. ст. и материалов / КГПИ. — Коломна, 2007. — С. 58—66.

139. *Алексеев, А. А.* Экзистенциальные ценности в автобиографических воспоминаниях Н. П. Гилярова-Платонова / А. А. Алексеев // Дискурс : философские размышления : сб. науч. ст. преподавателей кафедры философии, истории, политологии и права. — Коломна, 2011. — С. 173—185.

140. *Алексеева, Е. Д*. Понятие просвещения и теория «воспитания общества» в историко-философской концепции славянофилов / Е. Д. Алексеева // Философский век = The philosophical age: альм. — СПб.: [б. и.], 1998. — С. 196—202.

141. *Алексеева, С. И. Институт синодальной Обер-Прокуратуры* и *обер-прокуроры Святейшего Синода* в *1856—1904 гг.* / С. И. Алексеева *// Нестор. — 2000. — № 1*. — С. 291—309. <О Г.-П. — с. 296, 300, 308.>

142. *Андреев, Ф. К*. Московская духовная академия и славянофилы / Ф. К. Андреев // Богословский вестник. — 1915. — Ч. III, окт./дек. — С. 563—644. <О Г.-П. — с. 567, 584, 593—594, 599—601, 605—607, 622—623.>

143. *Анненкова, Е. И.* «Славяно-христианские» идеалы на фоне западной цивилизации: русские споры 1840—1850-х гг. / Е. И. Анненкова // Христианство и русская литература. — СПб.: Наука, 1996. — Сб. 2. — С. 123—145.

144. *Анненкова, Е. И.* Аксаковы / Е. И. Анненкова. — СПб.: Наука, 1998. — 366 с. — (Преданья рус. семейства).

145. *Анненкова, Е. И*. Исторический путь и этика православия в концепции А. С. Хомякова и Н. В. Гоголя / Е. И. Анненкова // Христианство и русская литература. — СПб.: Наука, 1994. — [Сб. 1]. — С. 209—223.

146. *Анненкова, Е. И.* Миросозерцание Аксаковых : вера — нравственность — идеология / Е. И. Анненкова // Начало. — 1996. — № 3/4. — С. 105—121.

147. *Анненкова, Е. И.* Православие в историко-культурной концепции А. С. Хомякова и в творческом сознании Н. В. Гоголя / Е. И. Анненкова // Вопросы литературы. — 1991. — № 8. — С. 89—105.

148. *Анненкова, Е. И.* Русское смирение и западная цивилизация : (спор славянофилов и западников в контексте 40—50-х гг. XIX века) / Е. И. Анненкова // Русская литература. — 1995. — № 1. — С. 123—136.

149. *Антонов, М. Ф.* Экономическое учение славянофилов / М. Антонов. — М.: Ин-т рус. цивилизации, 2008. — 416 с.

150. *Антонова, Е. В.* Воспоминания Н. Гилярова-Платонова: дополнения к комментариям / Елена Антонова // Текстологический временник: русская литература XX века : вопросы текстологии источниковедения. — М.: ИМЛИ РАН, 2012. — Кн. 2. — С. 540—546.

151. *Арсеньев, К. К.* Из общественной хроники : Н. П. Гиляров-Платонов † / [К. К. Арсеньев] // Вестник Европы. — 1887. — Кн. 12. — С. 452.

152. *Бадалян, Д. А.* Книга И. С. Аксакова «Биография Федора Ивановича Тютчева» и цензура (по материалам Главного управления по делам печати) / Д. А. Бадалян // Аксаковские чтения : материалы XI Всерос. науч. конф. (Уфа, 2 октября 2009 г.) / ред. В. В. Борисова и др. — Уфа, 2009. — С. 69—74.

153. *Бадалян, Д. А.* Круг авторов газеты И. С. Аксакова «Русь» / Д. А. Бадалян // Культура и история: материалы межвуз. науч. конференций «Культура и история» (2004—2007) / под ред. Ю. К. Руденко, А. А. Шелаевой и др. — СПб., 2009. — С. 190—201. <О Г.-П. — с. 196.>

154. *Бадалян, Д. А*. Н. П. Гиляров-Платонов и И. С. Аксаков в 1880-е годы : к истории взаимоотношений двух журналистов / Д. А. Бадалян // Возвращение Н. П. Гилярова-Платонова : сб. ст. и материалов / КГПИ. — Коломна, 2007. — С. 119—129.

155. *Бадалян, Д. А.* «Против течения» : феномен публицистики Ивана Аксакова в общественной жизни России 1850—1880-х годов / Д. А. Бадалян // Дальний Восток, близкая Россия: эволюция русской культуры — взгляд из Восточной Азии. — Белград; Сеул; Саитама, 2015. — С. 11—24. <О Г.-П. — с. 20.>

156. *Бадалян, Д. А*. «Прототипы» идей Пушкинской речи Ф. М. Достоевского в произведениях А. С. Хомякова, И. В. Киреевского и И. С. Аксакова / Д. А. Бадалян // Россия и мир: вчера, сегодня, завтра : науч. тр. МГИ им. Е. Р. Дашковой. — М., 2003. — С. 363—371.

157. *Бадалян, Д. А.* А. С. Хомяков и Ф. М. Достоевский : к истории развития «идеи народности» в русской культуре XIX в. / Д. А. Бадалян // Вестник С.-Петерб. ун-та. — Сер. 2: История языкознания и литературоведение. — 1999. — Вып. 4 (№ 23). — С. 108—111.

158. *Бадалян, Д. А*. Газета И. С. Аксакова «Русь» и цензура / Д. А. Бадалян // Русская литература. — 2006. — № 1. — С. 94—115.

159. *Бадалян, Д. А.* М. Т. Лорис-Меликов в 1880 г. : борьба за влияние на прессу / Д. А. Бадалян // Книжное дело в России в XIX — начале XX века : сб. науч. тр. — СПб.: РНБ, 2012. — Вып. 16. — С. 129—151.

160. *Бадалян, Д. А*. Цикл статей И. С. Аксакова об обществе : история цензуры и неопубликованные страницы / Д. А. Бадалян // Третьи Аксаковские чтения : материалы межвуз. науч. конф., посвящ. 220-летию со дня рождения С. Т. Аксакова (Ульяновск, 21—24 сентября 2011 года). — Ульяновск, 2011. — С. 103—113.

161. *Балашов, Д. Ю*. О журналистской позиции Н. П. Гилярова-Платонова / Д. Ю. Балашов // Возвращение Н. П. Гилярова-Платонова : сб. ст. и материалов / КГПИ. — Коломна, 2007. — С. 179—181.

162. *Балуев, Б. П.* Политическая реакция 80-х годов XIX века и русская журналистика / Б. П. Балуев. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. — 316 с. <О Г.-П. — с. 71.>

163. *Барсов, Н. И.* Новый метод в богословии : по поводу пражского издания сочинений Хомякова / Н. И. Барсов. — СПб.: тип. Деп-та уделов, 1870. — 109 с.

164. *Барсов, Н. И.* О значении Хомякова в истории отечественного богословия / Н. И. Барсов // Христианское чтение. — 1878. — Ч. 1. — С. 303—320.

165. *Барсуков, Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина / Н. П. Барсуков. — СПб., 1888—1910. — Кн. 1—22.

166. *Бартенев, П. И.* Н. П. Гиляров о «Семирамиде» А. С. Хомякова / П. И. Бартенев // Русский архив. — 1901. — Кн. I, вып. 1. — С. 174—176. — Без подписи.

167. *Бартенев, П. И.* Новые замечательные книги / П. И. Бартенев ; публ. и коммент. А. П. Дмитриева // «Русская беседа» : история славянофильского журнала : исследования, материалы, постатейная роспись / ИРЛИ РАН; Гос. музей-заповедник «Абрамцево». — СПб.: Пушкинский Дом, 2010. — С. 341—343.

168. *Бартенев, П. И.* <О Н. П. Гилярове-Платонове> / П. И. Бартенев // Русский архив. — 1912. — Кн. II, вып. 6. — С. 312.

169. *Бартенев, Ю. П.* <Рец. на кн.:> *Гиляров-Платонов, Н. П.* Сборник сочинений. М., 1899. Т. I / Ю. Б. // Там же. — 1899. — Кн. II, вып. 6. — С. 2 обл.

170. *Бартенев, Ю. П.* Недоучки-славянофилы и высокоученый западник-профессор : (А. С. Хомяков и К. С. Аксаков по Запискам С. М. Соловьева) / Ю. И. Бартенев // Там же. — 1907. — Кн. II, вып. 8. — С. 557—563.

171. *Бахметева, А. Н.* Преподобные Кирилл и Мефодий, просветители славян : к тысячелетию памяти св. Мефодия / А. Н. Бахметева. — М.: изд. А. Д. Ступина, 1885. — 32 с.

172. *Безаров, А. Т.* «Сион» против «Основы»: идеология конфликта / А. Т. Безаров // Научные труды по иудаике: материалы XVII Междунар. ежегодной конф. по иудаике. — М. Пробел-2000, 2010. — С. 92—106.

173. <*Без подписи*>. Внутреннее обозрение : <некролог Н. П. Гилярову-Платонову> // Живописное обозрение. — 1887. — № 44, 1 нояб. — С. 296—297.

174. <*Без подписи*. О книге Н. П. Гилярова-Платонова «Из пережитого»> // Церковный вестник. — 1887. — Ч. неоф. — № 17, 24 апр. — С. 303. — (Летопись обществ. жизни).

175. <*Без подписи*. Об «Из прожитого» Н. П. Гилярова-Платонова (Рус. вестник. 1884. Ноябрь)> // Новое время. — 1884. — 6 сент., № 3062. — С. 3. — (Среди газет и журналов).

176. <*Без подписи*. Об «Из прожитого» Н. П. Гилярова-Платонова (Рус. вестник. 1884. Ноябрь)> // Там же. — 1884. — 7 нояб., № 3124. — С. 2. — (Среди газет и журналов).

177. <*Без подписи*. Об «Из прожитого» Н. П. Гилярова-Платонова (Рус. вестник. 1884. Октябрь)> // Там же. — 1884. — 4 окт., № 3090. — С. 2. — (Среди газет и журналов).

178. <*Без подписи*. Об «Из прожитого» Н. П. Гилярова-Платонова (Рус. вестник. 1884. Май)> // Новости и Биржевая газета. — 1884. — 4 июня, № 152. — С. 3. — (Рус. печать).

179. <*Без подписи*. Об «Из прожитого» Н. П. Гилярова-Платонова (Рус. вестник. 1884. Май)> // С.-Петерб. ведомости. — 1884. — 5 июня, № 153. — С. 3. — (Рус. печать).

180. <*Без подписи*. Об «Из прожитого» Н. П. Гилярова-Платонова (Рус. вестник. 1884. Май)> // Новости и Биржевая газета. — 1884. — 4 июня, № 152. — С. 3. — (Рус. печать).

181. <*Без подписи*. Поминальные статьи о Н. П. Гилярове-Платонове> // Там же. — 1887. — 15 окт., № 264. — С. 3; 16 окт., № 265. — С. 1—2; 17 окт., № 266. — С. 2; 18 окт., № 267. — С. 3. — (Хроника).

182. <*Без подписи*>. <Рец. на кн.:> *Гиляров-Платонов, Н. П.* Сборник сочинений. М., 1899. Т. I // Вестник Европы. — 1899. — Кн. 6. — С. 822—827.

183. <*Без подписи*>. † Н. П. Гиляров-Платонов // Новости и Биржевая газета. — 1887. — 15 окт., № 283. — С. 2.

184. <*Без подписи*>. Библиографические вести : <рец. на кн.:> *Гиляров-Платонов, Н. П.* Сборник сочинений. М., 1899. Т. I // Правительственный вестник. — 1899. — 8 окт., № 219. — С. 3.

185. <*Без подписи*>. Библиография : Из пережитого: Автобиографические воспоминания Н. Гилярова-Платонова. В двух частях // Новое время. — 1887. — 1 мая, № 4011. — С. 3.

186. <*Без подписи*>. Возвращение Гилярова-Платонова : <конференция, посвященная жизни и творчеству Н. П. Гилярова-Платонова прошла в библиотеке им. И. И. Лажечникова> // Региональные вести. — 2004. — 28 июля. — С. 2.

187. <*Без подписи*>. Гиляров-Платонов и край Коломенский // Коломенская правда. — 2007. — 10 окт. — С. 9.

188. <*Без подписи*>. Гиляров-Платонов, Н. П. // Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон. Биографии : в 12 т. — М.: Бол. Рос. энциклопедия, 1993. — Т. 4: Герарди – Дюма. — С. 93—94.

189. <*Без подписи*>. Гиляров-Платонов Никита Петрович // Большая Российская энциклопедия / отв. ред. С. Л. Кравец. — М., 2007. — Т. 7. — С. 131.

190. <*Без подписи*>. Гиляров-Платонов Никита Петрович // Малый энциклопедический словарь. — 2-е изд., вновь перераб. и значит. доп. — СПб., 1907. — Т. I, вып. 2. — С. 1213.

191. <*Без подписи*>. Гиляров-Платонов Никита Петрович // Настольный энциклопедический словарь. — Изд. с 4-го т. товарищества А. Гранат и К°. — М., 1894. — Т. II (Вып. 15—28). — С. 1222.

192. <*Без подписи*>. Гиляров-Платонов Никита Петрович // Новый энциклопедический словарь / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон ; под общ. ред. К. К. Арсеньева. — СПб., [б. г.]. — Т. 13. — С. 515—516.

193. <*Без подписи*>. Гиляров-Платонов Никита Петрович // Философская энциклопедия / гл. ред. Ф. В. Константинов. — М.: Сов. энциклопедия, 1960. — Т. 1. — С. 370.

194. <*Без подписи*>. Гиляров-Платонов Никита Петрович // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. — СПб., 1893. — Т. 8. — С. 689—690.

195. <*Без подписи*>. Из прожитого. Гилярова-Платонова (Русск. вестн. 1884 г., май — сентябрь) // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. — 1885. — Кн. 3/4. — Отд. II. — С. 302—314. — (Журнал. обозрение).

196. <*Без подписи*>. Исследователи творчества философа Гилярова-Платонова собрались в Коломне : <о научно-практической конференции посвященной творчеству Н. П. Гилярова-Платонова> // Региональные вести. — 2006. — 14 июня. — С. 13.

197. <*Без подписи*>. К картинам: I. Портретная галерея представителей русской печати. «Никита Петрович Гиляров-Платонов», с фотографии Лихтенберга // Новь. — 1887. — Т. XIX, № 2, 15 нояб. — Отд. II: Мозаика. — С. 64—65.

198. <*Без подписи*>. К. П. Победоносцев предпринимает издание сочинений покойного публициста Н. П. Гилярова-Платонова под редакцией кн. Н. В. Шаховского : <объявление> // Русский труд. — 1899. — 10 апр., № 15. — С. 22.

199. <*Без подписи*>. Московские заметки: «Радуга» г. Гилярова-Платонова // Голос. — 1882. — 30 нояб., № 326. — С. 1.

200. <*Без подписи*>. Н. П. Гиляров-Платонов (1824—1887): <буклет> / Центр. районная б-ка им. И. И. Лажечникова. — Коломна, 2006. — (Проект «Музей истории б-ки им. И. И. Лажечникова»).

201. <*Без подписи*>. Н. П. Гиляров-Платонов и граф Л. Толстой: <об отзыве об «Исповеди», по очерку кн. Н. В. Шаховского> // Московские ведомости. — 1893. — 1 апр., № 88. — С. 4. — (Дневник печати).

202. <*Без подписи*>. Н. П. Гиляров-Платонов // Всемирная иллюстрация. — 1887. — № 981, 31 окт. — С. 364.

203. <*Без подписи*>. Н. П. Гиляров-Платонов : (последние часы его жизни) // Русский курьер. — 1887. — 17 окт., № 286. — С. 2.

204. <*Без подписи*>. Наши карикатуры: комета 1881 года // Всемирная иллюстрация. — 1881. — № 655, 25 июля. — С. 920.

205. <*Без подписи*>. Панихида по Н. П. Гилярове-Платонове // Новости и Биржевая Газета. — 1887. — 16 окт., № 284. — С. 2. — (Русская летопись).

206. <*Без подписи*>. Подвиг русского ученого // Новое в истории Коломенского края / под ред. Г. И. Бычкова. — Коломна: КГПИ, 2000. — С. 58—66.

207. <*Без подписи*>. Похороны Н. П. Гилярова-Платонова. Москва : (корреспонденция «Нового Времени») // Новое время. — 1887. — 21 окт., № 4183. — С. 1.

208. <*Без подписи*>. Семейные предания. Черкизово : Н. П. Гиляров-Платонов (1824—1887) : <буклет> / Центр. районная б-ка им. И. И. Лажечникова. — Коломна, 2004.

209. <*Без подписи*>. Судебная хроника. Московский окружной суд: заседание 29-го января : процесс редактора-издателя «Современных известий» г. Гилярова-Платонова <по жалобе майора В. А. Полторацкого по поводу статьи «Дуэль из-за четырнадцати королей» (Совр. известия. 1868. 15 июля. № 192)> // Московские ведомости. — 1869. — 31 янв., № 25. — С. 3.

210. <*Без подписи*>. Судебное разбирательство между Н. П. Гиляровым-Платоновым и А. А. Полторацким // Биржевые ведомости. — 1869. — 31 мая, № 116. — С. 3.

211. <*Без подписи*>. Телеграмма «Московского листка» : (от нашего нарочного корреспондента) : <отпевание Н. П. Гилярова-Платонова в Петербурге> // Московский листок. — 1887. — 18 окт., № 290. — С. 2.

212. <*Без подписи*>. Телеграмма «Московского листка» : (от нашего нарочного корреспондента) : <обстоятельства кончины Н. П. Гилярова-Платонова> // Там же. — 1887. — 16 окт., № 288. — С. 2.

213. *Безлепкин, Н. И.* Философия языка в России : опыт историко-теоретической систематизации / Н. И. Безлепкин. — СПб.: изд-во СПбГУ, 1999. — 143 с.

214. *Безлепкин, Н. И.* Язык в контексте развития русской религиозной метафизики / Н. И. Безлепкин // *Безлепкин Н. И.* Философия языка в России : к истории русской лингвофилософии. — 2-е изд., доп. — СПб.: Искусство-СПб, 2002. — С. 179—205. <О Г.-П. — с. 179—186.>

215. *Белевцева, Н. П.* Книги, принадлежавшие Аксаковым, в мемориальной библиотеке музея-усадьбы Мураново имени Ф. И. Тютчева / Н. П. Белевцева // Аксаковские чтения : материалы конф. 1983 г. — Абрамцево, 1988. — С. 53—62. — (Абрамцево : материалы и исслед. ; вып. 1). <О Г.-П. — с. 59, 61.>

216. *Белевцева, Н. П.* Книги, принадлежавшие И. С. Аксакову ; Наука как религия, или Религия как философия : (заочный спор либерала Бориса Чичерина и славянофила Ивана Аксакова) / Н. П. Белевцева // *Белевцева, Н. П.* Библиотека Музея-усадьбы «Мураново» имени Ф. И. Тютчева : ее авторы и читатели. — М.: Волшеб. фонарь, 2011. — С. 129—163.

217. *Белоусов, И. А*. На могиле Н. П. Гилярова-Платонова («Здесь ты, доблестный и славный…») : <стихотворение> / Ив. Брянцевский // Вестник литературный, политический, научный и художественный, с афишами. — 1888. — 13 окт., № 1285. — С. 2.

218. *Беляев, И. В.* Об историческом значении деяний Московского Собора 1551-го года : (по поводу 92—122 страниц VII-го тома «Истории России» г. Соловьева) / И. В. Беляев // Русская беседа. — 1858. — Кн. IV. — Отд. III: Критика. — С. 1—34. — Подпись: *Ил. Б—в.*

219. *Беляев, И. В.* Св. Константин (нареченный Кирилл) и Мефодий / И. В. Беляев. — М., 1876; 4-е изд.: 1885. — 28 с.

220. *Беляев, И. С.* Памяти Н. А. Попова / И. В. Беляев // Родная речь. — 1897. — № 1, 15 янв. — С. 52—53. <О Г.-П. — с. 52.>

221. *Бердяев, Н. А.* Н. А. Бердяев о русской философии / Н. А. Бердяев ; сост., вступ. ст. и примеч. Б. В. Емельянова, А. И. Новикова. — Свердловск, 1991. — Ч. 2. — 240 с. <О Г.-П. — с. 271, 288.>

222. *Бердяев, Н. А.* Алексей Степанович Хомяков / Н. А. Бердяев. — М.: Путь, 1912. — VIII, 250 с. (переизд.: Томск, 1996. 160 с.).

223. *Бердяев, Н. А.* Идеи и жизнь Хомякова и свящ. П. Флоренский / Н. А. Бердяев // Русская мысль. — 1917. — Кн. 2. — С. 72—81 (паг. 2-я).

224. *Бердяев, Н. А.* Славянофильство и славянская идея / Н. А. Бердяев // Русская нация и обновление общества. — М.: Филос. о-во СССР, 1990. — С. 182—285.

225. *Бестужев-Рюмин, К. Н.* Славянофильское учение и его судьбы в русской литературе / К. Н. Бестужев-Рюмин // Отечественные записки. — 1863. — Т. 140, № 2. — Отд. I. — С. 697—719; Т. 141, № 3. — Отд. III. — С. 26—58; Т. 142, № 5. — Отд. III. — С. 1—23.

226. *Бильбасов, В. А.* Кирилл и Мефодий: [В 2 ч.] / В. А. Бильбасов. — СПб., 1868—1871. — [Ч. 1]: Кирилл и Мефодий по документальным источникам: Критика документов. Римские папы и славянские первоучители; Monumenta diplomatika. — XII, [2], 165, [2] с.; [Ч. 2]: Кирилл и Мефодий по западным легендам: Критика легенд. Легендарный образ Кирилла и Мефодия. Codex legendarum. — [4], V, [3], 388 с.

227. *Бирюков, Н. И.* Соборность как религиозный и политический идеал / Н. И. Бирюков // Философские науки. — 2005. — № 6. — С. 5—17.

228. *Благова, Т. И.* Родоначальники славянофильства : А. Хомяков и И. Киреевский / Т. И. Благова. — М.: Высш. школа, 1995. — 352 с.

229. *Блудова, А. Д., гр.* Письма к Н. П. Гилярову-Платонову / гр. А. Д. Блудова // РНБ. — Ф. 847. — Ед. хр. 592.

230. *Боденштедт, Фр.* Введение <в антологию «Русские фрагменты»> / Фр. Боденштедт; пер. с нем. и коммент. А. П. Дмитриева // «Русская беседа» : история славянофильского журнала : исследования, материалы, постатейная роспись / ИРЛИ РАН; Гос. музей-заповедник «Абрамцево». — СПб.: Пушкинский Дом, 2010. — С. 312—340.

231. *Борисова, В. В.* Летопись жизни и творчества С. Т. Аксакова (1791—1859 гг.) / В. В. Борисова, Е. П. Никитина. — Уфа: Изд-во БГПУ, 2010. — 236 с.

232. *Боченков, В. В*. «Писатель с некоторым пристрастным отношением к расколу»: Особенности создания художественного характера старообрядца в произведениях П. И. Мельникова (Андрея Печерского) / В. В. Боченков // Старообрядчество в Тверском крае: прошлое и настоящее: материалы круглого стола, состоявшегося в Тверском гос. ун-те 16 февраля 2007 г. — Тверь; Ржев, 2007. — С. 65—72.

233. *Боченков, В. В*. П. И. Мельников (Андрей Печерский): мировоззрение, творчество, старообрядчество / / В. В. Боченков ; Твер. гос. ун-т. — Ржев: Маргарит, 2008. — 348 с.

234. *Брандт, Р. Ф.* Загробный голос о русском языке и письме : <Н. П. Гиляров-Платонов как лингвист> / Р. Ф. Брандт. — Воронеж: тип. т-ва Н. Кравцов и К° (б. Исаева), 1905. — [2], 22 с.

235. *Бродский, Н. Л.* Ранние славянофилы: А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, К. С. и И. С. Аксаковы / Н. Л. Бродский. — М.: тип. т-ва И. Д. Сытина, 1910. — 206 с.

236. *Буланов, А. М.* Рациональное и сердечное в теории познания и эстетике славянофилов / А. М. Буланов // Вопросы литературы. — 1991. — № 7. — С. 96—103; то же: Славянофильство и современность. — СПб.: Наука, 1994. — С. 77—91.

237. *Булгаков, В. И.* К вопросу о фольклоризме романа Мельникова-Печерского «В лесах» / В. И. Булгаков // Языкознание и литературоведение. — Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1972. — С. 54—60.

238. *Булвер-Литтон, Э. Дж*. Последние дни Помпеи / Бульвер. — М.: Изд. Н. Степанова, 1842. — Ч. I—IV.

239. *Быков, В. Н.* Гласные Московской городской думы (1863—1917) : священники и выпускники духовных академий : Никита Петрович Гиляров-Платонов / В. Н. Быков // Московский журнал. — 2008. — № 10. — С. 7.

240. *Бычков, С. С.* Начало разногласий в кружке славянофилов : (письмо И. С. Аксакова Ю. Ф. Самарину) / С. С. Бычков // Славянофильство и современность. — СПб.: Наука, 1994. — С. 243—251; то же: Памятники культуры : новые открытия : письменность, искусство, археология. — М.: Наука, 1996. — С. 96—104.

241. <В день годовой кончины Н. П. Гилярова-Платонова : сообщения о заупокойной литургии, панихиде и др.> // Вестник литературный, политический, научный и художественный, с афишами. — 1888. — 9 окт., № 1281; 11 окт., № 1283; 12 окт., № 1284; 13 окт., № 1285 (везде с. 1).

242. *Валевский, А. Л.* Основания *биографики / А. Л. Валевский*. — Киев: Наукова думка, 1993. — 110 с.

243. *Валіцький, А*. В полоні консервативноі утопіі : структура і видозміни російського слов'янофільства / А. Валіцький ; пер. з польськ. В. Моренець. — Київ: Основи, 1998. — 710 с.

244. *Валуев, П. А.* Дневник, 1877—1884 / П. А. Валуев ; ред. и примеч. В. Я. Яковлева-Богучарского и П. Е. Щеголева. — Пг.: Былое, 1919 (переизд.: М.: Изд-во АН СССР, 1961). — VI, 311 с.

245. *Варадинов, Н. В.* Сборник узаконений и распоряжений правительства по делам печати / Н. В. Варадинов. — СПб.: тип. Ретгера и Шнейдера, 1878. — VI, 347 с.

246. *Василевский, И. Ф*. Наброски и недомолвки: <…> Г. Гиляров-Платонов и старцы 1812 года. Литературная жертва берлинской русофобии / Буква // Биржевые ведомости. — 1878. — 2 июля, № 180. — С. 1—2. <О Г.-П. — с. 1.>

247. *Васильев, А. А.* Государственно-правовой идеал славянофилов / А. А. Васильев. — М.: Ин-т рус. цивилизации, 2010. — 224 с.

248. *Васильев П. П.* Журналистика («Дело» – январь, февраль, март) : <о мемуарных очерках Н. П. Гилярова-Платонова> / П. Скромный // Живописное обозрение. — 1887. — № 21, 24 мая. — С. 330—334.

249. *Введенский, А. И.* Жертва судьбы : <рец. на кн.:> *Н. П. Гиляров-Платонов*. Сборник сочинений. Издание К. П. Победоносцева. М., 1899 г., т. I / А. Басаргин // Московские ведомости. — 1899. — 19 июня, № 166. — С. 3—4.

250. *Введенский, А. И.* Несовременный ум о современных вопросах : <рец. на кн.:> *Н. П. Гиляров-Платонов*. Сборник сочинений. Издание К. П. Победоносцева. <М., 1899.> Т. I / А. И. Введенский // Там же. — 1899. — 26 июня, № 173. — С. 3.

251. *Введенский, А. И.* Очерки истории русской философии / А. И. Введенский, А. Ф. Лосев, Э. Л. Радлов, Г. Г. Шпет; сост., вступ. ст., примеч. Б. В. Емельянова, К. Н. Любутина. — Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. — 592 с. <О Г.-П. — с. 113, 121, 126, 138.>

252. *Введенский, С. Н.* Основные черты философских воззрений Ю. Ф. Самарина / С. Н. Введенский. — Казань: типолит. Имп. ун-та, 1899. — 19 с.

253. *Венгеров, С. А.* Передовой боец славянофильства Константин Аксаков / С. А. Венгеров // *Венгеров С. А.* Очерки по истории русской литературы. — СПб.: тип. т-ва «Обществ. польза», 1907. — С. 375—480.

254. *Викторов, А. Е.* Кирилл и Мефодий: новые источники и учен. тр. для истории славян. апостолов / А. Е. Викторов. — М.: Синодал. тип., 1865. — [2], 126 с.

255. *Викторович, В. А.* Коломна — город «полосатый» : <рец. на кн.: *Гиляров-Платонов, Н. П.* Из пережитого: Автобиогр. воспоминания / изд. подгот. А. П. Дмитриев, И. Г. Птушкина, Л. В. Дмитриева. СПб.: Наука, 2009> / В. А. Викторович // Коломенская правда. — 2010. — 2 апр., № 25. — С. 8.

256. *Викторович, В. А.* Начало коломенского текста : <И. И. Лажечников, Н. П. Гиляров-Платонов, Б. Пильняк — основоположники коломенского текста> / В. А. Викторович // Коломенский альманах : лит. ежегодник. — М., 2010. — Вып. 14. — С. 11—28.

257. *Викторович, В. А.* Блаженны отставшие / В. А. Викторович // Возвращение Н. П. Гилярова-Платонова : сб. ст. и материалов / КПГИ. — Коломна, 2007. — С. 16—30.

258. *Викторович, В. А*. От Никиты до Николы… : (посадские люди Н. П. Гиляров-Платонов и Б. Пильняк) / В. А. Викторович // Никита Петрович Гиляров-Платонов : исследования, материалы, библиография, рецензии / ИРЛИ РАН ; под общ. ред. А. П. Дмитриева. — СПб.: Росток, 2013. — С. 182—196.

259. *Викторович, В. А*. Перепутья русского консерватизма : (Ф. М. Достоевский и Н. П. Гиляров-Платонов) / В. А. Викторович // Там же. — С. 47—95.

260. *Вильмс, З. Г.* Святые Кирилл и Мефодий, апостолы славянские: изд. С.-Петерб. слав. благотворит. о-ва ко дню тысячелетия блажен. кончины св. Мефодия 6 апр. 1885 г. / З. Г. Вильмс. — СПб., 1885. — 49 с.

261. *Виноградов, П. Г.* И. В. Киреевский и начало московского славянофильства / П. Г. Виноградов // Вопросы философии и психологии. — 1892. — Кн. 13. — С. 98—126.

262. *Владимиров, А. П.* Памяти Никиты Петровича Гилярова-Платонова : <к 10-летию со дня смерти мыслителя> / А. П. Владимиров // Русское обозрение. — 1897. — Т. 47, окт. — С. 850—854.

263. *Владимиров, Л. Е.* А. С. Хомяков и его этико-социальное учение: к столет. юбилею рождения Хомякова: 1 мая 1804 — 1 мая 1904 / Л. Е. Владимиров. — М.: т-во скоропеч. А. А. Левенсон, 1904. — X, 234 с.

264. *Водолазко, В. Н.* Н. П. Гиляров-Платонов о пореформенном старообрядчестве / В. Н. Водолазко // Старообрядчество: история, культура, современность : материалы V науч.-практ. конф., г. Москва, 20—21 нояб. 2000 г. — М.: Музей истории и культуры старообрядчества, 2000. — С. 39—45.

265. Возвращение Н. П. Гилярова-Платонова : сб. ст. и материалов: К Дню славянской письменности и культуры / редкол.: В. А. Викторович [и др.]. — Коломна: Коломен. гос. пед. ин-т, 2007. — 440 с.

266. *Володин, А. И.* Проблема национального самосознания в спорах «западников» и «славянофилов» / А. И. Володин // Социальная теория и современность. — М., 1992. — Вып. 3. — С. 25—41; то же: Alma mater. — 1992. — № 7/9. — С. 56—62.

267. *Воробьева, И. Г.* Письмо Н. А. Попова И. С. Аксакову о причинах закрытия Московского славянского общества в 1878 г. / И. Г. Воробьева // Проблемы

славяноведения = Problems of slavic studies : сб. науч. ст. и материалов. — Брянск: Изд-во БПГУ, 2000. — Вып. 1. — С. 246—252.

268. *Воропаев, В. А.* «Катехизис необыкновенно замечательный»: <о соч. А. С. Хомякова «Церковь одна»> / В. А. Воропаев // Литературная учеба. — 1991. — № 3. — С. 129—131.

269. *Вострышев, М. И.* Неопознанный гений: издатель и публицист Никита Петрович Гиляров-Платонов (1824—1887) / М. И. Вострышев // Московские обыватели. — М.: Мол. гвардия, 2003. — С. 225—232; то же: Московские обыватели. — [2-е изд.]. — М.: Мол. гвардия, 2007. — С. 254—261.

270. *Всеволожский, Н. С.* Путешествие чрез Южную Россию, Крым и Одессу в Константинополь, Малую Азию, Северную Африку, Мальту, Сицилию, Италию, Южную Францию и Париж в 1836 и 1837 годах / Н. С. Всеволожский. — М.: в тип. Августа Семена, 1839. — Т. I—II.

271. Всероссийская этнографическая выставка и Славянский съезд в Москве 1867 года. — М.: Унив. тип., 1867. — X, 473 с.

272. *Вырлан, А. В.* Кирилл и Мефодий: речь, произнесенная в Ришельевской гимназии 7-го апреля 1885 г., по случаю тысячелетия со дня кончины св. Мефодия / А. В. Вырлан. — Одесса, 1885. — 39 с.

273. *Вяземский, П. А., кн.* Из бумаг Н. П. Гилярова: Письмо князя П. А. Вяземского <о цензуре от 15 июля 1856 г.> / кн. П. А. Вяземский ; <публ. А. М. Гальперсон> // Русский архив. — 1889. — Кн. III, вып. 10. — С. 264.

274. *Гаврюшин, Н. К.* «Столп Церкви»: протоиерей Ф. А. Голубинский и его школа / Н. К. Гаврюшин // Исследования по истории русской мысли: ежегодник, 2008—2009. — М., 2012. — Год 9. — С. 7—51. <О Г.-П. — с. 25, 27, 35, 46.>

275. *Галковский, Д. Е.* Бесконечный тупик / Д. Е. Галковский. — 2-е изд., испр. и доп. — М., 1998. — 708 с. <О Г.-П. — с. 8, 627.>

276. *Гальперсон, А. М.* Письма к С. Ф. Шарапову / А. М. Гальперсон // ГЛМ. — Ф. 23. — Оп. 1. — Ед. хр. 43.

277. *Гальперсон, А. М.* Москва, 20 октября : <поминальная статья о Н. П. Гилярове-Платонове> / [А. М. Гальперсон] // Современные известия. — 1887. — 21

окт., № 288. — С. 2; перепеч. под назв. «† Н. П. Гиляров-Платонов: (Из «Современных известий»)»: Русское дело. — 1887. — 17—24 окт., № 12/13. — С. 6.

278. *Гальперсон, А. М.* Новости литературы : («Русский вестник», февраль и март 1888 г.) / М. А. // Русское дело. — 1888. — 16 апр., № 16. — С. 14—15.

279. *Гацко, Р. В.* «Гиляровский приход» : (краткий очерк из истории храма Никиты Мученика) / Р. В. Гацко // Возвращение Н. П. Гилярова-Платонова : сб. ст. и материалов / КГПИ. — Коломна, 2007. — С. 426—440.

280. *Гацко, Р. В.* Гиляров / Р. Славацкий // Благовестник. — 2004. — № 7. — С. 2.

281. *Гацко, Р. В.* Гиляров-Платонов: «Возвращение в Коломну»: <конференция, прошедшая с 3 по 5 июня в ЦРБ им. И. И. Лажечникова и в с. Черкизово> / Р. Славацкий // Ять. — 2004. — 16 июня. — С. 5.

282. *Гацко, Р. В.* Гиляровский родословец: <о черкизовских корнях рода Гиляровых> / Р. Славацкий // Арт-информ. — 2002. — № 9. — С. 6.

283. *Гацко, Р. В.* «Коломенский историзм» у Лажечникова, Гилярова-Платонова и Пильняка / Р. Славацкий // Никита Петрович Гиляров-Платонов: исследования, материалы, библиография, рецензии / ИРЛИ РАН ; под общ. ред. А. П. Дмитриева. — СПб.: Росток, 2013. — С. 149—152.

284. *Гацко, Р. В.* Научный подвиг : <рец. на кн.: *Гиляров-Платонов, Н. П.* Из пережитого: автобиогр. воспоминания / изд. подгот. А. П. Дмитриев, И. Г. Птушкина, Л. В. Дмитриева. СПб.: Наука, 2009> / Р. Славацкий // Благовестник. — 2010. — № 4. — С. 6.

285. *Гацко, Р. В.* Памятник нерукотворный: <о выходе в свет книги о Н. П. Гилярове-Платонове> / Р. Славацкий // Коломенская правда. — 2007. — 23 мая. — С. 4.

286. *Гачева, А. Г.* «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется» : Достоевский и Тютчев / А. Г. Гачева. — М.: ИМЛИ РАН, 2004. — 640 с.

287. *Г—ва, Н.* Памяти Н. П. Гилярова-Платонова («Он спит, он спит в земле холодной…») : <стихотворение> / Н. Г—ва // Вестник литературный, политический, научный и художественный, с афишами. — 1888. — 12 окт., № 1284. — С. 1.

288. Гегель и философия в России: 30-е годы XIX в. — 20-е годы XX в. : <сб. ст.>. — М.: Наука, 1974. — 264 с.

289. *Генералова, Н. П.* «Неизвестный» ответ Тургенева Чернышевскому : (о втором эпилоге романа «Рудин») / Н. П. Генералова // И. С. Тургенев : новые исследования и материалы.— М.: Альянс-Архео, 2016. — Т. IV: К 200-летию И. С. Тургенева (1818—2018). — С. 19—57. <О Г.-П. — с. 26.>

290. *Герасимова, Ю. И.* Из истории русской печати в период революционной ситуации конца 1850-х — начала 1860-х гг. / Ю. И. Герасимова. — М.: Книга, 1974. — 208 с. <О Г.-П. — с. 18, 58, 98, 109, 194.>

291. *Герцен, А. И.* Полн. собр. соч. : в 30 т. / А. И. Герцен. — М.: Изд-во АН СССР, 1954—1965.

292. *Гершензон, М. О.* Славянофильство / М. О. Гершензон // Вопросы философии. — 1997. — № 12. — С. 68—72.

293. *Гиляров, А. М.* Мой Кранах / А. М. Гиляров // Наше наследие. — 2008. — № 8. — С. 164—168.

294. *Гиляров, Н. Н.* Краткая история газеты «Современные изв<естия>» / Н. Н. Гиляров // РНБ. — Ф. 847. — Ед. хр. 357.

295. *Гиляров, Ф. А.* 15 лет крамолы (4 апреля 1866 г. — 1 марта 1881 г.) / Ф. А. Гиляров. — М., 1883. — Т. I, ч. I. — [4], XVI, 324, IV с.

296. *Гиляров, Ф. А.* Воспоминания / Ф. А. Гиляров // Русский архив. — 1904. — Кн. I, вып. 1. — С. 175—188, Вып. 2. — С. 326—364; Вып. 3. — С. 465—496; Вып. 4. — С. 604—621; Кн. II, вып. 5. — С. 60—134; Вып. 6. — С. 238—299.

297. *Гиляровский, В. А.* Москва газетная / В. А. Гиляровский // *Гиляровский В. А.* Избранное : в 3 т. — [М.]: Моск. рабочий, 1961. — Т. 2. — С. 13—284. <О Г.-П. — с. 15—17, 78—80.>

298. *Говоруха-Отрок, Ю. Н.* Во что веровали русские писатели? : литературная критика и религиозно-философская публицистика : [в 2 т.] / вступ. ст. Е. В. Ивановой ; сост., подгот. текстов и коммент. Е. В. Ивановой и А. П. Дмитриева ; коммент., библиография и аннотир. указ. имен А. П. Дмитриева. — СПб.: Росток, 2012. — Т. I. — 896 с.; Т. II. — 1087 с. <О Г.-П. — т. 2, с. 825, 860, 891, 924.>

299. *Голохвастов, П. Д.* Переписка П. Д. Голохвастова с И. С. Аксаковым о «Земском соборе» / П. Д. Голохвастов, И. С. Аксаков // Русский архив. — 1913. — Кн. I. вып. 1. — С. 93—111; Вып. 2. — С. 181—204.

300. *Голубев, В. В.* Константин Петрович Победоносцев : (очерк его деятельности и педагогического воззрения) / В. В. Голубев // Западнорусская начальная школа. — 1909. — № 10. — С. 38—73.

301. *Горожанский, Я. И.* Св. Кирилл и Мефодий: Просветители славян: в память их тысячелетнего чествования от смерти Мефодия, последовавшей в 885 г. / Я. И. Горожанский. — М.: Нар. б-ка, 1885. — 32 с.

302. *Горский, А. В., прот*. Дневник / протоиерей А. В. Горский // Приб. к изд. Творений Св. Отец. — 1884. — Ч. XXXIII, кн. 4. — С. 303—365. <О Г.-П. — с. 341.>

303. *Градовский, А. Д.* Первые славянофилы / А. Д. Градовский // Собр. соч. : в 9 т. — СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1901. — Т. 6. — С. 401—433.

304. *Греков, В. Н.* «Славянская самобытность» и «выбор судьбы» в теории ранних славянофилов: (к вопросу о выявлении архетипов) / В. Н. Греков // Славянская идея: история и современность / Ин-т славяноведения РАН. — М., 1998. — С. 78—94.

305. *Греков, В. Н.* Ф. М. Достоевский и И. С. Аксаков в шестидесятые годы : (от «национальной самобытности» к «общечеловеческому прогрессу») / В. Н. Греков // Романтизм в литературном движении : сб. науч. тр. / Твер. гос. ун-т. — Тверь, 1997. — С. 147—156.

306. *Григорьев, А. А.* Литературная критика / Аполлон Григорьев ; сост., вступ. ст. и примеч. Б. Ф. Егорова. — М.: Худож. лит., 1967. — 632 с. <О Г.-П. — с. 182, 220, 570, 573.>

307. *Григорьев, А. А.* Соч. : в 2 т. / Аполлон Григорьев ; сост. и коммент. Б. Ф. Егорова, А. Л. Осповата; вступ. ст. Б. Ф. Егорова. — М.: Худож. лит., 1990. — Т. 2: Статьи; Письма. — 510 с. <О Г.-П. — с. 384, 385, 446, 447, 449.>

308. *Григорьев, А. А*. Письма / Аполлон Григорьев ; изд. подгот. Р. Виттакер и Б. Ф. Егоров. — М.: Наука, 1999. — 473 с. — (Лит. памятники).

309. *Григорьева, С.* «Жалостный» роман — исторический: в библиотеке им. И. И. Лажечникова состоялась литературная конференция «Русская историческая проза: региональный аспект (И. И. Лажечников — Н. П. Гиляров-Платонов — Б. А. Пильняк) / С. Григорьев // Коломенская правда. — 2008. — 11 июля. — С. 5.

310. *Гринченко, Н. А.* Цензоры Москвы, 1804—1917 : (аннотир. список) / Н. А. Гринченко, Н. Г. Патрушева // Новое литературное обозрение. — 2000. — № 44. — С. 409—433.

311. *Гришин, Е. В.* Принципы создания психологического портрета в прозе Ж.-Ж. Руссо и Н. П. Гилярова-Платонова : опыт сравнения / Е. В. Гришин // Вестник Московского государственного областного социально-гуманитарного института. — 2012. — Т. 1, № 12. — С. 178—182.

312. *Громов, М. Н.* Славянофильство: историософский аспект / М. Н. Громов // История философии. — 1999. — № 4. — С. 125—134.

313. *Гроссман, Л. П.* Достоевский и правительственные круги 1870-х годов / Л. П. Гроссман // Литературное наследство. — М., 1934. — Т. 15. — С. 83—162.

314. *Гулыга, А. В.* Русская идея и ее творцы / А. В. Гулыга. — М.: ЭКСМО, 2003. — 448 с.

315. *Гуральник, У. А.* Достоевский, славянофилы и «почвенничество» / У. А. Гуральник // Достоевский — художник и мыслитель : сб. ст. — М.: Худож. лит., 1972. — С. 427—462.

316. *Гусев, В. А.* Русский консерватизм : основные направления и этапы развития / В. А. Гусев ; Твер. гос. ун-т. — Тверь, 2001. — 240 с.

317. *Гусев, В. А.* Д. А. Хомяков : интерпретация девиза «Православие. Самодержавие. Народность» / В. А. Гусев // Социально-политический журнал. — 1992. — № 10. — С. 82—89.

318. *Гусев, Н. Н.* Лев Николаевич Толстой : материалы к биографии с 1855 по 1869 год / Н. Н. Гусев. — М.: Изд-во АН СССР, 1957. — 916 с.

319. *Давыдов, Д. М.* Вторая публикация : <рец. на кн.: *Лесков Н. С.* Иродова работа: русские картины, наблюдения, опыты и заметки: историко-публицистические очерки по Прибалтийскому вопросу, 1882—1885 / РАН. ИРЛИ ;

изд. подгот. А. П. Дмитриев. СПб.: Пушкинский Дом, 2009> / Д. М. Давыдов // Книжное обозрение. — 2010. — Июнь, № 13. — С. 15.

320. *Давыдов, Д. М.* Начало творчества : <рец. на кн.: *Гиляров-Платонов, Н. П.* Последние дни Помпеи : семинарские опыты в стихах и прозе (1837—1843) / РАН. ИРЛИ ; вступ. ст., сост., подгот. текстов, коммент. А. П. Дмитриева. — СПб.: Пушкинский Дом, 2009> / Д. М. Давыдов // Там же. — 2010. — Июль, № 15. — С. 15.

321. *Давыдов, И. И.* Лирические песнопения религиозные / И. И. Давыдов // *Давыдов, И. И.* Чтения о словесности. — М.: Унив. тип., 1838. — Курс 3. — С. 56—73.

322. *Данилевский, Н. Я.* Россия и Европа : взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к романо-германскому / Н. Я. Данилевский. — М.: Книга, 1991. — 450 с.

323. *Данилова, Л. С.* Русский театр середины XIX века и славянофильство / Л. С. Данилова // Русский театр и общественное движение : (конец XVIII — начало XX века) : сб. науч. тр. / ЛГИТИиК. — Л., 1984. — С. 50—70.

324. *Д—в, В.* Памяти Н. П. Гилярова-Платонова : <об осуждении старообрядческого филетизма в его статьях> / В. Д—в // Московские ведомости. — 1902. — 13 окт., № 282. — С. 4.

325. *Дмитриев, А. П.* «Беда в “переходной эпохе”» : письма и проза Василия Розанова, Ивана Романова-Рцы и Петра Перцова в последний год столетия / А. П. Дмитриев, Д. А. Федоров // 1900 год в неизвестной переписке, статьях, рассказах и юморесках Василия Розанова, Ивана Романова-Рцы и Петра Перцова / ИРЛИ РАН ; сост. А. П. Дмитриева; вступ. ст., подгот. текстов и коммент. А. П. Дмитриева и Д. А. Федорова. — СПб.: Родник, 2014. — С. 3—24.

326. *Дмитриев, А. П.* «Ибсен… приближает нас к Богу…» : (творчество норвежского драматурга в оценке русской духовной критики начала XX в.) / А. П. Дмитриев // Творчество Хенрика Ибсена в мировом культурном контексте: Материалы Междунар. конф. (С.-Петербург, 9—10 окт. 2006 г.) / ИРЛИ РАН ; С.-Петерб. гос. акад. театр. искусства ; отв. ред. Н. Ю. Грякалова. — СПб.: Пушкинский Дом, 2007. — С. 53—64.

327. *Дмитриев, А. П.* «Многое тут разбросано искрами глубокой мысли…» : (письма Н. П. Гилярова-Платонова к И. Ф. Романову-Рцы) / А. П. Дмитриев // Возвращение Н. П. Гилярова-Платонова : сб. ст. и материалов / КГПИ. — Коломна, 2007. — С. 209—230.

328. *Дмитриев, А. П.* «Муж Креста Христова» или «плоть от плоти общества»? : (духовные писатели и религиозные мыслители 1880-х — начала 1890-х гг. о Достоевском) / А. П. Дмитриев // Достоевский и мировая культура: альм. — М.: С. Т. Корнеев, 2009. — № 25. — С. 445—470.

329. *Дмитриев, А. П.* «Под хоругвию Святых Первоучителей» : (Н. П. Гиляров-Платонов о судьбах кирилло-мефодиевского наследия) / А. П. Дмитриев // Россия и славянский мир: история, язык, культура : сб. науч. тр. / ред.-сост. В. А. Викторович, А. Б. Мазуров. — М.: Три квадрата, 2008. — С. 105—118.

330. *Дмитриев, А. П.* «Росмерсхольм» как явление «христианского театра» : актриса И. Аполлонская-Стравинская и ее книга о драме Х. Ибсена / А. П. Дмитриев // Вопросы литературы. — 2009. — Вып. 6. — С. 404—419.

331. *Дмитриев, А. П.* «Русская беседа» в Германии : история славянофильской антологии «Русские фрагменты: к познанию государственной и народной жизни в ее историческом развитии» (Лейпциг, 1862), изданной Фр. фон Боденштедтом / А. П. Дмитриев // «Русская беседа» : история славянофильского журнала : исследования, материалы, постатейная роспись / ИРЛИ РАН ; Гос. музей-заповедник «Абрамцево». — СПб.: Пушкинский Дом, 2010. — С. 278—300.

332. *Дмитриев, А. П.* «С трагедией в душе он вечно шутил…» : муки и радости литературного отшельника Рцы (И. Ф. Романова) / А. П. Дмитриев, Д. А. Федоров // *Рцы (Романов И. Ф.).* Собр. соч. : в 2 т. / изд. подгот. А. П. Дмитриев и Д. А. Федоров ; ИРЛИ РАН. — СПб.: Росток, 2016. — Т. I. — С. 5—22.

333. *Дмитриев, А. П.* «Современные известия» Н. П. Гилярова-Платонова и Ф. А. Гилярова в период «диктатуры сердца» М. Т. Лорис-Меликова (14 февраля 1880 г. — 4 мая 1881 г.) : выборочная постатейная роспись газеты / А. П. Дмитриев, Л. О. Цандер // Никита Петрович Гиляров-Платонов: исследования, материалы, библиография, рецензии / ИРЛИ РАН ; под общ. ред. А. П. Дмитриева. — СПб.: Росток, 2013. — С. 709—818.

334. *Дмитриев, А. П.* «Ущемленный в средостении славянофил» Рцы (И. Ф. Романов) в его неопубликованных письмах к В. В. Розанову / А. П. Дмитриев // Русский мір : пространство и время русской культуры : альм. — СПб.: Рус. культура, 2013. — Т. 8. — С. 5—31.

335. *Дмитриев, А. П.* А. С. Хомяков и Н. П. Гиляров-Платонов : (к истории знакомства и творческих взаимоотношений) / А. П. Дмитриев // Исследовательский журнал русского языка и литературы. — Тегеран, 2015. — Vol. 6, № 2. — С. 91—106.

336. *Дмитриев, А. П.* Автор Предисловия к первому тому — Н. П. Гиляров-Платонов : (о работе А. Ф. Аксаковой над Собранием сочинений мужа); *А. Ф. Аксакова*. Письма к Г. С. Аксакову (1886—1888) / А. П. Дмитриев // *Аксаков И. С.* Собр. соч. : в 12 т. / ИРЛИ РАН ; изд. подгот.: А. П. Дмитриев и Д. А. Федоров. — СПб., 2015. — Т. 1: Славянский вопрос; кн. 2. — С. 672—679.

337. *Дмитриев, А. П.* Авторы «Русской беседы» : аннотированный указатель / А. П. Дмитриев // «Русская беседа» : история славянофильского журнала : исследования, материалы, постатейная роспись / ИРЛИ РАН ; Гос. музей-заповедник «Абрамцево». — СПб.: Пушкинский Дом, 2010. — С. 532—546.

338. *Дмитриев, А. П.* Апология провинции у славянофилов : (черновой набросок статьи К. С. Аксакова «Провинция и столица» и воспоминания Н. П. Гилярова-Платонова «Из пережитого») / А. П. Дмитриев // Печать и слово Петербурга: Петербургские чтения-2016: XVIII Всерос. науч. конф. : сб. науч. тр. : в 2 ч. — СПб.: СПбГУПТД, 2017. — Ч. 2: Литературоведение. Лингвистика. — С. 50—55.

339. *Дмитриев, А. П. Борьба Церкви с Государством в историософии* И. С. Аксакова и Н. П. Гилярова-Платонова / А. П. Дмитриев // Истина и диалог : сб. материалов XIII Свято-Троицких ежегодных междунар. академических чтений в Санкт-Петербурге / Рус. христианская гуманитар. акад. — СПб., 2013. — С. 240—241.

340. *Дмитриев, А. П.* Возвращение А. О. Осиповича-Новодворского / А. П. Дмитриев // Русская литература. — 2007. — № 2. — С. 203—205.

341. *Дмитриев, А. П.* Вопросы веры у Гилярова-Платонова / А. П. Дмитриев // Возвращение Н. П. Гилярова-Платонова : сб. ст. и материалов / КГПИ. — Коломна, 2007. — С. 31—45.

342. *Дмитриев, А. П.* Гиляров-Платонов Никита Петрович / А. П. Дмитриев // А. Н. Островский : **энциклопедия / гл. ред. и сост. И. А. Овчинина.** — *Кострома: Костромиздат; Шуя: Изд-во ФГБО ВПО «ШГПУ», 2012. — С. 105—106.*

343. *Дмитриев, А. П.* Гиляров-Платонов Никита Петрович / А. П. Дмитриев // Электронный ресурс: Цензура в России: материалы к Энциклопедическому словарю **(**Открытый текст: электр. периодич. изд.: http://www.opentextnn.ru/censorship/russia/encslov/?id=5966 (размещено: 05.12.2015; последнее обращение— 31.12.2018 г.)**).** 0,8 а. л.

344. *Дмитриев, А. П.* Н. П. Гиляров-Платонов и русская литература 1850—1880-х годов / / А. П. Дмитриев ; ИРЛИ РАН ; отв. ред. Б. Ф. Егоров. — СПб.: Родник, 2018. — 912 с.: ил. — (Славянофильский архив ; кн. 6).

345. *Дмитриев, А. П.* Документы следственного дела по доносу М. С. Сковронской о растрате <Н. П. Гиляровым-Платоновым> сумм, пожертвованных на славян (1877—1879) / А. П. Дмитриев // Никита Петрович Гиляров-Платонов : исследования, материалы, библиография, рецензии / ИРЛИ РАН ; под общ. ред. А. П. Дмитриева. — СПб.: Росток, 2013. — С. 336—428.

346. *Дмитриев, А. П.* Достоевский и оптинские насельники : (забытое газетное свидетельство 1881 г.) / А. П. Дмитриев // Официальный сайт Оптиной пустыни (http://www.optina.ru/pub/p20/ последнее обращение— 25.12.2018 г.).

347. *Дмитриев, А. П.* Жизнь есть подвиг или наслаждение? : православная социология и «русская идея» в оценке «либерального консерватора» : Н. П. Гиляров-Платонов versus И.-К. Блюнчли / А. П. Дмитриев // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. — 2007. — Т. 8, вып. 1. — С. 104—116.

348. *Дмитриев, А. П.* Забытые литературно-критические статьи и мемуарные очерки Н. П. Гилярова-Платонова об И. С. Тургеневе, Л. Н. Толстом, К. Н. Леонтьеве, Вл. С. Соловьеве, И. С. Никитине, И. С. Аксакове и Ф. И. Тютчеве (1879—1886) / А. П. Дмитриев // Никита Петрович Гиляров-Платонов : исследова-

ния, материалы, библиография, рецензии / ИРЛИ РАН ; под общ. ред. А. П. Дмитриева. — СПб.: Росток, 2013. — С. 636—706.

349. *Дмитриев, А. П.* Записка священника Петра Матфиевича Никитского с указанием дней рождения его детей / А. П. Дмитриев // Там же. — С. 227—231.

350. *Дмитриев, А. П.* И. С. Аксаков как литературный критик в оценке Н. П. Гилярова-Платонова / А. П. Дмитриев // Аксаковские чтения : (материалы XIII Международных Аксаковских чтений, Уфа, 24—25 сентября 2012 г.) / Башк. гос. пед. ун-т им. М. Акмуллы ; отв. ред. В. В. Борисова. — Уфа, 2012. — С. 30—36.

351. *Дмитриев, А. П.* Ижорская сказительница Ларин Параске : мученическая судьба и посмертная слава / А. П. Дмитриев // Мы живем на одной земле : материалы Третьих губернских чтений, посвящ. 80-летию Ленингр. обл. / Ком по культуре Лен. обл. ; Ленингр. обл. унив. науч. б-ка. — СПб., 2007. — С. 83—101. <О Г.-П. — с. 83.>

352. *Дмитриев, А. П.* Из ученических работ Никиты Гилярова: I. «Почему Церковь ветхозаветная ограничена была в одном народе еврейском, тогда как Бог всем хощет спастися и в разум истины прийти?» (1843—1844?); II. «О достоинстве искусства как чувственной формы знания» (1849?) / А. П. Дмитриев // Никита Петрович Гиляров-Платонов : исследования, материалы, библиография, рецензии / ИРЛИ РАН ; под общ. ред. А. П. Дмитриева. — СПб.: Росток, 2013. — С. 234—244.

353. *Дмитриев, А. П.* Инструкции, выданные Никите Гилярову в Коломенском духовном училище как классическому журналисту и своекоштному (1836) / А. П. Дмитриев // Там же. — С. 231—234.

354. *Дмитриев, А. П.* Исповедничество как образ жизни и творчества: о книге «Дон-Кихот русского монашества. Жизнь и творчество игумена Антония (Бочкова)» (СПб., 2009) / А. П. Дмитриев // София. — 2010. — № 2. — С. 39—40.

355. *Дмитриев, А. П.* История одного увольнения: (Митрополит Филарет и Н. П. Гиляров-Платонов в 1855 году) / А. П. Дмитриев // Филаретовский альманах / Правосл. Св.-Тихон. гуманит. ун-т. — М.: Изд-во ПСГТУ, 2008. — Вып. 4. — С. 158—183.

356. *Дмитриев, А. П.* К истории благотворительности в России : (неопубликованные письма Н. П. Гилярова-Платонова к К. П. Победоносцеву, 1866—1867) /

А. П. Дмитриев // Никита Петрович Гиляров-Платонов : исследования, материалы, библиография. рецензии / ИРЛИ РАН ; под общ. ред. А. П. Дмитриева. — СПб.: Росток, 2013. — С. 837—876.

357. *Дмитриев, А. П.* К. П. Победоносцев — приятель, оппонент, издатель Н. П. Гилярова-Платонова / А. П. Дмитриев // Константин Петрович Победоносцев: мыслитель, ученый, человек : материалы Междунар. юбил. науч. конф., посвящ. 180-летию со дня рождения К. П. Победоносцева, Санкт-Петербург, 1—3 июня 2007 г. — СПб., 2007. — С. 127—136.

358. *Дмитриев, А. П.* Как один московский коломенец заблудился в петербургской Коломне : (случай с Н. П. Гиляровым-Платоновым) / А. П. Дмитриев // Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. — СПб., 2007. — Вып. 14. — С. 142—156.

359. *Дмитриев, А. П.* Кн. Н. В. Шаховской. Проект матерьяла, который может войти в Сборник <памяти Н. П. Гилярова-Платонова> (1893) / А. П. Дмитриев // Никита Петрович Гиляров-Платонов : исследования, материалы, библиография, рецензии / ИРЛИ РАН ; под общ. ред. А. П. Дмитриева. — СПб.: Росток, 2013. — С. 479—482.

360. *Дмитриев, А. П.* Книга И. Ф. Романова-Рцы «Дело императора Александра III как логическое развитие идеи 1613 года» (СПб., 1896) : цензурный казус versus «священный долг» гражданина : по частной и служебной переписке (декабрь 1895 г. — ноябрь 1905 г.) / А. П. Дмитриев // Цензура в России : история и современность : сб. науч. тр. / науч. ред. Н. Г. Патрушева. — СПб.: РНБ, 2015. — Вып. 7. — С. 351—390.

361. *Дмитриев, А. П.* Литературная критика в церковных изданиях. Творчество Достоевского и Л. Толстого в оценках духовных писателей / А. П. Дмитриев // *История русской критики: новые подходы: сб. ст. / под ред. В. А. Викторовича. — Коломна: [б. и.], 2016. — С. 233—270.*

362. *Дмитриев, А. П.* Н. П. Гиляров-Платонов и его газета / А. П. Дмитриев // Москва. — 2008. — № 5. — С. 209—215.

363. *Дмитриев, А. П.* Н. П. Гиляров-Платонов и его газета : из истории первой московской ежедневной газеты <«Современные известия» (публикация мему-

арного очерка Н. Н. Гилярова со вступ. ст. и коммент.)> / А. П. Дмитриев // Коломенский альманах : лит. ежегодник. — Коломна, 2009. — Вып. 13. — С. 353—382.

364. *Дмитриев, А. П.* Н. П. Гиляров-Платонов и Катков : публицисты-антиподы в полосе взаимного тяготения / А. П. Дмитриев // Литературоведческий журнал. — 2013. — Вып. 32. — С. 28—43.

365. *Дмитриев, А. П.* Н. П. Гиляров-Платонов и С. Т. Аксаков : (к истории знакомства и взаимоотношений) / А. П. Дмитриев // Русская литература. — 2010. — № 4. — С. 194—204.

366. *Дмитриев, А. П.* Н. П. Гиляров-Платонов и цензура : (биобиблиогр. обзор) / А. П. Дмитриев // Никита Петрович Гиляров-Платонов : исследования, материалы, библиография, рецензии / ИРЛИ РАН ; под общ. ред. А. П. Дмитриева. — СПб.: Росток, 2013. — С. 96—130.

367. *Дмитриев, А. П.* Н. П. Гиляров-Платонов как лингвист в его переписке с Я. К. Гротом по проблемам русской орфографии (1869—1886) / А. П. Дмитриев // Там же. — С. 437—465.

368. *Дмитриев, А. П.* Н. П. Гиляров-Платонов как пчеловод / А. П. Дмитриев // Там же. — С. 428—437.

369. *Дмитриев, А. П.* Н. П. Гиляров-Платонов об учительстве духовенства и его сближении с обществом <2015> / А. П. Дмитриев // Возрождение церковной жизни в русской литературе и публицистике второй половины XIX — начала XX века: К 150-летию со дня рождения и 90-летию кончины святителя Тихона Московского **(**Официальный сайт ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (http://www.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=11225; последнее обращение — 16.07.2018 г.)**)**.

370. *Дмитриев, А. П.* Н. П. Гиляров-Платонов. Докладная записка <о старшинстве по службе> (1861) / А. П. Дмитриев // Никита Петрович Гиляров-Платонов : исследования, материалы, библиография, рецензии / ИРЛИ РАН ; под общ. ред. А. П. Дмитриева. — СПб.: Росток, 2013. — С. 264—267.

371. *Дмитриев, А. П.* Н. П. Гиляров-Платонов. Предварительные замечания <к книге «В каком смысле могут принадлежать евреям права гражданства в Хри-

стианских государствах? На основании сочинений Паулуса составил и собственным и примечаниями снабдил Н. Г.»> (1861) / А. П. Дмитриев // Там же. — С. 245—264.

372. *Дмитриев, А. П.* Н. П. Гиляров-Платонов — критик педагогических идей Л. Н. Толстого: (к предыстории еще одной дружбы-вражды) / А. П. Дмитриев // Острова любви БорФеда : сб. в честь 90-летия Бориса Федоровича Егорова / ИРЛИ РАН ; СПбИИ РАН ; СП Санкт-Петербурга ; ред.-сост. А. П. Дмитриев и П. С. Глушаков. — СПб.: Росток, 2016. — С. 325—338.

373. *Дмитриев, А. П.* Н. П. Гиляров-Платонов — автор и цензор «Русской беседы» / А. П. Дмитриев // «Русская беседа» : история славянофильского журнала : исследования, материалы, постатейная роспись / ИРЛИ РАН ; Гос. музей-заповедник «Абрамцево». — СПб.: Пушкинский Дом, 2010. — С. 158—183. — (Славянофильский архив; кн. 1).

374. *Дмитриев, А. П.* Н. С. Лесков и Остзейский вопрос : треволнения этно-религиозной неангажированности / А. П. Дмитриев // Христианство и русская литература / РАН. ИРЛИ. — СПб.: Наука, 2010. — Сб. 6. — С. 98—164.

375. *Дмитриев, А. П.* Неизвестное письмо К. С. Аксакова к А. С. Хомякову об объединении славян на путях культурного взаимодействия (из фондов Пушкинского Дома) / А. П. Дмитриев // Семья Аксаковых — как пример служения Отечеству : материалы круглого стола к 195-летию Ивана Сергеевича Аксакова [3 августа, 29 сентября 2018 г.] / отв. ред. М. Х. Марданов, сост. В. В. Латыпова, Р. Р. Яппарова. — Уфа: Изд. А. Л. Фенина, 2018. — С. 35—40.

376. *Дмитриев, А. П.* Неизвестные воспоминания о Н. П. Гилярове-Платонове / А. П. Дмитриев // Никита Петрович Гиляров-Платонов : исследования, материалы, библиография, рецензии / ИРЛИ РАН; под общ. ред. А. П. Дмитриева. — СПб.: Росток, 2013. — С. 482—519.

377. *Дмитриев, А. П.* Неизвестные проекты писем К. С. Аксакова к Александру II в связи с потерей Севастополя : (по переписке Н. П. Гилярова-Платонова, В. С. Аксаковой и М. Г. Карташевской) / А. П. Дмитриев // *Аксаковские чтения : (материалы XV Аксаковских чтений. Уфа, 24–26 сентября 2015 г.) / Башк. гос. пед. ун-т им. М. Акмуллы ; отв. ред. В. В. Борисова. — Уфа: Изд-во БГПУ, 2015.* — С. 81—96.

378. *Дмитриев, А. П.* Неопубликованное письмо К. С. Аксакова к А. С. Хомякову от 8 августа 1858 года в контексте переписки В. С. Аксаковой и М. Г. Карташевской о картине А. А. Иванова «Явление Христа народу» / А. П. Дмитриев // Русская литература. — 2017. — № 1. — С. 76—94.

379. *Дмитриев, А. П.* Неопубликованные статьи К. С. Аксакова о расколах в России и национальной русской идее : к 200-летию со дня рождения писателя / А. П. Дмитриев // Текст и традиция / РАН. ИРЛИ ; Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна» ; гл. ред. Е. Г. Водолазкин. — СПб.: Росток, 2017. — Т. 5. — С. 429—442.

380. *Дмитриев, А. П.* Новое об историософских взглядах И. С. Аксакова: два неизвестных его письма к Ф. И. Тютчеву 1871 и 1873 гг. / А. П. Дмитриев // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2013 год / РАН. ИРЛИ ; отв. ред. Т. С. Царькова. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. — С. 193—213.

381. *Дмитриев, А. П.* Отзывы цензоров о газете «Современные известия» (1869—1871) / А. П. Дмитриев // Никита Петрович Гиляров-Платонов : исследования, материалы, библиография, рецензии / ИРЛИ РАН ; под общ. ред. А. П. Дмитриева. — СПб.: Росток, 2013. — С. 267—323.

382. *Дмитриев, А. П.* Пастырское богословие в публицистике Н. П. Гилярова-Платонова / А. П. Дмитриев // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. — 2017. — Т. 18, вып. 2. — С. 26—33.

383. *Дмитриев, А. П.* Письма к Н. П. Гилярову-Платонову о воспоминаниях «Из пережитого» и очерке «Экскурсии в русскую грамматику» (1884, 1886) / А. П. Дмитриев // Никита Петрович Гиляров-Платонов: исследования, материалы, библиография, рецензии / ИРЛИ РАН ; под общ. ред. А. П. Дмитриева. — СПб.: Росток, 2013. — С. 465—479.

384. *Дмитриев, А. П.* Популяризаторы русского пчеловодства : к 125-летию со дня кончины А. М. Бутлерова: с публ.: <*Гиляров-Платонов, Н. П.*> 1) Передовая статья о «пчеловодстве как источнике народного дохода»; 2) Письмо к А. М. Бутлерову от 16 мая 1880 г. / А. П. Дмитриев // Пчеловодство. — 2011. — № 7. — С. 58—60.

385. *Дмитриев, А. П.* Постатейная роспись журнала «Русская беседа» // «Русская беседа» : история славянофильского журнала : исследования, материалы, постатейная роспись / А. П. Дмитриев / ИРЛИ РАН ; Гос. музей-заповедник «Абрамцево». — СПб.: Пушкинский Дом, 2010. — С. 455—531.

386. *Дмитриев, А. П.* Преодоление «вероисповедной ксенофобии» : тема старообрядчества в русской литературе 1870—1880-х годов : (И. С. Аксаков, Н. П. Гиляров-Платонов, Н. С. Лесков и др.) / А. П. Дмитриев // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. — 2012. — Т. 13, вып. 4. — С. 180—189.

387. *Дмитриев, А. П.* Рцы (И. Ф. Романов) / А. П. Дмитриев // Литературный Санкт-Петербург. XX век : прозаики, поэты, драматурги, переводчики: энциклопедический словарь : [в 2 т.]. — СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2011. — Т. II. — С. 304—306; 2-е изд., испр. и доп. : [в 3 т.]. — СПб.: [б. и.], 2015. — Т. III. — С. 196—198.

388. *Дмитриев, А. П.* Санчо Панса русской журналистики И. Ф. Романов (Рцы) и его повременные «штучки» (по неизданным письмам) / А. П. Дмитриев // Международная конференция «Маргиналии-2010 : границы культуры и текста», Каргополь (Архангельская обл. России), 25—26 сентября 2010 : тез. докл. — М., 2010. — С. 57—61.

389. *Дмитриев, А. П.* Санчо Панса русской журналистики И. Ф. Романов (Рцы) и его «Литературная газета “Рцы”» / А. П. Дмитриев // Петербург газетный, 1711—1917 / под ред. Е. С. Сониной ; С.-Петерб. гос. ун-т, Ин-т «Высш. шк. журн. и масс. коммуникаций». — СПб.: Свое издательство, 2016. — Вып. II. — С. 186—203.

390. *Дмитриев, А. П.* Святитель Филарет в годы Крымской войны : (по неизданным материалам архива Аксаковых–Карташевских) / А. П. Дмитриев // Филаретовский альманах / Правосл. Св.-Тихон. гуманит. ун-т. — М., 2010. — Вып. 6. — С. 121—136.

391. *Дмитриев, А. П.* Семья Аксаковых и швейцарский проповедник Александр Вине: К постановке проблемы / А. П. Дмитриев // Светская и духовная словесность в России XVIII—XIX веков / РАН. ИМЛИ ; отв. ред. М. И. Щербакова. — М.: ИМЛИ РАН, 2018. — Вып. 2. — С. 410—436.

392. *Дмитриев, А. П.* Славянофилы и немецкие старокатолики в ситуации вероисповедного размежевания : (по неизданной переписке И. С. Аксакова с Ф. И.

Тютчевым и И. Т. Осининым) / А. П. Дмитриев // Межэтнические и межконфессиональные отношения в русском фольклоре и русской литературе / ИРЛИ РАН. — СПб.: Изд-во Пушкинского Дома; Изд-во РХГИ, 2013. — С. 191—199.

393. *Дмитриев, А. П.* Служебные инструкции для корректоров и печатных мастеров газеты «Современные известия»; Жалоба в полицейскую часть (1873—1876) / А. П. Дмитриев // Никита Петрович Гиляров-Платонов : исследования, материалы, библиография, рецензии / ИРЛИ РАН ; под общ. ред. А. П. Дмитриева. — СПб.: Росток, 2013. — С. 323—335.

394. *Дмитриев, А. П.* Спор о русской жертве за болгарских братий: (по неизданной переписке В. С. Аксаковой и М. Г. Карташевской) / А. П. Дмитриев // София : альм. — Уфа: Андрей Словохотов, 2013. — Вып. 3 : Евразийство и А. Ф. Лосев : миф и эйдос в русской мысли. — С. 332—349.

395. *Дмитриев, А. П.* Становление речевой личности христианина (на материале дневников и писем молодого Н. П. Гилярова-Платонова) / А. П. Дмитриев // Dzienniki, notatniki i listy pisarzy rosyjskich : ego-dokument i literatura / Instytut Rusycystyki Uniwersytetu Warszawskiego. — Warszawa, 2007. — С. 47—62.

396. *Дмитриев, А. П. Столоверчение в усадьбе Абрамцево : (по неопубликованной переписке В. С. Аксаковой с М. Г. Карташевской и К. С. Аксакова с Н. П. Гиляровым-Платоновым)* / А. П. Дмитриев *// Абрамцево: материалы и исследования : сб. докл. науч. конф. 15—16 октября 2015 /* Гос. ист.-худож. и лит. музей-заповедник «Абрамцево». *— Абрамцево (Моск. обл.), 2017. — С. 40—51.*

397. *Дмитриев, А. П.* Ф. А. Гиляров. <Главы о коломенской старине из «Воспоминаний»> / А. П. Дмитриев // Никита Петрович Гиляров-Платонов : исследования, материалы, библиография, рецензии / ИРЛИ РАН ; под общ. ред. А. П. Дмитриева. — СПб.: Росток, 2013. — С. 199—226.

398. *Дмитриев, А. П.* Филаретовский юбилей 1867 г. и кончина святителя в оценках «триумвирата» московских консерваторов (И. С. Аксаков, Н. П. Гиляров-Платонов, М. Н. Катков) / А. П. Дмитриев // Филаретовский альманах / Правосл. Св.-Тихон. гуманитар. ун-т. — М., 2009. — Вып. 5. — С. 165—186; то же в изд. : XIX Ежегодная богословская конференция ПСТГУ : материалы : в 2 т. — М., 2009. — Т. 1. — С. 115—124.

399. *Дмитриев, А. П.* Хомяков Алексей Степанович / А. П. Дмитриев // Московская энциклопедия / гл. ред. С. О. Шмидт. — Т. 1 : Лица Москвы : в 6 кн. — М.: Моск. учебники, 2012. — Кн. 5 : У—Я. — С. 204—205.

400. *Дмитриев, А. П.* Цензура и еврейский вопрос в год освобождения крестьян : (запрещенные книги Н. П. Гилярова-Платонова и А. Б. Думашевского по архивным материалам Главного управления цензуры) / А. П. Дмитриев // Цензура в России : история и современность : сб. науч. тр. — СПб.: РНБ, 2011. — Вып. 5. — С. 125—143.

401. *Дмитриев, А. П.* Экклесиология Вл. С. Соловьева и богословское наследие А. С. Хомякова в переписке Рцы (И. Ф. Романова) и И. С. Аксакова / А. П. Дмитриев // Историко-философский ежегодник’2009 / РАН. Ин-т философии. — М.: Центр гуманитар. инициатив, 2010. — С. 371—402.

402. *Добронравов, Н. Н.* Н. П. Гиляров-Платонов : из воспоминаний сотрудника / Н. Н. Добронравов ; с предисл. «От редакции» // Родная речь. — 1897. — № 4, 1 марта. — С. 3—10.

403. *Додин, Е. Я.* Славянофилы — романтики и реалисты // Е. Я. Додин / Культурология : дайджест. — 2001. — № 2. — С. 80—89.

404. *Долгоруков, В. А.* Сообщение московского генерал-губернатора князя В. А. Долгорукова министру внутренних дел А. Е. Тимашеву о выборах председателя и должностных лиц Московского славянского общества в заседании 1 мая 1877 г. / кн. В. А. Долгоруков // Москва — Сербия. Белград — Россия : сб. докум. и материалов / сост.: А. Тимофеев, Е. Иванова и др. — Белград; М., 2011. — Т. 2 : Общественно-политические связи 1804—1878 гг. — С. 501—502.

405. *Долгушин, М. И.* Влияние традиций русской культуры на философские взгляды основоположников славянофильства / М. И. Долгушин // Природа и социум в системе культуры : материалы Междунар. науч. конф. (сент. 1998 г., г. Киров). — Киров: ВГПУ, 1999. — С. 135—138.

406. *Дорн, Н.* Киреевский : опыт характеристики учения и личности / Н. Дорн [*Катц А.*]. — Париж: [б. и.], 1938. — 206 с.

407. *Досталь, М. Ю.* Славянский мир и славянская идея в философских построениях и «практике» ранних славянофилов / М. Ю. Досталь // Славянский альманах, 2000. — М.: Индрик, 2001. — С. 85—95.

408. Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников : в 2 т. — М.: Худож. лит., 1964. — Т. 2. — 520 с. — (Сер. лит. мемуаров). <О Г.-П. — с. 336, 364, 466>.

409. Достоевский в неизданной переписке современников (1837—1881) / ст., публ. и коммент. Л. Р. Ланского // Литературное наследство. — М.: Наука, 1973. — Т. 86. — С. 349—564.

410. *Достоевский, Ф. М*. Полн. собр. соч. : в 30 т. / Ф. М. Достоевский ; ИРЛИ РАН ; гл. ред. Г. М. Фридлендер. — Л.: Наука, 1972—1990.

411. *Дробат, Л. С*. Л. Н. Толстой — читатель А. С. Хомякова / Л. С. Дробат // Толстовский сборник. — Тула, 1978. — С. 115—122.

412. *Дубин Б. В*. Биография, репутация, анкета : (о формах интеграции опыта в письменной культуре) // Лица : биогр. альм. — М.; СПб, 1995. — Вып. 6. — С. 7—31.

413. *Дудзинская, Е. А.* Славянофилы в общественной борьбе / Е. А. Дудзинская. — М.: Мысль, 1983. — 272 с.

414. *Дудзинская, Е. А.* Славянофилы в пореформенной России / Е. А. Дудзинская. — М.: ИРИ РАН, 1994. — 278 с.

415. *Дудко, В. В.* Галичина в неопублікованому листуванні Івана Аксакова з редактором «Основи» Василем Білозерським (1861) / В. Дудко // Зап. Львів. наук. б-ки ім. В. Стефаника. — 2008. — Вип. 1 (16). — С. 426—434.

416. *Дунаев, М. М*. Православие и русская литература : в 6 ч. / М. М. Дунаев. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Христиан. лит., 2003. — Ч. IV. — 784 с.

417. *Дурново, И. С*. От редакции : <о некрологе Н. П. Гилярова-Платонова> / И. С. Дурново // Дело. — 1887. — № 6. — Отд. II. — С. 80.

418. *Дурново, И. С*. Письмо в редакцию / Иван Дурново // Новости и Биржевая газета. — 1887. — 16 окт., № 284. — С. 2.

419. *Дьяконов, И. В.* Греховодники : (из жизни федосеевцев и филипповцев). XXVII. Недоумение федосеянки / И. Д—ъ // Современные известия. — 1885. — 7 июня, № 139. — С. 2.

420. *Егоров, Б. Ф.* Гиляров-Платонов Никита Петрович (1824—1887) / Б. Е. // Идеи в России = Idee w Rosji = Ideas in Russia. — Łódź, 1999. — Т. 2. — С. 78—79.

421. *Егоров, Б. Ф.* Н. П. Гиляров-Платонов как эстетик и литературный критик / Б. Ф. Егоров // Теоремы культуры. — М., 2003. — С. 286—296. — (Акад. тетради ; вып 9).

422. *Егоров, Б. Ф.* О национализме и панславизме славянофилов / Б. Ф. Егоров // Вопросы литературы. — 1991. — № 7. — С. 84—95.

423. *Егоров, Б. Ф.* Православные мыслители и литературные критики XIX в. о Пушкине / Б. Ф. Егоров // «Пока в России Пушкин длится, Метелям не задуть свечу» : тр. семинара «Творчество А. С. Пушкина в ист.-культ. контексте» (Смоленск, 10—12 февр. 1998 г.). — Смоленск, 1998. — С. 73—79; то же: *Егоров Б. Ф.* От Хомякова до Лотмана. — М.: Языки славян. культуры, 2003. — С. 149—155. <О Г.-П. — с. 153—155.>

424. *Егоров, Б. Ф.* Проблема, которую необходимо решить : <о славянофильстве> / Б. Ф. Егоров // Вопросы литературы. — 1969. — № 5. — С. 129—135.

425. *Егоров, Б. Ф.* Пушкин в оценке религиозных мыслителей 1870—1880-х годов : (Н. П. Гиляров-Платонов и Ф. М. Достоевский) / Б. Ф. Егоров // Болдинские чтения. — Н. Новгород, 1998. — С. 86—97.

426. *Егоров, Б. Ф.* Российские утопии : ист. путеводитель / Б. Ф. Егоров. — СПб.: Искусство-СПб, 2007. — 416 с.

427. *Егоров, Б. Ф.* Славянофильство, западничество и культурология / Б. Ф. Егоров // Из истории русской культуры. — М.: Языки рус. культуры, 1996. — Т. 5. — С. 436—475.

428. *Егоров, О. Г.* Духовная школа в России 1820—40-х гг. в трудах Н. П. Гилярова-Платонова / О. Г. Егоров // Педагогика. — 2014. — № 8. — С. 83—92.

429. *Егорова, В. И.* Славянофильские истоки «русской идеи» / В. И. Егорова // Русская идея: антология / сост. и авт. вступ. ст. М. А. Маслин ; коммент. Р. К. Медведевой. — М.: Республика, 1992. — С. 43—45.

430. *Ежов, Н. М.* Алексей Сергеевич Суворин / Н. М. Ежов // *Суворин А. С.* Россия превыше всего. — М.: Ин-т рус. цивилизации, 2012. — С. 792—844.

431. *Еленев, Ф. П.* Черта из жизни Гилярова Платонова / Ф. Е. // Русский архив. — 1887. — Кн. III, вып. 12. — С. 571—575.

432. *Елизаветина, Г. Г.* «Последняя грань в области романа» : (русская мемуаристика как предмет литературоведческого исследования) / Г. Г. Елизаветина // Вопросы литературы. — 1982. — № 10. — С. 147—171.

433. *Елпидинский, Я. С.* Кирилл и Мефодий, просветители славян : речь, произнес. в Олонец. духов. семинарии 6 апр. 1885 г. / Я. С. Елпидинский. — Петрозаводск, 1885. — [2], 24 с.

434. *Есаулов, И. А.* Категория соборности в русской литературе / И. А. Есаулов. — Петрозаводск: Петрозавод. гос. ун-т, 1995. — 287 с.

435. *Есаулов, И. А.* Христианское основание русской литературы: соборность / И. А. Есаулов // Литературная учеба. — 1998. — № 1. — С. 105—123.

436. *Жирков, Г. В.* История цензуры в России XIX—XX вв. / Г. В. Жирков. — М.: Аспект Пресс, 2001. — 368 с.

437. *Житенев, Т. Е.* Церковноприходские школы в России (1884—1918) : становление и развитие системы начального церковного образования / Т. Е. Житенев. — Saarbrucken: LAP LAMBERT, 2012. — 290 с.

438. *Жуков Д. А.* Биография биографии : размышление о жанре. — М.: Сов. Россия, 1980. — 135 с. — (Писатели о творчестве).

439. *Забозлаева, Т. Б.* «Вина кометы брызнул ток…» : шампанское в русской культуре XVIII—XX веков / Т. Б. Забозлаева. — СПб.: Искусство-СПб, 2007. — 413 с. <О Г.-П.—с. 110, 301.>

440. *Заварзина, Л. Э.* Бурса в 1830—1860-х гг. / Л. Э. Заварзина // Педагогика. — 2008. — № 6. — С. 83—93. <О Г.-П. — с. 90.>

441. *Завитневич, В. З.* Алексей Степанович Хомяков как богослов / В. З. Завитневич. — Киев: тип. И. И. Горбунова, 1902. — Т. I, кн. 1. — XVI, 866, XV с.; Кн.

2 : Молодые годы, общественная и научно-историческая деятельность Хомякова. — XVI, 866, XV с.; Киев, 1913. — Т. II : Система философско-богословского мировоззрения Хомякова. — XVIII, 307 с.

442. *Завитневич, В. З.* Место Алексея Степановича Хомякова в истории русского народного самосознания / В. З. Завитневич. — Харьков: отд. «Русского собрания», 1904. — 43 с.

443. *Завитневич, В. З.* Русские славянофилы и их значение в деле уяснения идей народности и самобытности / В. З. Завитневич. — Киев: кн-во И. И. Самоненко, 1915. — 52 с.

444. *Завьялов, А. А.* Гиляров Никита Петрович / А. А. Завьялов // Православная богословская энциклопедия. — Пг.: тип. А. П. Лопухина, 1903. — Т. IV. — Стб. 374—381.

445. *Захаров, В. Н.* Проблемы исторической поэтики: этнологические аспекты / В. Н. Захаров. — М.: Индрик, 2012. — 264 с.

446. *Зеньковский, В. В., прот.* Русские мыслители и Европа / протоиерей В. В. Зеньковский ; сост. П. В. Алексеева. — М.: Республика, 1997. — 368 с.

447. *Зернов, Н. М.* Три русских пророка: Хомяков, Достоевский, Соловьев / Н. М. Зернов ; пер. с англ. Ю. М. Табака. — М.: Моск. рабочий, 1995. — 214 с.

448. *Зиновьева, Е. П.* Дом Зингера: <рец. на кн.: *Лесков, Н. С.* Иродова работа : русские картины, наблюдения, опыты и заметки: историко-публицистические очерки по Прибалтийскому вопросу, 1882—1885 / РАН. ИРЛИ ; изд. подгот. А. П. Дмитриев. СПб.: Пушкинский Дом, 2009> / Е. П. Зиновьева // Нева. — 2010. — № 10. — С. 240—241.

449. *Иванова, И.* Предстоит разговор об истории : <в библиотеке им. И. И. Лажечникова состоялась литературная конференция «Русская историческая проза: региональный аспект (И. И. Лажечников — Н. П. Гиляров-Платонов — Б. А. Пильняк)> / И. Иванова // Коломенская правда. — 2008. — 30 мая. — С. 11.

450. *Иванов-Разумник, Р. В.* История русской общественной мысли : в 2 т. / Р. В. Иванов-Разумник. — СПб., 1914. — Т. 2. — Гл. 8. — С. 143—196.

451. *Иванцов-Платонов, А. М., свящ.* Несколько слов о богословских сочинениях А. С. Хомякова : (по поводу пражского издания) / свящ. А. М. Иванцов-Платонов // Православное обозрение. — 1869. — Т. 1, янв. — С. 97—119.

452. *Иванцов-Платонов, А. М., свящ*. Памяти св. Равноапостольных просветителей Славянских Кирилла и Мефодия / свящ. А. М. Иванцов-Платонов // Там же. — 1871. — Ч. I, май. — С. 617—628.

453. *Игнатов, А.* Русская философия истории: романтический консерватизм / А. Игнатов // Вопросы философии. — 1999. — № 11. — С. 101—121.

454. *Ильин, Я.* Гиляровские чтения : <о научно-практической конференции посвященной Н. П. Гилярову-Платонову> / Я. Ильин // Благовестник. — 2006. — № 7. — С. 5.

455. *Ильин, Я*. Земля Гилярова : <об открытии памятного знака Н. П. Гилярову-Платонову> / Я. Ильин // Там же. — 2007. — № 11. — С. 7.

456. *Ильинская, Т. Б.* Русское разноверие в творчестве Н. С. Лескова / Т. Б. Ильинская. — СПб.: Изд-во Невского ин-та яз. и культуры, 2010. — 250 с.

457. *Исаева, М. В.* Понятие «национальное самосознание» и его роль в идеологии раннего славянофильства / М. В. Исаева // Вопросы философии в культурологии. — Нижневартовск, 1997. — С. 52—56.

458. История русской литературы XIX века / под ред. Д. Н. Овсянико-Куликовского. — М.: изд. т-ва «Мир», 1911. — Т. V. — 580 с. <О Г.-П. — с. 409.>

459. *Итенберг, Б. С.* Граф М. Т. Лорис-Меликов и его современники / Б. С. Итенберг, В. А. Твардовская. — М.: Центрполиграф, 2004. — 688 с.

460. *Казанский, А.* Как Аксаков спасал Россию / А. Казанский // Русское богатство. — 1881. — № 4. — С. 47—68 (паг. 2-я).

461. *Каменский, З. А.* Философия славянофилов: Иван Киреевский и Алексей Хомяков / З. А. Каменский. — СПб.: РХГИ, 2003. — 536 с.

462. *Кантор, В. К.* Западничество как проблема «русского пути» / В. К. Кантор // Вопросы философии. — 1993. — № 4. — С. 24—34.

463. *Каплин, А. Д.* А. С. Хомяков и С. М. Соловьев : два подхода к русской истории / А. Д. Каплин // Московский журнал. — 1996. — № 1. — С. 4—7.

464. *Каплин, А. Д.* Мировоззрение славянофилов : история и будущее России / А. Д. Каплин. — М.: Ин-т рус. цивилизации, 2008. — 448 с.

465. *Каплин, А. Д.* Никита Петрович Гиляров-Платонов (1824—1887) и славянофилы <А. С. Хомяков и К. С. Аксаков> / А. Д. Каплин // *Каплин, А. Д.* Славянофилы, их сподвижники и последователи. — М.: Ин-т рус. цивилизации, 2011. — Гл. 11. — С. 378—385.

466. *Караваев, А. В.* Богатство — собственность — капитал : (к современному осмыслению экономического наследия Гилярова-Платонова) / А. В. Караваев // Возвращение Н. П. Гилярова-Платонова : сб. ст. и материалов / КГПИ. — Коломна, 2007. — С. 167—175.

467. *Карамзин, Н. М.* Записки о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях / Н. М. Карамзин ; предисл., подгот. текста и примеч. Ю. С. Пивоварова. — М.: Наука, 1991. — 127 с.

468. *Карасев, Л. В.* Русская идея : (символика и смысл) / Л. В. Карасев // Вопросы философии. — 1992. — № 8. — С. 92—104.

469. *Карпи, Г.* Были ли славянофилы либералами? / Г. Карпи // Вопросы истории. — 2002. — № 9. — С. 112—119.

470. *Карташевская, Н. Т.* Неизвестные письма Н. Т. Карташевской к С. Т. и О. С. Аксаковым / Н. Т. Карташевская ; публ. А. П. Дмитриева и С. Г. Журавского // Аксаковские чтения : (материалы XI Всерос. науч. конф. Уфа, 2 окт. 2009 г.). — Уфа, 2009. — С. 129—148.

471. *Касаткина, В. Н.* И. С. Аксаков — биограф Ф. И. Тютчева // Иван Сергеевич Аксаков и его «Биография Федора Ивановича Тютчева»: Комментарий / В. Н. Касаткина. — М.: Книга и бизнес, 1997. — С. 5—43.

472. *Касаткина, В. Н.* Н. В. Гоголь, Россет-Смирнова и Иван Аксаков: эпизоды литературного общения / В. Н. Касаткина // Русская словесность. — 1998. — № 4. — С. 30—35.

473. *Катков, М. Н.* Москва, 12-го сентября <1885 г.> : недостойная газетная выходка : (по поводу бесед с раскольниками преосвященного Мисаила) / М. Н. Катков // *Катков, М. Н.* Собрание передовых статей «Московских ведомостей», 1885 год. — М.: изд. С. П. Катковой, 1898. — С. 443—444.

474. *Катков, М. Н.* Собр. соч. : в 6 т. / М. Н. Катков ; под общ. ред. А. Н. Николюкина. — СПб.: Росток, 2012. — Т. 6: Михаил Никифорович Катков: pro et contra. 864 с. <О Г.-П. — с. 203, 258—260, 289, 305, 706, 747, 758.>

475. *Керимов, В. И.* Историософия А. С. Хомякова / В. И. Керимов. — М.: Знание, 1989. — 64 с.

476. *Керимов, В. И.* Философия истории А. С. Хомякова : (по страницам одной полузабытой работы) / В. И. Керимов // Вопросы философии. — 1988. — № 3. — С. 88—102.

477. *Кизеветтер, А. А.* Иван Аксаков и славянский вопрос / А. А. Кизеветтер // *Кизеветтер, А. А.* Исторические силуэты: люди и события. — Берлин, 1931. — С. 214—238.

478. *Киреев, А. А.* Критические заметки : <о «Московском сборнике» К. П. Победоносцева и статьях Вл. С. Соловьева о византизме> / А. А. Киреев // Русское обозрение. — 1897. — Т. 45, июнь. — С. 808—842. <О Г.-П. — с. 817.>

479. *Киреевский, И. В.* Избранные статьи / И. В. Киреевский ; сост., вступ. ст. и коммент. В. А. Котельникова. — М.: Современник, 1984. — 238 с.

480. *Киреевский, И. В.* Полн. собр. соч.: в 3 т. / И. В. Киреевский ; ИНИОН РАН ; под общ. ред. А. Н. Николюкина. — СПб.: Росток, 2018.

481. *Кириченко, О.* У истоков русской идеи: А. С. Хомяков, К. С. Аксаков / О. Кириченко // Alma mater: вестник высшей школы. — 1992. — № 2. — С. 88—93.

482. *Китаев, В. А.* Польский вопрос в публицистике И. С. Аксакова (первая половина 60-х годов XIX в.) / В. А. Китаев // Вопросы экономической и социально-политической истории России в XVIII—XIX вв. : сб. ст. / Горьк. гос. ун-т. — Горький, 1975. — Вып. 1. — С. 70—80.

483. *Китаев, В. А.* Славянофильство и либерализм / В. А. Китаев // Вопросы истории. — 1989. — № 1. — С. 133—143.

484. *Клеймёнова, Р. Н.* Общество любителей российской словесности, 1811—1930 / Р. Н. Клеймёнова. — М.: Academia, 2002. — 624 с. <О Г.-П. — с. 102, 106, 108, 112, 119, 128—129, 132, 134, 142—143, 152, 182—183, 190, 200, 225—227, 232—238, 244, 253, 284, 356, 395, 427, 584.>

485. *Клиер, Д.* Еврейский вопрос в славянофильской прессе 1862—1886 : И. С. Аксаков и его издания / Д. Клиер // Вестник Еврейского ун-та в Москве. — 1998. — № 1 (17). — С. 41—60.

486. *Климаков, Ю. В.* «...Светить дорогу обществу» : о публицисте и издателе Н. П. Гилярове-Платонове / Ю. В. Климаков // Книгочей : библиогр. справочник для дела и досуга. — 2001. — Вып. 7. — С. 28—35.

487. *Климаков, Ю. В.* Безупречная искренность : <о Н. П. Гилярове-Платонове> / Ю. В. Климаков // Встреча : (культурно-просветительная работа). — 2001. — № 11. — С. 36—38.

488. *Климаков, Ю. В.* Судьба русского публициста : <о Н. П. Гилярове-Платонове> / Ю. В. Климаков // Молодая гвардия. — 2002. — № 11/12. — С. 121—134; то же: Коломенский альманах : лит. ежегодник. — Коломна, 2004. — Вып. 8. — С. 319—328.

489. *Климаков, Ю. В.* Неопознанный гений / Ю. В. Климаков, М. Ф. Антонов // *Гиляров-Платонов Н. П.* «Жизнь есть подвиг, а не наслаждение...». — М.: Ин-т рус. цивилизации, 2008. — С. 5—33.

490. *Князев, А. С.* Святые равноапостольные Кирилл и Мефодий, просветители славян и влияние их подвигов на народное образование, как всего славянского мира вообще, так и России в частности / А. С. Князев. — СПб.: изд. Г. Ширяева, 1866. — [8], 68, VIII с.

491. *Князев, Г. М.* Хомяков и граф А. Толстой / Г. М. Князев // Русский вестник. — 1901. — Т. 276, нояб. — С. 136—156; Дек. — С. 515—530

492. *Коваленко, Н. С.* Единство во множестве: личность и народ в философии славянофилов / Н. С. Коваленко. — Мурманск: Пазори, 2000. — 137 с.

493. *Кожинов, В. В.* О главном в наследии славянофилов / В. В. Кожинов // Вопросы литературы. — 1969. — № 10. — С. 113—131.

494. *Кожурин, А. Я.* Тема человека в полемике К. Н. Леонтьева с «розовым христианством» / А. Я. Кожурин // Антропологический кризис : религия, философия, образование. — СПб., 2001. — С. 274—288.

495. *Колубовский, Я. Н.* Материалы для истории философии в России : Славянофилы / Я. Н. Колубовский // Вопросы философии и психологии. — 1891. — Кн. 6. — С. 45—88.

496. *Кольцова, Ю. Н.* Духовные искания Н. С. Лескова: кризис христианской идеи в творчестве Лескова 1870-х гг. / Ю. Н. Кольцова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19: Лингвистика и межкультур. коммуникация. — 2000. — № 4. — С. 87—95.

497. *Колюпанов, Н. П.* Очерк философской системы славянофилов / Н. П. Колюпанов // Русское обозрение. — 1894. — Т. 28, июль. — С. 6—22; Авг. — С. 489—504; Т. 29, окт. — С. 547—566; Т. 30, нояб. — С. 48—72.

498. *Кондаков, Н. П.* Воспоминания и думы / Н. П. Кондаков. — Prague: Seminarium kondakovianum, 1927. — 79 с. <О Г.-П. — с. 43.>

499. *Коптева, Э. И.* Ценности православной культуры и ее отношение к западноевропейской цивилизации в статье И. В. Киреевского «В ответ А. С. Хомякову» (1839) / Э. И. Коптева // Вестн. Омского отд-ния Акад. гуманит. наук. — 2000. — № 4. — С. 78—83.

500. *Корсунский, И. Н.* К истории изучения греческого языка и его словесности в Московской духовной академии / И. Корсунский. — Сергиев Посад: тип. Св.-Троиц. Сергиевой лавры, 1894. — [2], 72, XXXVII с. <О Г.-П. — с. 45.>

501. *Корсунский, И. Н.* Памяти Н. П. Гилярова-Платонова / N. N. // Московские ведомости. — 1887. — 25 окт., № 294. — С. 3—4.

502. *Корякина, М. А.* Социальная сущность христианства в воззрениях «позднего» И. С. Аксакова / М. А. Корякина // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. — 2009. — № 114. — С. 49—54.

503. *Корякина, М. А.* «Поздний» И. С. Аксаков в отечественной историографии / М. А. Корякина // Вестник Нижегор. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Сер.: История. — 2006. — Вып. 2 (6). — С. 124—128.

504. *Костомаров, Н. И.* О значении критических трудов Константина Аксакова по русской истории / Н. И. Костомаров. — СПб.: тип. Н. Тиблена и К°, 1861. — 31 с.

505. *Котельников, В. А.* Ἱστορία-historia-история: история и эпика в их единстве и раздельности / В. А. Котельников // Никита Петрович Гиляров-Платонов :

исследования, материалы, библиография, рецензии / ИРЛИ РАН ; под общ. ред. А. П. Дмитриева. — СПб.: Росток, 2013. — С. 11—35. <О. Г.-П. — с. 28—30.>

506. *Котов, А. Э.* «Нет никакой возможности узнать, чего желает Россия» : славянофильская печать и Сербия в 1880-е годы / А. Э. Котов // Социологическое обозрение. — 2012. — Т. 11, № 2. — С. 27—40. <О Г.-П. — с. 27, 35—36.>

507. *Котов, А. Э.* «Царский путь» Михаила Каткова: Идеология бюрократического национализма в политической публицистике 1860—1890-х гг. / А. Э. Котов. — СПб.: Владимир Даль, 2016. — 488 с. <О Г.-П. — с. 22—26, 32, 35, 47, 48, 51, 96, 114—116, 225, 333, 339, 371, 407.>

508. *Котов, А. Э.* Газета «Берег» в 1880 году : исторический опыт либерально-консервативного синтеза / А. Э. Котов // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманит. науки. — 2016. — № 3. — С. 32—40. <О Г.-П. — с. 33, 36.>

509. *Котов, А. Э.* Гиляров-Платонов Никита Петрович / А. Э. Котов // Русский консерватизм середины XVIII — начала XX в.: энциклопедия. — М.: РОССПЭН, 2010. — С. 112—114.

510. *Котов, А. Э.* Русская консервативная журналистика 1870—1890-х годов : опыт ведения общественной дискуссии : монография / А. Э. Котов. — СПб.: СПбИГО, 2011. — 224 с. <О Г.-П. — с. 84—90.>

511. *Котов, П. Л.* Пути русского консерватизма 1840—1850-х годов : старшие славянофилы и Аполлон Григорьев / А. Э. Котов // Вестн. Моск. ун-та. Сер.: История. — 2001. — № 3. — С. 56—70.

512. *Кохановская, Н. С.* Ответ г-ну Г<иляро>ву на критический отзыв о повести «Из провинциальной галереи портретов» / Н. С. Кохановская // Русская беседа. — 1859. — Кн. VI (18). — Отд. III: Критика. — С. 124—152.

513. *Кочетов, Е. Л.* Московский фельетон: Ближайшее заседание словесников / К. // Новое время. — 1884. — 8 дек., № 3155. — С. 3.

514. *Кошелев, А. И.* Письма А. И. Кошелева к И. С. Аксакову (1881—1883 гг.) / А. И. Кошелев // О минувшем: ист. сб. — СПб.: тип. Б. М. Вольфа, 1909. — С. 406—416.

515. *Кошелев, В. А.* «Любовь — это действительно первое и последнее слово…» : Н. П. Гиляров-Платонов о Хомякове / В. А. Кошелев // Возвращение Н. П. Гилярова-Платонова : сб. ст. и материалов / КГПИ. — Коломна, 2007. — С. 83—94.

516. *Кошелев, В. А.* «Чудная страна» Константина Аксакова / В. А. Кошелев // Вопросы философии. — 1990. — № 2. — С. 155—157.

517. *Кошелев, В. А.* А. С. Хомяков : жизнеописание в документах, рассуждениях, разысканиях / В. А. Кошелев. — М.: Новое лит. обозрение, 2000. — 512 с.

518. *Кошелев, В. А.* Век семьи Аксаковых / В. А. Кошелев // Север. — 1996. — № 1. — С. 61—122; № 2. — С. 93—132; № 3. — С. 60—114; № 4. — С. 79—118.

519. *Кошелев, В. А.* Парадоксы Хомякова : заметки и наблюдения / В. А. Кошелев. — М.: Индрик, 2004. — 216 с.

520. *Кошелев, В. А.* Славянофилы и «спасение России» / В. А. Кошелев // Сфинкс. — 1995. — № 1. — С. 5—22.

521. *Кошелев, В. А.* Славянофилы и официальная народность / В. А. Кошелев // Славянофильство и современность. — СПб.: Наука, 1994. — С. 122—135.

522. *Кошелев, В. А.* Хомяков и граф А. К. Толстой русская историческая мифология в литературном осмыслении / В. А. Кошелев // Русская литература. — 2004. — № 4. — С. 85—105.

523. *Кошелев, В. А.* Эстетические и литературные воззрения русских славянофилов (1840—1850-е гг.) / В. А. Кошелев. — Л. Наука, 1984. — 195 с.

524. *Краснов, Г. В.* В полемике с Л. Н. Толстым / Г. В. Краснов // Возвращение Н. П. Гилярова-Платонова : сб. ст. и материалов / КГПИ. — Коломна, 2007. — С. 95—97.

525. *Краснов, Г. В.* Возвращение Гилярова : <о презентации книги «Возвращение Н. П. Гилярова-Платонова»> / Г. В. Краснов // Благовестник. — 2007. — № 5. — С. 4.

526. *Краснокутский, В. С.* Дневники Герцена и русская мемуарная литература XIX века / В. С. Краснокутский // А. И. Герцен — художник и публицист / под ред. Л. И. Матюшенко. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. — С. 54—79.

527. *Кротков, С. П.* Заметка об отношении русского славянофильства к панславизму / С. П. Кротков. — Киев: тип. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1917. — 21 с.

528. *Кругликова, О. С.* Газета Н. П. Гилярова-Платонова «Современные известия» в системе печати консервативного направления / О. С. Кругликова // Средства массовой информации в современном мире. Петербургские чтения: материалы 52-й Междунар. науч.-практ. конф. — СПб.: СПбГУ, 2013. — С. 23—26.

529. *Кругликова, О. С.* Н. П. Гиляров-Платонов как журналист и издатель / О. С. Кругликова // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки. — 2016. — Т. 158, кн. 4. — С. 1015—1030.

530. *Кругликова, О. С.* Публицистика Н. П. Гилярова-Платонова : антинигилистический дискурс / О. С. Кругликова // Русская публицистика в духовно-нравственной жизни общества: идеалы и ценности / под ред. Л. П. Громовой. — СПб.: СПбГУП, 2014. — С. 53—68.

531. *Кувшинников, В. М.* О современном состоянии храма Никиты Великомученика в Коломне / В. М. Кувшинников // Возвращение Н. П. Гилярова-Платонова : сб. ст. и материалов / КГПИ. — Коломна, 2007. — С. 414—425.

532. *Кузовкин, А. И.* Никита Гиляров-Платонов / А. И. Кузовкин // Коломенская правда. — 2002. — 11 июня. — С. 2.

533. *Кузовкин, А. И.* Рассказ о родословной Гиляровых / А. И. Кузовкин // Там же. — 1988. — 27 янв. — С. 3.

534. *Кузовкин, А. И.* Коломна в лицах/ А. И. Кузовкин, И. В. Маевский. — Коломна, 1995. — 148 с. <О Г.-П. — с. 24—25.>

535. *Кулешов, В. И.* Славянофилы и русская литература / В. И. Кулешов. — М.: Худож. лит., 1976. — 288 с.

536. *Кунильский, Д. А.* Ап. Григорьев и «Русская беседа»: по поводу «хищных» и «смиренных» типов / Д. А. Кунильский // Христианское чтение. — 2016. — № 3. — С. 235—256.

537. *Курепин, А. Д.* Московский фельетон : Н. П. Гиляров-Платонов и речи о нем. — К его характеристике / К. // Новое время. — 1887. — 24 окт., № 4186. — С. 2.

538. *Лавров, П. Л.* Неопубликованные письма П. Л. Лаврова / П. Л. Лавров ; сообщ. Н. А. Бухбиндер // Каторга и ссылка. — 1928. — Кн. 2 (39). — С. 37—52. <О Г.-П. — с. 49.>

539. *Лавровский, П. А.* Кирилл и Мефодий как православные проповедники у западных славян, в связи с современною им историею церковных несогласий между Востоком и Западом / П. А. Лавровский. — Харьков: Унив. тип., 1863. — [2], VIII, 588 с.

540. *Лебедев, Е. Н.* Славянофилы: консерваторы или либералы? : (к истории изучения) / Е. Н. Лебедев // Вестник Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: История и полит. науки. — 2011. — № 2. — С. 17—21.

541. *Лебедев, М.* Взаимное отношение Церкви и государства по воззрениям славянофилов / М. Лебедев. — Казань: Центр. тип., 1907. — 572 с. разд. паг.

542. *Лебедев, С. В.* Гиляров-Платонов Никита Петрович / С. В. Лебедев // Святая Русь: большая энциклопедия русского народа: русский патриотизм. — М.: Ин-т рус. цивилизации, 2003. — С. 182—183.

543. *Левитт, М. Ч.* Литература и политика: Пушкинский праздник 1880 года / М. Ч. Левитт ; пер. с англ. И. Н. Владимирова, В. Д. Рака. — СПб.: Акад. проект, 1994. — 263 с.

544. *Левицкий, С. А.* По ту сторону славянофильства и западничества / С. А. Левицкий // Посев. — 1994. — № 6. — С. 68—74.

545. *Лемке, М. К.* Эпоха цензурных реформ 1859—1865 годов / М. К. Лемке. — СПб.: кн-во М. В. Пирожкова, 1904. — VIII, 512, IX с.

546. *Леонтьев, К. Н.* Переписка К. Н. Леонтьева с С. Ф. Шараповым (1888—1890) / К. Н. Леонтьев, С. Ф. Шарапов ; вступ. ст., подгот. текста и коммент. О. Л. Фетисенко // Русская литература. — 2004. — № 1. — С. 110—144.

547. К. Н. Леонтьев : pro et contra : личность и творчество Константина Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей, 1891—1917 гг. : антология / сост., вступ. ст. и примеч. А. А. Королькова, А. П. Козырева. — СПб.: Изд-во РХГИ, 1995. — Кн. 1. — 480 с.; Кн. 2. — 704 с.

548. *Лесков, Н. С.* Русские деятели в Остзейском крае : (свои и чужие наблюдения, опыты и заметки) / Н. С. Лесков // Исторический вестник. — 1883. — Т. 14, нояб. — С. 237—263.

549. *Лесков, Н. С.* Иродова работа: русские картины, наблюдения, опыты и заметки: историко-публицистические очерки по Прибалтийскому вопросу, 1882—1885 / Н. С. Лесков ; РАН. ИРЛИ ; вступ. ст., сост., подгот. текстов, коммент. А. П. Дмитриева ; отв. ред. В. Е. Ветловская. — СПб.: Пушкинский Дом, 2009. — 576 с., ил. — (Лит. раскопки).

550. *Либерман, А. А.* Памяти Федора Васильевича Чижова: крат. биогр. очерк / А. А. Либерман ; изд. Костром. губ. земства по случаю истечения 25 лет со дня смерти. — М., 1908 (обл.: 1907). — 24 с.

551. *Линицкий, П. И.* Славянофильство и либерализм: опыт систематического обозрения того и другого / П. И. Линицкий. — Киев: тип. Г. Т. Корчак-Новицкого, 1882. — [2], IV, 256 с.

552. *Липскеров, А.* За «Берендея»: обвинение редакторов «Современных известий» потомственным почетным гражданином Бостанджогло в злословии / А. Липскеров. — М.: Унив. тип. (М. Катков), 1879. — 24 с.

553. Литературное семейство Аксаковых : аннот. библиогр. указ. / сост. Э. Ю. Базилевская, А. И. Мартивоская. — Самара: Самар. обл. универс. б-ка, 1993. — 480 с.

554. *Лобов, Л. П.* Достоевский и его славянофильство / Л. П. Лобов // Славянские известия. — 1905. — № 4. — С. 334—346.

555. *Лобов, Л. П.* Славянофилы как литературные критики / Л. П. Лобов // Известия С.-Петерб. слав. благотворит. о-ва. — 1904. — № 8. — С. 7—28.

556. *Лобов, Л. П.* Гиляров-Платонов. Вера и церковь : <рец.> / Л. П. Лобов // Славянские известия. — 1908. — № 1/3. — С. 3—11.

557. *Лобов, Л. П.* Гиляров-Платонов : публицистическая деятельность / Л. П. Лобов // Там же. — 1907. — № 1. — С. 3—11; № 3. — С. 167—173.

558. *Лобов, Л. П.* Гиляров-Платонов : славянский вопрос / Л. П. Лобов // Там же. — 1907. — № 6/7 (Окт./нояб.). — С. 516—522.

559. *Лобов, Л. П.* Гиляров-Платонов : школа и просвещение : <рец.> / Л. П. Лобов // Там же. — 1908. — № 6. — С. 286—292; отд. отт.: СПб., [1908]. — 8 с.

560. *Ломунов, К. Н.* Славянофильство как научная проблема: задачи и принципы исследования / К. Н. Ломунов // Литературные взгляды и творчество славянофилов, 1830—1850 годы. — М.: Наука, 1978. — С. 5—66.

561. *Лосев, А. Ф.* Владимир Соловьев и его время / А. Ф. Лосев. — [2-е изд., испр.]. — М.: Мол. гвардия, 2009. — 617 с.

562. *Лосский, Н. О.* Славянофилы / Н. О. Лосский // *Лосский Н. О.* История русской философии / пер. с англ. — М.: Сов. писатель, 1991. — С. 19—53.

563. *Лукин, А. П.* Московские письма / А. Л. // Биржевые ведомости. — 1878. — 8 июля, № 186. — С. 1—2. <О Г.-П. — с. 2.>

564. *Лурье, В. М.* Протрезвление от славянофильских утопий : К. Н. Леонтьев, Л. А. Тихомиров и их выбор между Православием и Россией / В. М. Лурье // Эпоха: Общество. Политика. Цивилизация. — М., 2003. — № 11. — С. 56—69.

565. *Лурье, С. В.* Славянофильство, западничество и русская культурная традиция в философии истории Ап. Григорьева / С. В. Лурье // Сб. науч. тр. / Ленинград. гос. ин-т культуры им. Н. К. Крупской. — Л., 1989. — Т. 131. — С. 77—85.

566. *Любимов, Н. А.* Кончина Н. П. Гилярова-Платонова; Еще по поводу кончины Н. П. Гилярова / Н. А. Любимов // [Любимов Н. А.]. Летопись мимоидущего: «Отголоски» газ. «Свет», 1887. — СПб.: Тип. В. В. Комарова, 1892. — С. 508—509, 519—521.

567. *Любимов, Н. А.* Михаил Никифорович Катков и его историческая заслуга: по документам и личным воспоминаниям / Н. А. Любимов. — СПб.: тип. т-ва «Обществ. польза», 1889. — [4], 356 с. <О Г.-П. — с. 71>.

568. *Любомудров, А. М.* Духовный реализм в литературе русского зарубежья : Б. К. Зайцев, И. С. Шмелев / А. М. Любомудров. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. — 289 с.

569. *Лясковский, В. Н.* Алексей Степанович Хомяков : его жизнь и сочинения / В. Н. Лясковский. — М.: Унив. тип., 1897. — VII, 176, II с.

570. *Лясковский, В. Н.* Остатки славянофильского кружка : воспоминания 1858—1917 / В. Н. Лясковский // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9: Филология. — 1996. — № 5. — С. 84—94.

571. *Маевский, И. В.* «В нем открывался чрезвычайный ум…» : <о Н. П. Гилярове-Платонове> / И. В. Маевский // Архивариус. — 1993. — № 3. — С. 8—12; то же: Московский журнал. — 1994. — № 1. — С. 9—12.

572. *Маевский, И. В.* Коломна в воспоминаниях Н. П. Гилярова-Платонова / И. В. Маевский // Тезисы докладов к научной конференции «Литературное и лингвистическое краеведение». — Коломна, 1988. — С. 12—15.

573. *Маевский, И. В.* Никита Петрович Гиляров-Платонов / И. В. Маевский // Край родной, Коломенский: краеведч. альм. — Коломна, 2002. — Вып. 1. — С. 99—104.

574. *Маевский, И. В.* О Н. П. Гилярове-Платонове / И. В. Маевский // Дом Лажечникова : ист.-лит. сб. — Коломна: КГПИ, 2004. — Вып. 1. — С. 196—199.

575. *Маевский, И. В.* Очерки по истории Коломенского края / И. В. Маевский. — Коломна: Тираж, 2004. — 208 с. <О Г.-П. — с. 64—65.>

576. *Мазур, Н. Н.* К ранней биографии А. С. Хомякова (1810—1820) / Н. Н. Мазур // Лотмановский сборник. — М.: ОГИ; РГГУ, 1997. — [Вып.] 2. — С. 195—223.

577. *Маймин, Е. А*. «Борис Годунов» Пушкина и исторические драмы Хомякова / Е. А. Маймин // Пушкинский сборник / ПГПИ. — Псков, 1972. — С. 3—16.

578. *Максимов, М. В.* Историософия славянофилов и ее влияние на философско-исторические воззрения В. С. Соловьева / М. В. Максимов // Учен. зап. соц.-экономико-архит. фак-та. — Иваново, 1996. — Вып. 2. — С. 108—111.

579. *Малахов, В. С.* Русская духовность и немецкая ученость : о немецких исследованиях истории русской мысли / В. С. Малахов // Вопросы философии. — 1993. — № 5. — С. 111—114.

580. *Малышевский, И. И.* Святые Кирилл и Мефодий, первоучители славянские / И. И. Малышевский. — Киев: тип. Г. Т. Корчак-Новицкого, 1886. — 483 с.

581. *Манн, Ю. В. Гнезда русской культуры* (*кружок* и *семья*) / Ю. В. Манн. — *М.*: *Новое лит. обозрение*, *2016*. — 600 с.

582. *Маркевич, А. И.* Святые Кирилл и Мефодий, их жизнь, деятельность и заслуги: речь, произнес. в Симферопол. муж. гимназии 6 апр. 1885 г. / А. И. Маркевич. — Симферополь, 1885. — [4], 52 с.

583. *Маркевич, В. И.* Гиляров и Тард : (письмо к редактору) / В. И. Маркевич // Русский труд. — 29 авг., № 35. — С. 8—9.

584. *Марков, Е. Л.* Природа и утопия («Русь», еженедельная газета И. Аксакова) / Е. Л. Марков // Русская речь. — 1881. — № 5. — С. 241—272.

585. *Марков, В. С., <прот.>*. К истории раскола-старообрядчества второй половины XIX столетия : переписка проф. Н. И. Субботина, преимущественно неизданная, как материал для истории раскола и отношений к нему правительства (1865—1904 гг.) / В. С. Марков. — М.: Имп. О-во истории и древностей российских при Моск. ун-те, 1914. — 943 с. <О Г.-П. — с. 489.>

586. *Марков, Н*. Памяти Никиты Петровича Гилярова-Платонова, редактора «Современных известий» / Н. М. // Черниговские епархиальные известия. — 1887. — № 21; отд. изд.: Чернигов: тип. Губерн. правл., 1887. — [2], 9 с.

587. *Мартыненкова, З. М.* К вопросу о духовных исканиях Н. С. Лескова / З. М. Мартыненкова // Славяне : письменность и культура: материалы науч. конф., посвящ. Дню славянской письменности и культуры. Смоленск, 24 мая 2001 г. — Смоленск: СГПУ, 2002. — С. 34—42.

588. *Матвеева, Ю. А*. Отношения почвенников, М. Н. Каткова и славянофилов / Ю. А. Матвеева // Schola-2001 : сб. науч. ст. филос. фак-та МГУ. — М., 2001. — С. 138—144.

589. Материалы для биографии Н. П. Гилярова-Платонова: I. Письмо Гилярова к М. П. Погодину об открытии при Московской Духовной Академии миссионерского отделения <от 21 июля 1854 г.>; II. Письмо Гилярова к А. В. Горскому об обер-прокуроре Св. Синода А. П. Толстом как представителе «Оптинского» православия <от 4 октября 1856 г.>; III. Письма к И. С. Аксакову <от 28 января 1860 г., 7 февраля 1874 г., 15 января 1876 г., 22 августа 1880 г.>; IV. Письмо к неизвестному лицу (от 28 июля 1876 года) о возбуждении умов в России в 1876 году, о стихийной

борьбе принципов, о двух типах народов: народах-хищниках и народах-рабочих; V. Письмо к Н. А. Алексееву по поводу вопроса о подаче Московскою Городскою Думой адреса по случаю покушения на жизнь генерала Мезенцева; VI. Письмо к М. О. Кояловичу <от 18 декабря 1863 г.>; VII. Письмо к графу Льву Николаевичу Толстому / сообщ. кн. Н. В. Шаховской // Русское обозрение. — 1896. — Т. 42, дек. — С. 988—1014.

590. *Межуев, Б. В.* Вл. Соловьев, Н. П. Гиляров-Платонов и «разложение славянофильства» / Б. В. Межуев // История философии. — 2000. — № 6. — С. 33—61.

591. *Межуев, Б. В.* Гиляров-Платонов Никита Петрович / Б. В. Межуев // Новая философская энциклопедия : в 4 т. / гл. ред. В. С. Степин. — М.: Мысль, 2000. — Т. 1. — С. 527.

592. *Межуев, Б. В.* Гиляров-Платонов Никита Петрович // Русская философия : словарь / Б. В. Межуев ; под общ. ред. М. А. Маслина. — М.: Республика, 1995. — С. 115.

593. *Мельников, В. С.* Богослов, философ, издатель : <о Н. П. Гилярове-Платонове> / В. С. Мельников // Коломенский альманах : лит. ежегодник. — Коломна, 2004. — Вып. 8. — С. 373—374.

594. Мефодиевский юбилейный сборник, изданный Императорским Варшавским университетом к 6 апреля 1885 года / под ред. орд. проф. А. Будиловича. — Варшава, 1885. — 401 с. разд. паг.

595. *Миллер, О. Ф.* Основы учения первоначальных славянофилов / О. Ф. Миллер // Русская мысль. — 1880. — Кн. 1. — С. 77—101; Кн. 3. — С. 1—44.

596. *Митрошенков, А.* О философских аспектах славянофильства в свете современной науки / А. Митрошенков // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7: Философия. — 1999. — № 1. — С. 97—100.

597. Михаилу Григорьевичу Черняеву от москвичей // Взаимное сочувствие славян, 1876—1877 и 1878 гг.: адреса, поднесенные Михаилу Григорьевичу Черняеву. — СПб.: типолит. В. В. Комарова, 1897. — С. 7—11. <Подпись Г.-П. — на с. 7.>

598. *Молчанов, А. Н.* Воспоминания об И. С. Аксакове / А. Н. Молчанов // Исторический вестник. — 1886. — Т. 25, июль. — С. 365—379. <О Г.-П. — с. 379.>

599. Московский Новодевичий монастырь в 1812 году: рассказ очевидца — штатного служителя Семена Климыча / сообщ. Н. П. Гиляровым-Платоновым // Русский архив. — 1864. — Вып. 4. — Стб. 416—434.

600. *Моторин, А. В.* Духовные направления в русской словесности XIX века: монография / А. В. Моторин ; НовГУ им. Ярослава Мудрого. — Великий Новгород, 2012. — 504 с.

601. *Моторин, А. В.* «Словесность» и «литература»: Духовные основы русского и западноевропейского отношения к словесному творчеству / А. В. Моторин // Евангельский текст в русской литературе XVIII—XX веков : цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр : сб. науч. тр. / Петрозавод. гос. ун-т. — Петрозаводск, 2008. — Вып. 5. — С. 17—36.

602. «Мы с вами — последние могикане…» : (Н. П. Гиляров-Платонов, И. С. Аксаков и проект новой общероссийской газеты в письмах и документах 1884 г.) / публ. Д. А. Бадаляна // Никита Петрович Гиляров-Платонов : исследования, материалы, библиография, рецензии / ИРЛИ РАН ; под общ. ред. А. П. Дмитриева. — СПб.: Росток, 2013. — С. 614—635.

603. Н. П. Гиляров-Платонов в стенах Московской духовной академии : (новые материалы из фондов ЦИАМа) / публ. Г. С. Прохорова // Там же. — С. 520—562.

604. *Набатчикова, И. А.* «Не для монастырей и пустынь только явилось христианство» : религиозные взгляды И. С. Аксакова в письмах к родным 1849—1856 гг. / И. А. Набатчикова // Религиозные и мифологические тенденции в русской литературе XIX века : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. В. Н. Аношкина. — М.: МПУ, 1997. — С. 113—120.

605. *Накамура, К.* Владимир Соловьев и Николай Японский / К. Накамура // Вопросы литературы. — 2000. — Вып. 3. — С. 369—372.

606. *Накамура, К.* Достоевский и Николай Японский / К. Накамура // Там же. — 1990. — № 11/12. — С. 353—355.

607. *Нардова, В. А.* Адрес Московской городской думы 1870 г. / В. А. Нардова // Исторические записки. — М., 1977. — Т. 98. — С. 294—312.

608. *Недетовский, Г. И.* Святые Кирилл и Мефодий, просветители славян : (для народа) / Г. И. Недетовский. — Воронеж: типолит. Воронеж. губ. правл., 1885. — 60 с.

609. *Некрасов, И. Ю.* Святые Кирилл и Мефодий просветители славян : чтение для народа / И. Ю. Некрасов. — М.: О-во распространения полезных книг, 1885. —16 с.

610. *Некто.* Нечто о сотруднике «Русского вестника» <Н. П. Гилярове-Платонове> / Некто. — SPb., 1859. — 8 с.

611. *Немцев, И. А.* Славянофильство в истории российского консерватизма XVIII — начала XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук / И. А. Немцев. — Пермь, 1996. — 18 с.

612. Неопознанный гений: памяти Никиты Петровича Гилярова-Платонова: статьи, заметки, письма и выдержки, собранные и проредактированные Сергеем Шараповым. — М.: типолит. А. В. Васильева и К°, 1903. — 99 с. — (*Шарапов, С. Ф.* Соч.: в 9 т.; т. 8, вып. 23).

613. *Нетужилов, К. Е.* Взгляды И. В. Киреевского как оппозиция теории официальной «народности» / К. Е. Нетужилов // Актуальные проблемы истории дореволюционной России. — СПб.: изд-во СПбГУ, 1992. — С. 93—98.

614. *Никитенко, А. В.* Два письма А. В. Никитенка к Н. П. Гилярову / А. В. Никитенко // Русский архив. — 1895. — Кн. II, вып. 7. — С. 369—374.

615. *Никитенко, А. В.* Дневник: в 3 т. / А. В. Никитенко. — М.: Гослитиздат, 1955.

616. *Никитин, С. А.* Возникновение Московского славянского комитета : (из истории русско-болгарских связей после Крымской войны) / С. А. Никитин // Вопросы истории. — 1947. — № 8. — С. 50—65.

617. *Николаева, Н. Г.* «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука» С. Т. Аксакова : формы письма и традиции жанра : автореф. дисс. … канд. филол. наук / Н. Г. Никитина ; Ин-т филологии ОИИФиФ СО РАН. — Барнаул, 2004. — 18 с.

618. *Никольский, А. А.* Русская духовно-академическая философия как предшественница славянофильства и университетской философии в России / А. А.

Никольский // Вера и разум. — 1907. Т. I, № 2. — С. 195—208; № 3. — С. 342—365; № 4. — С. 487—508; № 5. — С. 641—674; Т. II, № 9. — С. 358—384.

619. *Никольский, Б. В.* <Рец. на кн.:> *Н. П. Гиляров-Платонов.* Сборник сочинений. Издание К. П. Победоносцева. Тт. I и II. Москва, 1899—1900 / Б. В. Никольский // Исторический вестник. — 1900. — Т. 81, июль. — С. 268—272. — (Критика и библиография).

620. *Никольский, Б. В.* Философ духа жизни : <рец. на кн.: *Гиляров-Платонов, Н. П.* Сборник сочинений. М., 1899—1900. Т. I—II> / Б. В. Никольский // Новое время. — 1900. — 25 июля, № 8767. — С. 2—3.

621. *Нильский, И. Ф.* К вопросу о бессвященнословных браках : (критические замечания на статью г. Лескова «Благословенный брак») / И. Ф. Нильский // Христианское чтение. — 1886. — Ч. I, янв./февр. — С. 249—265.

622. *Нольде, Б. Э.* Юрий Самарин и его время / Б. Э. Нольде. — Paris: Soc. anonyme impr. de Navarre, 1926. — 245 с.

623. *Носов, С. Н.* Мечта об «истинной жизни» в русском славянофильстве / С. Н. Носов // Славянофильство и современность / ИРЛИ РАН. — СПб.: Наука, 1994. — С. 105—121.

624. *Опульская, Л. Д.* Лев Николаевич Толстой : материалы к биографии с 1886 по 1892 год / Л. Опульская. — М.: Наука, 1979. — 285 с. <О Г.-П. — с. 92>.

625. *Осипов, А. И.* Богословские воззрения славянофилов / А. И. Осипов // Журн. Моск. патриархии. — 1994. — № 6. — С. 75—84.

626. *Осповат, А. Л.* И. С. Аксаков и «Русский архив»: к истории издания первой биографии Ф. И. Тютчева / А. Л. Осповат // Федоровские чтения, 1979. — М.: Наука, 1982. — С. 73—79.

627. *Осповат, А. Л.* Несколько заметок к литературной биографии Тютчева / А. Л. Осповат // Литературное наследство. — М.: Наука, 1989. — Т. 97: Ф. И. Тютчев; кн. 2. — С. 499—502.

628. *Острецов, В. М.* Самодержавие и народ / В. М. Острецов // Слово. — 1994. — № 1/6. — С. 1—6. <О Г.-П. — с. 6.>

629. *Осьмакова, Н. И.* Гиляров-Платонов Никита Петрович / Н. И. Осьмакова // Русские писатели, 1800—1917 : биогр. словарь. — М.: Сов. энциклопедия, 1989. — Т. 1. — С. 561—563.

630. *Павлов, Н. М.* Воспоминание о К. С. Аксакове / Н. Бицин // Русский архив. — 1885. — Кн. I, вып. 3. — С. 371—415.

631. *Павлов, Н. М.* Из переписки с Иваном Сергеевичем Аксаковым / Н. М. Павлов // Там же. — 1887. — Кн. I, вып. 2. — С. 469—494.

632. *Пайпс, Р.* Русский консерватизм во второй половине девятнадцатого века / Р. Пайпс // XIII Международный конгресс исторических наук: доклады. — М.: [б. и.], 1970. — С. 16—23.

633. *Пайпс, Р.* Русский консерватизм и его критики: исследование полит. культуры / Р. Пайпс ; пер. с англ. И. Павловой. — М.: Новое изд-во, 2008. — 250 с.

634. *Панаэтов, О. Г.* Тема семьи в мемуарной прозе Н. П. Гилярова-Платонова / О. Г. Панаэтов // Возвращение Н. П. Гилярова-Платонова : сб. ст. и материалов / КГПИ. — Коломна, 2007. — С. 46—57.

635. *Панаэтов, О. Г.* Н. П. Гиляров-Платонов и К. Н. Леонтьев: споры о Толстом / О. Г. Панаэтов. — Краснодар: Кубан. соц.-экон. ун-т, 2002. — 75 с.

636. *Панов, И. И.* Славянофильство как философское учение / И. И. Панов // Журнал Министерства народного просвещения. — 1880. — Ч. 212, кн. 2. — С. 261—267.

637. *Панфилов, М. М.* «Логика раскола» в России : (на материале писем Н. П. Гилярова к И. С. Аксакову) / М. М. Панфилов // Румянцевские чтения : тезисы докладов и сообщений научно-практической конференции «Книга и культура мира в России». — М.: РГБ, 2000. — С. 160—163.

638. *Панфилов М. М.* «Книжное знание» для «народа» : (полемич. диалог К. С. Аксакова и Н. П. Гилярова-Платонова) / М. М. Панфилов // Информационная культура личности : прошлое, настоящее, будущее : Междунар. науч. конф., Краснодар — Новороссийск, 11—14 сент. 1996 г. : тез. докл. — Краснодар; М.: КГАК МГУК, 1996. — С. 359—364.

639. *Панфилов, М. М.* Феномен книжности в мировоззрении славянофилов / / М. М. Панфилов ; Рос. гос. б-ка НИО книговедения. — М.: Пашков дом, 2004. — 192 с. — (Книжная культура России).

640. *Парамонов, Б. М.* Влияние философии истории Гегеля на зарождение теории славянофильства / Б. М. Парамонов // Вопросы философии и социологии : сб. работ аспирантов философского фак-та ЛГУ. — Л., 1969. — Вып. 1. — С. 83—97.

641. *Пастухов, Н. И.* Кончина Н. П. Гилярова-Платонова / [Н. И. Пастухов] // Московский листок. — 1887. — 14 окт., № 286. — С. 2.

642. *Пастухов, Н. И.* Москва, 18 октября : <«характеристические черты» Н. П. Гилярова-Платонова> / [Н. И. Пастухов] // Московский листок. — 1887. — 18 окт., № 290. — С. 2.

643. *Пастухов, Н. И.* Москва, 18 октября : <проводы тела Н. П. Гилярова-Платонова с Николаевского вокзала в Новодевичий монастырь> / [Н. И. Пастухов] // Там же. — 1887. — 19 окт., № 291. — С. 2. —С публ. слова свящ. М. Ф. Малинина (духовника почившего) перед началом панихиды.

644. *Пастухов, Н. И.* Москва, 20 октября : <погребение Н. П. Гилярова-Платонова> / [Н. И. Пастухов] // Там же. — 1887. — 20 окт., № 292. — С. 2. — С публ. речей Е. В. Барсова и Ф. Н. Плевако.

645. *Пастухов, Н. И.* Москва, 29 ноября : <о тяжелом материальном положении семьи Н. П. Гилярова-Платонова> / [Н. И. Пастухов] // Там же. — 1893. — 29 нояб., № 332. — С. 2.

646. *Пастухов, Н. И.* Н. П. Гиляров-Платонов : некролог / [Н. И. Пастухов] // Там же. — 1887. — 15 окт., № 287. — С. 2.

647. *Патрушева, Н. Г.* Цензура в России во второй половине XIX — начале XX в.: законы и практика / Н. Г. Патрушева // Цензура в России в конце XIX — начале XX века : сб. воспоминаний / РНБ. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. — С. 8—42. <О Г.-П. — с. 28, 38.>

648. *Перцов, П. П.* «…Вспомните путь к “Новому Пути”»: переписка П. П. Перцова и В. Л. Кигна-Дедлова (1902—1903) / П. П. Перцов, В. Л. Кигн-Дедлов ; публ. А. П. Дмитриева // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на

2011—2012 годы / РАН. ИРЛИ ; отв. ред. Т. С. Царькова. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. — С. 291—307.

649. *Песков, А. М.* Германский комплекс славянофилов / А. М. Песков // Вопросы философии. — 1992. — № 8. — С. 105—120.

650. *Петровская, И. Ф.* Биографика : введение в науку и обозрение источников исторических сведений о деятелях России 1801—1917 годов / И. Ф. Петровская. — СПб.: ИД Петрополис, 2009. — 382 с.

651. *Пирожкова, Т. Ф.* Славянофильская журналистика / Т. Ф. Пирожкова. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. — 220 с.

652. *Платонов, А. А.* Гиляров-Платонов Никита Петрович / А. А. Платонов // Отечественная история : история России с древнейших времен до 1917 г. : энциклопедия. — М.: Бол. Рос. энциклопедия, 1994. — Т. 1. — С. 554.

653. *Платонов, О. А.* Экономика русской цивилизации : Гиляров-Платонов Никита Петрович / О. А. Платонов // Наш современник. — 1994. — № 7. — С. 145.

654. *Платонова, Д. В.* Проблема национальной самобытности в свете антропологических взглядов западников и славянофилов / Д. В. Платонова // Общественные науки и современность. — 2001. — № 3. — С. 168—176.

655. *Плевако, Ф. Н.* Дело Гилярова-Платонова и Дубенского, обв<иненных> в диффамации, <Московская Судебная палата, 30 января 1875 г.> / Ф. Н. Плевако // *Плевако Ф. Н.* Речи. — 3-е изд. — М.: изд. М. А. Плевако, 1912. — С. 277—281.

656. *Плиний Младший*. Письма Плиния Младшего / Плиний Младший ; изд. подгот. М. Е. Сергеенко, А. И. Доватур. — 2-е изд., перераб. — М.: Наука, 1982. — 408 с. — (Лит. памятники).

657. *Победоносцев, К. П.* «Будь тверд и мужествен…» : статьи из еженедельника «Гражданин», 1873—1876; письма / К. П. Победоносцев ; под ред. В. В. Ведерникова. — СПб.: [б. и.], 2010. — 388 с.

658. *Победоносцев, К. П.* К. П. Победоносцев в 1881 году : (письма к Е. Ф. Тютчевой) / К. П. Победоносцев ; публ. А. Ю. Полунова // Река времен : книга истории и культуры. — М.: Эллис Лак, 1995. — Вып. 1. — С. 178—189.

659. *Победоносцев, К. П.* К. П. Победоносцев и его корреспонденты : письма и записки / К. П. Победоносцев. — М.; Пг.: Госиздат, 1923. — Т. I : Полутом 2-й : Письма 1884—1894 гг. — 1147 с. <О Г.-П. — с. 534, 675.>

660. *Победоносцев, К. П.* Первые недели царствования Императора Александра Третьего : письма К. П. Победоносцева из Петербурга в Москву к Е. Ф. Тютчевой / К. П. Победоносцев // Русский архив. — 1907. — Кн. II, вып. 5. — С. 89—102.

661. *Победоносцев, К. П.* Письма К. П. Победоносцева к графу Н. П. Игнатьеву / К. П. Победоносцев // Былое. — 1924. — № 27/28. — С. 50—89.

662. *Победоносцев, К. П.* Письма К. П. Победоносцева к Е. М. Феоктистову / К. П. Победоносцев // Литературное наследство. — М., 1935. — Т. 22/24. — С. 497—560.

663. *Победоносцев, К. П.* Письмо к П. П. Вяземскому о статье в «Современных известиях» Н. П. Гилярова-Платонова и о желательности усиления цензурных строгостей к газетам от 10 мая 1882 г. / К. П. Победоносцев // РГИА. — Ф. 1574: К. П. Победоносцев. — Оп. 2. — Д. 245.

664. *Погодин, М. П.* Св. Кирилл и Мефодий — славяне, а не греки : (отрывок из рассуждения) / М. П. Погодин. — [М., 1864]. — 9 с.

665. *Погодин, М. П.* Святые Кирилл и Мефодий, словенские первоучители : речь, чит. в публ. заседании О-ва любителей рос. словесности 11-го мая 1863 г. / М. П. Погодин. — М., 1863. — 32 с.

666. *Погодин, М. П.* Собрание статей, писем и речей по поводу Славянского вопроса / М. П. Погодин. — М.: изд. Д. М. Погодина, 1878. — [8], 166 с. <О Г.-П. — с. 77.>

667. Поздняя греческая проза / пер. с др.-греч. под ред. М. Е. Грабарь-Пассек. — М.: ГИХЛ, 1960. — 695 с.

668. *Покровский, А. И.* Гиляров-Платонов Никита Петрович / А. И. Покровский // Русский биографический словарь. — М.: Изд. Имп. Рус. геогр. о-ва, 1916 (репр. изд.: М.: Аспект Пресс, 1995). — [Т. 6]: Герберский — Гогенлоэ. — С. 208—216.

669. *Попов, В. П.* Славянофилы и русские писатели: (Н. Гоголь, С. Аксаков, Л. Толстой, А. Островский) / В. П. Попов. — Torun: [б. и.], 1988. — 238 с.

670. *Попова, Е. И.* Из московской жизни 40-х годов: дневник Елисаветы Ивановны Поповой / Е. И. Попова ; под ред. <и с введ.> кн. Н. В. Голицына. — СПб.: Огни, 1911. — [2], XVI, 284 с.

671. *Порох, В. И.* И. С. Аксаков и царизм (конец 40 — начало 60-х годов) / В. И. Порох // Освободительное движение в России : межвуз. науч. сб. — Саратов, 1989. — Вып. 13: Царизм, освободительное движение и культура России, 1825—1895 годы. — С. 50—66.

672. *Преображенский, П. А., прот.* Никита Петрович Гиляров-Платонов : (некролог) / [прот. П. А. Преображенский] // Православное обозрение. — 1887. — Т. III, окт. — С. 394—398.

673. *Прохоров, Г. С.* «Современные известия», «Гражданин», «Московские ведомости» в кругу «эпидемии самоубийств» 1873 года / Г. С. Прохоров // Возвращение Н. П. Гилярова-Платонова : сб. ст. и материалов. Коломна, 2007. С. 130—135.

674. *Прохоров, С. М.* Гиляров-Платонов как поздний романтик / С. М. Прохоров // Там же. — С. 79—82.

675. *Пушкин, С. Н.* Формирование историософии ранних славянофилов / С. Н. Пушкин // *Пушкин С. Н.* Очерки русской историософии. — СПб.: [б. и.], 1996. — С. 4—35.

676. *Пыпин, А. Н.* Константин Аксаков, 1817—1860 / А. Н. Пыпин // Вестник Европы. — 1884. — Кн. 3. — С. 145—177; Кн. 4. — С. 589—618.

677. *Пыпин, А. Н.* <Рец. на кн.:> Гиляров-Платонов, Н. П. Сборник сочинений. Т. II. Издание К. П. Победоносцева. М., 1899 / Т. // Там же. — 1900. — Кн. 7. — С. 392—397.

678. Ранние славянофилы А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, К. С. и И. С. Аксаковы // Историко-литературная библиотека. — М., 1910. — Вып. 5. — XV, 206 с.

679. *Рахимова, О.* Возвращение Гилярова-Платонова : <научная конференция, посвященная 180-летию со дня рождения Н. П. Гилярова-Платонова> / О. Рахимова // Коломенская правда. — 2004. — 30 июня. — С. 7.

680. *Рейтблат, А. И.* Писать поперек : статьи по биографике, социологии и истории литературы / А. И. Рейтблат. М.: Новое лит. обозрение, 2014. — 400 с.

681. *Рейфман, П. С.* К истории славянофильской журналистики 1840—1850-х годов / П. С. Рейфман // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. — Тарту, 1977. — Вып. 414. — С. 37—56; 1979. — Вып. 491. — С. 35—58; 1981. — Вып. 513. — С. 73—85; 1983. — Вып. 620. — С. 73—84; 1985. — Вып. 645. — С. 133—144.

682. *Ровнякова, Л. И.* Борьба южных славян за свободу и русская периодическая печать (50—70-е годы XIX века) : очерки / Л. И. Ровнякова ; ИРЛИ РАН. — Л.: Наука, 1986. — 287 с. <О Г.-П. — с. 37.>

683. *Рогов, П. И.* Св. Кирилл и Мефодий, просветители славян : чтение для народа... / П. И. Рогов. — СПб., 1874. — 32 с.; 2-е изд.: 1880. — 28 с.; 3-е изд.: 1885. — 28 с.

684. *Розанов, В. В.* Папская «непогрешимость» как орудие Реформации без революции / В. Розанов // Новое время. — 1902. — 19 февр., № 9326. — С. 2.

685. *Розанов, В. В.* <Рец. на кн.:> *Гиляров-Платонов, Н. П.* Сборник сочинений. М., 1899. Т. I / В. Розанов // Новое время. Ил. прил. — 1899. — 9 июня, № 8361. — С. 8; републ. под назв.: «Н. П. Гиляров-Платонов» («Новое время». Приложение. 1899. 9-е июня. С. 7—8) / подгот. текста, вступ. ст. и коммент. А. А. Алексеева // Возвращение Н. П. Гилярова-Платонова : сб. ст. и материалов / КГПИ. — Коломна, 2007. — С. 394—399.

686. *Розанов, В. В.* Мимолетное / В. В. Розанов ; под общ. ред. А. Н. Николюкина. — М.: Республика, 1994. — 541 с. <Г.-П. — с. 224, 294.>

687. *Розанов, В. В.* Сочинения / В. Розанов. — М.: Сов. Россия, 1990. — 589 с. <О Г.-П. — с. 189, 461.>

688. *Розанов, В. В.* Университетский вопрос в освещении Н. П. Гилярова-Платонова : <рец. на кн.:> Н. П. Гиляров-Платонов. Университетский вопрос («Современные известия» 1868—1884 гг.). Издание К. П. Победоносцева. С.-Петербург. 1903 / В. Розанов // Новое время. — 1903. — 9 сент., № 9883. — С. 2—3.

689. *Розенберг, В. А.* Русская печать и цензура в прошлом и настоящем : статьи / В. А. Розенберг, В. Е. Якушкин. — М.: изд. М. и С. Сабашниковых, 1905. — [4], 250 с. <О Г.-П. — с. 221.>

690. *Романов-Рцы, И. Ф.* «…На этой почве страстной, обоюдной любви к делу…» : письма Рцы (И. Ф. Романова) к П. П. Перцову (1902—1906) / И. Ф. Романов-Рцы ; публ. А. П. Дмитриева // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2009—2010 годы / РАН. ИРЛИ ; отв. ред. Т. С. Царькова. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. — С. 864—945.

691. *Романов-Рцы, И. Ф.* Гиляров и Хомяков : одна характеристическая особенность их творчества, в значительной степени затрудняющая изучение трудов названных писателей / Рцы // Русское дело. — 1888. — 15 окт., № 44. — С. 3—5.

692. *Романов-Рцы, И. Ф.* Из письма Ив. Ф. Романова к Н. П. Гилярову-Платонову / Рцы ; подгот. текста и коммент. А. П. Дмитриева // Возвращение Н. П. Гилярова-Платонова : сб. ст. и материалов / КГПИ. — Коломна, 2007. — С. 352—357.

693. *Романов-Рцы, И. Ф.* Как я нашел Никиту Петровича / Рцы // Русский труд. — 1898. — 3 янв., № 1. — С. 16—17; перепеч: Возвращение Н. П. Гилярова-Платонова : сб. ст. и материалов / КГПИ. — Коломна, 2007. — С. 358—364 (подгот. текста и коммент. А. П. Дмитриева).

694. *Романов-Рцы, И. Ф.* Н. П. Гиляров-Платонов о спиритизме : (неизд. письмо покойного <от 15 августа 1884 г.>) / Рцы // Русское дело. — 1888. — 22 апр., № 17. — С. 20—21; перепеч.: Возвращение Н. П. Гилярова-Платонова : сб. ст. и материалов / КГПИ. — Коломна, 2007. — С. 343—351 (подгот. текста и коммент. А. П. Дмитриева).

695. *Романов-Рцы, И. Ф.* Памяти Н. П. Гилярова-Платонова / Рцы // Русское дело. — 1887. — 7 нояб., № 15. — С. 3.

696. *Романов-Рцы, И. Ф.* Статьи Рцы (И. Ф. Романова) и его переписка с И. С. Аксаковым / И. Ф. Романов-Рцы, И. С. Аксаков ; подгот. текстов и коммент. А. П. Дмитриева // Историко-философский ежегодник’2009 / РАН. Ин-т философии. — М.: Центр гуманитар. исследований, 2010. — С. 403—434.

697. *Романовский, В. И., свящ.* Открытие церковноприходской Пятницкой школы в Москве, в присутствии Ея Императорского Величества Государыни императрицы Марии Александровны, 14 декабря 1862 года / свящ. В. И. Романовский // Душеполезное чтение. — 1863. — Ч. I, февр. — Отд.: Изв. и заметки. — С. 27—33.

698. *Ромашков, Д. И., свящ.* Памяти Н. П. Гилярова-Платонова : (по поводу двенадцатой годовщины со дня кончины его) / свящ. Д. И. Ромашков // Вера и Церковь. — 1899. — Т. 2, № 7. — Отд. II. — С. 284—290.

699. *Рудакова, В. А.* Трансформация библейских фразеологизмов в публицистике Н. П. Гилярова-Платонова / В. А. Рудакова // Вестник Вятского гос. гуманитар. ун-та. — 2011. — № 3-2. — С. 18—23.

700. *Рудакова, В. А.* Библейские фразеологизмы в публицистике Н. П. Гилярова-Платонова / В. А. Рудакова // Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе : (лингвистический и лингвометодический аспекты) : Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. юбилею доктора филол. наук, проф. А. М. Мелерович (Кострома, 20—22 марта 2008 г.) / Междунар. комитет славистов: фразеол. комиссия и др. — М.; Кострома: Элпис, 2008. — С. 380—384.

701. *Румянцев, А. Б.* Н. С. Лесков и русская православная Церковь / А. Б. Румянцев // Русская литература. — 1995. — № 1. — С. 212—217.

702. Русская беседа. — М., 1856—1860. — Кн. I—XX.

703. Русские сказки в записях и публикациях первой половины XIX века / сост., вступ. ст. и коммент. Н. В. Новикова. — М.; Л.: изд-во АН СССР, 1961. — 396 с. <О Г.-П. — с. 92.>

704. *Рыбаков, С.* Неизданное письмо Н. И. Ильминского о способах обучения инородцев / С. Рыбаков // Прибавление к Церковным ведомостям. — 1900. — 8 янв., № 2. — С. 56—58. <О Г.-П. — с. 56.>

705. *Самарин, Д. Ф.* Поборник вселенской правды: возражения В. С. Соловьеву на его отзыв о славянофилах 40—50-х годов / Д. Ф. Самарин. — СПб.: тип. А. С. Суворина, 1890. — 79 с.

706. *Самарин, Д. Ф.* Предисловие / Д. Ф. Самарин // *Самарин Ю. Ф.* Сочинения. — М.: изд. Д. Ф. Самарина, 1889. — Т. VII. — С. I—CXXXV.

707. *Самарин, Ю. Ф.* Предисловие к богословским трудам А. С. Хомякова; Из писем Ю. Ф. Самарина / Ю. Ф. Самарин // *Нольде, Б. Э.* Юрий Самарин и его время / Б. Э. Нольде. — М.: Эксмо, 2003. — С. 298—332, 445—542.

708. *Самарин, Ю. Ф.* Сочинения / Ю. Ф. Самарин. — М.: изд. Д. Ф. Самарина, 1877—1911. — Т. I—X, XII.

709. Самодержавие и печать в России / под ред. С. А. Венгерова. — СПб.: Светоч, 1906. — 80 с.

710. *Самойлин, П. А.* Эволюция славянофильства в публицистике Ивана Аксакова / П. А. Самойлин // Аксаковский сборник. — Уфа, 1998. — № 2. — С. 34—37.

711. Сборник статей, напечатанных в разных периодических изданиях по случаю кончины И. С. Аксакова († 27-го января 1886 года). — М.: тип. Л. Ф. Снегирева, 1886. — 300 с. разд. паг.

712. *Сбруев, П. А.* Воспоминания Берендея: <о Н. П. Гилярове-Платонове> / Берендей // Русское слово. — 1897. — 13 окт., № 274. — С. 2.

713. Свидетельство о награждении Н. П. Гилярова-Платонова за № 3876 от 15 марта 1877 г. Таковским крестом с формулировкой «За заслуги в войне против Турции» // РО ИРЛИ. — Ф. 71. — Ед. хр. 66. — <№ 1>.— 1 л.

714. *Свиньин, И. А.* Памяти Н. П. Гилярова-Платонова / Свиньин // Вестник литературный, политический, научный и художественный, с афишами. — 1888. — 7 окт., № 1280. — С. 1—2.

715. *Свиньин, И. А.* Столичные кладбища: Новодевичий монастырь / Свиньин // Там же. — 1888. — 12 сент., № 1260. — С. 1.

716. *Сергеев, С. М.* «Творческий традиционализм» как направление русской общественной мысли 1880—1890-х гг. / С. М. Сергеев // Российский консерватизм в литературе и общественной мысли XIX века / ИМЛИ ; отв. ред. К. А. Кокшенева. — М.: ИМЛИ, 2003. — С. 35—60.

717. *Серио, П.* К. С. Аксаков: лингвист-славянофил или гегельянец? / П. Серио // Вопросы языкознания. — 2005. — № 1. — С. 31—42.

718. *Сидяков, Ю. Л.* Лесков в борьбе с церковной реакцией / Ю. Л. Сидяков // Литература и публицистика : проблемы взаимодействия : тр. по рус. и славян. филологии. — Тарту, 1986. — С. 38—49. — (Учен. зап. Тарт. гос. ун-та ; вып. 683).

719. *Сильнова, Е. И.* Идея соборности и проблема социальной интеграции в учении славянофилов / Е. И. Сильнова // Философия и общество. — 2006. — № 4. — С. 112—124.

720. *Симонова, И. А.* Федор Чижов / И. А. Симонова. — М.: Мол. гвардия, 2002. — 335 с.

721. *Сковронская, М. С.* За четверть века : (из воспоминаний) / М. С. Сковронская // Наблюдатель. — 1897. — Янв. — С. 201—227; Февр. — С. 221—239.

722. *Сковронская, М. С.* Страдания, мучения и гражданская смерть / М. Сковронская // Друг женщин. — 1883. — Янв. — С. 20—54.

723. Славянофильство : pro et contra : **творчество и деятельность славянофилов в оценке русских мыслителей и исследователей :** антология / сост., вступ. ст., примеч. В. А. Фатеева. — СПб.: изд-во РХГА, 2006 (2-е изд.: 2009). — 1064 с.

724. *Сладкевич, Н. Г.* Славянофильская критика 40—50-х годов / Н. Г. Сладкевич // История русской критики : в 2 т. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. — Т. I. — Гл. IX. — С. 326—346.

725. Слинько, А. А. Литература и публицистика : очерки рус. гуманитар. мысли / А. А. Слинько ; Воронеж. межрегион. ин-т обществ. наук, Воронеж. гос. ун-т. — Воронеж: Воронеж. МИОН, 2001. — 174 с.

726. Слово о Коломне : книга-альбом / ред.-сост. Г. Матвеева, Г. Горчакова. — Коломна, [2007]. — 147 с. <О Г.-П. — с. 91>.

727. *Смирнов, Н. А.* Лев Толстой — редактор журнала «Ясная Поляна» / Н. А. Смирнов. — Тула: Приок. кн. изд-во, 1972. — 88 с.

728. *Смирнов, П. А., прот*. Никита Петрович Гиляров : сказано пред панихидою, совершенною по просьбе его друзей и почитателей в СПб. Казанском соборе / прот. П. А. Смирнов // Сочинения протоиерея Петра Смирнова, настоятеля С.-Петербургского Исаакиевского кафедрального собора. — СПб.: типолит. М. П. Фроловой, 1897. — Вып. II. — С. 259—261.

729. *Смирнов-Платонов, Гр. П., прот.* Curriculum vitae: из области воспоминаний и мечтаний / прот. Гр. П. Смирнов-Платонов // *Смирнов-Платонов Гр. П., прот.* «Детская помощь»: к читателям и сотрудникам. — М.: тип. Л. Ф. Снегирева, 1885. — С. 19—50. <О Г.-П. — с. 19, 39—40.>

730. *Смолич, И. К.* История Русской церкви, 1700—1917 / И. К. Смолич. — М.: Крутиц. патриаршее подворье; Paris: Bibliotheque slave de Paris, 1996. — Ч. 1. — 799 с.; Ч. 2. — 800 с. <О Г.-П. — ч. 1: с. 369, 436, 439, 441, 523, 556, 561, 579, 594; ч. 2: с. 153, 413, 414, 425, 429.>

731. *Соболевский, В. М.* Н. П. Гиляров-Платонов : (некролог) / [В. М. Соболевский] // Русские ведомости. — 1887. — 15 окт., № 284. — С. 2.

732. Собрание описаний картины Карла Брюллова «Последний день Помпеи». — СПб.: Печатано в тип. Х. Гинце, 1833. — 63 с.

733. *Соколов, Н. М.* А. С. Хомяков и Н. Я. Данилевский / Н. М. Соколов // Русский вестник. — 1904. — Т. 292, июль. — С. 137—193.

734. *Соколова, Т. Ю.* Письма Н. П. Гилярова-Платонова к М. П. Погодину / Т. Ю. Соколова // Возвращение Н. П. Гилярова-Платонова : сб. ст. и материалов / КГПИ. — Коломна, 2007. — С. 200—203.

735. *Соловьев, А.* Государев Печатный Двор и Синодальная Типография в Москве: ист. справка / справщик А. Соловьев. — М.: Синодал. тип., 1903. — 104 с. <О Г.-П. — с. 91—94>.

736. *Соловьев, Вл. С.* «Неподвижно лишь солнце любви…» : стихотворения, проза, письма, воспоминания современников / Вл. Солоавьев. — М.: Моск. рабочий, 1990. — 444 с.

737. *Соловьев, Вл. С.* Письма : в 4 т. / Вл. С. Соловьев ; под ред. и с предисл. Э. Л. Радлова. — СПб. (Пг.), 1908—1923.

738. *Соловьев, Вл. С.* Собр. соч. : в 10 т. / Вл. С. Соловьев ; под ред. и с примеч. С. М. Соловьева, Э. Л. Радлова. — 2-е изд. — СПб., 1911—1914.

739. *Соловьев, Вл. С.* Вопрос о «самочинном умствовании» / Вл. Соловьев // Вестник Европы. — 1892. — Т. 158, кн. 12. — С. 866—867.

740. *Соловьев, Вл. С.* Любовь к народу и русский народный идеал : (открытое письмо к И. С. Аксакову) / Вл. Соловьев // Православное обозрение. — 1884. — Т. 1, апр. — С. 792—812.

741. *Соловьев, Вл. С.* Славянофильство и его вырождение / Вл. С. Соловьев // *Соловьев Вл. С.* Национальный вопрос в России: в 2 вып. — 3-е изд. — СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1891. — Вып. 2. — С. 30—121.

742. *Соловьев, Вл. С.* Переписка Владимира Сергеевича Соловьева с Иваном Сергеевичем Аксаковым / Вл. С. Соловьев, И. С. Аксаков // Русская мысль. — 1913. — Кн. 12. — С. 73—90.

743. *Соловьев, Е. А.* Аксаковы : их жизнь и литературная деятельность: биогр. очерк / В. Д. Смирнов. — СПб.: тип. т-ва «Обществ. польза», 1895. — 87 с.

744. *Соловьев, С. М.* Избранные труды. Записки / С. М. Соловьев ; подгот. А. А. Левандовский, Н. И. Цимбаев. — М.: изд-во МГУ, 1983. — 438 с.

745. *Сонина, Е. С.* Журналист-глупец в русской дореволюционной карикатуре / Е. С. Сонина // Печать и слово Санкт-Петербурга : (Петербургские чтения-2012) : сб. науч. тр. : в 2 ч. СПб., 2013. — Ч. 1: Книжное дело. Культурология. — С. 77—83. <О Г.-П. — с. 80—81.>

746. *Сохряков, Ю. И.* Национальная идея в отечественной публицистике XIX — начала XX вв. / Ю. И. Сохряков. — М.: ИМЛИ, 2000. — 256 с.

747. *Спиридонов, В. С.* Л. Н. Толстой-педагог на суде цензуры и критики шестидесятых годов / В. С. Спиридонов // Ученые записки / Ленингр. гос. пед. ин-т им. М. Н. Покровского. — Л., 1940. — Т. IV: Фак. яз. и лит. — Вып. 2. — С. 93—119.

748. *Старикова, Е. В.* Литературно-публицистическая деятельность славянофилов / Е. В. Старикова // Литературные взгляды и творчество славянофилов. — М.: Наука, 1978. — С. 67—167.

749. *Стенник, Ю. В.* Ломоносов и Карамзин в оценке К. С. Аксакова : (к вопросу об истоках славянофильского движения) / Ю. В. Стенник // От Карамзина до Чехова: к 45-летию науч.-педагог. деятельности Ф. З. Кануновой. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992. — С. 24—32.

750. *Стенник, Ю. В.* О национальных истоках славянофильства / Ю. В. Стенник // Москва. — 1990. — № 11. — С. 189—198.

751. *Степун, Ф. А.* Прошлое и будущее славянофильства / Ф. А. Степпун // Северные записки. — 1913. — Нояб. — С. 121—137.

752. Стихи духовные / сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Ф. М. Селиванова. — М.: Сов. Россия, 1991. — 334 с.

753. *Страда, В.* Западничество и славянофильство в обратной перспективе / В. Страда // Вопросы философии. — 1993. — № 7. — С. 57—63.

754. *Струве, П. Б.* Аксаков и Аксаковы: к столетию со дня рождения Ивана Сергеевича Аксакова (род. 26.IX.1823—27.I.1886) / П. Б. Струве // *Струве П. Б.* Скорее за дело. — М.: Правда, 1991. — С. 28—32.

755. *Субботин Н. И.* История одной полемической статьи : <о «Библиографической заметке» (1859) Н. П. Гилярова-Платонова, направленной против А. Н. Муравьева, митр. Филарета (Дроздова) и корпорации Московской духовной академии, и неопубликованном опровержении В. Д. Кудрявцева, с публ. фрагмента из Дневника А. В. Горского> / Н. И. Субботин // Московские ведомости. — 1899. — 15 сент., № 254. — С. 4; 16 сент., № 255. — С. 4; 17 сент., № 256. — С. 4.

756. *Суворин, А. С.* Гиляров-Платонов: некролог / [А. С. Суворин] // Новое время. — 1887. — 15 окт., № 4177. — С. 1.

757. *Суворин, А. С.* Дневник Алексея Сергеевича Суворина / А. С. Суворин ; текстологич. расшифровка Н. А. Роскиной, подгот. текста Д. Рейфилда и О. Е. Макаровой. — 2-е изд., испр. и доп. — *London*: The Garnett press; *М.*: Независимая газета, 2000. — XL, 667 с.

758. *Сын Св. Церкви*. Юродивые, по пониманию «Современных известий» / Сын Св. Церкви // Благовест. — 1886. — № 9, 15 мая. — С. 12.

759. *Сытин, И. Д.* Жизнь для книги / И. Д. Сытин. — М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1960. — 280 с. <О Г.-П. — с. 107.>

760. *Тарасов А.* Н. П. Гиляров-Платонов как экономист / проф. А. Тарасов // Русское дело. — 1890. — 18 февр., № 5. — С. 8—9.

761. *Тарасов, Б. Н.* Революционный силлогизм и тысячелетняя история : (о некоторых уроках полемики западников и славянофилов) / Б. Н. Тарасов // Златоуст. — 1992. — № 1. — С. 293—305.

762. *Тареев, М. М.* Основы христианства / М. М. Тареев. — 2-е изд. — Сергиев Посад: тип. Св.-Троиц. Сергиевой лавры, 1908. — Т. IV : Христианская свобода: система религиозной мысли. — 424 с.

763. *Татищев, С. С.* <Рец. на кн.:> Из пережитого. Автобиографические воспоминания Н. Гилярова-Платонова. В двух частях. Москва. 1887 / С. Т—в // Исторический вестник. — 1887. — Т. 29, авг. — С. 648—674.

764. *Таубе, М. Ф.* Познаниеведение по любомудрию соборного восточного просвещения славянофилов / М. Ф. Таубе. — СПб.: тип. М. И. Акинфиева, 1912. — 88 с.

765. *Тахо-Годи, Е. А.* А. Ф. Лосев в историческом пространстве между «Вехами» и «Из глубины» : (о прозе Лосева и о трех забытых публикациях 1918 года в газете «Жизнь») / Е. А. Тахо-Годи // *Тахо-Годи Е. А.* Великие и безвестные : очерки по рус. литературе и культуре XIX—XX вв. — СПб.: Нестор-История, 2008. — С. 443—492. <О Г.-П. — с. 481, 483.>

766. *Твардовская, В. А.* Идеология пореформенного самодержавия : (М. Н. Катков и его издания) / В. А. Твардовская. — М.: Наука, 1978. — 279 с.

767. *Тесля, А. А.* <Разумевающие верой: Переписка Н. П. Гилярова-Платонова и К. П. Победоносцева (1860—1887); Прил.: *Н. П. Гиляров-Платонов.* Нечто о Русской церкви в обер-прокурорство К. П. Победоносцева / вступ. ст., сост., подгот. текстов и коммент. А. П. Дмитриева. СПб., 2011> / А. А. Тесля // Вестник Российского гуманит. науч. фонда. — 2012. — № 1 (66). — С. 285—289. — (Мир книги РГНФ).

768. *Тихомиров, Б. Н.* Религиозные аспекты творчества Ф. М. Достоевского проблемы интерпретации, комментирования, текстологии: автореф. дис. … д-ра филол. наук / Б. Н. Тихомиров. — Петрозаводск; Петрозавод. гос. ун-т, 2006. — 42 с.

769. *Тихомиров, Б. Н.* «…Я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком»: Статьи и эссе о Достоевском / Б. Тихомиров. — СПб.: Серебр. век, 2012. — 500 с. — (Б-ка альманаха «Достоевский и мировая культура»).

770. *Тихон Задонский, свт*. Творения иже во Святых Отца нашего Тихона Задонского / свт. Тихон Задонский. — 4-е изд. — М.: в Синодал. тип., 1875. — Т. I—V.

771. *Толстой, К. К.* Все о том же : (по поводу статей гг. Данилевского и Гилярова-Платонова о нигилизме) / К. К. Толстой // Русское дело. — 1887. — 25 апр., № 4. — С. 2—4.

772. *Толстой, К. К.* Из неизданных писем Н. П. Гилярова-Платонова : <с публ. письма Г.-П. от 5 марта 1885 г. и сопроводит. письмом К. К. Толстого в редакцию> / / К. К. Толстой ; <предисл. С. Ф. Шарапова> // Там же. — 1887. — 5 дек., № 19. — С. 11—12.

773. *Толстой, Л. Н.* Полн. собр. соч.: в 90 т. / Л. Н. Толстой. — М.; Л.: Гослитиздат, 1928—1958.

774. *Троицкая, М. Г.* Гиляров-Платонов Никита Петрович : философ, публицист, издатель, писатель / М. Г. Троицкая // Политика. Власть. Право: <межвуз. сб. науч. ст.> / М. Г. Троицкая ; Коломен. гос. пед. ин-т, С.-Петерб. юрид. ин-т. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. юридич. ин-та, 2005. — Вып. 9. — С. 129—142.

775. *Троицкий, В. А.* С. Хомяков и древнецерковные полемисты / В. А. Троицкий // Вера и разум. — 1911. — Т. 3, № 18. — С. 731—744.

776. *Троицкий, Н. И.* С. Богучарово: родина Ал. Ст. Хомякова: ист.-археол. записка / Н. И. Троицкий. — Тула: тип. Н. К. Конышевой, 1914. — 26 с.

777. *Трубецкая, О. Н.* Материалы для биографии кн. В. А. Черкасского / кн. О. Трубецкая. — М.: тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1901—1904. — Т. 1, кн. 1, ч. 1—2. — XII, 332, 174; Кн. 2, ч. 3—4. — XVI, 444, 135 с.

778. *Трубецкой, С. Н.* Письмо С. Н. Трубецкого о славянофильстве / С. Н. Трубецкой // Вопросы философии. — 1996. — № 1. — С. 148—150.

779. *Туниманов, В. А.* «Былое и думы» и русская автобиографическая проза / В. А. Туниманов // Вопросы литературы. — 1987. — № 3. — С. 145—170.

780. *Тургенев, И. С.* <Письмо> Н. П. Гилярову-Платонову, 7 (19) марта 1879. Москва: <о некорректной публ. в «Современных известиях» (7 марта. № 65) речи Тургенева на обеде в ресторане «Эрмитаж» 6 марта; испр.: Современные известия. 1879. 8 марта. № 66. С. 2> / И. С. Тургенев // Полн. собр. соч. : в 28 т. Письма : в 13 т. — Л.: Наука, 1967. — Т. 12, кн. 2. — С. 44, 426.

781. *Тургенев, И. С.* Семейство Аксаковых и славянофилы / И. С. Тургенев ; публ. Н. П. Генераловой, А. Я. Звягильского, В. А. Кошелева // Русская литература. — 1995. — № 4. — С. 146—156.

782. *Тютчев, Ф. И.* Полн. собр. соч. и писем : в 6 т. / Ф. И. Тютчев. — М.: Изд. центр «Классика», 2002—2004.

783. *Тютчева, А. Ф.* Воспоминания : при дворе двух императоров; Дневник / А. Ф. Тютчева ; пер. с фр., вступл., указ. Л. В. Гладковой. — Новое, значит. расшир. изд. — М.: Захаров, 2016. — 592 с. <О Г.-П.—с. 501, 525, 526, 529.>

784. У Троицы в Академии, 1814—1914 гг. : юбилейный сб. исторических материалов. — М.: изд. бывш. воспитанников Моск. духов. академии, 1914. — XII, 772 с. <О Г.-П. — с. 16, 125, 155, 156, 198, 206, 221—223, 232, 253, 277, 278, 524, 604—605, 701.>

785. *Уманец, С. И.* Кое-что из воспоминаний о Никите Петровиче Гилярове-Платонове / С. У. // Русское обозрение. — 1897. — Т. 47, окт. — С. 854—859.

786. *Уманец, С. И.* Мозаика: (из старых записных книжек). Гл. VI / С. У. // Исторический вестник. — 1912. — Т. 130, дек. — С. 1053—1066. <О Г.-П. — с. 1057—1061.>

787. *Урусов, Г. Г.* <Некролог Н. П. Гилярову-Платонову> / Г. Г. Урусов // Современные известия. — 1887. — 20 окт., № 287. — С. 2.

788. *Успенский, Г. И.* Праздник Пушкина: (письма из Москвы — июнь 1880) / Г. И. Успенский // Полн. собр. соч.: в 14 т. / ИРЛИ РАН. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. — Т. VI. — С. 407—430. <О Г.-П. — с. 407—408.>

789. *Фатеев, В. А.* Гиляров-Платонов Никита Петрович / В. А. Фатеев // Православная энциклопедия. — М.: церк.-науч. центр «Правосл. энциклопедия», 2006. — Т. XI. — С. 479—480.

790. *Федоров, Д.* Н. П. Гиляров-Платонов как профессор Московской духовной академии / свящ. Д. Федоров // Возвращение Н. П. Гилярова-Платонова : сб. ст. и материалов / КГПИ. — Коломна, 2007. — С. 11—15.

791. *Федоров, Д.* «Русская идея» в отечественной философии 1-й половины XIX века: религиозное западничество и славянофильство / Д. Федоров, Е. Шабшаевис // Философия, эстетика, культурология : статьи, заметки, документы. — М.: МГУ, 1995. — Вып. 1. — С. 4—17.

792. *Федоров, Н. Ф.* О славянофилах-фарисеях и западниках-саддукеях; Неопределенность мыслей славянофилов об единении / Н. Ф. Федоров // Собр. соч.: в 4 т. — М.: изд. группа «Прогресс», 1995. — Т. 2. — С. 192—193.

793. *Федорук, О.* <Рец. на кн.:> *Дмитриев А. П.* Н. П. Гиляров-Платонов и русская литература 1850—1880-х годов / ИРЛИ РАН ; отв. ред. Б. Ф. Егоров. — СПб.: Родник, 2018. — 912 с.: ил. — (Славянофильский архив; Кн. 6) / Олесь Федорук // Критика. — [Киев], 2018. — № 7/8. — С. 29.

794. *Федотова, И. А.* Богословское наследие А. С. Хомякова и православная академическая мысль второй половины XIX в. / И. А. Федотова // Вече : альм. рус. философии и культуры. — СПб.: СПБГУ, 1997. — Вып. 8. — С. 62—72.

795. *Федотова, М. А.* Из истории газеты «Современные известия» / М. А. Федотова // Вопросы отечественной истории : межвуз. сб. науч. работ мол. ученых. — М.: МГОПУ, 2000. — Вып. 3. — С. 94—107.

796. *Федотова, М. А.* К характеристике общественно-политических взглядов Н. П. Гилярова-Платонова / М. А. Федотова // Там же. — М.: МГОПУ, 1998. — Вып. 1. — С. 93—101.

797. *Федотова, М. А.* Критерии толерантности в научной и преподавательской деятельности Н. П. Гилярова-Платонова / М. А. Федотова // Там же. — М.: МГОПУ, 2004. — Вып. 7. — С. 180—190.

798. *Федотова, М. А.* Новый тип цензурного чиновника: <о Н. П. Гилярове-Платонове> / М. А. Федотова // Там же. — М.: МГОПУ, 1999. — Вып. 2. — С. 67—83.

799. *Федотова, М. А.* Общественно-политические взгляды и деятельность Н. П. Гилярова-Платонова (1824—1887) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / М. А. Федотова ; МГОПУ. — М., 2004. — 30 с.

800. *Федотова, М. А.* Россия и мир в освещении московской газеты «Современные известия» (вторая половина XIX в.) / М. А. Федотова // Вопросы отечественной истории: межвуз. сб. науч. работ мол. ученых. — М.: МГОПУ, 2002. — Вып. 5. — С. 137—151.

801. *Федотова, М. А.* Цензурный вопрос в газете Н. П. Гилярова-Платонова «Современные известия» / М. А. Федотова // Там же. — М.: МГОПУ, 2001. — Вып. 4. — С. 135—146.

802. *Фельдман, Д. М.* Страницы истории евреев России XVIII—XIX веков: опыт архивного исследования / Д. М. Фельдман. — М.: Древлехранилище, 2005. — 426 с. <О Г.-П. — с. 20, 21, 103, 146, 357.>

803. *Феоктистов, Е. М.* За кулисами политики и литературы, 1848—1896 : воспоминания / Е. М. Феоктистов. — М.: Новости, 1991. — 464 с. <О Г.-П. — с. 419.>

804. *Феофан (Говоров, Г. В.).* «Всех вам благ от Господа желаю»: неизвестные письма святителя Феофана к ректору Московской духовной академии протоиерею А. В. Горскому / епископ Феофан ; вступ. ст., публ. и коммент. А. П. Дмитриева // Православное книжное обозрение. — 2011. — № 2 (004). — С. 32—40.

805. *Фетисенко, О. Л.* «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики : (идеи русского консерватизма в литературно-художественных и публицистических практиках второй половины XIX — первой четверти XX века) / О. Л. Фетисенко ; ИРЛИ РАН. — СПб.: Пушкинский Дом, 2012. — 784 с. <О Г.-П. — см. указ.>

806. *Фетисенко, О. Л.* Иван Аксаков и «фанатики-фанариоты». II. И. Аксаков и К. Леонтьев. Цензорский доклад К. Леонтьева о сборнике «Взгляд назад» // Русская литература. — 2006. — № 2. — С. 146—160.

807. *Фетисенко, О. Л.* Н. П. Гиляров-Платонов, Т. И. Филиппов и К. Н. Леонтьев в их жизненных и литературных взаимоотношениях / О. Л. Фетисенко //

Возвращение Н. П. Гилярова-Платонова : сб. ст. и материалов / КГПИ. — Коломна, 2007. — С. 98—118.

808. *Фетисенко, О. Л.* Реконструкция одного спора : К. Леонтьев и И. Аксаков о митрополите Филарете / О. Л. Фетисенко // Филаретовский альманах / Правосл. Св.-Тихон. гуманитар. ун-т. — М., 2008. — Вып. 4. — С. 184—203.

809. *Фетисенко, О. Л.* «…Сколько русских лиц там было списано почти с натуры» : (утраченная романная эпопея К. Н. Леонтьева «Река времен» и воспоминания Н. П. Гилярова-Платонова «Из пережитого») / О. Л. Фетисенко // Никита Петрович Гиляров-Платонов: исследования, материалы, библиография, рецензии / ИРЛИ РАН; под общ. ред. А. П. Дмитриева. — СПб.: Росток, 2013. — С. 131—141.

810. *Фетисенко, О. Л.* К. Леонтьев и Ив. Аксаков о двух типах христианства / О. Л. Фетисенко // Русская литература. — 2008. — № 3. — С. 129—140.

811. *Филарет (Дроздов, В. М.).* Донесение Московского митрополита Филарета Св. Синоду по вопросу о надписях и рисунках на антиминсах <от 23 октября 1863 г.; в ответ на заявление Н. П. Гилярова-Платонова от 17 октября 1863 г.> / митрополит Филарет // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. — 1881. — Февр. — Отд. III. — С. 1—5. — (Материалы для истории рус. истории).

812. *Филарет (Дроздов, В. М.*. Письма митрополита Московского Филарета к наместнику Свято-Троицкия Сергиевы Лавры архимандриту Антонию, 1831—1867 гг. / митрополит Филарет. — М.: тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1883. — Ч. II. — XVIII, 510 с. <О Г.-П. — с. 366>.

813. *Филарет (Дроздов, В. М.), митр.* Письма Филарета, митрополита Московского и Коломенского, к высочайшим особам и разным другим лицам / собр. и изд. Саввой, архиеп. Тверским и Кашинским / митрополит Филарет. — Тверь: тип. Губерн. правл., 1888. — Ч. I. — [4], IV, [2], 207; Ч. II. — 342 с. <О Г.-П. — ч. I, с. 177; ч. II, с. 28, 29.>

814. *Филатова, Е.* Культурные богатства края : о научной конференции «Литературное и лингвистическое краеведение» / Е. Филатова // Коломенская правда. — 1988. — 16 апр. — С. 2.

815. Философы России XIX—XX столетий : биографии, идеи, труды / гл. ред. П. В. Алексеев. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: АО «Книга и бизнес», 1995. — 751с. <О Г.-П. — с. 138.>

816. *Флоренский, П. А.* Соч.: в 4 т. / П. А. Флоренский. — М.: Мысль, 1996. — Т. 2. — 879 с. <О Г.-П. — с. 315, 316.>

817. *Флоренский, П. А.* Детям моим: воспоминанья прошлых дней, генеалогические исследования, из Соловецких писем, завещание / священник П. А. Флоренский. — М.: Моск. рабочий, 1992. — 559 с. <О Г.-П. — с. 331.>

818. *Флоренский, П. А.* Около Хомякова : (крит. заметки) / священник П. А. Флоренский. — Сергиев Посад: тип. Св.-Троиц. Сергиевой лавры, 1916. — 79 с.

819. *Флоренский, П. А.* Церковь и богословие: предисл. к публ. отрывка из письма Н. П. Гилярова-Платонова к ректору Астраханской семинарии архимандриту Вениамину / священник П. А. Флоренский // Соч.: в 4 т. — М.: Мысль, 1996. — Т. 2. — С. 699—700.

820. *Флоровский, Г. В., прот.* Вечное и преходящее в учении русских славянофилов / протоиерей Г. В. Флоровский // Начала. — 1916. — Май. — С. 176—188.

821. *Флоровский, Г. В., прот.* Пути русского богословия / протоиерей Г. В. Флоровский. — 3-е изд. — Paris: YMCA-Press, 1983. — 600 с.

822. *Фодор, Е.* Староверы и русская литература : (П. И. Мельников-Печерский, Н. С. Лесков) / Е. Фодор // Romanoslavica. — 1994. — [Vol.] 31. — С. 81—88.

823. *Францев, В. А.* Славянофилството на И. С. Аксаков / Вл. А. Францев. — София: издава Славянското д-*во* България, 1926. — 80 с.

824. *Фриз, Г.* Н. П. Гиляров-Платонов: взгляд на духовенство и духовное образование / Г. Фриз // *Gilyrov-Platonov N. P.* Iz perezhitago: Avtobiogr. vospominaniya: 2 parts. — Newtonville (Mass.), 1977. — С. 3—8.

825. *Фролов, А. А.* Историософия славянофильства: А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, К. С. Аксаков / А. А. Фролов // История философии. — 2002. — № 9. — С. 23—42.

826. *Фурсова, Е. Б.* И. С. Аксаков : апология народности и самодержавия / Е. Б. Фурсова ; МГУ. — М.: Соц.-полит. мысль, 2006. — 243 с.

827. *Хевролина, В. М.* Болгарский вопрос в российской общественной мысли 80-х годов XIX века : (И. С. Аксаков, М. Н. Катков, С. С. Татищев) / В. М. Хевролина // Славяноведение. — 1998. — № 2. — С. 3—15.

828. *Хевролина, В. М.* Идея славянского единства во внешнеполитических представлениях поздних славянофилов (конец 70 — середина 90-х гг. XIX в.) / В. М. Хевролина // Славянский вопрос: вехи истории. — М.: Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1997. — С. 90—106.

829. *Хомаков, А. С.* Алексей Степанович Хомяков в воспоминаниях современников / сост., вступ. статья и коммент. В. А. Кошелева и А. В. Кошелева. — Тула: Пересвет, 2004. — 351 с.

830. *Хомяков, А. С.* Редакционные статьи <«Русской беседы»> / А. С. Хомяков, И. С. Аксаков ; публ. и коммент. А. П. Дмитриева // «Русская беседа» : история славянофильского журнала : исследования, материалы, постатейная роспись / ИРЛИ РАН ; Гос. музей-заповедник «Абрамцево». — СПб.: Пушкинский Дом, 2010. — С. 255—277.

831. *Хомяков, А. С.* Полн. собр. соч. / А. С. Хомяков. — 3-е изд. — М.: Унив. тип., 1986—1906. — Т. I—VIII.

832. *Хомяков, Д. А.* О замечаниях А. В. Горского на богословские сочинения А. С. Хомякова / Д. Х. — М.: И. Н. Кушнерев и К°, 1902. — 40 с.

833. *Хомяков, Д. А.* Н. П. Гиляров о Пушкине: (по поводу отзыва «Московских ведомостей» <«Все ли вокруг нас темнеет?», без подписи>) / Д. Х. // Русский архив. — 1900. — Кн. III, вып. 12. — С. 640—642.

834. Хоружий, С. С. Хомяков и принцип соборности / С. С. Хоружий // Здесь и теперь. — 1992. — № 2. — С. 68—85.

835. *Хоружий, С. С.* Философский процесс в России как встреча философии и православия / С. С. Хоружий // Вопросы философии. — 1991. — № 5. — С. 26—29.

836. *Царьков, И. И.* Власть и право в социологической концепции славянофилов / И. И. Царьков // Право и жизнь. — 2002. — № 46 (3). — С. 416—432.

837. Цензура в России в конце XIX — начале XX века: сб. воспоминаний / РНБ; сост., вступ. ст., примеч. и указатели Н. Г. Патрушевой. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. — 368 с. <О Г.-П. — с. 28, 38, 45, 320.>

838. *Цимбаев, Н. И.* Газета «Молва» 1857 года: (из истории славянофильской периодики) / Н. И. Цимбаев // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9: История. — 1984. — № 6. — С. 14—24.

839. *Цимбаев, Н. И.* Записка К. С. Аксакова «О внутреннем состоянии России» и ее место в идеологии славянофильства / Н. И. Цимбаев // Там же. — 1972. — № 2. — С. 47—60.

840. *Цимбаев, Н. И.* И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России / Н. И. Цимбаев. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. — 264 с. <О Г.-П. — с. 11, 13, 73, 74, 87, 139.>

841. *Цимбаев, Н. И.* Славянофильство: из истории русской общественно-политической мысли XIX века / Н. И. Цимбаев. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. — 271 с. <О Г.-П. — с. 78, 81, 94, 98, 219, 253.>

842. *Чернуха, В. А.* Правительственная политика в отношении печати, 60—70-е годы XIX века / В. А. Чернуха. — Л.: Наука, 1989. — 207 с.

843. *Чернышевский, Н. Г.* Заметки о журналах : сентябрь 1856 года / Н. Г. Чернышевский // Полн. собр. соч. : в 15 т. — М.: Гослитиздат, 1947. — Т. III. — С. 698—708. <О рец. Г.-П. на «Семейную хронику» С. Т. Аксакова — с. 699.>

844. *Чижевский, Д. И.* Гегель в России / Д. И. Чижевский. — СПб.: Наука, 2007. — 410 с. — (Слово о сущем ; т. 68).

845. *Чубарова, В. Н.* Быт и бытие в системе философско-литературных суждений «старших» славянофилов / В. Н. Чубарова // Русское литературоведение в новом тысячелетии : материалы II Междунар. конф. Москва, апр. 2003 г. — М.: Таганка, 2003. — Вып. 2. — С. 390—394.

846. *Чуйко, В. В.* Старое и новое славянофильство / В. В. Чуйко // Наблюдатель. — 1890. — № 1. — С. 90—107; № 2. — С. 162—181.

847. *Чулков, Г. И.* Тютчев и Аксаков в борьбе с цензурою / Г. И. Чулков // Мурановский сборник. — Мураново: Музей им. поэта Ф. И. Тютчева, 1928. — Вып. 1. — С. 7—29.

848. *Шапошников, Л. Е.* А. С. Хомяков : человек и мыслитель / Л. Е. Шаповалов ; Нижегор. гос. пед. ун-т. — Н. Новгород, 2004. — 180 с.

849. *Шарапов, С. Ф.* Москва, 15 октября : <о союзе с Турцией : из передовых статей Н. П. Гилярова-Платонова; статья г. Рцы: Гиляров и Хомяков> / [С. Ф. Шарапов] // Русское дело. — 1888. — 15 окт., № 42. — С. 1—3.

850. *Шарапов, С. Ф.* Москва, 24 октября : <поминальная статья о Н. П. Гилярове-Платонове> / [С. Ф. Шарапов] // Там же. — 1887. — 17—24 окт., № 12/13. — С. 1.

851. *Шарапов, С. Ф.* † Н. П. Гиляров-Платонов : (к десятилетию со дня его кончины) / [С. Ф. Шарапов] // Там же. — 1897. — 11 окт., № 41. — С. 1.

852. *Шарапов, С. Ф.* Ко дню памяти Н. П. Гилярова-Платонова / [С. Ф. Шарапов] // Там же. — 1888. — 9 апр., № 15. — С. 1.

853. *Шарапов, С. Ф.* Памяти Н. П. Гилярова-Платонова : (речь С. Ф. Шарапова, произнес. 11 мая 1894 г. в торжеств. собрании СПб. Славянского благотворит. о-ва) / С. Ф. Шарапов // Русский труд. — 1897. — 11 окт., № 41. — С. 5—9.

854. *Шарапов, С. Ф.* Пушкин как великий русский мыслитель / [С. Ф. Шарапов] // Там же. — 1899. — 22 мая, № 21. — С. 1—24. <О Г.-П. — с. 1, 15, 16>.

855. *Шаховской, Н. В.* Никита Петрович Гиляров-Платонов / кн. Н. В. Шаховской // *Гиляров-Платонов, Н. П.* Сборник сочинений: [В 2 т.]. — М.: Изд. К. П. Победоносцева, 1899. — Т. I. — С. III—LX; отд. отт. с подзагол.: Предисловие к первому тому Сборника его сочинений, издания К. П. Победоносцева. — М.: Синод. тип., 1899. — LX с.

856. *Шаховской, Н. В.* Н. П. Гиляров-Платонов и К. С. Аксаков : (по статьям и письмам Гилярова) / кн. Н. В. Шаховской // Русское обозрение. — 1895. — Т. 36, дек. — С. 509—545.

857. *Шаховской, Н. В.* Н. П. Гиляров-Платонов о евреях / кн. Н. В. Шаховской // Там же. — 1897. — Т. 43, янв. — С. 148—185.

858. *Шаховской, Н. В.* Никита Петрович Гиляров-Платонов о Прибалтийском вопросе : («Современные известия» 1885—1887 гг.) / кн. Н. В. Шаховской. — Ревель: тип. «Ревел. изв.», 1893. — 18 с.

859. *Шаховской, Н. В.* Никита Петрович Гиляров-Платонов : крат. публицист. очерк / кн. Н. В. Шаховской. — Ревель: тип. «Ревел. изв.», 1893. — 84 с.

860. *Шаховской, Н. В.* Памяти П. А. Кулиша / кн. Н. В. Шаховской // Русское обозрение. 1897. — Т. 44, март. — С. 192—227. <О Г.-П. — с. 192, 194—201, 203.>

861. *Шаховской, Н. В.* Годы службы Н. П. Гилярова-Платонова в Московском цензурном комитете / кн. Н. В. Шаховской // Там же. — 1897. — Т. 46, июль. — С. 131—172; Авг. — С. 712—771; Т. 47, окт. — С. 716—783; Т. 48, нояб. — С. 99—133; Дек. — С. 497—529; 1898. Т. 49, янв. — С. 98—132; Февр. — С. 644—657; Т. 50, март. — С. 52—69; Апр. — С. 526—539.

862. *Шаховской, Н. В.* Из приготовительных работ по биографии Гилярова / кн. Н. В. Шаховской // Русский архив. — 1893. — Кн. II, вып. 7. — С. 427—430; перепеч.: Вестник литературный, политический, научный и художественный, с афишами. — 1893. — 22 сент., № 2005. — С. 1—2.

863. *Шаховской, Н. В.* Н. П. Гиляров-Платонов как инициатор церковно-приходской школы / кн. Н. В. Шаховской // Русское обозрение. — 1896. — Т. 37, февр. — С. 572—589.

864. *Шаховской, Н. В.* Н. П. Гиляров-Платонов об «Истории русской церкви» преосв. Макария / кн. Н. В. Шаховской // Там же. — 1897. — Т. 44, апр. — С. 591—619.

865. *Шаховской, Н. В.* Обстоятельства оставления Н. П. Гиляровым-Платоновым службы в Московской духовной академии / Кн. Н. В. Ш. // Там же. — 1895. — Т. 34, авг. — С. 542—561.

866. *Шаховской, Н. В.* Определение Н. П. Гилярова-Платонова на светскую службу / Кн. Н. В. Ш. // Там же. — 1895. — Т. 35, сент. — С. 110—116.

867. *Шаховской, Н. В.* Н. П. Гиляров-Платонов и А. С. Хомяков: (по сочинениям и письмам Гилярова) / Кн. Н. В. Ш.// Там же. — 1895. — Т. 36, нояб. — С. 14—32.

868. *Шелкова, И. А.* Лингвистические труды Н. П. Гилярова-Платонова / И. А. Шелкова // Возвращение Н. П. Гилярова-Платонова : сб. ст. и материалов / КГПИ. — Коломна, 2007. — С. 73—78.

869. *Шенрок, В. И.* С. Т. Аксаков и его семья : (биогр. очерк) / В. И. Шенрок // Журнал Министерства народного просвещения. — 1904. — № 10. — С. 355—418; № 11. — С. 1—66; № 12. — С. 229—290; отд. изд.: СПб., 1905. — 192 с.

870. *Шепелев, Н. И.* Из истории храма Великомученика Никиты в Коломне / Н. И. Шепелев // Возвращение Н. П. Гилярова-Платонова : сб. ст. и материалов / КГПИ. — Коломна, 2007. — С. 403—413.

871. *Шмелева, А. В.* К. П. Победоносцев и русские славянофилы: (к вопросу о взаимоотношениях) / А. В. Шмелева // Христианские истоки русской литературы : сб. науч. тр. — М., 2001. — С. 203—211.

872. *Шохин, В. К.* Гиляров-Платонов Никита Петрович / В. К. Шохин // Русская философия: малый энцикл. словарь. — М.: Наука, 1995. — С. 127—129.

873. *Шубинский, Д. Н.* Нижний Новгород, 15 октября : памяти покойного Н. П. Гилярова-Платонова / Д. Н. Шубинский // Биржевые ведомости. — 1887. — 19 окт., № 268. — С. 1. — (Голоса купечества).

874. *Шульгин, В. Н.* Русские свободные консерваторы XIX века об Остзейском вопросе / В. Н. Шульгин. — СПб.: Нестор-История, 2009. — 157 с.

875. *Щеглов, Б.* Ранние славянофилы как религиозные мыслители и публицисты / Б. Щеглов. — Киев, 1917. — Ч. I: К вопросу о сущности учения А. С. Хомякова. — 136 с.

876. *Щербакова, М. И.* Продолжение идей славянофилов в переписке И. С. Аксакова и Н. Н. Страхова / М. И. Щербакова // А. С. Хомяков — мыслитель, поэт, публицист : сб. ст. по материалам междунар. науч. конф. : [в 2 т.]. — М.: Языки славян. культур, 2007. — Т. 1. — С. 321—327.

877. *Щукин, В. Г.* «Семейная разладица» или непримиримая распря? : западничество и славянофильство в культурологической перспективе / В. Г. Щукин // Вопросы философии. — 2003. — № 5. — С. 103—123.

878. *Элбакян, Е. С.* Славянофилы и религия : век минувший и век нынешний / Е. С. Элбакян // Кентавр. — 1994. — № 3. — С. 119—130.

879. Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат / под ред. проф. Ю. С. Гамбарова, проф. В. Я. Железнова и др. – 7-е изд. — М.: изд-во Т-ва «Бр. А. и И. Гранат и К». — 639 с. <О Г.-П. — с. 559, 560>.

880. *Эфрон, С. К.* Миссионеры и начетчики / С. К. Эфрон (Литвин). — М., 1908. — [2], 101 с.

881. *Эфрон, С. К. Воспоминания сотрудника газеты / С. К. Эфрон // Русский листок. — 1902. — 13 окт., № 281. — С. 1.*

882. *Юшко, А. Г.* За кулисами публицистики : (власти и «Московские ведомости» в 1887 г. по смерти М. Н. Каткова) / А. Г. Юшко // Никита Петрович Гиляров-Платонов : исследования, материалы, библиография, рецензии / ИРЛИ РАН ; под общ. ред. А. П. Дмитриева. — СПб.: Росток, 2013. — С. 153—181.

883. *Языков, Д. Д.* <О Н. П. Гилярове-Платонове> / Д. Д. Языков // *Языков Д. Д.* Обзор жизни и трудов покойных русских писателей. — М., 1892. — Вып. VII. — С. 19—22; М., 1900. — Вып. VIII. — С. 149; М., 1905. — Вып. IX. — С. 100; СПб., 1909. — Вып. XI. — С. 232.

884. *Янжул, И. И.* Ругательная литература 1886—87 гг.: Сергей Шарапов, Н. П. Гиляров-Петрович и Н. П. Ланин / И. И. Янжул // *Янжул И. И.* Из воспоминаний и переписки фабричного инспектора первого призыва : матерьялы для истории русского рабочего вопроса и фабричного законодательства. — СПб.: тип. АО Брокгауз-Ефрон, 1907. — С. 179—198. <О Г.-П. — с. 184—191.>

885. *Янковский, Ю. З.* Патриархально-дворянская утопия: страница рус. обществ.-лит. мысли 1840—1850-х годов / Ю. З. Янковский. — М.: Худож. лит., 1981. — 373 с.

886. *Янов, А. Л.* Славянофилы и внешняя политика России в XIX веке / А. Л. Янов // Полис. — 1998. — № 6. — С. 158—171.

887. *Ясюкевич, И. В.* Особенности русского духовного пения в понимании Н. П. Гилярова-Платонова / И. В. Ясюкевич // Никита Петрович Гиляров-Платонов : исследования, материалы, библиография, рецензии / ИРЛИ РАН ; под общ. ред. А. П. Дмитриева. — СПб.: Росток, 2013. — С. 142—146.

888. *Bajohr, S.* Общество in der sozialpolitischen Theorie von Jurij F. Samarin und Ivan S. Aksakov / S. Bajohr // Berliner Jahrbuch fur osteuropaische Geschichte: Deutsch-russische Beziehungen. — Berlin, 1995. — S. 173—186.

889. *Berner, K.* Individualität in Russland und Deutschland / K. Berner. — Hamburg; Berlin; London: Verlag Münster, 2003. — 148 S. <О Г.-П. — S. 81.>

890. *Christoff, P. K.* An Introduction to Nineteenth-Century Russian Slavophilism : a Study in Ideas / P. K. Christoff. — S-Gravenhage, 1961. — Vol. 1 : A. S. Khomjakov. — 302 p.; The Hague; Paris, 1972. — Vol. 2 : Iv. Kireevskij. — 406 p. — (Slavistic Printings and Reprintings ; 23).

891. *Engelstein, L.* Slavophile Empire: Imperial Russia's Illiberal Path / L. Engelstein. — Ithaca; London: Cornell univ. press, 2009. — XIII, 239 p.

892. *Gleason, A.* European and Muscovite: Ivan Kireevsky and the Origins of Slavophilism / A. Gleason. — Cambridge (Mass.), 1972. — X, 376 p. — (Russian Research Center Studies ; [vol.] 68).

893. *Gratieux, A.* A. S. Khomiakov et le mouvement slavophile / A. Gratieux. — Paris, 1939. — [Vol.] 1: Les hommes. — XXXIV, 203 p.; [Vol.] 2: Les doctrines. — VIII, 276 p. — (Unam Sanctam; 1—2).

894. *Gratieux, A.* Le mouvement slavophile a la veille de la Revolution : Dmitri A. Khomiakov: Suivi du traite d'Alexis Stepanovitch Khomiakov “L'Eglise est une” / A. Gratieux. — Paris, 1953. — 246 p. — (Unam Sanctam ; 25).

895. *Haluščynskyj, M.* Quaestiones fidei et ecclesiae <...> N. P. Giljarov-Platonov / M. Haluščynskyj // Časopis katolického duchovenstva. — 1910. — Slavorum 2. — Str. 77—78.

896. Jagiellońskie studia z filozofii rosyjskiej: Historia, religia, polityka, 16 : Niedokończona dyskusja : dziewiętnastowieczna polemika katolicko-prawosławna między Iwanem Gagarinem i Aleksym S. Chomiakowem / pod red. L. Augustyna i M. Kwaśnickiej ; tł. M. Kwaśnicka, J. Dobieszewski. — 2008. — 197 str.

897. A. S. Khomiakov : Poet, Philosopher, Theologian / ed. by Vl. Tsurikov. — Jordanville (N. Y.): Holy Trinity Seminary press, 2004. — 206 p.

898. *Klier, J. D.* Imperial Russia's Jewish Question, 1855—1881 / J. D. Klier. — Cambridge, 1995. — XXII, 460 p.

899. *Kohn, H.* Pan-Slavism: Its History and Ideology / H. Kohn. — New York, 1960. — 468 p.

900. *Lavrin, G.* Khomiakov and the Slavs / G. Lavrin // Russian Review. — Hannover, 1964. — Vol. 23, № 1. — P. 35—48.

901. *Lavrin, J.* Populists and Slavophiles / J. Lavrin // Ibid. — Oxford, 1962. — Vol. 21. — P. 307—317.

902. *Levitt, M. C.* The Pushkin Celebration of 1880 and the Politics of Literature in Russia / M. C. Levitt. — Columbia Univ., 1984. — 310 p. <О Г.-П. — p. 93, 94, 291.>

903. *Lukashevich, S.* Ivan Aksakov, 1823—1886 : a Study in Russian Thought and Politics / S. Lukashevich. — Cambridge (Mass.), 1965. — 191 p.

904. *Nemeth, Th.* Kant in Imperial Russia / Th. Nemeth ; New York University. N. Y.: Springer, 2017. — IX, 389 p. <О Г.-П. — p. 118—119.>

905. *Nemeth, Th.* The Early Solov'ëv and His Quest for Metaphysics / Th. Nemeth. — Dordrecht: Springer, 2015. — XXIV, 261 p. — (International Archives of the History of Ideas ; 212). <О Г.-П. — p. 19.>

906. *Riasanovsky, N. V.* Khomiacov on sobornost / N. V. Riasanovsky // Continuity & change in Russian and soviet thought. — Cambridge (Mass.), 1955. — P. 183—196.

907. *Riasanovsky, N. V.* Russia and the West in the Teaching of the Slavophiles : a Study of Romantic Ideology / N. V. Riasanovsky. — Cambridge (Mass.), 1952. — 249 p. — (Harvard Hist. Studies; Vol. 61).

908. *Sandor, K.* Pan-Slavism / K. Sandor ; ed. by Anne Fay Atzel. — Astor Park (Florida), 1981. — 109 p.

909. *Thaden, E. C.* Samarin's "Okrainy Rossii" and official policy in the Baltic provinces / E. C. Thaden // The Russian Review. — 1973. — Vol. 33, № 4 (October). — P. 405—415.

910. *Walicki, A.* The Slavophile Controversy : History of a Conservative Utopia in Nineteenth-Century Russian Thought / A. Walicki. — Oxford, 1975. — 618 p.

911. *Walicki, A.* W kręgu konserwatywnej utopii : struktura iprzemiany rosyjskiego słowianofilstwa / A. Walicki. — Warszawa, 2002. — 480 s.

912. *Wortman, R.* Koshelev, Samarin and Cherkassky and the fate of liberal slavophilism / R. Wortman // Slavic Review. — Wash., 1962. — Vol. 21, № 2. — P. 267—279.